

Это мрачная
восхитительная
история с сильным
привкусом
Мервина Пика
и нотками
Майкла Муркока.

The Guardian

ГОРОД МЕРТВОГО БОГА

— АЛЕКС ФЕБИ —

fanzon

Это мрачная
восхитительная
история с сильным
привкусом
Мервина Пика
и нотками
Майкла Муркока.
The Guardian

ГОРОД МЕРТВОГО БОГА

— АЛЕКС ФЕБИ —

fanzon

Annotation

Номинация на премию «Локус» как лучший фэнтези-роман года.

Номинация на Британскую премию фэнтези.

Номинация на премию Grand Prix de L'Imaginaire.

Номинация на премию Prix Jacques Chambon.

Номинация на Republic of Consciousness Prize.

Лучшее фэнтези года по версии Tor.com, The Guardian и Waterstones.

Сочетание прозы Чарльза Диккенса, фантазии Чайны Мьевиля и атмосферы «Горменгаста» Мервина Пика.

Бог мертв. Его труп спрятан в катакомбах под Мордью.

В трущобах города, разрушаемого морем, со своими родителями влечет жалкое существование мальчик по имени Натан Тривз. Но однажды отчаявшаяся мать продает его таинственному Господину Мордью, который незримо правит городом.

Господин получает свою магическую силу, питаясь останками бога. Однако у Натана, несмотря на его низкое происхождение и собственные страхи, тоже есть сила, которая превосходит все, что когда-либо знал или умел Господин. Сила достаточно велика, чтобы разрушить все, что он построил. Если только Натан узнает, как ее использовать.

И вот Господин начинает плести интриги, и Натану придется столкнуться с предательством, раскрыть древние тайны и свести личные счеты странных обитателей города, чтобы прийти к месту, где был убит бог и царит вековечная тьма.

«Притягательное сочетание диккенсовской социальной сатиры и жесткого фэнтези с элементами стимпанка. Написано с огоньком... Именно такую атмосферу создали бы Лавкрафт и Хогарт на мескалине». – The Spectator

«Прекрасно написано... Захватывающая, напряженная, насыщенная действиями книга». – Irish Times

«Странный и удивительный, мрачный и прекрасный роман... Это необычайно яркое произведение о создании мира». – Sunday Express

«Подумайте о “Больших надеждах” и “Горменгасте” с концовкой, которая намекает на интересное продолжение». – Literary Review

«Необыкновенно, экстравагантно и пугающе». – The Guardian

«Этот роман... О боже, этот роман. Он потрясающий!» – Interzone

«Книга обладает захватывающей идеей и является по-настоящему амбициозным фэнтези. Это не простое и не быстрое чтение, но стоит потратить время и приложить усилия, чтобы разобраться в его сложной природе». – Grimdark Magazine

«Это мрачная восхитительная история о восхождении мальчика к величию с сильным привкусом Мервина Пика и нотками Майкла Муркока». – The Guardian

«Будущее фэнтези начинается здесь». – Марлон Джеймс

- [Алекс Феби](#)

-

-

- [Действующие лица](#)

- [Часть первая. Кремень](#)

- [I](#)

- [II](#)

- [III](#)

- [IV](#)

- [V](#)

- [VI](#)

- [VII](#)

- [VIII](#)

- [IX](#)

- [X](#)

- [XI](#)

- [XII](#)

- [XIII](#)

- [XIV](#)

- [XV](#)

- [XVI](#)

- [XVII](#)

- [XVIII](#)

- [XIX](#)

- [XX](#)
- [XXI](#)
- [XXII](#)
- [XXIII](#)
- [XXIV](#)
- [XXV](#)
- [XXVI](#)
- [XXVII](#)
- [XXVIII](#)
- [XXIX](#)
- [XXX](#)
- [XXXI](#)
- [XXXII](#)
- [XXXIII](#)
- [XXXIV](#)
- [XXXV](#)
- [XXXVI](#)
- [XXXVII](#)
- [XXXVIII](#)
- [XXXIX](#)
- [XL](#)
- [XLI](#)
- [XLII](#)
- [XLIII](#)
- [XLIV](#)
- [XLV](#)
- [Часть вторая. Трут](#)
 - [XLVI](#)
 - [XLVII](#)
 - [XLVIII](#)
 - [XLIX](#)
 - [L](#)
 - [LI](#)
 - [LII](#)
 - [LIII](#)
 - [LIV](#)
 - [LV](#)

- [LVI](#)
- [LVII](#)
- [LVIII](#)
- [LIX](#)
- [LX](#)
- [LXI](#)
- [LXII](#)
- [LXIII](#)
- [LXIV](#)
- [LXV](#)
- [LXVI](#)
- [LXVII](#)
- [LXVIII](#)
- [LXIX](#)
- [LXX](#)
- [LXXI](#)
- [LXXII](#)
- [LXXIII](#)
- [LXXIV](#)
- [LXXV](#)
- [LXXVI](#)
- [LXXVII](#)
- [LXXVIII](#)
- [LXXIX](#)
- [LXXX](#)
- [LXXXI](#)
- [LXXXII](#)
- [LXXXIII](#)
- [LXXXIV](#)
- [LXXXV](#)
- [LXXXVI](#)
- [LXXXVII](#)
- [LXXXVIII](#)
- [Интерлюдия](#)
- [Часть третья. Пиролиз](#)
 - [LXXXIX](#)
 - [XC](#)

- [XCI](#)
 - [XCII](#)
 - [XCIII](#)
 - [XCIV](#)
 - [XCV](#)
 - [XCVI](#)
 - [XCVII](#)
 - [XCVIII](#)
 - [XCIX](#)
 - [C](#)
 - [Часть четвертая. Огниво](#)
 - [Глоссарий](#)
 - [Благодарности](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
-

Алекс Феби

Город мертвого бога

Посвящается Эллиоту, Элис и Полли

Alex Pheby

MORDEW

Copyright © Alex Pheby, 2023

This edition published by arrangement with Galley Beggar Press and
Synopsis Literary Agency Fanzon Publishers
An imprint of Eksmo Publishing House

© В. Иванов, перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство
«ЭКСМО», 2023

* * *

Если при чтении этой книги вам покажется, что в ней слишком много незнакомых понятий, – в конце прилагается глоссарий. Однако будьте осторожны: некоторые статьи содержат сведения, неизвестные главному герою.

Существует мнение, что читатель книги и ее герой обязательно должны обладать одинаковыми знаниями о мире. Другие говорят, что важнее всего абсолютная прозрачность и что никакая информация в книге не должна оставаться скрытой или непонятной читателю, даже если для героя она неочевидна.

Вероятно, для «Мордюю» идеальным читателем будет тот, кто понимает, что он, как и Натан Тривз (главный герой книги), не обладает полным знанием о любом предмете в любой момент времени. Такой человек идет по жизни в состоянии постоянной неуверенности, зная, что его любознательность необязательно будет тотчас удовлетворена (а возможно, не будет удовлетворена вовсе).

Как бы там ни было, если вы вдруг почувствуете, что запутались, – глоссарий к вашим услугам.

Действующие лица

Анаксимандр. Говорящий пес, обученный для боя, но с усовершенствованной чувствительностью.

Беллоуз. Главный служитель Господина Мордюю. Фигура величественная, но в чем-то печальная.

Братья Доулиш. Двое мордovorотов на службе у мистера Пэджа.

Верняк и Облом. Жители труппы постоянно говорят о своем Господине, без конца гадая, какими будут его последующие действия и прекратит ли он когда-либо их мучения. Слова этих разговоров, хотя сам Господин не уделяет им ровно никакого внимания, не исчезают бесследно, но продолжают витать в пространстве, наталкиваясь друг на друга и то и дело меняя курс, покуда не оседают, принимая вид объектов, нелепых, недооформленных комков материи. Лишь иногда, очень редко, из них получаются живые мальчики, что дает им новую возможность быть произнесенными. Верняк и Облом именно таковы, и заложенные в них высказывания запечатлены настолько глубоко, что для этих двоих невозможно ни думать, ни быть, ни говорить, не озвучивая создавшие их вопросы.

Господин Мордюю. Поворачиваясь, тележное колесо наезжает на все, что находится под ним, – камни вдавливаются в Грязь, раковины улиток трескаются, нежные цветы размалываются в кашу. Порой обод колеса терпит последствия таких столкновений: на металле появляются вмятины, царапины, щербины. Ближе к ступице ничто из этого не имеет ни малейшей важности. Центр колеса – это место совершенства, откуда наружу выходят безупречные спицы, прямые и надежные; и если конструкция дребезжит, то здесь это сложно почувствовать, и, разумеется, нельзя и помыслить о том, чтобы поступательное движение колеса было нарушено. Оно остается совершенным всегда. Господин Мордюю есть центр колеса и движение колеса; его действия неизменны, неоспоримы и – для тех, кто пребывает возле обода, – непознаваемы. Мы можем наблюдать лишь последствия его действий, ужасные и мучительные.

Госпожа Маларкои. О Госпоже жители Мордюю не говорят, ограничиваясь упоминанием ее имени в своих проклятиях. Она – враг.

Гэм Хэллидей. Мальчик, создавший себя сам. Он собирал в Грязи все, что только подворачивалось под руку, пока не получился ребенок, похожий на птичье гнездо из палочек и мусора, склеенное слюной, чтобы не разметало ветром. Вокруг царила такая нищета, что некоторых элементов, необходимых для создания полноценной личности, так и не удалось найти, поэтому кое-чего ему до сих пор не хватает. В центре его существа находится кладка из нескольких голубых яиц – но кто знает, кем они отложены?

Дашины. Дочь Госпожи Маларкои. Умная и озорная, но заблудшая.

Джерки Джо. Два ребенка в одном. Входят в преступную шайку Гэма Хэллидея.

Кукушка. Мальчишка из трущоб.

Мама Доулиш. Хозяйка распивочной.

Миссис Тривз. Здесь, в трущобах, она играет роль жены мистера Тривза и матери Натана Тривза, заодно обслуживая всех, кто приходит в их дом. Более ничтожное существо трудно себе представить. Однако кто мы такие, чтобы судить? Время покажет.

Мистер Пэдж. Жестокий преступник, которому известны все виды вероломства и все способы предательства.

Мистер Тривз. Родился от выщербленного зимними дождями и морозами камня, лежавшего на Морской стене. Лед раздвинул трещину в этом камне, и по весне наружу выкарабкался папаша Тривз, пропитавшийся солью, замерзший и слабый. В дальнейшем его силы были еще больше подорваны борьбой с обморожениями, рыбьими укусами и опасностью утонуть. Теперь он понемногу доживает свой век в полном бессилии, страдая от поражения легочным червем. Он – отец Натана Тривза.

Натан Тривз. Сын мистера и миссис Тривз. Тайны, которые скрывает жизнь этого ребенка, равнозначны движущим силам нашей истории, так что излагать их здесь было бы ошибкой. Тем не менее Натан – ключ ко всему происходящему в Мордю, независимо от того, признает ли это он сам или кто-либо другой. Настанет время, когда он превзойдет всех, кто пришел до него, живых и мертвых, но каким именно образом – мы пока не в состоянии предсказать.

Поставщик. Он родился, когда в кузнечный горн опорожнилась лошадь – вверх взметнулся фонтан пара, и кузнец, посмотрев вниз,

обнаружил там Поставщика, голого и красного, сморщенного, словно новорожденный крысеныш. Он был слепым и глухим, и кузнец вышвырнул его наружу, на мусорную кучу. Собратья-крысы научили его видеть и слышать, так что теперь он видит и слышит по-крысиному – весь мир для него волокнистый и пронзительный, чем объясняется его дурной характер. Он поставляет Господину мальчиков и забирает их от него.

Присси. Девочка из трущоб, входящая в шайку Гэма Хэллидея. Сама по себе песня может быть очень трогательной, но когда ее звуки отражаются среди трущоб Мордю, часть красоты неизбежно теряется. Ее губят морские туманы, глушит грохот прибоя, и чтобы мелодию кто-то мог расслышать, требуется напрягать голос превыше пределов возможного. Акустика места изменяет ее тональность, а уши и сердца, которых достигает эта музыка, не всегда с пониманием относятся к исполнительскому искусству. Вследствие сказанного некоторую грубость можно найти и в Присси, которая бывает вынуждена петь песни, ее недостойные.

Рекка. Протодемон-разрушитель, которого лучше бы оставить в покое.

Сириус. Пес, наделенный чувством мистического, приятель Анаксимандра.

Соломон Пил. Легендарный мальчик (скорее всего, выдуманный), история которого используется для запугивания плачущих детей, чтобы они замолчали.

Человек с родимым пятном. Загадочный аристократ и «благородный посетитель» миссис Тривз.

* * *

Помимо этого, на страницах этой книги вы найдете множество других необычных вещей, лишь часть из которых перечислена ниже:

абсолютно черный корабль
амулеты в виде бараньей головы, обладающие
магическими свойствами

бал-маскарад
безымянных аристократов-неврастеников
белого оленя, одновременно являющегося чем-то вроде
бога
бесконечно удлиняющуюся лестницу
большую пустую комнату в самом сердце города
ведуний
ведьму
вид насекомых, сделавших солнце своим домом
возможных «лоскутников»
возможных «обносчиков»
войну чародеев
волнение на море
волшебное ювелирное изделие, предназначенное для
ношения во внутренних покоях мальчишеского сердца
волшебные ножи нескольких разновидностей
волшебный лук
волшебный топор
волшебную бутоньерку, выполненную в цветах
французского флага
волчью стаю, также являющуюся чем-то вроде бога
восхитительные леденцы, возникающие из ниоткуда
вселение души одной личности в тело другой личности
(два раза)
вымогательство у аптекаря, с угрозами
высказывания на латыни
выставку шипастых свинок
гарем из собак
глаз Бога, извлеченный из глазницы
гноящуюся рану
говорящую книгу, способную также самостоятельно
писать и рисовать
голубой блик, который перемещается, словно
блуждающий огонек
горку для шариков
город, состоящий из шатров
города со странными именами

два наследования, имеющих огромное значение
двигатели мистического назначения
девочку с перьями вместо волос
девушку с бритой головой
демона из другого мира, одержимого тягой к
разрушению
демона, погребенного заживо в центре земли
детей, которые превратились только в позвоночник и
голову
детей, которые пришли незванными из ниоткуда
детей, которые пьют только вино
дом под названием «Шпиль»
дорогу, выкованную из стекла
дружелюбную рыбу
дымовой сигнал
женатую пару механических мышей
женщину с иглами вместо волос
заклинания, для которых необходимо собрать чужие
слезы
заклинания, имеющие собственные имена
заклинания, с помощью которых творится магия
зеркало, которое показывает друзей, а на расстоянии –
сообщников
зеркало, отражающее магические атаки
злого павлина в клетке
змей с человеческими головами
золотую пирамиду
зоопарк, полный вопящих экспонатов
игрушки невероятной сложности и изящества
игрушечный посткогнитивный театр
инструмент, который заставляет человека говорить,
хочет он того или нет
кисеты с наркотическим табаком
клуб джентльменов в канализации
клыкастого короля, сделанного из теней и золота
команду из моряков исключительно с ирландскими
именами

коридор, подходящий только для ребенка
коробки с энтомологическими образцами
коробку, которая заставит опущенный в нее предмет
появиться в другом месте
кражу со склада
крысиное гнездо в тазовой кости трупа
людей, которые могут издали отличить по запаху
мужчину от женщины
людей с головами коров
людей с жабрами, но без глаз
людей, чье имя совпадает с названием рода их
деятельности
магические эманации
мальчика, сияющего настолько ярко, что сторонние
наблюдатели путают его с солнцем
мальчика, сотканного на станке
машины, производящие золото
медальон с заключенным в нем мальчиком
медальон с заключенным в нем человеческим пальцем
много расточительного разрушения и насилия над
собственностью
много детей, которыми пожертвовали
множество туш животных, оставленных мясником гнить
море, которое выкипает до самого дна
мраморную дорожку
нарядных, но бестолковых убийц
насекомое с лицом обезьяны
насильственные действия, совершенные в отношении
галантерейщика
насильственные действия, совершенные в отношении
фармацевта
насильственные действия, совершенные в отношении
посетителей борделя
невидимые нити, которые могут убить, разрезав
несколько богато украшенных дверей
немного пудры, которая делает вещь невидимой

необычные костюмы и униформы различных эпох и профессий

неодушевленные предметы, превращенные в живые версии самих себя

несколько битых детей

несколько гигантских ящериц

несколько книг заклинаний

несколько фигур из грязи, которых приводит в движение кровавая жертва

нож, поднесенный к чьему-то глазу

неодушевленные предметы, измененные в живые версии самих себя

нерушимые цепи

несколько огромных ящериц

несколько украшенных орнаментами дверей

неуточненное количество привидений

нечестивых богов

носильщиков паланкинов в древнеримском стиле

носилки в римском стиле

носовой платок размером со скатерть

обширные разрушения и злостное уничтожение чужого имущества

огнестойкую перчатку

ограбление галантерейщика

ограбление склада

огромную рыбу, вокруг которой был построен корабль

оживающую мозаику

одного взрослого, которым пожертвовали

остановленных птиц, перелетевших море

отравленные пули

очень много портретов умерших известных людей

очень софистические игрушки

павшего патриарха

перья в качестве топлива

полосатого кота внушительных размеров

полчища пернатых монстров, сделанных из огня

потайную дверь

принцессу в маске
принцессу инкогнито
пса, владеющего речью, но не способного общаться
мистически
пса, способного общаться мистически, но не
владеющего речью
путы, которые нельзя повредить
различных кощунственных богов
разорение городского дома
разорение дворца
ребенка, состоящего только из конечностей
ребенка, превратившегося в призрак
ребенка с лицом собаки
ребенка, слепого на один глаз, которому это зрение
частично вернули
революционное правосудие
рой мух, рожденных из мерзости
руку, которая становится прозрачной
рыцарские доспехи, пригодные для ребенка
свиток с написанным на нем контрактом
своего рода электричество, которое может совершать
магические подвиги
семейство слонов, хоть их и называют иначе
семью слонов, со странными бирками
символы, изображения и знаки, имеющие историческое
и магическое значение
синий отблеск, движущийся подобно болотному огоньку
сколько-то призраков
собачий гарем
союз прачек
стаи огненных птиц, прилетающих из-за моря
статуи, являющиеся наполовину колоннами, а
наполовину женщинами с козьими головами
статую бога с козлиной головой
стаю летучих мышей, созданных из алмазов
стеклянный шар, достаточно большой, чтобы вместить
заключенного

стену впечатляющих размеров и прочности
стопки книг, пущенных на растопку
страну, окаймленную с юга белыми утесами
существ, живущих лишь одно мгновение, а затем
распадающихся на части
существ, рожденных непосредственно из грязи
существ, рожденных прямо из мерзостей
существ, которые живут всего мгновенье, а затем
распадаются на части
существо, которое трансформировалось в крысу
танец, который предположительно должен облегчать
течение болезни
тварь, превращенную в крысу
телепортацию объекта
телескоп
тело мертвого Бога
тело, превратившееся в два тела
тонны песка, превращенного в стекло
трубку, испускающую убийственный свет
трубку с глазом на конце
трубку, убивающую светом
трубу с головой дьявола на верхушке
трубы из стекла
труп, который становится двумя трупами
туман с моря
тучу летучих мышей, сделанных из алмазов
убийство врага
убийство коллеги
убийство чрезвычайно редких видов животных
угрозу внесения сумятицы
чаны, в которых мальчиков изменяют в нечто иное
чаны из стекла
чары
человека, которого называют извращенцем
человека, который может двигаться так быстро, что
никто этого не видит
человека, который любит лошадей, но не детей

человека, который пахнет прогорклым маслом
человека с очень большим носом
человека, которого считают безразличным
червей, обитающих в легких
червей, обитающих вне легких и обладающих
необычайными размерами
чешуйниц, сотворенных из электричества
чешуйницу, сделанную из электричества
шпагу, спрятанную в трости

Часть первая. Кремьнь

Южные трущобы великого города Мордью сотрясались под натиском волн и огненных птиц, обрушивающихся на Морскую стену. Дневной свет, тусклый и серый из-за плотных облаков, едва освещал то, что называлось здесь улицами, но трепещущие вспышки птиц раз за разом заливали облачную пелену, словно красные молнии. Возможно, сегодня возведенный Господином барьер падет, и они все утонут. Возможно, сегодня Госпожа наконец победит.

Среди теней, пробираясь сквозь густой туман, двигался чреворожденный мальчик по имени Натан Тривз. Старые отцовские ботинки были ему велики, доходившие до колена толстые шерстяные носки пропитались влагой. Каждый шаг еще больше натирал волдыри, поэтому он скользил ступнями как можно ближе к земле, бороздя ими Живую Грязь, словно парой плугов.

Он шел по улице, которую жители трущоб называли Променадом, – щербатому шраму, змеившемуся от Морской стены до Стрэнда. Улица петляла среди лачуг, сложенных из распухшего от морской воды плавника и украшенных перьями огненных птиц. Родители со всеми их проблемами остались позади. Он шел медленно, хотя его дело было весьма срочным. Умиравший отец с кишачими в легких червями – не то, что можно отложить на потом, да и лекарство было не из дешевых. Но все же Натан был еще мальчиком, а ни один мальчик не бежит навстречу своему страху.

Обеими руками Натан сжимал свою наволочку так, что сквозь грязь белели костяшки пальцев.

Он направлялся к Цирку – большому углублению в земле, где мертвожизнь плодилась крупнее всего. Здесь, если позволит судьба, можно было найти захлебывающихся в Грязи палтусов. Однако путь должен был занять по меньшей мере час, и не было никакой гарантии, что идет он не напрасно.

Мусор и обломки, скопившиеся в щелях между домами с обеих сторон, шевелились и поскрипывали от содроганий Морской стены и движений шныряющих внутри паразитов. Хотя Натан был уже далеко не ребенком, воображение порой брало над ним верх, так что он

старался держаться ближе к середине Променада. Здесь до него не могли дотянуться ни чьи-нибудь цепкие клешни, ни наблюдавшие из теней плохо различимые фигуры, хотя именно посередине улицы шевелящаяся Грязь была глубже всего. Блестящим скользким слоем она покрывала носки его ботинок, время от времени оставляя на них бьющихся и извивающихся мертвоживых уклеек. Этих Натан спешил стряхнуть, хотя резкие движения и не шли на пользу его волдырям.

Как бы ни был голоден, он никогда не стал бы есть мертвоживое.
Мертвожизнь – это яд.

Где-то неподалеку слышалось звяканье колокольчика. Этот звук, размеренный и звонкий, возвещал прибытие повозки Поставщика. Из хибар и лачуг начали появляться взрослые, исполненные надежды; люди отвязывали и оттаскивали в сторону двери, открывая сгрудившиеся позади семьи. Натан был единственным ребенком у родителей, но в трущобах это было редкостью. У многих мальчиков зачастую оказывалось по десять, а то и пятнадцать братьев и сестер – говорили, что это Живая Грязь повышает плодовитость трущобных жителей. Мало того, помимо чреворожденных детей имелось не меньшее количество других, чье происхождение было более загадочным, – нежданные и нежеланные, они порой обнаруживались на рассвете, хнычущие где-нибудь в углу.

Заслышав колокольчик Поставщика, изнемогающие матери и отцы выбегали навстречу, таща в охапке отбрыкивающихся детей мужского пола, и платили возчику, чтобы он отвез их к Господину, где им могли дать работу. Так их бремя каким-то почти алхимическим образом превращалось в ходячую монету, которую Поставщик также им привозил за определенный процент.

Какое-то время Натан смотрел, как дети и деньги переходили из рук в руки, потом повернулся ко всему этому спиной и продолжил свой путь.

Чем дальше от дома, тем меньше его слух тревожил грохот ударов в Морскую стену. На близком расстоянии в самой громкости этого звука было что-то такое, что притупляло все остальные чувства и заставляло принять согбенную позу. Однако, когда Натан подошел к месту, где Променад пересекался Стрэндом, уводившим дальше по

направлению к Цирку, он держался уже несколько прямее, чем прежде, выглядел чуть выше и был гораздо более внимателен. Здесь попадались и другие обитатели трущоб, так что у него было больше причин быть внимательным – как к хорошему, так и к плохому.

Впереди пылал костер в десять футов высотой. Натан остановился погреться. Сгорбленный, покрытый шрамами человек плескал на кучу топленый жир, подпитывая пламя, чтобы нескончаемый дождь не загасил его. Наверху было водружено чучело Госпожи в непристойной раскоряченной позе. Языки пламени лизали ее ноги, руки направляли невидимых огненных птиц; лицо, искаженное уродливой гримасой, было намалевано на старом железном ведре с двумя проеденными ржавчиной дырами вместо глаз. Натан подобрал камень и швырнул. Описав высокую дугу, камень с лязгом врезался в ведро, повернув его в другую сторону.

Люди приходили на Стрэнд, чтобы продать ошметки всякой всячины, которые у них имелись, тем, кому было чем заплатить. Подложив под себя старые коробки, чтобы быть выше Грязи, продавцы сидели, аккуратно разложив перед собой свои товары на квадратных кусках ткани. Если бы у него были деньги, Натан мог бы приобрести моток веревки или сеть, рогатку, разнокалиберные осколки плоского стекла или нарезанное полосками мясо (лучше не спрашивать чье). Сегодня здесь было полно спиртного – его продавали задешево, разливая в деревянные чашки из бочонков с красным купеческим гербом. Не было ни малейшей вероятности, что оно попало сюда легально: купцы пристально следили за своими запасами и не торговали в трущобах. А значит, оно было либо украдено, либо подобрано на берегу. Что именно из двух, пьяницы могли узнать лишь после того, как выпьют. Если бочонки были краденными, то покупателям не грозило ничего более худшего, чем головная боль на следующий день. Если же их нашли на берегу, это значило, что спиртное выбросили с корабля, потому что оно испортилось, а от испорченного спиртного можно было ослепнуть.

Натан в любом случае не стал бы его покупать – ему не нравился вкус. К тому же у него не было денег и ничего такого, что можно было бы выменять, не считая наволочки и носового платка в кармане, так что он присоединился к остальным детям, которые шли, уткнув глаза в землю и высматривая движение в Живой Грязи.

Он не встретил никого знакомого; впрочем, он и не искал. Здесь лучше было держаться на расстоянии и заниматься своим делом. Вдруг кто-нибудь заметит твою добычу и выхватит ее у тебя из мешка по пути домой?

Кое-кто уже возвращался обратно с шевелящимися мешками. У других мешки были неподвижными, но тяжелыми. У прочих были лишь слезы на глазах – должно быть, не хватило храбрости забраться поглубже в Грязь. Натан мог бы отобрать добычу у тех, кто возвращался нагруженным, – вырвать то, что они держали, и пуститься наутек, – но это был не его способ.

Ему не было в этом нужды.

Чем ближе он подходил, тем ошутимее становился Зуд в кончиках пальцев. Он знал – Зуд, не Натан, – когда и где его могли использовать, и момент был близок.

«Только не вздумай искрить! Ни за что на свете!»

Когда Натан был еще совсем маленьким, отец частенько вставал перед ним, серьезный и внушительный, помахивая пальцем, – и Натан обещал быть хорошим мальчиком... Но даже хорошие мальчики время от времени поступают плохо, разве нет? И вообще, порой так трудно различить плохое и хорошее, правильное и неправильное! Отцу требовалось лекарство, а Зуд желал, чтобы его использовали.

Наверху отбившаяся от стаи огненная птица тяжело взбиралась обратно в облака, преодолевая тяжесть безвольно висящего под ней человека.

Стрэнд стал шире; уличные торговцы попадались все реже. А вот и толпа – нервная, неподатливая полукруглая стена детских спин, пихающихся, наваливающихся друг на дружку, переступающих с места на место. Натан прошел туда, где давка была поменьше, и протолкался вперед. Он не больше других стремился туда, не был он и самым храбрым; но ни у одного из них не было Зуда, а Зуд уже пощипывал его за зубами и под языком, вселяя нетерпение.

Стена толщиной в три-четыре человека расступилась, уважая его нетерпение. А может быть, им самим не терпелось посмотреть, что из этого выйдет. Девочка с собачьим лицом облизнула крепкие зубы. Туповатый парень, плешивый, с серой кожей, потянулся было к нему, но передумал и снова прижал руку к груди.

Зуд там или не Зуд, но, пробившись в первый ряд, Натан на мгновение остановился на краю вместе с другими.

Перед ним был круг, окаймленный ступнями собравшихся детей, слишком большой, чтобы разглядеть лица на другой стороне, но не настолько, чтобы они были не видны совсем. Земля здесь подавалась и шла вниз, изрытая бороздами, к широкой яме, наполненной Грязью. Кое-кто стоял возле краев, уйдя по колено, другие подальше, по пояс. Совсем вдалеке, ближе к середине, из Грязи торчали только головы детей с зажмуренными глазами, с повернутыми наверх ртами – они шарили руками вокруг себя, в шевелящейся гуще. У этих, посередке, было больше всего шансов добыть палтуса – говорили, что сложность организмов, порождаемых Живой Грязью, зависела от ее количества, собранного в одном месте, в то время как тем, кто стоял ближе к краю, приходилось довольствоваться уклеиками.

Набрав в грудь воздуха, Натан зашагал вниз по склону. Возбуждение Зуда притупляло боль в волдырях, так что через какое-то время он почти перестал их чувствовать. Наполовину дойдя, наполовину соскользнув на мелководе, он зажал наволочку между зубами – прежде всего для того, чтобы она не потерялась, но также и на будущее, чтобы мертвожизнь не забралась к нему в рот.

Грязь была густой, но это не помешало ей пробраться в ботинки и сквозь носки. Натан изо всех сил старался не представлять, как новорожденная мертвожизнь копошится между пальцами его ног.

Еще глубже – и он почувствовал прикосновение к своим коленям: в жиге двигались существа размером с палец. Потом что-то начало тыкаться в его бедра, на ощупь, тут же рефлекторно отдергиваясь. Бояться было нечего, так он себя убеждал, ведь у этих тварей, чем бы они ни были, своей воли не имелось, и через несколько минут они будут мертвы и вновь растворятся в Живой Гязи. Они никому не желают вреда. Они ничего не значат.

Когда Грязь достигла пояса, Натан повернулся лицом в ту сторону, откуда пришел. Обступившие яму ребятишки толкались и глазели, но никто не уделял ему особого внимания. Рядом с ним никого не было.

Зуд сделался почти невыносимым.

«Не вздумай искрить», – сказал отец. «*Не вздумай*». Он не мог выразиться яснее. «*Не вздумай!*» – помахивал пальцем. Поэтому Натан, сдерживая Зуд, сунул руки в Грязь и принялся удить вместе с

другими. Палтуса ведь можно найти и просто так. Натану уже доводилось их видеть: рожденных Грязью существ, способных поддерживать свое существование. Если ему посчастливится и он поймает хоть одного, то не придется преступать завет отца. Он задвигал руками, раскрывая ладони и вновь сжимая пальцы, между которыми скользили уклеи. Шанс есть всегда.

Шаря руками под поверхностью, он смотрел вверх, на широкую спираль Стекло́нной доро́ги. Поблескивая, словно паутинка, она петлями взбиралась вверх, удерживаемая в воздухе волшебством Господина. Если Натан поворачивал голову и смотрел уголком глаза, она становилась отчетливей: полупрозрачный карандашный росчерк в высоте, ведущий к Особняку.

Интересно, что Господин думает о Цирке? Знает ли вообще о его существовании?

Есть! Натан ухватил что-то толщиной с запястье и потянул на поверхность. Существо было похоже на угря – серо-бурое, с тремя локтеподобными суставами, обтрепанное на концах. Оно билось, стремясь вырваться на свободу. Некое подобие глаза, намек на жабры, нечто, напоминающее зуб... Вот оно уже почти на поверхности... Но прямо в руках Натана существо принялось терять связность, как бы утекая обратно в Грязь с обоих концов.

Бесполезно.

Если бы тварь удержала форму, кто-нибудь мог бы дать за нее пару медяков. Шкуру можно было бы использовать для перчаток, кости пошли бы на клей. Но она исчезла, разложилась обратно на составляющие, то ли не желая, то ли не имея возможности оставаться отдельным существом.

И тут Зуд наконец возобладал. Возможность сопротивляться в маленьких мальчиках ограничена; да и что в этом такого плохого? Его отцу нужно лекарство. Либо Натан начнет чернить себе глаза, либо раздобудет палтуса. Разве второе не лучше?

Натан украдкой огляделся по сторонам и запустил руки под поверхность Гязи. Он согнул колени – и все произошло легче легкого, самым что ни на есть естественным образом. Он Почесал, и Зуд был удовлетворен. Вниз, в толщу Живой Гязи, полетела Искра; вместе с облегчением позыва пришло нечто вроде удовольствия, и пятнышко бледного голубого света метнулось в глубину.

Несколько мгновений ничего не происходило. Облегчение сменилось некоторой болезненностью, словно он отдираал присохшую корочку на ранке. Затем Грязь зашевелилась, забурлила, забилаь в его руках – и, когда он поднял их над поверхностью, они не были пустыми.

Каждый палтус не похож на других. Этот представлял собой клубок младенческих конечностей: ручки, ножки, ладошки, ступни – путаница извивающихся живых частей. Когда стоящие кругом дети заметили его, их рты пораскрывались. Сохранить самообладание стоило огромного труда, но Натан взял зажатую в зубах наволочку и затолкал туда палтуса. Закинул за плечо, где тварь продолжала биться, пинаться, пихаться, колотить его по спине, и побрел сквозь дождь обратно к берегу.

II

Кожевенная мастерская располагалась в самой глубине трущоб, и на протяжении всего пути туда Натан берег свою наволочку от взглядов посторонних, будь то дети, торговцы или трущобные жители. Этому палтусу не суждено было дожить до детского возраста – он был слишком сильно извращен, к тому же у него не было рта, чтобы дышать или принимать пищу. Впрочем, палтуса это, кажется, ничуть не обескураживало: мертвожизнь, из которой он состоял, заставляла его еще сильнее наносить удары по Натановой спине, уже сплошь покрытой синяками.

Он снова прошел мимо костра. Чучела Госпожи уже не было – оно сгорело дотла. Ведро, служившее ей головой, все еще раскаленное, валялось в Живой Грязи, обжигая пищащую мертвожизнь. Какая-то женщина с девочкой (вероятно, ее внучкой) бросала в догорающее пламя ошметки пищи, несъедобные потроха: приношение Господину, жертва на удачу.

Посередине дороги группа детей избивала кого-то палками, другие смотрели. Натан замедлил шаг. Правосудие в трущобах жестоко, беспощадно, но хуже всего – заразно; если это была толпа каких-нибудь правоверных, то лучше бы ему избежать риска стать ее объектом. В середине виднелось что-то красное, извивающееся, бьющееся, тянущееся... Натан подошел на несколько шагов ближе. Это была огненная птица, искалеченная почти до смерти. Лишь немногим птицам удавалось перебраться через Морскую стену, и те, кому удавалось, всегда получали повреждения от поставленной Господином защиты. У этой поперек груди зияла рана; птица с мычанием каталась по земле, ее руки беспомощно болтались, единственная уцелевшая нога взбрыкивала. От крыльев остались лишь голые стержни и обрывки мембраны.

Кто-то из детей вытянул птицу тяжелой доской по черепу, и под радостные вопли толпы она обмякла. Наблюдавшие ринулись вперед, горстями выдергивая перья, гогоча и улюлюкая, ощипывая ее догола. Натан отвел взгляд, но несчастное лицо твари, с тусклыми глазами и отвисшей челюстью, притаилось в уголке его сознания.

Обратно он пошел другим путем, более долгим, и наконец добрался до дверей кожевни. От резкого, терпкого запаха, поднимавшегося над ямами с известковым молоком, у Натана заслезились глаза, но он был рад скинуть свою ношу на землю, где та продолжала извиваться, брыкаться и шлепать. Он позвонил в колокольчик, надеясь, что дочка кожевника окажется занята и старик выглянет сам: за долгие годы воздействия дубильных веществ тот сделался мягок характером и туго соображал.

Натану повезло: старик выскочил моментально, словно поджидал, спрятавшись за углом. Он был мал ростом, чуть выше уличного мальчишки, с коричневым, как орех, лицом, лоснившимся, словно потертая кожа. Не утруждаясь вопросами, он взял у Натана наволочку и заглянул внутрь. Его глаза широко раскрылись, блеснув в сумраке бело-голубыми катарактами, но тут же прищурились снова.

– Руконогий младенец, – проговорил он, не пытаясь понизить голос, и забормотал цифры, пересчитывая руки, ноги и прочие конечности, не являвшиеся ни тем, ни другим. – Сколько ты за него хочешь? Я дам тебе двадцать.

Натан сдержал улыбку. Он охотно взял бы и десять (ему уже доводилось брать десять), но когда тебе предлагают двадцать, глупо на этом успокаиваться.

– Пятьдесят, – выговорил он, ничего не выдав голосом.

Теперь кожевник вскинул руки в комическом смятении:

– Ты, никак, меня самого за палтуса считаешь? Я не вчера родился!

Он оглянулся на свою мастерскую – то ли чтоб посмотреть на дочь, то ли чтобы удостовериться, что та не видит.

– Меня не проведешь, – пробубнил он. – Двадцать пять.

Двадцати Натану хватило бы с лихвой, но жизнь в трущобах приучает выжимать максимум из любой случайности. Он протянул руку к своей добыче.

– Если он тебе не нужен, я отнесу его мяснику, – проговорил он и потянул наволочку на себя.

Кожевник не отпускал.

– Хорошо, хорошо, тридцать. Но ни медяком больше! – Он провел рукавом по губам и тут же снова их облизнул. – Сказать по правде, нам как раз заказали партию перчаток...

Старик снова оглянулся на мастерскую, прищурился и нахмурил брови, как бы размышляя. Натан выпустил наволочку и протянул другую руку ладонью вверх, пока тот не передумал.

Из сумки у себя на поясе кожевник вытащил несколько монет, медленно и тщательно отсчитал, пристально разглядывая каждую и пробуя на зуб, чтобы удостовериться, что сослепу не принял один металл за другой. Отдав последнюю, он повернулся, размахнулся и с силой вlepил наволочкой по убoйному столбу, после чего захлопнул ворота.

Натан выругался, слишком поздно сообразив, что кожевник не отдал ему наволочку.

III

До дома было недалеко. Натан шел, сжимая деньги, по пятнадцать монет в каждой ладони. Возможно, теперь наступит конец всему этому, конец всем их горестям?

Он завернул за угол, образованный двумя кучами ломаных поддонов по плечо высотой, и впереди показался дом. Здесь все было так же, как перед его уходом, только какая-то женщина отодвигала кусок брезента, служивший им дверью. Она была коренастой, рыжеволосой, с тонкими чертами лица и без шрамов. Натан сразу же ее узнал – это была ведунья, снабжавшая людей волшебными снадобьями. Прежде чем он успел предположить, что ей понадобилось внутри, наружу вышла его мать.

– Ты это сделаешь! – завопила она.

– Не сделаю. – Ведунья подобрала свои юбки и повернулась.

Обе увидели Натана. Действительно ли в присутствии ребенка есть что-то такое, что заставляет взрослых прекратить пререкаться, вопрос спорный, однако обе замолчали. Как по наитию поняв, в чем заключалась причина их разногласий, Натан вытянул одну руку и раскрыл ладонь, показывая блестящую кучку монет.

Его мать бросилась вперед, охваченная безумным возбуждением; зубы оскалены, волосы растрепались. Уделив Натану лишь один горящий взгляд голубых, обведенных черным глаз, она схватила деньги.

– Ты сделаешь это!

Его мать швырнула монеты ведунье, и они упали в Живую Грязь возле ее ног. Ведунья закусил губу, подумала, потом медленно опустилась на колени и подобрала их, аккуратно отделяя одну монету от другой и обтирая их от мертвожизни.

– Как прикажете, госпожа.

Ведунья принялась творить свою народную магию, и ее тени встретились посередине простыни, разделившей их лачугу напополам. Две ведуньи сошлись вместе; каждая из теней, пересекаясь с другой, обретала в танце все более четкую форму. В этой женщине было что-то такое, что заставляло свет признавать ее границы: круглая, широкая,

с собранными сзади волосами, удлинявшими голову, словно ей перевязали череп при рождении, как было принято у трущобных жителей в северной части города.

Натан смотрел, стиснув перед собой ладони. На что он надеялся? На возможность исцеления? На то, что его отец получит новую жизнь? Было время – хотя это было так давно, что сейчас казалось не реальнее сна, – когда отец высоко поднимал его и держал в воздухе, показывая всему миру. Было время, когда его отец смеялся. Счастливое время, не так ли?.. Теперь по углам шныряли крысы, из теней выползала мертвожизнь, и сама мысль о счастье казалась абсурдной.

Из-за завесы послышалась тихая музыка, высокие тона; не какой-то конкретный инструмент, но, кажется, и не голос. Силуэт трудился над чем-то, растирал что-то между ладонями и подбрасывал результат своей работы вверх над тем местом, где лежал Натанов отец. Порошок из высушенных трав? Пыльцу? Соль?

Натан шагнул вперед. Отец так легко мог раскашляться! Его было так легко разбудить... Мать взяла Натана за запястье, удерживая рядом с собой. Повернувшись, Натан увидел, что она, как и он сам, не сводит глаз с очертаний ведуньи на простыне. В выражении материнского лица было что-то – какая-то безнадежность в положении бровей, что-то неправильное, беспокоившее Натана. Действительно ли она хочет, чтобы эта затея увенчалась успехом? Действительно ли хочет, чтобы ее мужу стало лучше? Казалось, что хочет, но вместе с тем...

Ведунья хлопнула в ладоши. Натан повернулся к ней и увидел, что она покачивается, бормоча, трясась позади простыни. Вот бормотание приостановилось, тень заколыхалась и начала снова; она текла, словно вода из кувшина, руки извивались, слова повторялись вполголоса – слова, значение которых ускользало от сознания, хотя ухо слышало их вполне отчетливо. Натан узнавал отдельные слоги по краям слов, они совпадали с движениями ее тела, положением рук: жесты, наложенные на звуки, как две карты одна поверх другой.

Пламя свечей хлопало и мигало все чаще, все интенсивнее. Голос ведуньи тоже становился громче, ее заклинания – мощнее, тени – глубже, а силуэт – больше. Появились и запахи: розовые лепестки, анисовое семя... Натан наклонился вперед, и рука матери крепче стиснула его запястье. Он обернулся к ней:

– Это помогает?.. Поможет?

Мать отвернулась от него.

Если ведунья танцевала неохотно, это было невозможно увидеть в тених, отбрасываемых ею на простыню. Может быть, она действительно пыталась обманом выудить у них деньги, но ее действия ничем этого не выдавали. Наоборот, она двигалась с пугающей решительностью, нимало не пытаясь сдерживать себя, ничем не обнаруживая, что ей есть дело до того, что о ней думают другие; словно танцевала для каких-то невидимых свидетелей, для своей магии, для Бога. Лачуга сотрясалась от силы, с которой ее пятки били в землю; когда она пружиной раскручивалась от поясницы, простыня вздувалась и трепетала от прикосновений ее пальцев. Ее руки были раскинуты в стороны, тени волос плясали вокруг головы, словно огненные языки. Она кружилась и вращалась, угрожая обрушить им на головы хрупкую целостность их дома. Запах ее пота перебивал аромат розовых лепестков, шумные выдохи все чаще прерывали пение заклинаний; она кружилась все быстрее, но не останавливалась.

В тот момент, когда уже казалось, что им суждено быть погребенными под обломками дерева, железа и прочего мусора, ведунья схватилась за простыню, смяв ее в кулаке. Она остановилась, хватая ртом воздух и упершись другой рукой в колено. Позади нее серый, плоский и безжизненный лежал Натанов отец – грудь неподвижна, дыхание заметно лишь в пятнах теней на коже в углублениях между ребрами.

– Бесплезно, – проговорила ведунья. – Черви уже взяли его. Их защищает особая сила. Я ничего не могу сделать.

Мать Натана набросилась на ведунью едва ли не прежде, чем она закончила говорить, но та держалась твердо.

– Деньги не возвращаем! – Она оттолкнула от себя мать Натана, удерживая ее на расстоянии вытянутой руки. – Мне очень жаль. Деньги не возвращаем.

Когда она ушла, Натан снова повесил простыню, а мать скользнула обратно к кровати, сгорбившись так, словно воздух был чересчур тяжел для нее, словно ее плечи не выдерживали тяжести рук. Она уткнулась лицом в подушку.

– Не беспокойся, мам. – Натан положил руку на кровать, и мать придвинулась к ней. – У меня есть еще деньги.

Он раскрыл ладонь другой руки, и в ней заблестели оставшиеся монеты. Мать замерла, потом села и уставилась на него.

– Это не настоящая медь, Натан. Это бронза, покрытая медью.

Натан стоял с монетами в горсти, чувствуя, как на глазах набухают слезы. Он молча сглотнул их.

– Не важно. Дело все равно не в деньгах. Дело в нем, – она дернула большим пальцем в направлении занавеси. – Ему нужно взять себя в руки... И тебе нужно взять себя в руки!

– Оставь его в покое, – сказал Натан. Если бы у него было больше сил, больше своеволия, он бы прокричал это во весь голос.

Мать взяла его за руку.

– И вообще, откуда ты раздобыл деньги? Делал палтусов из Живой Гязи? Искрил?

Охваченный стыдом, Натан опустил голову. Снова поглядев на мать, он увидел, что та грозит ему пальцем.

– Это запрещено, ты ведь знаешь? – На ее лице было странное выражение: вроде бы улыбка, но какая-то кривая, безрадостная, злая. – Никому не разрешается использовать свою силу. Никому...

Она поднялась и отвернулась от него, встав лицом к занавеске, делившей комнату пополам.

– Ты же понимаешь, что будет дальше?

Натан покачал головой, но вопрос был обращен не к нему. Она говорила с его отцом.

Из-за простыни донесся стон в ответ – слов было не разобрать, но в нем слышалась огромная скорбь.

– Это необходимо, ты знаешь. Ты не хочешь делать свое дело, так что придется ему.

Стенания стали громче.

– Время пришло, и тебе это известно, – продолжала мать. – Я должна его отправить.

Она обернулась к Натану:

– Если он не хочет это делать, другого пути нет... Мне жаль.

– Мам, я не хочу идти.

Она поджала губы, убрала со лба выбившуюся прядку.

– Тебя никогда не удивляло, что ты у нас единственный, Натан?

Он покачал головой.

– Не хотелось узнать, почему мы живем здесь?

Он снова качнул головой.

Его мать отвела взгляд. Натан подумал, что она, должно быть, глядит в прошлое или в будущее; но что бы она там ни видела, это причиняло ей боль.

– Мир – как игра. Когда ты сделал определенный ход, других ходов уже не избежать. Твой отец... Он отказывается делать свой лучший ход. Поэтому мне теперь приходится делать тот, что хуже. Некоторых вещей не избежать, Натан.

Натан не понимал, о чем она говорит, но отцовские стенания были уже такими громкими, что это пугало. Мать поднялась на ноги.

– Ты же веришь мне, правда?

Он ей верил.

– Все, что я делаю, я делаю для твоего блага. Ты это понимаешь?

Он понимал.

– Завтра ты отправишься к Господину.

Отец закричал. Его крик был полон такой боли и натуги, что звучал предсмертным воплем.

Когда к матери приходили «благородные посетители», Натан старался куда-нибудь деться. Иногда он уходил к Морской стене. Садился на землю и скользил взглядом вдоль тропинок раствора между кирпичами, прослеживал их доверху, словно прокладывая путь через лабиринт. Он воображал, как стал бы карабкаться по такой вот тропинке, впиваясь ногтями, ища, куда поставить ногу, вплоть до самого верха. Понятное дело, что, даже если бы он попытался, ничего бы не вышло – материал был неподатлив, неизмеримо тверже его плоти. Да и зачем бы ему это понадобилось?

Море билось в своем ритме, медленном, равномерном. У огненных птиц ритм был другим – поспешным, сбивчивым. Натан позволял этим звукам заглушить все остальные, в том числе и воображаемые звуки, которые создавал его мозг в моменты затишья. Вместо «благородных посетителей» он слышал лишь ярость волн и нескончаемые попытки Госпожи прикончить их всех.

Сегодня он прислонился к стене спиной и поднял лицо, скребя затылком о шершавую кладку. Облачная пелена вверху вспыхивала и

гасла; каждая вспышка обрисовывала очертания облаков над его головой, превращая казавшуюся ровной поверхность в ландшафт из опрокинутых холмов и долин.

Чаще всего огненные птицы не перелетали через Морскую стену: они пытались ее ослабить, жертвуя собой по приказу Госпожи. Если какая-нибудь и оказывалась в городе, это случалось по ошибке. Иногда кто-нибудь погибал от попадания огненной птицы – ведунья говорила, что это Божья кара, но Натан не верил в богов.

Огненных птиц, однако, он видел, и одна из них видела его. Как-то раз он сидел возле стены, задрав голову, совсем как сейчас. Птица приземлилась на вершину стены и посмотрела на него сверху. Их взгляды встретились. Она раскрыла свой длинный, как спица, клюв, моргнула, прикрывая черные глаза алыми перьями, и пронзительно заверещала на него с высоты.

Натан проклял ее, а также создавшую ее Госпожу, но это не причинило птице никакого вреда. Она взмыла высоко в воздух, описала большую петлю, потом вернулась – и врезалась в стену. Секундой позже Натан ощутил дрожь от ее удара о кирпичную кладку, услышал грохот взрыва и увидел красный сполох ее птичьей смерти.

Сегодня, однако, на стене никто не сидел, и ничто не отвлекало Натана от того, что сказала ему мать: он должен будет отправиться к Господину.

IV

На следующее утро Натан вышел из дома, заслышав звяканье колокольчика. Шел дождь, и его никто не провожал. Никто не сказал ему ни слова. Огненные птицы бились в Морскую стену, та содрогалась, и Живая Грязь отсверкивала красным между носками его ботинок. Внизу копошилась мертвожизнь, а колокольчик продолжал звенеть.

В конце Конюшенных рядов виднелся Поставщик, стоящий возле своей повозки: трубка в зубах, в руках колокольчик. Его тело было скрюченным и плотным, словно иссохший дуб, и примерно настолько же твердым. Вторую руку он положил на дверцу клетки.

Натан заколебался. Дождевая вода стекала по его лбу и щекам, попадала в рот, так что при дыхании вылетали брызги, словно плевки. Натан молчал и не шевелился.

– Давай сюда, паренек, если ты едешь, – хрипло проворчал Поставщик. – Последний звонок.

Слова клокотали в его глотке, забитой табачной смолой. Он швырнул колокольчик к задней стенке повозки, вытащил трубку изо рта и выпустил вверх, к облакам, струю серого дыма.

– Лошадкам не терпится выбраться из этого ада... И я не собираюсь удерживать их ради выползших из Грязи подонков вроде тебя.

Поставщик оторвался от дверцы, повернулся, прищелкнул языком, и лошади тронулись шагом. Стиснув кулаки от боли в ступнях, Натан побежал к повозке:

– Подождите!

Поставщик обернулся, снова зажал трубку в зубах и приглашающе протянул к нему обе руки:

– Хочешь встретиться с Господином, а?

Натан встал как вкопанный. Поставщик улыбнулся улыбкой лисы, нашедшей гнездо с новорожденными крольчатами. Натан едва не кинулся обратно домой, к матери. К отцу. Еще бы чуть-чуть...

– Да, сэр, – вымолвил он. – Я хочу отправиться к Господину.

Поставщик шагнул вперед, пыхнув трубкой.

– Тогда полезай в клетку, паренек! Поглядим, получится ли у нас излечить тебя от этого желания.

В клетке было полно других мальчиков. Они молча разглядывали Натана. Это была странная компания: одни – чреворожденные, другие – явные палтусы. Ни справа, ни слева никто не подвинулся, чтобы дать ему место на скамье, так что он уселся прямо на пол, прислонившись спиной к дверце клетки. Один из мальчишек приподнял козырек своей кепки. Из тени на Натана глянул единственный глаз – второй был пустым и черным. Это был Гэм Хэллидей.

– Ну-ка, ну-ка, что у нас тут? – проговорил Гэм ломающимся голосом, дребезжащим, словно жук в спичечной коробке. – Никак, это малыш Натти Тривз!

Повозка вздрогнула, колеса заворочались, Поставщик щелкнул поводьями.

– Гэм? Что ты здесь делаешь? – отозвался Натан, натягивая воротник повыше. – Разве ты не знаешь, что Господин любит только красивых?

Тот ухмыльнулся: единственный белый зуб торчал, одинокий и кривой, словно заброшенный могильный камень.

– У каждого свой вкус... И вообще, ты думаешь, Господину нравятся такие тощие огрызки, как ты?

Гэм подтолкнул сидевшего рядом пухлого мальчика, которого Натан не видел прежде. Тот кивнул, улыбнулся и отправил в рот квадратик какой-то желтой поблескивающей субстанции. Он что-то ответил, но слова затерялись среди жующих челюстей.

Натан запустил ладонь под рубашку. Если хорошенько надавить на живот, можно сделать так, чтоб почти не урчало.

– Мне наплевать, что нравится Господину, – сказал Натан. – Я все равно не собираюсь с ним жить.

Гэм медленно покивал и поджал губы.

– И действительно... – пробормотал он. – Кому нужно, чтобы его каждый день кормили? Кому нужна сухая койка? Кому захочется посылать домой по шиллингу в конце каждой недели? Явно не маленькому лорду Натану.

– Он может оставить себе свой хлеб и свою постель. И свои деньги тоже.

Натан отвернулся и принялся смотреть на скользившие мимо трущобы, постаравшись принять как можно более отчужденный вид. Гэм, однако, не отставал:

– Ну да, ну да... А как же твой папаша? Разве ему больше не нужно лекарство? Что-то я его в последнее время совсем не вижу.

С протянутых поперек дороги веревок свисали закрепленные за плечи рубашки; влага капала с рукавов в канавы, забитые уличным мусором. Все, что было достаточно сухим, чтобы гореть, сваливалось в кучи и поджигалось повсюду, где для этого находилось место; таким образом из хлама извлекалось все возможное тепло и уничтожалось то, что иначе стало бы гнить и разлагаться. Отбросы, экскременты, трупы – все шло в огонь. Там, где костер успевал догореть прежде, чем пропитывался дождевой водой, оставались пепельные круги; в других местах возвышались груды мусора, куда вторгалась Живая Грязь... с непредсказуемыми последствиями.

– В распивочной по нему скупают, – продолжал Гэм. – Он щедро платил.

Укрывшись дырявыми от ржавчины листами гофрированного железа, редкие торговцы выкладывали свой товар – пуговицы, ботиночные шнурки, перья огненных птиц и прочую мелочовку из Торгового конца, всякую дрянь, которую было легко стибрить, но не было большого смысла продавать. Фонтаны Грязи окатывали их из-под колес проезжающей мимо повозки.

– Так, значит, его жрут легочные черви, а?

Ставни закрывали лишенные стекол оконные проемы лачуг; в щелях между досками и дырках от выпавших сучков помаргивал свет свечей. Если двери и открывались, то лишь для того, чтобы наружу полетел мусор или помой – прямо на улицу, откуда дождь смывал их в канаву. Трущобы простирались к югу; с севера над ними вздымался пологий склон города.

– Или уже могильные?..

Натан развернулся, стискивая кулаки:

– Прекрати!

Другие мальчишки вжались в стенки клетки, так что казалось, будто там остались только Гэм с Натаном. Гэм улыбнулся.

– Хотя, если он откинул копыта, – продолжал он, – я удивлен, что ничего об этом не слышал. Твоя мамаша, часом, не продала его на

пирожки?.. Да нет, вряд ли. Слишком много хрящей.

Натан прыгнул к нему и замолотил кулаками, осыпая ударами те части Гэмова тела, до которых мог дотянуться. Тот выдержал несколько ударов, потом нагнулся, ухватил Натана и сжал так, что из него вышел весь воздух.

Натан упал на колени, широко разинув рот, силясь вдохнуть.

– И ведь каждый раз, как мы встречаемся, он устраивает вот такое. Да, Натти? Ты никак не научишься понимать шутки, а, приятель?

Натан закрыл глаза и прыгнул на Гэма головой вперед. У кого-нибудь другого хрустнул бы нос под Натановым черепом, но у Гэма была слишком хорошая реакция. Он успел вскочить с места и отступить в сторону, и даже пнуть Натана в спину, так что тот с грохотом полетел на пол повозки.

– А ну, крысеныши, кончайте там вашу возню! – рявкнул Поставщик. – Думаете, если вы едете к Господину, так я постесняюсь отделать вас кнутом? Да я с вас шкуру спущу, как с красной щуки перед посолом! Лучше сидите тихо. Если мне придется слезть с козел, никому из вас не поздоровится. Разбирать не буду!

Все притихли, дожидаясь, чтобы Поставщик снова занялся дорогой.

– Ну вот, слышишь, что он говорит? Веди себя прилично! – Гэм улыбнулся и уселся обратно на скамью.

Натан тоже опустил на прежнее место и принялся глядеть в те углы, где не было Гэма.

Повозка уже катила по территории Порта; выбоины в дороге уступили место булыжнику. Метельщики с толстыми ручищами и в пропотевших насквозь кепках сгребали Живую Грязь в канавы или прямым в море. Красные паруса купеческих судов хлопали и надувались под ветром, дожидаясь, пока портовая стража откроет Морские ворота. Куда они все уплывают? Натана всегда занимал этот вопрос. Что было там, за Морской стеной, помимо волн, ветра и огненных птиц? Не могли же они торговать с Маларкой?

В тишине послышались чьи-то всхлипывания. В клетки было пятнадцать мальчишек: четырнадцать по бокам, лицом друг к другу, и один на полу. Все без исключения были перемазаны грязью.

Плакал один из самых маленьких; Натан знал его. Это был палтус, рожденный непосредственно из Живой Гязи – из земли позади

борделя. Мадам выкормила его объедками, и теперь он был у нее на побегушках: доставлял образцы кожи владелицам перчаточных лавок на краю города, где купеческие жены покупали себе все необходимое. Паренек был слабеньким. Он вечно сосал куски сахара, которые доставались ему, потому что смотрел влажными глазами на любую даму, входившую в лавку. Видя его трогательный вид, дамы жалели его и угощали сахаром. Теперь он плакал, поскольку сахар сделал его слабым.

– Кончай хныкать! – прикрикнул Гэм. – Хочешь накликать сюда Поставщика?

Парень прикусил губу, но от этого слезы хлынули еще пуще.

– Я не могу... – пробулькал он. – Я хочу обратно!

– Коли так, тебе тем более лучше утихнуть, – сказал Гэм, пробираясь к нему и усаживаясь напротив. Он разгладил взъерошенные волосы палтуса. – Ведь Господин любит, когда мальчики плачут. Он их доит, понимаешь? Как коз. У него есть специальные загоны. Он собирает слезы, чтобы делать из них зелья и все такое прочее. Верно, ребята? Это все знают. Так что тебе лучше проглотить свои слезы, пока он не увидел. Больше всего на свете Господин любит свежие слезы, собранные со щек какого-нибудь маленького мальчика. Ведь печаль наделяет слезы властью, а власть это как раз то, что Господину нужно. Если он увидит тебя плачущим, он сделает тебя таким печальным, что ты больше никогда не сможешь остановиться. И однажды тебя найдут, высохшего, словно изюмина, словно губы вдовы, словно сброшенная змеиная кожа, сухого и сморщенного, где-нибудь в углу его доильного загона. А потом подует ветер и унесет тебя вверх, к Стеклойной дороге, и колеса его черного экипажа размелют тебя в порошок!

Глаза парнишки были широкими и полными влаги; он трясся с головы до ног.

– Такое уже бывало прежде, – подтвердил другой мальчик, с выбритой головой, усмехаясь в рукав.

– Вот именно, – кивнул Гэм. – Соломон Пил, так звали того мальчика. Он был примерно твоих лет. И роста почти такого же. Вообще, он был вылитый ты, поначалу. Под конец-то он больше напоминал высосанную кость. Ну и был уже мертвый, понятное дело. А потом его прах унесло ветром! Если ты прислушаешься, то и сейчас

сможешь услышать, как он плачет откуда-то с той стороны, потому что его использовали для волшебства и теперь он попал на нематериальную сторону мира. Верно я говорю, ребята?

Чтобы доказать его правоту, бритоголовый мальчик поднес ладонь ко рту, сделав вид, будто хочет почесать верхнюю губу, и украдкой издал тихий, жалобный, стонущий звук. Это заставило палтуса расплакаться пуще прежнего.

– Некоторым людям ничего не втолковать, – сокрушенно произнес Гэм. – Ты что, не слышал, что я говорил?

– Кончай, Гэм. Оставь его в покое.

– И что же за кара мне грозит, малыш Тривз, а? Ты защекочешь меня до смерти?

Натан замолчал – но замолчал и Гэм, принявшись вместо этого мерить Натана взглядом.

Посвист кнута Поставщика и громохание окованных железом колес по булыжнику сливались в медленный, но устойчивый ритм. Лишь когда Гэм рассмотрел Натана с головы до ног, а повозка завернула прочь от берега, он заговорил вновь:

– Ты подумал о моем предложении?

– Нет, – ответил Натан.

– В смысле, ты о нем не подумал? Или подумал и твой ответ отрицательный?

– Да, – ответил Натан.

Гэм задумался, нахмутив брови, потом сдался:

– Ну ладно, тебе же хуже. Если ты не любишь деньги, в таком случае я мало чем могу тебе помочь.

– Деньги я могу заработать и без тебя.

– Как? Ловлей палтусов в Цирке? В этом нет будущего, даже если ты наловчишься таскать оттуда руконогов, когда только пожелаешь.

Натан пронзительно взглянул на Гэма:

– Откуда ты знаешь?

Тот сдвинул брови:

– У меня свои источники. Если на то пошло, те же самые, от которых я узнал, что ты сегодня будешь здесь. Кроме того, кожевник не дурак выпить. Полпинты джина – и у него развязывается язык. В трущобах трудно хранить секреты, тебе следовало бы это знать... Как бы там ни было, дело не в этом. Основа основ: если ты выбрасываешь

на рынок слишком много товара, он дешевет. Так что вскорости ты будешь целыми днями сидеть по шею в Грязи, выуживая палтусов за медяк, а в трущобах все будут ходить в коже. В этом нет будущего.

Натан вздохнул:

– Все равно мой ответ нет.

– Хорошо! Не вступай в мою банду, если не хочешь. Как будто это меня сильно волнует...

Услышав эти последние слова, другие мальчишки встрепенулись.

– Я хочу вступить в твою банду! – сказал один.

– И я!

– И я!

Гэм отмахнулся от них, поведя ладонью в воздухе:

– Не смешите мои подмышки. Какая мне надобность в таких, как вы? Никогда не видел такого сборища тонкорукых, жидконогих коротышек... Плюс еще один жирдяй.

Жирдяю не понравилось это высказывание.

– А он тебе зачем? – спросил он, одним глотком расправившись с тем, чем был набит его рот, и цыкая языком через дырки в зубах. – Что у него есть такого, чего нет у меня?

Гэм подмигнул Натану, и тот замотал головой.

– Не смей! – прошипел он.

– Что ты, что ты! – отозвался Гэм, широко разводя руками, словно хлебный вор перед мировым судьей. Потом его облик мгновенно, как по щелчку, переменился: он глянул исподлобья, здоровый глаз превратился в щелочку, губы растянулись в жесткой улыбке. – А впрочем... Почему бы мне и не посметь? Видите ли, малыш Натан знает одну полезную штуку...

– Гэм, заткнись!

– Очень ловкую штуку, которой он научился у своего папочки...

– Гэм!

– Слушай, Натти, если бы ты присоединился к нашей маленькой труппе, у меня бы был резон хранить твои секреты, как если бы ты был моим братом. Но если ты отказываешься – зачем мне это? И, пожалуй, я знаю парочку торговцев мальчишками, которым не помешает такая информация.

– Ты хочешь меня продать?

Гэм сплюнул на пол, слегка забрызгав башмаки жирдяя.

– Конечно нет! Но я ведь не могу говорить за других, верно? В особенности за девчонок. В конце концов, они рискуют больше других – если ты понимаешь, о чем я.

Бритоголовый мальчик энергично закивал, но Натан не обратил на него внимания.

– Я не собираюсь вступать в твою банду!

– Вот как? А как поживает твоя матушка, Натти? Все развлекает «благородных посетителей»? Гляньте-ка, он скрипит зубами! Да я же не критикую. В этом нет ее вины. Понятное дело, приходится как-то зарабатывать, учитывая, что твой старик уже ни на что не годится. Уверен, она даже благодарна, что к ней проявляют внимание, хоть, может, и не хочет этого признавать... Верно я говорю, Натти? Смотри, жирдяй, видишь, как дергается мускул у него на скуле? Ни дать ни взять крышка на кипящем котле с похлебкой – чем больше подбрасывают дров, тем сильнее она дребезжит... Так как же ты с этим справляешься, Натти? Убираешься с глаз долой, когда кто-то стучит к вам в двери? Разумно. Зачем постоянно тыкаться в это носом? Если бы не такие мерзавцы, как я, тебе, может, даже удалось бы сделать вид, будто ничего особенного не происходит... Ну уж прости!

– Гэм, я тебя предупреждаю...

– А ведь она все еще недурна собой. Пожалуй, после того, как мы обстригаем следующее дельце, я сам к ней постучусь... Ага! Вы видели?

Они видели: в ночную тьму метнулась голубая искорка.

– Что это было?

– Ничего особенного, любопытные вы пройдохи. Они ничего не видели – верно, Натти? – Теперь Гэм говорил шепотом, словно остальные не могли его услышать. – Это наш с тобой секрет, Нат... Как бы мне хотелось переманить тебя к себе! Нам нужны такие парни, как ты.

Натан изо всех сил сдерживал Зуд, чтобы больше не просочилась ни одна капля.

– Тебе-то что за дело? – спросил он. – Ты еще до завтрашнего утра поступишь на службу к Господину.

– Это вряд ли. Последнюю пару раз он мне отказывал. И тебя тоже не возьмет. На улицах поговаривают, что он не любит конкуренции. Так что тебе придется-таки присоединиться к моей

шайке: в нашем городе больше нечем заняться. Да и в любом случае всегда стоит немного расширить горизонты. Ты ведь никогда не бывал за пределами трущоб, верно? Могу тебя уверить, в мире есть и еще кое-что помимо дождя и мертвожизни.

Гэм откинулся на стенку клетки, облизнул зубы и поднял брови. Он сложил руки на груди и вытянул ноги так, что сидевший напротив мальчик получил пинок в голень.

С глубоким вздохом Натан отвернулся от него.

Жирный парень заерзал, протискиваясь между двумя мальчиками по бокам от него, и наконец выбрался в проход посередине клетки. Жирными пальцами он пригладил назад свои сальные волосы и кивнул двум другим мальчишкам, худым и костлявым. Они наклонились к нему. Он что-то им прошептал. Они сжали кулаки и, словно свора собак, двинулись к Натану.

– Привет, – сказал ему жирдяй.

Натан взглянул на Гэма, но тот делал вид, будто спит, надвинув кепку с козырьком себе на лицо. Натан опустил взгляд к ногам. Только не Зуд. Только не Чесать.

Жирдяй встал перед ним, окаймленный с обеих сторон тощими приятелями.

– Я Кукушка, – сообщил он. – А это мои братья, Верняк и Облом.

Он улыбнулся, поцыкал зубами, потом улыбнулся еще раз.

– Ну, не то чтобы братья, – уточнил он, – но мы все живем в одном гнезде, так что можно особо не заботиться о манерах.

– Его нашли в куче нестираного белья, – сообщил Верняк.

– Заткнись!

– ...обляпанного птичьим дерьмом.

– Заткнись, я сказал! Не обращай внимания на этих двоих... В общем, откуда бы мы ни взялись, нашему папаше мы до смерти надоели, так что, если Господин нас не примет, он засунет нас в мешок и утопит, бросив с пристани, словно котят.

– Верняк?

– Облом!

– Так он и сделает. Поэтому мы хотим заключить с тобой джентльменское соглашение...

– Этот парень небось и не знает, что это такое.

– Хорошо, пусть будет уговор. Уговор вот какой: если ты покажешь нам, как делать такие искры, мы не вышибем тебе зубы. Больше того, мы не сломаем тебе хребет.

– Он может!

– Он любит все ломать.

– Вот именно. Я не собираюсь пойти ко дну с мокрой холстиной во рту, наевшись напоследок угольной пыли, только потому, что какой-то жабеныш знает волшебство и не хочет делиться. Мы все хотим жить, верно?

– Верняк!

– Точно!

Натан поднял взгляд от своих ботинок и посмотрел на троих ребят.

– Вряд ли это то, чего вы действительно хотите – чтобы это было внутри вас... Это не какой-то трюк. Это не игра.

Он встал. Секунду назад это был просто маленький мальчик, почти ничего не значащий в мире, и вдруг он будто озарился чем-то изнутри: его глаза вспыхнули, волосы встали дыбом, словно спокойный влажный воздух вдруг налетел ураганом.

– Вы хотите Искру? – проговорил он, дрожа. Зуд клокотал внутри него, требуя, чтобы его Почесали.

Гэм приподнял козырек кепки.

– Вы не сможете ее взять. Она принадлежит ему. Досталась по наследству, и теперь, по причине достижения им тринадцатилетнего возраста, у него пора расцвета. Верно я говорю, Натти? Нынче он вступает в свои права.

– Берите, – прошептал Натан.

Одно прикосновение – и он Почешет. Лишь одно прикосновение...

– Натти...

– Ну, берите.

Кукушка придвинулся ближе... протянул руку...

– Берите!

– Эй, сзади, что там опять за галдеж?! Ну ладно, я вас предупреждал.

Повозка остановилась. Поставщик слез с козел и пошел назад. Зуд исчез, так и не дождавшись, чтобы его Почесали. Поставщик развязал

веревку на дверце, сунул руку в клеть и зашарил внутри. Вот он ухватил чью-то лодыжку, первую попавшуюся, потащил на себя... Наверное, это должен был быть Натан или Кукушка, но его жертвой оказался какой-то неизвестный светловолосый парень. От рывка он вылетел на мостовую, хватая ртом воздух, и приложился коленями и черепом о деревянную клеть.

– Ах ты заплесневелая шкура! Ничего, сейчас мы тебя выдубим.

Поставщик обрушил свой кнут на неповинного паренька, хлеща его по щекам, по плечам; между купеческими мансардами защелкали звонкие хлопки. Три красных рубца мгновенно вспухли, проступив через въевшуюся грязь, тугие и яростно-багровые. Парень забился на земле, словно свежееоскопленная выдра. Поставщик перехватил кнут поудобнее и добавил три новых полосы поперек уже нанесенных, крестя ударами заливающегося слезами парнишку.

– Тихо значит тихо! Хотите, чтобы у моих лошадок уши заболели от вашей болтовни? Думаете, им нравится слушать, что вы тут несете? А, пс-сы? – Кнут хлестал снова и снова, по удару на каждый выдох. – Им... не... интересно... слушать... ваше... гавканье!

Парень упал на колени, и Поставщик шагнул к нему, чтобы довершить урок. Однако что-то внутри него – о нет, не сострадание и не стыд, а всего лишь сердечный приступ – заставило его схватиться за грудь. Он зашатался, переступая вперед и назад по кругу, словно ему вдруг вздумалось повальсировать. В конце концов он все же выровнял дыхание.

– Ну нет, Поставщик, старина... Твое время еще не пришло... – Он несколько раз врезал кулаком по собственным ребрам, задавая ритм сердцебиению. – Этой старой помпе еще качать и качать!

Убедившись, что порядок восстановлен, он ухватил парня за руку, поднял с земли и швырнул обратно в клеть. Тот рухнул рядом с Натаном, лицом на доски пола, неподвижно уставившись перед собой широко раскрытыми глазами.

– С ним же все в порядке, верняк? – спросил Верняк.

– Облом, – отозвался Облом.

Натан помог пареньку усесться на место, и повозка двинулась дальше.

В нескольких ярдах за поставщицкими воротами лошади заартачились. Они вскидывали головы и грызли удила, в воздухе чувствовался едкий запах их пота. От ударов копыт раздавался звон, словно от колокольчика Поставщика, высокий и чистый. Они были на Стеклоанной дороге.

Дорога, казалось, выростала из булыжников мостовой, постепенно проявляясь из их серо-зеленых, в пятнах лишайника, боков; на протяжении нескольких футов она выравнивалась, становилась темнее, превращаясь в единую гладкую монолитную поверхность, словно где-то имелаась литейная печь, способная расплавить вещество земли, придав ему зеркальный глянец. Черная тропа, подобная невероятно огромному куску черного янтаря, изгибалась идеальной плоской спиралью и уходила вбок и вверх над трупобами, огибая занятую городом гору и исчезая из виду, затем вновь появлялась с противоположной стороны, пересекала Торговый конец и опять пропадала; петля за петлей, она уходила все выше – над Плезансом и парком на склоне горы, вплоть до ворот Особняка на самой вершине.

Мальчишки заерзали на своих сиденьях. Перед ними была работа Господина, звучащая холодным звоном его магии.

Поставщик слез с козел, засунул свою трубку в карман пальто и прошел вперед, уже на ходу принимаясь оглаживать коренную лошадь. Он успокаивал и улещал ее, шептал ей ласковые слова и осыпал ее шею легкими поцелуями. Из-за пазухи он достал валяные пинетки, которыми принялся обтирать передние ноги лошади. Любой намек на Живую Грязь он удалял носовым платком, равно как и присосавшихся пиявок мертвожизни. Мало-помалу он дошел донизу и натянул пинетку поверх окованного железом копыта, затем повторил то же самое с другой ногой, неторопливо и ласково, пока обе лошади не оказались избавлены от неприятного, неестественного для них чувства ходьбы по стеклу. Лишь после этого они согласились двинуться дальше.

– А вы там на что уставились, а? Приберегите свои гляделки для тех, кому они по нраву, коли такие найдутся!

Если по булыжной мостовой повозка грохотала, кренясь из стороны в сторону, то Стеклянная дорога была настолько гладкой, что город плавно скользил перед Натаном, словно специально предназначенный для его взгляда, как будто дорога была выстроена лишь для того, чтобы обеспечить им обзор, продемонстрировать мастерство Господина. Надо сказать, что двигались они довольно быстро: на дорожное полотно была наложена эманация, ускорявшая движение путников вопреки уклону, во имя интересов Господина.

Некоторые части города были Натану знакомы (разумеется, хаотическая россыпь трущоб, трубы Фактории, выдавливавшие струи дыма из горнов внутри, плоские серые пространства и складские помещения Пакгаузов), но было здесь и множество таких вещей, каких он никогда прежде не видел. По мере того как его дом оставался все дальше, а петли Стеклянной дороги вздымались все выше, перед ними предстал квадрат изменчивой зелени, вытекавшей из склона горы, словно фабричный дым, которому так и не удалось рассеяться. Зелень была окаймлена высокой железной оградой, но колыхалась на ветру. В гуще мелькали древесные сучья, какие-то крылатые существа, что-то наподобие крыс с горделиво поднятыми меховыми хвостами. Еще глубже внизу виднелись залитые светом прогалины и голубая поверхность воды. Натан повернулся, разглядывая вид, но вскоре тот оказался закрыт бесконечным поворотом Стеклянной дороги и тут же затерялся в сумятице его памяти. Затем показались купеческие дома с цветными стеклами в окнах и острыми черепичными крышами. Между домами были улицы, освещенные желтыми фонарями, по которым ходили люди в перчатках, муфтах и кожаных колпаках.

Еще выше виднелась бронзовая филигранная арка, под которую уходила мощеная дорога. Эта дорога затем разделялась на множество других дорожек, которые также разделялись, разбегаясь и вновь соединяясь на пересечениях. В промежутках между дорожками стояли клетки, открытые к небу, но огороженные высокими стенами с окошками, за которыми были собраны странные звери, громадные, расквартированные попарно или семьями одного типа. Эти животные смиренно бродили по отведенному им пространству, медленно и осторожно, сперва в одну сторону, потом в другую; они спокойно разглядывали купцов, которые в свою очередь разглядывали их.

Затем впереди показался Плезанс, где дома были настолько высоки, что крыш, казалось, можно было коснуться рукой – огромные узорчатые флюгеры, громоотводы, горгульи на верхушках водосточных труб...

И вот в конце Стеклоанной дороги возник Особняк – огромный черный клин в россыпи сияющих окон, со всех сторон окруженный колоннадами, с торчащими то здесь, то там башенками, о назначении которых толковали и строили догадки на всех городских углах. По мере того как повозка приближалась к зданию, каждый начинал чувствовать его гнетущую, нависающую тяжесть. Особняк был чернее всего, что его окружало; он был настолько черен, что его было превосходно видно даже сквозь застланный облаками сумрак.

Оказавшись вблизи здания, мальчишки, все до единого, притихли. То, что недавно было всего лишь идеей, теперь превратилось в холодный факт, достаточно близкий, чтобы оценить его масштаб; настолько близкий, что его было невозможно игнорировать. Многим из них доводилось говорить – в условиях привычного отчаяния трущоб с напускной храбростью людей, знакомых с крайней нищетой, – что ничто не может быть хуже, чем шарить в Живой Грязи в поисках уклеек, или того, чтобы чернить себе глаза ради купцов, или сражаться с палтусами, заползшими в жилище из-под расшатавшейся доски. Но теперь? А вдруг могли быть вещи и похуже? Уже сейчас чужеродная чернота этого места казалась хуже всего, что они знали.

Натан не мог оторвать глаз от Особняка. На самом верху в стенах были вырезаны квадраты и щели, похожие на бойницы, и между каждой парой углублений располагались флаштки с черными полотнищами, струившимися по ветру к востоку. Башня вовсе не походила на утес – ее поверхность была украшена резьбой, а то, что он всегда считал просто неровностями, оказалось нишами, в которых размещались статуи. Стройные, удлиненные фигуры; пожалуй, даже изможденные. Их было не меньше сотни, они были одеты в настоящую ткань, с венцами на головах и шейными кольцами, отблескивавшими на свету. Все они указывали вниз, но куда, было невозможно догадаться.

Когда повозка преодолела последний подъем, перед ними открылась величественная лестница шириной с Цирк, которая полого

поднималась к волне дверей. Их было двадцать: посередине – огромные, высотой с дом, по краям – все меньше и меньше, вплоть до последних дверей с каждой стороны, рассчитанных, казалось, на гнома или собаку.

Поставщик осадил лошадей у подножия лестницы. Тут же из ниоткуда, словно бы из-под земли, вырос человек в ливрее, как будто возникший сразу в полной выкладке, вкупе с манжетами, воротничками и цилиндром.

– Пятнадцать, – буркнул Поставщик, не глядя на него.

Тем не менее тот подошел к задку повозки, чтобы пересчитать мальчиков. Он наклонился в проем двери, и те, кто сидел рядом, ахнули: его лицо было широкоскулым и плоским, и там, где должны были находиться глаза, не было ничего, кроме кожи; даже брови не нарушали гладкую поверхность.

Гэм подтолкнул сидевшего рядом мальчика:

– Обязательно найдется кто-то, с кем судьба обошлась еще хуже, чем с тобой; мой папаша всегда это говорил. И, похоже, он был прав.

Безглазый принялся считать, вытягивая длинные пальцы с необычными суставами, каждый из которых заворачивался назад. Подергиваясь, он вращал костяшку за костяшкой, словно счетовод, подсчитывающий выручку за день.

– Пятнадцать, – повторил Поставщик.

– Тринадцать, – возразил безглазый (впрочем, он не открывал рта, чтобы говорить: звук доносился из щелей в его гортани, раскрывавшихся для этой цели). – Один сломан, еще одному было отказано прежде.

– Я так и знал! – прорычал Поставщик и двинулся к Гэму.

– Вовсе не нужно так волноваться! Я сам уйду. Натти, теперь ты сам за себя, по-всамделишному. Когда возвратишься, мое предложение будет в силе.

– А как же мое вознаграждение, а, маленький воришка?

– Сперва заработай его, дедуля!

Гэм вывернулся из рук Поставщика, метнулся из клетки и побежал, а затем заскользил, согнув ноги в коленях, на вытертых до блеска подошвах своих башмаков вниз под уклон Стеклопанной дороги.

Безглазый щелкнул пальцами, призывая Поставщика к порядку. Тот машинально протянул руку, и безглазый отсчитал ему по плоской

серебряной монете за каждого из мальчиков, поглаживающими движениями отправляя их одну за другой в ямку посреди мозолистой ладони Поставщика, откуда тот одну за другой выхватывал их, освобождая место для следующей.

– Отведи их к заднему входу, а затем уходи.

– С радостью, – хрипло проворчал Поставщик.

VI

Оказавшись с задней стороны, они быстро позабыли черное великолепие выложенного широкими плитами фасада. Под чумазыми от сажи люками были навалены кучи шлака, торчащие из стены разномастные трубы изрыгали клубы дыма и пара. Повсюду кричали и суетились рабочие. Поставщик отрывисто рявкал, перекрикивая скрежет механизмов где-то в глубине, настолько громкий, что от него сотрясалась земля, а грязь шевелилась, будто в ней кишели муравьи. Хватая мальчиков по двое, Поставщик принялся вытаскивать их из клетки и отшвыривать поодаль, словно они были грязью, пачкавшей его хорошую солому.

Пришел безглазый и соединил вместе руки мальчиков: видимо, цепочку было проще вести, чем толпу идущих по отдельности детей. Светловолосый мальчик остался лежать там, где его оставили, и Поставщик, не обращая на него ровным счетом никакого внимания, захлопнул дверцу, едва не прищемив руку Кукушки, которую тот протянул, чтобы дотронуться до лежащего.

Когда они выстроились в линейку, безглазый взял за руку переднего мальчика и повел всю вереницу через двор к щели в земле, в глубину которой ныряла лестница. У верхней ступеньки передний мальчик заколебался, но безглазый, не останавливаясь, потащил всю их цепочку дальше, вниз, в темноту.

Грохот здесь стоял еще более невероятный: металлические зубья скрежетали друг о дружку, огромные молоты лупили вовсю, раскаленные докрасна поршни с лязгом ходили в исходящих паром двигателях, так что кости мальчиков сотрясались от вибрации. Стекланные чаны, наполненные Живой Грязью, опорожнялись через систему труб, уходивших во все стороны; изнутри к стеклу прижимались лица палтусов с абсолютно бессмысленным выражением.

Безглазый вел их узкими проходами промеж гигантских механизмов; масляная гарь попадала внутрь не только через ноздри, но – невероятно – даже через глаза и губы; к ней примешивался едкий сернистый и земляной запах Грязи. Каждый мальчик цеплялся за руки

идуших спереди и сзади, а шедший последним вцепился в руку впереди идущего обеими руками. Назначение машин оставалось неясным, по крайней мере для Натана, но было очевидно, что оно у них есть и механизмы следуют ему с неиссякающей, неутомимой энергией, яростно и без какой-либо оглядки на столь ничтожные создания, какими чувствовали себя здесь эти мальчики.

Здесь преобразовывали Грязь. Но во что?

Натан держал за руку Кукушку, и толстяк время от времени оглядывался. Если он искал поддержки, Натан ничем не мог ему помочь – хотя это место выглядело настолько зловещим, что он с радостью ободрил бы мальчика, если бы мог. Их предыдущие разногласия потеряли всякую важность. Предстоит ли им стать частью этих механизмов? Может быть, их будут запускать внутрь, чтобы высвободить заевшие детали, как мальчишек при ткацких станках в Торговом конце? Или прочищать засорившиеся трубы?

Было трудно сказать, какую информацию безглазый человек мог черпать из окружающего мира, но он двигался вперед, не останавливаясь ни на мгновение. Когда проход раздваивался или пересекался другим, безглазый без колебания выбирал нужный. Они то взбирались вверх по трапам, то снова спускались, и хотя Натан был исполнен решимости запомнить маршрут, их перемещения оказались настолько запутанными, что уже через несколько минут он перестал ориентироваться. Так они шли около часа. Ни разу за это время шум не стал хоть чуточку менее оглушительным; ни одна машина не прекратила свою работу, а Живая Грязь – свое перемещение по трубам.

Наконец они оказались в пространстве, относительно свободном от механизмов. Посередине свисала цепь со шкивом, к которому была прикреплена бадья такого размера, что в нее могли поместиться двое или трое мальчиков. Здесь безглазый человек остановился и загрузил в бадью Натана, Кукушку и того, с бритой головой. Шкив тотчас же дернулся вверх, и они взмыли в воздух. Натан и бритоголовый мальчик оказались лицом к лицу, их носы почти соприкасались. Натан поглядел вверх: цепь исчезала в темноте то ли в пятидесяти, то ли в ста футах над их головами; казалось, что она уходит в бесконечность. Однако через какое-то время там возник крошечный светлый квадратик, словно распахнутая дверь гостиницы в конце долгого пути по темноте.

Здесь, наверху, было не так шумно, и Натан попытался было сказать: «Смотри, вон там!» – но собственный голос донесся до него едва слышно, словно сквозь толщу воды.

Прокашлявшись, словно проблема была в этом, он сделал новую попытку, но в этот момент бадья наскочила на выбившееся звено в цепи, вся конструкция вздрогнула и накренилась. Внизу виднелись поднятые к ним лица других мальчиков, крошечные, словно последние зернышки риса, оставшиеся на дне глиняной плошки. Кукушка ухватился за Натана, оба ухватились за цепь, но третий мальчик вытянул руки наружу, словно пытался таким образом восстановить равновесие. Вместо этого он начал выскользывать, перевесившись через борт бадьи, отчего она накренилась еще больше.

– Брось его! – закричал Кукушка, но Натан, не слушая, выбросил руку и ухватил мальчика за запястье, отчего бадья едва не перевернулась, так что им с Кукушкой пришлось отчаянно замолотить ногами, чтобы снова подтащить днище под себя. Почувствовав, что мальчик выскользывает, Натан намотал виток цепи вокруг запястья, обхватил мальчика ногой за талию и вцепился в его шорты. Медленно-медленно он втащил выпавшего обратно в бадью и прижал к груди.

Только здесь Натан понял, что это вовсе не мальчик. Под грязью и страхом он увидел девочку с большим ртом и большими карими глазами. Ухватив Натана за ворот, она стиснула его обеими руками, вцепившись так, словно никогда не собиралась отпустить.

VII

Бадья довезла их до верха; моргая, они оказались на свету. Прежде чем они смогли сфокусировать взгляд, всех троих выволокли на холодную белую плитку, а бадья продолжила движение, перевалив через зубчатый ворот и без малейшей паузы принявшись спускаться обратно. Весь потолок был белым – один сплошной массив белого света. Детей выстроили в линейку на белом полу.

– Где горячая вода? – крикнула какая-то женщина.

– Ждет, пока ты ее нальешь, дурища, – отозвалась другая.

Третья подошла к ним, держа в руках портновские ножницы, которыми щелкала в воздухе перед собой на манер краба.

– Их раздеть или постричь? – спросила она, вклинившись в диалог.

– И то и другое. И ради Него, поторопись: там еще несколько на подходе.

Женщина подтолкнула Кукушку, отделяя его от остальных, и просунула ножницы между его пухлым животом и поясом брюк.

– Эй! – вскрикнул Кукушка. – Поосторожнее!

Остановившись, женщина поглядела на него. Она была одета в синюю клетчатую робу, ее волосы были убраны под косынку и стянуты так туго, что рот не закрывался до конца. Зубы у нее были темными, словно лакированное дерево. Она щелкнула ножницами, и штаны Кукушки свалились на пол. Женщина окинула его оценивающим, уничижительным взглядом.

– У тебя слишком много там, где не надо, и совсем ничего там, где стоило бы хоть что-то иметь. Если я случайно что-нибудь и отстригу, для всех будет только лучше. Руки вверх!

Кукушка поднял руки, и ножницы прошлись снизу доверху, так что и остальная его одежда сползла на пол. Когда он оказался совсем голым, женщина сунула ножницы в карман фартука и достала бритву. С ее помощью она лишила Кукушку волос на голове. Тот терпел унижение, как только мог.

– Бери швабру и сметай всю эту погань, кишащую Грязью, в дыру. Не беспокойся, Господин снабдит тебя новой экипировкой, независимо

от того, возьмет он тебя или нет. – Она пихнула его назад, к лежавшей на полу швабре. – Следующий! Эй, ты!

Девочка крепче прижалась к Натану, дыша так, словно пробежала целую милю.

– Давай-давай. Думаешь, у меня есть время на твоё скромничанье? Если бы ты имел представление о том, как выглядишь со стороны, то сам был бы рад, что есть кому привести тебя в порядок.

Натан взял руку девочки и отцепил от своего ворота.

– Она что, какая-то извращенка, да? – прошипела девочка. – Если она попробует что-нибудь выкинуть, я врежу ей ногой по дырке.

– Не знаю, – отозвался Натан. – Все будет в порядке.

– Вы только поглядите на эту сладкую парочку! – умилилась женщина. – Чирикают, что твои воробушки. Ну-ка быстро сюда!

Расправив плечи, девочка подошла. Когда ее начали раздевать, Натан отвернулся – он сам не знал почему.

– Ха! Да у тебя здесь еще меньше, чем у того!

– Засунь это в свою щель!

– Что тут засовывать? Ну-ка, повернись.

Когда с девочкой было покончено и с Натаном тоже, одна из других женщин по очереди окатила их горячей водой.

– Берите щетки и отскребайтесь как следует. Когда будете блестеть, как новенькие, и на вас не останется никакой мертвожизни, можете одеваться. – Женщина указала на скамью возле стены позади них, над которой на крючках висели в ряд белые балахоны, похожие на безголовые призраки.

Прежде чем она успела что-либо добавить, из дыры поднялась бадья с тремя новыми мальчиками, и женщина ринулась туда, чтобы приняться за них.

Если прежде дети были похожи на пугала, покрытые коркой грязи и пропитанные сыростью, то теперь они выглядели как фарфоровые куклы, только что вынутые из печи, прежде чем тем на головы успели наклеить волосы. Они стояли в одну линию, в белых балахонах, распластав босые ступни по плиткам пола. Женщины расхаживали вдоль шеренги взад и вперед, смахивая пару оставшихся волосков у одного, подстригая ногти другому.

– Беллоуз готов их принять? – спросила одна.

– Готовы ли они, чтобы Беллоуз их принял, – вот вопрос, – отозвалась другая.

– Пойду гляну еще разок.

Вернувшись, она вновь прошла вдоль шеренги; в одном месте, облизнув большой палец, оттерла оставшееся пятнышко, в другом ногтями сняла невидимую пылинку.

– Придется оставить так, как есть, но я сомневаюсь, что Беллоуз будет улыбаться, завидев вас. – Она дошла до конца шеренги и остановилась перед девочкой. – А ты, сестренка, можешь вообще забыть об этой затее. Он чует женские «выделения» на расстоянии в сотню ярдов, а Господин вообще не переносит нашего духу. Беллоуз говорит, что это нарушает Его равновесие и вносит сумятицу в Его работу.

– Я ему внесу сумятицу по самое не балуйся! Я ему...

Женщина поспешно шикнула на нее.

– Не мели языком, дитятко. Я тебя не выдам, нам стоит приглядывать друг за другом, но Беллоуза ты все равно не обманешь. Он чует, даже если в мальчишке есть что-то девчачье, а уж тебя вынюхает моментально. И вот что я еще скажу: с ним шутки плохи, и вообще здесь шутить не стоит. Даже мне, и уж наверняка не тебе. Там, наверху, есть только одна девочка – дочка Госпожи...

– Ну, это всего лишь слухи! Ты всему готова поверить, – воскликнула другая прачка.

– Я верю тому, что знаю. Ее привез сюда брат Беллоуза, и теперь Господин держит ее под замком, на карантине.

Вторая женщина скорчила гримасу и закатила глаза.

– Ты мне не веришь? А ведь я из Маларкои, так что кое-что знаю. Именно поэтому Госпожа посылает к нам огненных птиц: надеется вернуть свою Дашини обратно.

Внезапно говорившая бросила взгляд на потолок – туда, где, должно быть, обретался Господин. Она подергала себя за губу, очевидно беспокоясь о том, что сболтнула лишнего. Убедившись, что неведомая сила все еще не умыкнула ее, чтобы призвать к ответу за изменнические речи, она вновь повернулась к детям:

– Как бы там ни было, будьте вежливы, иначе вам же будет хуже. Время настало, сейчас я вас отведу. Ведите себя прилично! Никаких слез и нытья. И если Беллоуз вас не пропустит, не пытайтесь его

упрашивать: этим вы ничего не добьетесь, разве что вас выпорют кнутом. Держите рот на замке, и вскорости с вами будет решено – либо так, либо иначе. Наверное, стоит упомянуть, что в последнее время Господин принимал немногих, и из тех уже кое-кого уволили, так что, думаю, есть неплохой шанс, что кого-нибудь из вас Он возьмет. Уж не знаю, как по-вашему, хорошо это или плохо; я бы сказала, вопрос в том, насколько вам нужны деньги. Ну а теперь ступайте за мной, тихо и смиренно!

Она провела их через дверь в коридор, обшитый деревянными панелями, в котором кипело разнообразное движение: люди с подносами, люди с тележками, люди, выбегающие из одних дверей и вбегающие в другие; все они были одеты одинаково, в узкие черные сюртуки с длинными фалдами и доверху застегнутыми высокими воротниками. Натан с облегчением увидел, что у них, по крайней мере, имелись глаза и не было жабр, а когда они заговаривали, то делали это ртами.

– Поберегись! – выкрикал один.

– Сзади! – вторил другой.

Во всем этом не было ничего странного, за исключением скорости, с которой они все передвигались, и написанной на их лицах целеустремленности.

Выстроив детей вдоль стены, женщина сказала им:

– Ну, а теперь мне лучше уйти. Мы слишком близко к комнатам Господина; женщинам нельзя здесь подолгу находиться, а я не из тех, кто напрашивается на порку. Помните о том, что я вам говорила, и удачи вам во всем, на что бы вы там ни надеялись!

С этими словами она вернулась в помещение, где их приводили в порядок, а мальчики остались среди нескончаемого потока людей, занятых своими неотложными делами.

Девочка стояла через несколько человек от Натана, наклонив голову и стиснув зубы. Натану хотелось подойти к ней, но каждый раз, когда он пытался двинуться с места, кто-нибудь проносился перед самым его носом или мимо грохотала тележка. Возле него заливался слезами плакса. Кукушка, стоявший с другой стороны, схватил Натана за руку:

– Это он? Беллоуз?

По коридору в их направлении двигалась фигура – было бы неверно назвать ее человеком – с руками и ногами тонкими, как березовые ветки. Он сильно горбился и двигался так, словно его колени гнулись назад, а не вперед. Его одежда была сплошь черной, с золотым шитьем. На нем был высокий цилиндр, опиравшийся спереди на переносицу огромнейшего носа, который был длиной в человеческую ладонь и торчал перпендикулярно лицу. Нос этот напоминал лопасть весла или руль, и именно он появлялся всюду первым. Если у этого существа и были глаза, их не было видно из-под цилиндра; если у него имелись жабры или рот, они прятались за высоким накрахмаленным воротником. Кишевшие в коридоре люди при виде него расступались, не подходя ближе чем на фут с каждой стороны. Никто не смотрел на него прямо, при его приближении все отводили глаза.

В десяти шагах от детей фигура остановилась, и одна рука с растопыренными пальцами немедленно взмыла в воздух.

– Ага! – произнес он. – Нос Беллоуза чует запах женского ребенка. Быть девочкой – само по себе вовсе не преступление, определенно нет! Без женских детей мир оказался бы в весьма опасном положении, ведь это поставило бы под угрозу в дальнейшем единственный источник мужских детей. Однако разве Госпожа, наш враг, не принадлежит к женскому роду, одним этим фактом навлекая дурную репутацию на весь свой пол? Впрочем, тебе вовсе не следует презирать себя: о тебе будут судить исходя из твоих действий, а не случайности твоего рождения. Но на данный момент для целей Господина ты представляешь собой меньше, чем ничто! Твоя близость причинит Ему раздражение. Он не снисходит до вынюхивания (на это у него есть Беллоуз!), однако женская вонь обладает такой едкостью, что от нее вибрирует даже воздух! И, опять же, пусть это тебя не беспокоит, ибо многие дурнопахнущие вещества имеют свое применение – некоторые сыры, нашатырь... Это просто факт. Поэтому до поры до времени тебе следует закрыться вместе с особами твоего пола, чтобы причинять наименьшее неудобство тем, кто тебя окружает.

Беллоуз двинулся вперед, одновременно указав пальцем на девочку. В тот же момент один из людей ухватил ее и потащил прочь. Она принялась брыкаться, брызжа слюной и сверкая глазами на шеренгу:

– Убери лапы, ты, извращенец!

Натан автоматически бросился на помощь, но откуда ни возьмись появился еще один служитель и удержал его. Натан ощутил Зуд, позволил ему пробежать по плечам, вниз по рукам до кончиков пальцев, готовый Почесать, – но здесь было слишком душно, и чувство заглохло. Вместо этого он ударил кулаками, однако удар получился несильным.

– Восхитительно! – воскликнул Беллоуз, который наблюдал за происходящим с выражением восторженного изумления. – Подумать только, мужской ребенок, вопреки всему, ощущает чувство утраты по отношению к подобному существу! Это благородно. И к тому же практично! Ибо если бы не это чувство, разве детородное соитие, весьма вероятное впоследствии, не оказалось бы невыносимым?

Беллоуз двинулся вперед, разрезая носом воздух, словно лодка, рассекающая воду. Не дойдя до Натана нескольких шагов, он вновь остановился.

– Неужели вонь девочки была такой сильной, что должна была заглушать это?

Решив, что Беллоуз направляется к нему, плакса разревелся еще сильнее, но внимание служителя было направлено на Натана. Остановившись перед ним, он слегка приподнял свой нос, словно винодел, готовящийся оценить свежееоткупоренную бутылку вина. Когда нос оказался под нужным углом, произошел свистящий вдох, ноздри Беллоуза раздулись, раскрывшись перед Натаном двумя черными дырами. Тот непроизвольно отпрянул.

– Беспрецедентно! Такая насыщенность! Да, здесь не может быть сомнений.

Беллоуз положил руку Натану на плечо, и тот был выведен из шеренги и помещен отдельно сбоку.

– Ты, плачущий. Полагаю, тебе известно о могущественных свойствах слез в приготовлении определенных составов? Вполне возможно, что ты тоже будешь избран.

И плакса также оказался в стороне.

– В толстяке надобности не будет. Тебя окружает зловоние гуано и прокисшего пота. Господин не захочет тебя видеть. Из остальных я замечаю лишь двоих, которые могут на что-то сгодиться; возможно, во вспомогательной роли. – Беллоуз по очереди положил ладонь на

каждого из них. – Те, кого я не назвал, возвращайтесь в свои жилища с радостью в сердцах! Вы побывали на расстоянии в несколько комнат от Господина Мордюю! Вам посчастливилось разделить с Ним свое существование, и хотя вы, скорее всего, больше никогда сюда не вернетесь, в вас навсегда останется хотя бы частичная память о том, какое величие скрывает в себе этот мир. Какие чудеса! Пусть эта мысль утешает и поддерживает вас на протяжении вашего дальнейшего прискорбного существования. Если вы когда-нибудь почувствуете себя несчастными, вспомните этот день и не забывайте, какая честь была вам оказана, когда вас допустили сюда. А теперь постарайтесь удалиться как можно быстрее, чтобы вы могли поскорее восхититься выпавшей вам удачей, сравнив ее с унылой грубостью жизни во внешнем мире!

Повинуясь указаниям Беллоуза, служители поспешно увели тех, кто не был избран, так что остались только четверо.

– А теперь вы, мальчики мои. Вы не можете себе представить, насколько вам повезло, поскольку у вас пока что просто нет никакого способа это понять. Однако не пройдет и часа, как вы будете находиться в одной комнате с Господином! Как знать, возможно, на вашу долю выпадет даже нечто большее!

Натан попытался разглядеть, куда служители увели девочку, но его пихнули вперед, заставив вместе с другими последовать за Беллоузом, который проворно и размашисто шагал по коридору, не переставая восклицать:

– О, как я вам завидую, мужские дети! О, это восхитительное состояние нервного возбуждения! Предвкушать появление легенды (нет, полубога!), пока еще даже не понимая, насколько мало Его репутация отдает Ему должное! Насколько Он превосходит даже самые преувеличенные слухи, какие могли до вас доходить. Вы приближаетесь к божеству, сколь бы нечестивой ни объявили подобную идею ваши ведуньи. Однако что они могут знать? Ведь они никогда Его не видели. Если бы они узрели Господина, то, несомненно, тут же отбросили бы свои ошибочные верования и поклонились бы Ему! Так же, как это сделал я... Некогда я был таким же, как вы, – несознательным, неподготовленным; и если бы не мощь Его бесконечного великолепия, безграничного в своей способности поражать, то я бы в одно мгновение вернулся к этому состоянию,

чтобы еще раз вкусить Его чудеса с позиции того, чьи глаза никогда не были открыты. С точки зрения слепого крысеныша, впервые видящего солнце. Итак, трепещите, готовясь в полной мере вкусить Его изумительность!

В дверном проеме Беллоуз остановился и обернулся к ним. Мальчики застыли как вкопанные. Чудовищный нос вновь принялся их обнюхивать, в то время как руки по обе стороны совершали приглашающие движения.

– Смелее! За этой дверью находится вестибюль, в котором Господин проявит Себя.

Мальчики не шевелились.

Беллоуз кивнул, торжественно склонив свой нос:

– Совершенно верно. Теперь вы сомневаетесь, достойны ли вы. Вы сомневаетесь, имеете ли вы право – в своей грубости, своем невежестве, своей нищете – предстать перед Ним! Позвольте мне вас заверить, что ваши опасения обоснованны. Вы действительно слишком грубы. Вы *поистине* чересчур невежественны. Вы *в самом деле* ужасно бедны. В вас нет ничего, что заслуживало бы внимания Господина. И все же некогда то же самое можно было сказать и обо мне!

Беллоуз нагнулся над ними, так что его нос оказался на одном уровне с мальчишечьими головами. Ноздри сжимались и вновь расслаблялись, что, очевидно, говорило о великом сдерживаемом волнении.

– Некогда я был таким же, как вы! Маленьким. Беспольным. Я тоже считал, что не имею никакой ценности. Я тоже трепетал при мысли о том, чтобы поступить на службу к Господину. Однако посмотрите на меня теперь! – Он распрямился и воздел стиснутый кулак, задрав нос к потолку. – Господин сумел преобразовать низменный металл моего существа в чистейшее золото! Он возвысил меня, подняв из грязи и заставив служить высшей цели! Поэтому, мужские дети, вы должны гордиться – не тем, кто вы есть, ибо сейчас вы ничто, но тем, кем вы *можете* стать по милости Господина!

Вопреки призыву Беллоуза, мальчики вовсе не выглядели гордыми, совсем наоборот, но Беллоуз, кажется, этого не замечал. Он открыл перед ними дверь, отступил в сторону и принялся подгрести их к проему растопыренными, похожими на сучья пальцами.

VIII

Вестибюль был огромен и настолько полон пространства и белизны, что было трудно понять, где находится другой конец. Натан моргал и крутил головой, надеясь, что какая-нибудь невидимая деталь появится на свет или что от перемены угла что-то разъяснится, однако ему по-прежнему казалось, будто они вступили в новый мир, белый, чистый и пустой. Когда Беллоуз затворил за ними дверь, иллюзия стала окончательной: теперь с любой стороны от Натана не осталось абсолютно ничего, что могло бы привлечь его внимание. Разве что, может быть, на краю зрения то здесь, то там возникала некая размытость, однако было невозможно понять, что именно там размыто.

– Это помещение Господин создал, чтобы отделить Свое жилище от мира обычных людей. В него только один вход, и уйдет немало минут на то, чтобы добраться до другой стороны. Заклинаю вас, мужские дети, не пытайтесь в своем нетерпении пересечь его самостоятельно! Через эту комнату ведет лишь одна тропа, и она отмечена не теми знаками, которые может увидеть любой, но теми, которые доступны лишь посвященным.

Нос Беллоуза прошелся из стороны в сторону, он медленно кивнул.

– Вполне можно понять ваше желание поскорее кинуться к лестнице, ведущей к Его двери; но если вы поддадитесь ему, то в одно мгновение обратитесь в прах! В большей части этой комнаты Господин разместил волоски невероятной тонкости, настолько тонкие, что даже свет не берет на себя труд их освещать, но проходит мимо с обеих сторон. Случись вам пересечь такой волосок, и вы окажетесь в той же позиции, что очищенное вареное яйцо в яйцезерке: вы окажетесь мертвы прежде, чем успеете понять, что с вами происходит... Здесь возникает интересный вопрос: если человек не осознает своей смерти, значит ли это, что он продолжает чувствовать себя живым? Если вы желаете найти на него ответ, вам достаточно лишь попытаться пересечь это помещение без посторонней помощи. Здесь есть проход, и я могу воспринимать его со всей ясностью – но это знание доступно лишь мне одному.

Натан протер глаза подолом своего балахона. В комнате, несомненно, имелась какая-то размытость. Когда он отводил взгляд от окружающего пространства и фокусировал его на кончике носа Беллоуза, описывавшего неспешные восьмерки на протяжении речи, если он при этом, не отвлекаясь, сосредотачивался исключительно на нем, то становилась видна тоненькая паутина или что-то очень похожее, тянувшееся через всю комнату.

– Если Господин отметит вас Своим знаком, я буду сопровождать вас до этой двери. Не отходите от меня ни на шаг! Ширина прохода достаточна лишь для трех человек, идущих бок о бок; если вы замешкаетесь или начнете баловаться или в нетерпеливом восторге захотите побежать вперед, от вас не останется ничего, что могло бы пожалеть об этом!

Теперь Натан видел проход. Если он поворачивал голову, чтобы посмотреть прямо, видение рассеивалось, но, глядя в сторону, он мог краем глаза проследить тропу, вилявшую то вправо, то влево через весь вестибюль.

– Я довольно ловок, – продолжал Беллоуз, – но ловкость моя далеко не та, что прежде, а долгие годы, проведенные в удовлетворении потребностей Господина, лишили меня способности понимать ту животную хитрость, какой вы, мужские дети, обладаете. Я не пытаюсь искать себе оправдание. Если, вопреки доводам рассудка, вы попытаетесь бежать, я постараюсь вас остановить и удержать, ради вашей собственной пользы и ради блага Господина, но я не могу гарантировать, что моя попытка увенчается успехом. Лишь вы сами можете быть гарантами собственной безопасности. Когда Господин появится перед вами, сдерживайте свои чувства, а также сдерживайте ваши движения!

Словно по сигналу, на другой стороне комнаты отворилась дверь, видимая лишь как силуэт на белом фоне. Беллоуз судорожно вздохнул полной грудью:

– Это Он!

В дверном проеме показалась тень. Хотя расстояние было огромным, тень очень ясно выделялась по контрасту с однообразием помещения. Это был мужчина. Он остановился на пороге, поддергивая рукава и оправляя на себе сюртук. Его руки не обладали необычайной длиной, и суставы гнулись в нужную сторону. Положив ладонь себе на

голову, он пригладил волосы. На нем не было ни цилиндра, ни жесткого воротничка. Когда он поднял руки, чтобы поправить галстук, в его движениях не было ровным счетом ничего необычного.

А затем, в одно мгновение, он оказался перед ними – очевидно, для него не было необходимости преодолевать промежуточное пространство с помощью прохода.

– Добрый день, – проговорил он.

Его голос звучал спокойно и благожелательно, словно голос доброго дядюшки. На нем был самый обыкновенный костюм, скроенный по стандартному образцу, уважаемый и неброский. Мужчина был примерно одного возраста с Натановым отцом, хотя значительно лучше сохранился.

Беллоуз склонился так низко, что ткнулся кончиком носа в пол перед собой. Когда Господин попросил его выпрямиться, он вытер испачканное место носовым платком.

– Право же, Беллоуз, вовсе нет необходимости в таких формальностях!

Господин повернулся к мальчикам. У него было приветливое лицо, открытое, с пытливым выражением глаз. Он уделил первому мальчику в шеренге – им оказался плакса – не меньше внимания, чем можно ожидать от кого бы то ни было в отношении любого человека независимо от важности его положения.

– Молодой человек, – произнес он, – что мы можем сделать, чтобы вас развеселить, как вы считаете?

Плакса, с блестящими от слез щеками, поднял голову. Господин улыбнулся, и мальчик поглядел ему в глаза.

– Ну вот, и вовсе незачем плакать, верно? Все не так уж и плохо. Как насчет леденца? – Господин протянул ему леденец на палочке, хотя откуда тот взялся, Натан не мог бы сказать. Мальчик не двинулся с места, но облизнул губы. – Берите, берите! Я никому не скажу.

Мальчик протянул руку. В этот момент в воздухе что-то мелькнуло, слишком стремительно, чтобы уследить, но когда лакомство оказалось в руке мальчика, его щеки уже были совершенно сухими. Натан моргнул, но никто другой, кажется, ничего не заметил. Плакса, который больше не плакал, засунул леденец себе в рот. Господин улыбнулся и кивнул Беллоузу.

– Видите, Беллоуз, – заметил он, – мои леденцы – превосходное лекарство от хандры! К счастью, у меня их неисчерпаемый запас.

Доказывая его правоту, в его руке появились еще четыре. Сунув один себе за щеку, Господин предложил другой следующему мальчику в ряду.

– А вы, сэр, кто будете?

– Роберт, – отозвался тот, беря леденец.

– Что же, Роберт, надеюсь, вы из тех парней, которые любят приключения?

– Смотря какие, – сказал Роберт.

Господин улыбнулся и снова кивнул Беллоузу.

– Готов поспорить, что любите! И у меня есть предложение как раз для вас. Как бы вам понравилось служить на моем корабле, а? Думается мне, эта работенка придется вам в самую пору!

– Всяко может быть, – сказал Роберт.

– Разумеется! – И вновь промелькнуло что-то – неуловимое для глаза, оно измерило мальчика в высоту, затем в ширину и в глубину. – Да, я думаю, вы превосходно подойдете для этого места, и в леденцах у вас недостатка не будет!

И здесь Господин не замешкался даже на долю мгновения, и никто не отреагировал ни малейшим образом. Движение было того же порядка, что и паутина, – его нельзя было увидеть прямо. Натан устремил взгляд на далекий дверной проем и намеренно сосредоточил его там, когда Господин обратился к следующему мальчику:

– А вы? Не доводилось ли вам задумываться о том, чтобы посвятить себя садоводству? У меня здесь имеются очень редкие цветы, которым необходим уход. Вы кажетесь мне мальчиком, который разбирается в растениях. Могу я взглянуть на ваши руки?

Мальчик протянул ему руки – Натан увидел это и теперь. За какую-то долю секунды Господин вынул из сюртука иглу и уколол ею ладонь мальчика. Проступила капля крови, Господин подцепил ее кончиком ногтя и поднес к губам – а затем его руки оказались на прежнем месте, словно ничего не произошло.

– Чудесно! Я вижу в вас большой потенциал. Вы обладаете всем необходимым, чтобы со временем стать главным садовником, это совершенно ясно! Если вы целиком посвятите себя этому занятию, я уверен, что мои растения будут процветать. Ну а вы...

Он повернулся к Натану – и замер с приоткрытым ртом на середине произнесенного слога. Затем его лицо словно бы оплыло, совсем чуть-чуть, но в достаточной мере, чтобы все черты слегка провисли – складка губ, щеки, веки... Господин кашлянул, и все вернулось на надлежащие места.

– Беллоуз, – проговорил он голосом, в котором было нечто, напоминающее кваканье, некая лягушачья хрипотца, словно его глотка вдруг оказалась слишком тесной. – Кто это тут у нас?

Беллоуз придвинулся вперед, склонившись уже не настолько низко, как прежде, но в неизменной согбенной позиции.

– Боюсь, сэр, что мы с этим мальчиком не были представлены друг другу. Я ощутил в нем благоухание Наследственности. Очень сильное! Чрезвычайно любопытный экземпляр.

Господин кивнул, продолжая смотреть на Натана. Он не отводил от него взгляда ни на секунду, даже чтобы моргнуть.

– Откуда его привезли?

– Он прибыл вместе с вашим Поставщиком с Юга, как и все они.

– Понимаю... Молодой человек, назовите мне ваше имя.

Господин наклонился вперед. У него были внимательные карие глаза, но красные прожилки усеивали белки. Его лицо было припудрено, но в тех местах, где пудра осыпалась, из-под нее проглядывала серая кожа – кожа человека, которого одолевают заботы или который слишком мало спит. Воротник его рубашки был слегка потерт, и теперь он гораздо больше напомнил Натану отца – осунувшийся, нездоровый.

– Меня зовут Натан...

Господин поднял руку.

– Тривз... – закончил он.

Натан кивнул, но Господин уже отвернулся от него.

– Беллоуз. Для этих троих я могу найти применение. Последний... мне не подходит.

– Но, сэр! – Натан ухватил Господина за рукав. Тот обернулся, и Беллоуз застыл, охваченный ужасом. Господин воззрился на руку Натана так, словно перед ним было нечто поистине необыкновенное. Натан поспешно отдернул ее. – Я должен у вас работать! Так сказала мама. Папа очень болен, и если не будет денег на лекарства, он умрет! У нее не хватит хлеба на нас обоих!

Господин пристально разглядывал Натана.

– Как ты, уже искришь? – спросил он.

Натан молчал, испуганно думая о том, что этот человек каким-то образом вызнал его секрет. Ему хотелось ответить отрицательно, чтобы скрыть свой позор; он даже попытался сделать это, но его голова кивнула помимо его воли.

– Ну так прекрати это делать, – резко проговорил Господин, – если тебя хоть немного заботит твое благополучие. Беллоуз! Уведите его.

И Беллоуз увел Натана прочь, прежде чем тот успел произнести еще хоть слово.

IX

Ветер разыгрался, и в Морскую стену с грохотом бились волны. Облака соленых брызг накатывали словно туман, приправляя воздух своим вкусом, застилая трущобы поземной пеленой, так что казалось, будто они живут на какой-нибудь горной вершине, а не в вонючей грязной яме у подножия города. Огненных птиц не было (в шторм они не летали), но море так громко билось в сооруженный Господином волнолом, что было невозможно расслышать ничего другого. Отступая на короткое время, волны с шипением уходили в гальку, и тогда их шум сливался с воем ветра, врывавшегося в лачуги сквозь щели между досками.

Натан уже видел впереди свой дом: крошечный, отвоеванный у Живой Грязи пяточок, границы которого отмечали куски размокшей древесины и гнилых веревок, объединенные в нечто целое при помощи нескольких горстей смоляного вара, который удалось наскрести из бочек, принесенных волнами из порта. В многочисленные дыры просачивался свет уличных фонарей, жидкий и болезненный, словно даже свет здесь не мог оставаться здоровым. Дверь была подперта колышком с одной стороны и завязана с другой; Натан развязал петлю и протиснулся в открывшееся отверстие.

Мать сидела, уставясь в угли очага. Услышав его, она не подняла головы – только напряглась и сжалась, словно кошка, почувствовавшая приближение собаки. Не отрывая взгляда от огня, она собрала волосы сзади и подвязала их веревочкой, оставляя на шее полосы сажи. Потом наклонилась и подобрала с края очага хрупкий кусочек перегоревшей древесины размером с горошину. Она раздавила его между большим и указательным пальцами и растерла в порошок. Когда порошок оказался достаточно мелким, она закрыла глаза и запрокинула голову, так что лицо обратилось к потолку. Ее губы слегка раздвинулись – они были полными, но почти синими, словно ей не хватало воздуха, чтобы дышать. Кончиками пальцев она растерла порошок по векам, размазала вдоль ресниц.

– Что вам угодно? – спросила она. Ее голос звучал тихо и покорно.

– Мама, это я.

Она подскочила, словно ужаленная, широко раскрыв глаза, потом яростно стерла с них угольную пыль рукавом. Она заморгала: немного порошка попало ей в глаз. Натан подошел к ней, смочил слюной собственный рукав и уголком ткани промокнул и протер, где было необходимо.

– Все, больше нет, – сказал он.

Если это было и так, мать не стала открывать глаз. Наоборот, стиснула веки еще плотнее.

– Мой мальчик... Мой прекрасный мальчик... – проговорила она, качая головой и покачиваясь всем телом, сжав кулаки так же крепко, как глаза.

Натан положил руку ей на плечо. Мать взяла ее и поцеловала в ладонь, по-прежнему не раскрывая глаз, вдохнула в себя его запах.

– Мой милый мальчик, – повторила она.

Натан стоял, не зная, что делать дальше.

– Мама, все хорошо. Я вернулся.

Она открыла глаза.

– Почему?

Натан наклонил голову.

– Он меня не взял.

– Ты ему объяснил?

– Конечно.

– Так он знает?

Поднявшись, она обхватила его руками и притянула к себе.

– Глупый, глупый ребенок! Что же мы теперь будем делать? – Она оттолкнула его. – Что мне теперь придется делать?

Она дала ему пощечину. Он не реагировал. Она шлепнула его еще раз.

– Я пытался, но ничего не вышло.

– Что же нам теперь делать?..

Пощечины сыпались одна за другой, все более яростные и сильные, но и беспорядочные – более частые, но менее болезненные. Она раз за разом повторяла одну и ту же фразу, выпуская слово то тут, то там, пока не осталось только «Что?..», которое она произносила снова и снова.

Из другого угла комнаты раздался кашель.

– Ну вот! Ты его разбудил! Что, если кто-нибудь войдет?

– Я пригляжу за ним.

Натан отодвинул простыню и протиснулся в темноту, куда не проникал свет от очага. Здесь все было скрыто тенью – заменявшие мебель ломаные поддоны, подобранные в Конюшенных рядах ломаные лампы, кучи распоротых тряпок, ожидавших, пока их сошьют заново. Натан стоял в темноте, стараясь дышать потише, чтобы расслышать ритмичное сипение, которое бы означало, что его отец по-прежнему спит. Он стоял не шевелясь, прикрыв глаза и вслушиваясь изо всех сил, в надежде что-нибудь различить.

Сначала все было тихо, но потом послышался звук какой-то возни, шуршание, скрип деревянных досок, на которых лежал матрас. Натан взял с верхушки перевернутой коробки свечной огарок и зажег его.

Отец стоял на четвереньках в постели, его сорочка отвисла, зияя отверстием ворота, простыня сбилась комками. Сперва Натан подумал, что он отдыхает, набираясь сил для тяжелой работы по слезанию с кровати, но затем увидел, как натянута кожа его рук на костяшках пальцев – сухожилия проступили полосами, так крепко он вцепился в матрас. На глазах Натана краснота разлилась по лицу его отца и дальше вниз, по шее, где под кожей тоже натянулись стальные жилы. Его рот был полуоткрыт, как у зайки, который тщетно пытается что-то сказать; нижняя челюсть дрожала от напряжения. На несколько секунд он раскрыл глаза, выкаченные и налитые кровью, но тут же снова закрыл их, так ни на что и не посмотрев, словно боялся, что от этого они могут лопнуть.

Он передвинулся на несколько дюймов, так что теперь его руки сжимали край матраса. Раздался звук. Сначала очень тихий, и Натан даже понадеялся, что звук исходит из его собственного тела, а не из отцовского: сипящее, пузырящееся, натужное исхождение воздуха, словно воздушный шар сдувался через проколотое крохотное, почти не существующее отверстие. Отцовский рот широко раскрылся, кожа на губах натянулась и побелела так же, как и на костяшках, на лбу, на проявившихся сквозь кожу костях черепа.

Он пытался выкашлять червя – но уже очень скоро ему будет нужно снова вдохнуть.

Натан подошел к отцу, как всегда не зная, чем ему помочь. Ему хотелось похлопать отца между лопатками, но тот казался таким хрупким, его ломкий хребет так явственно выпирал сквозь

заношенную ночную сорочку, кожа выглядела настолько тонкой, что он не осмелился. Вместо этого он просто положил туда ладонь и мягко потер, словно это могло хоть что-то изменить. Отец наклонил голову, бессильно опустил на кровать, словно получив позволение сдаться, и в его гортань со свистом ворвался поток воздуха – который, впрочем, немедленно был исторгнут обратно с приступом мучительного кашля, исходившего откуда-то из глубины живота и сотрясавшего его, как пес трясет зажатую в зубах крысу.

Натан пытался утихомирить содрогания отца, но тот оттолкнул его и, невзирая на продолжающийся кашель, вновь поднялся на четвереньки – и все началось заново, вот только на этот раз с его трясущейся нижней губы свисала тоненькая струйка слюны. Он задрал вверх заднюю часть тела, выпрямил ноги, обеспечивая себе упор против того, с чем боролся внутри себя, и сипящий, клокочущий, натужный звук раздался снова, уже громче. Теперь к нему добавилось рычание – упрямое, гневное. Отец впился пальцами в матрас так, что тот лопнул, и в его кулаках оказались комки серовато-черной набивки. Его рот был раззявлен, жилы на шее натянуты, кошмарный звук становился все громче и громче...

Вскоре он уже выгнулся над кроватью дугой, только что не сложившись пополам; его ноги распрямились полностью, жилы дрожали, как натянутая тетива. Звук превратился в жуткое клокотание, словно он пытался выдавить через рот собственные внутренности. Натан отступил на шаг и, к своему стыду, был вынужден заткнуть пальцами уши: он не мог себя заставить это слушать. Когда, несмотря на пальцы, звук все равно проник внутрь, он принялся мычать (не какую-то определенную мелодию, он не мог сейчас вспомнить ни одной), и если бы мычанием он мог ослепить себя, то сделал бы и это, однако он не мог перестать смотреть. Слишком много страха, слишком много любви...

Натан смотрел и мычал во весь голос, параллельно мыча мысленно у себя в голове, чтобы изгнать из памяти саму память об этом звуке. Внезапно его отец застыл еще больше – больше, чем можно себе представить; стал абсолютно неподвижным, словно обратившись в камень. Через его нижнюю губу скользнул маленький, тонкий, черный легочный червь, длиной с фалангу пальца. Извиваясь, он упал на простыню перед отцом Натана, который тут же рухнул на кровать

бесформенной кучей, словно марионетка, которой перерезали нитки. Натан бросился вперед и подобрал червя, зажав двумя пальцами.

Возле постели стояла эмалированная жестяная миска, похожая на перевернутый шлем. Натан кинул в нее червя. Миска была полна на две трети – копошащаяся черная масса, сотни блестящих извивающихся тел. Натан взял миску и вытряхнул содержимое в Живую Грязь, встретившую червей бешеными всплесками.

– Ты в порядке, па? – спросил Натан, но отец то ли спал, то ли был без сознания.

– Ему нужно лекарство.

Мать стояла за его плечом.

– Знаю. У нас есть хлеб?

– Осталась одна корка, и это все.

– Где?

Мать вытащила хлеб из деревянного ларца с защелкой, куда прятала съестное от палтусов. Натан взял корку и подошел к отцу. Он опустился на колени возле постели. Хлеб был твердым, сухим, словно наждак, таким же шершавым (вероятно, опилок в нем было не меньше, чем муки) и совсем без запаха. Натан разломил кусок пополам: посередине мякиш был получше, и он выковырял оттуда немного, скатав в шарик.

– Папа, – шепнул он.

Ответа не было.

– Папа, – повторил Натан.

Лицо отца было неподвижным, лишь колышущиеся тени от свечи создавали впечатление движения. Его губы были раздвинуты, будто бы в улыбке, однако запавшие глаза и глубокие морщины, врезавшиеся в кожу вокруг, утверждали обратное. Натан поднес хлебный катышек к его лицу.

– Папа, тебе надо поесть.

– Оставь его. Он спит.

– Он же не может есть во сне, верно?

– И когда выкашливает червей, тоже не может, верно?

– Ему надо поесть. Папа! Просыпайся!

Но отец не просыпался. Он продолжал лежать абсолютно неподвижно. Натан поднес шарик к собственным губам, взял в рот, немного пожевал. Потом вынул – теперь хлеб стал мягче, словно

размокшая бумага. Он снова поднес его к губам отца, протолкнул внутрь.

– Папа! Постарайся это проглотить.

– Он не может. Он не шевелится.

– Папа?..

– Его уже нет, правильно?

– Папа!

Встревоженный, Натан протолкнул хлеб еще дальше, до зубов. Неужели отец действительно умер? Он взял отца за челюсть, принялся двигать ею, совершая жевательные движения.

Отец рывком поднялся и вцепился в его руку, пронзая его воспаленным взглядом:

– Никогда... Натан... Никогда не делай этого!

Его дыхание было кислым; от него пахло червями, как от кишашего личинками сырого мяса. Натан попытался высвободиться, но костяные пальцы отца крепко вцепились в его запястья, держа их мертвой хваткой.

– Лучше умереть... Лучше совсем пропасть, чем использовать эту силу! Ты уже большой... Ты понимаешь меня, сынок?

Натан энергично закивал, не столько соглашаясь, сколько из желания закончить все это, дать отцу то, что он хочет, чтобы он снова лег. Но отец не ложился. Как Натан ни отодвигался, отец дюйм за дюймом подтаскивал себя следом, так что это ужасное, обтянутое пергаментной кожей лицо по-прежнему оставалось перед ним, а воняющее смертью дыхание продолжало обжигать щеки.

– Она развратит тебя... Погубит тебя... Под конец ты сам начнешь губить то, что любишь... не зная. Не зная и наслаждаясь! Ты понимаешь, Натан, дорогой мой мальчик? Понимаешь, о чем я говорю? Я буду тебе помогать, пока я жив... Сдерживать эту силу, держать ее в себе, пока могу... Но ты должен стать сильным. Потому что, когда я умру...

Приступ кашля накатил на него волной, начавшись от поясницы и пройдясь по всем костям, с хрустом, словно купец, разминающий пальцы. Только теперь отец ослабил хватку и принялся шарить в поисках ножки стула, доски – чего угодно, за что можно схватиться. Натан отпрыгнул назад, так что, когда он снова согнулся пополам, Натан уже спрятался за мать.

– Ему нужно лекарство. Я пойду.

Она схватила его, пытаясь удержать, но Натан вывернулся из ее рук.

Он бежал, оскальзываясь среди луж Грязи и куч копящегося мусора. Если мать и кричала ему вслед, ее голос затерялся в реве волн, обрушивающихся на волнолом. В осклизлых ботинках с изношенными до блеска подошвами было трудно бежать, но мысль об отце подстегивала его. Каждый раз, когда Натан падал, его раз за разом поднимала мысль о прикосновении этих иссохших пальцев. К тому времени, когда он наконец остановился, колени его штанов были насквозь мокрыми, а черные от грязи ладони кровоточили.

Хватая ртом воздух, Натан позволил себе бросить взгляд назад. Ничего особенного, просто незнакомая местность: чужие хибары, обвешанные рыбачьими лесками и украшенные ракушками. Конечно же, он достанет лекарство... Однако теперь помимо измотанности он ощущал и кое-что другое: облегчение. Оказаться вдали от него. Вдали от всего этого.

Натан вдохнул полной грудью.

Из Живой Грязи выползла тварь (наполовину жаба, наполовину мышь) с волочащимися позади внутренностями и тупо мигающим глазом, уставленным на Натана. Хотя у нее не было рта, тварь явно тянуло к его плоти, она ковыляла к нему, хотя, если бы ей удалось до него добраться, она бы не знала, что делать дальше. Мертвожизнь – бессмысленная, трагически бесполезная. Вокруг твари кишели уклеи, словно она была их царицей. Взмахом хвоста – если это был хвост, а не торчащий наружу конец позвоночника, – тварь прихлопнула нескольких из них, не отрывая взгляда от Натана.

В том, чтобы оказаться в месте, которого не знаешь, есть что-то одновременно пугающее и дающее свободу. Пока ты находишься где-то у себя, ты в безопасности, даже если тебе очень плохо; стоит удалиться от этого места, как безопасности нет и в помине, но вместе с ней нет и обязательств... Ты можешь стать совершенно другим человеком в совершенно другом окружении.

Натан двинулся дальше. Он поплевал на ладони, обтер их о рубашку, подул на обнажившуюся содранную, саднящую кожу.

Конечно же, он достанет деньги и купит лекарство, но... «Не используй»... «Лучше умереть»... Отцу-то легко говорить! Он и так уже в шаге от смерти, ему все равно. А как быть с мамой? И ее «благородными посетителями»? Ей что, теперь мириться со всем этим из-за того, что отец сдался? И Натану тоже мириться?

Палтус продолжал ковылять следом, хрипло каркая, словно огненный птенец. Натан остановился.

В нем набухал Зуд. Но ведь Зуд был в нем всегда, не так ли?

Натан позволил ощущению распространиться – стремительно, словно растущий гнев, словно растущий голод. «Берегись»... Да что отец может знать про это? Что он вообще понимает? Лежит в постели, обливаясь пóтом, день за днем, в своей ночной сорочке...

Конечно, он достанет лекарство, нечего и говорить, но у них в доме нет еды, нет топлива для очага, нет даже воды. Мертвоживые недопалтусы колотятся в доски... Болезнь... Разве не должен он позаботиться и обо всем этом тоже?

К тому же Натану теперь было тринадцать; он мог принимать собственные решения.

Когда Зуд достиг нужной силы, Натан опустился на колени и протянул ладонь. Почувствовав его близость, палтус заковылял быстрее, отчаянно брыкаясь в спешке, отдаленно напоминая бег.

Натан Почесал, намереваясь убить тварь, теперь же вернуть ее в Живую Грязь, покончить с ее мучениями, предпринять хоть какое-то решительное действие с ясным исходом... Однако, когда Искра соприкоснулась с плотью палтуса, тот резко взметнулся, забился в судорогах, но не умер. Вместо этого он стал крысой – красноглазой желтозубой крысицей, которая прыгнула на Натана и вцепилась зубами в мякоть его руки между большим и указательным пальцами.

Схватив новосотворенную крысу, Натан оторвал ее от своего тела и зашвырнул так далеко, как только мог, в глубину трущоб, где та пропала, погребенная в темноте.

Он принялся подниматься зигзагом по склону горы, возвращаясь, когда впереди оказывался тупик или пылающий костер, и обходя их вокруг, где это было возможно, не переставая сосать ранку на руке. Вдоль одного отрезка дороги – фактически это был всего лишь проход между двумя наваленными друг напротив друга мусорными кучами по пояс высотой – кто-то воткнул на равных промежутках перья огненных птиц. Наползая на них, Живая Грязь съезживалась и дымилась, тускло отсвечивая красным. Натан оглянулся туда, где остались его родители, сжал зубы и без остановки зашагал дальше.

Через какое-то время впереди показался Торговый Конец, граница которого была обозначена каменными стенами и мощеными дорожками. Натан был уже достаточно высоко, чтобы видеть перед собой, как на ладони, все трущобы, позади них – Морскую стену, а за ней – иссеченное волнами море.

Выше по склону находилась никем не охраняемая калитка. Натан оглядел ее, но прошел мимо, засунув руки в карманы и наклонив голову. Сторожей нигде не было видно – без сомнения, они отправились навестить маму еще какого-нибудь несчастного мальчонки или же обслуживали какую-нибудь купчиху с невзыскательным вкусом. Поблизости был лишь старик метельщик, слишком дряхлый для такой работы: волосы на его голове были такими же редкими, как щетина на его метле, а руки не толще рукояти, которую они держали. Собрав все оставшиеся силы, он пытался согнать Живую Грязь и заблудшую мертвожизнь обратно в трущобы; впрочем, силы вскоре иссякли, и он, стеною, скрылся в лабиринте узких улочек наверху.

Натан тотчас же повернул обратно. Какое право имеет его отец (сам-то не больше чем мешок с костями!) решать, что Натан должен делать дальше? Может быть, он бы предпочел, чтобы Натан вычернил себе глаза? Этого никогда не будет!

Этого не будет никогда.

Хватит!

Подойдя к калитке, Натан накрыл замок обеими ладонями, словно защищая от ветра зажженную спичку, и сосредоточился. Теперь это было сложнее, поскольку на уме была крыса, но вполне возможно. Очистив мысли, он вдохнул, проникая внутрь собственной головы, вниз по глотке, в легкие, потом в живот...

Там ничего не было – поначалу. Как будто крыса лишила его горючего. Однако мало-помалу Искра снова начала разгораться в нем. Он подстегивал ее, чувствуя ее физическое присутствие: как она кружит там, словно тяжелый шарик внутри стального барабана, поднимаясь вверх, к грудной клетке. Натан побуждал ее двигаться быстрее, и Искра вновь набралась силы, колотясь между стенками его гортани пуще прежнего. Сквозь его кожу и редкую ткань одежды пробивалось свечение. Он напряг мышцы груди, так что они распрямились вдоль ребер, вынуждая Искру войти в кости и пройти по всей длине рук.

Сжав ими замок, Натан обратил свое внимание на металл. Он попытался Почесать, но Искра не принималась – в точности как огонь, не желающий переходить на сырую растопку. Затем, непрошеное, перед ним возникло лицо отца: брови запретно хмурятся, палец помахивает из стороны в сторону.

Тоже сдвинув брови, Натан сосредоточился, как только мог – представил себе «благородных посетителей», мертвожизнь, материнское лицо, обратившегося в крысу палтуса... Искра бешено вспыхнула, осветив все трещинки на улице, известку между кирпичами, сварные швы на металлической решетке, обнажая все скрытые детали этого места. Напрягшись, он Почесал снова – и послал Искру вниз, через покалывающие предплечья, через ладонь, горящую в месте укуса, внутрь замка.

Там, в глубине, металл хотел быть живым. Он начал перестраиваться, как делает Живая Грязь, принимая подобие примитивного существа – такого, каким мог бы стать замок, если бы он был животным: вращающееся, пощелкивающее тело, состоящее из шестерней и цилиндров. Натан чувствовал, как оно начинает дышать. Искра жгла кожу; в месте укуса это чувствовалось сильнее всего. Болезненная поверхность раны принялась корчиться, вспухать, затем – к его ужасу – чернеть...

Ахнув, Натан отдернул руки.

Если бы он смог удерживать их дольше, замок сохранил бы жизнь, но после того, как Искра ушла, металл умер. Там, где прежде он был цельным и крепким, осталась лишь усталость и ржавчина.

Без лишней помпы, словно это было совершенно обыденное явление, замок открылся, и калитка распахнулась. Немного помедлив, чтобы собраться с духом, Натан прошел внутрь, держась за больную руку.

В Торговом конце, в отличие от трущоб, ночью было тихо. Плеск волн превратился в тихое, отдаленное сердцебиение, слышное лишь, когда Натан выходил на улицу, ведущую вниз, к границе трущоб. Дома здесь были прочными, высокими и неприступными; окошки в верхних этажах мягко светились теплым, мерцающим свечным светом, который время от времени заслонялидвигающиеся внутри фигуры. Узкие крутые улочки освещались фонарями: воск и масло горели позади стеклянных стенок (оранжевых, синих, зеленых), словно угасающие маяки. В каждом доме была запертая дверь, на каждой двери виднелись какие-то цифры, имена и узкие щели посередине, окованные сияющей бронзой.

Все звуки, если они и были, раздавались приглушенно. В глубине, за кирпичными стенами, гремели кастрюли и сковородки; если где-то и раздавались крики, то в них звучал вопрос, а не гнев – кто-то, скорее всего сидя перед камином, спрашивал, готова ли еда, или просил принести ему горячего молока, а вовсе не грозил смертью и увечьями. Однако главным образом здесь царила молчаливая луна, заполнявшая и разглаживавшая улицы своим тяжелым бледным сиянием, отражавшимся в каждой поверхности.

Куда подевались красные молнии гибнущих огненных птиц? Где мертвожизнь? Где Живая Грязь? Натан опустил взгляд к своим ногам, полусогнутым на крутом склоне: ни одной уклейки на ботинках! За плечом не маячили безликие палтусы, следящие за ним из тени. Улица была чисто выметена, и ее поверхность – камень, крепкий и неподатливый – откликалась на каждый шаг его каблуков стуком, а не скрипом.

Внезапно Натан почувствовал себя уставшим, даже вымотанным. Он присел, прислонясь к теплой стене пекарни, среди пустых мешков из-под муки. Здесь ему было ничуть не менее уютно, чем на полу их лачуги, и к тому же гораздо суше. От проникавшего изнутри тепла

печи его одежда просохла до такой степени, какой не бывало на его памяти: дома она была вечно пропитана морскими брызгами, Грязью и дождевой водой.

Когда он проснулся, было уже светло. Улица неподалеку кипела стремительным движением: мужчины и женщины кричали, смеялись, спорили друг с другом под трескучий аккомпанемент кожаных бичей, хлещущих по деревянным рамам паланкинов, которые рысцой несли на плечах носильщики.

Солнце сияло среди безоблачного неба, настолько голубого, что Натан даже не мог придумать названия для этого цвета. Он вытащил из кармана носовой платок, который привык считать голубым, и поднял перед собой: по сравнению с небом тряпица выглядела блеклой, затхлой, в серо-бурых пятнах. Как Натан ни силился, теперь он вообще не мог разглядеть в ней какого-либо цвета – настолько голубым было здесь небо. Словно Бог сошел и убрал с неба всю муть, не оставив ничего, кроме насыщенной голубизны.

Натан обернул носовым платком пораненную руку. Она распухла и болезненно пульсировала – теперь, когда сон покинул его, это ощущалось весьма явственно. Вместе с болью пришло воспоминание о крысе и об отце и о данном им обещании достать лекарство.

Надо раздобыть денег.

Он пошарил взглядом, ища какой-нибудь знак или атрибут, что-нибудь, что говорило бы о каком-либо занятии, подтверждающем его законное право на пребывание в Торговом конце. Поблизости не было ничего, кроме дощатых поддонов и мешков из-под муки. Несколько поддонов было сломано, и Натан разобрал их на отдельные доски, с визгом выдирая гвозди или загибая их вдоль поверхности, чтобы они ни за что не цеплялись. В итоге у него оказалась стопка приблизительно равных по длине кусков. Натан взгромоздил ее на плечо и двинулся, небрежно помахивая свободной рукой. Так он вышел на улицу.

Для незаинтересованного взгляда какого-нибудь носильщика паланкина или купеческих жен, спешащих по своим делам, он мог бы сойти за подручного столяра, отправленного с поручением. Однако если бы его заметил один из стражников, то с полным правом решил бы, что это дело дурно пахнет (воистину, он давненько не мылся),

поэтому Натан настороженно поглядывал по сторонам в поисках мундиров и изо всех сил старался выглядеть целеустремленным.

Паланкины двигались главным образом в одном направлении – вверх по склону, так что Натан двинулся туда же, идя плечом к плечу с согбенными носильщиками, на расстоянии плевка от надушенных шелковых занавесей, защищавших купчих от губительных для кожи лучей здешнего нагого солнца. То здесь, то там какие-нибудь два соседних паланкина останавливались бок о бок, и женщины, отдернув занавески, наклонялись одна к другой, чтобы обменяться той или иной информацией непосредственно на ухо, скользя красными губами по коже собеседницы. Ни у одной из них, насколько видел Натан, глаза не были выкрашены черным.

Паланкины собирались на широкой, поросшей травой площадке, где женщины выгружались и усаживались в картинных позах на подстилках и небольших ковриках. Пространство было окружено колоннадой, под сенью которой были расставлены столики торговцев всякой всячиной. Торговцы громко и весело выкрикали названия своих товаров от подножия колонн, а над их головами в камне были вырезаны рельефные изображения сцен, которых Натан не мог ни узнать, ни понять: группы каких-то мужчин и женщин, незнакомые символы, выглядевшие таинственно и значительно.

Сидевшие на траве женщины уделяли внимание главным образом друг дружке:

- Как чудесно снова с вами встретиться, милочка!
- Вы сегодня выглядите просто великолепно!
- Мы ведь увидимся с вами на балу?

Все это и множество другого в том же роде говорилось повышенным тоном, порой переходившим в визгливый крик в зависимости от расстояния, которое разделяло говорившую и адресата. Вокруг женщин лавировали мужчины с подносами, предлагая им бокалы с напитками в обмен на монеты, а в оставшихся промежутках сновали мальчишки, собиравшие пустую посуду, чтобы отнести ее для повторного наполнения. Продвигаясь в обход колоннады, Натан понял, что его присутствие становится все более заметным и что доски утратили свою необходимость. Теперь ему нужен был поднос – тогда он смог бы влиться в ряды собирателей пустой посуды и больше не беспокоиться на этот счет.

Он нашел прислоненный к стене поднос возле общественного туалета и без долгих размышлений прихватил его, пока владелец-мальчишка, отвлекшись, стоял к нему спиной. Минуту спустя Натан уже был в толпе, подбирая бокалы, допивая из них последние капли и не переставая шарить глазами в поисках неосторожно выставленного какой-нибудь дамой кошелька.

Игра значительно усложнялась тем, что его постоянно хватили за руки продавцы напитков, видимо считавшие, что цель его существования состоит исключительно в их удобстве. Их не заботили ни его чувства, ни ограниченная гибкость его суставов: если Натан не делал сознательного усилия, чтобы держаться от них подальше, они подтаскивали его к себе, забирали у него бокалы, а впридачу давали подзатыльник, за его труды. Вскоре он уже не забывал делать пресловутое усилие.

Женщины здесь были самые разные (одни молодые и свежие, с румяными щеками, другие сухие и сморщенные; одни улыбались, сверкая зубками, другие поджимали губы, словно сосали лимон), но, как бы они ни выглядели, все до единой, очевидно, были исполнены решимости не выставлять свои кошельки напоказ. Присаживаясь на корточки, чтобы подобрать с травы их бокалы, он мельком видел их перекрещенные лодыжки, их колени и бедра, стиснутые крепко, как ладони кающегося грешника (по крайней мере, их очертания под платьем). Нигде не было ничего, что можно было бы стибрить. Натан не останавливался ни на секунду, словно блоха на простыне, тотчас же подскакивая, чтобы выхватить бокал, как только из него делался последний глоток, и не переставая шарить взглядом по сторонам. Вот белокурая девчушка в чепчике, с поджатыми ножками; вот старая карга, сморщенная, как кончики пальцев после целого дня рыбалки в Цирке, и такая же бескровная; вот купчиха в соку, с гладкой кожей и бисеринками пота на верхней губе, поигрывает веером... Все они, по его впечатлению, скрывали свои ценности с умением, говорившем о долгой практике.

Когда очередной продавец, выкрутив ему руку, спихнул его с травяной лужайки, Натан остановился и принялся наблюдать. Если у женщин имелись монеты, чтобы платить за напитки, они должны были их где-то держать. Продавец с отнятыми у Натана бокалами отошел к скамье под навесом, где молодой господин со шрамом взял у него

собранный на данный момент выручку. Бокалы были выставлены в ряд, чтобы другой человек их протер; потом их вновь наполнили из кувшина, и продавец двинулся обратно.

На его поясе висел раскрытый кошелек, размер которого позволял положить туда не больше пяти мелких монет. Увидев среди женщин потенциальную покупательницу, продавец, расталкивая конкурентов, бросался ее обслужить. Этот конкретный продавец оказался проворным, как хорек: стоило лишь одной из женщин – с длинным изящным подбородком, в красном платье – зна́ком показать, что она хочет пить, как он тут же оказался перед ней с протянутым подносом. Женщина согнула запястье, запустив пальцы внутрь своего просторного рукава. Когда пальцы вновь вынырнули оттуда, между ними была зажата монета.

Кивнув, Натан вернулся на лужайку.

Он уже собирался снова влиться в толпу, с наполовину сформировавшимся в голове планом, который дорабатывал на ходу, когда ему предоставилась лучшая возможность. В стороне от того места, где разговоры велись наиболее громко и женщины были одеты наиболее ярко, толпа редела и разбредалась. Здесь он увидел поднимающуюся с колен хрупкую особу с костями-спичками, в огромном выцветшем кружевном облачении, похожем больше на шатер, чем на платье, с порыжевшими вставками из белого шелка. Она напоминала престарелую паучиху, накрытую кружевной салфеткой. Более того, старуха явно не понимала, где находится. Она проходила два шага в одном направлении, потом возвращалась на два шага в противоположном, близоруко вглядываясь в окружающее поверх горбатого носа. У нее были маленькие черные глазки-изюминки, вероятно, уже не обладавшие былой зоркостью, чтобы высмотреть своего носильщика.

Натан повидал достаточно, чтобы знать, что тот, кто слаб или глуп и отбил от стада, наиболее уязвим для хищников. Эта наука доставалась ему на ежедневном горьком опыте до тех пор, пока не превратилась из простого знания в то, что он чувствовал костями. Натан, впрочем, прикусил губу, услышав в ветерке, шуршащем многочисленными складками женских платьев, голос отца: «Поступай как надо, Натан. Поступай как надо».

Он в замешательстве потер затылок. Что значит «как надо»? Как надо кому?

Женщина уже сошла с травы на мостовую, вытянув перед собой руки, словно сомнамбула, и направилась к проходу между колоннами. На неровном булыжнике у нее то и дело подворачивались лодыжки. Натан положил поднос на землю. Какой-то собиратель бокалов направился к ней, еще один прошел вплотную с другой стороны, и она инстинктивно схватилась за выпуклость на своем правом запястье, лишь частично скрытую кружевными манжетами. Потыкав туда пальцем в белой кожаной перчатке и убедившись, что все на месте, старуха возобновила свои блуждания, столь же бесцельные, как и прежде.

Теперь или никогда!

Натан небрежной походкой приблизился, не сводя глаз с костлявого запястья, с выпирающего на нем кошелька, не переставая думать об отце – как он выкашливал червей, согнувшись пополам, не менее тощий, чем эта старушенция, но значительно ближе к могиле.

Задача была легче некуда. Он мог себе позволить быть вежливым. Добросердечным. Незачем даже прибегать к Искре.

Он поддержал ее под руку, помогая идти. «Вы потерялись, госпожа? Позвольте, я вам помогу!» Одна ладонь на локте, другая на запястье, направляет ее. Он постарался как можно лучше изобразить отрывистый акцент, с каким некогда говорила его мать.

Старушка не отказалась зайти с ним в тень крытого мясницкого прилавка – красно-синие полосы от просвечивающего насквозь тента раскрасили ее бледное пергаментное лицо. Улыбки, подбадривающие фразы; затем, когда больше ничего не оставалось, его пальцы скользнули вдоль двойного прутика ее предплечья, обнажив старческие пятна под рукавом, и мешочек с монетами был сорван с державшей его ленточки.

И Натан пустился наутек.

Несколько секунд он не знал ничего, кроме свиста воздуха в ушах от собственного стремительного движения. Кошелек увесисто лежал в руке, приятно врезаясь в ладонь ребрами толстых монет. Путь впереди был свободен, мостовая шла под гору, через узкие улочки, к готовому его поглотить лабиринту переулков и темных проходов.

Затем пространство сзади прорезал вопль – так мог бы визжать поросенок, видя, как его маму волокут, чтобы разделить на бекон. Не было никакого смысла оглядываться (оглядываются только идиоты; нужно просто продолжать бежать), но вопль был настолько пронзительным, будто Натан сломал этой старушке пару костей. Помимо воли Натан посмотрел назад: она стояла на коленях с протянутой рукой, выставив палец с дрожащим длинным ногтем. Взгляды окружающих обратились на нее; затем, дюйм за дюймом, заскользили вдоль ее руки... Вдоль пальца... Вдоль пляшущего в воздухе ногтя... Через разделявшее их пространство... И уткнулись в Натана, внезапно разучившегося переставлять ноги.

– Держи его! – завопил кто-то (мужчина; носильщик, судя по выговору), и мгновение спустя все ринулись к нему.

Мир, казалось, замедлился, стал вязким. На протяжении бесконечной секунды Натан смотрел, как мужчины отделяются от женщин. Одни стояли, другие поворачивались, третьи роняли подносы, и вскоре тридцать или сорок человек сплотились в одну массу (одну свору), одержимую общим желанием схватить его.

В загустевшем воздухе он медленно повернулся, тщетно пытаясь оттолкнуться скользкими подошвами. Потом под подошвами обнаружился твердый камень, и они были достаточно тонкими, чтобы вдавить пальцы ног в зазоры между булыжниками, что дало ему опору для толчка.

Стоило Натану обрести ее, как он рванул прочь.

Он бежал, опустив голову. Теперь ничто на свете не заставило бы его оглянуться. Пусть он не знал этих узких улочек, втиснутых между высокими островерхими домами, так же хорошо, как знал закоулки трущоб, направление сейчас могло быть только одно: вниз. Вниз с холма Торгового конца. Прочь. Домой!

Как стрела, он летел мимо ювелирных магазинов, мимо стекольных мастерских, мимо торговцев коврами, мимо сотен лавок, доверху заваленных вещами, в которых он никогда не чувствовал надобности, вещами, которые тотчас бы почернели или сгнили в сырости их лачуги. Он лавировал среди женщин с корзинами, где были горой навалены фрукты и хлеб, накрытый льняными полотенцами. Они глазели на него, словно это было какое-то бесплатное развлечение, останавливались с разинутыми ртами, так что его

преследователи натыкались на них и были вынуждены притормозить, чтобы не сбить этих глупых куриц с ног.

Когда он подбежал к калитке, погони видно уже не было. Не останавливаясь, Натан схватился за ручку, зная, что замок выжжен Искрой. Сейчас он юркнет в калитку – и окажется в знакомых местах, куда за ним никто не последует, там, где жизнь обитателей Торгового конца ценится согласно стоимости одежды на их плечах, кожи, из которой сшиты их башмаки.

Калитка не открывалась.

Но она должна открыться, ведь механизм замка расплавлен! Вот и отметина от его Искры – гладкие, словно восковые, шарики вспенившегося и застывшего металла...

Пока его не было, кто-то загнал в дырку металлический прут и накрепко приварил. Натан потряс замок, заранее зная, что ничего не добьется.

По другую сторону калитки сидел на корточках трущобный пацаненок: штаны закатаны выше колен, ноги покрыты толстой коркой грязи. Он смотрел, как Натан сражается с замком, глазами настолько же широко раскрытыми, насколько узкими были промежутки между прутьями решетки; он тараторил так, что казалось, будто глаза у него расположены по бокам головы, словно у коровы или овцы.

Откуда-то сзади послышались голоса: несколько человек, вполне добродушно настроенных. Натан попытался сосредоточиться, ощутить внутри себя Искру. Мальчишка поднялся и подошел к калитке, остановившись от нее на расстоянии вытянутой руки. Натан прикрыл глаза. Голоса приближались, но в них не слышалось никакой резкости, словно преследователи махнули на него рукой или вообще говорили о чем-то другом. Он попытался отыскать внутри себя знакомое чувство пустоты – не получилось. Попытался думать о матери...

– Без ключа не откроется, – сказал пацан.

– Тихо.

Тот уселся на землю.

– Тебе просто нужен ключ, вот и все.

– Тихо, я сказал!

Словно повинуюсь его приказу, голоса смолкли. Затем зазвучали снова (громче, резче), и все ощущения там, внизу, опять пропали.

– Мама говорила: чтобы открыть дверь, нужен ключ.

– Это он!

Скрипнув зубами, Натан вызвал перед внутренним взором образ матери: с вычерненными сажей глазами, возле очага, в ожидании посетителей... Скрип и пыхтение из-за занавески... Отец, напрягающий все силы, чтобы вымучить из себя червя...

Вот оно! Волоски на его предплечьях зашевелились.

Беллоуз с задранном кверху носом... Поставщик, заносащий кнут... Господин: «Прекрати искрить...»

Он потянулся вниз и положил ладони на металл – и металл задымился в том месте, где к нему прикоснулись пальцы.

Сзади по булыжнику грохали подкованные гвоздями башмаки. Футов пятьдесят? Может быть, ближе.

– Не знаю, что ты там затеял, – проговорил мальчишка, – но мама говорила, что без ключа ее не открыть. Слышишь?

Мальчишка потыкал его пальцем через решетку, и Натан открыл глаза. Детское личико было длинным и узким, глаза лихорадочно блестели.

– Отойди!

– А ты не говори мне, что делать, – отозвался паренек и нарочно придвинулся ближе.

Те тоже были совсем рядом.

Натан ощутил, как внутри набухает Зуд, готовый, чтобы его Почесали. Но что с него толку?

Глаза у парнишки были по-прежнему вытаращены. Слишком широко. Запросто можно выжечь, если вспыхнет Искра. И что тогда? На корм собакам. Или червям. В компост...

Натан вздохнул и убрал руки от калитки. Они бессильно повисли по бокам его тела.

Прежде чем его схватили, Натан швырнул сквозь решетку кошелек с монетами.

– Держи! Отдай это своей маме.

Пацаненок глянул на кошелек и утер губы рукой.

– У меня больше нет мамы, – сообщил он. – Она умерла.

XII

– Короче, все, что мы за него выручим, спустим в курильню. Идет? Без возражений?

– С какой стати мне возражать?

– Вот видишь, ты уже возражаешь! В курильню, так?

– Ну да, но только сперва надо сбить его с рук.

– Конечно! Сбудем его с рук и свалим. И все, что нам за него дадут, мы спустим в курильню, согласен?

– А сколько нам за него дадут?

– Откуда мне знать! Я что, по-твоему, похож на предсказателя? Может, десять монет.

– Должно хватить.

– Хватит за глаза! Ну что, где там кошелек?

– Должен быть где-то у него.

– Конечно, где-то у него: где же еще ему быть! Я говорю, найди, куда он его запрятал, и забери поскорее.

– Куда ты запрятал кошелек, погань, а?

Они тащили Натана, взявшись каждый за одну руку, обратно на холм. Его держали так крепко, что крысиный укус снова принялся болезненно пульсировать. Как Натан ни пытался цепляться ногами за землю, это нисколько не замедляло их продвижение. От них разило, от этой парочки, как разит от ломовых лошадей после целого дня таскания груженных бочками подвод: пряный запах, чуть сладковатый.

Чужие руки проворно обшарили его рубашку и куртку.

– У меня ничего нет! Я не тот, кто вам нужен!

– Тот самый, не бойсь. И все у тебя есть – только вот где? Ты ведь не вздумал засунуть его в какое-нибудь гадкое место, а?

Оба остановились. Тот, что повыше, провел рукой с черными ногтями по рту и подбородку. Тот, что пониже, с отвращением скривил лицо.

– Только не говори, что ты устроил нам такую пакость! Он ведь не устроил нам такую пакость, как ты думаешь?

– Ну, если не устроил, то где тогда деньги?

– Нет у меня никаких денег!

– Слышь, ты, подонок. Деньги у тебя есть. Сказать почему? Потому что мы специально отправились, чтобы тебя найти, и мы тебя нашли, и толпа людей, которые смотрят оттуда, сверху, уже видела, что мы тебя нашли. И если мы тебя нашли, а у тебя не окажется денег...

– Мы не сможем пойти в курильню?

– Гораздо хуже, дубина ты стоеросовая! Если мы нашли пацана, значит, мы нашли кошелек, верно? А если мы нашли кошелек, мы должны вернуть его законному владельцу, так? А если мы не возвращаем его законному владельцу – это ж выходит, что мы сами воры, сечешь? То есть, значит, нас же и посадят в кутузку!

– И тогда мы не сможем пойти в курильню?

– Понятное дело, не сможем! В курильню, так ее и растак... На виселицу – вот куда мы отправимся! Сечешь? То есть у него просто обязан быть кошелек! У тебя обязан быть кошелек, понимаешь? Ну так где же он?

– У меня его нет.

Рука коротышки поднялась ко лбу; он потер виски кончиками пальцев с такой силой, что на коже остались красные следы.

– Я даже не знаю, как еще попонятнее тебе объяснить...

– Может, все же глянуть сзади? – Длинный начал заходить к нему за спину.

– Честное слово, у меня его нет. Ищите сколько хотите. Я отдал его парнишке с той стороны.

– Сообщник?! Ох, боже мой... В такое они никогда не поверят. Никогда! Они не особенно высокого мнения о трущобной мрази вроде тебя. Не учитывают вашу сообразительность. Недоценивают, как крыс. Или тараканов... А мы-то что? Мы и сами недалеко ушли. Если дело дойдет до судьи, то нас всех моментально вздернут... О боже! Так я и знал! Надо было сидеть и не рыпаться...

– Так, значит, мы не пойдём в курильню?

– Да заткнись ты со своей треклятой курильней!

Пока они препирались, Натан потянулся вниз в поисках Зуда. Крысиный укус болел, к тому же его держали так крепко, что было трудно почувствовать что-то еще, но он был уверен, что сможет найти искомое, если только ему позволят сосредоточиться.

Однако вышло так, что это не понадобилось.

– Господа! Кажется, вы попали в затруднительное положение?

Это был Гэм Хэллидей. Он стоял, прислонясь к углу дома, не больше чем в десяти футах от них. Было трудно сказать, откуда он появился: с таким же успехом он мог вылупиться непосредственно из стены за своей спиной. Натан недоверчиво потряс головой.

– Тебе еще чего надо? – спросил тот из похитителей, что был повыше.

Гэм широко улыбнулся.

– Чего мне надо, так это чтобы вы, двое таких выдающихся джентльменов, отпустили моего друга к его товарищам по играм, которые его давно заждались. Я понятно изъясняюсь?

– Парнишка, его игры закончились. Мы ведем его туда, где его вздернут, так что никакие игры ему больше не светят. Разве что, честно сказать, вполне возможно, что кто-нибудь захочет поиграть *с ним*, прежде чем избавить его от страданий.

Гэм поджал губы и шагнул вперед – небрежно, не спеша, с видом полного безразличия.

– Это вряд ли, – проговорил он. – Ну так как насчет того, чтобы его отпустить?

– Нет, – ответили оба, в унисон, и повернулись к нему спиной.

– Вы, ребята, конечно, как хотите, но я бы сказал, что шансы у вас неважные.

Они обернулись снова, и выражение их лиц показывало, что если они терпели Гэма до этого, то сейчас их терпение истощилось.

– Сгинь, парень, нам своих забот хватает. Последнее, что нам нужно, – это чтобы какой-то трущобный подонок лез в наши дела.

– Вот здесь вы абсолютно не правы! Я как раз тот трущобный подонок, который вам сейчас больше всего нужен.

– О чем это он?

– Позвольте, я объясню вам понятнее – и лучше бы вы, господа, постарались побыстрее уловить суть, поскольку я уверен, что, хотя эти мымы там, наверху, и выглядят так, будто из них песок сыплется, мозги у них еще не совсем ссохлись, так что очень скоро они заподозрят неладное, и тогда нам всем крышка. Как мне видится, для вас есть только один выход из сложившейся ситуации: вы даете себя порезать и отпускаете моего паренька на свободу.

– Чего?

– Что-то я не пойму, что он такое болтает.

– Все еще недостаточно понятно? Если вы оставите паренька себе, вас вздернут как соучастников кражи, когда обнаружится, что кошелек нет. Если вы его просто отпустите, вас вздернут как соучастников кражи, поскольку он украл кошелек, а вы позволили ему уйти. Но! Если вы согласитесь подвергнуться паре взмахов моего парикмахерского орудия, то, после того как вас зашьют, вы будете свободны отправляться на все четыре стороны. Итак, что выбираете?

Двое глядели на него, слегка приоткрыв рты, словно он был каким-то эзотерическим проповедником или говорил на нечеловеческом языке. Гэм вздохнул – и одним широким взмахом бритвы прочертил дугу через оба их лица, так что их рты стали немного шире, а полукруг мостовой в паре футов перед ними – немного краснее.

Он схватил Натана за руку.

– Пусть не говорят, что я их не предупреждал. Пойдем!

Тот не стал мешкать. Он снова кинулся бежать, плечом к плечу с Гэмом, напрямик туда, откуда его приволокли.

– Ты мог их убить!

– Чепуха.

Натан, как и прежде, устремился к калитке, но у Гэма был другой план. Когда до калитки оставалось еще футов пятьдесят, он вдруг затащил Натана в проулок, шедший вдоль задов торговых лавок, до пояса забитый пустой тарой и кучами отходов. Они добежали до середины, и тут Гэм куда-то делся. Натан резко затормозил и воззрился на то место, где Гэм только что был. Пусто!

Потом на уровне земли возникла Гэмова голова.

– Ну, чего ты ждешь? Давай спускайся, пока тебя не прихватили. Я же не могу перерезать всех в городе, верно?

Гэм выглядывал из окованного металлом квадратного отверстия в булыжной мостовой, едва достаточного, чтобы Натан мог в него проскользнуть. Видя, что Натан медлит с выполнением того, что ему было сказано, Гэм схватил его за лодыжку и потащил к себе.

– Да что это сегодня со всеми? Я что, так непонятно говорю?

XIII

Железные скобы лестницы проржавели насквозь, так что руки Натана, когда он добрался до дна, были красными. Он размотал носовой платок, бросил один взгляд на крысиный укус – и поспешно замотал обратно. Лучше, чтобы рана была защищена. Он попытался обтереть другую руку об штаны, но от этого ржавчина, казалось, только сильнее въелась в кожу, вместо того чтобы сойти с нее.

Теперь, когда крышка люка над ними была закрыта, он наконец повернулся к Гэму:

– Что ты вообще здесь делаешь? Ты все время крутишься поблизости. Ты следишь за мной или что?

Надвинув козырек кепки на глаза, Гэм подобрал загодя оставленный здесь масляный светильник и улыбнулся:

– Думаешь, ты такой неотразимый, что я шныряю в тени, дожидаясь случая взглянуть на твою тощую задницу? Ну то есть в данном случае ответ утвердительный: я действительно слежу за тобой. Я слежу за тобой уже не первую неделю. К твоему счастью.

Натан был готов в негодовании броситься прочь, но куда ему было идти?

Они стояли на краю широкого подземного канала, который протекал под сводом из позеленевших кирпичей, поблескивавших и шевелившихся в неровном свете Гэмовой лампы. Помимо дождевой воды в канале текло много всякой дряни: помои со скотобоев, стоки из кожевенных мастерских, какая-то мерзкая пена бог знает какого происхождения. Все это сливалось в один тошнотворный поток, в котором, словно всего этого было недостаточно, кишела мертвожизнь самого отвратительного сорта: бессмысленные, бесполезные, поганые твари, какие только и водятся среди подобной мерзости. То одна, то другая на несколько мгновений вылезала на какую-нибудь палку или плывущее перо огненной птицы и застывала там, прежде чем вновь раствориться среди пузырей гнойной слизи. Зловоние стояло такое, что Натан втянул губы и прикусил их зубами, дыша самыми уголками рта через покрытую ржавчиной ладонь, пальцами которой

одновременно зажимал ноздри. Привкус железа был едва различим: не более чем слабая нотка в весьма ярком и выраженном букете.

Гэм улыбнулся:

– Привыкнешь. Я тоже, когда впервые сюда попал, думал, что этот запах просачивается сквозь кожу, таким он казался крепким. А теперь? – Он вдохнул полной грудью, словно стоял в гуще предрассветного тумана. – Я едва его замечаю! Прямо скажем, я нынче вообще почти не чувствую запахов. Да и вкусов тоже. Пошли!

– Брось, Гэм. Оставь меня в покое.

– Нет, Натан, я не оставлю тебя в покое. Я буду тебя преследовать, я буду ходить за тобой повсюду – до тех пор, пока ты не вступишь в мою шайку. А если ты не вступишь в мою шайку, я все равно буду за тобой ходить.

Гэм двинулся прочь, и Натан, бросив короткий взгляд обратно, на ведущую вверх лестницу, пошел следом.

– Но почему? Ты мог бы выбрать любого из сотни других ребят!

Не останавливаясь, Гэм ответил через плечо:

– Таких, как ты, Натан, больше нигде нет.

Канал был около тридцати футов в ширину, с обеих его сторон имелось пространство еще футов в десять. Несмотря на отвратительное содержимое потока, на его берегах не было Живой Грязи – возможно, ее смыло дождем. Немногочисленные крысы под ноги не лезли, а лишь ныряли в канале и высывались из нор по щелям стен. Гэм шагал, далеко выбрасывая ноги, его локти торчали в стороны, большой палец одной руки был заткнут в карман жилета. Натан с трудом поспевал за ним.

– Так это здесь твое убежище?

– Что?! Ты, должно быть, считаешь меня настоящим подонком – а в твоих устах, Натти, это звучит как двойное оскорбление! Нет, это всего лишь проход, удобный способ передвигаться по городу, не привлекая к себе внимания. Конечно же, я никогда бы не стал обустраиваться здесь жить! К тому же во время дождя вода заполняет канал с такой быстротой, что нас смыло бы в течение нескольких секунд. Нет уж, Натти, дружище, банда Гэма живет в гораздо более качественных условиях!

– Где же это?

– Скоро увидишь, если пойдешь со мной. Впрочем, ты, если не заинтересован (а это, судя по нашим предыдущим разговорам, именно так), можешь, конечно, продолжать двигаться вдоль главного туннеля. И обнаружишь, что он выходит на поверхность среди грязи в какой-то сотне ярдов от твоей хибары в трущобах. Небольшая пробежка, и ты вновь окажешься в любящих объятиях своей матушки. Разумеется, при условии, что ее любящие объятия не будут заняты кем-нибудь другим.

На стене не было никакого видимого знака, но тем не менее Гэм внезапно остановился и провел кончиком пальца вдоль какой-то линии.

– Или ты можешь идти со мной. Твой выбор.

Найдя нужное место, чем бы оно ни было, Гэм нажал на него. Один из кирпичей плавно, словно смазанный жиром, ушел в глубину. Гэм просунул руку в открывшееся отверстие, пошарил внутри – и в стене перед ним отворилась со щелчком дверь.

– Вуаля!

За дверью обнаружилось тесное пространство, едва достаточное, чтобы оба мальчика могли встать плечом к плечу; им пришлось потесниться, чтобы снова закрыть дверь. Новый щелчок – и часть пола отодвинулась, открыв спиральную лестницу, витками уходящую в глубь земли.

– Милости прошу!

Натан поглядел вниз, но не тронулся с места.

– Давай, не дрейфь! Едва ли я стал бы тратить усилия на твое спасение, если бы задумывал против тебя какую-нибудь пакость, верно?

Внизу было темно. Пройдя один поворот, Натан был вынужден втянуть голову в плечи и слегка наклониться в сторону, чтобы не удариться. Камни были сырыми и источали слабый запах, напоминавший о гробницах и монастырях. Поверхность под его ногами и пальцами (порой она касалась и его щеки) была шероховатой, словно мелкий наждак, и слегка осыпалась от прикосновения. Неудивительно, что и ступени были истерты, встречая каждый его шаг глубокой впадиной. Если бы пространство не было таким тесным и он постоянно не упирался бы в стены рукой, плечом, локтем или коленом, Натан, наверное, оступился бы и упал.

– Далеко еще до низа?

– А что? Боишься навеки остаться здесь, в этом каменном гробу? Где ни вздохнуть, ни шевельнуться? Успокойся, мой маленький нежный цветок, мы выберемся отсюда так скоро, что ты и заметить не успеешь.

Гэм не соврал: всего лишь через несколько шагов они вышли в широкий коридор.

Если спиральная лестница была просто вырублена в песчанике, то здесь все было устлано коврами и подсвечено панелями из светящегося камня, вделанными в стены. От сырости ковры были все в темных пятнах, и в воздухе висел затхлый запах, однако все же это были ковры, и к тому же довольно чистые. В верхней части стены были подвешены на специальной штанге ряды картин – написанные маслом, в шелушащихся золоченых рамах, они изображали мужчин с серьезными лицами, в застегнутых на все пуговицы форменных сюртуках. Более разнородной коллекции лиц нельзя было себе представить: усаые, бородатые, одни с гладкими щеками и карими глазами, другие с расплюсненным носом и свисающими брылями, третьи совсем юные, свежие и белокурые – но все носили одинаковые глянцево-черные мундиры и держали в руках трости, увенчанные козлиными рогами.

– Симпатичные ребята, да?

– Кто они?

– Члены привилегированного клуба. Здесь была их штаб-квартира.

– Что ж это был за клуб, которому вздумалось устраивать штаб-квартиру в таком месте?

– Хороший вопрос, малыш Тривз! Пойдем. Тут легко идти, но только не отставай: там, внизу, настоящий лабиринт.

Повсюду были стилизованные изображения бараньего рога – на картинах, в узорах обоев, в резных украшениях на каждом выступающем углу; они повторялись снова и снова, и в конце концов глаз настолько к ним привыкал, что выхватывал лишь отдельные формы (изгиб, виток, полуспираль), отраженные, сдвоенные, повторяющиеся. Тот же узор прослеживался и в линиях ковра, сбегавшего вниз по центру лестницы и продолжавшегося в более широком пространстве холла, куда выходили три двери. Над средней

из них была прикреплена голова настоящего барана – а точнее, ее чучело; потрескавшиеся, выцветшие рога то заливала тень, то вновь озарял свет от пламени факелов, хлопающего на сквозняке из подземного туннеля.

– Эта заперта, – сообщил Гэм. – Сколько мы с ней ни возились, ее никак не открыть.

Подойдя к левой двери, он повернул бронзовую ручку в виде черепа. Дверь распахнулась. Тотчас же в холл ворвался аромат жарящегося бекона и звуки разговаривающих, смеющихся голосов.

– Кушать подано!

Стены комнаты были почти целиком заняты полками с книгами. Там, где книг не было, виднелись какие-то трубы, лестницы, дымоходы, масляные светильники – все, что делало это место пригодным для жизни. С какой стати кому-то понадобилось уделять столько внимания книгам, Натан не мог даже предположить. А может быть, книги и соорудили это место и теперь жили здесь, в своем упорядоченном, уединенном мирке, глубоко под реками нечистот, текущими наверху? Гэм, шедший впереди Натана, остановился и принялся вытаскивать наугад том за томом, нарушая их покой, пока у него не образовалась стопка, доходившая до подбородка.

– Надо заниматься самообразованием, – пояснил он и двинулся к огню.

Перед камином стояло кресло с высокой спинкой, обтянутое красной кожей и усеянное гвоздями с широкими шляпками, возле которого располагался столик с настольной лампой. Свалив книги на столик в общую кучу, предназначенную для прочтения, он подобрал две, что валялись на сиденье.

– Я никогда их не жгу, пока не дочитаю, – сообщил Гэм, швыряя ненужные более книги в камин.

Перед огнем грелись двое. Один был Натану незнаком, а вот девочку он узнал. Щетина, пробивавшаяся на ее выбритой голове, теперь была по большей части упрятана под чепчик, но это была она – та девчушка, что так крепко цеплялась за него в особняке Господина. Поднявшись с места, она взялась за длинную ручку огромной сковороды, пристроенной на импровизированной плите – чугунной каминной решетке, закрепленной между двумя каменными горгульями. Языки пламени, треща и плюясь, плясали над горящими книгами и лакированными ножками стульев. Ухватившись обеими руками за рукоять и уперев локти в бедра, девочка подняла сковороду, пронесла столько шагов, сколько осмелилась, и шмякнула посреди длинного читального стола, занимавшего бóльшую часть комнаты. С шипением и шкворчанием раскаленный металл встретился с

полированной поверхностью, выжигая на ней идеальный белый круг рядом с бесчисленным множеством таких же.

– В следующий раз твоя очередь, – заявила она Гэму.

Ухватив ногтями кусок бекона, она прошла с ним к другому красному продавленному кожаному креслу.

– Ешь, Натан. У тебя вид, как у того осла, которого моя сестра продала на клей, – добавила она.

Натан взял кусок бекона с дюймовой полоской жира на одном конце, подняв за толстый белый волос, вонзил в него зубы и принялся жевать – не откусывая, но дюйм за дюймом затягивая в рот и перемалывая зубами. Мясо было таким жестким, что могло бы встать поперек горла бродячему псу, однако Натан продолжал упрямо жевать, причмокивая и всасывая текущий сок.

– Я Присси, – представилась девчушка и протянула ему руку.

Натан замялся, не зная, что должен с ней делать (подержать, погладить, поцеловать), однако, пока он обтирал свою ладонь от жира и успокаивал вспыхнувшую боль от крысиного укуса, было уже поздно: девочка убрала свою руку и сделала неприличный жест.

– Долго копаешься, – сказала она.

От второго (Натан так и не определил, мальчик это или девочка: в свете камина черты постоянно менялись от одного к другому) Натан услышал:

– Не бери в голову. Она просто дразнится. Тебя зовут Натан, верно? А нас – Джо^[1]. Если вступишь в банду, мы покажем тебе секретное рукопожатие.

Джо были поджарыми и беспокойными, веки их глаз трепетали, словно крылья бабочки. Проглотив остатки бекона, Натан посмотрел на Присси, потом снова перевел взгляд на Джо.

– Похоже, теперь я обязан вступить. Я в долгу у Гэма.

– О-хо! – воскликнул Гэм, поднимая глаза от книжки. – Поворот налево кругом! Давно пора. Может, выпьем по такому случаю? Тут нет воды, только вино.

Он передал Натану бутылку – зеленую, с пылью на плечах. На этикетке была все та же баранья голова и надпись, которой Натан не смог прочесть.

– И что, это все? Это вся твоя шайка?

Все трое обменялись взглядами. Молчание прервал Гэм:

– А сколько нам нужно, по-твоему?

– По-моему, вам нужен еще один, – отозвался Натан.

Присси поглядела на Джо; Джо посмотрели на Гэма. Один лишь Гэм улыбался во весь рот.

– Вот это я понимаю! – воскликнул он.

– Но у меня есть одно условие. Моему отцу нужно лекарство, и как можно скорее. Мы должны его раздобыть.

Гэм кивнул:

– Лекарство будет нашей следующей задачей. Все по-честному. Правда, прямо сейчас не получится: в Торговом конце все небось до сих пор стоят на ушах. Но мы вернемся попозже, когда они успокоятся, и провернем это дельце. Ты еще не знаешь, Натан, насколько все легко, когда у тебя есть друзья и когда эти друзья знают свою работу!

Библиотека была гигантской. Из помещения, в котором они находились, были проходы в несколько других, заставленных бесконечными шкапами со стеклянными дверцами (впрочем, все были разбиты), и хотя ребята не стесняясь брали книги для чтения на растопку и вместо дров, собрание оставалось практически нетронутым. Вдоль одной стены были расставлены синие книги, пронумерованные по порядку, вдоль другой располагались красные; но по большей части они были самыми разнородными, без какой-либо видимой последовательности. Если Натан разглядывал их слишком долго, у него начинали слезиться глаза из-за отсутствия приметных деталей, и вся эта масса сливалась в одну огромную книгу, пеструю и затхлую.

Потолки в комнатах были высокими, здесь царили сырость и холод, а по углам прятались тени, так что Натан вернулся к огню.

– Кому это место принадлежало раньше? – спросил он.

Гэм продолжал сидеть, молча прихлебывая из бокала. Его ноги покоились на металлической декоративной фигурке дракона, сверху на них лежала раскрытая книга.

– Давай колись, – не отставал Натан. – Если я теперь в твоей шайке, ты должен делиться со мной своими секретами.

– Он не скажет, – отозвались Джо, поднимаясь, чтобы подбросить в огонь еще одну книгу. – Хотя и знает. Нам тоже не говорит. Даже Присси. Большая тайна. Тут целые мили. Куча комнат. Спальни,

ванные, бильярдные. Даже бассейн есть. Вода, правда, черная. Пить нельзя... Ты умеешь читать?

Натан покачал головой.

– Может быть, в книгах написано. Мы тоже не умеем. Гэм умеет, но ничего не говорит.

Присси сидела в своем кресле со скрещенными ногами, в расслабленной позе – такой Натан ее еще не видел.

– Зато Джо могут порассказать тебе много чего другого. Правда, Джо? Расскажите ему какую-нибудь историю.

Она улыбнулась Джо, и те опустили взгляд. Натану показалось, что Джо смутились.

– Можем и рассказать. Если он захочет слушать.

– Конечно, захочет! Ты ведь хочешь послушать историю, правда, Натан? – Присси энергично закивала ему, и Натан осознал, что кивает в ответ. – Расскажите ему сперва про себя.

Джо придвинулись поближе к огню, озаренные переменчивым светом.

– Ну ладно. Видишь ли, Натан, мы рассказываем истории о людях. О том, как они стали такими, какие есть сейчас. Мы расскажем тебе нашу историю, чтобы ты знал, что мы не заносимся и не считаем себя выше всех. А потом расскажем истории всех остальных. Хорошо?

Натан снова кивнул – теперь уже не из-за Присси, а потому что действительно хотел послушать. Джо продолжали:

– Раньше (пока не было Города, Господина и Живой Грязи) попасть в этот мир можно было только одним способом. Но теперь происходит уйма всяких странностей. Ты, может быть, заметил, что в нас есть что-то необычное? В том, как мы выглядим? Как мы все время меняемся, дергаемся, никак не усидим на месте?

– Поэтому мы зовем их «Джерки Джо»^[2], – заметил Гэм между двумя глотками, не поднимая головы от страницы, которую читал. – Они непредсказуемы, что бывает очень кстати во время поножовщины.

– Никто никогда не знает, что вы выкинете. Верно, Джо? – подтвердила Присси.

Джо не ответили, но на их губах заиграла легкая усмешка.

– Когда наша мать забеременела нами, у нее должна была быть двойня. Это было в Променаде, в самой глубине трущоб. Ведунья слышала два сердца, бившиеся у матери в животе. Мама была совсем

крошкой, невысокой и щуплой, так что места у нее внутри было немного. Там было уютно – тепло и тесно, совсем по-родственному. Беременная, она ловила палтусов в Цирке вместе с ребятней: ей ужасно хотелось, чтобы мы не голодали. Видно, там Живая Грязь и попала внутрь нее (снизу или через рот – теперь уже не важно). Однажды она пришла к ведунье, и та сказала, что слышит стук только одного сердца – что один из нас умер и второй, скорее всего, последует за ним. Но она ошибалась. На самом деле получилось так, что мы сблизилась еще больше и в результате, под действием Грязи, стали занимать одно и то же место. Мама родила нас как одного ребенка.

Джо обвели слушающих внимательным взглядом, словно проверяя, насколько их история завладела умами.

– Покажите ему штуку с ножом, – потребовала Присси.

– Рано. Мы еще не закончили. Ты можешь себе представить, Натан, на что это похоже – быть двумя людьми в одном и том же месте? Мы-то уже привыкли, по крайней мере в уме. Мы действуем как один человек, но наше тело иногда доставляет проблемы: порой оно перекидывается от одного к другому, так что кажется, будто мы не можем себя контролировать или у нас нервный тик. Иногда, когда мы устали или чем-нибудь расстроены, у нас все валится из рук, лицо корчит гримасы, а язык заплетается, так что мы говорим совсем не то, что хотели сказать. Бывают такие моменты, когда мы почти полностью разделяемся.

– Но мы совсем не против, Джо, – вставила Присси. – Да, Гэм?

– Нисколько, – подтвердил тот и, словно читая из лежавшей перед ним книги, торжественно продекламировал: – Ибо кто из нас способен всегда и полностью контролировать то, что он говорит, думает и делает?

– Вот именно, – сказала Присси. – Два сердца делают единого Джо в два раза добрее и благороднее и к тому же вдвое храбрее. А теперь покажите ему штуку с ножом.

Джо вздохнули, но тут же улыбнулись и вытащили из кармана нож. Это был стилет – тонкий, сияющий сталью. Джо поставили его вертикально, балансируя острием на кончике пальца.

– Смотри внимательно.

Нож заплясал, двигаясь то вверх, то вниз, описывая круги, переходя из руки в руку и обратно; потом Джо дернулись, как бы

непроизвольно, и выронили нож на пол. На их лице появилось испуганное выражение. Если бы это была настоящая драка, Натан воспользовался бы моментом и ринулся вперед с собственным ножом, но если бы он так поступил, то был бы мертв, поскольку Джо с нехорошей ухмылкой уже держали второй нож напротив его сердца.

Присси захлопала в ладоши и завизжала от восторга.

– Ну, что скажешь?

Натан пожал плечами:

– Второй нож спрятать проще простого. Бросьте меня дурить.

Гэм поцокал языком:

– Нет никакого второго ножа. Один нож в двух местах сразу.

Натан качнул головой и наклонился, чтобы подобрать упавший нож, показать всем, что их два, – однако на полу между ними ничего не было.

– Не только ты тут можешь показывать фокусы, – улыгнулись Джо.

Гэм медленно поднялся и подошел к полке. Он отодвинул в сторону несколько книг и вытащил кожаный кисет.

– Куришь, Нат?

Натан покачал головой. Гэм раскрыл кисет, вытащил оттуда трубку и набил.

– Сегодня будешь курить. В нашей шайке так принято. Сперва мы едим, потом рассказываем истории, потом показываем рукопожатие и курим.

– Рукопожатия еще не было, – возразила Присси, – и к тому же Джо знают кучу других историй. Они знают про всех людей, откуда кто появился. Например, этот Кукушка, который ехал с нами в повозке Поставщика. Помнишь, с двумя братьями? Верняк и Облом. Как там было?..

Присси поднялась с места, сцепила перед собой руки и расставила ноги, словно собираясь прочесть стишок на вечеринке.

– «Некогда в трущобах жила одна женщина»... Как там было дальше, Джо? Я как-то выучила эту историю, чтобы рассказывать в «Храме» у моей сестры, чтобы мне не пришлось... Чтобы они не стали... Ну, в общем...

Присси села обратно и почесала голову под чепчиком, внезапно замолчав и помрачнев. Гэм подошел и положил ладонь ей на плечо.

– Она срезала жир с куска мяса, – продолжили за нее Джо. – Этот кусок она выменяла у мясника, который торговал на Стрэнде. Мясо было «сомнительного происхождения» (твое любимое выражение, Присси, верно?), но оно было свежим и дешевым, и при жарке из него вытапливалось много жира. И вот немного этого жира капнуло ей на запястья, и она вытерла их об фартук. Позже, когда она стирала фартук на мокрых скалах, на него испражнилась чайка...

– Это выражение мне тоже нравится, – вставила Присси.

– Женщина терла и терла, но не могла оттереть ни чаячье дерьмо, ни жир, на который оно упало. Пятно было не вывести ничем. Потом, однажды ночью, после того как фартук уже много раз надевали и снимали, стирали и перестирывали, из него выполз Кукушка – в форме этого пятна и того же цвета. Его нашли на куче грязного белья, ревущего во всю глотку, и как только он достаточно подрос, отправили работать. Беда только в том, что он ни на что не годился, и тогда его послали к Господину, чтобы, по крайней мере, выручить за него несколько монет.

– Должен заметить, – сказал Гэм, – что сам Кукушка не признает эту историю как достоверную. «Полная туфта!» – так он о ней отзывается.

Джо причмокнули:

– Некоторые люди просто не любят правды.

– Ну хорошо, – сказал Натан. – А как насчет моей истории?

Все внезапно заинтересовались огнем, которому, по всей видимости, именно сейчас понадобилась поддержка: собрать еще топлива, перемешать угли. Когда это было сделано и не осталось ничего другого, кроме как ответить на вопрос, Гэм откупорил новую бутылку вина и передал ее по кругу.

– Видишь ли, Нат, мы не задаем таких вопросов. Потому что ответы могут кого-нибудь обидеть. Впрочем, Джо знают историю твоей матери. Верно я говорю, Джо?

– Не надо! – выпалил Натан.

– Не волнуйся, мы не такие, как Гэм, – успокоили его Джо. – Это он любит причинять людям боль своими нападками, потому что люди когда-то причинили боль ему. Но мы так не поступаем. Итак, ты хочешь услышать ее историю?

Гэм принялся снова набивать трубку, и Присси уселась на подлокотник его кресла.

– Давай, Натан. Это хорошая история, – подбодрила она.

Он не отвечал. Что-то в нем сопротивлялось – он не был уверен, что хочет слышать истории о ней, будь они хороши или плохи. Впрочем, как бы там ни было, это было уже не важно, потому что Джо начали рассказывать, и Натан не стал их прерывать:

– В Торговом конце, как мы знаем, существует великое множество всяческих лавок и мастерских, торгующих кто чем. Есть ювелиры, есть часовщики, есть и портные; и вот однажды одна портниха взяла все обрезки лент и шелка, все ненужные пуговицы, оставшиеся от пошитых ею сюртуков и бальных платьев для дебютанток, все самые крошечные кусочки и обрывки, для которых не могла найти применения, но которые было жалко выбрасывать, потому что они были слишком красивыми, и из всего этого сшила одно прекрасное лоскутное платье. Это платье она надела на манекен, и оно оказалось таким восхитительным, что превосходило самые лучшие платья, которые она сшила для самых богатых и знатных аристократок в Мордью. Портниха выставила платье в своем окне в качестве рекламы своему мастерству, но уже на следующее утро, подойдя к своему магазину, обнаружила возле него толпу разъяренных женщин. «Что вас всех так расстроило?» – спросила она у них, и они принялись стенать и жаловаться, что платье в витрине гораздо красивее тех, за которые они какую-то неделю назад отвалили ей кучу денег. Неужели она держит их за полных дур, готовых платить черт-те сколько за второсортный товар? И так продолжалось весь день. Поэтому, чтобы завтра не повторилось то же самое, а также чтобы не обесценивать собственное рукоделие, меркнувшее перед этим лоскутным платьем, портниха вечером выбросила его в канаву вместе с манекеном. Сточные воды принесли это изысканнейшее изделие в трущобы, где оно попало в Живую Грязь и лежало там до тех пор, пока Грязь не дала ему жизнь. Получившееся существо принялось ползти без всякой цели и в конце концов оказалось в лачуге, где его обнаружил твой отец, Натан. Теперь она должна была оставаться с ним, поскольку, если бы она вернулась наверх, мастера распустили бы ее на клочки и сожгли эти клочки в огне, чтобы сохранить цены на свои товары.

Натан сидел, скрестив руки и прикусив щеки изнутри.

– Ну и где же тогда это платье? – спросил он, вызывающе глядя на Джо.

Джо посмотрели на него, подергиваясь при свете камина, при свете свечей, перемигиваясь, перекидываясь между двумя своими ипостасями, но ни один из близнецов не отвел взгляда. Натан ожидал, что Джо будут смущены его вопросом, этим очевидным изъяном в его истории, однако те вовсе не выглядели обескураженными.

– Она продала его, Натан, кусочек за кусочком, чтобы покупать еду, которой кормила тебя все эти годы. А теперь, когда от платья ничего не осталось, она продает саму себя. Кусочек за кусочком.

После этого разговор потерял непринужденность и вскоре затих. Когда, по настоянию Гэма, пришло время учиться секретному рукопожатию и курить траву, все повиновались, но без большой охоты.

Позднее, когда действие травы немного улеглось, Гэм подошел к нему, волоча за собой кресло; оно зацепилось ножкой за ковер, вырвав из него несколько нитей.

– Итак, с чем ты пойдешь?

Натан покоился на подушках на одной из полок, куда взобрался по лестнице, составленной из снятых оттуда же книг. Он лежал на боку, с той стороны, где была здоровая рука – укушенная покраснела и вздулась, из раны сочилась жидкость. Натан повернулся лицом к Гэму, прижимая руку к груди и не очень понимая, чего от него хотят.

– Встряхнись! Пришло время немного поработать. Что ты собираешься брать с собой на дело?

– Ничего, – отозвался Натан.

Гэм криво улыбнулся и кивнул. Он пристроился на краешке сиденья, поставив локти на колени и оперев подбородок на ладони.

– Нет, правда. Как ты собираешься защищаться? Своим великолепным чувством юмора?

Джерки Джо засмеялись, однако Натан лишь опустил голову и ничего не ответил.

– Это не игра, Натти! Ты должен быть экипирован. Что, если тебя зажмут в угол? Если встанет вопрос – либо ты, либо они? Или, к примеру, либо ты, либо она?

Помимо воли Натан посмотрел на Присси. Она встретила его взгляд и опустила глаза. Поднявшись, Гэм шагнул между ними.

– Ты что, ничего не умеешь? Джо, киньте-ка мне ваш ножик.

Джо вытряхнули нож из рукава и швырнули Гэму; тот сбил вращающееся оружие в воздухе, поймал другой рукой, крутанул вокруг головки рукоятки, вскинул вверх и снова поймал, полоснув лезвием по воздуху.

– Пришло время для пары уроков. Основные моменты запомнить легко: не своди глаз с цели – и твоя рука сама сделает все, что нужно. Если ты намерен просто подчеркнуть свою точку зрения, используй режущий удар, – лезвие ножа со свистом рассекло воздух, – и меть туда, где есть что-то упругое, чтобы не просто чиркнуть, а чтоб брызнуло. Тогда твой клиент будет знать, что ты настроен серьезно. Если он слаб в коленках, то отступит, а то и вообще хлопнется в обморок, бывает и такая удача. То же относится и к его товарищам. Но если ты видишь, что нужно довести дело до конца и ничто другое не действует, тогда коли. – Нож метнулся вперед. – Тычь туда, где помягче, и продолжай тыкать, пока клиент не перестанет шевелиться. А после этого добавь еще пару раз, просто на всякий случай. А потом давай деру, потому что, если с ним будут приятели, они с таким мириться не станут.

Гэм протянул Натану нож вперед рукояткой, зажав лезвие между пальцами. Присси наблюдала за ними; Натан видел ее уголком глаза. Он протянул вперед здоровую руку, и Гэм шлепнул нож в его ладонь, с расплывающейся на губах широкой улыбкой. Почувствовав нож в руке, Натан какое-то время смотрел на него, а потом выронил на пол, где он застрял, вонзившись лезвием в ковер.

– Если я разозлюсь настолько, чтобы прибегнуть к этому, Гэм, он мне уже не понадобится.

Гэм поднял бровь. Он подтащил Натана к себе, словно собираясь обнять, и прошипел ему в ухо:

– Ты лучше знаешь свои дела, но если ты, дружок, нас подведешь и кто-нибудь пострадает, я сам приду к тебе с этим ножом, когда ты будешь смотреть в другую сторону. И мне наплевать, Искра там у тебя или не Искра, – этот нож засядет в твоём теле по самую рукоятку. Ты хорошо меня понял?

Натан отстранился от него, и Присси пришла ему на помощь:

– Оставь его в покое, Гэм! Он не меньше твоего хочет, чтобы это сработало. Правда же, Нат? Потому что у тебя больной отец и все

такое.

Гэм улыбнулся:

– Что ж, так и порешим. Только еще одна, последняя, вещь.

Он прошел к камину и вытащил из висевшей сбоку корзины несколько круглых трубок длиной примерно с его предплечье.

– Эти штуки, – пояснил он, – набиты таким веществом, которое при горении дает дым разных цветов. Красный, зеленый и синий. Бросаешь ее в огонь здесь – а дым начинает валить из трубы посередине Торгового конца. Это Присси разузнала, так ведь?

Присси с гордым видом кивнула:

– Ага, я. Мне нравятся красивые цвета, особенно красный, так что я бросила одну такую штуку в камин; я надеялась, что будет что-нибудь вроде фейерверка. И получилось очень красиво (совсем как мне хотелось; правда, без искр, но все равно здорово), только пахло какой-то гадостью, похоже на камфору. В общем, потом я пошла проведать свою сестру. И что же я увидела, стоило мне подняться на холм? Здоровенное облако красного дыма, черт побери! Я не особенно-то спешила в «Храм», так что сделала крюк и подошла. И чем, по-твоему, это пахло? Той же самой камфорной дрянью, что и в нашем камине! Дым выходил из высокой трубы с головой дьявола на верхушке, возле самой границы Торгового конца.

Гэм показал им три трубки.

– Мы их используем, чтобы подавать сигналы. Там, наверху, дым виден отовсюду по эту сторону холма. Синий означает «держись подальше» – ну, в этом нам почти не бывает надобности. Зеленый значит, что кто-то вернулся с уловом, можно прийти и поглядеть.

– А красный? – спросил Натан.

– Чрезвычайная ситуация. Срочный сбор всех членов шайки.

Под землей ничто не указывало на течение времени. Здесь не становилось ни темнее, ни светлее, нельзя было посмотреть наружу (тут просто не было наружной стороны), чтобы заметить, изменилось ли что-то. Все часы стояли, и каждый циферблат показывал свое время, так что, переводя взгляд с одного на другой, можно было представлять, что за секунду прошло несколько часов, или перепрыгивать во времени назад и вперед. У Гэма, как и во всем, здесь

было преимущество, поскольку он был единственным из шайки, у кого имелись часы – большие, круглые, на цепочке.

Он покрутил их перед ними.

– Дело к вечеру, – провозгласил он. – Время последней пробежки по магазинам Торгового конца!

– И куда мы пойдём? – спросили Джо.

– К шляпнику?

– Мы были там на прошлой неделе.

– Тогда к галантерейщику.

– К какому из них?

– На Кроткой улице.

– Можно мы разыграем «Ложную Девушку»? – попросила Присси.

Гэм секунду подумал и кивнул.

– Решено. Кроткая улица, «Ложная Девушка».

Он зашагал к одной из дверей, Джо последовали за ним; Натан и Присси не отставали.

– Веселей, друзья! – вскричал Гэм. – Хей-хо!

Лавка галантерейщика располагалась в мощеном переулке, втиснутая в узкое пространство между обойщиком и парфюмером. Высокие и узкие эркерные окна с мелкими свинцовыми переплетами выпирали на улицу – стеклянная паутина, обвешанная лентами, кружевом, пуговицами и катушками разноцветных ниток.

– Совсем как то место, где сделали твою маму. Да, Натан? – сказала Присси, показывая.

Он кивнул, и тогда она опустила руку и взяла его ладонь, переплетаясь с ним пальцами и крепко сжав.

Над дверью, на конце изогнутой бронзовой пружины, висел колокольчик. Каждый раз, когда в лавку входила женщина, он весело брэнчал, оглашая улицу тоненьким мелодичным звоном.

Гэм отошел в сторонку, где встал с невинным видом и принялся подрезать себе ногти. Джо наклонились, якобы завязывая шнурки.

– Ты знаешь, что делать?

– Еще бы. Я же и придумала этот трюк!

Присси выпустила Натановы пальцы и быстрым шагом двинулась прочь. Гэм приглашающе махнул Натану рукой:

– Держись поближе ко мне.

Какое-то время ничего особенного не происходило. Натан с Гэмом играли в кости возле стены, делая вид, будто не обращают внимания на входящих и выходящих из лавки посетительниц, а затем и на самого галантерейщика, высокоскулого, с поджатыми губами, когда он выпроваживал последнюю из них за дверь лавки, непринужденно положив ей ладонь на талию. Он двигался угловато, нервно, метая быстрые взгляды то в один, то в другой конец улицы. Мальчики продолжали бросать кости, не показывая виду, будто замечают, как он поменял табличку на «ЗАКРЫТО», – как раз в этот момент они заспорили относительно выпавшего счета и того, кому теперь должна принадлежать пара лежащих на кону бронзовых монет.

Немного спустя галантерейщик появился вновь, в гофрированном лиловом жакете, похожем на дамский веер. В одной руке он держал ключ, в другой – маленький кожаный ридикюль. Не успел он вставить

ключ в замок, как появилась Присси. Ее грудь выглядела необычно пухлой, блузка была распахнута до пояса, так что виднелось нижнее белье.

– Помогите... Ох... О боже... – тихо причитала она, идя медленным, спотыкающимся шагом и ведя кончиками пальцев по стене.

Сперва галантерейщик ее не заметил – у него как раз застрял ключ, и это занимало все его внимание. Он вертел им так и сяк, с проступившим на лбу от сосредоточенности глубоким «V». Однако, когда с этим было покончено и замок, к его удовлетворению, закрылся, владелец лавки наконец увидел Присси. Сперва он отвернулся от нее, очевидно намереваясь двинуться в противоположном направлении, таким образом избавив себя от досадной необходимости заботиться о несчастной, однако Присси повысила голос:

– О, моя честь! Моя честь! Как им не совестно так вольно обращаться с моей честью, ведь они оставили меня практически голой!

И Присси приложила ладонь ко лбу, подразумевая, что может еще больше усложнить положение, упав в обморок.

Этого оказалось достаточно, чтобы возбудить у галантерейщика интерес. Он остановился и выпрямился во весь рост, хотя и не обернулся сразу же – какое-то время он, казалось, взвешивал два примерно равнозначных варианта. В конце концов он все же повернулся к девушке. Великодушный наблюдатель мог бы отнести этот жест на счет превосходных филантропических качеств данного господина, однако Натану показалось, будто он увидел еще что-то, промелькнувшее у того на лице, в том, как галантерейщик облизнул губы; что-то, что он уже видел прежде – на лицах «благородных посетителей» своей матери.

Впрочем, повернувшись, галантерейщик уже представлял собой воплощение озабоченного патриция: участливый взгляд, благородная поза. Пальцы Присси вцепились в рубашку на груди, пуговицы которой были уже растянуты настолько, что виднелась обнаженная плоть. Она пошатнулась. Галантерейщик поспешил к ней. Когда он удалился на достаточное расстояние, Гэм сунул кости в карман и двинулся в ту же сторону. Натан пошел следом.

– Когда он дотронется до нее, – шепнул ему Гэм, – бухайся на колени за его спиной, понял? Джо пихнут его так, чтобы он повалился через тебя. Пока вы возитесь, я возьму его ридикюль вместе с вырубкой. После этого разбегаемся и возвращаемся в берлогу каждый своим путем.

Натан все понял; впрочем, Гэм все равно не стал ждать его согласия.

– Моя дорогая, – проговорил галантерейщик, – что это с вами?

Натану показалось, что он услышал в голосе тщедушного владельца лавки едва сдерживаемую дрожь.

– О сэр! Добрый господин... Это было ужасно! Они вели себя так грубо...

– Ну-ну, дитя мое...

– Сумею ли я когда-нибудь оправиться от потрясения?

– Где твоя матушка, милочка?

– Дома, сэр. Это в другом конце города. Она отправила меня за лентами.

– За лентами, вот как?

Натан даже на расстоянии видел, как взгляд галантерейщика, словно приклеенный, возвращается к соблазнительному треугольнику кожи, виднеющемуся между краями белой нижней рубашки Присси.

– Почему бы тебе не зайти ко мне в магазин? У меня полным-полно любых лент, каких ты только пожелаешь. Даже еще больше!

Натан ощутил, как в его животе зарождается Зуд.

– Пойдем. Я покажу тебе такие ленты, каких ты никогда не видела.

Галантерейщик взял Присси за руку и обернулся, окинув взглядом улицу, – то ли почуял ловушку, то ли просто на всякий случай. Как бы там ни было, Гэму, Джо и Натану, находившимся в различных местах улицы, было необходимо срочно принять неприметный вид. Для остальных это уже стало второй натурой, но Натан на секунду замешкался – и встретился с галантерейщиком взглядом. Не сводя с него глаз, тот полез в карман и достал ключ, ведя Присси за локоть к двери магазина. Натан тронулся было наперерез, но Гэм, кашлянув, перехватил его, притворившись, будто заблудился и спрашивает дорогу.

– Не дергайся, – прошипел он. – Будет гораздо хуже, если он притащит сюда стражу. Присси справится, у нее все под контролем.

– Но он ведет ее внутрь!

– Я сказал, не дергайся.

От Натана всего только и требовалось, что встать на колени позади этого идиота, чтобы Джо могли одним сильным тычком сбить его с ног, а Гэм – отобрать у него ридикюль; но теперь весь план пошел насмарку. Натан не успел осуществить подсечку и дал себя заметить. И что теперь? Присси была в опасности!

С голубым огнем, полыхающим в глазах, Натан двинулся вперед. Гэм попытался удержать его, но тщетно.

– А ты кто такой? – спросил галантерейщик. – Небось один из этих паршивцев, что нанесли чести этой девицы такой урон? А ну убирайся, пока я не позвал стражников!

С тем же успехом он мог бы не раскрывать рта – Натан его не слушал. Он двинулся прямо на противника – с отлетающими Искрами, с набухающим внутри Зудом, практически немедленно начавшим требовать, чтобы его Почесали. Присси попятилась; на ее лице отразился ужас. Натан положил руки галантерейщику на плечи, коснувшись пальцами кожи на его шее так, что Искра вошла в его тело. Галантерейщик застыл, словно ему за шиворот налили ледяной воды, а потом принялся мелко трястись.

– Держи свои ленты при себе! – прошипел Натан ему в ухо.

В самой глубине его человеческой формы, под слоем мышц, среди внутренних органов, внутри костного мозга, Искра встретила с создавшей его сущностью – тем, что диктовало его целостность, его рост с младенческого возраста и процессы, которые однажды должны будут привести его к старению и смерти, – и обнаружила то, что искала: его душу, то, что будет перенесено на ту сторону; и наполнила ее своей энергией, пронизывая своим пламенем, выжигая изнутри.

Тело галантерейщика, обмякнув, рухнуло. Между его кожей и бульжной мостовой просверкивали искры.

Натан отступил назад, дрожа – сперва от восторга, затем от отвращения. Такого еще никогда не бывало; Искра никогда не была такой. Не только боль в руке заставила его остановиться, хотя была ужасной и продирала руку до самого локтя; здесь было нечто другое.

Натан чувствовал, что мог бы превратить галантерейщика в призрак, если б попытался.

– Эй! – вскричал Гэм, почти не скрывая своего ликования. – Ты должен был просто дать ему подсечку, зачем же убивать!

Присси, прикусив губу, склонилась над галантерейщиком.

– Что ты с ним сделал?

Натан покачал головой, глядя на собственные руки так, словно видел их впервые в жизни.

– Я хотел...

– Не важно! Хватай деньги, мы возвращаемся в берлогу.

– Что он сделал? – спросили Джо.

– Некогда болтать. Надо быстрее сматываться отсюда, пока никто не появился.

Пока они шли подземными переходами, никто не произнес ни слова, и даже на спиральной лестнице продолжали хранить молчание, находясь под впечатлением от произошедшего. Лишь добравшись до библиотеки, где все еще тлели угли в камине, в воздухе висел запах травы, а на сковороде поблескивал застывший жир, они внезапно вновь обрели дар речи:

– Он не умер.

– Не знаю, как по мне, он выглядел вполне мертвым...

– Значит, ты не посмотрел как следует. В ямке на его горле, под челюстью, было биение, примерно как трепещут веки у Джерки Джо.

– Не пойму, что это за идиотизм он устроил? – спросила Присси у Гэма, не отрывая при этом сердитого взгляда от Натана. – «Ложная Девица» проще простого, там ничего такого не требуется! Отвлек, подсек, забрал деньги. Можно дать коленом по яйцам, показать нож, если уж очень надо...

Натан, прижимая больную руку к боку, уселся на свое прежнее место возле полки.

– Но он ведь его не убил, правда, Гэм? Правда же? – не отставала Присси, крутя длинными пальцами пуговицы на своем платье.

– Нет. И вообще, ты что думаешь, этот галантерейщик сам никогда никого не убивал?

– С чего бы? – возразили Джо. – Он, конечно, смахивал на любителя малолеток, но уж никак не на убийцу.

– Вы говорите так, потому что не уделили этому вопросу достаточно внимания. – Гэм поднес зажженную спичку к трубке, а затем к заново наваленной в очаге куче книг и растопке. Дождавшись, пока огонь займется, он продолжил: – Подумайте обо всех трущобных мальчишках, которые отбросили копыта, чьи мамы пришли к ним утром и обнаружили их бездыханными, с синими губами. Разве не мог бы этот говнюк поделиться едой, которая спасла бы им жизнь?

– Это не одно и то же, – пробурчали Джо.

Взяв сковороду, они снова взгромоздили ее на огонь, чтобы жир растопился и можно было поджарить на нем мясо для ужина.

– Никак не одно и то же, – подтвердил Гэм. – Гораздо хуже! Его преступное невнимание погубило всех этих недоростков только потому, что он хотел вставить новые стекла в свои окна, потому что его мадам желала иметь кружевные рюши на подштанниках. И не говорите, будто он не умел сообразить, что к чему, – его магазин расположен всего в полумиле от того места, где мы мрем словно мухи! А ты, Натти, мальчик мой, порешил этого мерзавца (и то на самом деле нет), защищая честь дамы. На мой взгляд, как тут ни складывай, в сумме все одно выходит, что он хуже тебя.

Присси подошла к Натану, который беспокойно ерзал, поглядывая на свою руку.

– В следующий раз делай то, что тебе говорят. Не то, если будешь продолжать в том же духе, мы скоро вообще не сможем появляться там, наверху. А мне нужны деньги.

– Ну ладно, довольно выговоров, – прервал ее Гэм, бросая Джо бумажный пакет с беконом из стопки в углу. – Давайте быстренько пожарим это дело, поделим добычу и свалим отсюда. Уже поздно, скоро вылезут призраки, а я не собираюсь оставаться здесь, когда начнут скрипеть половицы. Я бы сказал, что Присси полагается половина, поскольку она взяла на себя основной риск. Или кто-нибудь желает сказать ей, что я ошибаюсь?

Добровольцев не нашлось, так что каждая вторая монета отошла к Присси. Из остального Натану досталось больше, чем Гэму, поскольку именно он со своей Искрой сделал работу, хотя это была и не та работа, что была ему поручена. Остаток получили Джо, чья роль в результате свелась к минимуму.

Кучка, лежавшая перед Натаном нетронутой, поблескивала на столе между его руками – он не сделал движения, чтобы забрать причитающееся.

– Мне не нужны деньги. Мне нужно лекарство.

– Ну разумеется! Мы зайдем к мистеру Пэджу, как только покончим с ужином. Я ничего не забыл.

При упоминании имени мистера Пэджа Джо отвернулись и занялись мясом. Присси, впрочем, осталась возле Натана; по-видимому, позабыв о своем раздражении, она подошла к нему и обвила руками его талию.

XVII

Из конца узкой улочки в Торговом конце доносилось звяканье стекла о стекло, резкий визг ножей о тарелки, а затем, когда улочка вышла на широкую площадь, смех во множестве регистров.

– Держись в тени, – шепнул Гэм, кивнув туда, где к площади подходила еще одна улочка.

Натан сделал, как ему было сказано. Присси всю дорогу держалась за его спиной, а Джо шли позади нее. Впрочем, внимание Натана было приковано к фонтану в центре площади, вокруг которого веревками было отгорожено пространство, а внутри стояли столики и стулья, где сидели мужчины и женщины в яркой одежде.

Благодаря светильникам, подвешенным на шестах над каждым столиком, вся сцена была как будто освещена солнечными лучами, проникающими через дырявую крышу: пятна мягкого желтого света разделялись участками серой тени. Среди них целеустремленно двигались люди в черных костюмах, держа высоко поднятые подносы, накрытые крышками. Отовсюду доносились ароматы пряностей, и когда подносы, достигнув стола, открывали свое содержимое, под крышками обнаруживались куски мяса такого размера, что Натан видел их даже со своего края площади, вдоль которого осторожно скользил в указанном ему направлении. Порой на подносах оказывались целые птицы с подвернутыми к груди шеями, словно они просто спали, хотя их головы обгорели до черноты.

– Хорошо, что мы успели пожрать, – прошептал Гэм. – Пэдж заламывает такие цены, что твоей небольшой заначки не хватило бы даже на *hors d'oeuvre*.

– Я иногда вообще не понимаю, о чем ты говоришь, – встряла Присси. – Это ты в какой-нибудь книге вычитал? Нат, ты понял, что он сказал? А вы, Джо, поняли?

Нат тоже не понял. Впрочем, Гэм уже снова тронулся с места, направляясь вдоль дальней стены к задней части площади, так что они последовали за ним.

Обойдя здание кухни и оказавшись вне поля зрения посетителей, они погрузились в жужжание тысяч мух, настолько громкое, что в нем

тонули даже звуки веселья, доносящиеся с площади. Вокруг чего все эти мухи роились, Натан старался не думать.

Гэм постучал в дверь – три хлипкие дощечки, прикрывающие отверстие в кирпичной стене. Она открылась, и наружу высунулась голова еще одного малолетки, круглолицего и краснощекого. По-видимому, он сразу узнал Гэма, поскольку убрал голову и открыл дверь. Пройдя внутрь, они оказались во дворе, мощенном кирпичом. Теперь источник жужжания было трудно не заметить: вдоль стен, сложенные бок о бок, лежали десятки туш различной степени разделки – разрубленные пополам свињи, ягнята с отрезанными ногами, коровьи головы, венчающие розовые ребристые скелеты. Все это валялось в луже Живой Грязи, из которой, среди лопающихся пузырей, и рождались все эти тучи мух.

С одной стороны двора располагался низкий, сколоченный из досок сарай, перед которым околачивалась пара мордovorотов, телосложением на два размера больше своих рубашек и курток, с бесформенными ушами и кривыми носами.

– Братья Доулиш, – пояснил Гэм. – Маменькины сынки. Впрочем, надо отметить, что их мамаша составляет конкуренцию самому Пэджу. Она содержит распивочную в трущобах. А вот этот сарай служит мистериу Пэджу офисом.

Если бы Натан не знал Гэма так хорошо, то решил бы по его голосу, что тот нервничает.

– Кто такой этот мистер Пэдж? – спросил Натан. – Джо, может, хоть вы скажете?

– Мерзкий тип, – отозвались Джо, понизив голос настолько, что его почти перекрывало жужжание мух. – Его папаша вылепил его из куска прогорклого масла и завернул в черный бархат, а мамаша посыпала сверху локонами, сбритыми с женщин, вынужденных продавать свои волосы, потому что они слишком стары, чтобы чернить себе глаза. Родители создали его в наказание этому городу, потому что они переселились сюда из Маларкои в надежде обрести новую судьбу, а обрели только трущобы. Его воспитали как благородного господина, выучили светским манерам и запустили в высшее общество, чтобы он творил там всякие пакости. Ты не найдешь в нем ни капли добра, так же как не найдешь ни капли свежего молока на дне бидона с простоквашей. Его мечта – смешаться со сливками на самом верху, но

лишь для того, чтобы отравить их и сделать ни на что не годными. Но не потому, что он хочет отомстить за трущобных жителей: их он тоже ненавидит. Он ненавидит всех. Самое разумное, что можно придумать, это вообще не иметь с ним дела. Вот только мистер Пэдж не любит, когда его избегают. Он распространяется повсюду, как вонь от гниющего мяса. Сам запах его тела разносит болезни, так что тебе может стать плохо просто от общения с ним.

– Тогда зачем мы к нему пришли?

– Он мой босс, – отозвался Гэм. – К тому же он может достать все, что угодно, включая лекарства.

XVIII

Пэдж был низкорослым и округлым, больше похожим на кургузого подростка, чем на взрослого мужчину. Волосы на его голове, на которую даже Натан глядел сверху, росли с почти непристойной густотой и пышностью – копна блестящих кудряшек, которым он придавал дополнительный лоск при помощи масла. Недостаток роста восполнялся в нем крупностью черт лица: воловьи глаза и нос картошкой, с трудом впихнутый поверх толстых мокрых губ, лиловых и блестящих, как баклажаны. Пэдж беспрестанно проверял, как он выглядит, посматривая в маленькое зеркальце, которое вытаскивал из кармана, хотя смысл этих действий оставался загадкой. Он говорил очень отчетливо, словно обращаясь к иностранцу или пожилому родственнику, но вечно с какой-то подковыркой, тоном неизменного сарказма, как будто его слова имели целью позабавить кого-то, очень похожего на него самого, подслушивающего откуда-то из-за кулис.

– Добрый вечер, юные джентльмены и леди! Какому обстоятельству обремененный заботами мистер Пэдж обязан удовольствием находиться в вашем обществе? Без сомнения, это что-то срочное, раз оно вырвало вас из ваших уютных гостиных в такой поздний час! Боюсь, я не смогу предложить вам сигар и тем более бренди; впрочем, если вы расположитесь вон на тех перевернутых ящиках за вашей спиной, я поищу, не осталось ли у меня спирта для растираний на дне бутылки.

Пэдж низко поклонился, словно говорил абсолютно серьезно, однако в завершение своей речи не сделал ни малейшего движения, чтобы что-либо искать, лишь взглянул куда-то вбок с самодовольной ухмылкой.

Когда он снова посмотрел на них с фатовским, пренебрежительным видом, Натан уже решил, что ему вовсе не нравится мистер Пэдж. Похоже, чувство было взаимным: Пэдж едва удостоил мальчика поверхностным взглядом. Его внимание было полностью обращено на Гэма, лишь время от времени переходя к Присси. Джо, казалось, вообще были для него почти что невидимыми.

Гэм крутил в руках кепку, и вид у него был точь-в-точь такой, будто, невзирая на свою обычную лихость, он был напуган.

– Насчет этого я ничего не знаю, мистер Пэдж. Мы просто пытаемся раздобыть немного лекарства для моего друга – вот он стоит.

– Лекарства, вот как? – откликнулся Пэдж, снова выпрямляясь. – Полагаю, это эвфемизм?

Присси покачала головой:

– Не нужно ему никаких этих... мизмов.

Пэдж искоса, мельком взглянул на нее – и тут же движением плеча отверг. Он снова проверил свое отражение в зеркальце, словно невежество Присси могло каким-то образом вызвать появление у него морщины или способствовать росту бородавки.

– Да нет, тут другое дело, – сказал Гэм. – Ему нужно от легочного червя.

Пэдж поспешно отступил на шаг, прижимая к лицу вытащенный из того же кармана носовой платок:

– Что?! Вы притащили свои болячки сюда, где я работаю? Ах вы паршивые щенки! Надо бы бросить вас в кипяток. Как вы посмели?

Гэм успокаивающе поднял руки, но Пэдж продолжал пятиться, сшибая бутылки и звякая подвешенными на крюках ножами.

– Нет-нет, это не для него! Я бы никогда такого не сделал, верно? Я и сам не стал бы с ним ошиваться, если бы он был заразный, так ведь? Нет, это для его старика, для папаши!

– Вот как? – проговорил Пэдж, окидывая Натана мимолетным взглядом, словно сам вид мальчика доставлял ему боль.

– Ну да. Вам не о чем беспокоиться, мистер Пэдж! Обещаю!

Носовой платок недоверчиво опустился.

– Слово джентльмена стоит тысячи обычных, – проговорил Пэдж. – Однако что заставило тебя решить, будто у меня есть для него лекарство? Разве я похож на доктора?

Он определенно не был похож на доктора.

– У него есть деньги.

Бровь Пэджа, толстая и черная, как палец кузнеца, перегнулась пополам.

– Да неужели? Да, пожалуй, это возможно... Во всяком случае, надо признать, что он определенно не потратил их на портного. Хорошо, давайте посмотрим, что у меня есть.

Повернувшись, Пэдж направился к плоскому ящику, стоявшему в углу. Когда он наклонился, ткань на его задку натянулась так, что это было похоже на двух лысых священников в одном войлочном колпаке на двоих. Какое-то время он рылся там, чем-то гремя и бормоча проклятия, а затем вернулся с маленькой зеленой бутылочкой, заткнутой пробкой. Держа ее двумя пальцами, Пэдж поднес бутылочку к лампе: она была до половины полна. Пэдж взболтнул молочно-белую жидкость.

– Еще относительно свежее. Один из моих парней снял его с трупа... Не волнуйтесь! Я более чем уверен, что червя у него не было. Он умер от совершенно иных причин. Фактически он разгуливал, веселый, как птичка, пока мой парень его не нашел.

– Годится. – Гэм протянул руку к бутылочке, но Пэдж отдернул ее.

– И сколько, по-твоему, она может стоять?

Натан шагнул вперед, и хотя Гэм положил ладонь ему на грудь, он не мог заставить его молчать.

– Это для моего отца! Сколько может стоять отец?

– А вот это полностью зависит от того, о каком отце речь, – возразил Пэдж с улыбкой, словно негодование в голосе Натана вовсе не было очевидным. – Взять, например, моего. Я бы и бронзовой монеты за него не отдал! Собственно, все было наоборот: мне пришлось заплатить неплохие деньги, чтобы он покинул этот мир. То же, кстати, относится и к моей матушке. Ну а что до твоего, тут уж тебе решать.

Морщась от крысиного укуса, Натан вытащил кошелек и высыпал свою долю сегодняшней выручки в ладонь другой руки.

– Этого хватит?

Пэдж присвистнул.

– Должно быть, он весьма неординарный человек!

Он протянул бутылочку, но когда Натан попытался вручить ему монеты, убрал ее обратно.

– И все же... Возможно, у тебя сложилось обо мне неверное представление. Возможно, ты считаешь меня холодным, расчетливым скупердям, который думает только о том, сколько весит его кошелек. – Пэдж снова вытащил свое зеркальце, чтобы проверить, не отражается ли нечто столь малоприятное в его чертах; затем, удовлетворившись, вернул его на место. – Ничего подобного. Я вовсе не такой. И чтобы

это доказать, я отдам тебе лекарство просто так. Оставь свои деньги при себе.

С ласковой улыбкой Пэдж снова протянул бутылочку. Натан не сделал движения, чтобы взять ее. Тогда это сделал за него Гэм; и в тот же момент Пэдж придвинулся к Натану так близко, что от их дыхания зашевелились волосы на головах у обоих.

– Но запомни, мой маленький друг: когда я оказываю кому-то услугу, я ожидаю, что мне оплатят тем же. Ты меня понял?

Он отодвинулся. Натан снова протянул ему деньги:

– Возьмите. Я не хочу быть у вас в долгу.

Пэдж фыркнул:

– Я же вижу, сколько значит для тебя твой отец. Видишь ли, мальчик, хоть я и не очень силен в математике, я понимаю, что никаких чисел не хватит, чтобы адекватно отразить его ценность для тебя. А следовательно, этой маленькой горстки никак не может быть достаточно. Я не дам себя одурачить! Закон соответствия велит, чтобы ты заплатил мне столько, сколько он для тебя стоит, – тем или иным способом. А теперь убирайтесь!

Натан хотел возразить, но Гэм подтолкнул его в спину, Присси потянула за руку, и они втроем, следом за Джо, направились к двери.

Натан сжимал бутылочку с такой силой, что казалось, мог раздавить ее в кулаке. Остальные вернулись в берлогу, но Натан шел, держа лекарство перед собой, словно оно влекло его вперед, тащило навстречу его страху, между тесными, обветшалыми лачугами, из которых состояли трущобы. Оно вело его кратчайшим из возможных путей к дому, через самые узкие щели, через лужи Живой Грязи, так что грубая ткань его куртки цеплялась за щепки, торчавшие из гнилых стен, а ботинки разбрызгивали по сторонам мертвожизнь.

Здесь и там на его пути попадались новые костры, новые изображения Госпожи, объятые пламенем и дымом; однако бутылочка, встречаясь с препятствием, попросту игнорировала его, вынуждая Натана, хватаясь больной рукой, проворно взбираться по сырым, скользким доскам, съезжать по кучам щебня и мусора, пробираться сквозь груды дымящейся золы, лишь бы он поскорее удовлетворил ее жажду попасть домой, добраться до своего пациента, выполнить свою работу. Она не обращала внимания на уличных торговцев, продававших перья огненных птиц, на женщин, выплескивающих с порога помой, на мужчин, которым его мать или отец были должны денег: видя целеустремленность и спешку Натана, те понимали, что с мальчиком сегодня происходит что-то необычное, что-то такое, перед чем их требования и вопросы вынуждены отступить.

Когда в поле зрения показалась их лачуга, настойчивость бутылочки несколько не ослабела – наоборот: Натану пришлось припустить, чтобы соответствовать ее зову. В конце концов он резко затормозил, скользя подошвами, и отодвинул брезентовый полог, часто и тяжело дыша.

Натан мог не спешить: у его матери был посетитель.

Он стоял возле кровати, облизываемый светом очага, – поправлял на себе одежду, застегивал пуговицы, движением руки убрал прядь волос с блестящего от пота лба. Заметив Натана, посетитель нахмурился. Он повернулся к мальчику, поправил на себе галстук и чопорно прищелкнул каблуками.

Натан смотрел на него, не сводя глаз. Посетитель был высоким, упитанным, широкогрудым. Натан подумал, что, если бы дело дошло до драки, он вполне мог бы постоять за себя. Коротко кивнув мальчику, незнакомец вновь повернулся к постели, на которой лежала мать Натана, полуприкрытая одеялом (наружу высывалась одна нога, белая и обнаженная, словно ветка с ободранной корой).

– На этом, принцесса, я позволю себе откланяться, – проговорил он и действительно поклонился ей, после чего повернулся к двери.

– А деньги?! – вскрикнула она.

Посетитель остановился и почти было взглянул на Натана, но не до конца – его голова сумела воспротивиться движению, не доведя его до последних нескольких градусов, необходимых, чтобы мальчик вновь появился в поле его зрения.

– Разумеется.

Он сунул руку в карман брюк, не сюртука; его рука не сделала движения вверх, к этому привилегированному месту напротив сердца, а двинулась вниз, где гладкий контур ткани нарушали несколько монет. Он улыбнулся. Над его верхней губой, едва видимое в тусклом свете, было родимое пятно в форме капли, желтовато-коричневое и бархатистое, как шкура олененка.

Посетитель вытащил из кармана серебряную монетку.

– Кажется, ничего мельче у меня нет. Что ж... Запишем остаток на мой счет?

Он положил монету на кровать, рядом с ногой Натановой матери, и вышел.

Какое-то время Натан стоял не двигаясь. Потом его мать перевернулась на постели и натянула на себя одеяло, обратившись к нему спиной.

– Запомни его лицо, – сказала она в стену. – Когда-нибудь он может тебе понадобиться.

Из-за занавески донесся какой-то звук. Натан отдернул ее: отец сидел на кровати, напряженно выпрямившись, словно увидел привидение, однако его глаза были закрыты.

– Папа?

Отец не шевельнулся. На его скулах играли желваки, уголки глаз были жестко стиснуты. Его руки вцепились в одеяло так же крепко,

как Натан в бутылку с лекарством, на шее вздулись жилы, словно у перепуганной лошади.

– Я принес тебе кое-что, что должно помочь. – Кажется, Натан увидел в лице отца узнавание, едва заметный признак, тень колебания в его решимости оставаться жестким и неподвижным. – Это лекарство.

Лицо отца начало краснеть, он сотрясался, его плечи ходили ходуном. Колени под одеялом резко вскинулись вверх – до этого его ноги лежали плоско, полностью вытянутые вперед.

– Ты примешь его?

Губы отца оттянулись назад, обнажая редкие, поодиночке торчащие из десен зубы с бурыми корнями, дрожащие и блестящие в свете очага. Он трясся с головы до ног.

Натан отвинтил пробку. Лекарство резко пахло анисом. Игнорируя пульсацию в собственной ладони, Натан взял отца за руку и попытался разжать кулак, но тот был стиснут слишком сильно.

– Поднести его тебе к губам?

В уголках отцовского рта начала скапливаться слюна, с каждым вздохом он издавал сипящие звуки – тихие, влажные, настойчивые, – а его ноздри были широко раздутыми и сухими.

– Папа, я не знаю, что делать!

Отец скривил лицо – и наконец не выдержал. Вновь начавшийся кашель сложил его пополам, раздирая тишину скрежещущими звуками.

– Слишком поздно.

Его мать встала с постели; черный силуэт ее иссохшего тела окружало желтое сияние свечи, проникавшее сквозь полупрозрачную сорочку.

– Он еще жив, так ведь? – отрезал Натан.

– Черви... Это все, что еще держит его здесь. Он нужен им.

– Он нужен мне!

Мать пожала плечами и вернулась в постель.

– Прими его, папа! Пожалуйста...

Отец повернул к нему голову. Его красные глаза были широко раскрыты, из искривленного страданием рта на простыню летели брызги мокроты, однако рука, твердая и упрямая, появилась и выхватила у Натана бутылочку. Он опрокинул содержимое в рот – и осел обратно на матрас, так что рот закрылся сам собой под весом

того, что оставалось от его тела, а кашель, за неимением другого выхода, был вынужден направиться через нос. Так он оставался, казалось, целую вечность – тяжело вздыхая, храпя и выгибаясь, но не выпуская изо рта лекарство. В конце концов с этим было покончено; отец вытянулся, обессиленный, покрытый потом, и закатил глаза ко лбу. Пустая бутылочка валялась на простыне, уголки его рта были теперь белыми от лекарства. Он впал в бессознательное состояние, но Натан все равно взял его за руку.

– Отлично, папа! Отлично! Я достану тебе еще, папа, я обещаю! Я обещаю...

Среди ночи магия Господина просочилась из Особняка в город.

При лунном свете ее было бы трудно увидеть. Даже сейчас, несмотря на облака с туманом и вечную завесу брызг, висящую над Морской стеной, луна все равно была поблизости – рассеивая, растворяя, заслоняя Натану зрение своим вмешательством, достаточно сильным, чтобы замаскировать зловещую утонченность магии. Птичьи смерти тоже мешали, но когда луна садилась, а огненные птицы прекращали свои атаки, Натан видел ее вполне ясно. Она была мертвенно-зеленой, вязкой – наполовину дым, наполовину кисель. Она сочилась из-под основания Особняка в месте, где скала становилась фасадом, словно там была некая брешь, щель, образовавшаяся в результате работы всех этих механизмов там, внизу.

Натан прижал колени к груди, плотно натянул поверх них куртку и принялся сосать рану, ощупывая языком дыру в своей плоти, которая никак не хотела закрываться. Отцовский кашель был единственным звуком, перекрывавшим грохот валов; хотя лекарство, кажется, действительно дало ему некоторое облегчение – в самом тоне кашля, его глубине и силе было нечто, указывавшее на то, что грудная клетка отца очищается, изгоняя из себя лишнюю мокроту.

Натан следил за течением магии – вниз с вершины холма, через Мордю, через Торговый конец, жители которого слишком хорошо питались и слишком крепко спали, чтобы что-либо почувствовать, вдоль Стеклойной дороги; мимо калитки на границе, запертой, чтобы не пускать трущобы внутрь; мимо домов, выстроенных в трущобах отдельными предпринимателями, конюшен Поставщика, кожевенных мастерских, «Храмов» с их изможденными мадам и неопрятными, надушенными девицами; мимо рыбацких хижин, где ютились переломанные, просоленные, выдубленные солнцем старые моряки и их молчаливые будущие вдовы, – вниз, в те забытые Грязью уголки, где Пэджд вербовал своих подручных, где безнадежные больные лежали на своих сырых постелях, отделенные от мира одной тонкой дощечкой, в ожидании смерти; и все это было окрашено зеленью, просочившейся вместе с этим ручейком силы.

Люди не могли видеть этого лишь потому, что оно было настолько всепроникающим, словно висящий в воздухе запах, который замечаешь только после того, как выходишь за дверь. Вот только здесь было некуда выходить (или, во всяком случае, для вышедших уже не было пути назад).

И за всем этим стоял Господин, для которого все они были лишь сырьем, потребным для какого-то неизъяснимого эксперимента. Его движения были слишком быстрыми, чтобы их заметить, его цели – слишком непостижимыми; и все же ему был нужен этот город, были нужны его жители. Все они существовали вокруг него, так, словно дело обстояло наоборот, словно это он был им нужен – его свет, его разрастающаяся власть, его медленно сочащееся зло.

Натану хотелось ненавидеть его, ненавидеть его волшебство, ненавидеть весь мир; и все же в этом гнилом свете было что-то... знакомое. Что-то, что бежало и по его собственным жилам, так что Натан знал его очень близко.

Искра.

Искра была в нем, хоть он и отрицал это. Она сладостно дрожала в его костях, хоть он и отвергал ее. Она переполняла его, выжигая унылую сырость мира, высвечивая все уголки, словно молния. Она приносила боль, но она же разрывала все оковы, убирала всю горечь, мертвый груз его отца с матерью, похоть галантерейщика, жестокость Пэджа. Она сжигала его будущее – жизнь, пропитанную морскими брызгами, состоящую в наблюдении за тем, как дерево чернеет и покрывается плесенью. Она превосходила даже мелочные улады и утешения купцов – превосходила настолько, что он с легкостью мог бы спалить все это дотла. Ему не было нужды заботиться о мелких вещах, о мелких людишках: он мог бы сжечь их всех скопом, если бы сумел вынести боль. Кто посмеет встать на его пути, когда придет Искра?

«Не используй ее».

Натан прикрыл глаза, и на фоне грохочущих волн молчание его отца звучало громче, чем любые другие звуки, – теперь, когда он наконец заснул.

Натан встал и пошел прочь из тущоб.

Канализация имела выход в трущобы по эту сторону изгороди. Гэм упоминал о нем, и даже набросал карту на листке бумаги, вырванном из книги, прежде чем та отправилась в огонь. Эта труба некогда выводила стоки к Морской стене, но поскольку вместо моря она с таким же успехом могла опорожняться и в трущобы, то, когда она сломалась, никто и не подумал ее чинить. В течение многих лет она изрыгала нечистоты, так что в окружающем ландшафте образовался гладкий, как лишай, полукруг негодной земли; однако пришло время, и поток иссяк. После того как запах выветрился, трущобные жители вновь вернулись на это место; отверстие заслонили лачуги и груды мусора, так что теперь только Гэм и его шайка знали о трубе и интересовались ею.

В темноте Натан прошел туда, где лежало старое, облысевшее одеяло из конского волоса, казалось бы, брошенное наугад среди нанесенных ветром обрывков и шелухи. Натан отодвинул его – одеяло прикрывало отверстие трубы, покрытое коркой веществ неизвестного происхождения. Натан скользнул внутрь.

В трубе было сухо. Эхо доносило откуда-то звук капель, но здесь влаги не было, со стен при прикосновении осыпались пересохшие хлопья. Под ногами чувствовалась плоская, гладкая поверхность. В темноте было невозможно что-либо разглядеть, и Натан был рад этому.

Труба шла вверх с уклоном, но небольшим, чтобы можно было идти без затруднений, поднимаясь по склону холма к Торговому концу. Натан ориентировался на напряжение в мышцах икр: когда труба подошла к развилке, он выбрал направление, продолжавшее подъем.

Чем дальше он шел, тем громче становился звук воды; зловоние отходов, и без того ядовитое и ошеломляющее, усиливалось, пока наконец Натан не вышел к месту, где было течение.

К этому времени его глаза уже привыкли к темноте настолько, что он мог обходиться тем небольшим освещением, какое здесь было. Труба, по которой он шел, в этом месте была блокирована. Впереди находился затор из веток, перьев и сучьев; но лишь дойдя до конца трубы, он увидел, что удерживало их на месте, вокруг чего они

накопились, что препятствовало стокам свободно двигаться, что лежало здесь, погребенное под слоями мерзкой грязи, обрастая ею, как панцирем, в течение многих месяцев.

Это был труп.

Сначала Натан принял его за пучок веток, но внезапно одна из веток оказалась рукой, другая – изгибом колена; и в один тошнотворный момент все встало на места, так что Натан попятился, цепляясь за стенку. Лицо трупа было наполовину залито бурыми стоками, в открытом рту крутились маленькие водовороты, безымянные жидкости омывали пустые глазницы, тонкие прядки волос струились вниз по течению, словно водоросли.

Мертвожизнь держалась от него подальше – возможно, боясь пустоты, которую воплощало собой это зрелище, и Натан также повернулся к нему спиной. Он брел по колена в жиже, пока не добрался до трубы, настолько широкой, что вдоль нее был проложен технический парапет, на который он и вскарабкался.

Гэм показал ему, какие знаки следует искать – стрелки и цифры, нацарапанные возле пересечений и в концах прямых отрезков трубы. Все еще чувствуя на затылке неподвижный взгляд трупа, Натан отыскивал выход к штаб-квартире клуба.

Натан закрыл за собой дверь, преграждая путь зловонию и всему остальному, что могло таиться там, позади. Должно быть, прошел уже час или два после полуночи, но здесь, внизу, в помещениях клуба, было так же светло, как и всегда. Натан понимал, что может и не мечтать найти дорогу к библиотеке (тут было слишком много поворотов и тупиков, а также потайных переключателей, которые Гэм держал в секрете), однако он предпочитал быть где угодно, лишь бы не в трущобах с родителями, только бы не слышать этого кашля, не видеть этих хорошо одетых мужчин, нервно сжимающих руки на пути внутрь, поправляющих галстуки на пути наружу.

Каждый раз, когда ему предоставлялся выбор, он спускался ниже, а обнаружив комнату, где имелась мебель, уселся в кресло среди бледного каменного света и попытался ни о чем не думать.

Когда вернутся остальные, он их услышит – Гэма уж точно. Он пойдет к ним и убедит их, что ему нужно добыть еще денег на лекарство. Займет у Пэджа, если не будет другого выхода, и купит

столько лекарства, сколько нужно, чтобы излечить папу за один раз. Потом, когда папе полегчает, Натан пустится в одиночное плавание – будет добывать себе пропитание по примеру Гэма, найдет какой-то способ управлять Искрой, обзаведется домом вместе с Присси... Или это слишком много? Как бы там ни было, это будет совсем отличаться от того, что есть сейчас.

Он сидел в этой комнате, ощущая пальцами толстый слой пыли на подлокотниках, глядя на свисающие с канделябра полотнища паутины, тонкие, словно старая кружевная шаль, и размышлял о том, как все дошло до такого состояния. Ведь было время – он это знал, хотя и не мог припомнить, – когда в его жизни было счастье. Разве нет? Отец и мать, рука об руку... Разве это не делало яркими его дни? Не согревало его мысли, его сердце? Не приносило неторопливое спокойствие в его мир? Теперь... Он больше не чувствовал ничего подобного. Чувствовал только, что ему этого не хватает.

Он с силой потер глаза, вдавливая их в глазницы так, что зрение залила обжигающая краснота, на мгновение заменив привычную сухость. Крысиный укус въедался в кость.

Было время, когда они смеялись. Наверняка было. Он помнил, что смеялся так, как смеется ребенок, который знает – не надеется, а знает наверняка, – что его смех встретит отклик. Порой он смеялся почти до тошноты. Но что его так веселило? На этом месте в памяти был провал.

Он снова потер глаза, сильнее, так что неизвестно, откуда явился красный сияющий свет – сквозь веки, сквозь ладони, откуда-то изнутри.

И из этого сияния возник образ. Его матери? Женщина. Несомненно женщина. Высокая, сильная, закутанная в шелк, белокожая от постоянного пребывания в помещении, но без какой-либо болезненности. На одной руке она держала младенца. Его?

И она улыбалась.

Он вскинулся в кресле, словно спасался от падения. Издалека слышался какой-то звук. Голос, мужской. То ли что-то спрашивают, то ли зовут...

Натан поднялся на ноги.

Он что, заснул? Здесь, внизу, было невозможно узнать время: все часы остановились столетия назад. Напротив двери, в которую он вошел, была еще одна, широкая и массивная, с большой тусклой бронзовой ручкой. Моргнув, Натан повернул ручку, чувствуя под ладонью холод металла. Когда дверь открылась, голос стал громче.

Говоривший находился слишком далеко, чтобы слышать отдельные слова, но это несомненно был мужчина, и он несомненно кого-то звал. И это не был Гэм. Пэдж? Может, и Пэдж...

Комнату, куда вела дверь, можно было бы принять за коридор, если бы не низкая деревянная скамья, стоявшая возле стены, и не огромное зеркало напротив. Натан подошел к двери в другом конце, но мысль о Пэдже остановила его, и он, не открывая, приложил ухо к дереву и прислушался.

Голос больше не звучал. Гадая, действительно ли там может быть Пэдж, Натан опустился на одно колено и заглянул в замочную скважину, но ничего не увидел.

Голос послышался снова – на этот раз, пожалуй, еще дальше, чем прежде. Натан повернул дверную ручку и вышел в темное помещение, размерами значительно больше всех предыдущих. Его шаги гулко стучали по каменным плитам, едва различимый свет отражался от поверхности водоема посередине.

Пока Натан стоял, моргая, темнота постепенно становилась зернистой, и из этой зернистости начали проявляться детали: здесь – пятно потемнее, там – посветлее, и наконец, когда его глаза раскрылись полностью, это место обрело форму.

Помещение было шестиугольным, и на каждой стороне располагалась дверь, обрамленная кариатидами. В центре был бассейн, а посередине бассейна вздымалась фигура – дьявол, с козлиной головой и козлиными ногами, но с телом и руками человека. Это была статуя, подсвеченная снизу таким слабым красным светом, что могло показаться, будто это отсвет крови. Затем, в том же свете, Натан заметил возле нее что-то еще.

Человек стоял, погруженный в тень; можно было разглядеть лишь отдельные части его лица – линию нижней челюсти, впадины щек, глазницы. Он был недвижим, словно мраморное изваяние, ни единое шевеление не выдавало даже дыхания. Натан перевел взгляд с его лица вниз, на одежду со странным орнаментом, украшенную серыми

лентами и отделанную кружевом, и дальше – к серебряным пряжкам его тuffель на высоких массивных каблуках.

Он стоял на поверхности воды, не порождая волн.

Потом человек заговорил.

– Мальчик! – произнес он тем самым голосом, который Натан слышал прежде. Его лицо оставалось неподвижным, но теперь на нем было такое же выражение, какое возникает у слепого, когда тот чувствует, что рядом кто-то есть, хотя и не может его видеть, – встревоженное, просящее.

Натан отступил на шаг назад; у него перехватило дыхание.

– Мальчик, я знаю, что ты здесь.

Натан ощутил спиной дверь – он даже не заметил, что та закрылась за ним, когда он вошел.

– Как тебя назвали, мальчик?

Натан не ответил. Тогда человек двинулся к нему по воздуху, не касаясь стопами ни воды, ни пола. Он вслепую вытянул руку, словно пытаясь схватить Натана.

– Натан! – не выдержав, выкрикнул тот.

Человек остановился и улыбнулся.

– Так же, как и меня. Хорошо.

Он потянулся к Натановой щеке. Тот хотел отстраниться, но за ним была деревянная панель двери. Пальцы человека напряглись, рот приоткрылся, словно в предчувствии поцелуя... Однако кончики пальцев прошли сквозь кожу Натана, и лицо незнакомца поникло. Он убрал руку и принялся разглядывать ее, поворачивая перед собой в воздухе, словно разочаровавшись в ней.

Его начало относить прочь, и хотя он пытался вернуться, цепляясь за воздух, расстояние между ними все увеличивалось.

– Используй ее, Натан! – прокричал он. – Используй ее! Следуй за своими желаниями!

Он повторял это снова и снова, со все возрастающим возбуждением, но в то же время затихая, пока его не унесло за пределы слышимости. Как только он исчез, Натан бросился бежать – обратно, туда, откуда пришел, спотыкаясь и налетая на углы; и пусть ему хотелось вообще убраться из клуба, скоро он окончательно заблудился.

Натан не мог бы сказать, много ли времени прошло, пока не раздался голос Гэма. Также он не знал, спал он в этот момент или бодрствовал: в этом тусклом освещении и тесных пространствах даже бодрствование казалось сном. Здесь царила атмосфера кошмара – лихорадочная, плотная. Впрочем, хриплые выкрики Гэма прорезали ее в одно мгновение, и Натан тут же вскочил на ноги и бросился к двери. Голос Гэма звучал громко и отчетливо – он описывал, в ритме оживленной танцевальной мелодии, нравственные недостатки некой бедной девицы, – и когда Натан открыл дверь, Гэм при виде него испытал еще большее потрясение, чем он сам.

– Эй, ты что здесь делаешь? Ты ведь не вздумал здесь спать? Это место кишит призраками, ты в курсе?

Натан отступил назад и отвел взгляд.

– Что, в самом деле? И что же ты видел? Девицу, скачущую нагишом по коридору, словно лиса перед сворой? Или кого-нибудь из старичков, который гнался за ней с хлыстом в руке?

– Нет, стариков с хлыстами я не видел. Мой был старый и тощий, похожий на статую.

– Ты уверен, что он тебе не приснился? Здесь, внизу, нет никого, кроме этих мертвых охотников и их мертвой добычи. Как правило.

– Нет, ничего такого не было. Он парил над водой и попытался погладить меня по щеке.

– А, ну это на них похоже. Свора грязных извращенцев, вот они кто. Причем иногда забывают, кто здесь призрак, а кто из плоти и крови. Я все хочу притащить сюда вниз анк-машину (за свой счет!), но Присси и Джо говорят, что это слишком жестоко.

– Гэм, он меня узнал!

Гэм нахмурился:

– Ну, это уже глупости какие-то. Эти парни давно мертвы, они не могут никого знать. Просто бродят тут после наступления ночи, пытаюсь доделать свои дела. Поэтому мы и не спускаемся сюда по ночам – кому хочется перепугаться до потери пульса из-за какого-то привидения, верно?

Натан кивнул, но, скорее, просто для того, чтобы успокоить Гэма, чем соглашаясь с ним.

– Слушай, Натти, если тебе понадобится ночлег, просто найди меня, хорошо? Я обустрою тебя наилучшим образом и ручаюсь, там не будут рыскать никакие бестелесные духи.

– Я не хочу больше ничем быть обязан Пэджу.

Гэм, кажется, хотел что-то возразить, но в конце концов просто кивнул.

– Пожалуй, я тебя понимаю. Но на Пэдже свет клином не сошелся. У меня есть и другие контакты. Ну ладно, судя по твоему виду, тебе не помешало бы сунуть в зубы пару кусков мяса, просто чтобы вспомнить, что значит быть живым! – Гэм показал свои ладони: в каждой лежало по толстому, сочащемуся кровью ломтю, ярко-розовому на фоне его черных от грязи пальцев. – Что ты топчешься? Они сами собой не поджарятся, а я не могу посылать парня на дело с пустым желудком.

– А что, у нас есть дело? Это как раз то, что мне нужно.

– Естественно! Как твой старикан?

– Кажется, немного лучше, но ему надо еще.

– Ну, посмотрим. Может, получится наладить ему регулярные поставки. Поговорим об этом за обедом.

– Я еще не завтракал!

Гэм поглядел на него:

– О чем ты? Солнце сядет через час! Как бы там ни было, сперва нам надо пойти затариться для Присси и Джо.

Отверстие трубы выходило в квартале Пакгаузов, позади складского помещения. Гэм показал, где им следует встать. Их окружали здания, выше которых Натану еще не доводилось видеть: черные кирпичные стены и трубы, вместо окошек – узкие прорезы. Над крышами виднелись деревянные подъемные краны, вытаскивавшие из внутренних дворов ящики с товарами. Отовсюду пахло дымом или, если ветер менялся, горелым маслом; воздух был полон быстрого ритмичного пыхтения механизмов.

Перед ними были закрытые деревянные ворота с зубьями наверху. Натан с Гэмом прятались за стопками наваленных друг на друга мешков в шесть футов высотой. Вскоре привезли очередную партию пустых ящиков. Возле ворот кладовщик расплатился с возчиком и отправился за рабочими, чтобы те втащили ящики внутрь.

Когда и возчик, и кладовщик скрылись из вида, ящики на какое-то время остались без присмотра. Гэм подбежал к ним, жестом пригласив Натана последовать его примеру, а затем проделал две вещи: сперва поддел фомкой боковую панель одного из ящиков, так что та слегка отошла, но не отломилась полностью, а затем пометил ее красным кружком при помощи воскового мелка, который достал из кармана. Закончив, Гэм молча передал свои инструменты Натану, показывая, что он должен сделать то же самое с другим ящиком. Тот повиновался, переложив фомку в здоровую руку.

Услышав, что рабочие открывают ворота, оба метнулись обратно в тень за мешками. Рабочие отнесли ящики в помещение на поддонах, по двадцать штук на каждом, и захлопнули за собой ворота склада.

– Ну и в чем был смысл? – спросил Натан, недоуменно глядя на Гэма.

Тот постучал себя по носу кончиком пальца, словно этот жест должен был что-то означать. Оба мальчика ждали, скорчившись, пока у них не заныли колени, однако ничего не менялось – даже самодовольная усмешка на Гэмовом лице. Наконец к воротам подъехала новая подвода, и возчик позвонил в колокол.

– Отлично, – сказал Гэм. – Я был здесь вчера, пометил несколько ящиков. Теперь эти ящики наполнены и готовы к вывозу. Они их не проверяют, потому что уже тыщу лет пользуются услугами одного поставщика и знают, что все должно быть в порядке.

Кладовщик снова вышел и принялся разговаривать с возчиком.

– Кладовщик хочет получить деньги, – пояснил Гэм, – а возчик требует бекон. Теперь они какое-то время будут спорить.

И действительно, те принялись играть свои «роли», выпятив грудь и расправив плечи, по очереди сплевывая на землю рядом с собой. Наконец один вскинул руки вверх, и каждый вернулся в свой угол.

– Конец первой части, – подытожил Гэм и взял свои инструменты. – Пора подбираться поближе.

Он махнул рукой, и Натан последовал за ним – не совсем прочь, но по направлению к стене склада, пригибаясь к земле позади штабелей досок и куч гниющей мертвожизни, выметенной с территории. Возле самых ворот была груда мешков и каких-то ржавых труб, и Гэм с Натаном обосновались за ней, дыша ртом и соблюдая абсолютную тишину.

Кладовщик вернулся, и ворота распахнулись внутрь. Те же самые рабочие, что втаскивали ящики на склад, теперь вытаскивали их обратно. Движением подбородка Гэм обратил внимание Натана на то, что некоторые из ящиков были помечены красными кружками.

– Ну ладно, это половина, – сказал кладовщик, когда рабочие закончили. – Где мои деньги?

Возчик, насупившись, вручил ему кошелек. Кладовщик с сомнением исследовал его содержимое и буркнул:

– Можешь помочь парням догрузить остальное.

Повернувшись, он зашагал обратно к своему посту внутри помещения. Возчик последовал за ним, чтобы помочь рабочим. Гэм воспринял это как сигнал. Они с Натаном шмыгнули к первому из помеченных ящиков и пристроились за ним. Гэм вытащил фомку и вскрыл ящик с такой же легкостью, с какой мог бы раскрыть книгу. Внутри были пакеты, завернутые в восковую бумагу, и Гэм принялся передавать их Натану, вытаскивая по две штуки зараз.

– Прячь за пазуху, – шепотом скомандовал он.

Натан повиновался. Свертки холодили ребра. Гэм взял только несколько штук, затем резиновой киянкой пригнал боковую планку

ящика на место и стер красную метку.

Во дворе склада – широком, чистом, окруженном хлевами, где содержались свиньи, – рабочие спорили с возчиком относительно правильного способа транспортировки их драгоценного груза.

– Следующий, – беззвучно произнес Гэм, и Натан, хоть и поглядывал в сторону сулившей безопасности сточной трубы, все же перебежал вместе с ним ко второму из помеченных ящиков.

С этим вышла загвоздка: фомка никак не могла справиться с задачей. То ли в течение дня, пока ящики перегружали, планку загнало на место случайным ударом, то ли какой-то чересчур усердный работник заметил, что она отстаёт, и приколотил обратно; как бы там ни было, она упрямо отказывалась поддаваться. Нахмурясь, Гэм взглянул в сторону склада и сильнее налег на рычаг. Как выяснилось, он перестарался – гвозди взвизгнули, дерево затрещало, и возчик, обернувшись, воззрился в их направлении.

Мальчики застыли. Возчик глядел прямо на них.

К их счастью, раскраска трущобного жителя мало чем отличается от раскраски среды его обитания: тускло-серые и тускло-бурые пятна, беспорядочные контуры, смазанные углы. Нет лучшего камуфляжа, чем быть частью окружающего тебя пейзажа. На этом расстоянии возчик, человек пожилой, не смог их разглядеть своими старыми глазами. Когда он снова отвернулся, Гэм вытащил из ящика охапку пакетов, сунул их за пазуху, и мальчишки бросились прочь, через канализацию, обратно к себе в берлогу.

Гэм вытер жир со щек и зажег сигару.

– Ешь!

Пламя в камине полыхало зеленым, сигнализируя через трубу с головой дьявола, что они вернулись с добычей. Тяжелой посеребренной вилкой Натан возил свой кусок мяса по тарелке. Мясо было упругим и сочным.

– Воткни вилку, отрежь кусок, сунь в рот и жуй. Что, я должен всему тебя учить?

– Я не голоден.

– Не голоден, рассказывай. Ты же тощий, как пасынок заядлого игрока!

Наклонившись через стол, Гэм отрезал от его куска небольшой кубик мяса, поддел вилкой и покрутил у Натана перед носом.

– Так или иначе, а этот кусок окажется у тебя в глотке. Я же не могу допустить, чтобы ты вырубился посередине представления, верно?

Натан схватил кусок и запихал себе в рот. Жуя, он раздраженно буркнул:

– Хватит уже про мясо; расскажи лучше, что я, по-твоему, должен буду сегодня делать.

– Не по-моему, а по-любому. Ты взломаешь сейф у одного богатея, а потом притащишь сюда в мешке все, что найдешь внутри.

– Нет! Мне нужно раздобыть еще лекарства!

– Не нет, а да. Подумай сам, Натан. Во-первых, это будет большой улов, которого за глаза хватит, чтобы пойти к настоящему фармацевту и скупить у него все лекарства, какие только найдутся. А во-вторых, тебе и самому захочется это сделать, несмотря ни на что.

– Гэм, я не могу тратить на это время. – Натан оттолкнул от себя тарелку. – Моему отцу нужно лекарство, сейчас!

Гэм положил сигару перед собой на краешек стола.

– И откуда, интересно, он его возьмет? У Пэджа больше нет, а все аптеки позакрывались на ночь.

– Но послушай, Гэм...

– Не буду я тебя слушать! Эта шайка – не благотворительное учреждение, Нат. Мы нужны тебе, а ты нужен нам. Нужен мне. Нужен Присси.

Натан шмыгнул носом.

– Какое мне дело до Присси?

– Убедительно, ничего не скажешь! Она идет вместе с нами, и ей нужны деньги. Она очень высококонравственная девушка, твоя Присси, так что, если у нее ничего нет, в смысле денег, это значит, что у нее должен быть *кто-то*, в смысле денег. Если ты понимаешь, что я имею в виду. Ее сестра хочет, чтобы она занялась семейным бизнесом (вычернила себе глаза и пришла в «Храм»), так что у нее нет другого выхода. И у тебя тоже.

– Она может позаботиться о себе.

Гэм снова взял сигару и сделал долгую затяжку, выпустив дым в пространство над Натановой головой.

– Ты уверен? Мы никогда еще не проворачивали такое большое дело, как это. Может, и сейчас не стали бы, если бы это не давало возможности ее выкупить. Сестра у Присси не то чтобы полна любящей доброты, она женщина деловая. Если Присси хочет избавиться от своих обязательств, ей придется выплатить свой заработок вперед, в размере сотни золотых монет. Откуда еще мы добудем такую сумму? Так что ешь поплотнее, сынок. Иначе нам всем может прийти несладко.

– А что насчет Джо?

Гэм закашлялся, так что сигарный дым двумя облачками вырвался из его носа. Он утер глаза рукавом.

– У нас с Джерки Джо вышло небольшое разногласие касательно мистера Пэджа. Сегодня, похоже, их с нами не будет, по причине того факта, что они, разобидевшись, куда-то делись и я не смог их найти. Может быть, они вернуться, когда увидят сигнал. В любом случае тем больше оснований для того, чтобы привлечь к делу тебя.

Натан вздохнул.

– Хорошо. Что конкретно я должен буду делать?

Гэм улыбнулся, переложил сигару из одного уголка рта в другой и отодвинул от себя тарелку. Рисую пальцем на покрывавшем стол слое пыли, он начертил схему дома.

– Вот это особняк, а правильнее сказать – дворец, на холме, на самом верху, где Плезанс уже утыкается в Парк. Семейство Делакруа – клиенты высочайшей пробы, охрана у всех дверей. К дому не подойти ни с одной стороны: нас засекут сразу же, как только мы покажемся на дороге. Но, понятное дело, мы ни по какой дороге не пойдём: для этого у нас имеется канализация. – Гэм провел волнистую линию, подходящую снизу к основанию дома. – Дальше. Прогулка будет не из самых приятных, так что я стырил для нас кожаные рыбацкие сапоги. Если все сложится удачно, мы вылезем через нужник для прислуги. Оцени иронию: благодаря тому, что они не пускают работников на фарфоровые горшки и тем приходится сажать занозы себе в задницы на общей деревянной скамье, мы сможем преспокойно подняться по большой трубе снизу, поднять крышку – и оп-ля!

– А слуги? Разве они нас не заметят?

Гэм искоса взглянул на него.

– Скажем, что нас наняли. Сегодня у них банкет, а для него нужна дополнительная прислуга. Если это не прокатит, мой ножичек убедит их попридержать языки. Но на самом деле у них не будет времени на всю эту ерунду. Там ожидается дым коромыслом, благородные господа будут танцевать, кушать павлиньи клювы и мышинные легкие и пить сброженную мочу колибри, или что там им по вкусу, а слуги будут носиться вокруг и все это им обеспечивать. А мы тем временем незаметно проскользнем внутрь, незаметно поднимемся на верхний этаж и незаметно проберемся в апартаменты владельцев. Ты выжжешь замки своей Искрой, я открою сейф своей фомкой, после чего мы выйдем так же, как вошли, унося с собой выкуп за твою девчонку и столько ценностей для обмена на лекарство, на сколько у тебя хватит рук.

– А Присси что будет делать?

– Стоять на стреме. И тащить добычу. А также при необходимости она может устроить сцену, разорвать на себе лифчик, привлечь взгляды, создать суматоху – короче, все то, что ей удастся лучше всего.

Натан потыкал вилкой мясо.

– Ешь давай. Нам скоро выходить.

Место, где работала сестра Присси («Афанасийский Храм»), располагалось на границе трущоб и Торгового конца: неподалеку от кожевенной мастерской, где Натан продал руконога, но не настолько близко, чтобы вонь из известковых ям отпугивала клиентов. Рядом находилась калитка (одна из тех, что всегда под постоянным присмотром охранников, которых можно дешево подкупить), так что посетители заведения могли одновременно сократить свои расходы и время, требуемое для похода в «Храм».

Гэм бывал здесь неоднократно, исполняя должность посыльного, но Натан видел это место впервые. Под буквами с названием заведения и его девизом *Quincunque Vult* (Гэм утверждал, что это значит «Каждый желающий») в нижних окнах можно было видеть развеселых девиц, не одетых практически ни во что, с вычерненными глазами, потягивающих напитки из высоких бокалов и разговаривающих с мужчинами в цилиндрах. В окнах второго этажа занавески были плотно задернуты.

– Обожди пока, – сказал ему Гэм. – Что бы они там ни говорили, здесь не любят незнакомых людей.

Натан остановился на противоположной стороне дороги, а Гэм стремглав проскочил между лужами со стоячей водой и шмыгнул в дверь.

Девицы в окнах занимались в основном тем, что хихикали, а еще трогали разные детали на груди своих мужчин – носовые платки, пуговицы; временами даже вытаскивали из-за жилета галстук и разглаживали его. Их ноги были тонкими, руки покрыты пупырышками. Через какое-то время то одна, то другая кивала своему мужчине, после чего они вдвоем исчезали в глубине здания. И с такой же частотой из глубины с деловитым видом появлялась другая девушка, вытирая руки и расправляя на себе узкие полоски шелка, служащие ей одеждой, в то время как мужчина, охваченный внезапным желанием поскорее уйти, опустошал свой кошелек возле стойки у выхода.

Мужчины шли двумя сплошными потоками – один внутрь, другой наружу. Все они принадлежали к типу, Натану практически неведомому. Они определенно не походили на тот рабочий люд, среди которого он вырос. Они не были похожи на его отца. Они не были похожи даже на «благородных посетителей» его матери. Зато как две капли походили один на другого: шляпы и форменные сюртуки, аккуратные прически и отдаленно-профессиональная манера держаться. Они входили, имели короткий разговор с женщиной у стойки, затем следовала покупка напитков и представление девушек.

В одном из верхних окон затрепыхалась занавеска, и из-за нее показалась Присси. Она что-то кричала, хотя слов было не слышно; Натан мог только видеть ее гневную гримасу. Кто-то оттащил ее от окна, и там появилась другая девушка, очень похожая на Присси, но более крупная и более сердитая, а потом мелькнул и Гэм с вздетыми кверху ладонями и чрезвычайно убедительным лицом. Присси пыталась пробиться мимо него – кажется, она собиралась наброситься на другую девушку с кулаками, – но Гэм ухватил ее за талию и поднял в воздух, после чего занавеска снова задернулась.

Чувствуя, как в нем набухает Зуд, Натан подбежал к двери, но у него на пути оказались двое мужчин, выходящих с веселым смехом и болтовней, а затем еще один, который пробирался внутрь, опасно оглядываясь. Безуспешно пытаясь их миновать, Натан вдруг заметил Гэма и Присси, выходящих из боковой двери. Присси была в ярости, а Гэм, насколько можно было понять, извинялся перед ней. Ее щеки были исполосованы черными слезами.

Натан застыл на месте. Он не стал подходить – частично потому, что у этих двоих был серьезный разговор, но также и потому, что он уже видел прежде такие полосы – на щеках своей матери. Гэм взял ладони Присси и сложил их вместе, но какое бы утешение он ни вкладывал в этот жест, Присси явно отказывалась поддаваться.

Гэм что-то буркнул ей; девушка повернулась и поглядела туда, где Натан стоял вначале. Гэм тоже взглянул в ту сторону. Не увидев его в ожидаемом месте, оба принялись оглядываться. Натан помахал им, и тогда Присси вытерла лицо и почти успокоилась; она даже попыталась улыбнуться, но у нее не очень-то получилось. Она отвернулась, а Гэм подошел к нему.

– Ну как, Нат, все в порядке?

– У меня-то все в порядке, – отозвался Натан. – Что с Присси?

Гэм пожал плечами:

– Понятия не имею. Девчонки, ты же понимаешь. Не беспокойся из-за нее. Если у нас сегодня все получится, ей больше никогда не придется возвращаться в это место.

Гэм как ни в чем не бывало побрел через жижу – в своих кожаных штанах, высоко поднимая колени; однако он не принес защитной одежды для Присси, а она не могла заставить себя лезть туда в обычной одежде. Бросив взгляд на Гэмову удаляющуюся спину, девушка тихо зашипела.

Натан смотрел на нее, на линию ее щеки. Она инстинктивно повернулась к нему, привлеченная тем неопикуемым, нечувствительным трепетом на поверхности кожи, какой люди чувствуют, когда на них пристально смотрят. Ее глаза были стальными и злыми. Гэм обернулся, и они обменялись взглядами; потом она улыбнулась, и ее взгляд смягчился.

– Натан, можно?..

Она подняла перед собой руки, расслабив кисти и склонив голову набок, словно собачонка, выпрашивающая подачку. Натан не сразу понял, чего она хочет, но потом Присси подняла одну ногу и слегка оттопырила нижнюю губу. Она имела в виду, что хочет оседлать его, словно лошадь.

Внезапно у него пересохло во рту.

– Я веду себя ужасно, да? Понимаешь, мои чулки... Я же не могу их испортить!

– Конечно.

Конечно, чулки портить было нельзя. Натан подошел и встал перед ней, повернувшись спиной. Какое-то мгновение ему казалось, что она не хочет к нему прикасаться, но затем девушка обхватила его руками за шею и положила ногу ему на талию. В темноте ее белый чулок так блестел на фоне кожаного сапога, что Натану пришлось сглотнуть.

– Ну же, давай. – Она имела в виду, что он должен взять ее под колено и приподнять, чтобы она могла закинуть на него и вторую ногу.

Натан прижал ее ноги к своим бокам, продел под них руки и сцепил пальцы, невольно охнув: боль от крысиного укуса достреливала уже до локтя, и вес девушки на его руке не облегчал положение.

– Что с тобой? – спросила Присси.

Он покачал головой, упрямо выставил подбородок и медленно вошел в воду.

Сначала Присси сидела прямо, но потом положила голову ему на плечо, так что от ее теплого дыхания по его спине побежали мурашки.

– Ну что, поехали?

Натан кивнул и понес ее над темной, шевелящейся массой. Гэма уже не было видно, но Натан слышал плеск его шагов впереди.

– Берегись! – крикнул им Гэм, не оборачиваясь. – К вам «пльвун»!

Натану не пришлось долго ждать, чтобы выяснить, что это значит. Присси на его спине пошевелилась и сильнее обхватила руками его шею, но Натан почти не обратил внимания, даже когда она плотно прижалась к нему и ее кожа скользнула по его коже.

По черной реке, сквозь тени, плыла какая-то масса. Плот из прутьев? Нет, что-то более плотное, более темное... Непрозрачное. На секунду это можно было принять за охапку дубовых веток, на которую нанесло всякого мусора, но иллюзия быстро рассеялась.

На этот раз это была женщина: абсолютно голая, с раскинутыми в стороны руками и колышущимися вокруг головы, словно нимб, прядками седых волос. Ее тело было в синих пятнах, а белые, лишенные век глаза смотрели прямо вверх; рот был распахнут, как будто ее изумляло то, что она видела на потолке над собой, словно это зрелище заставило ее окаменеть. Выражение ее лица было настолько необычным и жутким, что Натан не сразу сумел отвести от него глаза, а когда сделал это, то моментально пожалел.

В чаше, образованной ее торчащими тазовыми костями, свили себе гнездо крысы. Пять или шесть черных крысенышей возились в углублении, их закрытые глаза выступали бугорками, а возле этих слепых извивающихся тварей возлежала жирная крыса-мать, чье молоко они сосали; ее густая шерсть лоснилась, словно палантин какой-нибудь богачки, а розовый бороздчатый хвост обвивался вокруг выводка, оберегая детенышей от напозающей мертвожизни, угрожавшей их задушить.

Мать повернула голову к Присси и Натану, глядя на них снизу и подергивая усиками, словно собиралась представиться. Впрочем, она так ничего и не сказала, не разразилась речью, как сделала бы какая-

нибудь крыса из сказки. Вместо этого она погрузила голову внутрь трупа, на котором сидела, и после некоторой борьбы вернулась, держа в зубах изгрызенную трубочку плоти, извлеченную из живота мертвой женщины.

Натана едва не стошнило. Если бы он съел за завтраком больше мяса, сейчас оно оказалось бы снаружи, однако он уже успел его переварить. Присси крепче вцепилась в него, словно он пытался ее скинуть.

– Эй, там, сзади, что у вас происходит? – крикнул Гэм.

Натан не смог ему ответить.

– Он едва меня не вывалил!

– С какой стати?

Крыса одним глотком расправилась со своей трапезой (ее длинные передние зубы не годились на то, чтобы жевать, – только отрывать куски) и опустила голову за новой порцией.

– Да что с тобой такое? – прошипела Присси. – Смотри, ты так действительно меня уронишь!

– Спроси лучше у него, что со мной такое.

– У него я уже спрашивала.

На этот раз, когда голова крысы вновь показалась на свет, ее добыча отказалась отрываться от места, где была прикреплена. Крыса заметалась, потом встала на дыбы, так что крысеныши повисли на ней, мотаясь, словно козье вымя. Труп женщины качнулся в воде, как покачивается лодка, когда седоки ерзают на скамье. Натан сложился чуть ли не вдвое. Ленты Присси макнулись в жижу, а сама она съехала вперед.

– Эй! Он сейчас меня сбросит!

Гэм прошлепал обратно к ним.

– Ну, из-за чего у вас тут переполох?

– Не знаю! Все было хорошо, а потом приплыла эта дохлая крошка, и его начало плющить.

Гэм понимающе кивнул:

– Нат, в чем твоя проблема? Мы внезапно стали нервными? Слабый желудок? Утонченные чувства? Противно смотреть, я правильно понимаю? Вид смерти оскорбляет твоё зрение, да? Сперва тебя напугал призрак, теперь это... А ты лучше подумай, какой день сегодня был у Присси!

Гэм протянул руки, взял Натана за лицо и подтащил к себе, глядя ему в глаза.

– Или, может быть, ты просто не любишь крыс? Паразитов? Что ж, эту проблему легко решить.

Гэм отпустил Натаново лицо, прошагал к трупу, ухватил его за локоть и колено и перевернул, так что женщина погрузилась лицом в воду. Мертвоживые уклеи (те, что были способны есть) ринулись в предвкушении легкой добычи, и крысе-матери пришлось спасаться вплавь, сражаясь за свою жизнь.

– Ну вот! С глаз долой – из сердца вон. А теперь возьми себя в руки! Ты ведешь себя так, словно трупа никогда не видел. Или крысы. Неужели ты окажешься пустышкой, Натан? Неужели мне придется отозвать твое членство в шайке? Пойдем, у нас много работы!

XXVII

Верхний конец лестницы качался, словно флейта заклинателя змей, ударяясь и скребя обо что-то, пока не встретил достаточно ровный кусок стены, на который смог опереться.

– Быстрее, Гэм, я сейчас соскользну!

Натан придвинулся вперед, чтобы Присси смогла поставить ноги на первую перекладину над поверхностью воды. Она рванулась прежде, чем он занял удобную позицию, схватилась за что-то в темноте над его головой, вдавила каблук в ямку между его плечом и ключицей... И вот ее больше нет, она пропала где-то наверху, словно он был всего лишь удобной опорой для ее ноги.

– Ты следующий.

– Но как? – Натан смотрел вниз на свои сапоги, скользкие и блестящие от жижи.

Вместо объяснения Гэм взялся за Натановы подтяжки и развел их в стороны.

– Подержи-ка.

Натан повиновался, и тогда Гэм, словно отец своего ребенка, поднял его в воздух. Сапоги секунду постояли сами по себе, потом начали клониться набок, потом течение нашло в них вход, и они скользнули под воду. Гэм поставил Натана на ступеньку лестницы.

– Лезь!

Тот поднял голову, чтобы посмотреть, куда ему предстоит лезть, и увидел белизну чулок Присси. С внутренней части левого бедра змеилась прореха – вверх, в темноту.

Словно услышав его взгляд, Присси зашипела и лягнула его сверху в голову:

– И ты туда же!

– Эй, осторожнее там, наверху! Я эту лестницу долго не продержу.

Натан обратил все свое внимание на перекладину перед носом, старательно удалив из поля зрения все оборки, ленточки, а также потертости и прорехи в нижнем белье Присси. Спустя немного времени над ними засияло нечто похожее на несколько лун со звездами, давая достаточно света, чтобы вокруг проступили контуры

камней и заделанных известкой щелей. Затем его макушка натолкнулась на подошву башмака Присси.

– И что теперь? – спросила она вполголоса.

– Там кто-нибудь есть? – прошептал Натан.

– Откуда я знаю?

– Высунься в дыру.

Присси закусил губу и просунула голову сквозь ближайшую «луну».

– Никого.

– Тогда толкай.

Она нажала вверх, и внезапно их залил ослепительный свет, и то, что после темноты показалось сперва чашей небосвода, обрело более конкретные очертания: на месте неба проявились стены и потолок общего туалета. Присси не стала медлить, и Натан, внезапно осознав, что наверху могут оказаться люди, которые могут причинить ей вред, последовал ее примеру. Он поспешно вскарабкался вверх; Гэм только что не хватал его за пятки.

Вскоре все трое уже лежали, распластавшись на полу, среди крупных опилок и комков стружки со следами ног, оставивших полосы в разных направлениях. Гэм вернул крышку скамьи на место. Снаружи слышались крики, громохание сковородок и отрывистые распоряжения.

– Протрите себя опилками, – скомандовал Гэм. – Отсюда мы пойдем через кухню в подвале и дальше вверх, на первый этаж. Там все заняты подготовкой к празднику, так что никто не обратит внимания на слоняющихся оборванцев. Если кто-нибудь спросит – мы случайные работники, нанятые ради мероприятия. Залезаем в кухонный лифт, поднимаемся в апартаменты хозяев, находим кабинет его светлости. Там лежат все его ценности плюс та штука, которую заказал наш клиент.

– Что за штука? – поинтересовалась Присси.

– Не твое дело, что это за штука. Ты лучше думай о своем выкупе. Вы оба можете брать все, что приглянется. Ясно?

Они кивнули.

– Тогда начинаем. Одна нога здесь, другая там; к ночи будем дома. Пара пустяков!

Однако парой пустяков дело не обошлось.

В тот же момент, как они вышли за дверь, их растащили в разные стороны: Гэмом завладел шеф-повар, Присси перехватил сомелье, а Натана – младший повар. В любой кухонной бригаде имеется несколько трущобных оборванцев, которые в глазах остального персонала представляют собой практически пустое место, однако, какими бы они ни были согбенными и непритязательными, дурнопахнущими и отвратительными, на них всегда можно переложить любую грязную работу, требующую выполнения. наших ребят приняли за представителей этой категории, и если от них воняло нужником, то в этом не было ничего столь уж необычного. В любом случае, это место было пропитано тысячей странных и незнакомых запахов готовящихся кушаний и ингредиентов, необходимых для их приготовления, среди которых порой встречаются и потроха или другие малоаппетитные продукты.

Младший повар ухватил Натана за воротник, так что верхняя пуговица врезалась в ложбинку между его ключицами, и протащил по низкому, напоминающему коридор сводчатому кирпичному погребу в другое помещение, такое же тесное и неопрятное.

– Это надо выпотрошить.

На полу перед ним стояла жестяная ванна, в которой была навалена груда покрытых запекшейся кровью куриных тушек. Рядом валялся небольшой ножик.

– Ну, чего ты ждешь? Хочешь, чтобы тебе заплатили? Тогда принимайся за работу!

Натан поднял нож. Это был огрызок, не длиннее его большого пальца, который точили столько раз, что остался лишь железный коготь, торчавший из вытертой деревянной рукоятки. Он переложил «огрызок» в правую руку (ту, которая не болела от крысиного укуса) и стиснул. Несмотря на всю свою гладкость, рукоятка лежала в его ладони совершенно твердо.

Он повернулся, продолжая глядеть вниз, но когда шагнул вперед и поднял глаза, повара перед ним уже не было, а была Присси, сжимавшая в каждой руке по бутылке.

– Кажется, я слышу голос Гэма, – сказала она.

– Пошли! – Натан бросил нож и вернулся в коридор. – Где он?

– Где-то там.

Присси кивнула в сторону дверного проема, за которым мелькали красные сполохи, а воздух струился от жара. Изнутри доносился лязг и грохот металла по металлу, в доверху набитой топке ревело пламя.

Натан осторожно приблизился к двери, вдруг пожалев о том, что не оставил себе нож. Присси подтолкнула его в спину, побуждая двигаться быстрее, так что он разом оказался на пороге – и увидел Гэма. Руки мальчика были обмотаны двумя кусками холстины, он стоял наполовину склонившись, раз за разом ныряя в недра огромной печи. За его работой надзирал жилистый человек с черными волосами, торчавшими из-под высокого белоснежного колпака.

– Глубже! Там сзади еще остались.

– Там слишком горячо!

Человек хохотнул сухим, злым смешком:

– Поверь, тебе придется гораздо горячее, если эти пироги успеют сгореть прежде, чем ты их вынешь.

Натан хлопнул в ладоши, и человек обернулся:

– Что такое?

– Вас зовет шеф-повар.

– Что?

– Босс хочет вас видеть. Там, наверху, какая-то проблема.

Тот кинул напоследок взгляд на Гэма и поспешно вышел, крутя в руках свой колпак.

Гэм выскочил в коридор еще прежде Натана.

– Все, у нас больше нет времени на эту ерунду. Двигайте за мной!

Он припустил вперед, словно отлично знал дорогу: влево, вправо, ни на секунду не задерживаясь. Если кто-то пытался их остановить или что-то сказать, Гэм лишь кивал, кланялся и делал руками жест, из которого собеседник должен был понять, что у них срочное поручение, но они постараются вернуться как можно скорее. Потом они оказались в просторном помещении, где возле одной из стен на временных столах были разложены пустые тарелки, а дети полировали ножи и вилки кусками ткани. В этой стене виднелась дверца, к которой Гэм подтолкнул Натана и Присси.

– Забирайтесь внутрь и сидите смирно, пока я кручу ворот. Потом пришлете мне лифт и поднимете меня к себе.

Присси залезла в отверстие и втиснулась в угол, словно была тряпичной куклой, упакованной в чемодан, с неестественно

вывернутыми суставами рук и ног. Натан не сделал движения, чтобы к ней присоединиться.

– Давай, Натан, часики тикают.

Он продолжал стоять.

– Слушай, Натти, нам некогда заниматься глупостями. Мы тут работаем, а не в игрушки играем. Забирайся рядом с ней, или я затолкаю тебя насильно. Ты меня понял?

Наконец Натан повиновался. Он забрался в лифт задом – Присси зашипела, когда подошвы его башмаков проехали по ее лодыжкам, но Гэм уже упихивал их плотнее, словно укладывая саквояж; затем дверца закрылась и вокруг стало темно и тихо. Несколько мгновений Натан чувствовал только дыхание Присси на своей щеке и сладкий, терпкий, камфорный запах ее платья. В темноте они словно бы остались одни во всем мире, и когда лифт начал двигаться, это было, как если бы они плыли в пустоте: лишь ее аромат и давление ее тела на его спину сохраняли какое-то значение.

– Когда ты в последний раз мылся? – шепотом спросила она. – От тебя воняет!

– В трубе перепачкался.

– Все равно ты грязнуля! Постарайся хотя бы не запачкать мое хорошее платье.

Натан мог бы сказать, что он такой грязный только потому, что изо всех сил старался сберечь ее чистоту, но промолчал.

Вздрагнув, лифт остановился.

– Ну, давай открывай эту чертову дверцу! Хочешь, чтобы мы здесь задохнулись?

Помещение снаружи оказалось таким восхитительным, что на мгновение Натан даже забыл о Присси. Стены были разрисованы изображениями мужчин и женщин, абсолютно голых, бродящих по лесам среди золота и зелени. Солнечный свет лился на них потоками, словно мед. Мебель была не менее красива, словно для нее взяли самые сухие деревья из этих нежащихся под солнцем лесов. Между сегментами кресел была натянута ткань из белоснежного хлопка с золотой и серебряной вышивкой – нити сплетались в такие замысловатые узоры, что Натан не мог взять в толк, как это сделано. Даже пол был великолепен: отдельные доски нельзя было разглядеть, а все вместе это выглядело как ваза с цветами, настолько похожими на

настоящие, что Натану с трудом удалось себя убедить, что поверхность плоская. Выбравшись из лифта, он пошел вдоль края, пробуя рисунок носком ноги.

Присси схватила его за руку:

– У нас нет времени. Быстрее отправляй его вниз!

Она с силой толкнула Натана в спину, вынудив шагнуть к лифту, где с блока свисала лента подъемного устройства. Он опустил лифт обратно, и прежде чем лента успела ослабнуть, ее вырвало из его руки, и снизу донесся хриплый крик Гэма:

– Поднимай!

Он был слишком тяжелым для Натана. Тот пытался тащить, но лента подавалась лишь по дюйму за раз. Укушенная рука ослабла от боли, а вторая в одиночку не справлялась с задачей.

– Давай, Нат, соберись с силами! – Присси подошла сзади и тоже ухватила за ленту. – Да что с тобой такое? Ты будто хочешь, чтобы нас поймали! Если это дело не выгорит, завтра я снова буду в «Храме», ты хоть понимаешь это?

Натан понимал. Он поплевал на ладони, и они вместе принялись тянуть. Наконец Гэм появился в отверстии, и его взгляд сразу же устремился куда-то мимо них.

В дверном проеме стояла женщина, выглядевшая еще менее вещественной, чем надетое на ней платье: его ткань состояла из сплошных оборок, рюшей и воланов, в то время как сама она казалась сделанной из папиросной бумаги. Ее светло-серые глаза были настолько бесцветными, что едва выделялись на фоне бледной кожи, а руки были тонкими, как щепки. Она стояла, прижав ладони ко рту.

Гэм выбрался из лифта.

Натан подумал, не схватить ли ее, но если это сделать, она наверняка сломается, сомнется, порвется. Поэтому он всего лишь поклонился женщине, низко и почтительно, как и подобает слуге. Та отступила назад, опуская руки, и когда Натан снова выпрямился, так и не сказав ни слова, она кивнула им и удалилась, словно он предоставил ей исчерпывающее объяснение происходящего.

– Наверх, скорее!

Они бросились следом за Гэмом, оказавшись в большом зале.

Их были здесь сотни – хрупкие, болезненные, эфемерные, похожие на призраков женщины и державшиеся рядом с ними, словно

их попарно сковали цепями, мужчины – более плотные, не столь воздушные, но обладающие той же надмирной формальной изысканностью, ставившей Натана в такой тупик. Все их линии были ровными, как у статуй, нигде не свисало никаких обтрепанных концов, не виднелось никаких торчащих углов – сплошные прямые линии и абсолютное совершенство форм. То же относилось к их одежде, которая нигде не топорщилась и не была порвана. Среди них Натан ощущал себя подозрительной личностью, каким-то грубым типом, обезьяной, выпущенной в комнату, полную бабочек. Впрочем, они глядели только друг на друга, так что ему не было нужды беспокоиться.

Он лавировал между ними, кланяясь и уворачиваясь, пока вслед за Гэмом не оказался у подножия какой-то лестницы, таща за руку Присси. Вскоре они уже стояли на промежуточной площадке, возле ног обнаженной женщины с кувшином. Изваяние было настолько гладким и искусно сработанным, что лишь благодаря огромному размеру Натан не принял его за реальную женщину.

Вправо и влево уходили два ряда ступеней.

– Куда теперь?

Гэм толкнул его влево.

– Пэдж говорил, что это там, наверху, в конце коридора.

Наверху обстановка была попроще – незамысловатые украшения из яшмы, слоновой кости и сапфиров; впрочем, одних золотых и платиновых дверных ручек хватило бы на целое состояние.

Гэм завозился возле двери в конце коридора, и Натан на мгновение подумал, что, возможно, он решил удовлетвориться кражей дверной ручки, но затем тот приотворил дверь и просунул нос в щелку.

– Давай! – скомандовал он.

Присси осталась стоять снаружи, на стреме, а Натан вошел в комнату вслед за Гэмом. Перед ними находился железный ящик, наглухо заклепанный и скрепленный болтами, с четырьмя замочными скважинами посередине, расположенными ромбом.

– Ну, чего ты ждешь? – спросил Гэм.

Натан поглядел на ящик.

– А что я должен делать?

– Что ты должен... Написать ему любовное стихотворение, зюзя!
Открыть его – вот что ты должен сделать!

– Каким образом?

– Мне-то откуда знать? Расплавить, выжечь – все, что хочешь. Ты здесь чертов фокусник, а не я!

Натан принялся возражать, но Гэм поднял кулак:

– Знаешь, что сделает сестра Присси, если мы не вернемся обратно с деньгами? Она заставит твою Присси работать до тех пор, пока та не будет выжатой, как полотенце, и вдвое мокрее. Ей придется работать на износ! Ты этого хочешь?

Натан покачал головой. Он поискал внутри себя Зуд, но там ничего не было – нечего раздувать. Его внутренности казались онемевшими.

Гэм улыбнулся:

– Постой-ка.

Он вернулся прежде, чем Натан успел еще раз заглянуть в себя. Он привел с собой Присси, держа ее за руку.

– Погляди на нее.

– Брось, Гэм! – Присси выдернула руку, но Гэм снова схватил ее.

– Погляди на нее!

Натан поглядел. Гэм провел девушку вперед, так что она оказалась над ним, теперь она возвышалась. И тогда в глубине живота он почувствовал это. Гэм подталкивал ее ближе, еще ближе. Она была невероятно прекрасна.

– Ты ведь знаешь, что ей светит, да? Та же работа, что у твоей матери.

Присси была уже на расстоянии руки, когда Гэм дернул ее назад.

– Ты этого хочешь?

Натан почувствовал, как Искра рванулась из него неудержимым потоком. Он отвернулся от Присси, чтобы не опалить ее восхитительную кожу, и перед ним оказался сейф.

В воздухе есть крошечные, невидимые для глаза существа, питающиеся пылинками, и Искра, которой было больше некуда войти, вошла в них, изменив то небольшое, что можно было изменить, а затем выплавив их в совершенные формы – свободные вместилища энергии; не призраки, но нечто лучшее. Они заскользили по поверхности металла, словно вспугнутые чешуйницы, с которых сняли покрывало, в совершенстве очерчивая контуры сейфа, ныряя в раковины в металле и вновь выныривая из них, досконально исследуя филигранные

украшения на углах. Чем больше Натан чувствовал тепло Присси позади себя, тем больше таких чешуйниц плодилось из его Искры, так что в конечном счете уже нельзя было найти места, где бы они не кишели.

Натан расслабился. Теперь в костях его рук было тянущее ощущение, словно они крепились на веревочках, а крысиный укус горел так, что хотелось плакать, зато он одним желанием мог изменять путь Искр, направляя их в замочные скважины. Стоило одной или двум оказаться там, как внезапно весь сонм последовал за ними, и Натану пришлось хорошенько сосредоточиться, чтобы их контролировать. Он чувствовал то же, что и они, словно они были продолжением его нервов. Крошечные искорки разыскали в замках запирающие устройства и наполнили их жизнью, жаждой обрести себя. Замки с охотой повиновались, видоизменяясь в живые существа, развивая у себя мозг, выстраивая нужные детали в нужном порядке... А затем одним рывком (это оказалось легче, чем моргнуть) Натан прекратил подачу энергии.

Прежде, с калиткой, замок сразу же после этого развалился на составляющие части, словно от разочарования или отчаяния, но сейф, напротив, замерцал и задвигался, расправился и задышал. Как будто почувствовав Натана, он двинулся вперед, потянулся к нему, словно к своей матери.

Натан повернулся к Гэму и Присси: они в изумлении наблюдали за происходящим, купаясь в свете Искр.

– Что это было?

Он снова поглядел на сейф. Так же внезапно, как обрел жизнь, тот вдруг лишился ее; его тело осело на пол, дверца безжизненно распахнулась. Натан схватил себя за руку и принялся растирать: казалось, невидимые зубы вцепились в нее изнутри, грызя тысячей хищных пастей.

– Что бы это ни было, – проговорил Гэм, не замечая ничего, кроме сейфа, – сейф он открыл.

Внутри обнаружилась куча вещей, явно имевших сентиментальную ценность: кольца и броши, перевязанные ленточками письма, миниатюрные портреты детей и собак. Кое-что из этого могло показаться желанным любому человеку: рубины и слитки, стеклянные и хрустальные украшения, часы... Игнорируя все это, Гэм

схватил сверток бурого, ломкого пергамента, наполовину завернутый в шелковый платок, и повернулся к выходу.

Натан с Присси не двигались, застыв, словно нищие перед праздничным столом.

– Пошли, чего вы ждете?

– Разве мы не собирались что-нибудь стырить? Я думала, мы собираемся что-нибудь стырить. Мне нужна сотня золотом!

Гэм открыл рот, чтобы что-то сказать, потом замолчал. Наконец он произнес:

– Верно... верно. Натти, прихвати что-нибудь из драгоценностей. Присси, а ты бери вон тот подсвечник.

С видом облегчения от того, что надлежащий порядок вещей восстановлен, девушка запихала подсвечник себе в корсет. Он высовывался на пару дюймов. Присси поглядела на Гэма, но тот никак это не прокомментировал. Натан продолжал стоять, не двигаясь. Место укуса, ладонь, запястье и вся рука до плеча казались гнилыми.

– Ты, конечно, делай как знаешь, – сказал ему Гэм, – но если тебе внезапно не нужны деньги, другим-то они по-прежнему надобны. Так что лучше все же возьми, сколько сможешь унести.

Присси подошла и сунула ему под рубашку слиток, какие-то рубины.

– Давай бери, хуже не будет. Видишь, я тоже взяла.

Здоровой рукой Натан дотронулся до сейфа: холодная, твердая поверхность, какой и полагается быть металлической коробке.

– Ну ладно, выбираемся через черный ход. Натан, иди ты первым.

Натан вышел в коридор. Его рука зудела от Искры, слюна имела привкус ржавчины, весь мир по сравнению с этим казался блеклым. Он уже не замечал таких подробностей, как по дороге вверх, и, кажется, больше не заботился о том, что его поймают. Он даже перестал кланяться.

У подножия лестницы Гэм обогнал его. Он вел Присси перед собой, завернув ей руку за спину. Натан пошел за ними, не слишком размышляя о происходящем; однако Гэм не направился к заднему выходу – вместо этого, оглянувшись, чтобы убедиться, что Натан по-прежнему идет следом, он провел Присси к распахнутым двойным дверям, за которыми открывалась бальная зала. Двери были огромными, с орнаментами и золотым литьем в виде дельфинов и

русалок, плещущихся в прибое. За ними лежало обширное пространство, где был в разгаре бальный танец: наверное, около сотни гостей, одетых так же, как те женщины наверху (не люди, а хрупкие, усыпанные украшениями деликатесы, полупрозрачные и изысканные), одновременно исполняли ритуальные фигуры и жесты под музыку камерного оркестра. Присси заупрямилась, но Гэм заставил ее переступить через порог и протащил на середину танцевальной залы.

Он отступил на шаг назад, взглянул на Натана.

И улыбнулся.

– Воровка! – внезапно заорал он и толкнул девушку на пол.

Подсвечник выпал у нее из-под платья и задрезжал по полированному паркету. Танцующие разом остановились, словно парализованные. Гэм подмигнул Натану. «Давай, спасай ее», – одними губами проговорил он. Его язык влажно блеснул в свете канделябров.

Присси валялась среди леса чужих ног. Она поискала взглядом Гэма, но тот поспешил спрятаться, потом Натана, чей рост не позволял его увидеть за рядами аристократов. Она издала странный тихий писк, словно мышь, угодившая в мышеловку. Как раз в этот момент оркестр заглушил струны, и в образовавшемся вакууме этот звук разнесся по всему помещению.

Гэм жестами подбадривал Натана, побуждая выступить вперед. Тот сделал нерешительный шаг, но его рука была охвачена мучительной болью, угрожавшей вторгнуться в плечо и спину и затем распространиться вниз по позвоночнику. В любом случае он не чувствовал никакого Зуда: разрядка произошла совсем недавно.

С возвышения, занимавшего дальнюю треть залы, прогремел чей-то голос:

– Что здесь происходит?

Голос был гулким и вибрирующим, словно басовая струна виолончели. Вслед за ним спустился и его владелец. Его глаза и нос закрывала золотая маска, опиравшаяся краем на верхнюю губу. Рот окаймляли клыки, острые концы которых оставляли вмятины на коже подбородка. С каждым его шагом маска слегка двигалась вверх и вниз.

В этом человеке было что-то знакомое – не столько широкая львиная переносица, сколько что-то в глазах, в том, как он глядел, в ясности сосредоточенного взгляда, который Натан уже видел прежде.

Он подошел к Присси и склонился над ней; маска сильнее врезалась в его кожу, когда он согнул шею, разглядывая девушку. Приблизив к ней лицо на расстояние нескольких дюймов, он заговорил снова:

– Чей это ребенок?

Присси откашлялась.

– Ох, боже мой... Помогите... О как я несчастна... – начала она, привычно входя в роль «Ложной Девы», однако ни Гэм, ни Натан не пришли ей на помощь, даже когда она жестом позвала их.

Человек в маске приложил к губам палец, затем второй. Гэм подобрался к Натану сзади и подтолкнул его:

– Ну, чего ты ждешь? Давай жги его Искрой!

– Никто не готов признать ее своей? – позвал человек.

По толпе пробежал сдержанный шепот, но никто не ответил. Натан повернулся к Гэму, однако тот развернул его обратно и сильно пихнул в спину. Натан шатнулся вперед, толпа перед ним расступилась, и он распластался на полу.

– А это что? Еще один ничейный ребенок? Откуда эти сокровища берутся, хотелось бы знать? Поднимите его!

Повинуясь приказу, из толпы появились два лакея в мундирах и схватили мальчика под руки. Стоило им прикоснуться к нему, как укус болезненно запульсировал. Натана потащили вверх, и нервы завибрировали у него под кожей, а во рту появился металлический привкус. Он заскрипел зубами. Ему запрокинули голову, убрав с лица волосы и развернув к львиноликому, и тут у него возникло чувство, что сейчас он начнет искриться вопреки всему – сильнее, чем прежде, сильнее, чем когда-либо, не давая себе пощады, просто от этой невыносимой боли.

Увидев лицо Натана, львиноликий вздрогнул и отступил на шаг назад, едва не споткнувшись.

– Ты! – выговорил он.

Он приподнял маску, как бы проверяя, что не ошибся, и первым, что увидел Натан – прежде серо-стальных глаз, прежде всего остального, – было желтовато-коричневое родимое пятно в форме капли. Затем маска вернулась на место.

Когда человек (тот самый, один из посетителей его матери, который заплатил вперед) заговорил снова, казалось, будто у него

пересохло во рту: слова как бы застревали, спотыкаясь об язык.

– Ну хорошо... – произнес он.

Натан вспомнил, что сказала ему мать об этом человеке. Может быть, сегодня как раз тот день, когда Натану понадобится его помощь?

Львиноликий выпрямился и театрально выпятил грудь – напоказ, словно обращаясь к дешевым местам на галерке.

– Что за печальное и жалкое зрелище я вижу перед собой! – воскликнул он, обращаясь к собравшимся гостям звучным, но в то же время каким-то фальшивым голосом. – Этот мальчик должен знать, что для ребенка из трущоб является преступлением забираться в город так высоко. Не говоря уже о том, чтобы вторгаться сюда, в наше прекрасное убежище, и портить его своим видом!

Его аудитория зачарованно внимала, захваченная представлением. Натан ничего не мог понять, однако они слушали человека в маске с такой сосредоточенностью, словно тоже принимали участие в пьесе – играли роли людей, невероятно впечатленных его риторическим искусством.

– Кто-нибудь другой выпорол бы его за такое, – продолжал человек. – Но хотя он, очевидно, занимает самое низкое положение, я не стану в свою очередь унижаться, мараю об него руки. И не велю это сделать кому-либо из слуг, что было бы ничуть не лучше. Нет! Я поступлю иначе.

Он повернулся к Натану:

– Вот. Возьми это и уходи.

Между большим и указательным пальцами его правой руки была зажата золотая монета. Он не снизошел до того, чтобы наклониться к Натану или как-либо опуститься до его уровня.

Гости ахнули, встретив его поступок явными знаками одобрения. Кое-кто даже захлопал, что привлекло к ним взгляд львиноликого, заставив тех хлопать еще громче, а компаньонов возбужденно схватить их за руки.

Натан четко различал форму его родимого пятна, контраст между его желтовато-коричневым цветом и белизной кожи вокруг. Теперь он уже мог Почесать: Зуда хватило бы на всех. Зуд жег изнутри его руку, горел позади глаз – в том месте, где он смотрел, как его мать берет серебряную монету и как потом ее кожа выглядывает из-под

засаленного одеяла. Зуд достиг такого накала, что уже напоминал визг гвоздя, вытаскиваемого из покоробившейся дубовой доски.

Вскоре они все уже хлопали – подданные львиноголового посетителя его матери; очевидно, каждый из них понимал, что может снискать милость своего повелителя, если выкажет достаточно одобрения его жесту. Он поклонился, возвращая любезность, а затем наклонился вперед, так, чтобы Натан мог дотянуться до монеты.

Мать сказала, что этот человек может ему понадобиться... Искра жгла так, словно кости его руки раскалывались изнутри, пропарывая осколками вены, пронзая мягкие ткани, однако Натан не дал ей воли.

Гэм подошел сзади, взял монету и сунул ее в карман, после чего оттащил Натана и Присси в сторону.

– Ладно, нам пора сматываться. Уходим медленно и спокойно.

Толпа расступалась перед ними за двадцать футов, оставляя для них проход и продолжая рукоплескать. Дети вышли через те же двери с золотыми русалками, в которые вошли, и аплодисменты стихли за их спинами. Двое лакеев прикрыли створки изнутри, и в тот же момент, как те захлопнулись, несколько человек из обслуживающего персонала, собравшихся поглазеть на шумиху и с первого взгляда распознавших в детях трущобных оборванцев, грубо вытолкали их через парадный вход и отогнали подальше от дворца.

XXVIII

– Это был почти провал! Тысяча чертей, Гэм, о чем ты только думал? Из-за тебя нас всех могли убить!

Гэм продолжил чистить ногти острием ножа.

– Это не важно. Скажи лучше, как твой бойфренд сумел это повернуть?

Он откинулся на спинку кресла, положив ноги на стопку книг возле камина, с таким видом, будто ничего особенного не произошло.

– Он не мой бойфренд! И что он такого провернул? – Присси расхаживала перед ним взад и вперед, хмурясь и выкручивая руки.

– Вытащил нас оттуда, кобыла ты глупая! Только что нам светила тюрюга, и мы могли рассчитывать только на Натановы таланты, которые он не торопился проявлять, как вдруг в следующий момент мы оказываемся объектами благотворительности какого-то хлыща! – Гэм вытащил из кучи книгу в добрых шесть дюймов толщиной и швырнул ее в угасающий огонь. Она упала на корешок и раскрылась, так что страницы моментально почернели и съежились, объятые пламенем. – Я бы сказал, выглядит немного подозрительно.

Натан стиснул кулак.

– Не пытайся выкрутиться. Что за игру ты там затеял?

– Ничего особенного, – самодовольно усмехнулся Гэм. – Просто решил проверить, насколько велики твои способности. Как выясняется, не так уж чтобы очень.

Здесь, внизу, в берлоге, в тесноте и сырости, вдалеке от остального мира, слова Гэма казались более реальными, чем оставшиеся у них воспоминания о событии, уже понемногу угасавшие, какими бы неприятными они ни были.

– Если я беру человека на работу, я должен знать пределы его возможностей, верно? – Гэм потыкал в очаг ножкой стула, поправляя топливо. – И в любом случае, Натан, ты сегодня вечером вел себя так неадекватно, что нас могли тысячу раз зацапать. Я бы сказал, это ты должен перед нами сейчас объясняться, нет?

Натан вскинулся, но, прежде чем успел заговорить он, снова встряла Присси:

– Вам-то, парням, горя мало, а вот я как должна была выкручиваться? Для работы с ножом у меня слабые запястья, ты это всегда говорил, Гэм, а ведь их там были сотни! По твоей милости я оказалась в самом пекле! У тебя на меня зуб или что?

Гэм отмахнулся от нее:

– Никто ничего против тебя не имеет, успокойся! Я бы сказал, наоборот.

Присси повернулась к нему спиной и воздела руки к небесам:

– Пошлите мне сил!

– Эй, что это тут у вас такое? Вы так орете, что слышно еще в трубе!

Это были Джерки Джо. Они стояли в дверном проеме между книжными полками, в куртке и с намотанным шарфом, еще более взъерошенные, чем обычно.

– Ладно, некогда объясняться. Пэдж прислал вызов. Он ждет нас на своем Мушином дворе. Прямо сейчас.

Натан повернулся к нему спиной.

– Я иду домой. С меня хватит.

– Хватит? Ты всего-то сделал пару работ и с теми умудрился накосячить!

– Говори что хочешь, Гэм; то, что ты сделал, было неправильно. Я не знаю, почему ты это сделал, но, как бы там ни было, я ухожу.

– Постой-постой, как же без тебя? – заволновались Джо. – Тебя Пэдж хочет видеть больше всех!

– Ну и скажите ему, пускай сам ко мне приходит.

– Нет, Натан, так нельзя!

Джо загоразивали ему выход. Они были довольно щуплыми и к тому же не собирались физически препятствовать Натану, просто хотели, чтобы тот их выслушал. На их лице мелькали то страх, то мольба, и в обоих случаях было видно, что они вот-вот разразятся слезами.

– Прости, Присси, тебе это не понравится, но он сказал нам, что, если Натан не придет, он будет разбираться с тобой. Возьмет с тебя то, что причитается с Натана, если у тебя хватит. Он сказал, даже если им не удастся получить с тебя полностью, хоть сколько-нибудь они с его людьми из тебя выжмут, прежде чем ты закончишься. Он особенно подчеркнул, чтобы мы это передали.

Натан продолжал двигаться вперед, отодвинув Джо плечом, словно ничего не слышал или словно услышанное его не заботило. Его рука легла на ручку двери, и у Присси вырвался негромкий вскрик.

С глубоким вздохом Натан повернулся.

– Не дрейфь, – сказал ему Гэм, – наверняка это просто деловой разговор. Ничего особо серьезного. Давай, Нат, соглашайся.

В городе только занимался рассвет. Внизу, за трущобами, сияла верхушка Морской стены, линия которой прерывалась силуэтами обрушивающихся валов и размывалась туманом. Улицы были по большей части пусты. Здесь и там попадались угрюмые тряпичники в поисках оброненных носовых платков, чтобы продать их обратно портным за четверть цены, да трущобные оборванцы, на которых была возложена задача следить за чистотой тротуара перед той или иной лавкой, но в целом население города все еще было в постелях. В отдалении возвышался Особняк.

Гэм, не покоренный и не раскаивающийся, шагал посередине улицы, хлопая по булыжнику отстающими подошвами ботинок, со вздернутой головой и расправленными плечами, словно здесь все принадлежало ему; и хотя его спутники не могли взять в толк, что он затевает, они все равно шли за ним следом.

– Мне как раз надо было зайти к Пэджу, – сказал Гэм. – К тому же у тебя ведь есть этот подсвечник на продажу, верно, Присси? И камушки.

– Я туда не пойду!

– Ладно, тогда давай их мне.

Она вытащила из-за пазухи награбленное и передала ему.

– А как насчет твоего золотого?

Натан без единого слова отдал ему монету.

– И нечего дуться. Что, у тебя на сегодня были планы получше? Сейчас сходим к Пэджу, сдадим товар, купим тебе лекарства, купим свободу твоей девушке – и обратно в берлогу, разрабатывать новый план! Тогда, если захочешь устроить мне допрос с пристрастием, я не против. Что в этом такого ужасного? Неужто ты бы предпочел улизнуть домой и смотреть, как работает твоя мамаша?

Натана уже обступали здания Торгового конца, при всех своих недостатках столь не похожие на вонючие трущобы. Над собой он

видел темные силуэты высоких крепких стен.

Гэм двинулся было к дальнему проулку, но Присси дернула его за рукав:

– Вон он.

Впереди, где располагалась отгороженная веревками часть площади с фонтаном, официанты разносили груженные мясом подносы одетым с иголки посетителям. Между ними за столом, накрытым багровой шелковой скатертью, сидел Пэдж. С ним было несколько друзей, все очень хорошо одетые. Они довольно сильно отличались от его обычных спутников – с мордами бойцовских собак, с приплюснутыми носами, распухшими ушами и глазами, похожими на щелки в куске мяса. Эти были людьми утонченными, даже прекрасными. Они сидели вокруг стола и ели виноград изящными стальными вилочками, промокая платками уголки рта; их смех привлекал ревнивое внимание всех сидевших за соседними столиками.

Гэм остановился, явно не уверенный, потерпят ли их присутствие в передней части заведения.

– Это его наемные убийцы. Они вообще-то не так уж часто показываются на людях.

Пэдж наклонился над столом и долил остатки вина в свой бокал. Когда он приподнял свисающий край скатерти, чтобы сунуть пустую бутылку под стол, там обнаружилось шесть или семь ее предшественниц; она присоединилась к ним со звоном, предупреждавшим об опасности, что они раскатятся по полу. Пэдж (по-видимому, ничего не заметив) поднял тост за своих гостей. Он поставил на стол опустевший бокал, утер рот рукавом, вытащил из кармана зеркальце, чтобы поглядеть на свои губы, и увидел ребят. Без малейшей запинки он крикнул им:

– А, мастер Хэллидей! И несравненная Присси! Сюда, сюда! Идите, составьте нам компанию! А это кто там прячется сзади? Никак, молодой Натан Тривз? Ну-ну! Я вижу, твои подвиги оставляют тебе время на то, чтобы навещать старых друзей. Поистине приятный сюрприз, учитывая, какой ты теперь занятой человек.

– Чем это я таким занят?

– Он меня спрашивает, чем он занят, – сообщил Пэдж своим гостям, которые, никак не отзываясь, продолжали мерить Натана пристальными взглядами. – Да как же, ты ведь нынче притча во языцах! Везде только и разговоров, что про тебя. Самое известное имя в низшем свете! «Натан Тривз побывал на званом вечере у таких-то». «Натан Тривз снова произвел фурор там-то и там-то». Натан, ты оживляешь любое сборище, куда ни пойдешь! Все городские ценители только о тебе и говорят, верно? И как же мне повезло иметь тебя в числе своих друзей!

Как бы поздравляя себя, он еще раз взглянул на свое отражение в зеркальце и убрал его обратно в карман.

– Вы мне не друг, – сказал Натан.

– Ну, значит, кредитор. Так, может быть, даже и лучше... По крайней мере, для меня. – Прежде чем Натан успел возразить, Пэдж повернулся к Гэму: – Итак, тебя позвали, и ты пришел; и у нас с тобой есть взаимовыгодное дельце.

– Что, мы будем говорить об этом здесь?

Пэдж озадаченно поглядел на него.

– А что в этом плохого? Я здесь работаю, разве не так? Здесь моя среда, мое профессиональное окружение. Где еще нам говорить, как не здесь?

Пэдж обвел пространство ресторана широким жестом, сбив со стола только что принесенную бутылку, которую, впрочем, тут же поймал и поставил на место человек, сидевший слева от него.

– Как скажете, мистер Пэдж. Зачем мы вам понадобились?

– Как это профессионально с твоей стороны, вот так сразу переходить к делу! Впрочем, подозреваю, что ты чувствуешь себя в этом месте не так уютно, как мы, будучи настолько откровенным подонком. Присси, дорогая, к тебе это не относится: ты-то просто шлюха.

Пэдж улыбнулся и сделал еще один большой глоток. Натан шагнул вперед, но Гэм удержал его за руку.

– Побереги себя, Натан, – посоветовал Пэдж. – Стоит ли так расстраиваться из-за каких-то бранных слов? Твоя энергия тебе еще понадобится для возмездия за гораздо более серьезные вещи.

– О чем это он?

Гэм вцепился в локоть Натана так крепко, что тот сморщился: воспаленные волокна плоти протестовали против любого прикосновения.

– Очень разумно, мистер Пэдж, и мы вовсе не собираемся портить вам трапезу скучным разговором о практических вещах, но если вам нужно, чтобы мы выполнили какое-то поручение, то, возможно, будет лучше, если мы приступим к нему поскорее, если вы меня понимаете.

– Я превосходно тебя понимаю, Гэм. – Пэдж запустил руку сперва в правый нагрудный карман, потом в левый. Не найдя там того, что искал, он принялся шарить в жилете, а затем в карманах брюк. Так и не добившись желаемого результата, он вернулся к правому нагрудному карману сюртука – и оказалось, что искомое лежало там все это время. Он вытащил наружу конверт, запечатанный красным воском, и протянул Гэму: – Вот, возьми. Здесь не открывай.

– Благодарю вас, мистер Пэдж.

Гэм взял конверт и – хотя он и постарался сделать это незаметно – передал Пэджу что-то взамен. Натан не разглядел, что это было.

– Я могу чем-то еще быть вам полезен? – спросил Пэдж.

– У нас есть кое-какие... предметы, которые могли бы вас заинтересовать...

– Отнеси их во двор, к братьям Доулиш, они тебя обслужат по высшему разряду.

– Хорошо, мистер Пэдж.

– Что ж, в таком случае до встречи?

– До встречи, мистер Пэдж!

Натан повернулся к выходу. Гэм с Присси тронулись вслед за ним.

– Еще кое-что, – сказал Пэдж, откидываясь на спинку стула; он расслабил ремень на брюках, вытащил свое зеркальце и улыбнулся в него. – Натан, я просто хочу, чтобы ты знал, что тебе, пожалуй, завтра лучше не приходить домой, а поиграть с друзьями в другом месте. Видишь ли, поскольку ты нынче новообетенная знаменитость, сейчас становится очень популярным (по крайней мере, среди людей определенного класса, тех, кто не испытывает сомнений касательно того, куда они помещают свои принадлежности, и кого не настолько заботит, как это заботило бы меня, какому риску они подвергают свое здоровье, занимаясь подобным делом) *à la mode*, проводить какое-то время, пользуясь гостеприимством твоей матушки. И если такого

паренька, как ты, довольно трудно застать на месте, того же нельзя сказать о ней – она предоставляет своим гостям гораздо больше возможностей для близкого знакомства. Как я слышал, завтра она весь день собирается быть «у себя». А тем временем уже двое... Трое... Да что там, практически все мои подчиненные заслужили небольшую передышку от своей работы. Собственно, как раз завтра я объявил им всем выходной и собираюсь выдать каждому по бронзовой монете (кажется, такая у нее нынче ставка? Нет, по две!) на случай, если им захочется прибегнуть к ее «особым услугам».

Вклинившись между ними, Гэм положил руку на дрожащее плечо Натана:

– Если ты сейчас хотя бы дернешься в его сторону, тебя порежут на куски и на Искру не посмотрят.

– В общем, до свидания. И, Натан, не забывай: ты все еще должен мне услугу!

Когда они снова вышли на мостовую, Присси подошла к Натану и отвела его в сторону. Она взяла его ладонь в обе руки и подняла на него взгляд, полный сочувствия и сестринского участия.

– Так что, ты завтра все-таки пойдешь домой?

Она слегка приоткрыла рот, из-за губ показались надколотые передние зубы. Кончик языка прошелся по их неровному контуру.

– Зачем это?

Присси нахмурилась:

– Ну как же, чтобы помешать им развлекаться с твоей мамой.

Натан отвел взгляд.

– Я уже как-то пробовал это сделать, когда она еще только начинала. Я тогда был гораздо меньше, но зато, наверное, и духу у меня было побольше, я не знаю... Все равно ничего не получилось.

– Что произошло?

– Я вошел и застал ее с одним из них. Попытался его стащить – решил, что он ее убивает.

– А он что? Не обратил внимания?

– Нет, он ее оставил. Фактически он вообще ушел. Сказал, что не может сосредоточиться, когда такое происходит.

– И что? Это же хорошо, разве нет?

Натан вздохнул:

– Нет. Она просто ополоумела. Принялась хлестать меня чем ни попадя. Когда к ней постучался следующий, она выпинала меня через заднюю дверь и завязала ее изнутри.

– Ну да, – кивнула Присси. – То же самое случилось у меня с моей сестрой... Ну, почти. Натан, я не хочу, чтобы меня лапали грязные мужики.

– Я тоже этого не хочу.

– Вот-вот. Ты можешь мне пообещать, что не позволишь этому случиться? Гэм говорит, что вступится за меня, но я же вижу, как он смотрит на Пэджа. Не уверена, что, когда дойдет до дела, он сдержит слово. Он боится Пэджа, боится сильнее, чем того, что может случиться со мной.

– Присси, – сказал Натан, – если ты сама этого не хочешь, это не произойдет. Я позабочусь об этом.

Присси взялась за лацканы его куртки и сжала, так что ткань натянулась вокруг ее кулаков. Она подняла к нему лицо. Натан подумал, что сейчас нагнется и поцелует ее, но как раз когда он совсем было решился это сделать, она положила голову ему на грудь.

– Ты мне совсем как брат, да? У меня когда-то был брат... Немножко похожий на тебя, только потемнее. Но он отправился работать на Господина, и больше мы о нем ничего не слышали. Ты приглядишь за мной, правда?

Натан обнял ее и прижал к себе.

– Я постараюсь.

Присси отправилась в «Храм», чтобы повидаться с сестрой и выкупить свой контракт. Джо исчезли где-то в трущобах, а Натан с Гэмом отправились в ближайшую распивочную, намереваясь вскрыть там письмо. Хозяйка заведения разливала напитки за стойкой, состоявшей из одной шаткой доски. Гэм протащил Натана сквозь плотную, галдящую толпу к единственному свободному столику в заднем углу.

– Ну, что там написано?

– Погоди-ка.

Гэм снова нырнул в потную, толкающуюся толпу. Низкий рост давал ему несомненное преимущество, позволяя протискиваться между оборванными, пьяно-настойчивыми посетителями ниже уровня их взглядов. Он вернулся с бутылкой и двумя стаканами, за которые заплатил из денег, вырученных у Пэджа за добычу.

– А как же лекарство? – Натан привстал с места, но Гэм положил ладонь ему на плечо.

– Не кипеши. Ты сам сказал, что твоему папаше лучше, так? Он протянул до настоящего момента, протянет и еще немного. К тому же помнишь, что сказал Пэдж? Возможно, лучше будет переждать здесь, пока очередь не кончится.

Гэм выложил письмо на стол и разглядел его ладонью. В верхней части листка была нарисована карта и изображение городского особняка и фонтана в стороне от него.

– Я знаю, где это. Это довольно высоко, ближе к Плезансу, прямо под Стеклоанной дорожкой. Должно быть, это тот дом, что с нее виден; называется «Шпиль». Он принадлежит одному ювелиру.

И в самом деле, под картой было изображение медальона – позолоченного, в форме капли. Под рисунком были инструкции, которых Натан прочесть не мог.

– Он хочет, чтобы мы раздобыли этот медальон. Проще простого. – Гэм проверил другую сторону листка. Она была пуста. – Ну ладно, кто что на себя возьмет?

– Я беру сейф, – сказал Натан.

Гэм приподнял брови:

– Уверен? Может, не стоит? В прошлый раз получилось... несколько неожиданно.

– Ты хочешь поговорить о том, что случилось в прошлый раз?

В их столик врезался приземистый старик с измятым лицом в прожилках лопнувших сосудов и желтыми белками глаз. Он устался на них, опершись обеими руками на столешницу, чтобы не упасть. Когда ему удалось сфокусировать взгляд, он разразился смехом: что эти двое мальчишек могли делать в его излюбленном заведении? Натан повернулся и взглянул ему в глаза. Смех застрял в глотке пьяницы. Он попятился, подняв обе ладони перед собой, спотыкаясь, с извиняющейся улыбкой, и пропал среди толпы.

Гэм кивнул:

– Хорошо, сейф твой.

– И когда дело дойдет до передачи товара, я хочу сделать это сам.

– Пэджд никогда этого не позволит.

– Я не собираюсь спрашивать у него разрешения. Вообще, Гэм, на чьей ты стороне? Я видел, как ты что-то ему передал. Ты пытался сделать это незаметно, но я видел.

Сперва Гэм, казалось, был готов взорваться, но потом передумал. Он поджал губы и кивнул со скупой улыбкой.

– Ты же знаешь, он мой босс. Я никогда не говорил, что это не так. Именно так мы и получаем всю эту работу: он меня просит что-то достать – я достаю. Если это удовлетворит твое любопытство: я передал ему тот свиток из дворцового сейфа. Но вообще, если тебе так уж не нравится, как я веду дела, почему бы тебе не попробовать самому? Возьми хоть вот это. Давай бери и веди с самого начала. Тогда

ты сможешь сделать все по своему вкусу, и, может быть, у тебя появится какое-то представление о том, как делаются такие дела. Что скажешь?

Гэм откинулся на спинку стула и воззрился на Натана здоровым глазом. Тот взял листок, повернул его одной стороной, потом другой. В самом деле, почему бы и нет? Что его останавливает?

– Нам понадобятся все, кто у нас есть. Снова идти через канализацию нельзя: слишком рискованно. Нам нужно забраться туда и выбраться обратно так, чтобы нас не видели. Если он ювелир, значит, у него есть лавка, и сейф в этой лавке, причем под охраной. Но поскольку речь идет о его доме, значит, нам нужен сейф его жены. А он наверняка на верхнем этаже, поближе к спальне, чтобы она могла надевать драгоценности, пока расчесывает волосы и занимается туалетом.

– Недурно! Хорошо, и что тогда? Заберемся к ней в окно по приставной лестнице?

– Нет, нас не пустят на территорию. Давай утром сходим и разведем, что к чему.

«Шпиль» располагался среди садов, разгороженных заборами и калитками. Территория была чисто прибрана, так что было нетрудно рассмотреть ее во всех подробностях, однако Стеклянная дорога проходила так близко, что это влияло на освещение: свет солнца искажался движением магии в янтарно-черном монолите. Повсюду рябили тени из иных измерений.

Здесь ничто не росло. Единственным украшением участка были камни – каменные деревья, гравий вместо травы, гранитные обнаженные мужчины и женщины, стоявшие там и здесь. Движущиеся тени оживляли их, придавая им странные формы и будто бы заставляя двигаться, добавляя им необычные жесты и выражения. Само здание было высоким – верхний этаж находился на высоте пятидесяти футов; его приближало к земле лишь зловеще нависавшее сверху подбрюшьё Стеклянной дороги.

Гэм, Натан, Присси и Джо притворились, будто спорят из-за обрывка старой кожи, в то время как на самом деле по очереди заглядывали на территорию, подталкивая друг друга на удобные места, пока пихались плечами и дурачились.

– Плакал твой план с приставной лестницей, – заметил Гэм. – Слишком высоко и слишком далеко от ограды; к тому же мы через нее все равно ни в жизнь не переберемся.

– Я не говорил, что собираюсь использовать приставную лестницу.

– А что тогда?

Натан повернулся к нему спиной, словно ему надоела их дружеская потасовка, и пошел в обход особняка. Присси и Джо сделали вид, будто увлечены разговором, а Гэм вытащил из кармана книгу и принялся внимательно в нее глядеть, словно изучал архитектуру или интересовался статуями.

Территория представляла собой квадрат со стороной приблизительно в сотню шагов. Возле особняка не было примыкающих строений, и ничто не препятствовало доступу ни с

одной из сторон, но Натана не интересовало то, что происходит на уровне земли. Его взгляд был обращен вверх, на Стеклянную дорогу.

Завершив обход, он вернулся к Гэму. Они принялись глядеть в книгу, изучая нарисованную в ней воображаемую диаграмму; тыкали в нее пальцем, потом переворачивали страницы к предметному указателю в конце, а затем возвращались к тому месту, которое предположительно исследовали.

– Ну что, ты сообразил, что мы будем делать?

– Вроде того.

– Тебе нужно еще время?

– Нет.

Гэм присвистнул, изображая досаду. Джо и Присси поняли, что это сигнал к отходу, но когда они повернулись, то увидели, что по улице в их сторону идет господин – ни старый, ни молодой, но определенно зажиточного сорта. Его одежда была полностью белой, за исключением треугольника красной материи, высовывавшегося из нагрудного кармана, а на голове сидела соломенная шляпа. В руке он держал трость, но не опирался на нее, а, напротив, размахивал взад и вперед, так что ее кончик взлетал по дуге до уровня его головы, а потом возвращался назад, за спину, насколько позволяла длина его руки.

– Привет! – окликнул он их компанию.

Они кивнули и притронулись к шапкам, но не ответили. Натан не был вожаком, однако Гэм дал понять, что доверяет ему в отношении тактических моментов, положив ладонь на поясницу и слегка подтолкнув его, как бы побуждая разобраться с этим делом, и поскорее.

– Доброе утро, – сказал Натан.

В стрессовой ситуации ум может работать очень быстро, и Натан лихорадочно перебирал возможности. Он мог бы вызвать Зуд, но ситуация, весьма вероятно, не стоила той боли, которую бы это ему принесло. Можно было попробовать пырнуть незнакомца ножом, но тот выглядел вполне дружелюбным и безобидным. Можно было просто сбежать, но побег был бы признанием вины, а они пока не сделали ничего плохого. Если же Натан продолжит разговор, господин моментально распознает, что ему здесь не место.

– Доброе утро, – повторил господин. – Отличный денек, а?

Натан кивнул:

– Угу.

Господин остановился перед ними, уперся тростью в мостовую и положил обе ладони на набалдашник.

– Что, у вас выходной? Решили сходить в Зоологический парк?

Идея была не хуже любой другой, и Натан как раз собирался ответить утвердительно, но Присси опередила его:

– Вот-вот! Туда мы и идем. Только мы немного заблудились. Не знаете, как туда пройти?

Господин несколько озадаченно посмотрел на нее. Он снял шляпу, вытащил из тульи носовой платок и громко высморкался.

– Разумеется, – ответил он, закончив. – Это вон там, совсем рядом, в Плезансе.

Он вернул носовой платок обратно в шляпу, водрузил шляпу на голову и наконец указал тростью в направлении двух башен в каких-нибудь пятидесяти ярдах по правую сторону от них.

– Весьма вам признательны! – воскликнула Присси.

Она потащила Джо мимо стоящего Натана, и они с Гэмом присоединились, кивнув господину на прощание. Когда тот скрылся из виду, Присси взволнованно запрыгала на месте:

– Нат! Можно, мы сходим посмотрим на зверюшек? Ну пожалуйста! Они тут совсем рядом; моя сестренка ходила туда с одним из своих клиентов. Пожа-аулиста! Это такое место, этот Зоо... Ну, в общем, то, что сказал этот господин... Там есть лошади с шеями в двадцать футов длиной! И сине-зеленые птички, совсем крошечные; и еще такие, которые могут ругаться! А еще огромные коровы с такими длинными мордами, с человеческую руку, и на конце в самом деле рука, и он может этой рукой снять шапку у тебя с головы или съесть яблоко!

Натан с сомнением повернулся к Гэму.

– Ей-богу, не вру! Джо, вы ведь тоже их видели, правда?

– Кого?

– Алифоньеров! С такими мордами.

– Алифоньеров? Мы видели их на картинке, а вживую нет.

– Ну так вот, они и вправду есть! Я знаю! Мне сестра говорила, так что можете не сомневаться!

– Та самая сестра, которой не терпится затащить тебя в свой бизнес? – уточнил Гэм. – На которой уже пробы ставить негде?

– Заткнись, Гэм.

– Заткнись, вот как? – Гэм взглянул на Присси и Натана и сплюнул себе под ноги. – Сдается, мой авторитет в этой шайке несколько расшатался... Ладно, в этом деле у нас главный Натан, так что ему и решать.

– Вот-вот. Натан, ну пожа-алуйста! Тебе понравится, обещаю! Нам все равно пока нечем заняться.

Между двумя башнями располагался огромный стеклянный павильон, а позади него обнесенный стенами сад, разделенный на квадраты, словно фермерские поля, – пыльно-коричневые и зеленые, ржаво-красные, оливковые, грязно-желтые; одни были усыпаны деревьями и кустами, другие стояли голыми. Их разделяли узкие мощеные улочки, по которым прохаживались разнообразные посетители, глядя внутрь через высокие ограждения, сделанные из проволоки. По каждому отделению бродило какое-нибудь животное: длинногривые собаки, какие-то огромные морщинистые животные с рогами. В самой середине располагался квадрат, обитатели которого казались гигантами по сравнению с остальными. Именно на них указывала Присси; ее палец с обкусанным ногтем ходил ходуном от взволнованного дыхания:

– Вон они, алифоньеры! Видишь, Натан? Здоровенные, правда?

Уже на расстоянии было понятно, что они вдвое или втрое выше обычного человека, даже когда лежали на земле. Они были серыми, словно сухая шиферная крыша посреди лета, и такими же пыльными, только все покрыты морщинами и гребнями, словно узоры на подушечке пальца. Их уши, напоминавшие большие куски брезента, свисали на плечи, словно старые тряпки. Из середины морд, как изогнутые копыта или сабли из кости, торчали наружу зубы. Лежа вот так все вместе, они напоминали гряду холмов или заброшенные земляные укрепления, а когда один из них поднимался на ноги, мощеные проулки вокруг содрогались.

Схватив Натана за руку, Присси потянула его к себе.

– Я тебе говорила! Вон, погляди на того, сбоку! Видишь, какая у него длинная морда? Видишь?

Натан кивнул.

– Если дать им яблоко, они возьмут его своим носом-рукой, – продолжала Присси. – Или можно морковку. У тебя нет с собой?

У Натана ничего такого не было, но в ближайшем павильончике на одном из прилавков продавалось в точности то, что можно дать подобному монстру, – мешочки с арахисом, булочки в сахарной глазури, а также, как и надеялась Присси, яблоки. Натан потратил несколько медных монеток, накупив всякой снеди и раздав ее членам шайки.

Гэм взял у него глазированную булочку, но съел ее сам, прислонившись к вольеру, где прыгали миниатюрные, покрытые мехом человечки с длинными загнутыми хвостами.

– Не вижу, из-за чего тут поднимать такую шумиху, – заметил он.

Однако все остальные поспешили к загону с алифоньерами. Присси поманила гигантских зверей к себе. Они, по-видимому, уже привыкли к тому, что их кормят прохожие, поскольку тут же подошли. Джо принялись кормить их орехами, Натан – булочками, а Присси клала яблоки себе на голову, и алифоньеры по очереди тянулись к ней сквозь ограду и брали их. Присси каждый раз взвизгивала от смеха, словно дитя, которое вопит просто так, еще не зная, что бывают и другие причины это делать. Даже когда один зверь случайно ухватил ее за ухо и потянул, она не рассердилась.

– Ох, Натан, как замечательно! Правда, замечательно? Я бы весь день отсюда не уходила!

Натан хотел ответить, что ему тоже все нравится, но поднятый Присси шум привлек внимание окружающих. Один из них, тощий, одетый в черное человек с лошадиным лицом, подошел к другому, одетому в мундир и, по-видимому, отвечавшему за порядок среди животных, и начал что-то ему говорить, показывая в сторону шайки.

Натан ждал до последнего момента, давая Присси возможность насладиться забавой, но когда он все же попытался ее увести, она принялась сопротивляться. Только когда Джо объяснили, в чем проблема, она наконец согласилась двинуться прочь из этого места.

Хотя Присси шла медленно и неохотно, постоянно бросая взгляды через плечо, уже через час они снова оказались в трущобах.

– Мы заберемся внутрь через крышу.

– А на крышу мы как попадем? Взлетим?

– Может, у него есть ручной единорог, – предположила Присси. – Чтобы сесть на него и полететь по небу.

– Единороги не летают, – заметили Джо. – Особенно если мы все усядемся ему на спину.

– Единороги не существуют, начнем с этого! – Гэм встал из-за стола, взял себе сигару из специальной коробки, прикурил ее от плиты и вернулся в кресло. Он глубоко затянулся и выдохнул дым к потолочному своду. – Итак, если отложить в сторону мифических лошадей и все прочее, как мы, по-твоему, собираемся попасть на крышу?

– Спустимся со Стеклойной дороги.

Джо наморщили нос:

– Ты бредишь! Она же заговоренная. Сам Господин наложил на нее чары. Туда могут подниматься только Поставщики и люди Господина. Мы там, наверху, и десяти ярдов не пройдем. Если у тебя нет специального разрешения, ты просто не удержишься на стекле! Попробуешь подняться – и съедешь до самого низа.

Гэм, однако, кивнул. И даже улыбнулся. Он вынул сигару изо рта:

– Погодите-ка, Джо, погодите... Он умный, этот парень! Ты умный.

– Что? – недоверчиво спросила Присси. – Я тоже всегда думала, что он умный, но, как по мне, это полная глупость... Ты уж прости, Нат.

– Нас довезет Поставщик, – невозмутимо продолжал тот. – Мы доедем до «Шпиля», проедем еще немного, а потом незаметно спрыгнем с повозки и вернемся обратно. Если мы пойдем вниз, а не вверх, чары не сработают. Когда Поставщик уедет, мы по очереди спустимся на крышу. К тому моменту, когда Поставщик разгрузится и вернется обратно, мы давно все закончим и сделаем ноги.

– А если Поставщик откажется нас брать? – спросили Джо. – Вон Гэма он не берет после того раза.

– Возьмет, если я заплачу вдвое и вперед, – отозвался Гэм. – Такого сквалыгу еще поискать.

– А если он все-таки застанет нас на обратном пути, тогда что? Он с нас три шкуры спустит!

– В любой работе всегда есть риск. – Гэм подобрал свою куртку, тяжелую от многочисленных инструментов, запрятанных под подкладкой. – И, к слову, у нас заканчиваются припасы. Никто не хочет прогуляться до Пакгаузов?

Добровольцев не нашлось, но в этом не было ничего необычного – Гэм часто проворачивал мелкие дела в одиночку. Он вышел, тихо прикрыв за собой дверь.

Когда его шаги затихли в отдалении, Джо подошли к двери, приоткрыли ее, выглянули в щелку, кивнули. Вернулись, дергая лицом, разглаживая свои руки, поправляя пояс.

– Мы о нем беспокоимся, – проговорили Джо. – Он странно себя ведет.

Присси закивала так энергично, что под ней заскрипел стул.

– Я тоже заметила! Что это такое было там, во дворце, а, Нат? И главное, почему он не признается? Раньше он всегда говорил мне, если накосячит!

Натан покачал головой: он не знал в чем дело, и у него не было желания гадать.

– Все, что я знаю: там могло произойти все, что угодно. Абсолютно что угодно.

Джо подошли к ним с Присси, сели вплотную, словно заговорщички, и зашептали, косясь в сторону и прикрывая рот ладонью:

– Мы думаем, это Пэдж. Он дает Гэму распоряжения. А что за распоряжения, Гэм не говорит. Мы его спрашивали, он рот на замок! – Джо провели рукавом по лицу, покусали губы. – На него не похоже.

Присси подошла к Джо и обняла рукой за плечи.

– Не волнуйтесь, Джо. Как бы там ни было, наш Гэм – все тот же Гэм. Ничего с ним не станется.

Джо кивнули, но без особой уверенности.

– Ладно, посмотрим.

Поставщик гладил шею своего коренника, прижимаясь щекой к шкуре животного и шепча в подергивающееся ухо:

– Кто моя красавица, а? Моя прелесть, моя гордость... Такая мяконькая... Тыщи монет за тебя мало.

Он провел сморщенными пальцами по конской морде. Лошадь закинула голову, словно бы испугавшись.

– Ну-ну... Чего ты хочешь, морковку? Хор-рошую большую морковку? Сладкую... Хрустящую...

Поставщик порылся в глубоких карманах своего пальто и вытащил бумажный пакет, тщательно расправил смятую верхушку и достал морковку – почтительно, словно это был золотой слиток. Держа ее двумя пальцами, он поднес морковку к глазу лошади, медленно поворачивая.

– Смотри: лучшая морковка, какая у них только нашлась! Сочная, твердая. Хочешь? Конечно, хочешь! Бери, она твоя.

Он сунул морковку в губы животному и придержал на ладони, пока лошадь брала угощение.

– Во-от. Кто о тебе заботится? Поставщик, вот кто. Старый добрый Поставщик...

Повернувшись, он на мгновение замер, увидев перед собой ребят.

– А вам чего нужно, паразиты?

Гэм шагнул вперед.

– Тут такое дело, сэр, мистер Поставщик, – начал он, снимая с головы кепку и крутя ее в руках перед собой. – Вы не могли бы отвезти нас сегодня вечером к Господину?

Поставщик вышел на свет, так что они смогли ясно разглядеть, какой он старый, сморщенный и злобный.

– Погоди-ка, я тебя знаю, козявка! Ты в прошлый раз зажиллил у меня плату за провоз, да тебя к тому же еще и не взяли. Никуда я тебя не повезу! И твои помойные крысы тоже могут ни на что не рассчитывать. Сегодня вечером никаких поездок: моим лошадам надо отдохнуть.

Гэм опустил взгляд к носкам своих ботинок, продолжая мять в руках кепку с такой силой, что, казалось, она того и гляди порвется.

– Прошу вас, мистер Поставщик! Мой папаша сказал, что с него довольно и что, если сегодня же вечером меня не заберут, ему придется меня прикончить и продать мои кости клеевару.

Поставщик придвинулся еще ближе, так что теперь они все чувствовали, как от него разит лошадьми и гнилой соломой, плесневелым сукном и джином.

– Ах вон оно как? Ну так передай своему папаше: если у него не хватит духу справиться самому, я могу предложить свои услуги. Я работаю быстро и аккуратно, товар не порчу, можно будет продать без проблем. Ступай домой и скажи ему это. Сделаю за две бронзовые монеты.

– Конечно, мистер Поставщик, я ему все передам, обещаю. Вот только он уже выдал мне две бронзовые монеты вперед и велел не возвращаться, пока я не отдам их вам в уплату за мой провоз.

– И у меня! И у меня то же самое! – закричали остальные, показывая зажатые в руках монеты.

Поставщик нахмурился. Его пальцы шевелились, перебирая костяшки невидимых счетов, поджатые губы беззвучно выговаривали суммы.

– И что, ваши отцы тоже хотят от вас избавиться? Хм, да, пожалуй, неплохая работенка подвернулась старому Поставщику, а морковка ведь нынче недешева... С другой стороны...

Поставщик повернулся к ним спиной и пошел к своим лошадам. Джо двинулись следом. Они вынули из кармана пакет.

– Вот, наша мама велела передать вам на дорожку.

В пакете оказался джин в глиняной фляге, кисет с трубочным табаком и несколько яблок для лошадей. Поставщик протянул руку к пакету, но Джо отдернули его:

– Только если вы нас возьмете!

Поставщик потер щетину на своих впалых щеках.

– Ну что, красотки, как вы считаете? Хватит у нас времени для еще одной поездки?

Лошади не отвечали. Они молча жевали, думая о своем; однако Поставщик, кажется, был удовлетворен.

– Ладно, щенки, ждите здесь. Пойду схожу за колокольчиком.

Унылое звяканье колокольчика тонуло в пропитанном солью тумане, холодном и густом, накатывавшем от Морской стены. Тем не менее не прошло и нескольких минут, как двадцать мальчишек, пропитанных влагой, со склоненными головами, уже выстроились в шеренгу вдоль стены во дворе Поставщика. Натан и остальные члены шайки, включая Присси, держались впереди всех. Пока Поставщик собирал пассажиров, они вели себя с небрежной уверенностью, но стоило ему завернуть за угол, как они превратились в таких же запуганных, серых, жалких отщепенцев, что и остальные.

– Слушай меня, дерьмоеды! Это экстренная поставка, так что плата будет двойная. В клетки не хватит места на вас всех, так что, если у кого нет при себе двух монет, пускай сразу убирается с глаз долой! Если, скажем, вас двое братьев и у каждого по монете, сложитесь и отправляйте младшего: Господин любит помоложе – в таких больше жизни.

При этих словах несколько мальчиков покинули группу; их нетерпение поскорее уйти умерялось лишь мыслью о трепке, которую они получат, когда доберутся до дома.

– Остальные полезайте в клетку! И не ворочайтесь там, чтобы доски не скрипели! У моих лошадок зубы ноют от скрипа.

Повозка гроыхала по булыжным улицам, не останавливаясь и не замедляя хода ни перед чем. Матери выбегали, подталкивая перед собой детей, но повозка двигалась дальше, оставляя их без внимания. Поставщик, очевидно, считал, что спящие посреди дороги старики и пьяные должны сами заботиться о целостности своих ног – их дряхлые кости не помеха для огромных колес, а вопли боли слышны совсем недолго. Он желал совершить поездку в кратчайший срок, чтобы получить наибольшую выгоду, приложив как можно меньше усилий.

Натана, Гэма, Присси и Джо вместе с остальными в задней части повозки швыряло из стороны в сторону, словно монеты в коробке для сбора подаяний, когда пастор вытряхивает из нее мелочь на выпивку. Натан не обращал внимания на окружающих – разве что, может быть, когда бедро Присси тесно прижималось к его собственному. Он не сводил взгляда с дороги.

– Ждем еще десять минут, – прошептал он Гэму. – Потом взламывай дверцу.

– Почему бы тебе не выжечь ее Искрой?

– Не хочу привлекать его внимание.

– Брось, он несется, как заправский гонщик. Все внимание ему нужно, чтобы не слететь с дороги.

Натан сделал вид, будто не расслышал. Гэм поднялся на ноги и махнул рукой пареньку, сидевшему сзади. Это был долговязый и тощий субъект, с руками тонкими, как тростинки, и большой головой, мотавшейся взад-вперед с каждым толчком повозки.

– Подъем, худышка! Это мое место.

Тот встал, и Гэм, протиснувшись мимо него, уселся рядом с замком, запиравшим дверь клетки. Он вытащил из-за пазухи железную фомку и сунул ее в левый рукав. Несколько ребят, заметив это, насупились, но под пристальным взглядом Гэма хмурое выражение быстро исчезло с их лиц. Вскоре все сидели с таким видом, словно не произошло ничего необычного.

Когда клеть покатила по Стеклойной дороге, Натан сделал знак шайке готовиться к выходу. То же заклятье, что не пускало вверх нежеланных гостей, давало друзьям Господина возможность быстро подниматься по крутому склону – а у Поставщика было разрешение ездить здесь, когда он только пожелает.

Дорога обвивалась вокруг основания холма, на котором и внутри которого был сооружен Особняк, поднимаясь кругами через все районы Мордю; и хотя Натан старался не отвлекаться от насущной задачи, было трудно не кинуть взгляд-другой вниз, на те места, над которыми они проезжали. В одном квартале вообще не было домов – только трава и деревья, и еще озеро посередине, изогнутое, словно фасолина.

– «Легкие города» – так называют это место, – заметили Джо. – А вон там, смотри, – они указали на дворец с куполом, целиком состоящий из застекленных переплетов, – есть такие растения, каких ты никогда не видел. С шипами, которые могут проткнуть тебя, как ножом. Огромные мухи с радужными крыльями. А у некоторых деревьев есть съедобные части, сладкие, будто патока.

– Может быть, вам стоило бы поменьше зевать по сторонам и побольше думать о нашем плане, – отрезал Гэм. – Иначе от него

останутся рожки да ножки... Это там не наша крыша впереди, вон там, выплывает по правому борту?

Натан поглядел в ту сторону и кивнул, но поднял руку:

– Погоди еще минутку.

– С какой стати? Вон же она!

– Нам нужно миновать ее, чтобы можно было потом аккуратно съехать обратно, не шагая вверх, не то мы потревожим чары.

– Ты действительно все продумал, а? Ничего, мы еще сделаем из тебя настоящего вора!

Натан улыбнулся. Потом все произошло в одно мгновение. Гэм с легкостью вскрыл замок и распахнул дверь, члены шайки поднялись на ноги и один за другим выскользнули с задней стороны повозки, шлепаясь на стекло, словно мокрые рыбы на разделочную доску. Повозка покатила дальше, завернула за поворот и вскоре пропала из виду.

– По моим подсчетам, у нас есть примерно полчаса, пока Поставщик не вернется из Особняка, – прошептал Гэм. – Это если он еще прежде не науськает на нас приятелей Господина. Если он на нас настучит, жаберники могут припереться в любую минуту, чтобы убрать грязь со своей замечательной блестящей дороги.

– Он не настучит.

– Да уж понятное дело. А вдруг он сам попадет под раздачу? Вдруг Господин решит, что ему нужен новый Поставщик, что он будет делать тогда? На какие деньги покупать морковку своим возлюбленным лошадам? Месяца не пройдет, как он будет жрать конские бифштексы, утирая слезы конскими же хвостами.

– Ладно, продолжим.

Джерки Джо вытащили из-под куртки моток веревки, который до этого времени был замаскирован под раздутый от голода живот, и на четвереньках подобрались к краю дороги.

«Шпиль» располагался немного поодаль – до него было, может быть, ярдов сто. Стекло дороги было гладким и отполированным, но сухим (здесь, наверху, тумана не было), так что они могли спускаться, не соскальзывая. Надо было только двигаться руками вперед, тогда сцепление ладоней с поверхностью было достаточным, чтобы препятствовать неумолимой тяге под уклон. Присси стащила с себя колготки и затолкала их в карман, а парни сняли носки и обувь, связав

ботинки шнурками и повесив их через плечо. Они ползли по стеклянной поверхности, как пауки, пока наконец внизу не показалась крыша дома ювелира.

– Надеюсь, веревки хватит? – озабоченно спросили Джо. – Высота, похоже, немаленькая.

– Свесьте-ка ее с края, посмотрим, насколько достанет, – распорядился Гэм.

Веревка змеей скользнула через край, раскачиваясь на ветру. Сверху «Шпиль» казался плоским, словно нарисованным на листе бумаги – контур, схема, а не реальное здание.

Веревка закончилась, когда до самой высокой дымовой трубы оставалось около десяти футов.

– Отличная работа, Джо! Неужели вы не могли найти веревку подлиннее?

– Ничего лучшего в берлоге не было. У нас же не веревочный магазин!

– Не важно, – перебил Натан. – Гэм, обвяжи ее вокруг пояса, а вы, Джо, будете держать его за ноги. Не отпускайте, что бы ни случилось!

– Мы всегда к вашим услугам.

Присси подошла и заглянула через край.

– Ничего не выйдет. Как ты удержишься на крыше, после того как спрыгнешь? Там сплошные скаты.

– Я пойду первым, потом ты, Присси. Я тебя поймаю. Гэм, ты следующий. Джо, вы будете ждать наверху, пока мы не закончим, а потом вытащите нас обратно.

– Слушаемся, босс! Хорошо, что нас двое: у одного бы не хватило силенок. К тому же есть с кем поговорить.

Натан сел, свесив ноги с края Стеклоанной дороги. Он снял с шеи ботинки и снова обулся. Его ноги парили над городом, словно два странных черных облачка, а он над ними казался себе вороной, летящей высоко по ветру.

– Ты так и собираешься весь день там сидеть?

Он обвязал веревку вокруг талии – не настолько крепко, чтобы ее нельзя было при необходимости развязать, но достаточно, чтобы, если рука сорвется, поддержать его пару секунд, пока он не ухватится снова. Присси, по-прежнему босая, стояла сзади. Повернувшись, Натан увидел ее ноги выше колен. Он соскользнул через край, пока не

оказался лежащим на животе. Снова поднял взгляд – и увидел ее бедра. Он сполз еще дальше и повис на кончиках пальцев.

– Держимся крепче, – скомандовал Гэм. – Если его начнет раскачивать, надо будет немного подтащить обратно.

Натан разжал руки и начал падать. Наверняка это заняло не больше пары мгновений, но он успел вообразить, что члены шайки его отпустили, воспользовались удобной возможностью избавиться от него и теперь там, наверху, хохочут над ним во весь голос... И Присси тоже. Но затем веревка резко натянулась, и по его руке прострелила ударная волна боли, едва не лишив его сознания. Натан охнул – однако наверху была Присси, поэтому он прикусил губу, тяжело дыша, переждал головокружительную пульсацию и затем, дюйм за дюймом, фут за футом, пустился в путешествие через пространство.

С исподней стороны Стеклойной дороги свили свои гнезда ласточки-плевуны. Лунный свет просвечивал сквозь их затвердевшую слюну, внутри которой, словно черные точки в лягушачьей икре, темнели яйца; матери и отцы выпархивали наружу и возвращались обратно в гнезда, держа в клювах извивающихся червячков и мошек. Натан поглядел вниз, между своими ботинками: там виднелся, постепенно приближаясь, равномерный узор шиферных крыш.

Когда веревка закончилась, нужно было еще много преодолеть – он словно бы висел на высокой ветке, и что-то в нем знало: если он спрыгнет, то обязательно что-нибудь себе сломает – лодыжку, шею, позвоночник... Вверху едва различались Джо, перегнувшиеся через край дороги с веревкой в руках. А где Присси? Вон там – это она?

Продолжая держаться здоровой рукой за веревку, Натан потянулся больной рукой к поясу и развязал один узел – неловко, морщась от боли. Рука, распухшая и покрасневшая, была вся в синих прожилках, словно зрелый сыр. От перемены в распределении веса его начало раскачивать. Натан обвил ногами веревку и развязал последний узел. Теперь у него было несколько дополнительных футов, которые можно было пустить в ход. Он сжал веревку обеими ладонями и опустил ноги. Веревка заскользила; несколько дюймов, и ладони начали гореть; веревка содрала кожу, в больной руке зазвенело от боли. Наконец, перебирая руками, Натан съехал к самому концу.

Дальше было некуда.

Вверху метались ласточки, ныряя под стекло и выпархивая обратно, – маленькие создания с тельцами не больше мышинных, с крошечными, словно мышинные же катышки, глазами.

Натан разжал руки и упал.

Удар о крышу выбил из него весь воздух, так что он не мог сообразить, лежит он лицом вверх или вниз, неподвижен или продолжает скользить, в безопасности или сейчас свалится. Это продолжалось до тех пор, пока он не ощутил боль в ноге. От удара крыша прогнулась, черепичное покрытие расколосось, и его нога ушла в щель в подстилающей сырой древесине. Кажется, кожа была содрана. Ухватившись за дымовую трубу рядом, Натан высвободился: в штанине зияла прореха, но на самой ноге была лишь поверхностная ссадина, из которой сочилась тонкая струйка крови.

Тем не менее веревка над его головой быстро скользила вверх; скоро здесь будут другие. Скоро здесь будет Присси. Ему надо подготовиться.

Через дыру в крыше не было видно ничего, кроме черноты. Зато благодаря этому он знал, где приземлится Присси, когда отпустит веревку. Натан проверил черепицу с обеих сторон – она казалась достаточно крепкой. Он встал так, чтобы загородить телом дыру, и поглядел вверх. А вот и Присси! Ее юбка растопырилась, словно дамский зонтик; она сползала по веревке, вращаясь в небе. Ее ноги были плотно сжаты, образуя рукоятку зонтика, который все больше вырастал, пока не завис в десяти с чем-то футах над Натаном.

Она что-то кричала, но ветер уносил слова.

– Прыгай! Я тебя поймаю.

– Я не могу!

– Я тебя поймаю, честное слово!

– Не могу!

– Ты что, сомневаешься во мне?

Присси не успела ответить, поскольку внезапно обрушилась на него сверху. Натан подхватил ее под коленки, приложившись всем весом о дымовую трубу. Веревка скользнула, обвивая его плечи, падая петлями вокруг, но Натан сумел удержаться на ногах.

Он не успел удивиться, почему веревка оказалась здесь, не успел ощутить боль в руке: вслед за веревкой на них несся пронзительный вопль, словно визг кролика в когтях у совы. Оба подняли лица: сверху,

словно молния, к ним с шокирующей скоростью приближались Джерки Джо.

Натан кинулся вбок, потянув за собой Присси под защиту дымовой трубы, но мог бы не беспокоиться – Джо приземлились в десяти футах выше. Они упали спиной, прямым на конек, переломивший их тело ровно пополам.

Рот Присси распахнулся, как если бы она кричала, но из него не доносилось ничего, кроме хриплого, сдавленного дыхания. Наверху, над Стеклойной дорогой, маячил приземистый силуэт Гэма, крошечный и неразличимый. Если он и делал какие-то знаки, их не было видно. Потом он исчез.

Натан подошел к Джо. Впервые за все это время веки ребенка были неподвижны – так же, как и конечности и все остальное. Натан приложил ухо к губам Джо, надеясь услышать дыхание, но ничего не было.

– Они мертвы, да?

Натан кивнул.

– Ну так оживи их! Ты это можешь. Так же, как оживил сейф.

Натан покачал головой:

– Вряд ли это так работает. Умер – значит умер.

– Хотя бы попробуй!

Может быть, действительно получится? Разве он не превратил мертвоживого палтуса в живую крысу? Разве не заставил даже металл возжелать жизни? Натан положил ладони на лицо Джо: одна была маленькой и дрожащей, другая распухшей и разноцветной. Игнорируя жгучую боль, он закрыл глаза. Зуд был на месте, готовый к использованию, и Натан позволил ему набухнуть, просочиться, минуя боль, через плечи, мимо скребущего чувства в локте, мимо пульсирующего запястья – в ладони, одна из которых тут же начала гореть, словно там был порез, в который попала известь.

Здоровой рукой он чувствовал кожу Джо, тепло ее недавней жизни. Натан попробовал Почесать это ощущение – то, что оставалось в плоти Джо от движений живого тела, от их чувств, их целостности, их «я» – так, словно все это было по-прежнему заключено в физическом объекте.

Натан сразу же понял, что ничего хорошего не выйдет. Тело с неохотой отзывалось на его усилия. И замок на калитке, и металл

сейфа, и мертвоживой палтус – все они стремились навстречу Искре, желали, чуть ли не вождедали ее. Все они жаждали жизни, желали быть преображенными; но с плотью Джо дело обстояло ровно наоборот. Оно сопротивлялось Искре.

Преодолевая это сопротивление, Натан попытался протолкнуть поток против воли Джо. Рана полыхнула таким огнем, что Натан затрясся с головы до ног. За закрытыми веками он видел свет, разгоравшийся все сильнее и сильнее, и когда он открыл глаза, то был вынужден отвернуться – настолько ярким было свечение. Сощурившись, он поглядел снова: тело Джо сияло, оно стало горячим, воздух над ним дрожал. Затем, к ужасу Натана, оно начало чернеть – кромки ушей, ноздри, кончики пальцев...

– Остановись! – закричала Присси. – Ты делаешь им больно!

Это было не так, Джо не могли ничего чувствовать, однако Натан послушно притушил Искру и упрятал ее обратно в грудь.

Свет медленно покинул Джо. В конце вокруг осталась только темнота и черный силуэт Стеклоанной дороги наверху.

– Нам нельзя здесь оставаться.

Натан подошел к дыре, которую проделал в крыше ногой, и принялся расширять ее, вытаскивая куски черепицы и складывая их на верхушку трубы, откуда они не могли соскользнуть и наделать шума. Когда обнажились стропила, между ними оказалось достаточно места, чтобы протиснуться в пространство под крышей.

– Я полезу первым. Ты лезь сразу за мной, не зависай здесь и не смотри вниз. Просто лезь.

– А как же Джо?

– Здесь, наверху, с ними ничего не случится. Мы вернемся за ними, когда сделаем дело.

– А вдруг вороны выключают им глаза? – Присси закрыла ладонями рот, словно уже видела это.

Натан подошел к телу Джо и стащил с него куртку. Тело было еще теплым и легко двигалось. Натан положил куртку сверху так, чтобы она прикрывала лицо.

– Может, подождем Гэма? Он-то наверняка знает, что делать.

Впрочем, даже говоря это, Присси не выглядела уверенной.

– Как он сюда спустится? Веревка у нас.

– Ну, мало ли... Что там вообще произошло?

– Кто его знает. Наверное, Гэм случайно выпустил веревку.

– Гэм никогда ничего не выпускает! И вообще, это ведь Джо должен был остаться наверху!

Натан молча кивнул.

– Ты готова?

– А у меня есть выбор? Не могу же я торчать здесь до утра и горевать, словно какая-то гребаная вдова!

Под крышей было пыльно; крохотные частички танцевали в лунном свете, проникавшем через дыру, колеблясь вместе с дыханием ветерка. Чердак не был застелен досками, так что Натану пришлось провести Присси по балке, ступая, как канатоходец. Они подобрались к люку в полу, и Натан приложил к нему ухо, но ничего не услышал. Петли были смазаны, так что Натан без труда открыл люк. Внутрь

хлынул поток света. Это были всего лишь масляные лампы, но их свет был настолько ярче лунного, что у него заслезились глаза.

– Закрой! – зашипела Присси. – Похоже, хозяева тут, наверху, и не спят.

Натан повиновался.

– Я ничего не слышал.

– С какой стати ты должен был что-то слышать? Ты что, можешь слышать, как люди расчесывают волосы или еще что-нибудь... Читают какую-нибудь дурацкую книгу? Ты что, какая-нибудь гребаная сова? Жаль, Гэма здесь нет. И Джо...

– Я ничего не слышу... – Он выглянул в щелку. – И ничего не вижу. Почему бы не предположить, что они внизу, а прислуга просто забыла погасить свет?

– Кто-кто? О чем ты вообще говоришь? Ни хрена ты не понимаешь, Натан! Что бы ты ни делал, выходит черт-те что!

Натан промолчал. С этим было трудно спорить.

– Натан, мне страшно. Может, я лучше останусь здесь, на чердаке? Или вообще вылезу обратно? А вдруг Джо все-таки не умерли!

– С крыши мы никуда не сможем выбраться. Мы же не будем сидеть там до конца жизни!

Натан просунул голову в люк. Под ними был альков спальни, полный женских платьев; сквозь массу шелков и тафты, корсетов и кружев проглядывала нетронутая, идеально застеленная кровать. Не тратя время на то, чтобы спросить совета у Присси, он скользнул в отверстие.

В комнате было так тихо! Он никогда не слышал, чтобы было так тихо, – ни грохота волн, ни свиста ветра, ни стонов, ни вздохов... Единственным звуком было тиканье часов на прикроватном столике. Натан махнул рукой Присси, и та, хоть и с неохотой, повиновалась. Впрочем, увидев платья, она помимо воли замерла, зачарованно уставившись на них.

В спальне никого не было. Пуст был и коридор снаружи – ничего, кроме полированных, слабо пахнущих пчелиным воском деревянных полов да голых, чисто вымытых стен, на которых не было даже пятен от масляных ламп. Еще одна комната, тоже пустая: письменный стол и стул, все остальное прибрано. Натан встал в двери, прислушиваясь с

таким вниманием, что его глаза невольно сощурились, а голова склонилась к плечу.

– Я ничего не слышу, – шепнула Присси.

Даже несмотря на то, что она старалась говорить как можно тише, ее слова зазвенели осколками разбитого стекла. Натан приложил палец к губам и прошел к лестнице, которая вела на нижние этажи. Жестом показав Присси, чтобы она ждала здесь, он вернулся обратно в ту комнату, откуда они пришли.

Где здесь может быть медальон? Ступая по отпечаткам их собственных следов в глубоком ворсе ковра, он прошел к алькову, заглянул под висящие платья, пошарил под строгими кожаными туфлями – ничего! Никакой ниши, куда можно было бы засунуть сейф, никаких отстающих досок. Все вещи лежали снаружи, где их легко можно было достать. Может быть, под кроватью? Нет, и там ничего – даже клубка пыли, даже ночного горшка. Натан подошел к комоду. Его лакированная поверхность, отполированная до зеркального блеска, была инкрустирована разными сортами дерева и кости, складывавшимися в изображение улыбающегося солнца. Сверху и снизу были ящики.

– Ну как, что-нибудь нашел?

Это была Присси, внезапно оказавшаяся у него за плечом. Натан вздрогнул и собрался было сказать ей, чтобы возвращалась к лестнице, но она уже выдвигала один из ящиков. В нем была навалена груда шелковых дамских панталон.

– Ну и модные вещицы у этой ювелирши!

Присси взяла одну пару – голубые, с кружевной отделкой – и погладила ими по своей щеке. Потом засунула панталоны к себе в карман, после чего добавила к ним столько других, сколько смогла запихать.

– Будем надеяться, что у нее не слишком толстая задница.

Потом Натан нашел кое-что в прикроватном шкафчике ювелирши: маленькую плоскую железную коробочку с навесным замком посередине и цепочкой, которая проходила насквозь, приковывая коробочку к раме шкафчика, укрепленного изнутри железными прутьями. На замке были какие-то вращающиеся диски с цифрами. Натан поглядел на Присси.

– Ну, давай, – сказала она, – чего ты ждешь?

Он взял коробочку и выложил на полированную поверхность столика, но снова остановился.

– Давай приступай! Время не ждет. Кто знает, когда они могут вернуться? Открывай эту штуку, забираем добычу и делаем ноги.

Натан кивнул, однако что-то было не так. В комнате чем-то запахло – словно бы железной окалиной, словно бы кислотой, чем-то незнакомым и металлическим. Чем-то наподобие Искры. Но затем запах исчез.

– Скажи комбинацию, я сама это сделаю.

– Какую комбинацию?

– Хорошо, тогда используй Искру!

Натан потрогал руку: она болезненно пульсировала.

– Что, передумал? Ладно, забудь! Обойдусь без этой ерунды. Есть и другие способы.

Присси прошла к комоду, вытащила из игольницы пригоршню булавок и принялась тыкать ими в замок. Однако замок был не того типа, который можно открыть таким способом, и все ее усилия были напрасны. Натан вытащил из-за пояса нож, но металл замка был крепче и толще, так что, если тут что и могло сломаться, так это лезвие, а не замок.

– Может, попробовать порвать цепочку?

– Эту цепочку не сломать, – раздался голос позади них. – По крайней мере, физическая сила тут не поможет.

Присси застыла на месте. Натан переложил нож в ладонь здоровой руки, готовясь к драке. Они обернулись.

В дверном проеме стояли два здоровенных черных пса, с черными глазами и в черных ошейниках, широкоплечие, высотой по пояс взрослому человеку. Собаки были одни. Натан поглядел мимо них, ища хозяина.

– Вас выдала сигнализация, установленная в ящике комода, – сообщил левый пес. – Хотя, по правде говоря, вы так воняете, что мы бы все равно вас заметили.

Натан сглотнул. Присси шагнула за его спину и прижалась, обхватив его поперек груди. Пес, стоявший справа, яростно нюхал воздух, словно учуял кролика.

– Я Анаксимандр, и меня зовут Грызть, – продолжал тот же пес. Слова раздавались, когда он оскаливал зубы, словно говорил кто-то,

сидевший внутри его пасти. – А это мой коллега Сириус, которого зовут Кусь. Нашего хозяина нет дома, а вас мы не знаем. Прошу вас назвать себя, поскольку нам поручена охрана этого места, и мы не потерпим никакого вторжения или выноса вещей. Фактически нам дано позволение использовать любые средства, какие мы сочтем нужными, для предотвращения подобного, и если сам я придерживаюсь умеренности, то Сириус любит полакомиться человеческой плотью.

– Собаки же не говорят! Почему он говорит?

Натан пожал плечами. Чем говорящая собака страннее алифоньера? Или Джо? Или чего угодно другого, что творилось в Мордью?

– Мисс, на данный момент вопрос состоит в другом, – терпеливо произнес пес, назвавший себя Анаксимандром (он же Грызь). – Что вы делаете здесь, в спальне моей госпожи, и почему копаетесь в ее личных вещах? Вас можно принять за грабителей. Неужели это действительно так?

Молчаливый пес принялся нюхать еще энергичнее, водя носом из стороны в сторону. Говорун повернулся к нему, и они безмолвно обменялись мнениями.

– Сириус не был наделен даром речи, подобно мне, но зато у него имеется орган, чувствительный, помимо прочего, к злонамеренной магии, направленной на агрессию и стяжательство. По его сообщению, он чует все это в вас – по крайней мере, в щенке мужского пола, в сучке он не уверен.

Сириус прикрыл глаза и принялся скулить и повизгивать, словно что-то причиняло ему боль.

– Он раздражен. Он говорит, что от тебя веет силой. Дикой силой. Он никогда не ощущал ее в таком количестве, и это его бесит. Объяснитесь, или я убью вас обоих, просто чтобы избавить моего коллегу от источника его беспокойства.

Говорящий пес придвинулся к ним, низко наклонив голову; из его глотки вырвалось рычание.

– Мы пришли сюда, чтобы кое-что украсть, – сказал Натан.

– Зачем ты ему это говоришь!

– Так я и подозревал, – заключил Анаксимандр. – Знай же, что наказанием за воровство здесь является смерть, согласно

распоряжению Господина Мордю, который снабдил меня голосом, чтобы вынести приговор, и правом привести его в исполнение.

Лапы Анаксимандра были широкими, тяжелыми, с могучими медвежьими когтями – длинными, твердыми и изогнутыми.

– Подожди! – воскликнул Натан. – Я сказал только, что мы собирались кое-что украсть. Но мы пока еще ничего не украли!

– Различие чисто номинальное, поскольку наказание за попытку кражи такое же, как и за саму кражу. Не сопротивляйтесь. Если вы позволите мне вывести вас в коридор, чтобы там вырвать вам глотки без опасения запачкать ковер, обещаю сделать это быстро и лишит Сириуса удовольствия сперва отъесть вам лица.

Услышав это, Сириус тихо взвыл.

– Держи себя в руках, коллега! Довольно! Твое мясо никуда от тебя не уйдет... Прошу прощения. Видимо, его возбуждает присутствие сучки. По его рассказам, женская кожа восхитительна на вкус, особенно когда приправлена окрашенным жиром и воском, которые женщины используют для украшения. Прошу вас, перейдите на дощатый пол, чтобы я мог исполнить волю своего хозяина.

Ни Натан, ни Присси не сделали ни единого движения в сторону коридора. Натан выставил перед собой руку с ножом и согнул колени.

– Ах вот как, – проговорил Анаксимандр, приостановившись, но тут же продолжил медленное движение вперед. – Очень жаль. То есть мне-то все равно, а вот чистильщикам будет лишняя работа. Вы ничего от этого не выгадаете. Моя госпожа приложила немало усилий за многие годы, чтоб привнести в мою породу способность сопротивляться быстрой смерти. На протяжении поколений она вскармливала только тех из моей родословной, кто оказывался достаточно вынослив, чтобы, не обращая внимания на многочисленные раны, продолжать драться, даже умирая. Многие из моих предков, в том числе и мой родитель, нашли свой конец именно таким образом, выполняя ее поручения, и гораздо больше были утоплены еще в детстве, поскольку не вынесли испытаний. Мы доказали свою способность к таким деяниям, которые шокировали бы даже самых жестокосердных собачников. Я не горжусь этим и чувствую лишь печаль за мой народ (столько смертей, и ради чего?), однако тем не менее факт остается фактом. Более того, если каким-то чудом вам удастся убить меня и выжить самим, кто защитит вас от

невоздержанности Сириуса? Сириус, да прекрати ты наконец свое нытье!

Но Сириус не прекратил; вместо этого он начал лаять, размеренно и настойчиво, все громче и громче, пока Анаксимандр в конце концов не остановился. Он повернул к товарищу голову, словно прислушиваясь, и затем оба пса, извинившись, рысцой выбежали за дверь.

– На крышу! – шепнул Натан.

Но Присси уже ринулась наверх, оказавшись на чердаке впереди его.

От дождя крыша «Шпиля» стала скользкой. Они карабкались вверх по черепице, то и дело срываясь и обдирая ладони; ткань на их локтях и коленях пропиталась холодной влагой, капли дождя собирались на воротниках и затекали за шиворот. Все это, однако, не стоило и упоминания по сравнению с изломанным, безжизненным телом Джо. Те лежали с приоткрытым ртом и оскаленными зубами, глядя сквозь закрытые веки вверх, на Стеклянную дорогу.

– Не смотри, – сказал Натан.

– Я ничего не могу с собой поделать!

Куда еще им было смотреть? Говорят, что, если ты находишься на высоте и боишься упасть, нельзя глядеть вниз – открывающаяся перспектива, расстояние, отделяющее тебя от земли, отсутствие каких-либо препятствий между тобой и смертью от удара о землю могут вызвать парализующий страх. Точно так же существует табу на то, чтобы смотреть на мертвых: вид трупа может вызвать такой же страх. От подобного страха хочется бежать без оглядки, а Натану с Присси бежать было некуда. Однако и смотреть здесь тоже было больше не на что. Самое безопасное – глядеть вверх, но тогда дождь принимался заливать щеки, словно слезы, а поскольку они, кажется, и без того уже плакали, то почему бы им было и не смотреть на Джо?

Так что они принялись смотреть на Джо.

Ливень продолжал полировать крышу, стекая в желоба, сверху нависала Стеклянная дорога, холодная и безразличная, внутри дома их ждали собаки, внизу – смерть. Учитывая все это, было трудно поверить в то, что они увидели. Они воззрились друг на друга, смаргивая дождевые капли с ресниц: у них на глазах тело Джо

разделилось на два тела, обернувшихся вокруг друг дружки, словно сплетенные в объятии любовники. Один из трупов был мальчиком, другой – девочкой, но в остальном они выглядели абсолютно одинаково. Рядом валялась кучка ненужной им больше одежды.

Присси схватила Натана за рукав, но ни тот, ни другая не могли понять, что это может значить. Внизу, под крышей, скреблись псы, встав на задние лапы.

– И что дальше?

– У нас нет выбора.

Натан передвинулся вверх по крыше и подобрал веревку, которую положил рядом с телом Джерки Джо. Сделал петлю, накинул ее на колпак дымовой трубы и крепко затянул. Присси (очевидно, поняв, что он затевает) попятилась.

– Ее не хватит до земли!

– Мы раскачаемся, запрыгнем в одно из нижних окон, а оттуда уже зададим деру.

– А вдруг у нас не получится?

Натан бросил взгляд обратно на крышу. Непростой выбор: разбиться об землю или быть съеденным собаками? Звук скребущих лап раздавался уже возле самого отверстия в черепице.

– Не убегайте! – послышался голос говорящего пса. – Мы сейчас выберемся!

Бросив последний взгляд на Джо, они вместе (Натан держался за веревку, Присси – за Натана) скользнули вниз по черпице и перевалились через край.

Резкое головокружительное падение угрожало превратиться в бесконечный полет вниз; затем веревка со щелчком натянулась, и они принялись раскачиваться в тридцати футах над землей, шаркая по кирпичной кладке и раздирая одежду. До ближайшего окна было не дотянуться, внизу их ждал ровный плоский камень, далекий и серый. Дождь продолжал лить как из ведра, веревка разбухла от воды, и за нее было трудно держаться.

– Мы погибнем, да? Ты не можешь как-нибудь переправить нас вниз с помощью Искры?

Натан не видел, каким образом Искра могла бы тут помочь. Даже если бы он оживил веревку, превратив ее в змею, какая была бы от этого польза? К тому же рука болела невыносимо, и он сомневался, что смог бы выдержать Зуд, не говоря уже о том, чтобы Почесать. Он и без того готов был вот-вот выпустить веревку.

Говорящий пес смотрел на них сверху, свесив голову через край крыши. Дождь лил уже с такой силой, что веревка заскользила в руках Натана, и если бы на конце не был завязан узел, за который он смог уцепиться, они бы рухнули на землю.

– Почему вы там болтаетесь? – спросил пес. – Это небезопасно. Возвращайтесь скорее; мой коллега получил сообщение. Мужское дитя, скажи мне свое имя, и если оно окажется тем, что мы ожидаем, мы не причиним тебе вреда.

Натан не ответил, однако никаких путей к спасению видно не было, и ветер с силой швырял их о стену.

Как если бы молчание Натана было требованием дальнейшей информации, пес продолжал:

– Мы были переданы в аренду хозяйке этого дома Господином Мордюю. И хотя контракт обязывает нас выполнять любые приказания домовладельцев, мой компаньон напомнил мне, что в нем имеется оговорка в предотвращение конфликта интересов, который может нанести ущерб арендодателю.

Ветер дул все сильнее, бросая в лица ребят пригоршни дождя.

– Пространное приложение к этому документу содержит определенный список лиц. При появлении в доме любого из перечисленных в этом списке или кого-либо, кто может оказаться одним из названных лиц, Сириус обязан посредством психической связи информировать арендодателя, вышеупомянутого Господина Мордюю...

– Натан Тривз! – завопила Присси. – Гребаный Натан Тривз – вот как его зовут!

Пес немедленно вцепился в веревку зубами и принялся тащить. У Натана опять сорвалась рука.

– Держитесь крепче, – посоветовал пес, не размыкая зубов. – Я могу вытащить веревку и тем самым вернуть вас в безопасное место, но держаться за нее – по-прежнему ваша задача.

Веревка рывками задвигалась вверх, и двое насквозь промокших воров принялись подниматься, раскачиваясь и шмякаясь о стену здания, обратно, к относительной безопасности крыши.

Наконец Анаксимандр перетащил их через край, и они увидели Сириуса – наверху, возле дымохода. Он отгрызал лицо одному из трупов Джо.

– Оставь его в покое!

Натан рванул к нему, чтобы остановить, но Анаксимандр преградил ему путь.

– Кого он должен оставить в покое? Твоих товарищей? Но они мертвы, и плоть им больше не нужна. А Сириусу, с другой стороны, необходимо питаться.

Послышался рвущийся, хлюпающий звук; Сириус поднял морду и замотал ею из стороны в сторону, как если бы он ухватил в пасть крысу и намеревался трясти ее, пока она не издохнет.

– Господин аннулировал договор нашей аренды, – невозмутимо продолжал Анаксимандр. – Нам надлежит сопроводить вас за пределы территории, не причинив вреда, после чего вам будет позволено вернуться к своим делам.

Присси отвернулась, уткнувшись лицом в Натаново плечо, и он медленно повел ее вверх, подальше от края, все это время не сводя глаз с тела Джо.

– Более того, вам будет позволено взять с собой предметы, которые вы хотели украсть.

Сириус наконец оставил трупы в покое. Они лежали с окровавленными головами, безликие, и их черепа были настолько же идентичны, как прежде их лица. Продолжая жевать, Сириус прошелся по крыше, отрезав Натану путь к телам.

– Впрочем, мы обязаны помогать только тебе, Тривз, но не раскрашенной сучке. Сириус спрашивает, можно ли ему полакомиться ее щеками, чтобы закончить трапезу чем-нибудь сладким.

– Нет!

Сириус зарычал, оттягивая назад губы. Его клыки были красными.

– Он разочарован. Может быть, в другой раз? Нам приказано побыстрее вывести вас прочь. Вы ведь пришли за медальоном? Я каждый вечер лежу подле моей хозяйки, так что мне известна комбинация сейфа. Давайте вернемся в дом.

Натану хотелось подойти к телам, попробовать их исцелить, но что он мог сделать? Бросив на Джо последний взгляд, он повернулся и двинулся туда, куда приглашал их пес.

В коробке сейфа обнаружился медальон в форме капли, на цепочке из толстых золотых колец, немного сплюсненных, чтобы лучше прилегать друг к другу, но, помимо этого, ничем не примечательных. Все это лежало на зеленой фетровой подушечке.

– Нам следует поторопиться, – заметил Анаксимандр. – Если вернется наша хозяйка, ее новые распоряжения будут противоречить тем, что мы получили.

Натан не стал тратить время, спрашивая, что произойдет в таком случае. К тому же Присси уже тащила его в сторону двери.

Комнаты на верхнем этаже были обставлены относительно скромно – кровати, платяные шкафы, письменные столы, пусть даже и отделанные плюшем; однако чем ниже они спускались, тем более бросалась в глаза выставленная напоказ роскошь. Под конец Анаксимандр вел их уже через сплошной хаос портретов в золоченых рамах, отдельно стоящих ваз, пучков разноцветных перьев, канделябров, развешанных по стенам мушкетов, пистолетов, гербов, звериных шкур и рогатых голов, ковров и прочих всевозможных изысков. Напротив подножия последней лестницы располагался дверной проем, окаймленный бронзовыми кариатидами. Натан остановился перед ними. Это были женщины с козьими головами, обнаженные до пояса, с колосьями и цепями в руках.

– Не задерживайся, – велел пес. – Нам пора уходить. Что тебя заинтересовало в этих статуях?

Юбки кариатид поддерживались ремнями, на пряжках которых был тот же знак козлиных рогов, который Натан видел в берлоге. Он протянул руку и потрогал один из них.

– Этот символ? – спросил Анаксимандр. – Это религиозное изображение, общепринятое среди аристократии этого города. Его можно увидеть во многих местах. А теперь нам пора!

Они перебежали двор с гранитными статуями и выскочили из железных ворот. Как только «Шпиль» скрылся из виду, Сириус обернулся к ним. На его морде было абсолютно новое выражение... Оскаленные зубы и наморщенный нос, столь характерные для него

внутри, пропали бесследно; его язык вывалился наружу, а глаза широко раскрылись. Он обошел кругом сперва Присси, затем Анаксимандра, потом припал на передние лапы перед Натаном, опустив голову и задрал хвост.

– Коллега, – твякнул Анаксимандр, – сейчас не время для игр!

Однако Сириус принялся вилять сперва хвостом, потом всем задом, а потом едва ли не всем телом. Анаксимандр повернулся к ребятам:

– Прошу прощения – Сириус спрашивает, нет ли у вас при себе какой-нибудь палки или мяча, чтобы вы могли это бросить, а он принести вам обратно?

Натан похлопал себя по карманам, заранее зная, что ничего там не найдет. Присси схватила его за рукав и потащила прочь.

– Оставь их в покое! Я не хочу, чтобы меня искушали.

Не успела она замолчать, как Сириус подскочил к ней, заставив ее отпрянуть; однако он не сделал попытки оторвать ей щеки. Вместо этого он принялся тыкаться носом в ее ладони, а когда она убрала руки, начал описывать восьмерки, протискиваясь у нее между ног. Он был таким большим, что ей приходилось по очереди приподнимать то одну, то другую ногу, чтобы дать ему пройти.

Анаксимандр схватил Сириуса зубами за ошейник и попытался оттащить. Поскольку ему не требовались губы, чтобы говорить (голос шел непосредственно из глотки), это не помешало ему объяснить:

– Он чувствует возбуждение, обычное для собак, когда их работа закончена. Наш контракт аннулирован, и теперь мы свободны. Больше не надо ничего сторожить, не надо драться и получать побои. Для него это новое чувство, поскольку он не знал в своей жизни ничего, кроме службы, и теперь он действует без оглядки на благопристойность своего поведения. Ему никогда не доводилось играть, хотя я рассказывал ему о палках и мячах с тех пор, как мы оба были щенками. Однажды мне довелось прочитать книгу, посвященную этому предмету (я нашел ее в детской у нашей хозяйки), и он до сих пор каждый вечер требует, чтобы я рассказал ему эту сказку перед сном.

По-видимому, слова пса чем-то тронули Присси. Глубоко вздохнув, она запустила руку в свою шаль и вытащила оттуда кошелек, в котором ничего не было, не считая нескольких медяков. Она показала

кошелек Сириусу, который смотрел с жадным вниманием, разглядывая его во всех деталях, затем отвела руку и забросила его так высоко и далеко, как только смогла.

– Только смотри не порви его!

Сириус ринулся за ним с такой быстротой, что поймал кошелек прежде, чем тот упал на землю, а затем стрелой бросился обратно с таким энтузиазмом, что Присси в ужасе взвизгнула, ожидая, что ее опрокинут, однако Сириус в последний момент обогнул ее, уронил кошелек возле ее ног и вновь припал к земле, тяжело дыша.

Анаксимандр поглядел на Натана.

– Что же, Натан Тривз, если наши отношения получили развитие в этом направлении, я вовсе не буду против (разумеется, только при твоём одобрении подобных действий), если ты погладишь меня по спине. После этого ты можешь приступить к почесыванию ушей – в качестве подготовки к щекотанию под брюхом. Опять же, все это лишь в том случае, если ты чувствуешь естественную склонность предложить мне подобные услуги.

Проведя таким образом некоторое время, псы направились к Зоологическому парку. Ни одному из ребят уже не хотелось с ними расставаться. Совместные игры обладают загадочным свойством связывать людей и животных, так что каждый из них меньше склонен замечать свои невзгоды и предаваться грусти. Кроме того, размеры зверей естественным образом отпугивали любопытных, и нельзя было отрицать, что ребята чувствовали себя в гораздо большей безопасности, когда псы были рядом.

Дождавшись, пока Присси с Натаном подойдут к входу, Сириус принялся раскапывать мягкую почву клумбы сбоку от ворот, яростно отбрасывая назад комки земли. Вскоре он создал проход, через который можно было проползти. Не успел Анаксимандр приблизиться, как он уже оказался на той стороне и принялся бегать взад и вперед, опустив голову и клацаая когтями по камням дорожки.

– Сюда! – позвал Анаксимандр и нырнул следом за своим товарищем.

– Ну уж нет! Я не собираюсь лезть в эту дыру. Я же вся перепачкаюсь!

Натан пожал плечами:

– Это самая короткая дорога к дому.

Даже в лунном свете некоторые из экспонатов выглядели восхитительно: птицы с глазами на перьях, развернутых широким веером за их спинами, полосатые кошки с немигающим взглядом и длинными когтями, крошечные свинки, сплошь покрытые шипами.

– Правда, милашки? – воскликнула Присси.

Анаксимандр не согласился с ней:

– Разве пленник может быть милым? Тот, кто каждый день подвергается мучениям? Если бы вы понимали их язык, то знали бы, что эти создания без конца говорят о своем несчастье. Вот эта птица, что от страха распустила свое оперение, с радостью выклевала бы тебе глаза, если бы ей только представилась такая возможность.

Присси наморщила носик:

– Но почему? Что я ей такого сделала? Разве я виновата, что у нее не хватило мозгов держаться подальше от клетки? Я же не виню ее в том, что мне придется идти работать в «Храм»!

Анаксимандр понюхал воздух, словно таким образом мог слышать то, что говорит птица.

– Она видит в тебе одного из своих тюремщиков. Ей недоступно детальное различие черт лица, посредством которого вы узнаете друг друга. Для нее вы все выглядите одинаково. Перед ее глазами лишь сеть, в которой ее сюда притащили, и эту сеть держишь ты. Она запускает когти в землю, чтобы лучше их отточить, и если тебе доведется вступить на ее территорию, она прибегнет к их помощи, чтобы сорвать мясо с твоих костей.

Присси покачала головой.

– Вот чертовы птицы! Ну и ладно, я все равно их никогда не любила... Слышь, подруга, я повытаскиваю твои перья и сделаю себе из них шляпу!

Она повернулась к Натану, ища поддержки, но тот разглядывал полосатых кошек.

– К ним это тоже относится, – продолжал Анаксимандр. – Вот эта, на которую ты смотришь, еще помнит холмы своего детства и то, как отравили ее мать. Она помнит тех, кто использует внутренности ее сородичей для изготовления лекарств, и каким способом они добывают требуемое. Она считает бесконечные и бессмысленные круги, которые

наматывает по своему узилищу, и клянется возместить это число числом трупов твоих сородичей. Конкретно тебе она хочет вырвать глотку.

– Ну так скажи ей, что ей не в чем меня винить.

Анаксимандр выполнил его просьбу, однако кошка лишь затрясла плечом прутья своей клетки. Присси отвела взгляд.

– А что насчет вон тех? – спросил Натан. Впереди Сириус облаивал алифоньеров. – Они тоже нас ненавидят?

Подбежав к товарищу, Анаксимандр встал рядом с ним. Он стоял неподвижно, и Сириус тоже понемногу успокоился. К ним подошел самец-алифоньер, а за ним и его самка с детенышами. Они все стояли в молчании. Присси взяла Натана за руку. Никто не шевелился; весь мир, казалось, застыл на месте, повинуюсь некоему призрачному заклятию.

– Нет, – наконец произнес Анаксимандр. – Они не испытывают к вам ненависти. Все, чего они хотят, – это быть на воле. Есть что-то еще, чего я не могу понять; Сириус говорит какую-то бессмыслицу. Пойдем, коллега! Нам не следует мешкать здесь, рядом с этими зверями. Если сюда вернуться их надзиратели, нас посадят в клетки рядом с ними; мы снова окажемся в плену, и тогда ты сможешь делиться своими мистическими рассуждениями до бесконечности.

В конце концов Анаксимандр убедил Сириуса покинуть Зоологический парк, и вся компания двинулась вдоль улочек Плезанса в направлении Пакгаузов. Внезапно Присси узнала место, мимо которого они проходили.

– Это же задняя стена того склада, где Гэм добывает нам бекон! Видите, вон там написано?

Она показала на стену: выведенная побелкой надпись была в десять футов высотой, и хотя никто из ребят не мог ее прочесть, они все же распознали в этих символах буквы.

– «Бомонт и Сыновья», – прочитал Анаксимандр. – «Поставщики свинины и вторичных продуктов».

Сириус принялся обнюхивать землю возле ворот, однако Натан не хотел больше задерживаться.

– Нам нужно найти Гэма. Он должен ответить на несколько вопросов.

Анаксимандр передал его пожелание своему товарищу. Натан опустился на колени возле решетки, ведущей в канализацию, и с помощью Присси поднял крышку люка.

В коридорах царила тишина, комнаты пустовали. Даже всепроникающий солоноватый аромат жарящегося бекона уступил место горькому запаху черной плесени. А вот и знак – тот же символ, что Натан видел на поясах у кариатид; здесь он виднелся в декоративной лепнине на сводах, был вырезан на планках стеной обшивки, вплетен в узор на обивке каждого предмета мебели.

Собаки плелись позади, Присси шла рядом с ним, и мягкий топот лап и стук каблуков были единственными звуками, которые он слышал. Натан сам не знал, чего ожидал, однако ему представлялась некая сцена, драма, выяснение отношений. У него имелись вопросы, на которые Гэм должен был ответить.

Но его не было!

Сириус то и дело рычал, припадал к земле, обнюхивая каждую дверь. От одних дверей он пятился, перед другими начинал скулить – но предметом его интереса был отнюдь не Гэм.

– Он чует призраков, – объяснил Анаксимандр.

В одну дверь, которая была открыта, Сириус вломился и галопом проскакал внутрь. Там, на верхушке стола, поверх кипы бумаг был водружен череп. Ударом лапы пес свалил его на пол, обошел кругом сперва в одну сторону, потом в другую, затем ухватил зубами. Присси, подбежав, попыталась вытащить череп из его пасти, но Сириус зарычал на нее и оскалил зубы, так что ей пришлось вернуться обратно к Натану.

– Что же ты его не остановишь? – спросила она.

Натан не ответил.

– Как он может помешать? – ответил за него Анаксимандр.

Присси открыла было рот, чтобы что-то сказать, однако вопрос остался риторическим, поскольку в этот момент Сириус разгрыз череп, и тот немедленно распался на кусочки. Кости были настолько древними, что кусочки тоже стали рассыпаться, пока не превратились в горстку трухи возле передних лап Сириуса. Пес понюхал ее и чихнул.

Над горсткой выросла фигура человека.

Присси и Натан попятились, но Сириус набросился на незнакомца, сперва попытался укусить его за колени, а затем прыгнул ему на грудь. Призрак лягнул его ногой (очевидно, ему не нравилось, что на него нападают), однако ни тот, ни другой никак не могли повлиять друг на друга, поскольку принадлежали к разным измерениям, их удары и укусы не встречали сопротивления.

Затем, устав сражаться с Сириусом, призрак перевел взгляд на Натана. Он улыбнулся, сунул в рот два пальца и издал беззвучный свист, неслышный даже для собак.

– Он зовет других. Смотрите!

Анаксимандр обратил их внимание на колонну в углу комнаты. Там, в длинном черном треугольнике тени, стоял еще один «человек». Можно сказать, его там практически не было: он был словно обрывок тумана, словно выцветший, облупившийся рисунок или узор из чешуек, осыпающихся с крыльев бабочки. Серый, полупрозрачный, он парил в воздухе, ничем не связанный с землей. Первый призрак указал на Натана, и новоприбывший широко раскрыл глаза, воззрившись на него почти с ужасом. Впрочем, его рот тут же разверзся в улыбке – полость, заполненная чернотой. На его шее висел медальон в виде бараньей головы, который тянул его вниз.

Он приблизился, склонившись в поклоне, однако двигался стремительно и яростно, словно атакующий бык, остановившись в каком-то футе от Натана. Здесь он выпрямился – его лицо отразило приложенные для этого усилия – и попытался что-то сказать. Его черты разгладились, губы задвигались, изображая какое-то слово. Прежде чем он успел это слово произнести, Сириус прыгнул, целясь призраку в горло, пролетел его насквозь и приземлился, тут же развернувшись для нового прыжка. Призрак рассеялся, собрался обратно, но ветерок от дыхания Натана унес его прочь, и он растворился в воздухе уже окончательно, так что Натан даже усомнился, что действительно его видел.

Потом Присси показала куда-то пальцем, скользнула за спину Натана и обхватила его за талию: еще один призрак плыл в их направлении, торжественно, словно шествовал между скамьями в церкви. По мере приближения он становился все больше, заполняя собой все доступное пространство. Этот оказался более широким в груди, хоть и таким же эфемерным по составу; у него были вислые

моржовые усы, а в руках он держал шляпу-котелок, которую смиренно прижимал к себе. Похоже, он чего-то хотел, умолял о чем-то, однако и сейчас дыхание Натана, легчайший из ветерков, бесследно изгнало призрак еще прежде, чем Сириус успел на него наброситься.

Тем не менее среди теней остался маленький ребенок (мальчик или девочка, было трудно сказать) в ночной сорочке, чепчике и носочках. На ребенка Сириус только зарычал, а Присси вышла из-за Натана и опустилась перед ним на колени, протянув руку. Дитя шагнуло к ней, но тут же исчезло так же бесследно, как и другие.

Далее появилась целая компания привидений – десять, пятнадцать; их было трудно сосчитать, поскольку каждый просвечивал сквозь другого, а сквозь них просвечивали стены и картины позади, а также скульптуры и доспехи, стоявшие посреди комнаты; к тому же они постоянно двигались, проходя то спереди, то сзади вещей. Однако, сколько бы их ни было, все они внимательно смотрели на Натана, держась на безопасном расстоянии.

Один призрак улыбался, обнажив деревянные зубы, вставленные в деревянные десны; между верхним и нижним рядами влажно поблескивал язык. Его глаза были широко раскрыты, словно бы в восторге от чего-то, что оставалось недоступным для присутствующих живых. Спустя какое-то время он заговорил:

– Мы очень долго ждали этого мгновения, Господин.

Натан хотел подойти к нему, как сделала Присси, но Анаксимандр преградил ему путь, а Сириус снова зарычал.

– Не разговаривай с ним, – предупредил Анаксимандр. – Слова мертвых губительны для ушей живущих, а их и наши желания редко сочетаются.

Призрак рассмеялся, так что зубы запрыгали у него во рту. До Натана донесся сладковатый, затхлый запах могилы.

– Господин, – прошептал призрак, – почему вас так долго не было?

Его окружили другие призраки. Все они были мужчинами, и все носили мундиры с той же эмблемой, что украшала здесь каждую поверхность. Впрочем, стиль их одежды все же различался – некоторые были одеты более затейливо, другие попроще, на одних мундир сидел в обтяжку, на других свободнее, у одних мундиры были украшены гофрированными воротничками, кистями и кружевами, одеяния других

имели более скупые очертания и строгий покррой. Внезапно все как один придвинулись к Натану – по-видимому, в обратном порядке своей древности: те, что были одеты просто, подошли ближе всех, а щеголи уступали им дорогу, оставаясь позади.

– Натаниэль Тривз, вы наконец вернулись, – проговорил один, хотя Натан не смог разглядеть, кто именно. – Что задержало вас на столь долгие годы?

– Неужели вы забыли свое обещание?

Натан не выдержал.

– Какое обещание? – спросил он.

– Какое обещание?! Братья, он действительно все забыл! Обещание должно быть выполнено!

– Я не знаю, о каком обещании вы говорите.

– Господин...

Призраки окружили Натана. Он поискал внутри себя Искру, и она озарила комнату синим свечением. В руке вспыхнула боль, но призраки рассеялись, хотя их голоса остались рядом:

– Господин... Сера...

– Господин... Искра...

– Обещание...

Сириус скакал по всей комнате, как делают псы в радостные моменты, гоняясь за собственным хвостом, но он прыгал вовсе не от радости. Похоже, он видел призраков повсюду и во всем – в колышущихся языках свечного пламени, в валяющемся старом ботинке, в грудях тряпья. Когда он приблизился, Натан опустился на колени и погладил его по загривку, провел рукой вдоль его спины, почесал выступающие на крупе мослы. Однако, хотя его прикосновения и успокоили пса, этого хватило ненадолго.

Поднявшись, Натан приложил руки ко рту и прокричал, словно в рупор:

– Призраки! Я выполню данное вам обещание. Отправляйтесь обратно спать; я разбужу вас, когда вы будете мне нужны!

Пока он говорил, это казалось бессмысленным, однако стоило последнему слову затихнуть, как Сириус подошел и улегся возле его ног, успокоившись и тяжело дыша.

– Ты произвел на него впечатление, – заметил Анаксимандр. – Не так-то просто заставить призраков отправиться восвояси. Это признак

великого могущества.

Натан кивнул, не зная, что ответить.

– Подумаешь, большое дело! – взорвалась Присси, сверкнув на них глазами. – Гэма здесь по-любому нет, а нам нужно его найти!

– Эту проблему легко разрешить, – возразил Анаксимандр. – Дай моему коллеге какой-нибудь предмет, на котором остался запах вашего друга. Если он в городе, Сириус сумеет разыскать его, где бы он ни был.

Присси передала Натану последнюю книгу, которую читал Гэм, и пес втянул в себя ее запах.

– Он говорит, что ваш друг тут, неподалеку. Наверху.

Натан оглядел берлогу и без колебаний скомандовал:

– Пошли!

Они отыскивали Гэма в распивочной, в просторном заднем помещении, отведенном для игроков. Он сидел, положив ладонь на колено и угрюмо глядя в пустой стакан.

Присутствие собак не осталось незамеченным даже до того, как Анаксимандр заговорил: они были прекрасными образчиками своей породы и наверняка могли бы выступить фаворитами, даже будучи поставлены против наиболее испытанных псов, на которых тут было принято заключать пари. Когда же Анаксимандр продемонстрировал свою способность разговаривать, вокруг быстро собралась толпа. Люди толкались, тянули руки, пытались пощупать пса, одобрительно бормотали. Это отвлекло их в достаточной мере, чтобы Натан смог подобраться к Гэму в относительно конфиденциальной обстановке; однако Присси опередила его, протолкавшись между теми, кто был слишком пьян или погружен в себя, чтобы обращать внимание на собак.

– Ну и что ты можешь сказать в свое оправдание, Гэм Хэллидей?

Тот оторвал взгляд от стола, прервав пристальное исследование древесных узоров на столешнице.

– А где Джо? Вернулись в берлогу?

Присси отвесила Гэму увесистую пощечину. Несколько посетителей обернулись на звук, однако, увидев, что кому-то всего-навсего бьют морду, потеряли интерес и снова отвернулись.

– О чем ты? Они мертвы! Ты что, не в курсе?!

На лице Гэма появилось странное выражение (удивление, замешательство, разочарование, страх – все одновременно), затем перешедшее в печаль, усталость, признание вины. На его здоровом глазу выступили слезы, однако потер он другой рукой тот глаз, что был пуст.

– Они упали. Я ничего не мог поделать.

Гэм снова устался в стол, словно лакированные извивы древесины были единственным, что он сейчас хотел видеть.

– Как они могли упасть? Ты ведь их держал, разве не так?

– Они упали. Что я могу еще сказать?

Присси ухватила Гэма за подбородок.

– Они погибли, Гэм! Они сломали себе хребет, а потом их тело разделилось надвое! Они лежат там, рядышком. Мертвые!

Несколько мгновений Гэм не сопротивлялся, но затем, увидев Натана, отстранился от нее.

– А ты? Что ты для него сделал? Ничего?

Натан покачал головой.

– Он-то что тут мог сделать?

Присси поглядела Гэму в лицо, и написанное на нем страдание, по-видимому, несколько умерило ее гнев. Она придвинула для себя стул, с которого встал один из посетителей, собираясь принести себе еще выпивку, и уселась за столом.

– Что у вас там вообще произошло?

– С ними случился приступ, там, наверху. Я не смог их удержать, и они свалились. Я пытался их спасти, но ничего не получилось.

Присси скрестила руки на груди и отвернулась.

– Ты мне не веришь? Почему? Они были моим единственным... Они были для меня словно член семьи – настоящей семьи! И вообще, с какой стати я должен перед тобой отчитываться? Ты мне не мать! И ты не моя совесть, черт подери!

Позади них, в толпе, кто-то побился об заклад, что Анаксимандр не сможет сосчитать до пятидесяти – что тот немедленно проделал с впечатляющей скоростью. Следующей поставленной перед ним задачей было умножить количество пядей в локте на количество пинт в галлоне. Пока пес производил вычисления, делая отметки когтями на посыпанном опилками полу, какой-то пьяница накинул на него намордник с ошейником и, хрипло гогоча и облизывая потрескавшиеся губы, принялся застегивать пряжки. Ни Анаксимандр, ни Сириус никак на это не отреагировали – знак, который ускользнул от внимания пьяного.

– Гэм, – произнес Натан, – что происходит?

Какое-то время Гэм сидел, не отвечая, затем встал.

– Перед тобой я тоже не должен отчитываться. Я возвращаюсь в берлогу.

– Никуда ты не пойдешь, пока не ответишь! – Присси схватила его за руку.

Анаксимандр огласил ответ на поставленную перед ним задачу, но поскольку никто из собравшихся не мог сказать, прав он или нет, это привело к немалому смятению; люди с листками бумаги в руках, толкаясь, пробивались к букмекерам. Собакокрад с распухшим, изрытым порами носом, похожим на нашпигованный гвоздикой апельсин, потянул за привязанную к ошейнику веревку.

– Если ты надеешься меня похитить, знай, что ничего не выйдет, – предупредил Анаксимандр.

Он с силой дернулся вбок, и руки вора оказались вывернуты из суставов: его рефлексy были недостаточно быстрыми и он не успел вовремя выпустить веревку. Теперь стало похоже, будто он никак не может перестать пожимать плечами – к немалому веселью других посетителей распивочной, за исключением нескольких, оказавшихся приятелями вора. Они набросились на Анаксимандра, надеясь силой утащить его с собой.

Сириус пробрался сквозь толпу к Натану и ухватил его зубами за штаны. Гэм что-то сердито бормотал себе под нос, но когда Присси положила ладонь ему на плечо, он прикрыл глаза, потер пустую глазницу и начал трястись всем телом.

Анаксимандр, окруженный плотной массой тел, поднялся на задние лапы, так что несколько человек повисли на его шее, и повернулся к одному, который уже лежал на полу. Он обрушился всем весом на позвоночник лежавшего, и тот переломился, как ломается осенью сухой прутик. Затем комната оросилась фонтаном крови: пес зарылся в тело огромными лапищами, раздирая его одежду, кожу, грудную клетку, внутренние органы с такой же легкостью, с какой обычная собака раскапывает землю в поисках трюфелей или разрывает чью-нибудь нору или просто делает это ради удовольствия покопаться. Видя, как обернулось дело, люди, накинувшиеся было на Анаксимандра, поспешили раствориться в толпе.

Удостоверившись, что его неприятель мертв, Анаксимандр остановился. Все вокруг было залито кровью, и хозяйка распивочной, вышедшая из своей каморки возле лестницы в погреб, была недовольна.

– Я не потерплю, чтобы в моем помещении устраивали кровавую бойню! – завопила она, и посетители покаянно поникли головами. – Чья это собака?

– Мадам, – отозвался Анаксимандр, – я не признаю над собой хозяина. При всем том, однако, я приношу свои извинения за беспорядок, который мое появление вызвало в привычном функционировании вашего заведения.

Женщина была явно удивлена, когда он заговорил, однако хозяйкам распивочных в процессе работы приходится видеть немало удивительного.

– Извинения дешево стоят, – непоколебимо возразила она. – Извиниться легче легкого, а вот чтобы убрать здесь всю эту кровищу, придется поработать. Что ты на это скажешь?

Анаксимандр кивнул:

– В ваших словах есть правда. Если бы мои лапы позволяли заниматься уборкой, я бы охотно вам помог, но это не так. Какие еще услуги я могу вам предложить?

Хозяйка выдернула из подбородка длинный седой волос, улыбнулась и жестом пригласила пса в задние помещения.

– Эй, коллега! – позвал Анаксимандр. – Мне нужно выполнить данное обязательство; я вернусь, когда закончу.

Сириус пробрался к нему через толпу – впрочем, после случившегося посетители сами спешили освободить для него проход. Подойдя к Анаксимандру, он понюхал его и тихо заскулил.

– Не бойся. Я прекрасно подготовлен к любым неожиданностям.

Сириуса его слова, кажется, не успокоили – даже наоборот, расстроили еще больше. Натан шагнул к нему и положил руку на его ошейник, погладил по шее.

– Свободной собаке следует соблюдать достоинство в своих поступках, – сказал ему Анаксимандр. – Мы с Сириусом оба должны не забывать об этом, и я собираюсь подать ему пример. Прошу тебя, Натан Тривз, позаботься о Сириусе на протяжении моего недолгого отсутствия и позволь ему заботиться о тебе. Я постараюсь вернуться как можно скорее.

С этими словами он следом за хозяйкой скрылся в задней комнате.

Видя, что его товарищ ушел, Сириус отстранился от Натана, и на мгновение тот почувствовал страх, вспомнив крышу и звук, с которым пес отгрызал лица у трупов. Сириус поднялся на задние лапы и опустил тяжелые передние на плечи Натана, заставив его отступить на

шаг, скривившись от боли в руке. Однако, вместо того чтобы нападать, пес внимательно поглядел прямо в глаза мальчика.

Он был таким тяжелым, что вскоре рука Натана больше не могла выдерживать его вес. По-видимому, увидев проявившееся на его лице страдание, Сириус опустился на землю и лизнул руку Натана, залив его рану слюной и слегка повизгивая. Это не уредило боль, но и не причинило новой; и когда Натан вернулся к столу, где недавно сидели Присси с Гэмом, Сириус позволил ему вести себя за ошейник.

Однако их друзей там больше не было – на том месте сидели двое мужчин, настолько пьяных, что воздух вокруг них казался мглистым и слегка дрожал, словно на жаре. Не желая присоединяться к косноязычной беседе и вдыхать алкогольные пары, сопровождавшие каждое их слово, Натан с Сириусом вышли наружу.

XXXVIII

Гэма с Присси не было и снаружи, так что Натан отправился домой, намереваясь после этого заскочить в берлогу. Сириус пошел с ним.

Променад показался ему значительно более грязным, чем прежде, более неопрятным и унылым. Люди тоже выглядели слабее и даже ближе к смерти, чем когда-либо. Натан шел, выпрямившись, с Сириусом возле ноги, и когда возле очередной сляпанной из гнилых досок лачуги им попадалась подозрительная или угрожающая фигура или на улицу просачивались звуки побоев, он не съеживался, как сделал бы раньше, и не пытался нырнуть в тень, надеясь, что его не заметят. Наоборот, он выпрямлялся еще больше и продолжал идти с таким видом, будто его ничто не тревожило – будто ничто *не могло* его потревожить.

Люди тоже относились к нему по-другому. Это они теперь избегали глядеть ему в глаза, это они скрывались в своих лачугах, чтобы не встретиться с ним, и теснее прижимали к себе своих грязных детей, когда он приближался.

Морской туман накатывал на улицы – но Натан не отступал и перед ним, двигаясь так, словно его здесь не было, проламываясь сквозь него, заставляя его расступаться, как если бы и самому морю следовало поостеречься.

Впрочем, когда он подошел к месту, служившему его родителям убежищем от внешнего мира, все это куда-то делось, и он почувствовал, будто стал на шесть дюймов короче. Даже присутствия Сириуса оказалось недостаточно. Он ощущал зазор между воротником своей рубашки и шеей, между штанинами и носками; его тело дрожало, плечи ссутулились. Каждый угол этой полуразвалившейся груды досок, каждая щелочка, сквозь которую сочился наружу свет от свечей, каждый порыв ветра, доносивший до него запах догоревших фитилей, делал его меньше, ослаблял, заставлял вернуться к самому себе. К тому времени, когда Натан подошел к двери и услышал кашель своего отца, он уже вновь чувствовал себя крошечным, словно

младенец, оставленный на склоне холма замерзать под ледяным дождем.

По-видимому, ощутив его чувства или просто поняв, что ему плохо, пес потерял о его ногу, предлагая утешение. Натан, однако, не мог его принять: внезапно ему показалось, что он этого недостоин. Как он объяснит матери присутствие Сириуса? А что, если тот напрыгнет на его отца? Сириус может убить его даже выражением приязни!

Натан приказал Сириусу ждать снаружи, все еще не уверенный, что тот послушается. Однако пес уселся в Живой Грязи, и мальчик прошел последние несколько ярдов в одиночку.

Откинув в сторону занавеску, он почувствовал облегчение: внутри было пусто. Ничья одежда не висела на спинке стула, возле дверей не стояли ничьи сапоги с исходящими паром шерстяными носками, повешенными на голенища; не было слышно ничьих поспешно заглушенных стонов и неловкого копошения. Его мать лежала под простынями одна. Не желая ее будить, Натан прошел мимо и подошел к постели отца. Ему было хуже, это было очевидно. Лекарство, которое дал Пэдж, все же оказалось пустышкой – какое-нибудь наскоро состряпанное снадобье из анисового масла и скипидара. А может быть, легочные черви уже слишком угнездились в теле, заполнив каждый его дюйм. Отец лежал, словно увядший цветок, словно принесенный ветром лоскут, словно пустая яичная скорлупка на пустынном пляже. Натан нерешительно подошел, задерживая дыхание, будто от давления движущегося воздуха тот мог рассыпаться в пыль, оставив лишь скомканные простыни.

Его отец лежал с открытыми глазами, сухими и воспаленными, поскольку он почти не моргал, раздвинув губы, сухие и воспаленные, поскольку он их не закрывал; на его лице застыло выражение напряженной сосредоточенности. Когда Натан появился в его поле зрения, концентрация оказалась нарушенной. Отец пружинным ножом сложился пополам, раскрыв рот в беззвучном вопле, словно подавившись препятствием, которое у него никогда не хватит сил преодолеть. Его серо-голубая кожа в одно мгновение потемнела; и, может быть, это была игра света и теней от мигающего свечного пламени, но Натану показалось, что даже под тонкой кожей отца он видит червей – движущихся, извивающихся, энергичных, имеющих

больше права называть себя живыми, нежели содержащая их человеческая оболочка. Они дожидались времени своего владычества, когда смогут наконец отбросить эту хрупкую, слабую скорлупу, явиться во всей силе и расплодиться, выбросив в воздух облако спор, чтобы морской туман унес их к следующему телу, слишком слабому, чтобы им противостоять.

Мать стояла за его спиной. Ему не нужно было оборачиваться, чтобы понять, что она там; о ее появлении провозгласили ее духи – густой аромат лаванды, достаточно терпкий, чтобы у него защипало уголки глаз, но недостаточный, чтобы скрыть другой, более глубокий запах – грязи и слез.

– Ничего не выходит, Натти. – Она положила руку ему на плечо: овальные ногти, красные от свинцовой краски, черные на концах, где краска облупилась. – Не знаю, что я буду без него делать.

Она прижалась к Натану сзади, притянула к себе и обхватила руками поперек груди. Натан отстранился. Отец теперь лежал в позе эмбриона, свернувшись словно лишенная панциря мокрица: сжавшись, чтобы противостоять атаке, но не имея никаких средств защиты.

– Сделай это, Натти.

Натан наконец повернулся. Она была меньше ростом, чем ему помнилось, словно находилась где-то далеко или словно он смотрел на нее сквозь линзу. Ее шелковая комбинация была порвана на плече, глаза заново выкрашены черным.

– У тебя сегодня было много работы?

Она вздрогнула, но не выглядела пристыженной.

– Сделай это!

– Что я должен сделать?

– Ты знаешь.

Он знал. Знал – и уже чувствовал, как оно поднимается внутри, где-то в животе. Он чувствовал это в поджилках, в своей больной руке. На его загривке зашевелились волосы.

Натан повернулся к отцу – и понял, что, кажется, решение уже принято за него: на отцовской щеке, словно черная хлопковая нитка, извивался червь. Он крутился, пробираясь сквозь длинную щетину по направлению к глазу, в то время как страдалец тщетно пытался его сбросить.

Натан схватил отца за плечи – и Искры, подобные тем, которыми он открывал сейф, похожие на чешуйниц, явились легко, без принуждения, словно они лучше самого Натана знали, что надо делать. Они ринулись с кончиков его пальцев, вызвав в них небольшое жжение (невероятно синие в этой промозглой, черной от плесени хибаре, словно солнце, восходящее над помойной ямой, словно сапфиры, валяющиеся в грязи), и устремились к раскрытому рту его отца. Первая искорка скользнула внутрь, вторая сожгла дотла нитевидного червя на его щеке. Затем они хлынули всем скопом, заполняя его хрупкое тело.

По-видимому, отец был готов это допустить. Он закрыл глаза, и его мышцы расслабились: напряжение спадало, Искры приносили ему облегчение одним своим присутствием. Натан скрипнул зубами (его рука внезапно запротестовала), однако Искры сыпались потоком, тысячами, освещая каждую прогнившую, изношенную поверхность их жилища, отбрасывая тени, которые плясали вокруг, словно послеобразы болотных огней. Он проник внутрь отца, нащупал червей – их плотную, копошащуюся массу – и направил на них испепеляющий поток, лишая их земной формы, превращая их в призраки легочных червей, уносимых прочь ветрами той стороны, слишком слабых даже для того, чтобы остаться здесь в качестве привидений.

Но затем из глубины отцовского тела послышалось глухое рычание, словно грохот трущихся друг о друга камней при землетрясении. Оно все нарастало, и огоньки свечей принялись мигать, будто соревновались, кто привлечет больше внимания. Натан не останавливался. Он направлял вглубь все новые Искры, побуждая их двигаться, как бы ни было больно; это давалось легко, словно он катал ртутные шарики по жестяной тарелке, наклоняя ее то в одну, то в другую сторону, глядя, как они сливаются воедино и кружат вдоль края, все быстрее и быстрее, выжигая из его отца дочиста всю заразу.

Звук прекратился. Натан увидел отца перед собой – над собой. Его руки обхватили Натанову шею. Они были тонкими, как бумага, словно вырезанные из папиросной бумаги выкройки, какие делают для себя перчаточники, однако хватка оказалась неожиданно сильной, и Натану пришлось тоже поднять руки, чтобы оторвать их от себя. Поток Искр прервался; они посыпались на землю, угасая там, словно искорки от

выковываемой в кузнице подковы – вспыхивая на секунду и тут же превращаясь в ничто. Натан оторвал отцовские руки от своей глотки. У отца не хватало одного пальца – указательного. На его месте был лишь обрубок, красно-черный, покрытый недавно запекшейся кровью.

Натан поднял глаза и встретил отцовский взгляд.

– Умри... но только не это... – выговорил отец, и Натан поначалу решил, что отец действительно хочет его задушить, что он желает ему смерти; однако затем взгляд отца смягчился, и Натан понял.

– Почему, папа? Что в этом такого плохого?

– Быть богом, Натан... значит... быть дьяволом, – проговорил отец. Каждое слово вываливалось из него, словно птенец из покинутого гнезда. – Лучше умереть... чем быть богом.

Он возвел взгляд к небесам, наморщив лоб. Потом его рот захлопнулся: у него больше не было сил ни говорить, ни стоять. Однако прежде, чем упасть обратно на кровать, он поднял руку и обвел ею перед собой, ладонью кверху, охватив этим жестом все помещение и остановившись на матери Натана. Потом он шмякнулся на постель и тут же снова сложился пополам, возобновив свое сражение с легочными червями – сражение, в котором он не мог победить, даже несмотря на то, что врагов теперь стало меньше.

Натан повернулся к матери и увидел, что та дрожит. Ее зубы были оскалены, кулаки сжаты.

– Говорю тебе, сделай это! Не слушай его, он слишком слаб! Излечи его, Натан, верни его обратно!

– Я принесу еще лекарства. Другого лекарства, настоящего. Может быть, теперь оно подействует.

– На это нет времени!

– Я пойду прямо сейчас.

– Если ты сейчас уйдешь, ты больше не мой сын.

– Но, мама...

– Делай, что я сказала!

– Я не могу!

Сириус караулил его снаружи, и стоило Натану появиться на пороге лачуги, как пес тотчас потащил его к фигуре, стоявшей поодаль в тени. Это была Присси. Она ломала руки в полном отчаянии, явно желая подойти и в то же время боясь подходить слишком близко.

– В чем дело? – спросил у нее Натан, взяв ее ладони в свои и успокаивающе их поглаживая.

– С Гэмом беда, – торопливо заговорила она. – Мы всю дорогу до берлоги спорили насчет Джо. Гэм говорит, что во всем виноват Пэдж. Он сказал, что накажет его за то, что он сделал...

Сириус подбежал к ним и принялся обнюхивать ее ноги. Она подняла одну ногу, потом другую, но он продолжал нюхать и лизать, пока Присси не погладила его по морде.

– Я пришла напрямик сюда... Натан, Пэдж его убьет! Убьет, как пить дать!

Пэджа не было за его обычным столиком; не было видно и его хорошо одетых друзей. Несколько человек окинули Присси с Натаном мимолетным взглядом, еще кое-кто уставился на них, но если они и принадлежали к подручным Пэджа, то ничем этого не показали.

– Наверное, он на Мушином дворе.

Не останавливаясь, Присси кинулась туда, лишь повернувшись посмотреть, следует ли за ней Натан, но не замедлив шага. Сириус побежал за ней.

Уже стемнело. Вдали от отца Натан чувствовал, как энергия Зуда шевелится под его кожей, словно гнев. Он бежал следом за Присси, чувствуя во рту кислый вкус.

Возле задней калитки перед Присси выросли двое, люди Пэджа, со скрещенными на груди руками. Увидев ее взгляд, брошенный на Натана, они тут же высвободили руки и кинулись к нему со сжатыми кулаками, действуя слитно, словно зеркальные отражения друг друга.

– Мистер Пэдж хочет с тобой поговорить, – рявкнули они в один голос.

Натан не остановился, и его Зуд не утих. Когда он подбежал к ним, они протянули к нему руки, желая схватить его, сбить с ног, поволочь к своему боссу; однако Натан Почесал прежде, чем они успели до него дотронуться, и Искра хлынула из него потоком, прожигая кожу, из самых его костей и сухожилий, направляясь к ним. Оба застыли на месте. Продолжали двигаться только их зубы, клацавшие во ртах, словно игральные кости в стаканчике, перед тем как их бросят на стол. На протяжении нескольких секунд Искра стремилась не разрывать контакта с этими людьми, закончить начатую в них работу, превратить их в призраки; и на протяжении нескольких секунд Натан желал, чтобы она сделала это. Но потом желание угасло, словно огонь, залитый дождем.

Сириус прыгнул на ближайшего к нему мордоворота, сбив его с ног своим массивным телом, но Присси уже распахнула калитку во двор и кинулась внутрь, вынудив пса последовать за ней. Натан не отставал.

Гнилостное зловоние сегодня чувствовалось сильнее, чем прежде, мухи роились в большем количестве; возле одной стены были навалены ободранные туши, готовые к разделке, но Натан почти не уделил им внимания. Присси бросилась к двери, за которой располагался офис Пэджа, Натан с Сириусом держались рядом. Дверь оказалась незапертой. Пэдж стоял за ней на расстоянии пары шагов. Бросив на Натана лишь самый поверхностный взгляд, словно тот ничего собой не представлял, он повернулся к Присси, приветствуя ее насмешливым полупоклоном и взмахом руки, а выпрямившись, сомкнул свои толстые губы и причмокнул, изображая воздушный поцелуй.

– Благодарю вас, дорогая, – проговорил он. – Это избавит меня от весьма утомительной прогулки.

Гэма нигде не было видно.

– Где он?

– «Где он»? «Где он»? Как это невежливо – не называть людей по именам! «Прошу вас, мистер Пэдж, скажите, пожалуйста, где находится мой друг Гэм Хэллидей...» – вот как это должно звучать. Даже твоя собака лучше воспитана!

Натан шагнул вперед, в темноту; и хотя боль в руке ограничивала действие Искры, он увидел в зеркале Пэджа собственный силуэт, оконтуренный синим: белки его глаз и зубы сияли светом, горевшим у него внутри.

Пэдж поднял брови и распахнул свой сюртук. К шелку и войлоку его жилета было что-то приколото – то ли брошь, то ли амулет в виде бараньей головы. Оно было размером с кулак и состояло из двух частей, соединенных шарниром, так что внутри можно было хранить мелкие предметы. Пэдж снял с одного из рогов зацепившуюся нитку, покатал нитку между пальцами и щелчком отправил получившийся шарик в Натана. Шарик ударился ему в грудь. Вспыхнув, Натан шагнул вперед.

– Не переоценивай свои силы, малыш Тривз. Твою шавку я уже спровадил, а содержимое этого талисмана способно защитить меня от твоих сил – по крайней мере частично.

Неужели Анаксимандр уже побывал здесь? Или он имеет в виду Сириуса? Натан был настолько переполнен гневом, что у него путались мысли.

– Где Гэм?

Пэдж, казалось, не расслышал вопроса.

– Конечно, если ты окончательно впадешь в неистовство, то, без сомнения, сможешь преодолеть его действие, – продолжал он. – Но боюсь, эта твоя вторая шавка и твоя милашка-подружка окажутся менее устойчивы к синему пламени, чем я. И кроме того, если ты причинишь мне вред, кто отведет тебя туда, где я спрятал твоего доблестного собрата по сточным канавам? Как ты сам видишь, здесь его нет, а у такого человека, как я, имеется множество потайных местечек по всему городу. Пока ты его ищешь, малыш Гэм помрет с голоду, а то и чего похуже! Так что давай-ка поменьше драм, и займемся лучше насущными делами, ладно? Где мой медальон?

– Сперва верните Гэма. И отдайте мне лекарство, которое вы мне должны.

– Что-о?

– Лекарство. От вашего не было никакого проку.

– Тривз, ты поистине меня удивляешь! Я уже давно забыл о каком-то там лекарстве! Что, оно оказалось неэффективным? В таком случае тебе следует пожаловаться фармацевту, который его изготовил. Я не больно-то сведущ в этих делах.

– Оно мне нужно!

– Это не моя проблема. Перед тобой была поставлена задача: украсть медальон. Ты отдашь мне его немедленно, или я позабочусь о том, чтобы Гэм не вышел живым оттуда, где он находится сейчас. Все очень просто.

– Я вам не верю. Кто будет выполнять для вас грязную работу, если вы убьете Гэма?

Пэдж покачал головой, словно не мог поверить в то, что слышал.

– Натан, ты поистине человек-загадка! Ты являешься в мой бизнес, тринадцатилетний паренек родом из ниоткуда, и принимаешься проворачивать дела, перед которыми спасовала бы любая из моих профессиональных команд, укрощаешь волшебных собак, приобретаешь такое имя, что всего лишь двое из моих охранников нашли в себе смелость явиться сюда сегодня вечером. Сейчас ты стоишь передо мной, великим и ужасным мистером Пэджером, дрожа от ярости и вынашивая мысли об убийстве. И все это – паренек, до сих пор живущий со своей матерью! И тем не менее ты

задаешь вопросы, какие способен задать только полный глупец. Гэм мне больше не нужен, даже если б не эта его попытка меня убить. Он больше не будет выполнять ничью грязную работу. Его место уже занято, он остался в прошлом! Если у меня появится грязная работа, которую будет необходимо сделать, я приду с ней к тебе.

– Поищите кого-нибудь другого!

– Возможно, я так и поступлю; но, с другой стороны, возможно, мне удастся каким-либо образом убедить тебя использовать твои таланты в моих интересах. Любого человека, Натан, можно запугать – можешь спросить об этом своего драгоценного Гэма, когда получишь его обратно... Как бы там ни было, насущный вопрос все еще остается без ответа: у тебя имеется товар, который нужен моему клиенту. Я предлагаю простой обмен, но это должно быть сделано сегодня. Медальон ведь у тебя?

Пэдж был явно обеспокоен: при каждом упоминании медальона его рука взлетала вверх, убирая сальные волосы со лба, тянулась в карман за зеркальцем, но останавливалась на полпути. Было и еще что-то, о чем стоило бы подумать, но Натан никак не мог сообразить что.

– Отдай ему медальон! – взмолилась Присси.

Натан кивнул.

– Вот и ладненько. Тебе придется пройти со мной. Я отведу тебя туда, где находится Гэм.

– Надеюсь, вы не причинили ему вреда.

– Об этом немного поздно говорить. Конечно же, я причинил ему некоторый вред; но ничего слишком серьезного с ним не случилось.

– А лекарство?

– Что лекарство?

– Оно мне нужно.

– Ну так возьми его! Тебя что-то останавливает?

Натан поник головой.

– Я не знаю, где его взять.

Пэдж остановился с раскрытым ртом, словно питон, готовящийся проглотить целого козленка. Потом он принялся хохотать – долго и громко, словно за всю жизнь не слышал ничего настолько смешного. Наконец, успокоившись, он утер слезы со щек.

– И вдруг он ни с того ни с сего снова превращается в потерявшегося малыша! Нет, это действительно слишком! Что ж, мой

дорогой, так и быть, дядюшка Пэдж завернет с тобой к фармацевту по дороге к тому месту, где томится юноша Хэллидей. Я покажу тебе, как это делается, – в качестве жеста профессиональной вежливости. А после этого потребую от тебя ответной услуги, которую ты мне задолжал. Что ты думаешь на этот счет?

Натан кивнул, и Пэдж показал ему на дверь.

Посередине Торгового конца, на полпути вниз, располагалась лавка – ничем не отличающаяся от других таких же, но с вывеской в виде двух борющихся змей, обвившихся вокруг ветки. Присси с Сириусом остались поодаль, а Пэдж и Натан подошли к двери. Пэдж резко постучал в нее набалдашником трости. Ничего не произошло. Пэдж постучал еще раз. Немного времени спустя за выпуклым дверным стеклом показался колеблющийся свет, и чей-то голос раздраженно крикнул:

– Закрыто! Вам придется подождать до завтра!

Пэдж ухмыльнулся и кашлянул, затем сменил выражение лица, изображая взволнованного аристократа:

– Мой добрый сэр, я не стал бы вас беспокоить, если бы дело не было абсолютно неотложным! Моя жена испытывает сильные боли, ей необходимо болеутоляющее!

Пэдж глянул на Натана с заговорщической улыбкой.

– Я сказал, завтра! Вы что, оглохли?

Свеча была уже по ту сторону двери, и Натан мог различить очертания пожилого человека в ночной сорочке.

– Умоляю вас, сэр! Я щедро заплачу!

Пэдж вытащил из кармана жилета две блестящие золотые монетки и позвенел одной о другую. При этом звуке фармацевт приник к дверному глазку, перед которым Пэдж выставил свои монеты, поворачивая их так и этак, чтобы они получше сверкали.

– Хорошо, подождите.

Послышался звук отпираемых замков и отодвигаемых щеколд.

– Как вы понимаете, мне, разумеется, придется взять с вас дополнительную плату за неурочный час...

Стоило двери открыться на щелочку, как Пэдж распахнул ее ударом ноги. Трость, которой он стучал в дверь, скрывала в себе смертоносный клинок, и теперь Пэдж вытащил его и приставил к шее старика, жестом показав Натану, чтобы тот проходил внутрь. Натан повиновался, прикрыв за собой дверь.

– Чего вы хотите? – пролепетал фармацевт.

– Чего я хочу? Что за дурацкий вопрос! Я много чего хочу.

Надавив на клинок, Пэдж заставил старика прошаркать в гостиную. Помещение было безупречно прибрано; на крышке большого концертного рояля теснились сувениры и безделушки, кружевные салфеточки и миниатюрные портреты детей и внуков, племянниц и дальних родственников. Пэдж сдвинул острие на дюйм вверх, так что оно уперлось фармацевту под челюсть.

– Чего я хочу... Где твоя жена, спит наверху?

– Умоляю, не надо ее будить! Я отдам все, что вам нужно! Только не будите мою жену, она ужасно нервная! Она может умереть от потрясения!

– Будить? Я бы ее не просто разбудил – я бы еще не то с ней сделал! Я бы взял нож и отрезал ей губы, а потом заставил их съесть. Я бы выковырял ей глаза и заставил ее их жевать! Я бы выбил ей зубы и заставил их проглотить! Чего я хочу... Лучше даже не спрашивай, чего я хочу! Но тебе повезло: сегодня тебе предстоит осчастливить не меня, а вот этого молодого человека.

Натан отступил назад, но Пэдж поощрительно подмигнул ему. Делать было нечего.

– Мне нужно лекарство от легочного червя...

– И смотри, чтоб оно подействовало! Не то мы придем опять.

– Настойка от легочного червя? Да, она у меня есть. Но вы же понимаете, я не могу гарантировать эффективность...

– Совсем-совсем не можешь? – с нажимом переспросил Пэдж.

– Если случай очень запущенный, уничтожение червей может оказаться равнозначным убийству пациента! К тому же некоторые черви к ней невосприимчивы... Нет, я не могу с уверенностью сказать, что она подействует.

– Значит, не можешь? Однако я настаиваю! – Обхватив шею фармацевта одной рукой, Пэдж поднес клинок к его левому глазу. – Ну-ка подумай, как тебе удобнее гарантировать эффективность твоего лекарства, с двумя глазами или с одним? Или вообще без глаз? Тебе решать.

Старик залепетал что-то невнятное. Кончик ножа вонзился в белок, и несчастный попытался вскрикнуть, однако Пэдж хорошо знал свое дело: в одно мгновение клинок убрался от глаза, а вторая рука зажала старику рот.

– Когда я освобожу тебе рот, ты гарантируешь моему другу, что твое лекарство подействует. Если ты этого не сделаешь, я переложу нож в другую руку и мы начнем все сначала. Ты меня понял?

Старик отчаянно закивал, и Пэдж позволил ему говорить.

– Я... я гарантирую!

– Вот и умница. Твой кабинет там, сзади, я правильно понимаю? Пойдем. Мы вместе выберем самую свежую партию, а мой друг пока отдохнет в твоём превосходном кресле.

Когда они вернулись, Пэдж держал в руках пакет, завернутый в белую восковую бумагу.

– Что ж, прощай до поры до времени, – сказал он фармацевту. – Твой клиент, без сомнения, надеется, что вторая доза ему не потребуется; я же со своей стороны очень надеюсь на возобновление нашего знакомства! Доброй ночи!

Пэдж поклонился и широким жестом захлопнул дверь. Он стоял перед Натаном, охорашиваясь, явно очень довольный собой и уверенный, что Натан тоже оценит качество его работы.

– Вот так, Натан Тривз, добывается снадобье от легочного червя. Раз-два, и дело в шляпе! Никто не пострадал (ну, почти), и снадобье готово к применению.

Пэдж передал ему пакет.

– Если бы ты сам догадался сделать то, что я сделал сейчас, то обнаружил бы, что не должен никому оказывать никаких услуг, меньше всего мне... Впрочем, возможно, тебе мешает твоя щепетильность? Ты бы предпочел, чтобы я занимался тем, чем не хочешь заниматься ты, а у тебя вообще не возникало такой необходимости? Все это очень хорошо, но за чистую совесть, Натан, надо платить. Ты еще молод. Ты не выучил этот урок на собственном горьком опыте. Без сомнения, ты считаешь меня монстром; однако надеюсь, что со временем ты изменишь свои представления.

Из-за отворота своего бархатного сюртука Пэдж вытащил свиток, который они выкрали у человека с родимым пятном, а из кармана достал перо.

– Ох, боже мой, – проговорил он. – Кажется, у меня нет при себе чернил...

Он демонстративно обхлопал себя с головы до ног, а затем, словно это было самой естественной вещью на свете, ткнул острым концом пера в собственную ладонь.

– Не самый эффективный способ, но в минуту нужды к чему только не прибегнешь. – Пэдж ковырял ранку, пока на его ладони не образовалась лужица крови, потом обмакнул в нее перо. – Ты ведь знаешь, как пишется твое имя, правда, Натан?

Тот кивнул: отец когда-то давно показал ему – так давно, что он уже не помнил, при каких обстоятельствах. Он помнил только лицо отца, какой гордостью оно вспыхнуло, когда у Натана получилось овладеть этим искусством. Поэтому, когда Пэдж протянул свиток, он неуклюже, но смело начертил на нем нужные линии, означавшие «НАТАН».

– Вот и прекрасно! – проворковал Пэдж, чье лицо тоже озарилось, хотя и гораздо менее благородным чувством, нежели отцовская радость по поводу успехов сына. – Будем считать, что мы друг с другом в расчете.

Пэдж провел их по боковым улочкам Торгового конца к ничем не примечательному дому возле булочной.

– Вход в подвал сзади дома, – сообщил Пэдж. – Может быть, попробуем больше доверять друг другу? Вы отдадите мне медальон, а я вам ключ. Нет? Предпочитаете, чтобы я пошел с вами? А что, если вы воспользуетесь вашим численным превосходством и нападете на меня, что тогда? А вдруг я вас обманываю и, как только вы войдете в подвал, запру за вами дверь? Похоже, вам изменяет воображение, или у вас просто нет опыта в таких делах. Ну что ж, зато я бывалый волк. Натан, берите ключ! Я подожду здесь, на холоде, пока вы не удостоверитесь в моих благих намерениях. Видите, как я вам доверяю? Пусть это послужит вам еще одним уроком.

Натан взял у него ключ.

– Только не приходите в ужас, когда его увидите. Похитить такого паренька, как Гэм, не так-то просто: он задал нам работы.

– Что вы с ним сделали? – взвизгнула Присси.

Пэдж пренебрежительно отмахнулся:

– Ерунда! Сломанные кости срастаются, раны затягиваются. Вы даже не заметите, как ваш дружок снова обретет свой обычный вид.

Присси выхватила у Натана ключ и метнулась к люку, ведущему в подвал. Натан сунул руку за пазуху и вытащил медальон.

– Не знаю, почему вы так хотите его заполучить.

Пэдж облизнул губы и протянул руку ладонью вверх. Натан опустил медальон ему в руку, придерживая за цепочку, потом выпустил и ее. Стоило Натану разжать пальцы, как Пэдж накрыл медальон второй ладонью; его вкрадчивая масляная улыбка расплылась по всему лицу, разрезав его пополам, от одной пухлой щеки до другой. Пэдж взглянул на свою улыбку в зеркальце – и поклонился Натану. Когда он выпрямился, на его лице было непривычное, неудобное для него выражение сочувствия, чуть ли не сомнения, словно Натан слишком быстро проиграл ему в шахматы. Тем не менее он так ничего и не сказал, а просто повернулся и скользнул в ночную тьму.

– Натан! – В вопле Присси слышались слезы.

Гэм валялся за бочонком. Он мог показаться спящим (дышал он словно человек, погруженный в глубины беспокойного сна, то быстро, то медленно, с клокочущей в глотке слюной), однако его глаза были открыты, а взгляд устремлен в деревянную стенку бочонка перед ним. Его мертвый глаз разбух от отека, второй был красным словно вишня; губа была рассечена, так что с каждым выдохом изо рта вылетали мелкие брызги крови.

– Простите меня, – выговорил он. Его левая рука была подвернута под тело под таким углом, что было понятно – с ней что-то не так. – Пэддж меня заставил... Джо... Он сказал, если я этого не сделаю, его люди убьют Присси. Сказал, что порубит ее на куски и скормит своим посетителям... Такое уже бывало.

В его грудной клетке было что-то, сломанное ребро или кровоподтек, заставлявшее его морщиться при каждом слове.

Лицо Присси не могло выбрать, какую эмоцию отразить в первую очередь: озабоченность из-за того, что Гэма так избili, гнев на Гэма за убийство Джо или благодарность за спасение от Пэджа.

– Ты... ты... ты... – начала она, но не смогла справиться со своим смятением.

– Но ведь вы с Джо дружили, – сказал Натан.

Гэм принялся всхлипывать. Было так странно видеть его доведенным до такого состояния (он был практически как ребенок!), что Присси с Натаном вдруг тоже ощутили себя детьми, маленькими, слабыми и беспомощными. Возможно, Гэм почувствовал это, поскольку внезапно выражение его лица изменилось, и он перестал всхлипывать, словно его печаль подавалась через кран, который он мог в любой момент закрыть.

– Он обещал мне, что ты его вернешь, Натан. «Не беспокойся, Гэм, – так он сказал. – Натан все исправит...» Почему ты его не исправил?

– Он пытался, – вздохнула Присси, – но ничего не получилось.

Гэм кивнул.

– Конечно. Как это могло получиться?

– Я заставлю его расплатиться, Гэм, – сказал Натан. – Пэддж заплатит за это.

Гэм угрюмо покачал головой:
– Нет. Это я беру на себя.

Сириус вдруг настороженно застыл, шерсть на его загривке встала дыбом, мышцы на груди напряглись, а взгляд приобрел отстраненное выражение, словно он смотрел на что-то помимо того, что находилось прямо перед ним. Он оскалил зубы и обнажил клыки, так что его морду перерезали морщины, затем повернулся и встал на задние лапы, положив передние Натану на грудь. Он был таким тяжелым, что мальчик пошатнулся, а его колени подогнулись.

Присси, подбежав, принялась отгаскивать пса, потом толкать, но тот не обращал на нее внимания. Устремив на Натана пристальный взгляд, он открыл пасть и задвигал челюстью, словно пытаясь что-то сказать; однако, поскольку Анаксимандра с ними не было, переводить его речь было некому.

Натан протянул руку и осторожно погладил пса по шее. Тот опустился на четвереньки, схватил Натана за пояс и, рыча, потащил к двери. Натан кинул взгляд на Присси, и та отступила, оставив попытки его освободить. Он погладил Сириуса по морде, поглядел ему в глаза. Пес ослабил хватку.

Собачья морда не настолько выразительна, как человеческое лицо, но и не так уж сильно от него отличается. В ней, в особенности в глазах, есть что-то человеческое, словно человек оказался заперт в теле собаки, или словно собака тоже человек, только испорченный: деформированные ноги, деформированные руки, деформированный череп. Натан сумел увидеть намерение пса, и Сириус увидел, что его поняли, хотя бы частично, или, по крайней мере, что Натан согласен к нему прислушаться, хоть он, Сириус, и не умеет говорить.

Пес отпустил его пояс, и Натан открыл дверь. Сириус опрометью ринулся в открывшийся проем, и Натан последовал за ним, жестом показав Присси и Гэму, чтобы они не отставали.

Они побежали обратно к трущобам. Сириус то и дело оглядывался через плечо; когда Присси с Гэмом отставали, он возвращался, чтобы их поторопить, а когда они прибавляли шаг, галопом убежал вперед.

Потом Присси встала как вкопанная, и сколько бы Сириус ни прыгал вокруг, ее было не сдвинуть с места. Гэм встал рядом и,

морщась, оперся на ее плечо, благодарный за передышку. Она показывала куда-то вперед с озадаченным лицом:

– Не может быть!

Натан поглядел в ту же сторону – вверх по склону, в направлении Торгового конца. Там, где над крышами высывалась труба с головой дьявола, недалеко от «Храма», в небо поднимался столб красного дыма. Хотя они и были слишком далеко, чтобы чувствовать запах камфоры, это несомненно был их сигнал: «Чрезвычайная ситуация. Срочный сбор».

– Не может быть, – повторил Натан вслед за Присси.

– Что еще это может быть? – вскричала она. – Джо!

Присси бросилась бежать, не оглядываясь; Гэм заковылял следом, прихрамывая и с трудом поспевая за ней.

Натан повертел в руках лекарство. Он заколебался, но выбор был очевиден. Сириус гавкнул дважды: один раз в сторону удаляющихся фигур Гэма и Присси, второй – в лицо Натану, и они оба припустили обратно в трущобы, в Конюшенные ряды.

Натан сразу же увидел, что беспокоило Сириуса. Этот силуэт, вырисовывающийся под проливным дождем, было ни с чем не спутать. Разрезающая воздух лопасть огромного носа; высокий, похожий на дымовую трубу цилиндр, заломленный назад, словно под сильным ветром; прикрывающий горло пышный узел галстука; худосочные руки, длинные и беспокойные. Беллоуз!

Он был не один. Натан насчитал по меньшей мере пятерых – безглазые жаберники бегали вприпрыжку на полусогнутых ногах, обшаривая пространство между едва тлевшими под ливнем кострами. Беллоуз дегустировал воздух. Они находились в том районе трущоб, где гнали джин, но джин их не интересовал, иначе им не пришлось бы долго искать. Им было нужно что-то другое.

Натан притаился за штабелем гниющих досок.

Сириус продолжал рычать, переводя взгляд то на Беллоуза, то на Натана.

Беллоуз нюхал воздух, высоко задрал нос. Натан был слишком далеко, чтобы видеть раздувающиеся ноздри, но слышал его вдохи: как будто ветер задувал в бутылочное горлышко. Жаберники тем временем миновали Натана, копаясь в мусоре, забивавшем сточные канавы,

которые звались здесь улицами. Дом Натана был совсем рядом, до него можно было добежать в мгновение ока, но Беллоуз стоял прямо на его пути, и похоже, этот странный человек был исполнен решимости не сходить с места.

Длинная, сухая, как ветка ежевики, рука взметнулась вверх, и дождь забарабанил по всей ее длине. Жаберники замерли. Другой рукой Беллоуз полез за отворот своего сюртука, вытащил огромный белый носовой платок размером со скатерть, поднес его к лицу и шумно высморкался, согнувшись до земли, словно в подражание жаберникам. Потом стремительно выпрямился, двумя резкими взмахами сложил платок, сунул его обратно – и решительно указал в направлении Натановой лачуги.

Невзирая на больную руку, по спине Натана пополз Зуд. Им был нужен его дом!

Понукаемые Беллоузом жаберники двинулись вперед, и они были настолько увлечены, что Натан без труда смог последовать за ними незамеченным. Зуд разрастался, заполняя его спину и переливаясь вперед через ребра. Чего они хотят? А точнее, чего хочет их Господин?

Он рискнул подобраться ближе, Сириус держался сбоку, и постепенно в несмолкающем грохоте бьющихся о Морскую стену валов начал различаться голос Беллоуза, бормочущего себе под нос:

– Отвратительно... Ужасно... Антигуманно... – Он шумно нюхал воздух и бормотал не переставая. Обе его руки поднялись к огромному носу, поглаживая его, утешая, словно капризного ребенка. – Невыносимо... Такое зловоние...

Зуд продолжал набухать; еще немного, и уже ничто не сможет его сдерживать. Натан подобрался к Беллоузу поближе.

– Мерзость!..

Внезапно Натана схватили сзади.

– Почему ты идешь следом, трущобное отродье?

Мундир жаберника был застегнут до подбородка, так что щелей не было видно, но отсутствие глаз было ничем не скрыть. Еще один жаберник схватил Сириуса – обвился вокруг него, гибкий, как змея. Зуд уже добрался до Натановых зубов, так что, если бы даже он захотел что-то сказать, это было бы невозможно.

Пальцы жаберника ощупали Натаново лицо.

– Ты уличный воришка, я это чувствую. Ты хотел напасть на Беллоуза? Украсть его часовую цепочку? – Крепко придерживая Натана одной рукой, жаберник полез пальцами другой ему в рот. – Я чувствую содержание твоих мыслей, твое преступное намерение!

Пальцы были маслянистыми, словно кожа угря, но очень сильными – достаточно скользкими, чтобы Натан не мог их укусить, и достаточно сильными, чтобы задушить его.

Зуд был в его ногтях, в его костях, визжал на высочайшей ноте, словно тысяча хрустальных бокалов, вибрирующих в унисон. Эта вибрация сотрясала его руку, трепетала в ране, расплескивала по телу боль инфекции. Сириус гавкнул, но противник пса заставил его замолчать, задавил, стиснул его так, что не осталось воздуха. Сделав глубокий вдох, Натан задержал дыхание и поглядел жабернику в глаза – в те места, где они должны были находиться. Они были покрыты серой пленкой, тусклые и лишенные зрачков. Зато широко раздувались щели на месте его носа.

Тело Сириуса обмякло, но это была уловка, поскольку, когда жаберник встал, сочтя его мертвым, пес вихрем взметнулся и вырвал из него полосу плоти шириной в свою челюсть, от плеча до талии, так что обнажились внутренние органы, которые он немедленно закопал в Грязь.

Натан, не в силах больше сопротивляться, заполонил второго жаберника Искрой сквозь зажмуренные веки и мучительно стиснутые зубы.

Беллоуз стоял возле входа в лачугу Натана; другие жаберники выстроились по бокам, защищая его. Он был напряжен, словно собака, завидевшая мертвую птицу и указывающая на нее охотнику. Одной рукой он уперся в доски притолоки, другой помахивал в воздухе, подгоняя его к своим ноздрям.

Потом он вошел внутрь.

Натан сделал два быстрых шага вперед, потрескивая от энергии, переполнявшей его словно лихорадка, и Сириус последовал его примеру. Жаберники смотрели вслед Беллоузу и не видели их. Все могло получиться очень просто (у Сириуса были его зубы и когти, у Натана – его Искра), однако Беллоуз уже выбежал наружу, потирая ладони и похлопывая ими друг о дружку. Он указал жаберникам, в

какую сторону идти, и те поспешно покинули Конюшенные ряды, направившись кратчайшим путем к Стеклойной дороге.

Несколько секунд Натан глядел им вслед, потом бросился к лачуге – еще прежде, чем они скрылись из виду. Наплевать – если его увидят, значит, увидят; последствия его не заботили.

Внутри лачуги, на постели, лежал труп его отца. Он так мало отличался от того, каким выглядел, пока был живым, что Натан, сморгнув слезы, засомневался, действительно ли он мертв; но затем чувство чего-то недостающего – ощущение отсутствия – навалилось на него с новой силой, мощное, ошеломляющее. Он сел на кровать.

Сириус кружил по комнате, обнюхивая все подряд; возможно, озадаченный сходством запахов Натана и его отца, а может быть, чем-то другим, понятным только ему.

Натан вытащил из кармана куртки лекарство, которое Пэджд выбил из фармацевта, и оставил его у отца на животе.

Подошла мать и положила ладони ему на плечи. Так она стояла несколько минут, ничего не говоря, только ее руки сжимались и разжимались, словно волны, накатывающие и отступающие обратно. Натан не сводил глаз с отца. Хотя на что тут было смотреть? Разве он не знал всегда, что этот день когда-нибудь наступит?

Наконец Натан повернулся и посмотрел на нее. Она взяла обеими руками его лицо.

– Никто теперь не в силах тебя удержать, Натан. Никто!

Дождь прекратился, и костры, заново заправленные жиром, ярко пылали и плевались искрами, когда Натан с Сириусом вышли из лачуги.

Они спустились в канализацию. Все вокруг было ярко освещено; можно было явственно видеть изгибы стен там, где раньше они уходили во тьму и терялись в ней. Стены состояли из сотен и тысяч кирпичей, выложенных рядами; а прежде казалось, будто они сделаны из ничего – только темнота и грязь да звук капающей воды, мельтешение свечного пламени, неотчетливые детали, выхваченные на пару мгновений. Теперь вся эта сложная система, подсвеченная голубым огнем, лежала перед ними как на ладони, во всей своей ошеломительной сложности и идеальной симметрии.

Рана болела уже так, что ее невозможно было игнорировать. Натан расстегнул рубашку и осторожно стащил ее с плеча. Рука была багровой, в синюшных пятнах; под поверхностью кожи змеились вены, толстые, голубые, пульсирующие. Сириус тронул ее носом, лизнул, но, увидев, как скорчился Натан, тут же отступил назад. В том месте, где его укусила крыса, набухал рубец, ярко-красный и горячий, словно миниатюрный вулкан. При любом прикосновении он взрывался болью и сочился гнойной лавой, так что Натан лишь осторожно ощупал кожу вокруг, словно, приближаясь к нему с периферии, мог избежать его жара.

Он закрыл глаза. Дальше так продолжать было невозможно. Каждый раз, когда он Чесал Зуд, от Искры ему становилось хуже. Теперь рана была настолько болезненной, что он едва мог дышать.

Он поднял Зуд к поверхности. Если ему удалось, пусть даже немного, справиться с отцовскими легочными червями, может быть, он сможет исправить и это. Зуд пришел изнутри, из живота, обнаружил источник боли и слился с ним. Натан не стал ждать, пока он нарастет, а Почесал почти сразу же, чтобы, если это окажется ошибкой, можно было остановиться, пока боль не стала невыносимой. Сириус заскулил, но Натан не открыл глаза. Вместо этого он потянулся к источнику своей силы – и ощутил, как на коже собираются голубые

пылинки. И вновь они, по-видимому, поняли его намерение лучше, чем его сознание: собравшись на запястье, они принялись дюйм за дюймом, словно поднимаясь в гору, двигаться по склонам кратера вверх, к месту укуса.

Натан ахнул, когда первая из них добралась до вершины и вошла в рану; но он не позволил обжигающей боли остановить его – или это пылинки не позволили ей остановить себя. Они ринулись внутрь, сливаясь с лавой, скребя по нервам, выскабливая гнилую плоть его предплечья. За его сомкнутыми веками набухли слезы, он стиснул зубы с такой силой, что зазвенело в ушах; а затем в рану, против его воли, хлынул новый поток, доведя агонию до такого накала, что у него вырвался вопль, которому Сириус тут же принялся вторить бешеным лаем.

А потом боль прекратилась.

Натан задышал, медленно и глубоко, и каждый вздох исцелял бесконечно малую частицу его существа. По мере того как дыхание постепенно успокаивалось, Натан ощутил еще что-то – а точнее, нехватку чего-то, отсутствие: отсутствие тупой, скукоживающей боли, которая была его постоянной спутницей последние несколько дней.

Лишь через какое-то время он собрался с духом, чтобы открыть глаза, и, сделав это, даже не испугался. Он ожидал увидеть свою руку, исцеленную и здоровую, надеялся испытать чувство удовлетворения собственным достижением. А вместо этого увидел лишь силуэт. Его рука была абсолютно прозрачной вплоть до самого плеча, словно сделанная из идеально гибкого стекла. Внутри виднелись просвечивающие стеклянные вены, просвечивающие стеклянные кости, просвечивающие стеклянные мышцы. Когда он двигал рукой, сгибал ее, делал разнообразные жесты, прозрачная, как вода, жидкость переливалась по стеклянным артериям. Он положил одну ладонь поверх другой – и она не заслонила ее.

Сириус при виде этого принялся рычать – и рычал до тех пор, пока Натан не положил вторую руку ему на голову и не почесал за ушами.

Рука больше не болела – но в ней не осталось ничего вещественного. Натан попытался дотронуться ею до Сириуса, и она прошла насквозь.

Натан шел вперед, в направлении потайного входа, и свет становился все ярче, посверкивая в ряби на поверхности потока, высвечивая известку в щелях между кирпичами, ее шероховатую текстуру и глянцевую поверхность глазурированного кирпича.

Когда он подошел к двери, она была явственно видна – настолько, что Натан не мог поверить, что когда-то ему казалось трудным, даже невозможным, найти ее, не зная, где в точности она находится.

Они спустились в штаб-квартиру клуба.

Натан стоял у входа в библиотеку; Сириус рычал возле его ног. Из щели между дверью и дверной рамой к ним просачивался свет, доносились приглушенные звуки, но не они сказали Натану о том, что происходит по ту сторону.

Сириус был волшебным псом. По словам Анаксимандра, у него имелся орган, чувствительный к магии, которым наделил его Господин; и теперь пес рычал, потому что этот орган сообщал ему, что поблизости находятся призраки. У Натана такого органа не было, но он тоже их чувствовал: мертвые люди, духи.

«Никто теперь не в силах тебя удержать, Натан. Никто!»

Он опустил руку и положил ее на вздыбленную шерсть на спине Сириуса. При его прикосновении пес перестал рычать, поглядел вверх и заскулил. Еще немного, и это могло бы случиться (понимание за пределами слов, незримый обмен мыслями между мальчиком и его собакой), но чего-то все же не хватало.

Натан поднял свою просвечивающую руку. Теперь, когда его отец умер, все начало меняться, и кто мог предугадать, что случится дальше? Он мог ощущать присутствие призраков, чувствовал, что может научиться разговаривать с Сириусом. А вдруг он сможет видеть сквозь закрытую дверь?

Он прикрыл глаза и сосредоточился, но в этот момент дверь отворилась и на пороге появилась Присси. Увидев его, она вздрогнула, но быстро пришла в себя и, схватив за куртку, втащила внутрь.

– Они вернулись! – сообщила она.

И действительно, в библиотеке сидели Джо (теперь уже в двух телах), и сидели они бок о бок, держась за руки. Комната была наполнена красным дымом от дымовой шашки, все еще тлевшей в

камине. Джо и Джо были бледными и просвечивали в точности так же, как Натанова рука.

Выражение их лиц было непроницаемым, но в нем было что-то печальное, какая-то тревога. Каждое движение они совершали вместе, с абсолютной синхронностью; у Натана было ощущение, будто он ударился головой и теперь у него двоится в глазах.

– Я пытался попросить у них прощения, но они меня не слушают, – пожаловался Гэм. Он подошел к близнецам, встал между ними, помахал рукой – никакой реакции.

– И вот так всю дорогу, – подхватила Присси. – Только твердят все время одно и то же.

Натан встал перед обоими Джо, но они глядели мимо, сквозь него.

– Это ловушка.

– Не делай этого.

Они произнесли это одновременно: Джо слева говорил про ловушку, Джо справа советовал не делать этого.

Сириус подошел и встал рядом с Натаном, оскалив зубы, и лишь ему удалось привлечь к себе внимание Джо. Один из них (возможно, девочка, хотя они были полностью идентичны, во всем) в страхе отшатнулся. Другой (мальчик?) повернулся и бросился бежать, не двигаясь с места.

– Это ловушка.

– Не делай этого.

Гэм с Присси их не понимали, но Натан понял. Разве не то же всегда говорил ему отец?

Но теперь его отец был мертв. И Джо были мертвы.

«Никто теперь не в силах тебя удержать, Натан. Никто!»

Он поднял призрачную руку, позволил ей наполниться Искрой – и одним движением отправил призраков туда, где было их место.

В свете, падавшем от камина, Гэм представлял собой жалкое зрелище: его кожа была мертвенно-бледной, за исключением участков, покрытых синяками, и очень грязной, кроме дорожек, промытых слезами.

Натан отметил слабость своего друга, но сам он не чувствовал ничего подобного. Совсем наоборот. Он повернулся к Присси:

– С ним все в порядке? Нам предстоит работа.

Она пожала плечами и отвела взгляд, словно Натан был ей чужим. Потом передвинула ногу, чтобы Сириус не задевал ее, виляя хвостом.

– Что случилось с твоей рукой, Нат?

Натан поднял руку, повертел ею.

– Не знаю, – ответил он. – Сперва ответь на мой вопрос. Годится ли он для работы?

Присси нахмурилась и попятилась от Натана, словно боялась его, придвинулась поближе к Гэму. Она зашла ему за спину и положила руку на плечо, но Гэм отпихнул ее.

– Со мной все кончено, – проговорил он. – Абсолютно бесполезен.

– Ну уж нет. – Натан осветил комнату голубым сиянием. – Перед нами еще одно дело. Крупнее всех предыдущих. Такое большое, что возместит все наши потери.

Гэм покачал головой:

– Я пас.

Натан едва заметно повел рукой, как бы с братской лаской поднеся ее к Гэмовой щеке, и та засветилась. Искры посыпались, но не с яростью, а неся помощь, излечивая поверхностные повреждения, затягивая порезы, удаляя из более глубоких ран любые намеки на гниль или зарождающуюся гангрену. Теперь, после смерти Натанова отца, больше ничто не могло их остановить, никакая сила не противостояла Натану, не подавляла его волю.

– Ты мне нужен, – произнес он.

Гэм глядел на Искры широкими глазами, в ужасе от этих личинок света, внедряющихся в его кожу. Когда они ринулись к его ушам, он принялся хлопать по ним, словно пытаясь погасить занимающийся огонь.

– Убери от меня эти штуки!

Однако едва он раскрыл рот, Искры ринулись и туда – и стоило им коснуться голых десен, как там проклюнулись зачатки зубов. Они нырнули в его пустую глазницу – и глазной нерв, уже давно мертвый и зарубцевавшийся, внезапно ожил. Гэм поднес руки к лицу. Судя по его виду, он пребывал в сильнейшем потрясении.

– Хватит, Натан! Пожалуйста, остановись! Слишком ярко!

Однако Натан не сделал этого. Теперь он понимал. Искра говорила с ним так, как не говорила никогда прежде; или, возможно, прежде он не мог ее слышать, поскольку влияние отца не давало ему

осознать их совместное предназначение. Они могли менять вещи, делать их лучше, чинить то, что было сломано, и доводить до завершения то, что когда-то было целым. Прежний обычный зуд превратился в желание – жажду, полную новых возможностей.

Натан дал Гэму новый глаз, зорче прежнего, потерянного, более чувствительный к деталям и цветам, обладающий волшебными свойствами. Он сделал для него новые зубы, здоровые и твердые, как алмазы. Все его шрамы и повреждения Натан исцелил, превратив трущобного заморыша в нечто близкое к совершенству.

На их с Присси глазах Гэм разбухал, рос, избавлялся от следов воздействия, оказанного на его развитие дурным питанием и безысходностью, пока его одежда не натянулась вдоль швов, а лицо не повзрослело на годы.

– Не надо, Натан! – завопил Гэм. – Мне это не нравится!

Едва эти слова сорвались с его губ, как Натан загасил Искры. Впрочем, он ни в чем не раскаивался – наоборот, чувствовал, что лучше знает, что необходимо его приятелю. Так сказала ему Искра.

– Одно последнее дело, Гэм.

Поставщик сидел за своим столом, сгорбившись над щербатой глиняной тарелкой. Он держал ложку зажатой в кулаке, обхватив пальцами черенок, так что казалось, будто чашечка вырастает непосредственно из руки. Рядом стоял черный железный котелок, наполовину полный жидкой белой похлебкой, над которой курился пар, наполняя комнату едким запахом лука. На столе было также несколько морковок и яблок, но они были отложены в сторону, разложенные по размеру, безукоризненно очищенные и выстроенные, словно солдаты на параде. Поставщик поднял ложку и втянул в себя бульон сквозь сомкнутые губы, потом положил ложку обратно на тарелку и звучно причмокнул.

Гэм остановился возле двери, и Натан понял, что он должен будет войти первым.

Какой-нибудь робкий ребенок побоялся бы стучаться в дверь к Поставщику; он остался бы стоять, глядя сквозь стекло и дожидаясь, пока его заметят. Однако Натан больше не был робким ребенком. Время ожидания для него прошло, время нерешительности закончилось. Его отца больше не было. Он толкнул дверь, и его рука прошла насквозь. Тогда он открыл ее другой рукой. Когда он перешагнул порог, комната озарилась. Сириус мягко ступал рядом.

Поставщик поднял голову – и замер. Единственным, что в нем двигалось, была капля супа, которая медленно стекла с его оцепеневшей нижней губы и затерялась в бороде. Окружавшее Натана голубое сияние превратило желтушную бледность Поставщика в посмертную маску; и в самом деле, будь он трупом, едва ли он был бы более неподвижен, чем сейчас.

– Что, господин Поставщик, нечего сказать? – спросил Гэм. Он моргал, ослепленный, все еще не привыкнув к своему новому глазу.

При появлении Гэма Поставщик привстал с сиденья, словно вдруг вспомнив, кто он такой и где находится.

– Опять ты? Раньше ты выглядел по-другому.

Натан шагнул вперед, и теперь, когда он был полностью внутри, его свет заполнил все уголки помещения, поблескивая на треснутом

стекле и заставляя паутину светиться.

– Запрягайте лошадей, – сказал Натан.

– Лошадей? Не тебе говорить про моих лошадей, паренек!

Гэм подошел к столу и оперся на него обеими ладонями.

– Поаккуратнее в выражениях. Ты, конечно, бесчувственный старый негодяй, но я знаю, что ты далеко не глуп. Посмотри-ка на него. Тебе когда-нибудь доводилось видеть что-нибудь подобное?

Гэм не стал показывать на Натана – в этом не было необходимости. Поставщик медленно поднял взгляд. Может быть, на его губах оставался суп, а может быть, что-то еще, но из его рта высунулся кончик языка и облизнул это.

– Как-то раз я видел Господина. На балконе, там, наверху, на башне. Жаберники забрали ребятишек, и я проверял упряжь у своих лошадок. С моими девочками нужен глаз да глаз: мало ли что может случиться. Они ж у меня красавицы – вдруг они поцарапаются или чего хуже. Ночь была ясной. Дело было зимой. И что-то вдруг засветилось. Я сперва подумал, луна или падающая звезда, но тут было другое. Это был он, стоял на самой верхушке, среди статуй. Господин, конечно, кто же еще? Он глядел в сторону моря, на запад. И светился. Голубым светом, прямо как этот твой парнишка. Потом он поднял руки, и появился большой шар света, и он швырнул этот шар вдаль. Метил в Маларкой небось. По крайней мере, так говорили между собой жаберники. Что он метил в Госпожу. Хотел сжечь дотла эту ведьму. Ну, про это я не знаю... Но выглядел он в точности так же.

Поставщик дернул подбородком в сторону Натана. Гэм кивнул.

– Ты отвезешь нас в Особняк.

Поставщик вздрогнул и отодвинулся назад.

– Ну уж нет! Больше вы меня не подловите! Да он меня самого дотла сожжет, Господин, если я привезу ему вот такое!

Гэм снова кивнул.

– В таком случае, господин Поставщик, вопрос в том, когда ты предпочитаешь быть сожженным – прямо сейчас или когда мы доберемся до Господина.

Свет Натана вспыхнул посреди кухни Поставщика так ярко, что выжег контуры их теней на волглых досках пола.

Поставщику пришлось надеть на лошадей шоры, прежде чем они пустились в путь. При виде Натана они принялись фыркать и натягивать вожжи, а когда появился Сириус, встали на дыбы и забили копытами.

– Тпр-р, мои дорогуши... Обычно они только и ждут, чтобы выбраться из стойла... Тпр-р, я вам говорю! Поставщик не даст вас в обиду.

Однако, даже произнося эти слова, он отворачивался и глядел себе под ноги.

– Нат, ты не можешь что-нибудь с этим сделать? – спросила Присси.

– С чем?

Гэм подошел к ближайшей лошади и стащил с ее спины попону. Поставщик сделал рефлекторное движение, чтобы его остановить, но тотчас же отступил. Гэм сплюнул сквозь свои новые зубы, все еще казавшиеся огромными у него во рту, поднес попону к Натану и накинул ему на плечи. Сперва никакой разницы не было, но когда он плотнее обвернул ее вокруг Натановой шеи и закрепил на горле, свету, изливавшемуся в мир, пришлось пробиваться сквозь плотную ткань; а потом Гэм снял с Поставщика шляпу и напялил ее Натану на голову, и двор снова погрузился в ту же унылую серость, что и всегда, – разве что, может быть, с голубоватым оттенком.

– Не поднимай голову, – посоветовал Гэм, – и все будет в порядке.

– Вы поедете в клетки, и собака ваша тоже, – проворчал Поставщик. – Там знают, кто может к ним приехать, а кто нет; рядом с собой я вас не посажу.

Гэм начал возражать, но Натан остановил его. Даже если Поставщик что-то задумал, какая-то клетка из дерева и кожи не сможет их удержать. Будь она железной, все равно не смогла бы. Натан приподнял край шляпы, и Поставщика залил свет – так луч маяка выхватывает из темноты береговой утес. Старик глянул ему в лицо, вздрогнул и отвернулся. Натан кивнул, и все трое залезли в клеть.

Когда они уселись, Поставщик взял с полки колокольчик и прикрикнул на лошадей. Повозка выехала со двора. Одной рукой Поставщик держал вожжи, другой принялся вызванивать медленный унылый ритм, который пробивался сквозь мертвящий туман трущоб, сзывая к нему нежеланных детей.

Поставщик двинулся в глубь города, прочь от Морской стены, через прибрежную сумятицу нанесенных волнами палок и веревок, свитых из морских водорослей, к тому месту, откуда начиналась Стеклянная дорога. Сегодня у него были более насущные заботы, нежели сбор мелких монет, и он ехал кратчайшим путем, явно не заботясь, сколько мальчишек заберется в клеть за его спиной – один или трое. Сегодня у него, по-видимому, не было настроения распекать своих пассажиров: ни один из забравшихся в клеть не услышал его мнения о себе. Также они были избавлены и от рассказов о пристрастиях Господина. Одному или двум мальчуганам даже удалось сохранить свои монеты, и они сжимали их так крепко, что казалось, будто можно разглядеть очертания тонких, широких дисков сквозь кости и кожу их ладоней.

Хотя Поставщик избрал кратчайший путь, клеть наполнилась, когда они не миновали еще и половины пути. Натан, Гэм, Присси и Сириус сидели рядом с входом, так что каждому из детей приходилось протискиваться мимо них, чтобы найти себе место. Казалось, будто им по очереди представляют все возможные типы оборванцев (один тощий, один толстый, один грустный, один забитый, один с гордо поднятой головой), но все они были черными от грязи и слегка подмокшими. Натан не узнал никого.

Грустный мальчик – высокий и тощий, с бугристыми суставами – уткнулся лицом в ладони, так что его длинные сальные волосы свесились на колени, и начал плакать.

Гэм набрал в грудь воздуха и собрался заговорить, но Натан успел первым:

– Тебе доводилось слышать историю Соломона Пила? – проговорил он из-под шляпы.

Каким-то образом плачущий мальчик понял, что слова обращены к нему. Он помотал головой, стряхивая капельки тумана, собравшиеся на его волосах, и разбрызгивая слезы на носки своих ботинок.

– Соломон Пил был рослым парнем. У него были длинные волосы, длинные, словно лошадиный хвост, и такие же грязные, по той причине, что такие трущобные крысы, как он, никогда не вылезают из грязи достаточно надолго, чтобы их вымыло дождем.

Парнишка поднял голову, чтобы поглядеть, кто говорит, но ничего не увидел, кроме лошадиной попоны и шляпы.

– Однажды его папаша решил, что в их доме недостаточно места для такого дылды, как Соломон. Сам-то он был коротышкой, его папаша и мамаша – тоже, так что, по мере того как Соломон рос, папаша часто гадал, действительно ли это его плоть и кровь или же мамаша погуляла на стороне, а может быть, занималась чем-нибудь неестественным с Живой Грязью. Когда Соломон начал торчать из гнезда, не подавая никаких признаков, что собирается стать короче, папаша только и думал о том, как избавиться от дылды, ведь у него имелось пятеро других сыновей, таких же коротышек-колобков, как и он сам. Он выдал сыночку бронзовую монету и послал его слушать колокольчик Поставщика, а потом задвинул дверь на засов, и дело было сделано.

А надо сказать, что Соломон, при всем своем росте, был довольно чахлым, тощим и длинным, словно подпорченный саженец, и так же плохо гнулся под ветром. Завидев Поставщика, он принялся реветь. Слезы посыпались из него, словно роса с Морской стены, когда огненные птицы начинают бомбардировать берег, и по этой причине Поставщик оценил его очень высоко. Он провел его и усадил в глубине клетки, как раз там, где сидишь ты, где никто не смог бы его потревожить или начать утешать.

Как известно, Поставщик ничего не делает, если из этого нельзя извлечь хотя бы пару монет, и причина этих его действий заключалась в том, что он знал кое-что, чего не знал Соломон: что Господин очень любит плакс. Ты, может быть, думаешь, что любого ребенка можно заставить плакать, и это действительно так; однако некоторые плачут больше, чем другие, а есть такие, которые плачут даже еще больше, чем эти. Соломон принадлежал к последнему типу – как, очевидно, и ты.

Поставщик знал, что жаберники Господина уделяют плаксам удвоенное внимание, вот почему он так бережно с ним обращался. Зачем Господину плаксы? Видишь ли, детские слезы очень ценная вещь: их можно использовать в самых разных целях – добавлять в зелья, делать на них настойки. Кое-кто говорит, что Господин использует их таким же образом, как купцы пользуются солью: чтобы прибавить вкуса своей еде. Но самое главное – когда ты плачешь,

вместе со слезами выходит часть твоей души, часть тебя самого, и чем больше ты плачешь, тем меньше тебя остается внутри.

И Господин знает, как обратить это к своей пользе: он может заключить твою душу в свои заклинания, может забрать тебя и использовать на другой стороне – в мире магии, откуда он черпает свою силу. Так что Соломон, при содействии Господина, плакал так много, что выплакал себя до конца и умер; от него осталась только сухая кожа да кости. Теперь он выполняет поручения Господина на другой стороне, и когда ветер задувает вдоль Стеклоанной дороги, можно слышать его долгие, задыхающиеся всхлипы – уже без слез – с той стороны, где он делает работу для своего Господина.

Гэм закивал, подтверждая сказанное Натаном. Плакса положил голову на колени, накрыв их волосами; и если он продолжал плакать, то делал это уже молча.

– Этот рассказ, – произнес Натан, – я посвящаю Джерки Джо.

Поставщик щелкал кнутом, после каждого щелчка наклоняясь, чтобы по очереди огладить бока своих лошадок, словно бы извиняясь; однако сегодня он гнал их быстрее, чем обычно. Когда речь шла о нуждах детей, он не видел смысла спешить, но теперь, когда у него были свои причины торопиться, неспешная рысца его милашек казалась ему недостаточной. Хоть он, кажется, и сожалел о том, что приходится применять кнут, он все равно постоянно их подхлестывал; его утешительные поглаживания становились все менее убедительными, прикосновения все больше походили на шлепки.

Под ними мелькали городские крыши, подрагивая с каждым поворотом колеса. Натан глядел вниз: вот дымовая труба, забитая веточками и перьями, вот квадрат колеблющегося света от свечи в окне мансарды; позднее, когда начали преобладать шпили Торгового конца, тычущие остриями в небо в подражание Господину, показались мостовые, выложенные широкими плитками из стекла или полированного мрамора, в которых отражались шпили и над ними – сама Стеклянная дорога.

И вот внезапно перед ними вырос Особняк, огромный и зловещий. Натан натянул попону на самые глаза, а Присси крепко вцепилась в его локоть.

С самого начала стало ясно, что жаберников обмануть не удастся. Как только повозка завернула на подъездную дорогу (топот копыт стал громче, поскольку лесной покров остался за спиной, а воздух наполнился жужжащим гулом машин), они напряглись, нюхая воздух с задранными к небу лицами. Чем ближе повозка подъезжала к Особняку, тем больше жаберников вылезало из Подпола, и вскоре они начали кишеть повсюду, словно муравьи. Одни оставались сзади, чтобы защищать боковой вход, другие бросались вперед; тускло-зеленые руки дюйм за дюймом появлялись из рукавов, когтистые пальцы хватали в воздухе нечто, для чего они покамест не обрели понимания.

Поставщик резко натянул вожжи. Гэм постучал по задней стенке клетки:

– Эй! Почему мы остановились?

Не отвечая, старик вытащил из кармана трубку и медленно раскурил ее. Гэм наклонился вперед, словно собираясь силой вынудить Поставщика ехать дальше, но Натан движением руки остановил его.

– Присси, – сказал он. – Выпусти ребят.

Она открыла незапертую дверцу, но дети не двигались с места. Жаберники приближались, окружая повозку со всех сторон, но держась на расстоянии от Натана.

– Пошли, крысеныши, пошли! – завопил Гэм, подтаскивая ребятшек одного за другим к задку повозки. Однако, как он их ни пихал, они отказывались вылезать, упираясь руками и ногами.

Натан поднялся на ноги и позволил попоне упасть на пол. Эффект был таким, будто внезапно наступил рассвет – голубой рассвет, отбрасывавший во все стороны от Натана красноватые тени: беспокойные, мельтешащие тени детей, заключенные в теневую клетку пересекающихся прутьев. И жар тоже был, наподобие палящего дыхания огня от вспыхнувшей сухой древесины.

Жаберники, как по приказу, остановились и вытянулись в струнку с задранными лицами. Натан подошел к борту повозки и положил ладонь на деревянную планку. Дерево под его пальцами стало хрупким, моментально покраснев, затем посерев, а потом побелев, и через несколько секунд рассыпалось без следа. Натан ступил на землю.

Когда подошвы его ботинок коснулись Стекло́нной дороги, она зазвенела, словно колокол; когда он тронулся с места – заныла, словно бокал, по краю которого ведут мокрым пальцем. Осевшая на ее поверхности вода – роса и морские брызги – пятилась перед его ногами, выпаривалась в крошечные капельки, которые разбежались во все стороны, даже в свой последний момент стремясь оказаться подальше.

Гэм шел следом, таща за собой Присси, Сириус ступал рядом с ними; и хотя Поставщик делал вид, будто его не интересует ничего, кроме трубки, табак в чашечке так и не занялся.

– Ах ты маленький мерзавец, – проговорил один из жаберников, стоявший ближе всех. – Ты светишься, как светляк. Держись подальше, не то мы тебя погасим.

Натан не остановился, и бригада монстров набросилась на него. Сириус рванул было вперед, однако все они тут же попадали на землю, иссохшие, словно сухие листья, сметенные с дерева ветром. На их место явились новые – и тоже повалились, пока наконец оставшиеся разом не повернулись и не кинулись обратно туда, откуда явились, исчезнув без следа, как исчезает туман перед лицом дневного светила. Сириус гавкнул им вслед, торжествуя и предупреждая.

Гэм обернулся к Поставщику:

– Отведи его к Господину.

– Сам отведи!

Гэм взглянул на Натана, призывая наказать старика за дерзость, однако Натан не обратил на него внимания.

– Обойдем сзади. – Гэм потащил за собой Присси, словно, заставляя ее двигаться, он мог повести за собой Натана.

Присси пошла за ним, то и дело оглядываясь через плечо, но Натан остался на месте. Его взгляд не отрывался от фасада.

К кому, собственно, был обращен этот фасад, оставалось неясным. Стеклянная дорога подходила не к подножию каменной лестницы, а к боковой стене Особняка. Ступеньки заканчивались головокружительным обрывом черного камня с гладкой, оплавленной стеклянистой поверхностью. Если это была лицевая сторона здания, то это могло значить лишь то, что оно развернуто к морю, словно лестница предназначалась для тех, кто мог явиться оттуда по воде или пройти по небу без помощи дороги.

На самой верхней ступеньке, в обрамлении двух огромных желобчатых колонн, стоял Господин.

Как и фасад Особняка, взгляд Господина был упрямо обращен к морю, словно лившийся через поры Натана обжигающий свет был для него невидим, – словно он не заливал ночное небо, затмевая звезды и размывая силуэт луны, не подсвечивал снизу облака, так что они казались невероятно тяжелыми и зловещими.

Натан шагнул вперед, хотя впереди него ничего не было. Даже Сириус не решился последовать за ним.

– Гэм, останови его! – завопила Присси.

Однако Гэм, увидев Господина, отступил назад и схватил Присси за плечи.

– Для нас здесь больше ничего не осталось. Все, что можно, уже сделано.

Господин повернулся лицом к Натану в тот самый момент, когда нога мальчика оторвалась от твердой почвы и он шагнул в воздух. Вернее сказать, Господин не столько повернулся, сколько изменил положение, так что теперь его тело оказалось ориентировано в нужном направлении, и это не заняло ни секунды времени.

Их взгляды встретились, и даже на таком расстоянии между ними возникла связь, мгновенная передача информации, словно крик или удар, только еще быстрее.

Когда нога Натана начала опускаться туда, где больше не было земли, Господин приподнял подбородок, его руки совершили незаметное стремительное движение – и под стопой Натана возникла призрачная конструкция наподобие подмостков, светившаяся таким же голубым сиянием, что и сам Натан. Стоило ему прикоснуться к ней, как тысячи стеклянных нитей наполнились светом и засияли под ним, словно паутина, на которую упал луч солнца. Натан перенес на нее вес своего тела, что было естественным последствием его движения вперед, ничуть не обеспокоенный невещественностью своей опоры.

– Натан Тривз, – проговорил Господин. Его голос гулко раскатился внутри Натанова черепа, на корне языка возник едкий вкус. – Ты вернулся.

Натан остановился. Гэм и Присси стояли, словно пораженные молнией, застыв с открытыми ртами; рука Гэма так и осталась держать Присси поперек груди. Сириус тоже окаменел с оскаленными зубами, изготовившись к прыжку. Даже Поставщик не двигался, с замершим на губах дыханием; колечко дыма от заново раскуренной трубки зависло над чашечкой, плотное и непрозрачное, словно труп облака.

– До меня дошла печальная новость о твоём отце.

Натан закусил губу и попытался двинуться с места, но он был парализован так же, как и остальные. Он попытался заговорить, но слова застревали в его глотке, выходя еле-еле, как окоченелые.

Господин начал спускаться по ступеням, засунув руки в карманы брюк. Он двигался вприпрыжку, по-мальчишески перепрыгивая по две ступеньки зараз.

– Мы с твоим отцом хорошо знали друг друга. Очень грустная история. Очень грустная. Впрочем, как говорится, даже встречный

ветер наполняет чьи-то паруса. И действительно – только посмотреть на тебя! Как ты пылаешь его силой! Надеюсь, он хорошо тебя обучил.

Натан молча кипел негодованием. Он ощутил, как внутри него что-то сдвинулось; едва заметное движение прошло по мышцам.

– Легочные черви, если не ошибаюсь? Ужасная штука. Впрочем, легко излечимая – если знать, как это делается.

Внезапно Натан одним прыжком перемахнул на нижнюю ступеньку, преодолев сдерживавшую его силу.

На секунду лицо Господина превратилось в маску ужаса, и Гэм бросился назад, таща за собой Присси. Сириус взметнулся в воздух; Поставщик сделал затяжку из своей трубки; его лошади захрупали удилами. Потом Господин оказался на пороге, по-прежнему держа руки в карманах, и все снова замерло.

Натан обнаружил, что связан невидимыми путами.

– Насколько я понимаю, смерть от них поистине мучительна. И неэстетична.

Натан заставил себя двинуться вперед, и хотя путы были толстыми и крепкими, Господин не смог его остановить. Это, по-видимому, явилось для него неожиданностью – он поднял одну бровь и поправил манжеты, и когда он заговорил снова, его зубы были стиснуты.

– Подумать только, – проговорил он. – Мы становимся сильнее, не так ли? Совершенно беспрецедентное обстоятельство.

Натан, не отвечая, лишь ускорил шаг: теперь он делал три шага вместо прежних двух, и как бы Господин ни скрипел зубами, его движения становились все более свободными, все более текучими, пока наконец нога не коснулась мрамора.

– Ну, хватит! – выкрикнул Господин.

Натан снова замер, теперь под воздействием другой силы. У Господина в руке был медальон – тот самый, который они выкрали. Внезапно Пэдж тоже оказался здесь, и Беллоуз рядом с ним.

– Повеселились – и довольно, мастер Натан! Зачем ты сюда явился? Я ведь отослал тебя, разве не так? И разве я не велел тебе больше не искрить? – Он поглядел на Беллоуза. – Или, может быть, я ошибаюсь?

– Ни в коем случае, сэр! Я очень хорошо это помню.

Господин взял медальон за цепочку и покачал перед собой.

– Я тоже помню. И что тогда все это значит?

Натан молчал.

– Он жаждет мести, сэр. Я чую это в нем.

– Мести? – повторил Господин. Его лицо являло собой воплощение потрясенного недоумения, словно он никак не мог уловить смысл этого слова; по крайней мере, в данном контексте. – Но почему...

– За смерть своего отца, сэр. Запах его мыслей... Он воображает, что вы принимали в этом участие.

– Я?! С какой стати? Натан, мальчик мой, у тебя все перепуталось!

– Он видел меня, – пояснил Беллоуз. – Он видел жаберников, а потом нашел тело своего отца, холодное и неподвижное.

– Кажется, я понимаю... – Господин продел голову в цепочку и повесил медальон себе на грудь. – Мистер Пэдж, может быть, в ваших силах прояснить это недоразумение?

Против своей воли Пэдж выступил вперед на негнущихся ногах, двигаясь словно марионетка. С каждым шагом его брыли тряслись, он бросал умоляющие взгляды вправо и влево – но помощи не было. Господин контролировал его, заставляя двигаться вниз по ступеням. Для человека, столь привычного доставлять неудобства другим, Пэдж устроил целую драму теперь, когда ситуация обернулась против него. Он только что не плакал и то и дело поддергивал на себе штаны, словно таким образом мог замедлить свое приближение к Натану.

– Итак, мистер Пэдж, может быть, вы будете так любезны объяснить Натану, кто именно посетил вчера его отца.

– Да там, наверное, сотня человек побывала!

– Прошу вас! Я сказал «его отца», а не «его мать».

– Мои люди... Вместе со мной.

– Зачем?

– Чтобы воспользоваться его матерью.

– А еще?

– Чтобы забрать оттуда кое-что на память.

Господин потеревил цепочку.

– Вы имеете в виду содержимое вот этого медальона?

– Точно.

– Что ж, в таком случае, может быть, мы его откроем?

При этом предложении Пэдж отшатнулся назад – во всяком случае, верхняя его часть... Нижняя оставалась прикованной к месту.

Господин подцепил ногтем крышку медальона, и та распахнулась. В тот же момент пламя в глазах Натана потухло. Видя это, Господин отпустил удерживавшую его силу, и Натан, пошатнувшись, сделал несколько рефлекторных шагов вперед. Он выбросил руку перед собой, предохраняясь от падения, но это оказалась призрачная рука, и он рухнул, тяжело приземлившись на плечо.

Цепочка заканчивалась в том месте, где под кожей билось сердце Господина. Внутри медальона, на черном бархате, располагался указательный палец Натанова отца, покачиваясь в такт сердцебиению Господина, порицая Натана каждым движением.

– Ты, разумеется, узнал его. Он составляет часть заклинания, известного как «Запрещающий перст» и используемого, чтобы контролировать людей. Людей, обладающих силой.

Натан хотел кинуться на Господина, но тот вынул палец из медальона, поднял вверх – и Натан застыл на месте. Сила отцовского пальца удерживала его даже против силы тяготения.

– Только не надо принимать послание за посланника. Это не я отнял палец у твоего отца и не я приказал это сделать. Я невиновен в этих вещах.

Натан сплюнул.

– Как это возможно? Здесь ничего не происходит без вашей воли, так или иначе.

Господин скорбно улыбнулся:

– О если бы это было так! Мистер Пэдж, скажите нам, на кого вы работаете?

Пэдж устремил взгляд за горизонт.

– Не могу.

– Придется.

– Она меня убьет!

– Отвечайте на вопрос!

– Вы и так знаете.

– На Госпожу, разумеется. На Госпожу Маларкои, что живет там, за морем. На ведьму, что каждый день посылает своих огненных птиц, чтобы всех нас уничтожить. И какое задание она вам дала?

Пэдж прикусил язык, чтобы не дать ему выболтать тайну. Однако Господин сделал знак Беллоузу, который достал из кармана сюртука инструмент, похожий на слуховую трубку, и поднес ее к губам Пэджа. Из трубки донесся его голос:

– Украсть медальон, принадлежавший его матери, отнять палец у его отца и передать все это ее агентам.

Господин помрачнел.

– Такие поступки означают измену, мистер Пэдж. Ни одному жителю Мордюю не позволено вступать в отношения с нашим врагом и тем более предлагать ему помощь. Что еще она попросила вас сделать?

Пэдж, вдобавок к прикушенному языку, закрыл глаза и плотно сжал губы, однако трубка продолжала вещать, словно ей ничто не препятствовало:

– Она велела мне манипулировать мальчиком, Натаном Тривзом, держась от него на расстоянии, с помощью моих связей в трущобах, чтобы способствовать его созреванию.

– «Созреванию»... Беллоуз, вы не могли бы сделать так, чтобы он выразился яснее?

Беллоуз что-то поправил в своем инструменте, и Пэдж заговорил вновь:

– Он должен был унаследовать силу своего отца – часть по достижении им тринадцатилетия и всю ее после того, как отец умрет. Его отец тоже был Господином – прежним Господином Черноводья. Госпожа Маларкои, в продолжение объявленной ею войны против Мордюю, намеревалась заставить Натана использовать эту силу против вас, тем самым проложив себе путь к окончательной победе.

Беллоуз, на лице которого были написаны ужас и отвращение, убрал свой инструмент и сделал знак жаберникам, однако Господин покачал головой, останавливая его.

– Ох, боже мой, – проговорил он. – Как это низко! Так что, Натан, дитя мое, ты и сам видишь: быть может, сейчас я должен выразить негодование вместе с тобой. Тебя использовали как пешку в чужой игре!

Ощувив, что сдерживавшее его давление убрано, Натан пошевелился – очевидно, Господин был уверен, что теперь Натан прислушается к здравому смыслу. Однако Натан не собирался ни к

чему прислушиваться. Вот стоит Беллоуз, огромным носом кверху, и рядом с ним жаберники. Что такое Пэдж? Ничто, а Господин – все. И ведь именно Беллоуза и жаберников он видел возле отцовских дверей! Натан снова бросился на них и снова застыл по мановению руки Господина.

– Натан... Я понимаю твои чувства, в самом деле понимаю, но твой гнев направлен не по адресу. Беллоуз? Ты правда винишь Беллоуза? Мальчик мой, да ведь он добрейшее существо! Только взгляни на него, ради всего святого, – найдется ли на свете душа мягче и деликатнее? Он ведь даже пришел, чтобы предложить помощь твоему несчастному отцу, принес ему лекарство – а это гораздо больше, чем можно сказать о твоих так называемых друзьях!

Прикусив губу, Натан пытался заставить себя двинуться вперед, но тело его не слушалось. Гэм вдруг оказался рядом с Беллоузом, и Присси тоже.

Гэм сопротивлялся как мог. Присси стояла, склонив голову, так что чепец прикрывал ее лицо, но ее ладони сжимались и разжимались, словно она пыталась что-то схватить и тут же поспешно отпускала. В своих попытках высвободиться Гэм пихал ее локтями, наступал на ноги, толкал, но она даже не замечала.

– Беллоуз, как зовут этого парня?

– Гэм Хэллидей, сэр.

– Это он вожак шайки?

– Да, сэр.

Гэм помимо воли тоже кивнул.

– И какую роль ты должен был сыграть во всем этом, Гэм Хэллидей? Что? Ты не хочешь облегчить свою совесть искренним признанием? В таком случае, мистер Пэдж, ответьте вы.

– Он должен был завоевать доверие мальчишки и потом, при удобном случае, спровоцировать его.

– Спровоцировать?

– На использование Искры.

– Каким образом?

– Каким угодно. Любовь, деньги, опасность, месть...

Бал? Галантерейщик? Поставщик? Лекарство? Джерки Джо? Неужели это все...

Натан прекратил бороться.

– А Присси? – вымолвил он.

Инструмент не ответил. Тогда Беллоуз повторил его вопрос.

– Она должна была дать ему что-то такое, о чем можно заботиться, – ответила трубка. – Что-то, что можно любить. Что-то, что можно потерять. Чтобы ему пришлось за нее сражаться. Использовать свою силу.

– Какой ужас! – Господин нахмурился и всем своим видом показал, как он подавлен услышанным. – Ну что, Натан, ты все еще воображаешь, что я твой враг? А ведь фактически я, возможно, твой единственный друг. У тебя даже оказалась одна из моих волшебных собак. Разве нельзя считать эту парочку моим подарком тебе?

Господин сошел по ступеням, снял с себя сюртук, отстегнул манжеты и принялся закатывать рукава рубашки.

– У нас с тобой много общего. Больше, чем ты думаешь. Эти личности... Они совсем не такие, как ты и я. Они не понимают, что значит обладать силой. Они завидуют нам. Они боятся нас. Неужели ты думаешь, что они способны нас полюбить? Да они трясутся от страха при мысли, что вызвали твой гнев! Как им и следует.

– Но мой отец...

– А что твой отец? Он мог бы устроить все совсем по-другому, Натан. Он сделал свой выбор – и его выбором было умереть, а вернее, позволить себе быть убитым. Неужели ты думаешь, что он был не способен выжечь этих червей из своих легких? Да он мог сделать это в любой момент! Одним усилием воли. Раз плюнуть. Он был гораздо сильнее, чем я... Так почему же он этого не сделал?

Господин стоял перед Натаном. Он снял медальон со своей шеи и накинул цепочку на шею Натана.

– Это твое. И должно быть у тебя. Медальон – наследие твоей матери. Палец принадлежал твоему отцу. Если ты желаешь узнать тайны этого мира, если желаешь получить ответы на вопросы, что теснятся в твоём мозгу, тебе следует пойти со мной в Особняк. Оставь этих людей с их заговорами и интригами, с их коварными замыслами! Пойдем со мной, и я помогу тебе все понять.

Натан бросил взгляд назад – и там, где прежде он видел друзей, теперь были только предатели. От Гэма он ничего особенного и не ожидал, но Присси? Неужели это все было ложью?

Да. Ее мягкие прикосновения, выражения привязанности... Алифоньеры... Все это было уловкой, заговором, хитроумным способом вынудить его использовать свою силу, чтобы защищать ее! Теперь действия Гэма были для него ясны: подставить ее под удар, чтобы он, Натан, использовал Искру вопреки извечным запретам отца. А Джерки Джо? Они тоже? Их убили ради интересов этой Госпожи, чтобы Натан попытался их воскресить? А смерть отца тоже понадобилась, чтобы его «спровоцировать»? Все это были козни Пэджа, а заказчик – Госпожа Маларкой, с чьими огненными птицами он имел дело всю жизнь!

Пэдж, Гэм и Присси стояли, словно убийцы перед эшафотом, в то время как Господин держался свободно, даже дружелюбно.

– Видишь ли, Натан, мы с твоим отцом были знакомы, когда были моложе. Мы состояли в одном клубе. Я считал его своим другом (по крайней мере, со своей стороны) и твою мать тоже.

Господин протянул ему руку – и ничто больше не удерживало Натана от того, чтобы взять ее.

– Прости! – послышался крик. Это был Гэм. Присси стояла рядом с ним, не поднимая головы; она держалась за руку Гэма, словно маленький ребенок. – Это Пэдж меня заставил!

Присси подняла лицо – оно было залито слезами. Ее рот раскрылся, нижняя губа почти комически отвисла, взгляд был направлен в сторону: она боялась смотреть на него. И вновь, как и прежде, при виде ее лица внутри у Натана все сжалось – однако теперь вместо желания в нем вспыхнул гнев, и этот гнев был не менее страстным, чем прежняя любовь. Теперь он желал только одного: наказать ее, заставить ее страдать. Повернувшись, он увидел, что Господин стоит, спокойный и доброжелательный, по-прежнему с протянутой рукой.

– Я очень редко делаю такие предложения. Не так ли, Беллоуз?

– Мне вообще ни разу не доводилось видеть, чтобы вы их делали, сэр.

Когда Присси все же встретилась с ним взглядом, Натан увидел, что это все правда, что она действительно сделала все это: разыграла его, как дурачка, использовала его. В ее широко распахнутых глазах было раскаяние, скорбь, угрызения совести, но он ощущал, как внутри

него разгорается жар, раскаляя медальон, пока тот не начал колотиться о его грудь, стучать о пуговицы его куртки.

– Пойдем, Натан. Не заставляй себя страдать понапрасну.

И Натан подошел. Он взял Господина за руку.

Мир растворился перед его глазами – и они исчезли.

Все исчезло.

Часть вторая. Трут

Потом они оказались в комнате.

Господин держал его за руку – и теперь, когда вокруг не было людей, это казалось странным. Но Господин, казалось, не замечал ничего особенного.

Они стояли напротив книжного шкафа, широкого и приземистого, не выше человеческого роста, верхушка которого была заставлена растениями, безделушками, завалена образчиками разноцветных тканей, а полки ломились от книг, грозивших обрушиться на пол. Остальное пространство было таким же неприбранным: стаканы, тарелки, карты, записные книжки, чернильницы, одежда и обувь валялись по всей комнате без какой-либо логики или последовательности.

Господин, очевидно, что-то прочел во взгляде Натана. Тихо высвободив руку, он хлопнул в ладоши – и в комнате воцарился порядок.

– Лучше? У меня бывает не так много гостей, так что прошу меня извинить. Пойдем!

Он отошел от Натана, и его силуэт появился на фоне огромного темного окна. Натан тоже подошел к окну, и навстречу шагнуло его отражение. Встревоженный тощий паренек с впалыми щеками, с глазами, готовыми вот-вот наполниться слезами, перепачканный грязью, с торчащими надо лбом жесткими волосами – отец в миниатюре, изможденный и оголодавший. На его шее висел материнский медальон, сияя в свете ламп.

Господин подошел сзади и положил руку ему на плечо, но она прошла насквозь.

– Ох, боже мой, – сказал он. – Что случилось с твоей рукой?

Натан показал ему. Призрачная конечность тускло отсвечивала.

– Ничего страшного, я могу это исправить.

Господин подошел к шкафчику, выдвинул ящик и передал Натану маленькую круглую металлическую баночку. Внутри было что-то вроде крема.

– Намазывать дважды в день после мытья. Через неделю будет как новая.

Натан повернулся к своему отражению спиной.

Господин опустился возле него на колени.

– Твоя старая жизнь еще не закончена, Натан, пока нет. Ее следы все еще на тебе. Может быть, они останутся навсегда. – Он взял мальчика за плечи и развернул так, чтобы окно оказалось позади него, показывая, как он выглядит со спины. – Но у нас с тобой есть шанс сделать из тебя что-то новое. Здесь, в этом месте, имеется все, что тебе может понадобиться или оказаться желанным. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы ты забыл пережитые тобой ужасы. Что ты об этом думаешь?

Лицо Господина выражало самую неподдельную заботу. Натан проследил взглядом мягкие линии морщинок, собравшихся возле углов его карих глаз, слегка поджатые губы, краешки которых были приподняты к щекам, но ничего не ответил.

Господин кивнул – может быть, с некоторой печалью, – встал и прошел в свой кабинет. Здесь располагался стол, на котором стояла ваза с фруктами. Там были восхитительно-желтые бананы, розовые персики, зеленые и красные яблоки – все это Натану доводилось видеть прежде только в подгнившем состоянии, битым или деформированным или по какой-либо другой причине не соответствовавшим стандартам, необходимым для привлечения покупателей из торгового сословия. Не уделив фруктам абсолютно никакого внимания, Господин присел на краешек стола.

– Я тебя не убедил? – спросил он Натана. – Все еще думаешь о своей прежней жизни? Не беспокойся, этого можно было ожидать. Собственно, если тебе вдруг захочется увидеть своих друзей, вот это зеркало покажет тебе все, что ты пожелаешь.

Господин жестом позвал его к себе. Натан колебался; Господин настаивал. В конце концов Натан подошел, встал рядом с Господином и поглядел туда, куда тот указывал. Зеркало висело на стене, слишком высоко, чтобы можно было увидеть в нем себя. В остальном оно выглядело вполне обычно.

– Я скажу Коменданту, чтобы он повесил зеркало в твоей комнате. Теперь, когда ты остался один, на меня возложена задача тебе

помогать, – Господин перевел взгляд на Натана, разгладил его куртку, убрал прядь волос со лба, – всеми способами, какими смогу.

Потом, как бы случайно что-то вспомнив, но очень аккуратно, он переместил медальон, в котором хранился отрубленный палец отца Натана – «Запрещающий перст» – так, чтобы тот висел прямо напротив сердца мальчика.

Натан тихо вздохнул.

– Да, мне требуется помощь, – проговорил он.

Господин улыбнулся:

– Так я и думал.

Отведенная Натану комната была теплой, чистой и уютной. Здесь имелась кровать – деревянная, с толстым слоем одеял, простыней и горой подушек. Возле одной стены стоял платяной шкаф, настолько большой, что его не удалось втиснуть в нишу возле камина. Натан повернул защелку, и дверца распахнулась от давления изнутри: шкаф был набит чистой, свежeweыглаженной одеждой всевозможных покроев и цветов. Он провел пальцами вдоль стрелки на брючине одного из костюмов.

Под его ногами был полированный паркет. Натан прошелся взад-вперед – шляпки гвоздей в его каблуках звонко стучали, пол не продавливался под ногами. Он снял один ботинок и потер пол ступней в носке – деревянная поверхность под подошвой влажно засияла. Щели между планками были едва заметными, не больше ногтя в толщину. Натан снял носок и провел пальцем ноги вдоль одной из них: вперед, потом назад.

Держась спиной к окну, он стащил другой ботинок и носок, засунул оба носка в горловину и задвинул ботинки под кровать. Потом посмотрел на свои штаны, заляпаные Грязью, пропитанные дождем, порванные в нескольких местах. Натан расстегнул ремень, и они упали возле его ног, шлепнувшись на пол кучкой размокшей глины. Их он тоже зашвырнул под кровать движением ноги, отправив следом и нижнее белье, а также куртку и жилет – от всего этого теперь разило трущобами.

Он стоял, голый и маленький, тощий, словно изголодавшийся пес, чувствуя жесткое прикосновение медальона напротив выпирающих костей – кожа напоминала папиросную бумагу, одна рука просвечивала насквозь. В месте, где медальон касался тела, чувствовалось тепло.

В маленькой примыкающей комнатке располагалась глубокая эмалированная ванна. Натан наполнил ее водой.

Когда от пара запотело окно, он поднял взгляд. Зеркало в ванной тоже покрылось туманом; перед Натаном стояла серая неразличимая фигура примерно одного с ним размера.

Его ногти были черными от грязи, в костяшки пальцев въелись черные линии, словно на рисунке («Рука мальчика», набросок тушью или гравюра), перечеркнутые вдоль и поперек красно-белой штриховкой шрамов, царапин и ссадин. На ладони была та же картина: сетка линий, рассказывавших историю его несчастливой судьбы.

Когда ванна наполнилась, Натан перекинул ногу через край и осторожно, дюйм за дюймом, опустил ее в горячую воду – сперва пальцы, потом все остальное. От его кожи потянулись мутные облачка грязи, расплываясь в чистой воде. Он залез в ванну целиком, погрузившись по плечи, обхватил колени руками и принялся глядеть в сливное отверстие – разинутый черный рот, вделанный посреди белоснежной эмали.

Можно избегать думать о своей боли, но лишь до какого-то момента. Она все время маячит неподалеку, выбирается вверх из живота, объявляет о себе тупым, нескончаемым нытьем, проникает в грудь, разрастается с каждым вздохом, пока наконец не обосновывается в глотке, угрожая тебя задушить.

Вода в ванне уже была однородно-серой, непрозрачной, лишь медальон продолжал сиять – единственное, что сквозь нее просвечивало. Натан вытащил пробку, и когда вся грязь слилась, вращаясь, в черное никуда, наполнил ванну заново, позволяя обжигающе горячей воде вытеснить застрявший в горле комок.

Кран изгибался над чашей ванны, словно хобот алифоньера, извергая из себя воду, как будто животное напилось досыта или решило облиться. Натан принялся отскребать грязь со своих ног – с подошв и между пальцами. Всю грязь, всю мерзость, гнилое зловоние мертвожизни, сточных канав, смерти и предательства. Плеск воды напоминал о прибое, плещущем в Морскую стену. Но как бы Натан ни старался оттереть въевшуюся грязь, годы прежней жизни, скопившиеся под ногтями, инкрустированные в плоть под кожей, отказывались уходить до конца. Вода снова потемнела; язычки газа затрепетали за стеклом ламп; волны заплескались в эмалевые стенки, их тени вырастали и опадали, возвращаясь с боков к его единственному локтю, превращая поверхность воды в бурлящий котел, пока он ворочался и отскабливал себя, царапая ногтями кожу.

Часы на каминной полке в комнате пробили девять, и на девятом ударе вода снова успокоилась. Натан поднялся, взял с полки за ванной

толстое белое полотенце, обернул его вокруг плеч. Он вернулся в спальню; концы полотенца волочились по полу сзади.

Натан уселся на кровать и поглядел на свои ноги. Капли воды падали на паркет, разбиваясь мелкими брызгами. Он сидел и смотрел; часы тикали; капли падали и разбивались, пока на полу под ним не образовалось темное пятно.

Он беззвучно всхлипнул, обхватив себя рукой – она почти дотронулась пальцами до позвоночника, так тесно он себя обхватил. Медальон лежал на его груди, твердый и теплый.

Натан не решился его открыть.

Когда Натан проснулся, он не сразу понял, что спал. Его постель по-прежнему была заправленной, одеяло кучкой лежало на полу. В комнате было не холодно, но от наготы он чувствовал себя неловко. Натан встал и подошел к шкафу с одеждой; не глядя, не думая, сунул руку, схватил первую попавшуюся вещь и надел, заткнув болтающийся рукав за пазуху.

Его призрачная рука выглядела странно, высовываясь из плеча, но не заполняя собой одежду. Он этого не замечал раньше, за всем происходящим.

Он взял круглую металлическую коробочку, которую дал Господин, и открыл ее. Внутри ничего не было – разве что, когда он подносил ее к свету, можно было разглядеть едва уловимый намек на какое-то содержимое. Его плотская рука тоже не смогла ничего нащупать, но под пальцами призрачной руки обнаружилась невесомая, похожая на воск субстанция. Стоило Натану прикоснуться к поверхности, как мазь растеклась по его ладони и дальше, вверх по руке, наитончайшим слоем покрывая каждый дюйм просвечивающей плоти. По мере ее распространения кожа становилась непрозрачной – точнее, полупрозрачной, но уже не просвечивала насквозь.

Его рубашка и жакет внезапно прорвались, реагируя на возникновение препятствия в том месте, где плечо соединялось с рукой. Натану пришлось снять их и взять из шкафа другие.

Солнце светило ярко; судя по качеству льющегося из окна света, был уже полдень. Новая одежда немного жала, но была чистой. Натан расположил медальон посередине, на манер галстука, и подошел к окну.

В дверь постучали – очень мягко, словно целью являлось не разбудить жильца комнаты, но обозначить свое присутствие, как бы на пробу.

Натан подошел к двери и открыл.

Это был Беллоуз. Хотя глаз по-прежнему не было видно, угол поворота носа выдавал тот факт, что он смотрел куда-то в сторону – по-видимому, желая пощадить Натанову скромность в случае, если имелась такая необходимость.

– Мастер Тривз, – проговорил Беллоуз. – Как вы чувствуете себя этим утром? Надеюсь, все благополучно? Вероятно, вы отдохнули?

Натан стоял, безмолвно уставившись на него.

– Будем считать, что на оба вопроса ответ «терпимо». Бодры телом, если не духом, а?

За спиной Беллоуза в обе стороны простирался коридор. На стене висел портрет человека верхом на лошади. Лошадь вставала на дыбы, но человека это, по-видимому, не смущало: он даже улыбался.

– Какой у вас восхитительный медальон, – заметил Беллоуз. – Такой изящный дизайн...

Натан опустил взгляд на упомянутую вещь. При виде нее ему вспомнилась мать – казалось, медальон сиял тем же цветом, что и ее глаза. Натан заставил себя поглядеть в другую сторону.

– Господин прислал вам подарок.

Беллоуз махнул рукой, и мимо него медленно проковылял старик, неся зеркало в узорчатой золоченой раме. Это было то самое зеркало, что показывал Натану Господин; оно было примерно такого же размера, как портрет человека на лошади. После множества стонов и побряхтываний, жалоб и потираний спины старик (вероятно, это и был Комендант) сумел взгромоздить зеркало на стену и повесить на специальную штангу для картин.

– Не хотите ли позавтракать, мастер Натан? – спросил Беллоуз. – Господин сейчас занят Своей работой, но это не должно нас останавливать. Наоборот, Господин всегда подчеркивает, что мы не должны ждать Его одобрения для каждой мелочи, но обустроить свои дела независимо от Него, таким образом беря на себя ответственность за то, что мы делаем, находясь под Его крышей.

– Я хочу пить, – сказал Натан.

– Превосходно! Это легко исправить. Вода здесь имеется в избытке – или пиво, если желаете. Как вам будет угодно.

– Воды, если можно.

– Очень хорошо! Пройдемте в столовую.

Когда они выходили, старик кивнул им и вышел следом.

XLVIII

Столовая располагалась неподалеку; ее дверь выходила в тот же коридор, что и Натанова спальня, и из ее окон открывался вид на море. Воду усеивали корабли с красными парусами, цепочкой муравьев просачивавшиеся через Морские ворота и устремлявшиеся к горизонту.

– Какой чудесный день! – провозгласил Беллоуз.

Натан поглядел на него. При дневном свете он казался даже более странным, чем в свете газовых ламп в коридоре. Здесь, на фоне голубого неба и полуденного солнца, он больше не выглядел плодом сновидения, иллюзии или магии, но был реальным человеком в реальной одежде – однако искаженным, видоизмененным по сравнению с обычным человеком.

– Может быть, вы предпочитаете какую-нибудь особенную еду? Повар может приготовить вам все, что вы пожелаете. Господин недвусмысленно дал понять, что мы должны обращаться с вами как с почетным гостем, а Его гостеприимство не знает границ! Видите эти корабли с красными парусами там, в море? Они ведут торговлю с самыми отдаленными уголками мира, откуда привозят разнообразные деликатесы.

Корабли Натан видел. Насчет отдаленных уголков он не был так уверен.

– Можно мне хлеба?

– Разумеется, вы можете поесть хлеба! Я сам поем вместе с вами. У нас имеется богатый выбор самых лучших сортов хлеба. И сыров. А также солений и маринадов, консервированных продуктов и паштетов – всего, чего душа пожелает! И засахаренные фрукты на закуску.

Беллоуз кинулся к окошечку в стене, соединявшему столовую с кухней, возбужденно рассекая конечностями воздух.

В левой части окна виднелся краешек Морской стены, окружавшей порт, но не было даже намека на сам город.

Беллоуз вернулся вместе с низеньким пожилым человеком, который выглядел еще старше того, что вешал зеркало, но казался несколько более энергичным. На нем были безрукавка и фартук;

посередине его головы была лысина, но оставшиеся по бокам волосы, длинные и тонкие, свисали ниже воротника. Он нес серебряное блюдо, на котором лежал нарезанный ломтями каравай и, рядом с ним, глыба масла. Повар поставил блюдо на стол и жестом пригласил Беллоуза и Натана садиться.

– Он не разговаривает, – пояснил Беллоуз, – но во всех остальных отношениях превосходный малый! Верно я говорю, Повар?

Тот кивнул и вернулся на кухню, откуда немедленно донесся стук ножа, за которым последовали грохот и звон посуды.

Беллоуз подошел к буфету и в несколько приемов принес из него блюдца и хлебные тарелочки, ножи, вилки и ложки, кувшин с водой и стаканы, приправы в баночках с крошечными ложечками, вставлявшимися в специальные отверстия в крышках, – соль, перец, мускатный орех. Все это он расставил на столе между ними, после чего выложил для Натана на отдельную тарелку кусок хлеба, накрыв его толстым ломтем масла.

– После еды я покажу вам детскую комнату, но сперва поешьте, прошу вас.

Беллоуз наполнил стакан водой из кувшина и придвинул его к Натану.

Возле Натановой тарелки лежало несколько ножей. Один был широким, с круглым кончиком, – для масла; другой, с загнутым концом, – для сыра. Имелся здесь и хлебный нож, хотя каравай был уже нарезан. Еще один нож, гораздо более острый, предназначался для срезания мяса с кости.

– Ага! – вскричал Беллоуз. – А вот и Повар возвращается!

В руках у Повара была деревянная доска в три фута шириной, на которой было расставлено такое множество всевозможных вещей, что Натан не мог охватить их одним взглядом, – ветчина, курятина, пирожки, блюдечки с заливным, груши, целые круги сыра. Вдобавок ко всему на голове Повара размещалась корзинка, и когда он поставил ее на стол, Беллоуз тотчас склонился над ней и принялся с энтузиазмом внюхиваться, втягивая воздух черными пещерами ноздрей. Его голова была совсем недалеко от Натана.

Натан поглядел на нож для мяса, по-прежнему лежавший на столе, под его медленно покачивавшимся медальоном. Он взял нож в руку.

Закончив нюхать хлеб, Беллоуз повернулся к Натану:

– Есть что-то чудесное в простых вещах, когда они сделаны хорошо, вы не находите? Например, этот хлеб с маслом... Или ваше украшение...

Натан стиснул рукоять ножа с такой силой, что у него заныли пальцы, но Беллоуз уже откинулся обратно на спинку своего сиденья.

– Этот медальон – очень полезная вещь. Знаете ли вы, мастер Натан, что такое «интердикция»?

Беллоуз теперь находился от него дальше расстояния вытянутой руки – не слишком далеко, но и не совсем рядом.

– Это слово означает запрет, – продолжал он, игнорируя молчание Натана. – Если вам придет в голову сделать что-либо запрещенное, или подумать о чем-либо запрещенном, или задать запрещенный вопрос, подумайте о своем медальоне. Это вам поможет. Вы теперь находитесь в доме Господина, и сделать что-либо такое, что Он запретил, будет серьезной ошибкой. Дотроньтесь до медальона.

Натан поглядел вниз. Вот он, медальон. Ему было сказано до него дотронуться – и он дотронулся.

Если Натан и хотел сделать что-либо запрещенное с этим ножом, теперь желание пропало. В том месте, где медальон соприкасался с кончиками его пальцев, все подобные чувства немели – и это онемение стремительно распространялось до тех пор, пока не заполнило собой все.

– Ешьте! – пригласил Беллоуз. – Господин сказал, что вам предстоит учиться, а мальчики не могут учиться на пустой желудок. Болезненные ощущения, создаваемые голодом, затрудняют способность к концентрации, мешают видеть вещи правильно. Вы согласны со мной, мастер Натан?

Беллоуз взял собственный нож, и его руки замелькали с такой быстротой, что Натан не мог за ними уследить. Он резал, кромсал и рассекал, пока его тарелка не наполнилась кусочками пищи.

– А видеть правильно совершенно необходимо: нужно понимать все так, как оно есть, чтобы действовать в мире надлежащим образом. – Беллоуз взял вилку и воткнул ее в клинышек желтого сыра. – Вы понимаете, о чем я говорю?

Натан вздохнул полной грудью – глубоко, легко, свободно – и откинулся на спинку стула, так что медальон снова оказался на своем

месте, напротив сердца. Он отложил нож для мяса, взял нож для масла и обратил взгляд к разложенной перед собой трапезе.

– Вот и превосходно! – сказал Беллоуз, и оба принялись за еду.

После завтрака Беллоуз, выполняя свое обещание, провел Натана в детскую.

Как и столовая, она выходила в тот же коридор, что и его спальня, однако в этом конце проход становился заметно уже, а потолок ниже. Сперва Натан решил, что это просто эффект освещения, ведь здесь не было окон, в то время как в столовой их было множество, так что они заполняли всю комнату дневным светом. В темноте все кажется более тесным, более неуютным, более угрожающим, а светильники, пытавшиеся восполнить промах архитектора, сэкономившего на оконном стекле, мигали слабым желтым светом и не давали достаточной яркости. Однако затем он увидел, что Беллоуз идет, согнувшись крючком и опустив нос к самому полу, вместо того чтобы, как обычно, гордо нести его перед собой. Вскоро кончик его носа уже почти касался носков туфель, которыми он шаркал по узкой ковровой дорожке, поскольку попытка идти, поднимая колени, привела бы его к удару по лицу.

– Видите, мастер Натан: если вы когда-либо сомневались в предусмотрительности Господина, сейчас ваши сомнения должны рассеяться! Насколько идеально Он обеспечил ваше удобство – даже в обустройстве этого коридора, приспособленного к росту ребенка! Я, человек взрослый, не могу проникнуть дальше, не опустившись на четвереньки, что было бы ниже моего достоинства. А посему вот вам ключ от двери, которая находится в конце. Не смущайтесь, если вам покажется, будто замок заело: нужно просто немного поворочать ключом и потянуть дверную ручку вверх. Комендант никак не может починить этот замок по причине своего роста и больных суставов.

Беллоуз вручил ему черный металлический ключ. Он был массивным с виду и весил соответствующе; казалось, таким ключом должны открываться ворота на кладбище или в какой-нибудь музей. Натан взял его.

– Дверь дальше по коридору. Беллоуз останется тут в одиночестве.

Натан двинулся дальше. Через несколько шагов он оглянулся: в этом тесном пространстве Беллоуз напоминал краба, скорчившегося

на дне корзины.

Когда волосы начали касаться потолка, Натан наконец подошел к двери, которая оказалась не менее грандиозной, чем ключ, – темная деревянная панель, окованная проклепаннами полосами черного металла.

Дверь не открывалась.

– Пошевелите ключом! – донесся голос Беллоуза из гулкой глубины коридора. – И одновременно приподнимите дверь за ручку!

Когда дверь открылась, за ней был сплошной свет.

Глазам Натана потребовалось некоторое время, чтобы привыкнуть. Когда это наконец произошло, он увидел перед собой комнату в форме восьмиугольника. Только в двух стенах не было окон: вместо них были двери. Та, в которую он вошел, и другая, напротив. Окна были высокими, просторными и сделанными из цветного стекла, через которое лился яркий свет. Каждое представляло собой картинку на какой-либо сказочный сюжет (это было очевидно), и в каждом сюжете присутствовал маленький мальчик. Тут он сражался с драконом, там держал в руке драгоценный камень, и все это сияло и отсверкивало во всех направлениях.

Комната была полна различных предметов. Разумеется, здесь были мебель и книжные полки, но также имелись стеллажи и шкафчики, заваленные всякой всячиной – манекенами и коробками, миниатюрами и шкатулками, игрушками и настольными играми; все было сделано с исключительным изяществом.

Под его ногами был ковер с изображением того же мальчика, что и на окнах, – теперь он был одет как принц или, возможно, король, с золотой короной и в пурпурном облачении. На его груди висел медальон, точь-в-точь такой же, как у Натана.

В комнате пахло воском и уксусом, словно здесь только что отполировали все деревянные поверхности и помыли стекла.

– Я позову вас к вечерней трапезе! – крикнул ему Беллоуз из коридора.

Натан кивнул, и Беллоуз двинулся обратно. Натан прикрыл дверь.

Она закрылась со щелчком.

Все, на что только ни падал взгляд Натана, было для него новым и восхитительным – сделанная из войлока голова лошади с пуговичными глазами, водруженная на полосатую палку, с гривой из

мягких каштановых волос опиралась на шкафчик, в котором за стеклом находились разнообразные жуки и бабочки, наколотые на булавки, каждая со своим ярлыком, тщательно выписанным каллиграфическим почерком; на шкафчике лежала расчерченная на квадраты доска и игральные фигурки, а рядом сияла серебряная карета с дверцами, которые открывались, и колесами, которые вращались с замечательно четким тихим стрекотом и могли ускоряться или замедляться, в зависимости от того, быстро или медленно ты их крутил; внутри кареты сидели крошечные фигурки мужчины и женщины, выполненные в мельчайших деталях, вплоть до пряжек на его туфлях и складок на ее нижней юбке. Когда Натан толкнул карету вдоль ковра, она покатила по полированным направляющим, остановившись у ног рыцарского доспеха – детского размера, из потускневшей стали, с заляпанными грязью стопами и икрами и застрявшей в шпорах землей, вооруженного секирой с деревянной рукояткой, такой гладкой, что Натан не смог ощутить шероховатость, даже проведя по ней кончиком пальца. Кожаная стропа идеально обхватила его запястье, а лезвие оказалось таким острым, что, когда он рассек им воздух, послышался звук, как от рвущегося шелка. Позади забрала, в глубине доспеха, была темнота – в точности той же величины и формы, что и сам Натан, словно доспехи были сделаны специально для него.

На столике рядом с доспехом расположился фарфоровый зверинец – незнакомые ему животные, по паре каждого вида, и рядом с ними корабль, внутрь которого их следовало поместить; места, где они должны были стоять, были отмечены на палубе контурами их следов. Это была одновременно игрушка и пазл: оказавшись на корабле, животные примыкали друг к другу так тесно, что их разделяло не больше толщины волоса. Если один оказывался не на месте, то всех приходилось вытаскивать обратно, чтобы начать сначала, но, как ни странно, удовольствие от этого не становилось меньше: гладкие фигурки так приятно лежали в руке, были такими прохладными и изящными, настолько тонко и совершенно сработанными, что он был бы готов повторять это снова и снова, если бы другие чудеса, не менее изумительные, не притягивали к себе его внимание. Здесь была заводная машинка, переносившая шарики на верхушку наклонной поверхности, по которой они затем катились вниз – лишь для того,

чтобы механизм вновь поднял их, через серию последовательных перемещений, обратно на горку, причем их траектории можно было изменять, дергая и поворачивая крошечные рычажки; в одном месте можно было подбирать более крупные шарики, в другом – более мелкие, и каждый из них следовало разместить рядом с шариками того же размера или цвета в специальных отделениях, из которых их можно было потом брать для нового путешествия. Переливаясь всеми цветами радуги, они катались кругами по разнообразным маршрутам; и это захватило его настолько, что Натан не понимал, как он мог обращать внимание на что-либо другое. Однако затем он обнаружил мушкет, из которого можно было стрелять по мишени бумажными пулями, и лук, сделанный из кости, стрелявший заостренными перьями, и крошечную театральную сцену, на которой можно было размещать фигурки актеров...

Натан моргнул. Он набрал полную грудь воздуха, словно пытаясь привести себя в чувство, взял в ладонь висевший на груди медальон, ощутил его тепло.

А ведь в комнате была и другая дверь... Она была закрыта на засов, к которому не требовался ключ.

Натан отодвинул засов и толкнул дверь. Петли были хорошо смазаны, и она отворилась беззвучно. По ту сторону была трава и огромное голубое небо – цвета были первым, что увидел Натан: зелень и безупречную голубизну.

Он переступил порог – и под подошвами его шлепанцев оказалась густая трава; стебли торчали с боков, мокрые от росы. Натан снял шлепанцы и оставил их у двери, чувствуя, как прохлада забирается между пальцами ног. Небо окружало его – лишь когда он повернулся обратно, простор оказался нарушен стенами башни за его спиной, решетками окон. Однако впереди небо было повсюду.

Что это, сон? Почему-то это казалось сном.

Но даже если это был сон, Натан прошел немного вперед, и сон не закончился.

Некоторые сны становятся беспокойными в тот момент, когда ты осознаешь, что спишь. Однако трава и небо никуда не девались, и их окаймляла стена, зубчатая, словно укрепления замка. Она находилась шагах в пятидесяти от двери – прочная, по меньшей мере в фут толщиной, сделанная из крепкого камня, шероховатого на ощупь.

По ту сторону стены, далеко внизу, располагался город – к нему спускались завитки Стеклоанной дороги, пронизывая его, словно спираль раковины улитки, вплоть до самой Морской стены. Медальон на шее слегка закачался, вычерчивая точно такую же спираль.

Море накидывалось на Морскую стену, боролось с ней, стремилось сделать все плоским, привести мир к его изначальному состоянию, плоскому и нетронутому человеком, однако отсюда, сверху, кипение валов казалось не более чем детскими капризами: так много гнева и усилий, и все впустую! Натан находился настолько выше всего этого, что не слышал даже грохота волн – его уносило незаметным ветерком.

Далеко внизу находились труппы, Торговый конец. Далеко внизу были Поставщик и Гэм, мать, Присси, Сириус с Анаксимандром. Далеко внизу была мертвожизнь и Живая Грязь. Призраки... Но он был так высоко над ними!

В оставленной им комнате имелся телескоп – Натан нашел его в ящике с картами, рядом с коробкой спичек, которые, будучи зажжены, горели разноцветными огнями, и воздушным змеем величиной с ладонь. Он мог бы взять этот телескоп, если б пожелал, и навести на клетку с алифоньярами в Зоологическом парке. Он мог бы увидеть в него все, что угодно. Однако...

Медальон в его ладони был теплым и успокаивающим.

Когда Натан повернул обратно, перед ним вновь оказалась башня, похожая на угловую башенку замка из старинной истории, с крутой островерхой крышей, окруженная со всех сторон травой и примыкающая к стене, так что вся конструкция составляла восьмиугольный садик.

Однако здесь была не только трава – также имелись и деревья. Фруктовые с низко нависшими ветвями, усыпанные вишнями, яблоками и грушами, которые можно было есть, и высокие дубы, на которые можно было взбираться; с одной ветки свисала веревка с привязанным на конце суком, куда можно было сесть и где можно было раскачиваться, вместо травы под этим местом была вытоптанная площадка, высохшая на солнце и пыльная. Рядом с небольшим прудиком стояла плакучая ива, дававшая тень. В прудике плавали толстые карпы – белые, черные, в золотую и серебряную крапинку. Когда Натан подошел, карпы высунулись из воды, беззвучно шевеля

ртами, словно хотели ему что-то сказать. Они плыли за ним, разглядывая его, пока могли, потом снова ныряли, но лишь для того, чтобы опять показаться над поверхностью, вдоволь насытившись водой.

С одной стороны сада был вкопан деревянный столб с зарубками от бесчисленных ударов мечей и секир; возле него располагалась мишень для стрельбы с торчавшими из нее стрелами, на которую был повешен лук – как раз по его руке.

Еще здесь был фонтан и рядом с ним – скамейка. Натан набрал пригоршню вишен, помыл их в фонтане, сел и принялся есть, выплевывая косточки по длинной ленивой дуге, так что они падали в густую траву и исчезали в ней.

Почему бы не попробовать надеть доспехи?

Почему бы не взять секиру и не поиграть? Не порубить ею столб?

Он сел и принялся возить во рту вишневую косточку, прижав ее языком к задней стенке зубов. Она слегка постукивала о зубы – это не столько было слышно ушами, сколько ощущалось костью челюсти. Какое-то время Натан занимался этим, не двигаясь с места и держа руку на груди.

В конце концов он выплюнул последнюю косточку, подбежал к двери и вернулся, неся доспехи. Он разложил их на траве перед собой, вытащил стойку и разобрал доспехи на части, так что каждая лежала отдельно – шлем, горжет, оплечье, нагрудник и далее, вплоть до поножей и саботонов. Выложенные таким образом, они заняли больше места, чем занял бы он, вытянувшись рядом во весь рост.

Надеть их оказалось труднее, чем представлялось. Натан обнаружил, что, если сразу же надеть шлем, забрало постоянно падает на глаза, а если сперва обуться в саботоны, то поверх них уже не натянуть поножи – но все это тоже было частью игры, все это завязывание и развязывание кожаных ремешков и застегивание и расстегивание пряжек у каждого предмета по очереди. В какой-то момент ему подумалось, что можно было бы снять медальон, чтобы было проще надевать нагрудник, но Натан этого не сделал. Он перекинул медальон назад, так, что теперь тот свисал на спину.

Когда доспехи наконец оказались на нем и на траве осталось лишь несколько непристегнутых частей, он попробовал повернуться в одну и другую стороны, погибать руки и ноги, пробежал несколько шагов –

все работало великолепно. Натан сам не знал почему, но каким-то образом чувствовал, что доспехи сидят на нем как надо. Он взял секиру и побежал к деревянному столбу, и когда секира ударила по дереву, доспехи лязгнули в такт, и удар отдался в колени и локти так же, как прежде вишневая косточка стучала о зубы.

Ему понравилось.

А теперь почему бы не снять с себя доспехи и не поглядеть в небо?

Почему бы не расслабиться?

Когда он снял доспехи, голубой цвет неба уже начинал темнеть, и обрывки высоких облаков заполняли его рябью, словно следы, оставляемые волнами на песке.

Ветерок принес голос Беллоуза, звавшего его к ужину.

После ужина Беллоуз взял Натана за руку и повел в новое место. Натан шел за ним, не задавая вопросов. Сколько он уже здесь? Неужели всего один день? Казалось, прошла целая вечность... Может, действительно вечность? Где он был до этого? Детская... завтрак... постель...

Беллоуз что-то говорил, а значит, его нужно было слушать.

– Образование должно быть для мальчика, как вода для рыбы, Господин говорил это неоднократно. Мальчик должен окружить себя им со всех сторон, чтобы оно его поддерживало и питало и предоставляло среду для его существования. Без образования ребенок барахтается на берегу и в конечном счете гибнет – что вы, весьма вероятно, можете подтвердить на основании личного опыта. Сам я так давно пользуюсь преимуществами данного мне Господином образования, Его мудрости и Его щедрости, что даже не смог бы припомнить, на что может быть похоже отсутствие всех этих вещей; но мне кажется, что, если бы я лишился одной из них даже на день, это было бы просто ужасно! Мне больно думать о том, как вы – и другие мужские дети, подобные вам, – скитаетесь по миру без цели, без опоры, лишенные своей стихии, трепыхаясь и хватая ртом воздух!

Беллоуз вытащил носовой платок – тот самый, огромный, белый, размером со скатерть, который Натан где-то видел прежде, но не мог припомнить где, – и промокнул им уголки носа там, где тот скрывался под шляпой, а также, возможно, глаза, если они у него вообще имелись. Он заговорил снова лишь после того, как привел себя в чувство и разгладил лацканы своего сюртука:

– Ну, как бы там ни было, не будем погружаться в прошлое! Сегодня мы познакомим рыбу с водой и позволим ей немного поплавать. Я буду руководить и одновременно следовать – и кто знает, куда мы с вами приплывем! Не так ли, мой мальчик?

Натан пошел за Беллоузом, след в след, вот только шаг у Беллоуза был значительно шире, чем у него, так что Натану приходилось прыгать, чтобы покрыть недостающее расстояние. Он так и не придумал, что ответить, и Беллоуз, заполняя наступившую в разговоре

паузу, принялся описывать людей, изображенных на картинах, мимо которых они проходили, и места на обрамленных рамами картинах. Он давал краткие жизнеописания художников, которые изобразили все эти цветы и вазы, связки кроликов, подвешенные за задние лапы, и тушки подстреленных уток с остекленелыми глазами. Коридор тянулся бесконечно; было трудно поверить, что проход такой длины может поместиться внутри одного здания или что в Мордюю может найтись достаточно художников, чтобы нарисовать все картины, украшавшие его стены.

Когда коридор все же закончился, они прошли под белой оштукатуренной аркой и оказались в сводчатом зале. Его крыша представляла собой стеклянный купол, по которому барабанил дождь. Вода стекала сплошными полотнищами, просвечивая насквозь, так что на стены, словно призраки волн, ложились прозрачные тени.

Библиотека напоминала ту, что была в Гэмовой берлоге, вот только Натан теперь не мог припомнить, как она выглядела. Здесь книги были расположены таким образом, чтобы совпадать по цвету и высоте: на каждой полке стояли книги определенного типа – по десять, двадцать, пятьдесят в ряду. Полок было так много, и они поднимались вдоль стен на такую высоту, что незначительных арифметических познаний Натана было недостаточно, чтобы их пересчитать. Впрочем, он внезапно ощутил необходимость сделать такую попытку. Скажем, по пятьдесят книжек на полку, пятьдесят полок... Сколько получится?

В комнате пахло кожей и перестоявшими пряностями, на корне языка ощущался вкус пыли, в глазах – сухость.

Беллоуз прошагал к небольшой кафедре, на которой уже лежала раскрытая книга с заложенной между страницами красной лентой. Он встал, склонившись над книгой, и жестом пригласил Натана садиться.

– Я слышал, Натан, что вы не умеете читать. Это действительно так?

Натан опустил взгляд на парту, за которой стоял единственный стул. На столешнице были вырезаны и нацарапаны чернилами примитивные изображения – виселицы, драконы, кошка (вид сзади). Кое-где попадались и буквы. Натан понимал, что это такое, но стоящее за этим значение было ему недоступно. Нет, он не умел читать.

– Ваша голова склоняется от стыда? – спросил Беллоуз негромко и участливо. – Дорогой мой мальчик, в невежестве нет ничего

постыдного. Невежество – не что иное, как замечательная возможность, чудесная пустота, предшествующая восторгам обучения и знания! Не пытайтесь спрятать свое невежество – напротив, вынесите его на свет! Принесите его ко мне, как принесли бы пустой сосуд, желая его наполнить. В этой комнате, среди этих книг, вы обнаружите неиссякаемый источник познаний. От вас требуется всего лишь выразить свою жажду – и они будут вам даны! Подставьте свою пустую чашу, свой пересохший бокал, свою треснутую тарелку – и Господин наполнит каждую из этих посудин до края и даже с избытком!

Беллоуз жестом показал, что он должен выйти из-за парты, и вновь Натан сделал то, что ему было приказано. Подскочив к нему, Беллоуз приобнял его за плечи и чуть не насильно повел вдоль рядов полок.

– На этих полках содержится мудрость веков, собранная и сохраненная Господином, которая, если бы мы только могли вместить в себя ее всю, позволила бы нам знать все те вещи, что были известны великим мудрецам прошлого. Только вообразите! Если бы мы только могли пропустить сквозь себя их слова, понять и сохранить их смысл, разве не стали бы мы тогда столь же великими?

Беллоуз указал на несколько полок, преимущественно заставленных книгами в коричневых переплетах, за несколькими исключениями:

– Вот здесь мы найдем философию – область знаний, которая исследует мысли так, как если бы они были абстрактными вещами, после чего, упростив их и приведя к сжатой форме, раскрывает законы, управляющие нашим мышлением. Здесь находится химия, занимающаяся тем же самым, но только с вещами внешнего мира, так что мы можем наблюдать, как каждое вещество сочетается с другими, составляя в результате знакомые нам объекты. Здесь – юриспруденция, которая дает определения надлежащему и ненадлежащему поведению; а здесь – история, где записаны деяния людей прошлого. Далее идет литература, за ней политика, и наконец мы подходим к самому небольшому, но далеко не незначительному разделу нашей библиотеки – магии!

Книг, на которые Беллоуз указывал Натану, действительно было немного, однако их важность подчеркивал сам шкаф, в котором они

были размещены: застекленный, с украшениями в виде декоративных цветов и птиц. Внутри находилось всего с дюжину книг, и вместо того чтобы стоять ровно, словно солдаты, выпрямившиеся на параде, каждая из них возлежала на отдельной пухлой шелковой подушечке. Книги разделяло расстояние в ладонь шириной.

– Этот шкаф заперт, – пояснил Беллоуз.

– Но здесь нет замочной скважины, – заметил Натан.

– Совершенно верно, и ключа тоже нет. Его запер Господин, и установленный Им Закон запрещает доступ к книгам для всех, кроме Него и Его доверенных лиц.

После этого, о чем бы и с каким бы энтузиазмом ни говорил Беллоуз, внимание Натана постоянно возвращалось к запертому шкафу. Служитель пытался его отвлечь: он перемещался в противоположный конец комнаты, с неподдельным восторгом и бурной жестикуляцией выражал свою любовь к вычислениям, открывал толстые тома и указывал на отдельные пассажи похожим на сучок пальцем; однако рано или поздно взгляд Натана обращался на раздел магии, словно почтовый голубь, возвращающийся на свой насест. Что они могут, эти книги? Кто их написал? И зачем? В отличие от остальных книг, которые, кажется, были не прочь хранить свои секреты до тех пор, пока Беллоуз их не раскроет, эти прямо-таки умоляли о том, чтобы их поняли.

Беллоуз щелкнул пальцами, приступая к новой теме, и Натан постарался сосредоточиться.

Когда Натан наконец вернулся в свою комнату, в ней было темно, занавески были задернуты, а лампа зажжена. Казалось, он отсутствовал так долго, что все здесь вновь стало незнакомым. Он набрал ванну, соскреб с кожи остатки книжной пыли и пота после игр, наложил на руку мазь (рука уже почти полностью вернулась к своему прежнему состоянию) и надел ночную сорочку.

Уже подходя к кровати и не желая ничего, кроме как немедленно погрузиться в сон, он вдруг заметил зеркало, которое повесил утром старик Комендант. Что там говорил Господин – в нем можно увидеть своих друзей? Никакой спешки не было, но Натан взобрался на кровать, вытащил медальон так, чтобы тот висел поверх сорочки, а не внутри, и поглядел в зеркало.

Сперва он увидел самого себя: чище и опрятнее, чем предполагал, но это был несомненно он. Затем его облик постепенно растаял, и внутри рамы стали возникать другие образы – застывшие картины, наподобие тех связок кроликов и портретов, что висели в коридоре. Они являлись одна за другой, достаточно медленно, чтобы можно было рассмотреть каждую деталь, но сменяя друг друга с такой частотой, что возникало ощущение движения.

Перед ним появилась Присси. Они с Гэмом что-то искали в канализации. Лицо Присси крупным планом: глаза – печальные. Ее ноги – по колени в нечистотах, платье волочится следом; грязь пачкает платье, но Присси не замечает. Потом Гэм, склонившийся над чем-то, что застряло в желобе. Снова лицо Присси: ладони прикрывают рот. Поверх Гэмова плеча – труп, распухший и синий, затем череп с обгрызенным до кости лицом.

Натан отвернулся, взялся за медальон. Но не залез под одеяло, а снова повернулся к зеркалу.

Он увидел свою мать – она была одна, сидела, глядя в огонь. Затем пошли образы ее мыслей – о Натане, о его отце; затем снова появилась она, глядящая через плечо; затем спина мужчины, рука в кармане, монета.

Натан обнаружил, что изо всех сил стискивает медальон.

В дверь постучали. Натан спрыгнул с постели, оторвав взгляд от зеркала с таким ощущением, будто занимался чем-то запретным. Дверь приоткрылась, и в щелку проник нос Беллоуза.

– Возможно, теплое молоко поможет вам уснуть, мастер Натан?

Беллоуз втиснулся в комнату вслед за своими словами. В руках у него был поднос с дымящейся кружкой посередине.

Натан кивнул, вновь забрался на кровать и натянул на себя одеяло. Беллоуз поставил поднос на столик возле кровати.

– Благодарю вас, мистер Беллоуз, – сказал Натан.

– Пожалуйста, – отозвался тот. – Беллоуз всегда рад помочь. Сладких сновидений.

На протяжении следующих дней Беллоуз устраивал Натану подробные экскурсии по всем книгам в библиотеке, каждый раз обходя раздел магии, но никогда не игнорируя его, используя его очарование, чтобы оттенить сухость других предметов. Одна книга в особенности притягивала взгляд Натана: она была бутылочно-зеленого цвета и воздух над ней словно бы струился.

Беллоуз никогда не читал ему книги из этого раздела. Он брал с полки том за томом, открывал их на задней странице, выбирал из приведенного там списка нужную тему, затем пролистывал книгу к началу. Он читал о движении воды вокруг мира и о том, как солнце заставляет падать дождь. Он читал о первых людях (людях древности, которые отравили землю) и о том, как Бог вернулся, чтобы их наказать. Он читал о крошечных сферах, из которых состоит все в мире, и о том, как эти сферы можно побудить сочетаться друг с другом и таким образом создавать новые вещи. Когда слов оказывалось недостаточно, он наклонялся к Натану и показывал ему цепочки цифр и диаграммы, поясняющие формы объектов и их движения.

Натан слушал его без выражения, поигрывая медальоном и безучастно глядя на то, что ему показывали. Он поддергивал рукава рубашки и покусывал губы, пока Беллоуз возбужденно разглагольствовал о том или ином предмете и воздевал руки, изображая состояние восторга, какого предположительно должен был достигать любой интеллигентный человек при одном созерцании всех чудес, содержащихся в этих трактатах. Почтительно понизив голос, он раскрывал перед Натаном знания настолько могущественные, что,

по его словам, некогда они были доступны лишь королям и священнослужителям. Натан все слышал и кое-что даже понимал, но по большей части речи Беллоуза были для него все равно что грохот волн, бьющихся в Морскую стену, – бессмысленный шелест и только, какая бы сила за ним ни стояла.

Это не проходило незамеченным для Беллоуза. Если Натан до крови прикусывал губу или принимался хрустеть костяшками пальцев, когда перед ним раскрывались предметы, очевидно, имевшие большое значение, но смысла которых он не улавливал, Беллоуз обращался к более легким темам, принимаясь рассказывать об одежде и обычаях людей, живших давным-давно и поступавших не так, как принято теперь, или о различных чудесах прошлого, ныне обратившихся в пыль, и о глупости их создателей, веривших, что нечто незыблемое может быть создано на столь зыбком основании, как их собственные намерения и усилия.

Однако по прошествии недели, когда на библиотечных столах скопились стопки наполовину прочитанных книг, просветительский пыл Беллоуза несколько поостыл, и он начал уделять все больше и больше времени проверке Натановых знаний. Он задавал ему вопрос за вопросом, и раз за разом тон его голоса сперва выдавал изумление от невежества мальчика, а затем становился делано нейтральным. Беллоуз приходил за ним все позже, чтобы Натан мог подольше понежиться в кровати и подольше оставаться в детской или в саду. Здесь Натану было и веселее, и интереснее – всегда находилось что-то, на что он прежде не обращал внимания, или какое-нибудь новое применение для уже знакомой вещи.

По вечерам Натан возвращался в свою комнату и принимал ванну. Первые несколько дней он наносил мазь, но очень скоро ему стало лучше, и он перестал это делать. В любом случае после ванны он вытирался, надевал ночную сорочку и принимался смотреть в зеркало. Однажды оно показало ему костер, возле которого стояли Присси с Гэмом и еще какие-то люди, которых он не узнал. Наверху кучи лежали два тела, завернутые в длинные полосы ткани; их лизали языки пламени. Присси взяла перо огненной птицы и бросила в огонь. Падающее перо... Красная вспышка... Белый дым, стелющийся по ветру...

В другой вечер он увидел Гэма и Присси в штаб-квартире клуба. На столе – нетронутая пища, неоткупоренные бутылки. Присси, поворачивающаяся, чтобы уйти... Сириус, нетерпеливо кружащий по комнате... Вот он завыл, потом лег на пол и накрыл голову лапами...

В последний раз Натану показали «Афанасийский Храм». Раннее утро; в занавешенном окне отражаются рассветные лучи. Вот занавеска отдернулась... Присси, с вычерненными глазами, плачущая... В другом окне – в клетке – незнакомая девочка в голубом платье, с перьями в волосах. «Я здесь, – кажется, говорила она. – Я здесь...»

На следующий день старик Комендант – Натан уже знал, что это он, – пришел и унес зеркало.

После этого у Натана не осталось ничего, кроме уроков и трапез, а также – все в большем количестве – игр.

Как-то утром, когда Натан в сотый раз пытался угадать, какую именно пьесу должен разыгрывать кукольный театр (фигурки и декорации выглядели недоделанными, серыми и аморфными), Беллоуз прервал его занятия раньше обычного, позвав из коридора. Натан подошел к двери, не ожидая ничего особенного, кроме, может быть, более раннего возобновления уроков, но Беллоуз, как оказалось, пришел с подарком.

– Итак, молодой человек, – провозгласил он, – Господин предоставил вам все возможности, чтобы учиться, и вы выразили соответствующее желание. Вы показали себя усердным учеником, однако до сих пор так и не поняли того, что Господин пытается вам внушить. Ваша безграмотность, боюсь, выступает в роли болезни, препятствующей вашему развитию. Господин относится к подобным вещам чрезвычайно серьезно, но в данном случае я, охваченный неуместной гордыней, надеялся излечить вас, избавив Господина от необходимости тратить усилия Самому. Тем не менее создается впечатление, что я не могу ничего для вас сделать: моих умений не хватает для выполнения такой задачи. Поэтому – и это было сделано лишь после серьезнейших размышлений – я пришел с этим вопросом к Господину и поделился с ним своими сомнениями. Как и можно было ожидать, Он смог предложить подходящее решение. Он настолько велик и мудр, что проблемы, кажущиеся мне неразрешимыми, требуют от Него лишь минутного внимания. Порой можно подумать, будто поступать верным образом – Его рефлекс, словно Ему необходим лишь должный импульс, чтобы предоставить ответ на все вопросы!

Во время своей речи Беллоуз держал принесенный подарок самыми кончиками пальцев, слегка поворачивая его то в одну сторону, то в другую. Подарок был упакован в коричневую бумагу и перевязан красной ленточкой, завязанной бантиком, однако, если бы Натана попросили угадать, что это такое, он сказал бы, что это книга.

– Господин попросил меня передать это вам, но на определенных условиях. Я не могу отдать вам подарок, пока вы не согласитесь на эти условия, и если впоследствии вы нарушите любое из данных

обещаний, последствия будут самыми серьезными. Впрочем, есть ли необходимость говорить о последствиях нарушенных обещаний здесь, в этом месте? Кому может прийти желание предать доверие, возложенное на него Господином? Никому! Конечно же, мы все готовы считать выполнение взятых на себя обязательств руководящим мотивом нашей жизни – настолько щедро Господин осыпает нас Своими дарами!

Беллоуз почти уже собрался отдать ему сверток, однако в последний момент снова убрал руку. На этот раз Натан смог разглядеть подарок поближе. Это несомненно была книга – ее корешок и твердые края переплета выступали сквозь коричневую бумагу. В том месте, где ленточка огибала угол, виднелось небольшое углубление, указывавшее на расстояние между твердой обложкой и страницами.

– Условий, которые я упомянул, три. Во-первых, вы откроете подарок, только когда будете один. Во-вторых, вы можете его открыть только в промежутке между снами. И в-третьих, вы не должны спрашивать о заголовке.

– Спрашивать о заголовке? – переспросил Натан. – В промежутке между снами? Я не понимаю...

– Это очевидно. Ничего страшного, со временем поймете. Однако согласны ли вы выполнять эти условия?

– Вы хотите, чтобы я согласился, не зная, на что соглашаюсь?

Беллоуз весь сжался, словно до его слуха донеслось что-то чрезвычайно ему неприятное – скрип мела по грифельной доске или кошачьи завывания.

– Неужели я настолько непонятно выразился? «Когда вы один» означает, что, кроме вас, в комнате никого нет. Под «промежутком между снами» подразумевается время между первым пробуждением в середине ночи (допустим, когда ваш сон закончился каким-либо потрясением и вы испуганно сели в постели или когда вас разбудил какой-нибудь звук) и последующим погружением в сон. Привычка и необходимость предписывают нам в таких случаях незамедлительно вернуться ко сну. Однако первобытный человек осознавал ценность таких ускользающих моментов, когда тяготы прошедшего дня уже позабыты и сон ограждает нас от рационального мира с обеих сторон; он оставался на час-другой в этом состоянии, созерцая сны наяву и размышляя об истинах мира и о стенах, которые мы воздвигаем, чтобы

от них защититься. Вы можете открыть подарок только в такое время. И наконец, вы никогда не будете спрашивать о его заголовке.

– Почему? – спросил Натан, и его рука бессознательно потянулась к цепочке на шее.

– Вам обязательно знать? Казалось бы, вполне достаточно быть проинформированным о том, что такое условие имеется, и видеть, что оно не является обременительным? Или ваше самомнение позволяет вам полагать, будто вы должны – или хотя бы способны – понимать, почему вещи являются такими, каковы они есть? Несомненно, вы отдаете себе отчет, что это не так?

Натан перевел взгляд на подарок. Даже сквозь бумагу он мог видеть, что подарок обладает той же аурой, что и книги в запертом шкафу в библиотеке. Вокруг него как будто что-то поблескивало, искажая воздух, – не совсем свет, но словно бы невидимая линза оказывалась между подарком и глазом каждый раз, когда на него направлялось внимание.

Это была волшебная книга!

– Я согласен, – сказал Натан.

Не успели эти слова сорваться с его губ, как подарок оказался у него в руках, словно Беллоузу внезапно стало невтерпех избавиться от него.

– Уроков сегодня не будет.

Подарок был тяжелым, словно брусок сырой глины, и так же, как глина, немного поддавался под пальцами – лишь самую малость, но он не был твердым, как камень.

– Помните о своих обещаниях!

Когда Натан поднял голову, чтобы ответить, Беллоуза уже не было рядом.

В этот день все его игры прерывались постоянными взглядами в сторону пакета; казалось почти невозможным хотя бы на время выбросить подарок из головы и сосредоточиться на чем-нибудь другом. И в детской, и в саду он притягивал к себе взгляд Натана, и тот лишь с большим трудом удерживался от того, чтобы не начать его терзать, не попытаться оторвать краешек упаковки в месте стыка или хотя бы отодвинуть бумагу, чтобы проверить, не видно ли чего-нибудь в щелочку между слоями. Лишь когда Натан зашел так далеко, что надорвал бумагу там, где в нее врезалась ленточка, он нашел в себе силы отложить подарок.

Он принялся следить за солнцем, дюйм за дюймом, с мучительной неторопливостью перемещавшимся по небосклону на заднем плане его игр: оно пряталось за ветвями, когда он влезал на дерево; висело над мишенью, когда он практиковался в стрельбе; поблескивало на полированной поверхности латных поножей... Если он не обращал внимания на солнце, время проходило немного быстрее, но далеко не так быстро, как должно было, по мнению Натана, если учесть, каких усилий ему стоило отвлечь свои мысли от свертка. Потом, как будто совсем внезапно, наступила темнота, и Беллоуз позвал его к вечерней трапезе.

Непростая задача – есть суп быстро и в то же время соблюдать правила этикета, и если бы Беллоуз орлиным оком не следил за его манерами, Натан полностью отказался бы от последнего ради первого, после чего скатерть гораздо больше напоминала бы поле боя, чем вышло в результате. По крайней мере он смог помыться и приготовить ко сну с желаемой скоростью; но после того, как свеча была задута, растущее напряжение от присутствия подарка, лежавшего в ногах кровати, окончательно отогнало от него сон.

Он лежал, прижавшись щекой к прохладной ткани наволочки, неподвижный, как труп, крепко зажмурив глаза, но мозг позади его сомкнутых век оставался полностью деятельным, словно инстинкт требовал от него реакции на присутствие в комнате книги, невзирая на его стремление не обращать на нее внимания. Любая попытка

игнорировать подарок лишь еще больше побуждала его к бодрствованию.

Через какое-то время Натан сел на кровати, дотянулся до пакета и положил его к себе на подушку. Он лег, положил голову рядом с пакетом, накрыл его рукой, как бы удерживая на месте, и снова закрыл глаза.

Из коридора доносился звук шагов: Комендант медленно шаркал по каким-то своим делам. Снаружи ветер набрасывался на стекла, так что они дребезжали в оконных рамах. Пружины кровати впивались ему в грудь и в живот.

Откуда-то слышалась песня – неторопливая, напевная, на высоких тонах. Натан не мог разобрать слов, но звучала она очень приятно и мелодично: веселая и шутливая, но в то же время похожая на колыбельную. Казалось, будто песня зовет его, приглашает прийти и присоединиться к веселью, где-то здесь неподалеку. Натан чувствовал, что ему очень этого хочется, однако простыни и одеяла лежали тяжелым грузом, подушка была мягкой, вокруг была темнота... Он чувствовал себя уставшим, но песня все не смолкала, и тогда он просто принялся слушать. Такая приятная, такая нежная, прямо тут, рядом, на подушке...

Он проснулся в темноте, словно по щелчку; подарок лежал у него на груди, рядом с медальоном, уставившись на него немигающим взглядом, как мог бы смотреть кот, если впустить его к себе в спальню. Глазам Натана, привыкшим к темноте за веками, хватало освещения в комнате, чтобы видеть. К тому же подарок и сам излучал нечто вроде света.

Теперь, когда момент настал, Натан чувствовал себя несколько неуверенно.

Он придвинулся к изголовью кровати, так что его плечи уперлись в стену, а подбородок прижался к горлу, и вытащил руки из-под одеяла. Сейчас, наверное, самый подходящий момент: он один, в промежутке между снами, и рядом нет никого, кого можно было бы спросить о заголовке.

В комнате было темно, ниоткуда не доносилось ни звука. Двигаясь как бы по собственной воле, его руки нащупали бант и развязали его. Лента соскользнула, но бумага осталась завернутой.

Натан сел прямее и потер заспанные глаза. Теперь, когда пакет лежал у него на коленях, он не мог понять, из-за чего так волновался. Он развернул бумагу.

Как он и ожидал, внутри была книга. Ничего чересчур необычного: переплет из мягкой телячьей кожи, с рисунком, выложенным резной костью и драгоценными камнями, на обложке и корешке. Рисунок изображал реку, перегороженную плотиной так, что она растекалась в небольшой водоем; ниже плотины поток пересекал переднюю часть обложки, переходил на корешок и дальше на заднюю часть, где превращался в корни белой березы. Телячья кожа была выделана очень тонко, но накладки были еще глаже. Натан провел кончиками пальцев по поверхности водоема, вдоль потока и дальше вверх, до ветвей дерева.

Открыв наконец книгу, Натан обнаружил, что страницы пусты. Он проверил каждую, отлистывая их пальцем по одной и разглаживая ладонью, прежде чем перейти к следующей. Ни слов, чтобы ломать над ними голову, ни картинок, чтобы разглядывать. Если Господин

полагал, что это поможет ему научиться читать, то Натан не понимал, каким образом.

Тем не менее он по-прежнему чувствовал исходящую от книги магию, и теперь, когда книга была раскрыта, ощущение стало еще сильнее. Натан поднес книгу к лицу, на случай, если там что-то написано очень мелким шрифтом, но ничего не увидел...

Однако был запах – запах, напомнивший ему о прошлом. Необъяснимое ощущение набухло в горле комком, будто слезы. Натан никак не мог определить, что это за чувство, не мог его объяснить, понять его или дать ему имя, но это было что-то из далекого прошлого, из тех времен, когда он был счастлив... Сам не зная почему, он начал плакать. И это была не единственная катящаяся по щеке слеза, но бурные всхлипы, вырывавшиеся, казалось, из самого его нутра. Натан не заметил, как книга упала обратно ему на колени; он всхлипывал и не мог остановиться, рыдая над странным незнакомым запахом неведомо чего.

Посмотрев вниз, он увидел, что его слезы намочили верхнюю страницу: бумага была в темных пятнах. Он вытер глаза и уже собирался протереть рукавом пижамы книгу, когда одно из пятен внезапно двинулось в сторону. Оно переместилось к левому краю страницы; остальные последовали за ним, там они встретились и слились, образовав какой-то рисунок. Хотя Натан еще не узнавал то, что получилось, это было изображение семени конского каштана. Натан потрогал страницу, ожидая, что она будет влажной, но бумага была сухой. Потом под рисунком возникли два слова, написанные четким, разборчивым почерком. Их Натан тоже не понял. Он провел по буквам кончиками пальцев.

– Конский каштан, – произнесла книга.

Натан подскочил. Он даже не осознавал, насколько в комнате тихо, пока в ней не раздался голос.

– Что?!

– Это конский каштан, – повторила книга. Ее голос был звучным, но с шелестящим призвуком, напоминавшим сухие листья, как будто у нее пересохло в глотке. – Ты этого не помнишь, но твоя мать однажды дала тебе его, когда ты был еще младенцем, новорожденным. Это был большой коричневый плод. Ты его схватил и принялся сосать. Потом,

когда ты подросток, ей пришлось отобрать его у тебя, после того как он начал помещаться тебе в рот.

– Но как?..

– Что – как? Как было получено это знание? Из слез можно узнать очень многое. Слезы маленьких детей имеют волшебные свойства – ты, наверное, слышал об этом. Или ты спрашиваешь, как получается, что ты слышишь мой голос? Но этот вопрос тебе следует задать Господину.

Натан закрыл книгу. Он держал ее перед собой, не зная, что делать дальше или что об этом думать; просто держал.

Когда он снова открыл ее, рисунка больше не было. Слова тоже исчезли; не было слышно и голоса.

– Ты еще там?

Он посидел, но не дождался ответа.

– Поговори со мной!

– Вот, так-то лучше, – немедленно отозвалась книга. – Ты спросил: «Ты еще там?» – но во мне нет никакого «ты». Я книга, и обращаться со мной нужно как с книгой. Разве ты говоришь книгам «ты»? Книги – это вещи. Так определил Господин, и так должно быть. О чем бы ты хотел услышать?

– Не знаю...

– Что ж, Господин желает, чтобы ты научился читать. Хочешь узнать, как это делается?

Натан зевнул – непроизвольно, но от души.

– Или ты предпочел бы вернуться ко сну? Под колыбельную, как в прошлый раз?

– Так это была ты?

– Во мне нет никакого «ты», – напомнила книга. – Однако это так: даже если закрыть мои страницы, звуки станут тише, но никогда не смолкнут полностью – до тех пор, пока Господин не покажет тебе, как заставить их умолкнуть.

– Понятно...

– Ничего тебе не понятно; но не переживай, ты еще молод. Господин желает, чтобы ты не забывал об условиях. Открывай эту книгу, только когда ты один и только посреди ночи. И, что важнее всего, никогда не спрашивай о ее названии. Если ты задашь этот

вопрос, то получишь ответ, а если ты будешь знать ответ, это повлечет за собой последствия. Ты понимаешь?

– Да.

– Ну хорошо. Чем же мы займемся? Будем учиться читать? Или спать? Может быть, рассказать тебе историю?

Натан хотел ответить, но глаза у него слипались, мир темнел и расплывался по краям.

– Или, может быть, все это одновременно?

Голова Натана упала, вдруг оказавшись слишком тяжелой, чтобы шея могла ее удерживать, и тотчас же вскинулась вверх, когда он спохватился. Книга приняла это за кивок – ошибка, на какую способна только книга, не имеющая своего тела и, соответственно, воспоминаний о том, что такое усталость.

– В таком случае вот тебе история Соломона Пила, в стихах и вкратце, – начала книга, выговаривая слова медленно, почти выпевая, а составляющие эти слова буквы стали проявляться на странице – очень крупные, так что почти заполняли собой строку.

– Я знаю эту историю, – пробормотал Натан.

«Вот и хорошо, – молча написала книга. – Тебе будет проще заснуть, если ты увидишь знакомую историю».

– Соломон Пил поплакать любил, – начала книга. – Целует девчонок – ревет, как теленок. Получит по роже – хнычет тоже. Очень плакать любил малыш Соломон Пил...

Когда глаза Натана открывались (то есть примерно половину времени), произносимые книгой слова возникали на странице, еще крупнее, чем прежде, а под ними – нарисованный в несколько линий Соломон Пил, неопрятный паренек в шортах и путающейся в волосах кепке с козырьком, проделывал все то, о чем рассказывала книга.

– Поставщик его вез – парень вымок от слез! Разлился рекой, хоть ходи за водой. Господин его взял – тут-то он и пропал. Он вытащил нож... Натан?

Натан уже соскальзывал в сон, его веки стали такими тяжелыми, что под ними не было видно глаз.

– Ответь мне на один вопрос, – сказала книга.

Натан не отвечал. Его рот был открыт, он дышал глубоко и ровно.

– Ты хороший мальчик?

Книга немного помолчала.

– Видишь ли, Натан, ты должен быть хорошим мальчиком и делать то, что тебе говорят.

Натан уже спал. Во сне он кивнул; ему хотелось заверить книгу в том, что он хороший мальчик, но он не желал лгать. Поэтому он закрыл книгу и засунул ее под свою огромную, пухлую, как облако, подушку.

Когда он проснулся, книга лежала на том же месте. Ее обложка была вся в пятнах от его пальцев, на накладках и телячьей коже переплета отчетливо виднелся отпечаток его потной ладони. Он отлично все помнил – колыбельную, слова на странице, историю Соломона Пила. Если это ему приснилось, то сон был чрезвычайно ярким – более ярким, чем сама жизнь, более насыщенным, без уныния и духоты его обычного окружения. Все имело четкие очертания, словно каждую деталь прорисовали пером, в то время как реальный мир оставался карандашным наброском, еще ждущим чернил. Натан едва не открыл книгу, чтобы посмотреть, на месте ли слова, чтобы услышать, не заговорит ли она с ним. Однако правила были четкими, так что он подобрал с пола ленточку и вновь обмотал ею книгу, завязав спереди бант.

Вместо того чтобы сунуть ее обратно под подушку, он приподнял матрас и положил книгу между матрасом и досками.

После завтрака Беллоуз, не оставляя Натану времени для игр, провел его напрямик в библиотеку.

Он был одет не так, как обычно, – еще более аккуратно, если такое возможно. Стрелки на его брюках и сюртуке выглядели еще более жесткими, ткань еще более темной и вычищенной до последней пушинки, цилиндр надраен еще тщательнее и заломлен под более острым углом. Даже огромная лопасть его носа, казалось, торчала более вызывающе, чем прежде.

Не говоря ни слова, он подошел к классной доске, выставив перед собой намертво зажатый между большим и указательным пальцами брусок белого мела. Когда он в конце концов приложил мел к доске, то сделал это с большим напором, словно ожидал проявления великих событий от этого движения слева направо. Мелок скользил, оставляя за собой белый след, извилистый и петляющий; и на губах Натана безо всяких усилий появились звуки, соответствующие этим петлям. Он не дал звукам погаснуть; почему-то казалось, что он должен их высказать вслух. Это казалось правильным.

– *Sic parvis magna.*

Мелок остановился. Беллоуз вихрем развернулся к Натану; охватившее его возбуждение читалось даже в расположении конечностей.

– И что это значит?

Натан задумался. Ему казалось, будто книга откуда-то издалека думает вместе с ним, помогает ему. Она не давала готовых ответов, но перебирала все те вещи, которые он, сам того не замечая, видел и совершал в своей жизни; показывала образы давно позабытых событий, всего того, что скользнуло по самому краешку его внимания, слов, которые кто-то когда-то сказал в его присутствии, чьих-то каракулей на обрывке бумаги, принесенных ветром клочков...

– Что это хорошее начало?^[3]

– Превосходно!

Беллоуз взял другой брусок мела и вручил его Натану:

– Напишите: «*Repetitio est pater studiorum*».

И Натан сделал это! Мелок крошился и, казалось, был готов вот-вот остановиться между буквами, но стоило Натану дать волю своей руке, и та начинала двигаться сама собой; нужные движения приходили к нему словно из ниоткуда – то ли благодаря тому, что он наблюдал за Беллоузом несколько последних недель, то ли потому, что это просто казалось правильным, а может быть, сказалось все, что он видел в книгах.

– И что это значит? – спросил Натан, когда перед ним оказалось законченное предложение.

Беллоуз вроде бы даже улыбнулся:

– Я думаю, мой дорогой мальчик, что вскоре вы сами это выясните. Сейчас я должен отлучиться по важному делу, но когда я вернусь, мы с вами начнем работу по-настоящему. Пока что вы можете играть; вскоре мы поставим вас на путь, предугаданный для вас Господином, и вы увидите, что каждая секунда совершенных усилий воздастся вам сторицей!

В детской он снова почувствовал, будто пришел в совершенно новое место. Вещи, с которыми он играл прежде (лук, горка с шариками и прочие глупости), казались теперь каким-то ребячеством. Когда его взгляд упал на них, он словно бы ощутил на своей спине чей-то насмешливый взгляд, будто кого-то забавлял его интерес к игрушкам; и пусть насмешка была мягкой и с теплым чувством, все же это была насмешка.

Пытаясь стряхнуть это ощущение, Натан даже подошел к фарфоровому зверинцу и протянул руку к фигуркам, вспоминая их гладкое прохладное прикосновение к пальцам и чувство удовлетворения от совпадения их контуров, но с ним словно бы был кто-то, кому быстро бы приелось нечто настолько примитивное, кто-то, обладавший более изощренными вкусами, кто-то, на кого Натану хотелось бы произвести впечатление. Он обнаружил, что его взгляд обращается к более загадочным объектам – таким, которые прежде вызывали его недоумение или каким-либо образом превосходили его способности.

Это ощущение было не стряхнуть.

Взгляд упал на игрушечный театр, и Натан шагнул к нему. Он взял коробку в руки, вытащил из нее фигурки актеров и выложил их на узорчатом овальном коврикe, накрывавшем паркет посередине комнаты.

И что теперь, если он стал таким умным? Что это вообще может значить, если фарфоровые звери ему больше не годятся? Какие удовольствия можно из этого получить и для какого мальчика они могут быть предназначены?

Он взял несколько плоских кусочков дерева (таких легких, будто дерево, из которого они были вырезаны, само по себе было чем-то невероятно хрупким, чем-то, что легко сломать) и аккуратно положил перед собой. Сама легкость кусочков указывала на их значимость, как будто только тем, кто способен обращаться с вещами бережно и обладает достаточной зрелостью, могло быть позволено играть с

настолько деликатными предметами, в то время как наивность более молодого игрока не принесла бы ему удовлетворения от игры.

Кусочков было около двадцати. Как и фарфоровые звери, каждый из них имел собственную форму. Натан взял два из них, по одному в каждую руку, и хотя они были гораздо более замысловатыми, нежели звери, принцип оставался тем же: они были сделаны таким образом, что для каждого имелась своя пара, и, соединяя пары, можно было соорудить нечто целое. Два элемента, которые он держал в руках, были самыми крупными и совпадали лишь одним углом – в одном кусочке имелась прорезь, в которую выступ на другом входил удобнейшим образом. Когда они оказались вместе, на поверхности каждого проявились нарисованные линии, которые слились, образуя изображение окна-фонаря в профиль; стекла его окон сияли, словно смазанные яичным белком, а внутри виднелся интерьер богато обставленного дома.

Руки Натана закопались в кучку других кусочков и вынырнули с двумя, которые, несомненно, совпадали; и когда эти два кусочка оказались соединены, образовавшаяся фигура могла прилегать к предыдущей лишь определенным образом и в определенном месте. И теперь все то, что так сбивало его с толку, внезапно стало очевидным, а чувство неудовлетворенности, вроде бы висевшее в воздухе, когда он вошел в комнату, исчезло полностью. Руки Натана возбужденно двигались среди кусочков, пока кучка не исчерпалась и перед ним не оказался макет купеческого дома.

Несколько еще оставшихся кусочков были подпорками. Натан вскочил на ноги, внезапно вспомнив, что видел где-то крошечные горшочки с эмалевыми красками. Это были жестяные баночки, крышки которых можно было поддеть только плоским лезвием. Краска в них была настолько яркой, что Натан побоялся оставлять их открытыми, чтобы не испортить ковер, если он опрокинет их и прольет краску. Теперь эти опасения казались мелочными, ребяческими. С какой стати ему опрокидывать что бы то ни было? Кто он, неуклюжий идиот, сшибающий все на своем пути и потом горько жалеющий? Вовсе нет! А вот и кисточки: на каждой лишь горстка волосков, настолько тонких, что, когда он сунул их в рот и смочил слюной, образовался острый кончик, которым можно было обвести контуры крошечного мольберта или наметить зрачки миниатюрного

глаза. Вот для чего предназначалась глина! Теперь он понял: это чтобы делать людей, а крошечные клочки материи должны были служить им одеждой.

Натан не заметил солнца ни в этот день, ни на следующий. Ему не хотелось дожидаться ночи, он не заботился о том, что день подходит к концу; все его внимание было приковано к театру. Он строил сцену, почти не раздумывая, только для того, чтобы удовлетворить это чувство (даже не реальность, всего лишь ощущение), что он не один, что существует кто-то еще, отдельный от него, однако разделяющий его удовольствия, кому могло бы понравиться то, что он делает, кто мог бы одобрить его работу и его самого за то, что он ее выполняет.

Театр медленно рос перед ним, кусочек за кусочком, от мгновения к мгновению становясь все чудеснее. Пока Натан не начинал сомневаться в себе, все было легко: конструкция собиралась сама по себе, словно повинувшись некоему природному закону, о котором он до сих пор не подозревал, – специальному закону, управляющему подобными вещами. Прислушиваясь к этому закону, он мог быть уверен, что его работа движется в правильном направлении, даже несмотря на то, что рядом не было Беллоуза, который мог бы сказать ему, что правильно, а что нет, как если бы правила скрывались в самой работе, в деятельности, необходимой для ее выполнения. Впервые в жизни Натану казалось, будто он нашел что-то, чему мог отдаться, чему мог посвятить себя: следованию этим правилам, пусть даже еще не оформившимся и нигде не записанным, помимо самого акта созидания. Словно, признавая эти правила и следуя им, он получал некую власть над миром, узнавал о нем нечто такое, чего не знали другие, чувствовал себя наконец-то настроенным на некую волну. Это чувство внезапно оказалось самым важным в жизни – единственным, что имело значение; и Натан не мог понять, как он мог прожить целую жизнь без него.

Когда Беллоуз позвал его обедать – о появлении служителя возвестила волна ароматов тушеного мяса и капусты, катившаяся вдоль низкого коридора, – у него уже была готова сцена вкупе с авансценой, занавесом и прочим, а также имелись прорези, куда можно было вставлять новые декорации, и люки, в которые могли прятаться и

из которых могли появляться различные вещи. Все, что ему теперь было нужно, это актеры. Но об этом он подумает завтра.

Беллоуз провел его в столовую, где Повар уже расставлял тарелки с едой.

– Ну что, Натан, как вы себя чувствуете этим вечером? – спросил служитель. – Сдается мне, неплохо. Вокруг вас витает дух чего-то нового, какой-то чистоты и силы.

Здрав нос кверху, Беллоуз склонился к Натану через стол. Впервые за все это время Натан увидел его рот, прятанный среди высоких накрахмаленных воротничков. Беллоуз втянул в себя воздух; даже в тени было видно, насколько розовые у него губы – контраст с белым полотном лишь прибавлял им яркости. Потом они раздвинулись, обнажив клыки (два тупых клина, поблескивавшие на том месте, где у нормального человека должна находиться шея), длинные и скошенные, как у хорька.

– Вы обучаетесь – я чувствую это по вашему запаху. В нем есть развитие, сложность, движение по направлению от мальчика к мужчине... Не в вульгарном смысле, прошу понять меня правильно; я говорю об углублении ваших способностей к различению.

Натан опустил взгляд в тарелку, почти смутившись. Хотя чего тут было смущаться?

На его тарелке, в лужице подливки, лежали три идеально круглые картофелины, слегка желтоватые, совсем как зубы Беллоуза. Рядом с ними расположились три кубика мяса, каждый на один укус, а еще дальше – три морковки, похожие на те, которыми Поставщик угощал своих лошадей, но сморщенные и подходящего размера для детского рта. Закончив нюхать, Беллоуз обратил внимание на собственную тарелку, содержащую в точности те же продукты, что и у Натана, только куски были крупнее, и их было по пять, а не по три.

Пронзив длинной вилкой одну из морковок, Беллоуз ловко просунул ее в щель между воротничками. Продолжая жевать и глотать, он заговорил снова:

– Сегодня был хороший день. День побед. Маленьких, но тем не менее это победы! С завтрашнего дня, Натан, я начну учить вас бороться.

Беллоуз положил вилку обратно на край тарелки и сложил ладони так, словно собирался прочесть проповедь.

– Везде, где есть власть, Натан, имеется и конфликт. Собственно, это тавтология, ибо, в конце концов, что есть власть, как не сила преодолевать то, что стоит на твоём пути? Господин желает, чтобы вы осознали этот принцип, как в общем виде, так и в частностях. С завтрашнего дня я примусь за ваше образование в этом отношении. Вы узнаете о Маларкои и Госпоже, познакомитесь с историей и философией, а под конец вам предстоит обучиться также стратегии и тактике.

Натан положил в рот одну из картофелин, круглую, как конский каштан, укусил – и его зубы легко прошли сквозь корнеплод. Ему показалось, будто краем глаза он увидел за оконной рамой какую-то фигуру (девочку в голубом, с перьями в волосах), но когда он повернулся в ту сторону, то увидел лишь собственное отражение.

– Вы не обычный мальчик, Натан. Вы не похожи на других. Вы понимаете это?

Натан кивнул, хотя был не совсем уверен почему. Дожевывая то, что было во рту, он спросил:

– А где остальные?

– Остальные?

– Ну да, другие мальчики, которых привозит сюда Поставщик. Когда я сюда приехал, некоторых оставили здесь, а меня отправили обратно. Что случилось с теми, кого оставили?

Беллоуз снова взялся за вилку. На один зубец он насадил кусочек мяса, на другой картофелину и принялся возить ими по тарелке, пропитывая соусом, пока они не заблестели. После этого он поднял их над тарелкой и подождал, пока подливка стечет обратно, вращая вилку в процессе ожидания.

– Другие мальчики занимаются тем, к чему более всего пригодны, исполняя задачи, наилучшим образом подходящие для них. Даже щедрость Господина не настолько велика, чтобы раздавать людям монеты, не получая ничего взамен. Эти мальчики отрабатывают свою плату самыми разными способами.

– Но где они все? Я здесь больше никого не вижу. И не слышу тоже.

Последняя капля соуса упала в тарелку, и Беллоуз смог взяться за еду без опасения испачкать свой воротник. Он принялся жевать, молча. Натан ждал, двигая еду по своей тарелке слева направо, а затем справа налево. Наконец правила этикета позволили служителю заговорить снова:

– В доме Господина множество помещений, и некоторые из них отделены от других, – заговорил Беллоуз. – Если в доме имеются женщины или девочки, их необходимо держать отдельно, поскольку их миазмы могут нарушить волшебство, управляющее этим местом. Каждая часть дома имеет свою функцию. То же относится и к мальчикам, таким как вы, Натан. Вы обладаете огромным талантом, но в вас есть нечто такое, что Господин не хотел бы тревожить, даже в самой малейшей степени. Здесь работают сотни мальчиков, но никому из них не может быть позволено нарушать ваш покой. Низшие классы несут в себе порчу, которой необходимо противодействовать. Открытое окно позволяет освежающему ветерку очистить комнату от пыли, однако такие действия сами по себе могут вызвать нежелательные последствия: слишком сильный ветер может обдать холодом редкую орхидею и тем самым помешать ее цветению, что объясняет, почему теплицы необходимо оберегать от проникновения воздуха.

– Но я вообще их не вижу и не слышу! Никого!

– Вы уверены в этом? Может быть, вы смотрели недостаточно внимательно или недостаточно далеко? В своей башне вы имеете исключительное преимущество, которому позавидовали бы мальчики низшего положения, если бы знали о нем, ибо они видят лишь самую малую часть величия Господина, которая относится к ним, а остальное их не заботит и не касается.

Натан вернулся к своему мясу и больше не заводил об этом разговор; Беллоуз тоже оставил этот предмет.

Когда Беллоуз поднялся и понес свою тарелку Повару, Натан увидел перед собой слова, блестевшие среди остатков его подливки: «Я тут». Он моргнул – слова исчезли. Натан принялся резать последний кусок мяса на тарелке, но аппетит пропал.

Дождь лил с такой силой, что вода не успевала скатываться со стекол, скапливаясь на решетках переплетов, так что под куполом библиотеки лежали тени, похожие на рыбацкие сети. То здесь, то там в местах, где переплет неплотно прилегал к стеклу, образовывались капли; они набухали и срывались вниз, но никогда не достигали пола, с шипением испаряясь на дюйм выше уровня самого высокого шкафа.

Натан смотрел, как Беллоуз роется в одном из ящичков в поисках какой-то нужной вещи. Если что-либо не имело заметного запаха, Беллоузу было относительно трудно это найти. Судя по тому, как долго он рылся, а также по его непрерывному бормотанию и тихим проклятиям, данная вещь, возможно, вовсе ничем не пахла, так что Беллоузу приходилось полагаться на другие, атрофированные, органы чувств (если у него и имелись глаза, они наверняка были очень маленькими, и их, как и его ушей, не было видно из-под цилиндра).

Капли падали все с большей частотой, так что воздух наверху наполнился туманом, а линия, отделявшая то пространство, куда вода допускалась, от того, где ей было запрещено находиться, начала понемногу наливать розоватым сиянием, словно нижняя часть радуги.

– Нашел!

Беллоуз выпрямился над ящичком, держа в руке свиток бумаги – выцветший, бурый, сухой, поблекший по краям и шелушащийся. Театральным жестом Беллоуз развернул его, держа за один конец, так что он раскрутился и повис в воздухе. Не дожидаясь, пока бумага свернется обратно, Беллоуз прищипил ее к классной доске и разгладил.

– Это, – пояснил он, – называется «карта». Вам доводилось встречаться с картами, Натан?

Мальчик поглядел на бумагу и покачал головой.

На листе был нарисован контур, неровный, словно кто-то пытался обвести очертания камня или листа, чего-то такого, чья форма не имеет смысла. Внутри контура виднелись слова. Натан почти мог их разобрать, по крайней мере, самые крупные, но не был уверен, что

прочел правильно: ни одно из них не имело смысла. Он решил, что виной всему расстояние.

Беллоуз взял указку – палочку, которую обычно использовал, чтобы показать на что-нибудь или придать большую выразительность своим жестам, – и ткнул ею в точку в верхнем левом углу бумажного листа.

– Вот это, – объявил он, – место, где мы находимся. Великий город Мордью!

Натан продолжал смотреть.

– Ну? Что вы об этом думаете, молодой человек?

Натан замаялся: он не совсем понимал, о чем именно он должен думать.

– Я не знаю.

– Чего именно вы не знаете?

– Не знаю, что я думаю.

– Но вы поняли, что я имею в виду? Вот это место, вот здесь – это то, где мы находимся! – Беллоуз постучал кончиком указки по тому же месту. – Вот это место на карте показывает, где находится Мордью.

Натан поглядел вокруг. Казалось бы, это настолько очевидно – о чем тут вообще говорить? Понятное дело, что они находятся здесь! Где же им еще быть? Где еще можно быть, как не здесь?

Определив по запаху, что мальчик его не понял, Беллоуз прибежал к другому пути:

– Эта карта отображает наш мир, как он есть, в уменьшенном виде и плоским. И мы находимся здесь.

– Я знаю, что мы здесь.

Беллоуз кивнул. Он повернулся обратно к карте, но тут его, казалось, осенила новая идея. Он взял классную доску с пюпитра, на котором она стояла, и понес ее к самому большому окну. Как правило, оно было зашторено, чтобы Натан не отвлекался на вещи, которым не должен был уделять внимания, но теперь Беллоуз потянул за шнур, поднимавший занавески. Перед ними открылась залитая дождем северная часть Мордью, дальше, за ней, – Морская стена, а еще дальше – море, серо-голубой полосой уходившее к горизонту.

Взяв доску, Беллоуз положил ее на пол, после чего подозвал к себе Натана. Тот подошел, и Беллоуз, взяв его за плечи, поставил так, что

мальчик оказался стоящим прямо на карте, непосредственно над той точкой, на которую служитель указывал прежде.

– Смотрите, дитя. Вот здесь – мы. А теперь поглядите туда, в сторону моря. Смотрите как можно дальше.

Натан посмотрел. Погода стояла пасмурная; мир, казалось, кончался сразу за Морской стеной, как это обычно и бывало; там было не на что смотреть, нечего знать; там не было вообще ничего, за этим великим барьером, отмечавшим конец всех вещей. Но потом, словно специально, чтобы угодить Беллоузу, в облаках раскрылся просвет – не над самой башней, где дождь продолжал поливать с прежней силой, но далеко впереди, куда только достигал взгляд Натана. Сноп солнечного света лег косо, осветив море под собой.

– Вот, приложите это к своему глазу, – Беллоуз протянул ему трубку со стеклянным окуляром, помог ему поднять ее под нужным углом и принялся через его плечо крутить и поворачивать кольца на ее концах.

Сперва Натан не увидел ничего (различил даже меньше, чем прежде), но потом, исключая любые сомнения, изображение сфокусировалось, и морская волна ударила в скалистый берег, взметнув далекие поблескивающие облачка брызг. Это была не Морская стена – это было что-то гораздо более неровное: вдоль берега змеилась белая полоса, а выше начиналась зелень.

– Можно это как-то приблизить?

Беллоуз удлинил трубку, и изображение стало ближе настолько, чтобы Натан смог различить отдельные волны, бьющиеся о белые утесы. Чуть левее виднелись ряды песчаных дюн. Натан взял трубку в руки и удлинил ее еще больше. Что это там, на пляже, – чья-то фигура? В голубом? Нет, там никого не было.

– Где это? – спросил он.

– Это другое место, Натан. А теперь посмотрите себе под ноги.

Натан неохотно опустил взгляд. Беллоуз встал перед ним на колени и провел пальцем.

– Вот это – линия, вдоль которой вы смотрели. – Он обвел пальцем линию на карте. – А это граница страны, неровный берег, которой вы наблюдали через телескоп. Теперь вы понимаете?

Натан переступил ногами, словно стоял на поверхности настоящего мира.

– Да.

Он понимал.

Где-то за Морской стеной, за труппами, за извилами Стеклоанной дороги, бесконечно поднимающейся к башне, где они находились, было другое место. Место по ту сторону. И оно было белым и зеленым.

Натан сошел с карты, на ней остались следы его ног. Только сейчас он осознал масштаб всего того, что, очевидно, лежало за пределами известного ему мира. Сколько бы Беллоуз ни разглагольствовал о далеких странах, сейчас перед ним была карта, и она вмещала больше, чем он мог охватить взглядом... А слова? Это были имена! Вот Мордью, но его окружали и другие, сотни других, мелким шрифтом, крупным шрифтом, разными почерками. Так вот куда уходили корабли торговцев, надувая красные паруса, проходя Морские ворота!

Когда Беллоуз поднял классную доску с пола, Натан едва не протянул руку, чтобы его остановить, но побоялся того, что служитель может о нем подумать.

Беллоуз снова водрузил карту на пюпитр и принялся оттирать носовым платком отпечатки Натановых ног. Наконец, сочтя ее достаточно чистой, он двинулся к окнам, чтобы опустить занавески.

– Не надо, пожалуйста!

Несколько мгновений Беллоуз внимательно разглядывал мальчика, потом вернулся в пространство библиотеки, оставив окна незашторенными. Он взял указку и постучал ею по тому месту на карте, где было написано «Мордью».

– Мы здесь. Вы это понимаете?

Натан кивнул.

Рядом с «Мордью» была еще одна надпись голубыми чернилами: «Мы в плену».

– Превосходно! – продолжал Беллоуз. – Вот этот водоем, через который мы только что смотрели, известен под названием «Рукав»; он был назван так древними за свою форму, напоминающую рукав одежды. Он отделяет нас от Острова белых холмов, получившего это имя из-за образующих его меловых утесов.

Беллоуз показал ему кусочек мела, которым писал на доске, и Натан снова кивнул.

Голубые буквы исчезли. Натан взялся рукой за медальон.

– Далее, – продолжал Беллоуз, – это меловое образование, взиращее на нас через пролив, дало пристанище отвратительному, загнивающему городу Маларкои, хотя на самом деле это просто кучка шатров, среди которых бродят стада домашнего скота. В этом городе, в своей таинственной зачарованной пирамиде, укрывается Госпожа Маларкои. Там она непрестанно плетет свои козни, добиваясь гибели нашего Господина и разрушения Мордю. Эти несколько дюймов на карте представляют столь же скудную сотню миль. Разделяющий нас водоем пребывает в постоянном волнении, ибо магия Госпожи беспокоит его и заставляет служить против нас. В добавление к другим своим преступлениям она создает огненных птиц, чтобы они ослабляли наши защитные укрепления. Лишь неусыпная бдительность Господина, мощь его Морской стены и бесперебойная работа его машин оберегают нас от того, чтобы быть смытыми в море, что является собой заветнейшее желание Госпожи.

– Эта Госпожа... Она носит голубое платье? – спросил Натан.

Беллоуз остановился, озадаченный. Он поднял свой нос и пошевелил ноздрями, словно по запаху мог лучше понять смысл Натановых слов.

– Что за странный вопрос!

Служитель устремил на Натана самый пристальный взгляд, глубоко втянул носом воздух. Затем (видимо, не найдя того, что искал) он развел руками:

– Насколько известно, Госпожа никогда не носила голубого. Ее меланхолическая натура вынуждает ее одеваться в черное.

Беллоуз остановился посмотреть, удалось ли ему удовлетворить Натаново любопытство, но Натан уже не мог вспомнить, почему задал этот вопрос. В воцарившемся между ними взаимном молчании он ощутил себя неловко и потянулся рукой к медальону.

– Почему она ненавидит Господина? Потому что ей грустно?

Этот вопрос понравился Беллоузу гораздо больше. Он воздел руки к потолку и вскричал:

– Разве может быть иначе? Поскольку Он непогрешим, дело, несомненно, должно быть в ее собственных недостатках. Впрочем, ее мотивы понять невозможно. Я пытался размышлять об этом; возможно, это месть с ее стороны ввиду неких ошибочных

представлений, а возможно и нет, но если за этим и стоит какая-то причина, мне не удалось ее распознать. Кое-кто говорит, что Господин когда-то, давным-давно, отверг ее домогательства, и теперь она, охваченная муками ревности, пытается Его наказать; но я в это не верю. Мне представляется (если мое мнение может иметь значение), что в мире существуют две силы, добро и противостоящее ему зло, и эти силы того же порядка, что свет и тьма: у них нет разумной причины или объяснения, они просто существуют. Возликуем же, что мы находимся на стороне добра, и исполнимся сожаления к тем, кто вынужден жить во зле, как это происходит с ней и ее народом! Постараемся как можно скорее положить конец их страданиям и укрепимся верой в благость нашего Господина, который являет Свои несомненные достоинства во всех Своих делах!

Медальон в ладони Натана лучился теплом.

– А как мы можем положить конец их страданиям? – спросил он.

Беллоуз замер. Он тянул за свой воротничок, пока края не сошлись посередине. Какое-то время он стоял так, не двигаясь, а когда наконец позволил воротничку вновь разойтись надвое, то сопроводил это действие глубоким вздохом.

– Видите ли, Натан, в том-то и вопрос. Кто может сказать, нет ли в том, что мы делаем добро, опасности совершить и зло? Некогда я думал, что достаточно всего лишь крепко верить в высшую силу и выполнять ее указания, отвергая собственные никчемные и развращенные желания; жить жизнью инструмента (неодушевленной, лишенной собственной воли и разума), и это само по себе будет гарантией, что твои благие деяния принесут благие плоды. Однако на деле все далеко не так просто! В процессе восприятия команды на слух уже остается пространство для ложной интерпретации, а выполнение этой команды предполагает возможность неверных действий и ошибок.

Должно быть, в запахе Натана было что-то, что выдало его непонимание, поскольку Беллоуз прибег к примеру:

– Предположим, что Господин говорит мне: «Беллоуз, мы не можем допустить, чтобы крысы проникали в машинные отделения Особняка: они попадают в зубчатые передачи и застревают в механизмах, препятствуя свободному вращению шестеренок». И Беллоуз, с его неуклонной верой в слова Господина, решает, что для

того, чтобы совершить благо, ему необходимо всего лишь воспрепятствовать проникновению крыс в механизмы. Далее, имея в виду эту цель, он идет и находит те места, через которые крысы попадают в башню, и говорит Коменданту, чтобы тот заделал лазы цементом. Несомненно, он совершает благое дело, не так ли?

Натан кивнул.

– Поистине. Именно так полагал и я. Но что, если затем, намереваясь проверить, насколько высох раствор, Беллоуз спускается среди ночной тишины и слышит в отдалении какой-то шум – тонкий и слабый, но настойчивый, очень настойчивый, как если бы где-то непрерывно звенел колокольчик или кто-то водил взад и вперед тетивой крошечного лука по самым тонким струнам скрипки? Что, если он следует за этим звуком, и его нос вдруг чует нечто необычное позади одного из шкафов, когда-то давно приставленного к стенке и позабытого за ненужностью, за стеклянными дверцами которого нет ничего, кроме осколков битой посуды, и где никогда не пахло ничем, кроме опилок и древооточцев? Но там, внизу, обнаруживается гнездо из сухой травы и палочек, а в нем, словно ягоды ежевики, оставшиеся в гуще куста, после того как сезон закончился и сборщики разошлись по домам, – детеныши тех крыс, которым Комендант своим цементом перекрыл доступ в Особняк! Слепые, копошащиеся, размером не больше пальца, пахнущие аммиаком, безволосые, они извиваются и пищат без передышки. Что же делать с этими малышами, которые не совершили никакого греха, помимо того что появились на свет у родителей, досаждающих хозяевам этого места? Какой выбор остается у Беллоуза, кроме как вытащить гнездо из-за шкафа, вместе с этими личинками, вместе с их писком, вместе с их запахами, и швырнуть все это в печь, просто чтобы прекратить их страдания?

Натан промолчал, но даже если бы он что-нибудь сказал, Беллоуз, скорее всего, не обратил бы внимания. Казалось, он обращался уже не к Натану, но к миру в целом, или к самому себе, или к Господину:

– А что, если Беллоуз знает, что крысы отыскивали путь к этому гнездовью лишь благодаря попустительству Егеря? И вот, для того чтобы в будущем ему больше не приходилось наказывать невиновных, Беллоуз увольняет этого человека и отправляет его обратно в трущобы. Там его щеки покрываются сеткой прожилок, а кожа постоянно блестит от холодного пота; он ходит, извергая гневные тирады в адрес

Беллоуза и Господина, и прокликает их в таких выражениях, которых постыдился бы и портовый рабочий; а позже этот человек принимается избивать свою жену, которая работает в прачечной, и повреждает ей внутренний орган, в результате чего она заболевает и умирает среди горячего пара и простыней. Как вы думаете, Натан, что тут можно назвать добром, а что злом?

Натан не знал, что ответить.

– И ведь это всего лишь малейшая вещь! Проникновение в дом вредителей – удаление которых, в теории, должно полагаться несомненным благом! Однако в процессе выполнения зло вкралось даже туда. Представьте же, насколько все усложнится, если ставки окажутся выше! Что, если для общего блага потребуются удалить Господю и в огне должны будут сгореть ее подданные, как это произошло с маленькими крысятами? Стоит ли такое уравнение того, чтобы его решать? И способен ли Беллоуз на выполнение математических действий такой сложности? Или вы, Натан, – готовы ли вы к подобному? Можете ли вы исчислить все беды, которые человек способен причинить, совершая благо, и уравновесить их действиями, могущими эти беды предотвратить?

Натан покачал головой. На парте перед ним, в том самом месте, куда он обычно клал свою тетрадь с упражнениями, было вырезано: «Господин все врет».

– Воистину не можете, – заключил Беллоуз.

Надпись была сделана только что (по краям еще торчали заусенцы), поверх более давнего схематического рисунка, изображавшего кошку со стороны хвоста. Натан провел пальцем по неровному желобку, проделанному чьим-то ножом.

– И тем не менее, – продолжал Беллоуз, – придет время, когда от вас потребуется принимать такие решения. И тогда вам можно будет посоветовать лишь одно: придерживайтесь указаний Господина как можно точнее. Из нас только Он обладает способностью судить об исходе всех вещей, поскольку Его поле зрения намного шире нашего, Его мудрость превосходит нашу в тысячу раз! Делайте все, что Он от вас требует, даже если это кажется вам неправильным, ведь, в конце концов, Он видит и знает то, чего мы не видим или же видим, но не в состоянии понять. Нам следует доверять тому, что достойно веры; и если Он говорит нам выполнить одну вещь, мы должны ее

выполнить, а если Он говорит выполнить другую, мы должны выполнить ее, даже если для этого потребуется предать невинных огню, ибо кто может знать, не избегает ли Господин тем самым какой-либо большей беды, которую мы пока не способны распознать и тем паче объяснить, или не оказывает ли некое благодеяние, которое невозможно разглядеть непосредственно?

Беллоуз сделал паузу, и Натану показалось, будто он чего-то ждет (может быть, чтобы Натан с ним согласился, и его согласие помогло бы Беллоузу убедить себя в справедливости собственных слов), но Натан продолжал молчать, и Беллоуз, кашлянув, ретировался к классной доске. Когда Натан снова посмотрел на парту, надписи уже не было: кошка, нетронутая, пребывала на своем прежнем месте.

Двинувшись обратно в свою комнату, Натан обнаружил, что в коридорах полно жаберников – они шныряли по трое, исследуя с помощью всех доступных им чувств углы помещений, стыки ковров и плинтусов, пространство позади картин. Одни по-паучьи передвигались на четвереньках, другие расхаживали, высоко задирая колени; какой-то даже распластался на полу, с величайшим вниманием разглядывая узор на коврик перед дверью. Чего они хотели, оставалось загадкой. Натана они игнорировали так, словно он был невидим; лишь когда он проходил мимо, изгибались, насколько позволяли их извилистые тела, чтобы он их не коснулся. Это можно было интерпретировать как почтение или как отвращение; в любом случае это было не важно: с жаберниками все равно невозможно общаться так, как люди общаются друг с другом. Если Натан пробовал с ними заговорить, они перебрасывались друг с другом словами или обменивались мыслями, но никогда не отвечали ему непосредственно.

К тому времени как Натан дошел до коридора, ведущего в детскую, они уже исчезли. Он больше не боялся этих созданий, но все же ему дышалось легче в их отсутствие. Натан поглядел в глубь коридора – пусто. Повернувшись, он увидел отблеск, голубой, на лаковом покрытии одной из картин, потом еще один, того же цвета, ближе к детской. Отблеск перепархивал, словно светлячок, из одной рамы в другую.

Натан автоматически поискал взглядом жаберников, даже едва не позвал их, но отблеск уже исчез. Впрочем, он все равно не знал бы, что сказать жаберникам.

– Итак, – произнес Беллоуз, – вот это Маларкои на Острове белых холмов, и в нем обитает наш враг, Госпожа.

День стоял солнечный, и у Натана чесалась шея под воротником.

– И если Господин воплощает собой всевозможные благие качества (усердие, трудолюбие, жажду знаний и остроту развитого интеллекта), то в Госпоже соединились все их противоположности. Прежде всего это праздность. В отличие от Господина, неустанно работающего на благо всех нас, Госпожа не прилагает рук ни к чему. Она пребывает в нескончаемой меланхолии, отгородившись от мира стенами своей пирамиды. Она ничего не делает, ничего не создает; она просто существует.

По пути к уроку у Беллоуза Натан увидел портрет девочки – той же самой, которую видел прежде. Только на этот раз у нее не было перьев в волосах – ее волосы целиком состояли из перьев, словно у птицы.

– Далее, ее характеризует солипсизм. Все свои мысли она обращает исключительно к самой себе, вместо того чтобы направлять их, как должно, на окружающий мир, где они могли бы найти выражение в действии.

Табличка под портретом гласила: «Уничтожь это все».

– В-третьих, она невежественна. Ее магия берет начало не в книгах и рукописях, но в попечении об оккультных вещах – она собирает мистические артефакты, дает пристанище всевозможным, лишившимся силы божествам из далекого прошлого, которые наводняют ее древнюю землю, рыскают в ее лесах и озерах, призракам и теням всего, что живет за пределами обычного мира... Господин со своей стороны уделяет внимание менее эфемерным феноменам, что позволяет ему создавать в мире нечто прочное.

А потом этот портрет исчез, и на его месте вновь оказался портрет какого-то давно умершего человека, чье имя Натан уже позабыл, и Натан прибыл на урок.

– И наконец, она делает фетиш из собственного тела, разрисовывая свою кожу рунами и заклинаниями, которыми призывает

к себе помощь с другой стороны, тем самым позволяя другой стороне закрепиться в этом мире, в то время как эти силы следовало бы использовать, а затем исторгнуть, низведя туда, где им место. Ввиду всего сказанного ее город, как и она сама, представляет собой жалкое зрелище – в отличие от вашего, Натан, родного города. Подойдите сюда!

Беллоуз взял Натана за руку и потянул к окну. Небо уже вновь затянулось облаками, так что не оставалось никакого намека на то, другое, место, открывшееся им в предыдущий день. Наоборот, казалось, будто облака вновь являют собой конец всего, словно контейнер, содержащий в себе этот город из дыма и башен, замкнувший его в себе и закрывший от него солнце. Беллоуз, впрочем, ничего этого не видел. Его внимание было полностью поглощено той частью Мордю, которую можно было наблюдать из окна.

– Видите вон там Торговый конец? В Маларкои же нет ничего, кроме травы и полей! Чахлые подданные Госпожи разбивают на них свои шатры, среди которых пасутся овцы да собаки воют в ночную тьму. Господин подвесил над нашим городом Стеклянную дорогу; Госпожа не сделала ничего подобного. Их дороги – не больше чем грязные или каменистые тропы, проложенные без какого-либо смысла и замысла, уводящие в никуда. Вместо наших грандиозных фабрик, обслуживающих Особняк, у них все заросло лесами – огромное количество древесины, пропадающей без толку и присмотра! В этих лесах плодятся существа, пожирающие домашний скот и маленьких детей, – медведи, волки, огромные соколы, которые шныряют между шатрами, выискивая больных и неосторожных. Как если бы наш Зоологический парк, где содержатся звери со всего мира, разбитые по категориям и служащие объектами неустанного изучения и заботы, вдруг распахнул свои двери, предоставляя всем животным, сколь угодно редким и опасным, свободу бросать человеку вызов, соревнуясь с ним за первенство и власть над окружающими землями!.. Во всех отношениях, всеми своими аспектами великий Мордю превосходит Маларкои и служит предметом стыда для Госпожи. Подумайте об этом, Натан! Наши башни, стекло, огромные машины, наши колоннады и рынки, и вокруг всего этого – Морская стена, наша защитница, обеспечивающая нашу безопасность, препятствующая нескончаемым усилиям волн затопить нас, а огненных птиц – сжечь

нас дотла! Разве это не чудесно? Разве это не говорит убедительнейшим образом о благодати нашего Господина, создавшего все это?

Натан попытался увидеть то, о чем он говорил. Однако перед его взглядом по-прежнему вставали охотничьи уголья Поставщика, сырая тусклая земля, на которой громоздилась лачуга его матери, лопнувшие сточные трубы, изрыгающие нечистоты на все вокруг, загнивающие лужи мертвожизни и вечное копошение Живой Грязи. Место, где умер его отец. Сейчас его, должно быть, уже похоронили... Или сожгли?

«Почему бы тебе не потрогать медальон?»

Натан повернулся к Беллоузу:

– А трущобы?

Его руке хотелось потрогать медальон.

Беллоуз отвернулся от окна.

– Мой дорогой мальчик, за все надо платить. За все надо платить...

– А в Маларкои есть трущобы?

– Дитя мое, там нет ничего другого. Все жители Маларкои живут в трущобах.

Натан кивнул, чувствуя тепло медальона в своей ладони. Когда Беллоуз снова отошел к шкафу, чтобы найти там изображение Маларкои, которое хотел ему показать, Натан повернулся обратно к окну и попытался разорвать облачную пелену, разделявшую здесь и там, всматриваясь в нее, пока не стало сухо глазам.

После длительного копания и громохання ящиками Беллоуз наконец вернулся со свитком, который беспрестанно разглаживал, препятствуя его попыткам свернуться обратно.

– Можно подумать, будто сама бумага не хочет показывать нанесенные на нее краски, стыдясь того, что ей приходится нести на себе образ этого места!

Беллоуз сгрузил свиток на парту перед Натаном и разгладил бумагу, придерживая один конец локтем и предплечьем, а другой пришпилив вытянутой рукой, чтобы Натан мог без помехи полюбоваться отвратительным зрелищем.

– Вот, смотрите: это Маларкои! Впрочем, это изображение довольно давнее, оно было сделано прежде, чем Господин по-настоящему начал свои кампании. Сейчас там все находится в еще

большем запустении: после того как прибрежная зона была зачищена, ее жители стали беженцами и поневоле стеклись к подножию пирамиды своей Госпожи, заполонив центральные области.

Рисунок был выполнен гуашью, довольно неумелой рукой. В центре ясно выделялась сияющая золотом пирамида, которую окружало множество неровных пятен серого и бурого цвета. По краям все было зеленым. Впрочем, взглядевшись получше, Натан смог догадаться, что хотел показать художник: неразбериху ярких шатров, изображавшихся точками, словно торчащие из травы луговые цветы.

– Ни единого здания, которое было бы достойно архитектурского чертежа, – бормотал Беллоуз. – Ни единого монумента, ни одной постройки выше двух этажей! Живут в каких-то землянках, словно доисторические люди. Лишь один шаг отделяет их от обезьян, этих жителей Маларкои!

Натан провел пальцем по рисунку, от одной точки к другой, словно пытался найти в их распределении какой-то смысл, словно соединяющие их линии могли сложиться в очертания чего-то более великого, какого-то аналога грандиозной спирали Стеклоанной дороги. Однако ничего подобного там не было.

– Если там так плохо и жители такие глупцы, зачем же они понадобились Господину?

Беллоуз закивал, словно Натан попал своим вопросом в самую суть проблемы.

– Господин и не стал бы с ними возиться, если бы не Его невероятное великодушие! Он даже распространил среди этих людей призыв приходить к Нему сюда, в Мордью. Он посылает корабли, чтобы облегчить им эмиграцию, чтобы они смогли встать под защиту этого великого города и посвятить свой труд неувядающей славе Мордью, отвергнув свою Госпожу. Но они не приходят, за исключением совсем немногих.

– Почему?

Беллоуз поправил воротничок, и лопасть его носа заходила из стороны в сторону, словно косой парус яхты, ищущий попутного ветра. Кашлянув, он насадил цилиндр поглубже на голову.

– Когда-то, – произнес он после продолжительного молчания, – мне было поручено найти ответ на этот вопрос.

Он повернулся к Натану спиной, и по положению его плеч под сюртуком тот мог видеть, что эта мысль доставляет ему значительное неудобство – его кости, выпиравшие то там, то здесь, ходили ходуном, пока он пытался успокоить себя.

– И что вы выяснили?

– Ничего не выяснил, дитя мое, поскольку я не стал брать на себя эту задачу.

Служитель оглядел комнату, как бы ища то, что могло бы оказаться важнее этой новой темы их беседы; то, на что он мог бы переключиться, отговорившись тем, что расскажет об этом после, – однако не нашел ничего подходящего.

– Это произошло вскорости после того, как я поступил на службу к Господину. Я тогда был не старше, чем вы сейчас, дитя мое. Мы явились сюда вместе с моим братом, превосходившим меня годами. Как это часто случается, старший ребенок, почерпнувший из родительского источника полной мерой, превосходил младшего также и способностями, поэтому, когда Господин поставил передо мной задачу отплыть на корабле в Маларкой, оставив Мордью, чтобы опросить местных жителей об их взглядах на Мордью, я умолил его отправить вместо меня Адама, моего брата. Я чувствовал, что наверняка потерплю неудачу, в то время как его миссия несомненно увенчается успехом, и таким образом мы оба сможем избежать неловкого чувства, вызванного моей неспособностью.

Адам не хотел ехать, но я упрямил и его тоже (тогда я был не таким, как сейчас), и он согласился, поскольку любил меня. Господин, которому, вероятно, было все равно, который из Его воспитанников выполнит задачу, дозволил эту замену. Он отвел моего брата в порт и посадил на корабль, отправлявшийся в Маларкой.

Спустя месяц или немного больше Адам вернулся, однако, когда это произошло, он не смог дать удовлетворительного отчета о своем путешествии. Жители Маларкой, по его свидетельству, разучились говорить так, как говорим мы в Мордью, прибегая вместо этого к какой-то тарабарщине для выражения своих мыслей и черпая значение – пусть даже самое ограниченное – в словах абсолютно непостижимого наречия.

Услышав это, Господин наложил на Адама свои чары и заклинания, так что тот начал понимать этот язык и даже говорить на

нем, и послал его обратно. Провожать его один раз уже было для меня невыносимо, а видеть, что он вернулся ко мне лишь для того, чтобы быть отосланным вторично, оказалось еще хуже, так что я дожидался его с нетерпением. Стыдно сказать, но я даже не мог уделять должное внимание своей работе. Полагаю, это представляло собой проблему для Господина, поскольку Он рассчитывал на выполнение Адамом определенных обязанностей, которые в его отсутствие были возложены на меня; однако я был более чем неспособен выполнять и их тоже, так что, думаю, Господин не раз пожалел о Своем великодушии, позволившем Ему послать вместо меня моего брата.

Прошло много месяцев, на протяжении которых я все хуже справлялся с поставленными передо мной задачами и все больше беспокоился о судьбе брата. И вот однажды утром Господин послал за мной. Я был уверен, что меня уволят и вернут обратно к моим отцу и матери, чье существование целиком зависело от меня. Я явился в Главный зал со склоненной головой, держа шляпу в руке. Однако, когда передо мной появился Господин, Он был не один! С ним был Адам, и они о чем-то серьезно разговаривали.

Они были так увлечены беседой, что, вероятно, не заметили моего присутствия в зале, совершенно позабыв о назначенной мне встрече. Нас разделяло некоторое расстояние, и они говорили вполголоса, так что я не мог расслышать их слов, однако видел, что Господин отнюдь не доволен. Позднее я не раз думал, что мой брат, должно быть, вновь не сумел добыть для Господина необходимую информацию, поскольку Адам отвечал на вопросы извиняющимся тоном, а Господин выглядел чрезвычайно раздосадованным. Я тихо стоял, дожидаясь, пока меня увидят, однако ни один из них не обращал на меня внимания, а их беседа становилась все более и более возбужденной. В конце концов Господин произнес: «Ты еще докажешь свою полезность, мальчик, можешь не сомневаться в этом».

И с этими словами Он вывел моего брата из зала и незамедлительно отправил его обратно в Маларкои, заканчивать начатую им работу.

– И с тех пор вы его больше не видели?

– Нет, не видел. Он так и не вернулся. Господин говорит, что Госпожа держит его в заточении у себя в темнице, где пытается его, чтобы выведать нужную ей информацию, – отозвался Беллоуз, ломая

руки. – Но он ничего ей не скажет! Я неоднократно заверял в этом Господина. Адам никогда Его не предаст! Однако меня беспокоит мысль, что Господин мне не верит, что Он думает об Адаме плохо, а такой участи я не желал бы для своего брата ни за что на свете! Я ежедневно тружусь не покладая рук, чтобы Господин видел, что я, будучи лишь бледной тенью моего брата, всецело предан Ему; чтобы Он понял, что к Адаму это должно относиться в гораздо большей степени. Целью моей работы является показать Господину, насколько полезным может оказаться мальчик, каким бы он ни был неспособным, и насколько более полезным должен быть для него мой брат.

Беллоуз повернулся к Натану, вынюхивая его мысли, потом шагнул ближе.

– Вы недоумеваете, зачем я вам все это рассказываю? Вам удивительно, что нищий трущобный мальчишка может оказаться чем-то полезен Господину? Но, возможно, вас самих ждет успех там, где Адам потерпел неудачу. Господин еще пошлет вас туда, в Маларкои, и вы вызволите оттуда моего брата! Я верю в это, хотя Он и не говорил мне ничего подобного. Но зачем еще Он стал бы так печься о вас? Зачем еще стал бы заботиться о вашем образовании? Зачем еще снабдил бы вас волшебной книгой, дающей знание языков? Конечно же, для того, чтобы вы смогли от Его имени отправиться в Маларкои, где сам Он не изволит появляться, и исполнить там Его волю!

В этот вечер Беллоуз не появился к обеду, и его отсутствие, кажется, вызвало у Повара замешательство. Трудно сказать, чувствовал ли он себя неуверенно без руководства свыше, или ощущал груз особой ответственности за происходящее в столовой, где теперь оставался лишь один Натан. Как бы там ни было, Повар, расставив на столе принесенные блюда, остался стоять рядом, потирая свои голые до плеч руки и переминаясь с ноги на ногу. Если Натан делал слишком долгую паузу между двумя ложками супа, Повар склонялся к нему всем корпусом (он держался за бока, не позволяя себе подгонять его руками), всем видом показывая, что мальчик выполняет задачу с недостаточной скоростью.

Каждая тарелка и чашка моментально убиралась, стоило лишь опустеть; Повар, гремя посудой, с невероятной скоростью сновал между кухней и столовой. Сами блюда ничем не отличались от

намеченного на этот день меню, и Натану не терпелось поскорее покончить с трапезой, чтобы вернуться к себе в комнату, так что назойливость Повара не слишком его беспокоила, но обычно здесь царил столь строгий распорядок, что Натан не мог не заметить разницы.

Наконец Повар вернулся, неся последнее блюдо на сегодня – маленькую тарелочку с печеньем и зрелым сыром. Старый и сгорбленный (вероятно, старше Поставщика), он в каком-то неопределимом аспекте казался одновременно и более сильным. Его тело было худым и жилистым, руки и предплечья покрывала россыпь свежих ожогов, шрамы от старых, волдыри, мозоли (естественные последствия его профессии), однако ничто из этого, видимо, не доставляло ему неудобства. На его поясе висели полотенца, по меньшей мере пять штук: одно чистое, другое в пятнах от соусов, одно сухое, одно влажное, одно потолще. В карманах он носил спички, соль и молотый перец – Натан знал это, поскольку время от времени Беллоуз требовал дополнительной приправы к своим блюдам, и в таких случаях Повар запускал пальцы в карман, вытаскивал щепотку недостающего ингредиента и посыпал им блюдо, пока вкусы Беллоуза не были удовлетворены.

Взяв с тарелки печенье и ломтик сыра, Натан принялся медленно жевать, в то время как Повар топтался рядом. Наконец Натан сделал последний глоток и причмокнул губами. Повар наклонил голову в сторону кувшина, молча спрашивая мальчика, не хочет ли он воды. Натан покачал головой. Повар окинул стол озабоченным взглядом, удостоверившись, что трапеза окончена и Натану больше ничего не требуется, после чего взял тарелку и зашаркал в сторону кухни, откуда больше не появился.

Посреди ночи Натан проснулся в полумраке, разбуженный движением, шелестом страниц и скрипом жесткого кожаного корешка книги. Ему не потребовалось даже открывать глаза. Его отяжелевшая со сна рука уже лежала поверх переплета, так что оставалось только передвинуть книгу вдоль покрывала и положить ее на подушку рядом с головой. Раскрывшись, книга немедленно принялась говорить:

– Натан! Ты проснулся? Ты, случайно, не умер во сне? Ты лежишь так неподвижно! Скажи что-нибудь в подтверждение того, что ты еще жив!

– Конечно, я жив! С какой стати мне умирать? – отозвался Натан.

– В самом деле! – рассмеялась книга. – И действительно, с какой стати? Что ж, если мальчик жив, он должен учиться. Что мы сегодня будем проходить? Историю? Сложение и вычитание? Что бы тебе хотелось узнать?

Натан протер глаза и передвинулся так, чтобы сидеть, опершись спиной о спинку кровати.

– В Маларкои говорят так же, как и мы, или как-то иначе?

На несколько мгновений воцарилась сухая, шелестящая тишина, как будто книга захлопнулась. Когда она заговорила вновь, ее голос звучал тихо, почти шепотом:

– Маларкой? Что ты знаешь о Маларкой?

– Ну, это такой город, и в этом городе есть Госпожа, и мне предстоит туда отправиться.

– Чтобы с ней увидеться? Тебя послали встретиться с Госпожой? Кто тебе об этом сказал?

– Пока никто. Но Беллоуз считает, что это может случиться.

– Беллоуз... И ты хотел бы поехать, а? Встретиться с Госпожой Маларкой?

Натан не ответил.

– Что-то не так? Может быть, ты ее боишься?

Натан покачал головой.

– В таком случае что?

– Я всегда жил здесь. Всю жизнь. Я не знаю ничего другого.

– И что, здесь тебе так замечательно живется, что ты не желаешь даже думать о том, чтобы отправиться куда-то еще?

Натан вновь покачал головой.

– Тогда зачем тебе здесь оставаться?

Книга ждала, но у Натана не было ответа, помимо единственной слезы, скатившейся через какое-то время на открытую страницу. Он попытался смахнуть ее, однако слеза, ударившись о бумагу, оказалась тут же обведена чернильным контуром, под которым возникла подпись: «Слеза».

– Вот как, – проговорила книга, которая могла читать его слезы с такой же легкостью, с какой понимала его слова. – Так, значит, ты до сих пор их любишь?

Натан повернул голову так, чтобы новые слезы, если они появятся, могли падать в безопасное место, не выдавая тайн его сердца.

– А почему бы и нет? Любой мальчик может любить свою мать, в этом нет ничего постыдного. И любой мальчик в твоём возрасте начинает замечать в себе страстные терзания, вызываемые симпатичным ему сочетанием черт на определенном лице... Скажи, Натан, твой медальон при тебе?

Натан накрыл его рукой. Медальон был здесь – но он был холодным. Натан уже рыдал с такой силой, какую не мог ни контролировать, ни объяснить; слезы кипели в его горле и заставляли грудь вздыматься, когда он хватал воздух.

На одной из страниц появилось изображение матери, прижимающей свое дитя к груди, хотя Натан и не мог этого видеть, а на соседней – хорошенькая девушка, протягивающая руку, приглашая к танцу. Книга зашуршала страницами, листая их вперед, и на каждой было то же изображение, но в слегка измененном виде, пока дитя не оказалось оставленным на земле перед спиной отвернувшейся матери, а девушка не отдернула руку с жестокой усмешкой на лице.

– Видишь ли, Натан, если мальчик способен чувствовать, он будет чувствовать, и это может вызывать в нем печаль или радость; однако чувства даны ему не для этого. Люди любят не потому, что желают ощутить радость или печаль. Они любят, потому что им необходимо быть чувствительными к миру, видеть в нем то, что достойно любви. Не видеть этого, не ощущать этого, говорит не о силе, но о слепоте.

Если смотреть на дневной свет, можно обнаружить, что порою он тускл, а порою ярк; и временами он окажется чересчур тускл, а временами – чересчур ярк, но видеть его всегда лучше, чем быть слепым. Ты страдаешь, потому что, так же как кожа получает ожог при прикосновении к кипящему чайнику, соприкоснулся с чем-то настоящим.

– Но... – с трудом выговорил Натан; однако продолжение, если оно было, пропало в новом приступе рыданий.

– Но с тобой дурно обошлись? Возможно, это и так. Однако, когда громкий звук касается уха и причиняет ему боль, разве это вина звука? Звук таков, каков он есть; боль возникает из-за твоей чувствительности к нему, что само по себе хорошая вещь. Если ты прикоснешься к огню, он обожжет твои пальцы, но разве огонь виноват? Он таков, каков он есть. Когда ты любишь, ты любишь предмет своей любви таким, какой он есть, именно *потому*, что он такой, какой он есть. Если огонь жжет тебя, разве можно на него за это обижаться? Ты должен рассматривать боль как следствие своей способности чувствовать; воистину, попытка избежать боли означает отрицание мира. Боль следует переносить, и даже искать, чтобы научиться от нее знанию о мире.

Натан слушал, и хотя слезы продолжали литься, он не мог отрицать правоты книги.

– Способность чувствовать мир, чувствовать во всех его гранях – замечательное качество, Натан, и то, что люди на это способны, является одной из их наиболее сильных сторон. Однако ты не можешь ощущать все вещи в равной мере, а возможно, даже в достаточной степени, чтобы их понимать. Говорят, что это и является источником несчастья – то, что мы не знаем всего. Но хотя обретение знания порой тоже причиняет боль, такая боль является показателем нашего перехода в более чистое, в более счастливое состояние.

– Об этом я ничего не знаю.

– Разумеется... Такие вопросы лучше оставить до тех пор, пока ты не станешь немного старше. И однако, возможно, есть кое-что, что ты мог бы сделать, чтобы облегчить свои страдания. Ты желаешь знать ответы на вопросы, которые боишься задавать. Тебе необязательно их задавать. Ты хотел бы знать, действительно ли эта девушка – Присси, если твои слезы сказали правду, – предала тебя, не так ли?

Натан прикусил губу. Ему пришло в голову, что он мог бы солгать. Но зачем? Зачем притворяться посреди ночи в глубине Особняка, перед лежащей на его подушке волшебной книгой, которая может рисовать и писать, которая говорит с ним так, словно способна прочесть все его мысли до единой, которая знает его лучше, чем он сам, и заботится о его чувствах? Поэтому он просто кивнул.

– А также, в меньшей степени, Гэм? И этот человек, Пэдж? А за всем этим стоит твоя мать – разве не об этом ты думаешь? А еще глубже, хотя, возможно, ты этого даже не осознаешь, твой отец? Ты чувствуешь, что тебя предали все, кто только мог, Натан. И все это время тебя пожирает чувство вины, поскольку ты знаешь, что обладал силой все изменить, но не использовал ее.

– Ты что, действительно все знаешь?

– Во мне нет никакого «ты», Натан, – напомнила книга. – Все, из-за чего ты тоскуешь, скрыто в твоих слезах.

Натан лежал неподвижно. Казалось, вместе со слезами из него ушла вся жизнь.

– Прежде чем ты уснешь, Натан, не дашь ли ты согласие на одну вещь?

– На что?

– Завтра ночью, когда ты проснешься, сходи с этой книгой в детскую. Там есть кое-что, что тебе поможет.

На следующий день Беллоуз выдал Натану книгу с упражнениями – незаконченными чертежами, на которых следовало отметить пропущенные углы треугольников и длины их сторон, – и хотя ему требовалось полное внимание, чтобы выполнить задачу, его мысли постоянно устремлялись вперед, ко времени отхода ко сну. То же продолжалось на протяжении трапез и пока Натан принимал ванну, пока он наконец не оказался в постели. Рядом помаргивала свеча, раскрытая книга лежала на его коленях.

Он задул пламя, подтянул одеяло так, чтобы хлопковая ткань закрывала лицо до самого лба, и положил обе руки перед лицом, загораживая ими окружающий мир. Одно плечо блокировало ухо, а указательный палец той же руки затыкал второе ухо. Натан глубоко задышал. Эту технику он использовал бесчисленное количество раз в трущобах, когда отец кашлял в постели, а ему требовалось преодолеть навязчивые мысли о смерти. Также он прибегал к ней, когда мать работала, а ему нужно было заглушить звуки – все эти призывы и оскорбления, которые больше не ужасали и не смущали, но своей нерегулярностью препятствовали его попыткам их игнорировать.

Окно его спальни пропускало очень мало света, к тому же спальня располагалась так высоко, что из окна ничего не было видно; однако, если Натан открывал глаза и не глядел на лежавшую прямо перед его лицом руку, он видел окно в просвет между своим лицом и одеялом: переплет расчерчивал его на серые прямоугольники, едва видимые в темноте. Натан принялся глядеть на один из них, пока у него не заслезилась глаза; тогда он сморгнул влагу и уставился на соседний прямоугольник. В конце концов картинка начала расплываться, прямоугольники наползли один на другой и слились воедино.

Он сел на постели.

– Ты проснулся?

Натан зевнул.

– Натан?

Из-под подушки послышался тихий неодобрительный звук. Натан сунул руку под одеяло, и еще прежде, чем его пальцы дотянулись до

книги, оттуда донеслось чириканье, какое издает птица, когда чему-то радуется.

– Ну что, пойдём?

– Куда?

– В детскую! Время настало.

– Время?

– Для ответов. Скоро ты сам все поймешь.

Натан потер глаза, изгоняя остатки сна, разгладил смятую пижаму, сунул книгу под мышку и крадучись подошел к двери. Сперва он лишь приоткрыл ее – в щелку виднелся коридор, где никого не было. Не слышалось ни грохота кастрюль, ни шарканья швабр, ни – самое главное – кляцанья каблуков Беллоуза.

Прикусив губу, Натан вышел за дверь. Никого, лишь пустой коридор и неподвижные взгляды нарисованных глаз, глядящих друг на друга с противоположных стен. В одних чулках он быстро и беззвучно заскользил по темному паркету на полусогнутых ногах, словно небольшая разница в росте могла защитить его от постороннего взгляда, а может быть, заранее готовясь к тому, что потолок будет все ниже и ниже.

По ночам жаберники рыскали по коридорам с оружием, которое выдавал им Господин. Беллоуз сказал, что это необходимо для безопасности в том маловероятном случае, если в Особняк проникнут подосланные Госпожой убийцы, однако с тем же успехом это могло делаться и для наказания провинившихся мальчиков.

Коридор был пуст, до Натана не доносилось никаких звуков. Затем прямо перед ним, в дальнем конце, появился клин света: там открылась дверь. Натан опрометью ринулся к детской. Проскользив последние несколько футов, он врезался в деревянную стенную панель, тряхнув картину в раме. Он прижался спиной к стене, одной рукой вцепившись в портрет незнакомого человека в доверху застегнутом сюртуке и цилиндре, а другой придерживая картину на штанге.

– Хорошо, тогда утром. Но не позднее!

– Слушаюсь, мистер Беллоуз.

Натан узнал свистящее шипение жаберника, и у него засосало под ложечкой. Осторожно повернувшись, он просунул ключ в замочную скважину. Он поглядел через плечо: в конце коридора виднелись два

силуэта – высокие, сутулые, плоскоголовые. Жаберников было двое! Если бы они остановились и повернулись в эту сторону, то увидели бы Натана, а увидев, окликнули бы его, и тогда ему пришлось бы подойти; и они бы мгновенно учуяли книгу – такую твердую под тонкой тканью его пижамы, чуть ли не в половину Натанова роста, как ему порой казалось, более плотную, чем его собственная плоть, – и тогда начались бы разговоры о том, что он здесь делает после того, как выключили свет. Они позвали бы Беллоуза.

Но лишь в том случае, если бы повернулись.

Жаберники стояли на одном месте ужасно долго (черные, словно вырезанные из бумаги контуры их гротескных тел перегораживали свет из дверного проема), но в конце концов так и не обернулись, а удалились в глубину коридора.

Они ушли, предоставив Натану свободу открыть дверь и войти туда, куда направила его книга, чтобы найти ответы на свои вопросы; однако теперь Натан никак не мог собраться с духом, чтобы повернуть ручку.

– Ну? Чего ты ждешь? – спросила книга.

– Я не знаю.

– А, ну, если ты не знаешь...

Почему он чувствовал себя таким виноватым? Почему ему казалось, будто он делает что-то плохое? Натан попытался собраться с мыслями, но происходило это притупленно, приглушенно. Ответ не приходил. Наконец Натан все же повернул ручку, открыл дверь и вошел внутрь.

Ему ни разу не доводилось оказываться здесь в темноте, но комната, по-видимому, сама знала, что надо делать. Как только дверь за ним закрылась, здесь и там зажглись свечи, а над светильниками появились язычки газового пламени, сиявшие ярко-белым светом. Натан обежал ее кругом, задергивая шторы на всех восьми сторонах, даже на той узкой, где вместо окна была дверь в сад, чтобы скрыть стыд, который он до сих пор чувствовал, но которого не мог объяснить.

Закончив, он уселся на коврик посередине и положил книгу на пол перед собой.

– Как много красивых игрушек, – заметила она.

Натан кивнул и поднялся, чтобы достать свои самые любимые. Одну за другой он подносил их к развернутым страницам.

– Вот это, – объясняла книга, – называется «перпетуум-мобиле». Эти шарики можно заставить двигаться вечно, не прикладывая дополнительной силы, если знать как. А это Лук Балларда, сделанный из самого лучшего сушеного ясеня; его носил мальчик-воин по имени Баллард во время Третьей Иберийской войны. А это Ноев ковчег в миниатюре; в нем доисторические существа смогли спастись от потопа, вызванного прихотью холстовика.

Книга называла каждую вещь, которую приносил ей Натан, а на ее страницах появлялась миниатюрная история этой вещи и инструкции по ее использованию, так что игрушки, в которые Натан играл лишь наиболее очевидными способами, внезапно обрели новый смысл, новые возможности. Натан показал книге все, включая даже те предметы, которые прежде не вызывали у него никакого интереса, и книга рассказала ему, что это такое и что с этим можно делать.

Наконец Натан принес свой театр.

– Ага, – проговорила книга, – мы дошли до главного. Это, Натан, очень могущественная вещь. Она называется «Ретроспективный Одеон», одна из немногих, когда-либо существовавших. Этот театр был сделан в темные времена, еще до того, как Господин создал Мордюю, когда все пребывало в хаосе и течении. Это вещь могущественная, но страшная, рожденная могущественным, но страшным временем; первобытная, соединенная с миром таким образом, какой доступен пониманию лишь немногих. Возможно, даже сам Господин не понимает, как это работает.

– И что он делает? – с любопытством спросил Натан.

Страницы книги внезапно опустели, словно ей не хотелось ничего писать, и какое-то время она молчала, однако затем страницы вновь затрепетали, и книга заговорила, как будто ничего не произошло:

– Это лучше увидеть. Там, в углу, есть глина. Принеси ее сюда.

Натан поспешил туда и принес книге квадратный кусок глины, завернутый в мокрый муслин и лежавший в неглубокой чашке с водой.

– Отщипни немного – пригоршню, не больше.

Натан зарылся пальцами в гладкую, холодную сырую массу, сжал кулак и вытащил его, чувствуя, как глина продавливается между пальцами.

– Превосходно! Теперь тебе нужно что-нибудь острое – наконечник этой стрелы подойдет. Проткни им свою кожу так, чтобы пошла кровь.

Натан остановился. Весь его энтузиазм внезапно пропал.

На странице возникло изображение кончика пальца с небольшим порезом, в котором набухла капля крови. Палец повернулся, и капля упала за край листа.

– Ну, чего ты ждешь?

– А это не больно?

Книга некоторое время молчала.

– Будет немножко больно, но ничего такого, к чему ты не был бы привычен. Поверь, оно того стоит.

Натан положил глину, взял стрелу, приложил острие к кончику своего левого указательного пальца и нажал. Оно оставило в коже вмятину, которая исчезла, когда он убрал стрелу.

– Только не надо мне говорить, что такой мальчик, как ты (прошедший через все, через что ты прошел), боится крови!

Натан тряхнул головой и ткнул сильнее. Наконечник стрелы был остро заточен, так что Натан почти не почувствовал боли, но кровь тем не менее показалась – сияющая в свете свечей капля, обретшая сферическую форму, прежде чем скатиться по его руке и запястью.

– Не трать попусту. Чем больше, тем лучше. Теперь возьми глину и замешай ее с кровью. Выглядит по-варварски, но «Одеон» создан при помощи древней магии, едва поддающейся контролю, и оттого еще более могущественной. Ему нужны жертвоприношения, нужна кровь, чтобы умиловить силы, которые им управляют; тогда он выполнит твое требование.

– И что он сделает? – снова спросил Натан.

Глина залепляла ранку, словно пластырь. Натан соскреб ее ногтем большого пальца, и из ранки просочилась струйка свежей крови.

– Зависит от того, что ты вылепишь. «Ретроспективный Одеон» создан, чтобы показывать прошлое. Если ты вылепишь из глины какой-нибудь предмет, он покажет тебе прошлое этого предмета, нужно только уточнить время и положить предмет на сцену. Если ты вылепишь человека, театр покажет, кем этот человек был раньше. Вылепишь двоих – и услышишь, как они разговаривают друг с другом. Ты можешь вылепить целую труппу, хоть сотню человек, и

посмотреть, что они все делали в прошлом. Чем больше крови ты потратишь, тем дольше будет действовать волшебство, и тем больше от него будет толка. Если ты пожертвуешь лишь пару капель, то, несомненно, что-то увидишь, но не до конца, и, возможно, не совсем то, что хотел. «Одеон» трудно контролировать. Некоторые называют его своенравным; но чем больше ты жертвуешь, тем охотнее призванные духи будут стремиться исполнить твою волю, удовлетворить тебя так же, как были удовлетворены они сами. После того как их жажда будет утолена, ты даже сможешь задавать им вопросы.

Натан кивнул, и его руки принялись за работу. Ему не требовались дальнейшие объяснения; он не стал слушать, когда книга углубилась в детали процесса, а затем пустилась в рассуждения относительно того, кем или чем был создан «Одеон». Его пальцы проворно мяли лежащий перед ним кусок глины, сперва придав ей приблизительную форму человеческого существа – руки, ноги, голова... Книга тут же начала рисовать портреты известных людей прошлого, но Натан, не обращая на них внимания, продолжал лепить. Теперь фигурка в его руках обрела явные очертания девушки. Чем больше он работал, тем более узнаваемыми они становились: стройные ноги, юбка до колен, сцепленные спереди руки, чепец, под которым не было видно волос...

– Быстро ты управился! Теперь положи ее на сцену.

Натан взял фигурку и поворачивал ее в руках. Кровь на его пальце стала липкой и коричневой от глины, и когда он разгладил лицо фигурки, на ее щеках остались два пятнышка, похожих на румяна.

– Поторопись. Духи терпеть не могут старой крови.

Натан положил фигурку на сцену.

– Назови ее и скажи, какое время тебя интересует.

– Присси. Вчера вечером.

Секунду или две ничего не происходило. Пламя свечей слегка трепетало, ветер дребезжал оконными переплетами. Натан повернулся – и в этот момент фигурка двинулась. Однако она не стала вставать или оглядываться по сторонам. Она продолжала лежать там же, где и лежала, только медленно подняла колени и обхватила их крошечными, наскоро вылепленными руками, свернувшись в клубок и уткнув в колени голову. В таком положении она и осталась. Натан ждал, но

фигурка лежала неподвижно. Она ничего не произнесла; можно было слышать лишь тихие, сдавленные всхлипы.

Натан повернулся к книге:

– Я не понимаю... У меня получилось?

– В следующий раз попробуй использовать больше крови.

Дверь задрезжала.

Натан резко обернулся и уставился на нее, сжав губу между зубами. Ручка двери повернулась – но дверь была закрыта на замок. Ее снова затрясли. На странице книги появилось изображение Натана, припавшего к полу и заглядывающего в щель под дверь. Он последовал совету – и там, в падавшем из коридора свете, смог уловить крошечный кусочек происходящего снаружи: кончики пальцев жаберника, распластавшиеся по полу, а за ними опускающиеся на пол колени.

Вскочив, Натан кинулся к свечам и принялся задувать их одну за другой. Однако, когда он добрался до последней, первая вспыхнула вновь, а за ней вторая, третья, пока все они снова не оказались горящими. Он попытался потушить газовые светильники, но на них не было вентиля – очевидно, обитателям комнаты не полагалось их контролировать.

Дверная ручка загромычала вновь, еще энергичнее, чем прежде. Натан оставил ключ в скважине, и он трясся и дребезжал при каждом толчке. Если ключ выпадет, жаберник, с его длинными и тонкими пальцами, возможно, сумеет подтащить его к себе через щель под дверь и открыть дверь ключом.

Стараясь действовать как можно тише, Натан скользнул к двери и прижал ключ кончиком пальца. Дребезжание прекратилось, но теперь с другой стороны послышались шмыгающие звуки: жаберник вынюхивал его запах.

Бочком Натан отодвинулся как можно дальше от двери, вытянув руку на всю длину, так, чтобы только не отпустить ключ. Через несколько секунд его тело начало болеть: мышцы рук и ног протестовали против столь неестественной позы, дрожали и тряслись. Если ему придется оставаться в таком положении еще какое-то время, он выдаст себя, сам загремев ключом! Однако жаберник уже удалялся: из коридора слышалось шлепанье его ладоней и ступней.

Натан наконец позволил себе вздохнуть, подбежал к книге и принялся убирать театр на место.

– Дитя мое, Господин доволен вашими успехами. Хоть вы ничем и не заслужили Его внимания даже на кратчайший момент, могу вас заверить, что Он уделял его вам во многих случаях. Поистине, я не мог бы назвать больше никого, о ком бы Он так заботился. Всех других мальчиков, появлявшихся здесь – за исключением лишь тех, полезность которых сводилась к самым очевидным и ограниченным качествам, – Он оставлял полностью на мое попечение. Однако сегодня... О какая радость, какое блаженство!

Натан поерзал на стуле, стиснул руки под столом, и ответил едва заметным кивком. Беллоуз сегодня вел себя странно, как если бы не был до конца уверен в собственных чувствах по этому поводу; словно у него были сомнения, которые он пытался заглушить преувеличенной риторикой. Может быть, жаберники доложили ему о том, что Натан пользовался детской после наступления темноты? Возможно, это прелюдия к наказанию?

Беллоуз подошел к столу, оперся на него ладонями и заговорил, глядя прямо перед собой:

– Сегодня Он призвал меня к Себе. «Беллоуз, – сказал Он, – ты проделал хорошую работу с этим мальчиком, Тривзом, вернув эту заблудшую, своенравную душу на путь здравого смысла и добродетели. С помощью книги мальчик изучил буквы, а также смог узнать кое-что о мире – мире, который до сих пор был для него всего лишь смутной догадкой, едва различимой тенью, отбрасываемой на и без того темное и тусклое полотно. Мой верный служитель, ты рассказал ему о городе, что лежит за морем, и о Госпоже, которая им правит: об этом презренном, недисциплинированном существе, не оставляющем попыток принести гибель Мордью и населяющим его людям». Все это Он сказал мне не далее как сегодня утром, охарактеризовав вас как достойного Своего внимания, а вместе с вами, опосредованно, и меня. Понимаете ли вы, Натан, какая честь была вам оказана?

Натан кивнул. Он по-прежнему слышал грохот дверной ручки, продолжал видеть Присси, лежащую без движения с поднятыми

коленими. Медальон на его груди был теплым, но Натан не притрагивался к нему, только чувствовал его сквозь рубашку.

– Вот именно, – продолжал Беллоуз хриплым, срывающимся голосом. – Вы не чувствуете себя достойным Его одобрения, зная, что по сравнению с Его величием вы не более чем червь, ползающий по поверхности земли! И вы совершенно правы: вы действительно ничто – пока. Но возможно, скоро станете чем-то большим. Ибо теперь вы готовы, и у Господина есть для вас работа. Он поручил мне предупредить вас, что сегодня вечером Он посетит вас, и после того, как вы поедите, возьмет вас с собой, чтобы вы выполнили эту работу. Что вы на это скажете?

Беллоуз воззрился на Натана, словно ожидая его реакции. Тот склонил голову, не зная, как ответить так, чтобы это удовлетворило Беллоуза, не уверенный в собственных чувствах. Может быть, жаберники, минуя Беллоуза, пошли напрямик к Господину? Может быть, Господин собирался наказать его вдали от посторонних глаз?

Беллоуз подошел и встал позади него. Натан вздрогнул, почувствовав его холодную ладонь на своей шее, и поежился, когда она принялась разглаживать его волосы, вечно торчавшие, сколько бы он их ни причесывал.

– Я вижу, благоговейный страх не дает вам вымолвить ни слова? Груз ответственности заставил вас оцепенеть? Позвольте же мне развеять ваши сомнения, ибо точно так же Господин пришел ко мне, немного погодя после отъезда моего брата, и предложил мне выполнить Его работу. И хотя я трепетал так же, как и вы сейчас, дрожа с головы до ног в свете, изливаемом на меня Его вниманием, тем не менее я сделал все то, что от меня требовалось. И вот я стою перед вами сейчас, являя собой последствие принятого тогда решения и моего дальнейшего желания исполнять волю Господина. Что бы вы сейчас ни предприняли, это может привести лишь к благу, Натан, хоть вы этого можете и не видеть.

Беллоуз убрал руку. Натан поднял голову и поглядел на него. Он потирал кончик указательного пальца, теребя отстающий лоскуток кожи возле ранки, проводя большим пальцем взад и вперед по линии пореза.

– Очевидно, ваше молчание говорит о согласии.

Беллоуз наклонился над ним, и Натан увидел его маленький рот в просвете воротничка: розовые губы мокро блестят, кончик языка покоится на нижнем ряде зубов, струйка слюны соединяет одну губу с другой. Беллоуз протянул руки по обе стороны его шеи, взялся за цепочку, на которой висел медальон его матери, и снял его через голову мальчика. Стоило медальону покинуть грудь мальчика, как он почти моментально ощутил дрожь в животе, покалывание в порезанном пальце и внезапное жжение за глазами.

– Господин полагает, что это напоминание о вашем отце, подобно напоминанию о любой авторитетной фигуре (вне зависимости от того, насколько она достойна уважения), оказывает отупляющее влияние на ваш рост в период вашего вступления в пору зрелости. Подобные символы следует откладывать в сторону хотя бы на небольшие периоды, чтобы ребенок мог найти в себе собственные ресурсы и силу действовать в этом мире. Для вас, Натан, этот медальон символизирует нечто отжившее, оставшееся в прошлом, без чего вы должны научиться обходиться, чтобы преждевременно не завянуть, не достигнув своего полного потенциала.

Беллоуз опустил цепочку на ладонь, так что она собралась там горкой, поверх которой улегся сам медальон.

– Не беспокойтесь. Когда ваше взрослое «я» достаточно укрепитя и вы докажете, что способны двигаться собственным путем, медальон будет вам возвращен.

Натан ощутил, как по его нервам пробежал поток огня, подобно возвращению давно забытого друга. Теперь, когда он смотрел на Беллоуза, его глаза были внимательны и широко раскрыты, так что он подмечал все детали в облике этого странного человека, вплоть до потертостей на локтях его сюртука и вечерней несвежести воротничка и манжет. Все мысли о совершенных прошлой ночью проступках покинули его.

– Замечательно, – сказал Беллоуз. – Теперь возвращайтесь в детскую и отдыхайте в ожидании, пока Господин не пришлет за вами.

Шел дождь, но Натана переполняло желание, похожее на нетерпение, страстное, но не имеющее цели. Когда он повернулся к Беллоузу спиной, ему хотелось одновременно бушевать и смеяться, но он даже не представлял себе, по какому поводу.

Господин не присылал за ним на протяжении первого часа игры, и Натан просидел этот час с «Одеоном» между коленями, убрав глину подальше от себя и глядя в окна в ожидании, пока повернется дверная ручка. Однако он не мог совсем не обращать внимания на театр. Мало-помалу его взгляд начал перемещаться к верхушке просцениума, скользить по волнам и изгибам красной бархатной материи, изображавшей занавес, от левого края сцены до правого, однако тщательно избегая попадания на деревянные дощечки авансцены и дальше, к тому, что могло там лежать, оставшись с прошлой ночи.

В какой-то момент он полностью отвлекся на тень птицы, которая пересекла окно, на мгновение заслонив свет. Поворачиваясь обратно, он не смог соблюсти должную осторожность, и его взгляд упал на глиняную фигурку – сперва он увидел лодыжку Присси, а за ней, постепенно поднимая взгляд, и остальное тело. Красно-коричневая глина подсохла и стала пятнистой, пыльно-бежевой; в отдельных местах она отслаивалась и трескалась, словно грязь в высохшей луже. Натану не хотелось смотреть – может быть, он боялся положения, в котором мог застать фигурку, – однако ее изменившийся вид и мертвая неподвижность притягивали взгляд. Голень и бедро оказались такими же, как и лодыжка: высохшими и неподвижными. Натан поднял фигурку, и она рассыпалась в пыль между его пальцами.

– «Ретроспективный Одеон», – раздался голос Господина у него над ухом, но откуда-то из-за спины. – Одна из моих любимых игрушек.

Натан подскочил и обернулся. Господин стоял позади него на коленях, с распушенным галстуком и широкой улыбкой на лице. Он протянул к Натану руку ладонью вверх. Его ладонь была иссечена сеткой тонких белых шрамов, расположенных слишком равномерно, чтобы можно было принять их за те линии, какими пользуются хироманты, – скорее, они были вытравлены поверх них, как надписи на палимпсесте.

Мальчик уставился на него.

– Так это ваше?

Господин кивнул.

– Впрочем, я бы сказал, что здесь все мое, не так ли? Но я понимаю, что ты имел в виду. Этой игрушкой, так же как и всеми остальными, я играл, когда был ребенком. Возможно, во мне говорит сентиментальность, но я так и не нашел в себе силы их выбросить. И вот теперь они снова пригодились, правда? В свое время я задал этой штуке множество вопросов, и она дала мне множество ответов.

Натан кивнул. Глиняный прах Присси по-прежнему был зажат у него в горсти, и Натан не знал, куда его девать теперь, когда рядом был Господин. Однако тот заметил, что мальчик сжимает слегка подрагивающие кулаки с просачивающимися между пальцами маленькими струйками пыли, и дважды свистнул. Тотчас откуда-то из угла, словно бы из ниоткуда, явилась механическая мышь наподобие тех, которым в спину вставляется заводной ключ, только у этой был настоящий мех и рубиново-красные глаза.

– Вы еще не знакомы? Это мистер Сауэрс. Где-то тут неподалеку должна быть его жена.

Поднявшись, Господин подошел к углу, откуда появился мистер Сауэрс, нагнулся и поднял еще одну мышь – почти такую же, но с изумрудными глазами, – которой каким-то образом угораздило перевернуться на спину. Ее колесики бешено вращались, и как только Господин снова поставил ее на пол, она тотчас шмыгнула туда, где ее ждал супруг.

– Ужасно романтическая пара! Жить не могут друг без друга, – заметил Господин.

Воссоединившись, они подкатились к Натану и принялись тыкаться носами ему в колено.

– Они хотят, чтобы ты бросил свой мусор на пол. Видишь ли, это их работа – прибирать здесь.

Натан колебался, но затем, побуждаемый Господином, разжал руки, и горстка глиняной пыли просыпалась на пол перед мышами. Они метнулись к ней и принялись шнырять взад и вперед, пока, благодаря какому-то механизму, который Натан не мог разглядеть, ковер перед ним вновь не стал чистым.

– Спасибо, – сказал он.

Взмахом руки Господин отпустил мышей, и те укатились прочь, снова спрятавшись где-то среди теней.

– Вот видишь, Натан, – сказал Господин, – у каждой проблемы есть решение.

Господин набрал пригоршню глины и принялся катать ее между ладонями, пока та не превратилась в гладкий шар.

– У меня тоже есть проблема, Натан, и я надеюсь, что решением для нее окажешься ты. Возможно, Беллоуз уже рассказал тебе о ней?

Натан покачал головой. Он не поднимал взгляда, продолжая разглядывать опустевшую сцену. Место, где лежала Присси, было припорошено пылью. Лизнув палец, он провел им по пыльным дощечкам.

Господин снова присел рядом.

– Вот, возьми, – он протягивал глиняный шар. – Теперь, без медальона, это окажется гораздо проще. Во всяком случае, наверняка проще, чем прошлой ночью. Я думаю, ты уже понял: я повесил тебе на шею медальон, чтобы он сдерживал твой гнев до тех пор, пока ты не научишься его контролировать. И также я дал тебе книгу, чтобы она помогала тебе учиться. Это я велел ей привести тебя сюда, чтобы показать, как это все работает.

Господин улыбнулся, и Натан взял у него глину. На этот раз кончики его пальцев пощипывало и покалывало, он ощущал зернистость материала. Казалось, будто его пальцы обрели дополнительную чувствительность, а также увеличилась степень, с какой он мог контролировать их движения. То же относилось к остроте зрения; впрочем, глина теперь казалась ему более голубой, чем прежде. Все вокруг как-то поголубело, даже кровь, которую он выдавил из кончика своего пальца, – ранка, конечно, еще не успела зарости, и оказалось достаточно скосырнуть корочку кончиком ногтя, чтобы ее освежить.

– Вот так. Чем больше крови ты замешаешь в глину, тем лучше окажутся полученные результаты.

– Я знаю.

Натан принялся снова лепить Присси, но на этот раз вместо грубого и приблизительного изображения женской фигуры под его пальцами возникло нечто иное, кто-то совершенно другой: та девушка в голубом, которую он видел на портрете.

Господин поцокал языком, отобрал у Натана глину и снова смял ее в комок. Когда он разжал кулак, на его ладони лежала фигурка Присси

– настолько достоверная, будто Присси сидела перед ними во плоти, вплоть до формы носа и изгиба ее шеи. Господин отдал ее Натану, и тот поставил фигурку посередине сцены и сунул в рот порезанный палец.

– Тебе необязательно на этом останавливаться, – заметил Господин. – Однажды я поместил на эту сцену тринадцать изображений, не менее совершенных, чем твое, и заставил каждое произнести свои реплики. Не могу сказать, что получил от этого представления большое удовольствие, но это, по крайней мере, было поучительно.

Еще до того как он закончил говорить, Натан занялся второй фигуркой. Он начал с головы – копна растрепанных волос, широкий лоб и скулы, провал пустой глазницы и широкая, нахальная улыбка. Еще до того как он наполовину закончил с туловищем, было понятно, кто это такой: Гэм.

– Пожалуй, наше дело может подождать еще один день, – сказал Господин, поднимаясь с колен. – Хотя бы до тех пор, пока ты не удовлетворишь свое любопытство. Возможно, это даже заставит тебя работать с большей эффективностью.

Натан его не слушал: Искра требовала от него полной концентрации для выполнения задачи. Он не слышал, как Господин вышел из комнаты, не видел, в каком направлении он пошел – к Беллоузу или в сторону Натановой спальни, где под подушкой лежала книга.

Спустя немного времени Гэм был закончен и поставлен на сцену рядом с Присси. Натан потянулся за новой порцией глины, еще не зная, кого собирается лепить дальше, однако это знали его пальцы. Это знала Искра. Вскоре понял это и Натан, когда перед ним начало формироваться знакомое грушевидное тело, круглые щеки и сальные завитки волос, короткие руки и длинные изящные пальцы: Пэддж, одетый в шелк, красный от крови, которая вскоре должна была дать ему жизнь.

Натан поставил его на сцену и вытер руки.

Фигурки на сцене вздрогнули, словно от прикосновения, и их тени заколыхались в падавшем от Натана бледно-голубом свете. Теперь в них была жизнь, была энергия, окрашенная у каждого по-своему.

Энергия Пэджа была плотной и нечистой, Присси – тонкой, но колеблющейся, Гэма – шероховатой и неожиданно робкой.

Натан прикусил губу. Почему он здесь? Что привело его в это место? Воля Господина?

Он окинул взглядом детскую, видя все словно впервые, словно не очень понимая, как вообще оказался в этом месте, почему попросту не разрушил все на своем пути. Убить Господина в отместку за убийство отца – разве не это он намеревался сделать? Что остановило его руку, когда он поднялся по Стеклойной дороге, понукая сидящего на козлах Поставщика, почти не скрываясь, а потом перед ним возник Господин? Медальон? Слова Пэджа? Их открывшееся предательство? Или это была какая-то уловка, какая-то сила, которую Господин имел над своими врагами, которая нейтрализовала его и заточила в этом месте словно в темнице?

Может быть, этот «Одеон» тоже уловка?

Но это не было уловкой. Теперь Натан это чувствовал; он мог видеть все как есть – Искра выжигала любой обман. Фигурки на сцене должны будут сказать правду, такова их функция; повелевавшая ими сила исходила от него самого, из его крови, а также от сил, существовавших прежде магии Господина, к которым до сих пор можно было обратиться посредством кровавого жертвоприношения.

Когда он снова обратил внимание на комнату, то тут же ощутил ложь Господина: было что-то такое, что тот недоговаривал, какая-то цель, для которой Натан ему понадобился, – теперь Натан это чувствовал. Но также он чувствовал, что в других вещах Господин говорил правду. Господин не убивал отца Натана и не был виноват ни в чем из того, что произошло с его семьей. За всем этим стояло что-то другое, и Натана переполняло вполне оправданное желание понять что.

Действительно ли Гэм и Присси его предали? Какова была их роль? Если они действительно были его друзьями, может быть, существует какое-то объяснение? Есть ли у него возможность выбраться отсюда, найти путь обратно, вернуться к друзьям? Разве он не был хоть немного счастлив там, в подземных переходах? А Пэдж... Он всего лишь человек. Его будет легко убить или просто избегать – что угодно.

Но почему они стоят там и плачут? И почему Гэм смотрит на Пэджа с таким расстроенным выражением на лице?

Он должен был найти ответы; и пока бурая кровь на пальцах подсыхала от жара Искры, он принял решение. Взяв стрелу, он рассек наконечником свою ладонь, врезаясь так глубоко, что образовались рваные края, и когда он свел их вместе, сжав руку в кулак, кровь закапала, полилась струйкой на сцену – и лилась до тех пор, пока каждая из фигурок не заблестела от влаги, пока жидкость не начала собираться возле их ног в отсвечивающие голубизной лужицы.

– Тот раз, когда у них впервые зашла речь обо мне, – прошептал он; и прежде, чем отзвук его голоса затих между стенами восьмиугольной комнаты, фигурки задвигались.

Пэдж подошел к двери и принялся ковырять ногтями в зубах. Гэм сидел с прямой спиной так, словно под ним был стул, а Присси лежала на кушетке, свесив одну ногу и болтая ею под юбками.

– Мне попался очень аппетитный кусочек информации, Гэм, поэтому я и позвал тебя сегодня к себе.

Гэм выпрямился еще больше, словно школьник, вызванный к директору и пытающийся избежать порки с помощью вежливости, покорности и хорошей осанки.

– Да, мистер Пэдж.

– «Да, мистер Пэдж...» И ты был так добр, что привел сюда одну из знакомых тебе молодых дам.

– Это Присси, мистер Пэдж.

– В самом деле? Очень жаль. Надеюсь, у нас не будет с ней проблем^[4].

– Ее просто так зовут.

– Мне незачем знать, как ее зовут! Для девушек определенного сорта, учитывая их наиболее вероятный род занятий, имя – все равно что чепец на свинье: от него ни пользы, ни удовольствия. За девушку, у которой есть имя, приходится отвечать, а это может принести кучу неудобств.

– Эй, что он там такое обо мне говорит?

– Я говорю, мисс, что чем меньше мне о вас известно, тем лучше.

Глиняная Присси задрала нос и поцокала языком, но ничего не ответила.

– Ну, ладно... Так зачем вы нас позвали? – спросил Гэм.

– Я позвал вас, потому что, как ты мог бы уже и сам сообразить, у меня есть для тебя хорошенькое дельце.

– Без проблем! У меня в банде все парни проворные. Только скажите, что вам надо, и мы все сделаем. Одна нога здесь, другая там, чисто и аккуратно, без следов.

– Наблюдение, Гэм, говорит мне о другом, как должно было сказать и тебе. Погляди-ка в зеркало и подумай, насколько люди могут доверять твоей банде.

Гэм рефлекторно поднес руку к пустой глазнице, потом медленно убрал ее – вероятно, поняв, что выдал свою слабость.

– Вот-вот, – продолжал Пэдж. – В любом случае мое предложение, скорее, из разряда долгосрочных. Можно сказать, что-то вроде медленно кипящего супа, который можно оставить на огне, чтобы он там булькал, и который сможет послужить знаком твоей искренности.

– В этом вы можете не сомневаться, мистер Пэдж...

– Пустые слова, Гэм! Такие же пустые, как эта дырка у тебя в черепушке. Я никому не позволяю одурачить себя дважды. Это дельце послужит мне гарантией того, что ты определился, на чьей ты стороне. Ты меня понял?

– Нет, мистер Пэдж. Но это не проблема: я все равно сделаю все, как вы скажете!

Пэдж помимо воли рассмеялся:

– Что-то я стал слишком мягок... В тебе, дитя, есть определенное очарование – должно быть, оно-то и делает меня таким добрым. Как бы там ни было, обстрирай это дельце – и ты заслужишь мое прощение и сполна рассчитаешься за все. Я полагаю, ты знаешь некоего Натана Тривза?

– Натти? Такой малыш-задохлик? Папашу едят черви, мамаша зарабатывает на жизнь? Знаем, как же.

– Возможно, не до конца. У меня есть бумаги, которые... Официальные бумаги, заметь... Которые подтверждают его право на владение состоянием.

– Малыш Натти Тривз? Вы уверены? Он живет в дыре между двумя гнилыми досками и Морской стеной, к которой они прислонены. Его папаша ни на что не годен, а мамаша трудится не покладая ног с тех пор, как люди ее помнят.

– И тем не менее бумаги не оставляют никаких сомнений. Ему нужно только показаться и подтвердить свою личность у муниципальных властей в Торговом конце, и его тотчас поместят под защиту всяких там опекунов, попечителей и – самое главное для нас – бухгалтеров.

– Да ну, не верю!

– Разве тебя кто-то просит верить?

Пэдж пересек сцену, заноса руку. Гэм съежился, отпрянул назад.

– Прошу прощения, мистер Пэдж!

Тот выпрямился и как ни в чем не бывало поправил узел своего галстука.

– Все, что от тебя требуется, Гэм, – это обеспечить, чтобы малыш Тривз оказался у нас в кармане. Ты меня понял?

– Вы хотите, чтобы я пошел туда вместе с ним и, когда дойдет до раздачи, стырил бабло и притащил к вам?

– Нет, Гэм! Вот поэтому я тот, кого ты видишь перед собой, человек с влиянием, всеми уважаемый, в то время как ты – всего лишь комок трущобной грязи. Как только Тривз объявит о себе официальным лицам, они тут же крепко прижмут его к своей теплой заботливой груди и утащат прочь. После чего «бабло», как ты изволил выразиться, будет для нас потеряно. Нет, мы должны найти к нему подход, чтобы выкачать из него эти капиталы и сделать их своими.

Присси поднялась с места:

– Я сделаю это!

Пэдж улыбнулся ей и кивнул:

– Молодец, девочка! Очень хорошо!

– Что сделаешь? – спросил ее Гэм.

– Сколько?

– Сотня, – отозвался Пэдж.

– Серебром?

– Золотом.

Присси присвистнула:

– За сотню золотом я заставлю его еще и полюбить меня!

– Не думаю, что в этом будет необходимость.

Натан так крепко стиснул кулак, что поток крови полностью иссяк, а с ним и топливо, поддерживавшее жизнь в глине. Присси застыла на месте, положив одну ладонь на бедро, а другой рукой

поигрывая своими локонами. Волосы у нее были длиннее, чем те, которыми Натан снабдил фигурку, но тем не менее они были вполне узнаваемыми. Пожалуй, восхитительными. И, несомненно, предательскими.

Но мысли Натана уже устремились от фигурки, на которую был направлен его взгляд, к реальной девушке с таким мягким телом, обвивающей руками его шею, обхватившей ногами его талию, дышащей ему в ухо, цепляющейся за него, словно за единственное безопасное пристанище во всем мире...

Натан поднялся на ноги. Порез на его ладони уже подсох и был липким, застывшая кровь – словно красное стекло, осколками которого был полон его кулак.

Дверь наружу оказалась открытой. За ней была луна, высокая и молчаливая, изгнавшая своим светом звезды. Восьмиугольный садик блестел всеми поверхностями: у всего была освещена одна сторона, словно что-то поделило пополам каждый объект, оказавшийся на пути. Не замедляя шага, Натан подошел к стене, огораживавшей пространство травы, и вспрыгнул на нее, так что теперь Мордю лежал под ним – та его часть, что не была заслонена башней. Стеклянная дорога, шпиль посреди парка, Торговый конец, и прямо впереди – Плезанс. «Легкие города»...

«Нат! Можно мы сходим посмотрим на зверюшек? Ну пожалуйста!»

Натан шагнул со стены. Между его ногами и землей не было ничего, кроме неподвижного воздуха и образов того, что находилось далеко внизу: улиц, домов, бродячих собак, повозок с товарами для купеческих прилавков.

Он падал, но недолго.

«Пожалуйста, Натан! Они едят морковку прямо у тебя из рук!»

Его губы не произнесли никакого заклинания, он не призывал никаких чар, не творил волшебства. Он просто пошел вперед – и воздух, вместо того чтобы дать ему упасть, поддержал его, словно это было самым естественным делом. Его шаги были шагами гиганта, один за другим они пожирала пространство между ним и его целью.

Натан ярко пылал, затмевая собой сияние луны, освещая все кругом, так что сдвоенные шпиль, дворцы и частные владения Плезанса при его приближении вспыхивали, как если бы он мог

направлять солнечные лучи в любое место по своему желанию. Когда его ноги наконец прикоснулись к земле, трава под ними обуглилась, а дерн потрескался и побелел. Он зашагал, оставляя за собой голые, дочерна выжженные пятна, запечатлевшие его путь через лужайки до входа в Зоологический парк.

Они почувствовали его приближение: еще до того, как их залил его свет, они забились по дальним углам своего вольера, словно побитые псы, – припав на все четыре колена, прячась один за другим, так что впереди остался один старый самец. Надо отдать ему должное, этому отцу алифоньеров: невзирая на свой страх, он вышел вперед, навстречу Натану. Его бивни, толщиной в человеческое туловище, изогнутые, как сабли, были кремового цвета, с грязными концами от копания в земле в поисках съедобных корней.

Алифоньер повернулся к подходящему Натану, не позволяя полыханию всего вокруг отвлечь его от выполнения долга. Он покрепче расставил ноги, и хотя от света его кожа побледнела, а глаза затерялись в складках кожи, он не побежал.

Если бы Натан был в здравом уме, он бы это увидел. Возможно, это вызвало бы его сочувствие. Но он не видел ничего.

«Своди меня посмотреть алифоньеров», – сказала она, положив руку ему на локоть.

Всё – обман. Всё – хитрость.

Его отец, умирающий, гниющий заживо из-за отсутствия лекарств.

Его мать, принимающая всех без разбора, чтобы заработать денег им на хлеб.

Человек с родимым пятном.

Пэдж.

Все они одинаковы.

Свет пылал теперь так ярко, что алифоньер перед ним превратился в альбиноса – бело-голубой, лишенный всех красок; края его тела расплывались, сливаясь с краями тех, кто был сзади.

Присси.

Натан взялся руками за концы бивней, и алифоньер заскулил. Воздух наполнился резким запахом паленого волоса; животные позади хрипло дышали и издавали странные сиплые, свистящие звуки – казалось, будто они плачут.

Приложив не больше усилий, чем если бы счищал кожуру с яблока или извлекал горошины из стручка, Натан разорвал алифоньера пополам, прямо по центральной линии – сперва раскололся череп, а затем все остальное; одна часть скелета осталась с левой стороны, вместе с левыми ребрами и левыми ногами, другая – с правой.

Животное не успело вскрикнуть – оно было уже мертво. Вскоре не осталось даже костей, сожженных дотла.

Следующей была жена алифоньера. Впрочем, Натан пылал настолько жарко, что ему даже не потребовалось ее касаться: она сгорела прямо перед ним, а следом и прятавшиеся за ней дети. Каждый внес свой вклад в груды пепла, оставшуюся на том месте, где они стояли.

«Они едят морковку прямо у тебя из рук».

Все вранье!

Потом откуда-то послышался звук. Натан обернулся и увидел позади себя еще одного. Самого маленького. Детеныш стоял перед ним – не с вызовом, как его отец, не пораженный ужасом, как его мать, но неспособный понять, что вообще происходит. Малыш поднял свой нос, изогнув его вопросительным знаком, настолько очевидным, что было невозможно не понять его смысл. Он часто-часто моргал, ослепленный светом Натана; вероятно, не видя пепла, оставшегося от других. Натан ощутил желание протянуть к нему руку, привлечь к себе, спасти, ведь его требовалось спасти, такого малыша, самого маленького, но когда он сделал движение, намереваясь взять детеныша в руки, тот испуганно попятился: видимо, осознал, что перед ним не друг.

Натан отступил назад, сделав два или три шага, пока не оказался среди обугленных останков и белого пепла. Его ноги зарылись в пепел, словно в сугроб.

Когда он снова поднял взгляд, малыш-алифоньер тоже стал пеплом. Весь Зоологический парк наполнился воплями перепуганных животных.

– Ну и представление ты устроил.

Натан не поднимал глаз. Парта; ее зернистая текстура была слишком близко, чтобы сфокусировать на ней взгляд, но его голова отказывалась подниматься.

– Они были последними из своего вида, – сказал Господин. – Ты знал об этом?

Натан слышал, но даже не качнул головой. Отрицание было там, в его мыслях, он его чувствовал, но оно никак не могло передаться телу. Соппротивление было слишком велико; тело было чересчур тяжелым, чтобы это стало возможным.

– Я обладаю множеством умений, Натан, и значительной силой, но даже я не могу вернуть их обратно. Древние знания упоминают методы, с помощью которых, если у тебя есть кость или ее отпечаток в камне, есть и возможность, спустя годы работы, дойти до такого момента, когда воссозданное животное сможет дать потомство, родив подобного себе детеныша, но для этого нужна хотя бы кость!

Даже слезы не текли – настолько он загустел, настолько плотным стало все вокруг.

– Ничего не осталось, кроме пепла!.. С другой стороны, это были только животные, а, Натан? В общем-то, ничего особенного. Любопытные пустячки. Бесплезные твари. Диковинные остатки ушедшей эпохи. Видимо, так ты думал, когда оставил мой кров и сошел туда вниз?

Господин ошибался: Натан вообще не думал. Он мог только чувствовать – после того как увидел воссозданное на сцене предательство.

– В этом есть некая истина. Животные... Что они такое? Они не могут говорить – по крайней мере, без приложения значительных затрат и усилий. Они не думают – во всяком случае, не думают ни о чем значительном. Они не могут ничего создавать. Не так ли? С какой стати тебе противиться, если у тебя возникло желание их уничтожить? Почему тебя должно заботить, если их больше не станет? Разве не

таков закон среди животных: слабые погибают от рук сильных, верно? Пожалуй... пожалуй...

Звук шагов (деревянные каблуки по деревянному полу), удаляющихся в глубину комнаты, где Господин держал свое оборудование, накрытое льняными простынями, чтобы уберечь от пыли. Звяканье стеклянных трубок, скрип несмазанного винта настольных тисков... Потом шаги возвратились.

– Ну и шумиха. Ну и переполох. Торговцы жаждут крови. Еще бы, такие ценные звери! И что с того? Если бы эти глупцы имели хоть какое-то представление, насколько просто делать золото, которого они так жаждут! Простейший процесс. У меня внизу, в Подполе, стоит дюжина машин – они выдают его фунтами! Но мы-то с тобой знаем об этом, не так ли? Мы знаем... Что нам до того, что эти люди оплакивают свои потерянные ценности? Мы превыше этого, верно? Ты и я.

Больше он не отходил. Он стоял так близко, что Натан мог чувствовать его тепло сквозь рубашку. Его дыхание шевелило пушок на Натановой шее – мягкие, влажные выдохи... Натан не поднимал головы, боясь прикоснуться к нему.

– Ты особенный, Натан. Даже еще больше, чем твой отец. Но, должно быть, ты и сам это чувствовал? Испытывал раздражение из-за узости его кругозора? Разве это не недостаток – неспособность действовать? Я не говорю «слабость» (он не был слабым, мы оба это знаем), но все же – не иметь сил избрать другой путь? Самопожертвование – вещь благородная (по крайней мере, так говорят), но если оно не нужно? Если твоя жертва отражается на тех, кто тебя окружает? В таком случае это нечто другое. Страдание, как и наслаждение, может быть соблазном; а если в страдании нет необходимости, разве мы не вправе сказать, что те, кто его избирает для себя, кто позволяет другим страдать рядом с собой, что они совершили ошибку? Или, возможно, что у них не хватило проницательности увидеть, что существуют и другие пути?

Он отступил на шаг, и теперь, когда давление его близости ослабло, Натан смог поднять голову. День был ясным и солнечным. Натан сделал глубокий вдох.

Некоторые решения даются с трудом, другие ты принимаешь, потому что альтернативы немыслимы; но иногда решения приходят

сами собой. Мир принимает такую форму, при которой лишь один путь выглядит верным, находится в согласии с окружающими вещами и с тобой. Натан избрал следовать одному пути. Он избрал идти вперед, чтобы увидеть, куда этот путь приведет, – не думая о том, как будет выглядеть это место, не вступая в противоречия с другими путями, но зная, что возвращаться назад не имеет смысла.

Когда он повернулся, Господин стоял перед ним без сюртука, протягивая руку.

Натан взял ее. Ладонь Господина была жесткой от зарубцевавшихся шрамов, и Натан ощутил Зуд в собственной ране от прикосновения к ним.

Этой ночью облака были особенно низкими и темными; они висели так близко к земле, что Натан пригибал голову под их массой, словно они могли опуститься еще ниже и раздавить его. Луны не было и в помине; местность освещал лишь тот свет, что просачивался снизу, из Торгового конца, окрашивая нижнюю границу облаков едва заметным оранжевым отблеском.

Господин положил ладонь Натану на плечо. Она покоилась там, словно охотничий сокол на шесте, тяжелая и полная угрозы; но вроде бы они были союзниками, по крайней мере на данный момент. Над другим его плечом появилась вторая рука Господина, указывающая куда-то в темноту:

– Вот откуда все это приходит, Натан. Видишь?

– Но там ведь ничего нет...

– О это не так, уверяю тебя!

Господин наклонился к нему и что-то прошептал. Натан не расслышал слов – или, может быть, расслышал, но они были незнакомы его уму и ускользнули прежде, чем он смог уловить их значение. Впрочем, что бы они ни значили, их действие было несомненным и немедленным: как будто тучи расступились и перед его глазами появилась зрительная линза. То, что находилось где-то вдаль, внезапно стало настолько близким, насколько этого хотелось Натану. От него требовалось только сосредоточить на чем-нибудь свое внимание – и оно оказывалось прямо перед ним в мельчайших подробностях.

– А теперь видишь?

Теперь он видел. За пределами Морской стены простиралась гладь моря – непрестанно вздымающаяся, колышущаяся, не знающая покоя масса. Многие лиги спустя она встречалась с белыми меловыми утесами, за которыми, серые в ночи, но оттого не менее явственные, расстилались бесконечные поля травы, окаймленные дубравами, и дальше – пологий склон долины. Позади всего этого возвышалась большая пирамида, неровно сложенная и имевшая неопрятный вид. От

нее сочился колеблющийся свет, лишь слегка окрашивавший окрестные земли, но сиявший золотом внутри.

– Маларкои!

Господин убрал руку. Натан моргнул – тучи вернулись на свое место, и тяжесть ночи навалилась на него сильнее прежнего.

– Мы с тобой обладаем силой, – продолжал Господин. – У Госпожи она тоже есть. Поскольку в тебе она ничем не сдерживается, поскольку ты никогда не учился ее контролировать, поскольку твой отец лишил тебя помощников и машин, полагающихся тебе по праву рождения, она пылает в твоём сердце, в небе над твоей головой, жжет сквозь твои ладони. Моя же сила вложена в город, который ты видишь вокруг: в механизмы Подпола, в Стекланную дорогу, в жаберников, в Беллоуза – во все, что здесь есть, в каждого мужчину и каждую женщину. Главным образом эта сила направлена на защиту нас всех от действий Госпожи. На это тратится огромная часть моих ресурсов – каждый день и каждую ночь, в ущерб всем и всему, что есть в городе. В ущерб тебе, Натан.

Он обошел Натана и встал к нему лицом, и внезапно мальчик почувствовал в нем некую мягкость, теплоту, заботливое намерение, которого не ощущал прежде.

– Вот почему я не имел возможности сам заниматься твоим образованием. Я живу в большом напряжении, Натан. Впрочем, скоро ты увидишь сам.

Господин повернулся лицом к Маларкои: невидимому, но плотному присутствию где-то вдали, навалившемуся тяжелым грузом на весь мир. Натан поглядел в том же направлении и сосредоточился, но ничего не увидел.

– Они приближаются, – проговорил Господин.

Что это звучало в его голосе – неужели страх? Скрытый, но недостаточно искусно?

Натан слышал их прежде, чем увидел.

– Что ты видишь?

– Ничего. Но я слышу шум крыльев.

– Да. Я позволю им приблизиться настолько, чтобы ты смог их разглядеть, хотя это может быть опасно. Они предназначены для того, чтобы разрушить мою работу. Они попытаются напасть на город и уничтожить его население... Теперь ты их видишь?

– Нет.

Хлопанье крыльев было словно ураган, словно грохот валов, разбивающихся о Морскую стену. Натану доводилось слышать его прежде, на фоне обычного шума штормов, налетающих на прибрежные камни, пока он лежал в своей лачуге, на фоне отцовского кашля, а еще скрипа и пыхания, доносившихся от материнской постели. Ему никогда не приходило в голову отделять этот звук от других: это был всего лишь еще один бессмысленный шум среди прочих. Однако он нес в себе опасность.

– А теперь?

– Нет.

Впрочем... Что это было? Красный отсвет в облаках, словно от закатного солнца, – кровавый мазок, размытый и бледный, но все больше растущий и набирающий цвет.

– Я бы не стал подпускать их так близко, не организовав защиту, но ты должен понять, Натан! Они призваны уничтожить нас всех. И тебя тоже.

– Я их вижу!

Они нахлынули внезапно. Их стая колыхалась, вращалась, роилась, словно туча гигантских огненно-красных скворцов – пернатые и крылатые, с тонкими черными руками, с когтистыми, ищущими пальцами. Их глаза были мертвы, взгляды устремлены исключительно на Господина, так что, даже когда стая перемещалась в ту или другую сторону – согласованно, но как бы наугад, будто уклоняясь от ответного удара, – их внимание ни на секунду не отрывалось от него.

Грохот их крыльев был полон ненависти.

– Да их здесь тысячи! – вскричал Натан.

– Сотни тысяч. Гораздо больше, чем обычно добирается до Морской стены. Я обращаю свои усилия на благополучие Мордю, она же создает этих тварей – и других, гораздо худших, – чтобы досаждать нам.

Внутри Натана разгорался Зуд. Теперь он был совершенно явственным.

– Они близко, Натан! Слишком близко!

Стая опустилась ниже, к самым верхушкам морских валов; настолько низко, что время от времени какая-нибудь из птиц задевала

гребень, и тогда над пучиной вздымался фонтан пара, птица теряла скорость, чернела и принималась молотить крыльями по воде.

Они были уже рядом с Морской стеной.

– Теперь, Натан, ты понимаешь, что от тебя требуется?

От их света море стало кроваво-красным; позади них вздымался густой туман, бурлящий и расходящийся волнами. Птицы набросились на древнюю кладку, пытаясь довершить то, что никогда не удавалось морю: пробить ограду при помощи огня.

– Понимаю.

Еще прежде, чем это слово сорвалось с его губ, Господин оказался за его плечом.

– Вот, возьми. – Он сунул в руку Натана кинжал, втиснул в рану на его ладони и согнул Натановы пальцы вокруг рукоятки. – Это оружие принадлежало твоему отцу. Он сам сделал его в молодости. В нем содержится заклинание «Опровержение льдом». Никто, кроме тебя, не может им воспользоваться.

Натан поглядел на нож в своей руке. Рукоять украшали руны и осколки сапфиров, раскрошенных и выложенных мозаичными узорами, но клинок был тусклым и выщербленным. Ум Натана ничего не ощутил при взгляде на оружие, но его рана страстно желала его, Зуд приветствовал его как старого знакомого, а Искра исполнилась такого ликования, что у Натана застучали зубы и скрутило живот, так что спустя короткое время он уже не мог вдохнуть.

– Они на Морской стене!

Когда птицы посыпались на Морскую стену, Натан смог оценить их размеры. Они были огромными, с лошадей, тридцати ладоней в холке; их крылья были словно полотнища торговых шатров и ярко пылали.

Первые удары могли не иметь большого значения (пустяки, случайности), но чем дальше, тем больше нарастала в нем боль, все сильнее стучали зубы, все невыносимее становилось ликование одновременно с тем, как все новые и новые птицы бились в одну и ту же точку. Они атаковали швы между камнями, выжигая и раскалявая раствор, позволяя воде заполнить щели и выпаривая ее, после чего кидались и жгли заново. Одни падали в воду и погибали, но те, кто мог, хватались за стену, вцеплялись в проделанные бреши, пронзительно вереща сквозь шум накатывающих валов.

– Натан!

Призыв был излишен: Зуд и Искра в нем желали выполнить свою работу. Его рана жаждала того же, и кто Натан был такой, чтобы им противостоять? Даже если бы он и не хотел этого, он был бы не в силах это остановить. Но он хотел. Теперь его существо стремилось к этому сильнее, чем к чему-либо. Алифоньеры желали, чтобы он сделал это. Поступил по справедливости.

Глубоко внутри себя он ощутил силу, чистую и прозрачную. Она шла изнутри наружу – целиком, не сдерживаясь, ничего не скрывая, не подавляя и не запрещая; просто текла. Натан поднял кинжал перед собой – и это было все, что от него требовалось. Гладкий, искристый, головокружительный поток ледяной магии прочертил невероятно прямую линию от кончика лезвия вниз, к врагу.

Возле Морской стены первая огненная птица, пронзенная льдом, рассыпалась на угли и снег, в равных пропорциях; за ней другая и еще одна, пока все, повстречавшиеся с «Опровержением», не ощутили на себе его силу. Огромный цветок из снега и углей всплыл в воздух. Те, что успели вцепиться в Морскую стену, застыли на месте, и волны застыли вокруг них, но вскоре сила льда оказалась достаточной, чтобы разбить вдребезги и их. Натан направил лед на приближающуюся стаю. Было невозможно ничего разглядеть, кроме огня и снега и сверкающей ауры его оружия. Подул ветер, снося снег на Мордю, на промозглые трущобы. Угли падали тоже – в Торговом конце занялось несколько пожаров.

Волна за волной огненные птицы накатывались на берег. Натан заморозил их всех.

Когда все было закончено, Господин положил ладонь ему на плечо. Ни одной огненной птицы не осталось; ни одна не вернулась к Госпоже.

– Хороший мальчик, – похвалил его Господин. – Но что же мы ей отправим взамен?

Натан поглядел на кинжал: рукоять была покрыта твердой коркой крови.

– Отправьте ей меня, – отозвался он.

LXVII

Натан стоял неподвижно, дожидаясь, пока Беллоуз расправит его рукава.

– Поза, Натан, важна поза! Ваше правое плечо имеет склонность свисать вперед, что указывает на недостаток уверенности. Выпятите грудь, расправьте ее хорошенько! Каждый вдох должен вас наполнять, каждый выдох – опустошать до конца.

Натан вдохнул полной грудью. Беллоуз отдернул его рукав еще на дюйм, и наконец все было идеально. Беллоуз задрал свой нос и потянул им воздух – раздалось басовитое гудение, похожее на звук тубы.

– Сегодня замечательный день, мое дорогое дитя, – день, когда заканчивается ваше формальное обучение! Вы имеете полное право раздуться от гордости, ибо Господин сам надзирал за вашими успехами и объявил, что удовлетворен результатом. Только подумать, что подобный человек вообще может обратить на вас внимание, не говоря уже о том, чтобы пристально наблюдать за вами и тем более – остаться вами довольным! Он, превосходящий всех нас в Своей проницательности, мудрости и тонкости восприятия! О чудесный день!

Огромный нос Беллоуза обнюхал костюм Натана, ища на нем следы пыли, проверяя безупречность покроя и расстояние, на которое выступал воротник его рубашки.

– А Беллоуз? Имеет ли он право гордиться своей работой? Думаю, имеет. – Служитель взял Натана за плечи и крепко сжал. – Поскольку я поистине испытываю гордость! И возможно, также некоторую грусть... Вам предстоит отправиться в мир, чтобы выполнить задачу, для которой готовил вас Господин, так же, как готовил моего брата. И если вы потерпите неудачу, вы последуете по его стопам, и я не смогу осуждать вас за это. Но если вы добьетесь успеха, не приведет ли это к падению моего уважения к брату, о котором я в настоящее время придерживаюсь настолько высокого мнения? Я не знаю.

На столике перед ними стоял поднос, на котором располагалась миниатюрная цветочная композиция. Она состояла из трех типов

цветов: пучок фиалок, одна лилия и одна роза. Беллоуз взял ее.

– Может быть, вы думаете, что это какой-нибудь объект силы, что эти цветы пропитаны волшебством? Возможно, вы воображаете, что они могут иметь какие-нибудь защитные свойства? Что они приведут вас к великой победе, невзирая на все опасности? Возможно, так и будет, но в таком случае это случится при помощи гораздо более древней магии, чем та, что известна мне. Господин велел мне подготовить для вас эту композицию, она называется бутоньеркой, поскольку древние прикрепляли их к своей одежде, отправляясь в битву. Каждому отряду соответствовало свое сочетание цветов, и каждый воин был готов умереть за него, если это окажется необходимым. Точное назначение бутоньерок неизвестно, разве что Господин предпочел скрыть от меня эту информацию, но в них, должно быть, есть сила определенного рода, если Он желает снабдить вас одной из них. Возможно, благодаря силам влияния и повторения свершенные в присутствии этих цветов подвиги налагают свою эманацию на мировой холст, так что само их существование ассоциируется с великими деяниями и присутствие одного подразумевает присутствие другого – настолько фундаментальной является их взаимосвязь.

Беллоуз вытащил из своего рукава предусмотрительно воткнутую туда булавку и с ее помощью прикрепил стебли растений к лацкану Натановой куртки, потом отступил на шаг назад. Позади него висело зеркало, в котором Натан увидел свое отражение.

– Взгляните на себя, Натан, и вы поймете, каким мы вас видим.

Теперь он держался прямо (его голова была на уровне плеч Беллоуза), расправив все тело. Он выпятил грудь и не увидел ни намека на того сутулого, несчастного щенка, которым некогда был. Одна мысль о том, что этот мальчик мог плакать в повозке Поставщика, казалась невероятной: он был силен, чисто вымыт, его волосы были коротко острижены, открывая уши. Его руки больше не елозили, обтирая штанины брюк, но были стиснуты в кулаки, прижатые возле боков.

Натан сглотнул, но зеркальный двойник – ребенок, казавшийся взрослым, – не повторил его движения. Он встретил взгляд Натана уверенным, решительным взглядом, полным сознания собственного авторитета, стиснул зубы – и мышцы вокруг челюстей этого

зеркального мальчика напряглись, придав его лицу выражение, соответствующее стоявшим перед ним задачам.

Учув последнюю своевольную пылинку (или микроскопический волосок), Беллоуз двумя пальцами снял ее с куртки Натана.

– Ну ладно, пойдете. Сейчас мы спустимся в Подпол, а оттуда пройдем прямо в порт.

– Он не будет меня провожать?

– Он занят Своей работой. Вам не требуется дополнительных инструкций. Он высказал вам Свои пожелания, и этого для вас должно быть достаточно. Если вы остались не убежденным в непогрешимости Его суждений, их повторное воспроизведение едва ли сможет убедить вас теперь. Следуйте за мной.

Натан пошел за Беллоузом, стараясь не отставать больше чем на несколько шагов, но и не подходить слишком близко, чтобы не натолкнуться на него. Коридоры сегодня были необъяснимо узкими, а встречавшиеся им служители – более щуплыми, тощими, старыми, нежели прежде. Украшения и мебель помещений казались какими-то банальными, словно вся их массивность и строгость заранее отступали на второй план перед важностью его миссии. Господин избрал его для этой задачи – а какие задачи стояли перед всем тем, что его окружало? Несомненно, менее значительные.

Он шагал мимо, и если какая-нибудь ваза дребезжала от его шагов или звякали пробки в графинах, почему это должно было его заботить? Если даже они упадут и разобьются, кого за это накажут? Если он сорвет со стены картину и швырнет на пол, так что ее рама расколется, а стекло разлетится вдребезги, что с того? Натан вдохнул и даже не думал о том, чтобы выдохнуть, пока его грудь не оказалась наполненной доверху. Он сам отдернул свои рукава, чтобы они оказались одинаковой длины.

Дверь, ведущая в Подпол, была незаметной, но Натан был удивлен, что не видел ее прежде. Вероятно, она была замаскирована, поскольку Беллоуз, казалось, с трудом отыскал замочную скважину: он три или четыре раза тыкал снятым со связки ключом в деревянную стену, пока не попал в отверстие, после чего принялся вращать им вправо и влево. Когда дверь наконец открылась, Беллоуз вздохнул, а затем, словно преодолевая собственные сомнения, решительно шагнул внутрь.

За дверью оказались женщины, и их было много. Встречая взгляд Натана, они опускали глаза, бормоча извинения и перешептываясь. Кажется, в их тоне слышался благоговейный трепет. Или это было удивление? Или гнев? Натан не мог понять; и, осознав, что это его беспокоит, он ощутил раздражение на самого себя. Чем эти женщины отличаются от всех тех объектов наверху? Они значат даже меньше: они живут своей жизнью и выполняют свое предназначение в таком месте, куда ему вообще нет надобности заглядывать, если у него не возникнет такого желания!

В Подполе было темнее, чем наверху. Может быть, они бормотали просто потому, что их беспокоил его свет?

Беллоуз пошел вперед.

– Нам сюда.

Они спустились на один пролет лестницы, и обычные звуки, издаваемые людьми и их работой в человеческом мире, понемногу затихли. Им на смену пришли гул и грохот машин – звуки настолько низкие, что сотрясался воздух даже у Натана в легких и вибрировал спинной мозг.

Чем глубже они спускались, тем громче становился шум. Все новые запертые двери, новые тайные переходы. Огромная связка ключей на поясе у Беллоуза гремела не переставая: служитель вытаскивал один ключ за другим. Их окружали сплошные металл и камень (все более сырой, ржавый, склизкий по мере их углубления вниз и нарастания шума).

Еще одна дверь – и они оказались снаружи.

Перед ними было море. Хотя Натан с самого рождения постоянно ощущал его близость – настолько, что привык считать, будто воздух всегда должен быть соленым и полным брызг и вибрировать от грохота разбивающихся волн, – он никогда не видел перед собой береговой линии, никогда не осознавал до конца, что у моря есть граница – то место, где оно встречается с сушей.

Беллоуз жестом указал ему на ворота в Морской стене, окружавшей гавань. Господин позволял купцам пользоваться ими для своих надобностей, и сейчас через них в гавань входил корабль под эскортом белых буксиров портовой стражи.

– Это судно называется «Муйрху»^[5]. Его капитан доставит вас к берегам Маларкои и вернет обратно к нам, когда ваша работа будет

выполнена.

Какое-то мгновение Беллоуз стоял неподвижно и пристально вглядывался в Натана, словно видел в нем что-то, имевшее величайшее значение.

– Удачи, – проговорил он очень тихо.

И прежде чем звук растворился в воздухе, Беллоуз вернулся внутрь и затворил за собой дверь.

LXVIII

Когда-то давно, прежде чем легочные черви одолели отца, а Натан едва помнил это время, тот сделал для него корабль. Корпус состоял из половины маленького бочонка, а загнутые внутрь железные обручи служили опорами для палубы, роль которой исполняла стенка упаковочного ящика, привязанная пропущенной в щели крепкой бечевкой. Отец просмолил его Живой Грязью и патокой и сделал мачту из древка стрелы – они нашли его уже сломанным, стрела была с перьями огненных птиц, которые исполняли роль флага. Рангоут они соорудили из кошачьих костей, зато сами паруса были из наилучшей хлопковой ткани, плотной и чистой (его мать пришла в ярость, обнаружив, что один из ее последних носовых платков безвозвратно испорчен, зато эти паруса сразу поймали ветер). Корабль понесся по реке дождевой воды, протекавшей посреди трупов, вдоль завалов мертвожизни по обоим берегам, и Натану пришлось пробежать полмили, прежде чем он сумел его поймать. Когда он вернулся, покрасневший и улыбающийся, отец тоже встретил его улыбкой.

Корабль, который он видел сейчас, был похож на тот настолько же, насколько его умирающий отец был похож на того, что запечатлелся в его памяти: они несомненно принадлежали к одному типу объектов, однако все узнаваемые черты пропадали за различиями. У «Муирху» не было ни мачты, ни флага, словно корабль был лишен гордости, требующей украшать себя и провозглашать о себе всему миру. Корпус, потрескавшийся и неровный, был перевернут, опрокинут дном кверху, и команда ползала по нему, словно насекомые-паразиты по крабьему панцирю, впиваясь в мокрую древесину крючьями на ботинках и отыскивая пальцами зацепки, чтобы держаться.

Корабль был массивным, тяжелым; казалось, он двигался мощными рывками, расталкивая перед собой воду.

Когда он добрался до пристани, пять человек из команды взяли за сходни и подняли их высоко в воздух, словно вдруг вспомнили о необходимости мачты и теперь пытались ее установить, – однако тут же вновь уронили. Конец сходней грохнулся на землю возле ног

Натана, разбрызгивая собравшуюся возле пристани морскую пену. Мальчик повернулся обратно к двери – но та была закрыта, и жаберники из портовой стражи стояли перед ней со скрещенными руками. Команда делала приглашающие жесты, крича, что он должен подняться на борт. Видя, что он колеблется, не выполняя сразу то, что ему было сказано, они закричали еще настойчивее и сильнее замахали руками.

Что заставляло его медлить?

Книга уютным кирпичиком прижималась к его груди, удерживаемая плотно застегнутыми пуговицами куртки, за спиной стояли белые жаберники. Деваться было некуда.

Чем дальше Натан отходил от берега, тем больше планка прогибалась и пружинила под его весом, грозя то ли сломаться пополам, то ли сбросить его в воду. Каждая набегающая волна увеличивала амплитуду, так что Натан прикладывал все усилия, чтобы оставаться на ногах. Глядя на это, матросы от души забавлялись. Одна женщина из команды, тощая, жилистая, с мокрыми волнистыми волосами и длинными конечностями, мускулистая и разрисованная поблекшими голубыми линиями, двинулась к нему; они встретились посередине сходен. Улыбаясь, она взяла Натана за руку, и он тронулся следом за ней.

– Рыбе не стоитя на месте, – объяснила она. – Мы взбодрили ее известью перед отплытием, так что теперь ей не терпится пуститься в путь. Вон, глянь, как она выплясывает!

Между досками настила была щель, сквозь которую виднелось что-то тускло-черное – скользкое, когда на него заплескивала вода, и мгновенно высыхающее на воздухе. Оно находилось в непрерывном движении, подрагивало и извивалось, но Натан так и не смог разглядеть в нем ничего, что было бы ему знакомо.

– Едва мы поднимем якорь, она рванет с места быстрее плевка! Терпеть не может это место, хотя и находит себе пищу в здешних водах. Рулевому приходится колоть ее в два раза чаще обычного, чтобы заставить зайти в гавань.

Натан не слушал. Для него сейчас было важнее всего добраться до палубы, которая хоть и выглядела хлипкой, но хотя бы казалась не настолько опасной, как сходни.

Провожатая подтолкнула его вперед, и Натан оказался лицом к лицу с другой женщиной, с замысловатым головным убором на голове. Он протянул ей руку – то ли чтобы поздороваться, то ли надеясь на поддержку, – но женщина ее не взяла.

– Она сейчас нырнет! Поднимайте якорь!

Палуба накренилась; один ее конец поднялся над водой, так что все, что не было привязано, со скрипом и скрежетом поехало по направлению к сходням. Мягкая кожа его новых ботинок скользнула по мокрому дереву, и Натан рухнул на колени. Капитан поглядела на него сверху вниз. Сама она стояла легко, словно горная козочка.

– Либо ты сейчас же заберешься на корабль, либо пойдешь ко дну. Выбирай.

Доски палубы загремели и затряслись, словно корабль пытался разодрать себя на куски. Гайки и болты, которыми один предмет крепился к другому, ерзали и ослабевали в своих гнездах. Команда бегала взад и вперед, закрепляя все, что могло быть закреплено, и втискивая все, что можно было втиснуть, в возникающие от вибрации щели. Снизу, из недр корабля, донесся мучительный, тоскливый, раздраженный, въедающийся в уши рык.

– Что это с ней?

Капитан смотрела в глаза Натану, не отрываясь. Это была пожилая женщина, обвешанная серьгами. В ее глазах читалось нечто, близкое к ненависти. Одна ее рука лежала на рукоятке пистолета, другая – на эфесе сабли.

– Я уже видала такое, – проговорила она, кивая Натану. – Ничего нового. Просто она терпеть не может твою породу. Твой огонь жжет ее кожу сильнее, чем известь.

Она ринулась на нос судна и рявкнула матросам:

– Поворачивай! Надо выйти на открытую воду, чтобы она смогла наплаваться вволю!

Снизу донеслись ответные крики, за которыми последовал пронзительный, зловещий скрип. Корабль медленно развернулся, и Особняк скользнул вбок, скрывшись за левым бортом. Капитан вернулась к Натану; ее руки по-прежнему держались за оружие, сапоги ступали с выбросом, словно были готовы отправить за борт любого, кто мог встать на ее пути.

– Вам, сэр, следует удалиться в свою каюту, – сказала она Натану и тут же повернулась к нему спиной. – Пристройте его куда-нибудь на корму и вытаскивайте уже из песка этот вонючий якорь! Может, от этого красавчика еще и будет какая-то польза: по крайней мере, сэкономим уксус, да и кольщик отдохнет.

Жилистая морячка кивнула, взяла Натана за руку и повела на корму корабля, в то время как еще одна женщина кинулась к вороту. Между бочонками и ящиками имелась небольшая дощатая каморка, служившая каютой. Как раз когда они подошли туда, из воды показался

узел якоря и судно рвануло вперед, так что Натан рухнул прямо в дверной проем. Морячка не стала входить следом, а лишь прикрыла за ним дверь, завязав ее кожаным шнурком.

– Не дрейфь, – посоветовала она. – Наша капитан Пенфенни лает страшнее, чем кусает. Располагайся поудобнее.

Через щели в досках виднелся удаляющийся Особняк. Корабль бросал на скалы белую пену; потом скалы исчезли и кильватерная струя затерялась среди волн.

В каюте имелась низкая скамья, служившая сиденьем, а также, очевидно, кроватью. На стене над ней висел туго свернутый спальный матрас. Сбоку была встроена полка, которую можно было использовать в качестве стола, и деревянный короб с поставленным внутри ведром.

Сперва на палубе была отчаянная суматоха, слышались крики, скрип кабестанов (там то и дело что-то случалось, ломались доски и лопались канаты), но стоило кораблю выйти из гавани, как вибрация прекратилась, утробный стон стих, погребенный под плеском волн, и команда стала работать в более размеренном ритме. Капитан Пенфенни оставалась на своем месте на носу, ни разу не повернувшись, чтобы бросить взгляд в сторону Натана. Солнце стояло высоко, и корабль держал курс прямо на него.

Через какое-то время в дверь постучали:

– Эй, ты там в порядке?

Дверь открылась, и в каюту заглянула жилистая морячка.

– Бог мой, ну ты и сияешь! Снаружи я и не заметила, а тут, в тенечке... Послушай, у нас вахта кончается, можно я и еще кое-кто посидим у тебя? На корабле пойти особо некуда, а у нас нечасто бывают гости.

Она повернулась. За ней стоял низенький пожилой крепыш с седой бородой и провалом на месте носа.

– Это точно! – Крепыш вошел внутрь и уселся рядом с Натаном, вытаскивая из внутреннего кармана сверток. – Морской хлеб. Хочешь кусочек?

Крепыш протянул руку к Натану и довольно улыбнулся:

– Ого, какой от него жар! Иди-ка сюда, пощупай!

– Серьезно? Да, и в самом деле веет теплом.

– Кажись, у кого-то были лепешки? Можно поджарить!

Раздался взрыв смеха, в котором звучало множество голосов. Через щели в стенах каюты на него пялились глаза: пять, десять пар, широко раскрытые, ликующие.

– Никогда не видела, чтобы рыба так неслась! А ты?

– Я тоже не видела, – отозвалась другая пара глаз. – Этот парень настоящее чудо!

– А чего ты ждала от Мордю? Там полно всякой странной чепухи.

Натан встал, неожиданно почувствовав неловкость.

– Эге! Похоже, ты его рассердил!

– От него жар, я же говорил! Только гляньте на место, где он сидел!

Натан тоже посмотрел: вся скамья была влажной, и только под ним виднелась сухая, бледная дубовая доска.

– Ох, боже мой!

– Вот это находка!

– Давай-ка, милок, согрей нас всех! Что, слабо?

Жилистая морячка поднесла к нему ладони, словно к костру.

– Нет, в самом деле, что скажешь? Ты не думай, они не хотят ничего плохого. Просто у нас тут с теплом туговато. Мы и сами наполовину превратились в рыб: плещемся в морской водичке всю жизнь... А на ветру холодно, и огня не разожжешь.

Они крепче прижались к стенкам каюты, продолжая глазеть на него: безобразные лица, покрытые блеклыми пятнами и плесенью так же, как и полотно и шерсть их форменной одежды. Их зубы были черными – у кого они вообще имелись. Натан протянул обе руки, взял жилистую морячку за локти и сжал их. Ее кости прощупывались вплотную к коже, так, словно их вообще ничто не покрывало. Свет от его пальцев просветил их насквозь: они виднелись между его ладонями, словно темные клыки.

– Нив, – так меня зовут, – сказала морячка.

Звук ее имени проявился на губах Натана, и его тепло принялось медленно, осторожно проникать в нее. Послышался восхищенный вздох, потом новый взрыв смеха: над ее одеждой поднимался пар! Тусклый темно-синий воротник ее рубашки высыхал от центра к краям, приобретая идеальный бирюзовый цвет; на очереди была серо-

зеленая суконная шинель, на их глазах обернувшаяся отличным твидом. Даже ее волосы, до такой степени пропитанные влагой, что висели безжизненными сырыми прядями, обрели объем и цвет и завернулись в локоны. За несколько мгновений стоявшая перед Натаном женщина неузнаваемо изменилась. Ее кожа светилась румянцем; в его сиянии она помолодела на двадцать лет, превратившись в улыбающуюся рыжеволосую красотку.

– Ну, что сказать, – проговорила она. – Ты мне нравишься!

– Чур, я следующая!

Вскоре Сирша, Мэйв и Кива тоже стали новыми людьми, и хотя у одной из них не было уха, а у другой отсохла рука, этого можно было вовсе не заметить благодаря теплomu сиянию, распространявшемуся от их щек и улыбок. Дарра, Лиам и Ошин стали новыми мужчинами (или, возможно, стоило бы сказать, что они вновь стали собой: такими, какими были прежде, в незапамятные времена, до того как нос одного съела серая гниль, а на шее у другого появился чирей размером с кулак).

– А ну все отвалили от него!

Это была капитан.

– Но наша вахта закончилась!

– Мне наплевать; держитесь от него подальше! Вы что, ничего не чувствуете? Рыба вот почуяла. Думаете, она не знает, кто он такой? Думаете, вы понимаете в этом лучше нее? Она едва переносит его присутствие на борту!

– Но...

– Никаких «но», если не хотите, чтобы вас швырнули к ней. Вы этого хотите? Наше дело довести его до берега, высадить на песок и ждать. До тех пор – никаких контактов с этим молодчиком!

– Все это, конечно, очень хорошо, капитан, и спасибо тебе за добрый совет, но лично я люблю погреться. И если ты не можешь сделать мне тепло, то я собираюсь пристроиться к этому пареньку, потому что у него тепла хоть отбавляй!

– Вот-вот! Кстати, а как он насчет спиртного? Кто-нибудь принес выпить?

– Может, он любит пряности? У меня есть полмешка.

– Вы будете делать то, что я приказываю! В противном случае – вон с моего корабля!

– Да что ты говоришь? – Нив повернулась к капитану. Они стояли так близко, что почти соприкасались носами. – Лично я никуда не пойду, пока не увижу свое жалованье за два последних плавания, хоть ты тут наизнанку вывернись!

– Во-во! И я тоже!

– И мы!

– Так что, Пенфенни, либо ты платишь нам прямо сейчас, и тогда мы вплавь отправляемся к берегу, а ты ублажай свою рыбу сама, как знаешь, либо ты возвращаешься к румпелю и выправляешь курс, пока мы все тут не потонули вместе с твоим корытом. Твой выбор.

Воцарилась пауза, в течение которой обе женщины яростно сверлили друг друга взглядами, выставив подбородки. Наконец капитан развернулась, сплюнула и отошла, оставив их в покое.

– Ну ладно, – проговорила Нив как ни в чем не бывало. – Давайте-ка поглядим, нельзя ли его раскочегарить погорячее!

Натан обнаружил, что каюта нравится ему гораздо больше, когда команда наполнила ее своими одеялами, разложив их вокруг него, чтобы они подсохли.

– Еще глоточек?

– Или конфетку?

Они сгрудились вокруг него. В его свете черты их лиц казались резкими; их одежда была пятнистой – наполовину сырой, наполовину высохшей, – и все стремились предложить ему что-нибудь, чтобы поднять настроение.

– И все-таки, кто он такой?

– Цыц! Ты что?

– А что я?

– Ты говоришь так, будто его нет рядом.

– Уф! Прошу прощения! Ладно. Кто ты такой? Так лучше?

Натан немного потускнел и опустил взгляд себе под ноги.

– Ну вот! Погляди, что ты наделала! Ты его загасила!

– Прости, дружище, я не хотела ничего такого. Со всем уважением, просто мы на корабле нечасто видим таких... Таких, как ты.

– Ни разу не видели, если честно.

– Во-во. Хотя, надо сказать, у нас тут всякое бывает. Работа такая: плаваем по всему миру, ну и видим все, что в нем только есть. Но тебя вот видим впервые.

– Он Господин, верно?

– Да не, не может быть! Что бы ему тогда здесь делать?

– Я не Господин, – заверил Натан.

– Видишь? Ну хорошо, а кто ты тогда? Какой-нибудь палтус?

– Я не знаю.

– Никогда не хотел выяснить этот вопрос? Дело-то, может, стоящее.

– Погоди, еще не все потеряно! Сколько тебе лет, приятель?

– Тринадцать.

– Отличный возраст! Лучше не бывает.

– А зовут как?

– Мое имя Натан Тривз.

В каюте воцарилось молчание. Только что все вокруг шуршало и шелестело; люди ерзали и двигались в тесном пространстве, подставляя теплу ладони и поворачиваясь еще не просохшими участками одежды, – и вдруг все затихли в полной неподвижности.

– Тривз? Родственник, что ли? – спросила наконец Нив.

– Папу не Натаниэлем звали, случайно?

Натан кивнул.

– А маму?

– Кларисса.

И снова молчание, но теперь люди переглядывались между собой. Натан не мог понять выражения на их лицах. Никто не смотрел ему в глаза, хотя только что они сражались за его внимание.

– Я не верю.

– Не может быть. Тривзы все померли много лет назад.

– Наверно, это какой-то другой Тривз.

Натан поерзал на лавке.

– Моего папу звали Натаниэль Тривз, и он умер не так давно. Моя мама – Кларисса Тривз. Мы живем в трущобах, к югу от Торгового конца. Я жил там всю жизнь, сколько себя помню. Потом Господин взял меня к себе и обучил, а теперь я направляюсь в Маларкои, чтобы выполнить его задание.

– Вон оно как... – Моряк без носа, которого звали Ошином, прошаркал по палубе, засовывая вынутую было галету обратно в карман. Обращаясь к другим, он добавил: – Сдается мне, рыба-то была права.

– Не его вина, кем были его мама с папой, – возразила Нив.

– Да ну?

– Ну а как иначе? Он всего лишь мальчишка!

– Ему тринадцать. Я в тринадцать лет уже женился.

– Грехи отца...

– Дурная кровь...

– Его нельзя винить.

– Да ну?

– Не по-божески это, обвинять его...

– Не смейши мои подштанники! По-божески? Спроси у его папаши, что значит по-божески!

Один за другим они уходили, забирая свои пакеты со сладостями, сворачивая свои одеяла, закупоривая свои бутылки.

Нив была последней. Она остановилась в дверном проеме – то ли для того, чтобы не пустить Натана наружу, то ли чтобы защитить его от тех, кто уже вышел.

– Тебе стоило бы потратить немного времени, чтобы узнать историю своего имени, Натан. И когда ты это сделаешь, тебе придется выбирать. Не мое дело тебе советовать, но запомни: в этом мире есть добро и есть зло, и если ты выберешь не добро, ты заплатишь за это, Бог там или не Бог.

Нив закрыла за собой дверь и заглянула внутрь через щель:

– Хочешь, я ее закрою на замок? Тут есть замок, так тебе будет безопаснее.

– Зачем?

– Зачем? – Она понизила голос и огляделась. Когда она повернулась к нему, в ее глазах была печаль, а лицо вновь стало старым. – Твой папа был самым плохим Господином из всех. Господин Черноводья. Это там, дальше к западу. «Город мертвых» – так мы теперь его зовем... А его прежнего Господина мы зовем Дьяволом.

Нив тихо покачала головой и вздохнула:

– Только рыбу не трогай, ладно?

– Хорошо. Я не буду трогать рыбу.

– Пожалуйста. Я придержу команду, присмотрю, чтобы они не сотворили какой-нибудь глупости, но и ты уж не раздражай их. И рыбу тоже. Хотя, конечно, ты ее так припугнул, что мы небось доберемся до берега еще к полудню.

Когда Нив ушла, действительно закрыв за собой дверь на замок, Натан вытащил книгу из нагрудного кармана. До ночи было еще далеко, но его это не заботило.

– Расскажи мне о Черноводье.

– Это против правил, консультироваться с этой книгой в дневное время.

– Все равно расскажи.

Книга написала красным цифру I, но потом на той же странице начал проявляться чернильный набросок – сперва зеленовато-голубым, потом цветом бычьей крови, затем поверх штрихов проступила лиловая заливка, и вот линии и мазки слились в изображение невысокого города, разделенного узкой, скованной железными мостами речкой, извирами спускавшейся к спокойной бухте, над которой надзирала башня.

– Покажи мне Господина этого города.

– Он мертв.

– Покажи его мне!

Книга набросала человека со спины – высокий и стройный, с протянутыми вперед руками, он стоял на балконе, выступающем над ландшафтом из черных скал и обломков каменной кладки. Внизу собралась толпа. Лица людей были слишком крошечными, чтобы их разглядеть; люди стояли на коленях, опустив глаза. Спина человека содрогнулась – может быть, от рыданий или от смеха; в любом случае он, кажется, не мог это контролировать. Он сложил ладони – и люди поднялись с мест и как один задвигались шаркающей, неровной поступью в направлении, которое он указал. Там, на расстоянии, виднелись поднимающиеся дымы, и книга изобразила звук лязгающего металла – мечей или копий или, может быть, больших военных машин.

– Покажи мне его лицо.

– Ты знаешь, как он выглядит, Натан. Может быть, сэкономим чернила?

- Почему ты мне ничего не говорила?
- Во мне нет никакого «ты».
- Почему ты мне ничего не говорила?
- Для всего, Натан, есть свое время.
- Это когда?

Книга нарисовала времена года – но Натан не понимал, что это такое, поскольку в Мордью ничего подобного не было. Тогда, угадав его затруднение, книга изобразила мальчика, проживающего день. Вот он проснулся, позавтракал, поучился, пообедал, поиграл, поужинал, помылся, лег спать.

– Видишь? Существует множество вещей, и для каждой свое время. Возможно, сейчас неподходящее время для того, чтобы ты узнал о своем отце и о том, что привело его к отречению от своей силы.

– Расскажи!

– И что ты станешь делать с этой информацией, Натан? Какое влияние она окажет на твой последующий выбор действий? Господин дал тебе задание. Что, если знание об отце повлияет на твою способность выполнять взятые на себя обязательства?

– Я должен это знать!

Книга вновь нарисовала его отца на балконе; теперь рядом с отцом была мать. Вот она протянула руки к его отцу, положила ладонь ему на плечо. Потом отпрянула, словно бы от потрясения.

– Ты теперь не в Мордью, – сказала книга Натану. – Ты находишься в мире. Здесь есть все, что ты желаешь знать, но ты должен заслужить это знание. Ничто из того, что стоит знать, не дается даром. Все необходимо заслужить.

– Пожалуйста!

Книга ничего не ответила, но на ее странице появился новый рисунок: грустный ребенок, опустивший подбородок на руки и глядящий вдаль, на виднеющиеся там очертания Мордью.

– Заслужи это, Натан.

Во второй половине дня корабль бросил якорь в сотне ярдов от берега, однако рыба никак не успокаивалась. Напряжение на заднюю цепь было настолько велико, что им пришлось бросить и передний якорь. Корпус корабля сотрясался и раскачивался, и пока матросы спускали гребную шлюпку, она несколько раз врезалась в борт, усеяв поверхность воды гнилыми щепками.

Нив повезла Натана к берегу. Над их головами пронзительно кричали птицы, озадаченные наличием поблизости такого количества рыбьего мяса, из которого им к тому же ничего не перепало.

– А сейчас, на солнце, почти ничего и не заметно... Видишь, это как бы такой урок, да? Как бы человек ни старался, каким бы могущественным себя ни воображал – он ничто в сравнении с величием Божьего творения. Разве не так, Натан Тривз?

Натан не ответил. Вскоре под килем лодки закрипел песок. Натан шагнул за борт. Пускай она говорит, что хочет, еще немного, и они расстанутся. Он положил ладонь себе на грудь и почувствовал книгу. Он был вдали от Мордю, вдали от влияния своего отца; он был в мире, и он был свободен. Какое ему дело до отвращения, которое питают к нему другие люди?

Песок под его ногами был тонкозернистым и почти белым. Шагая, Натан побуждал Искру творить, подталкивал ее своими мыслями, своим гневом, своими воспоминаниями. Там, где опускалась его стопа, за ним оставались следы расплавленного стекла, зеркально-черные ожоги, уводившие назад, туда, где шлюпка гребла от берега.

Нив глядела на него большими глазами, все более отчаянно налегая на весла в спешке убраться подальше.

Натан отвернулся от нее. Стекло под его ногами растеклось двумя круглыми лужицами, которые встретились посередине и соединились друг с другом. Он отступил назад – и лужицы замерли, но на том месте, где он теперь стоял, тут же возникли новые.

Он поднял ладони: они горели синим пламенем, окрашивая своим сиянием хлопковую ткань его рубашки.

Он опустился на колени и набрал две пригоршни песка. Тот растекся в его ладонях, подобный жидкости, но густой, словно расплавленный металл, так что его можно было скатать в черный снежок.

Натан выронил шар, и тот упал на берег, частично припорошенный песком, частично сияющий в свете дня.

В волнах, накатывающих на берег, он мог видеть свое отражение, трепетавшее, словно язык пламени в гребне каждого вала, перед тем как тот рассыпался в брызги.

Со стороны земли пляж ограждали высокие меловые утесы – сотня футов белизны, прежде чем начиналась зеленая трава. Как будто кто-то зачерпнул в этом месте землю огромной ложкой или небрежно отрезал, оставив крошащийся в воду край. Никаких тропинок видно не было – разве что в тех местах, где утесы были ниже, ложбины казались немного вытоптанными, а на верхушке одного из них паслось несколько овец.

Натан пошел в ту сторону, сперва отряхнув ноги от черных сгустков стекла, собравшихся в песке, пока он стоял на месте.

Овцы наблюдали за его приближением, молча жуя и нагибая головы, когда у них пустело во рту, словно он был чем-то таким, что они видели каждый день. Натан вспомнил карту Беллоуза: Маларкой должен был находиться в глубине суши, на северо-востоке, в каком-нибудь дюйме отсюда.

Вдоль дороги не было никаких указательных знаков; не встретил он и городской стены. Далеко не сразу Натан понял, что он у цели, – и тогда, вспомнив последние минуты пути, осознал, что идет по городу уже несколько миль. Он просто не сразу понял, что это город. Вокруг были поля с загонами, где содержалась скотина, – огороженные деревянными кольями круги пятидесяти футов в поперечнике, возле которых там и сям виднелись одинокие шатры, сшитые из пестрых лоскутов. Животные не обращали на него никакого внимания: они с хрустом жевали, почти не поднимая головы. Это были тощие создания с ребрами, напоминавшими дуги шатров, на которых вместо ткани были натянуты шкуры. Поля не были огорожены, но загоны располагались на расстоянии друг от друга. За ними никто не присматривал.

Постепенно загоны стали занимать все больше пространства, а количество шатров увеличилось, так что через несколько миль их уже почти ничто не разделяло – кольца были вбиты рядом друг с другом, а веревки, растягивавшие шатры, перекрещивались в воздухе, словно такелаж парусника.

Людей по-прежнему не было видно.

Животные его игнорировали, и чем ближе их загоны соседствовали друг с другом, тем более невозмутимо и усердно они подходили к задаче жевания травы, словно их общим намерением было счистить всю зелень вплоть до мелового основания.

Тишину нарушал лишь скрип жующих челюстей, птичьи трели да хлопанье ткани шатров. За этим стояла огромная пустота – отсутствие настолько явственное, что терзало уши сильнее, чем звук отдаленной сирены или звон колоколов.

Отсутствие моря.

Натан обещал Беллоузу, что разыщет Адама, его брата, но где искать? Натан ожидал, что его задачей будет что-то вроде прочесать город, похожий на Мордю, отыскать подручных Госпожи и убедить их в праведности своей миссии или каким-то образом выпытать у них нужную информацию. Он готовился скатываться вниз по лестницам и

выжигать запертые двери. Но здесь было нечего выжигать, не у кого выпытывать.

Натан повернулся лицом туда, откуда пришел, – ландшафт полого поднимался, загорая живая пройденный путь. Он вдохнул – ничего, кроме сухого воздуха. Он потер друг о друга кончики пальцев, и они заскрипели так, что стало почти щекотно. Он прислушался – и не услышал ни привычного грохота валов, ни шипения белой пены на гребнях, ни шороха далекой гальки, ни ударов огненных птиц и тяжести всей воды мира, налегающей на выстроенную Господином Морскую стену. Всего этого больше не было; он слышал лишь мелодичный посвист птиц в кронах деревьев, мимо которых проходил. Птицы объявляли миру о его прибытии тоненькими голосками, которые взвивались в самое небо, оттеняя басовитое мычание окружающей скотины.

Стоя посреди пыльной, вытоптанной множеством ног дороги между полями, обогреваемый Искрой, Натан понял, что ему хочется снять с себя хотя бы часть одежды.

Он скинул с плеч куртку, и она упала на землю, словно выдубленная шкура, встав горбом вокруг его лодыжек; казалось, будто ей не хочется прикасаться к этой земле. Далее последовал жилет и шерстяные штаны, пока Натан не остался в одной рубашке. Он отступил в сторону от одежды и наклонился, чтобы развязать ботинки. Узлы шнурков затянулись и высохли, так что ему пришлось ковырять их ногтями, прежде чем он смог ухватиться и развязать их. Он стащил сперва один ботинок, затем второй, а за ними обе пары носков, которые скатал в клубок и отшвырнул в сторону.

Натан пошел вперед, оставив позади кучу сброшенных, ненужных вещей, и хотя острые камни время от времени врезались в подошвы его ног, он был рад избавиться от всего этого.

Животные продолжали пастись, не обращая ни малейшего внимания ни на него, ни на рвущееся из него синее пламя, ни на распространяющийся вокруг него сияющий ореол, ни на то, как предупреждающе чирикали птицы, передавая за границы своих территорий весть о приближении Натана, идущего на встречу с Госпожой Маларкой.

Он едва не пропустил первого встречного, настолько неожиданной оказалась открывшаяся перед ним картина. Обойдя круглый холм, Натан обнаружил, что попал в огромную чашеобразную долину с круглыми, ровными краями, наполненную шатрами всех возможных размеров и цветов. В небо поднимались струйки дымов, между высокими шестами были натянуты веревки с разноцветными флагами и гирляндами, над головой плыли флотилии воздушных змеев – бумажные олени, птицы, драконы – вперемешку с красными и синими воздушными шарами. Вокруг незаконченных скульптур поднимались леса, а далеко впереди, превосходя размерами все окружающее, блестела на солнце высокая золотая пирамида, ступени которой также усеивали шатры. Все это двигалось – ни единый объект не оставался на месте: все вращалось, раскачивалось, поворачивалось, хлопало под прохладным ветерком, скатывавшимся в долину со склонов.

Учитывая, сколько всего тут нужно было разглядеть, мало удивительного, что он ее не заметил сразу. Совсем малышка – наверное, лет пяти или шести – и такая крошечная. Она держала веревку, к концу которой было привязано животное – косматое и грязное, с тусклой спутанной шерстью, с черными кругами вокруг глаз, как будто оно плакало. Девочка стояла как вкопанная, во рту у нее застыла корка хлеба, которую она забыла жевать; на перед ее сорочки падали крошки.

Натан уставился на нее, а она – на него. Потом, словно кто-то толкнул ее сзади, девчушка упала ничком, прижав ладони к земле. Натан шагнул вперед, желая удостовериться, что с ней все в порядке, но девочка взвизгнула и еще сильнее вжалась в землю, словно пыталась распластаться с ней вровень.

Он подошел к ней. Девочка что-то бормотала себе под нос, повторяя снова и снова. Он не мог разобрать слов, но опустился рядом с ней на колени и взял ее за руку. Ее кожа была коричневой, словно кожура конского каштана, который показывала ему книга, но запыленной и тусклой. Когда он прикоснулся к ней, пылинки на ее

коже вспыхнули, а волоски зашевелились, сморщиваясь и опадая. Кожа девочки отразила его сияние, сделавшись горчичного оттенка. Потом он убрал руку, и она вновь стала коричневой.

Девочка забилась в грязь и скорчилась там, трясясь и что-то бормоча.

Натан отступил от нее и отвернулся. Вокруг собрались другие – они стояли, как и девочка, держа на поводу своих животных, и когда Натан повернулся к ним, тоже упали на землю и простерлись ничком. Казалось, будто он обладает силой швырять людей наземь одной лишь силой своего внимания.

Они были прекрасны. Их тела были раскрашены во все цвета, какие только можно вообразить, и украшены бантами, цветными камнями и вплетенными в волосы лентами.

– Где Адам, брат Беллоуза? – прокричал Натан, но никто не поднял головы.

Теперь отовсюду слышался колокольный звон. Ну, разумеется, они забили тревогу! Неужели он был настолько глуп, чтобы воображать, будто может в открытую заявиться сюда, будучи агентом Господина, врага их Госпожи, и его никто не узнает? Что его не примут здесь как незваного гостя? Натан сжал кулаки – и чем крепче он их стискивал, тем ярче становилось льющееся от него сияние силы, тем сильнее пульсировали волны света, исходящие от его рук.

Подойдя к ближайшему шатру, он откинул полог. Внутри был очаг, шест, несколько циновок, кухонная утварь. Две пожилые женщины плели ленты возле огня.

– Где Адам? – спросил он, сперва на языке Мордью, потом на том, которому научила его книга.

Женщины не ответили ни на один из вопросов, но простерлись перед ним ниц.

То же самое повторилось в следующем шатре и в следующем за ним.

Где в этом месте можно держать человека в заточении? Где его могут прятать? Натан бегал от шатра к шатру – но для Адама, если только его не превратили в козла и не заперли в загоне, здесь места не было.

Чем дальше он заходил в город, если это можно было назвать городом, тем больше и пышнее становились шатры, тем больше людей в них помещалось, однако он по-прежнему не видел такого места, где можно было бы держать пленника. В Мордью, в Торговом конце, имелись запирающиеся двери, подвалы и чердаки, каталажки и подземелья – множество мест для содержания в заключении похищенного человека. Но здесь все было нараспашку, ничто не пряталось от других, а люди добровольно уничижали себя перед ним.

– Где Адам? – кричал он, но никто не давал ответа.

Натан сел на землю. Нужно было подумать. Ничто здесь не напоминало то, к чему он привык, и он не знал, что делать. Его рука потянулась к медальону, как часто бывало в Особняке, но медальона на месте не было. Что ему следовало думать? И о чем думать не следовало? Хорошо бы Беллоуз был рядом! И Господин...

Он скрестил ноги, и земля под ним просела; в почве открылись трещины в палец толщиной. Натан моргнул. Что за странное место! Или это он странный? Он набрал в рот слюны, чуть-чуть раздвинул губы и дал ей вытечь наружу: ему хотелось посмотреть, как она упадет в трещину, проследить ее путь в глубину. Однако слюна вскипела на его губах прежде, чем это успело произойти.

Натан сунул палец в трещину, и воздух вокруг пальца задрожал, а земля почернела.

Да что это с ним?

Он огляделся: чернело и дрожало все кругом. Чем дольше он сидел, тем больше выжигал мир вокруг себя.

Из дальнего шатра вышел человек – расстояние было таким большим, что Натан, подняв руку, мог измерить его рост расстоянием между кончиками большого и указательного пальцев. Натан помахал ему, и человек помахал в ответ.

– Ты не видел Адама? – крикнул ему Натан.

Тот поднес к уху сложенную горстью ладонь.

– Адама! – повторил Натан. – Ты не видел Адама?

Но человек по-прежнему не слышал, и поэтому Натан поднялся и подошел к нему, и от человека остался лишь пепел.

Натан закрыл глаза, но мир внутри его головы был таким же странным, как и снаружи. Там были алифоньеры – призрачные, но совсем как настоящие, до мельчайших деталей. Там были только что

виденные им женщины и дети: ряды привидений, преклоняющих перед ним колени, словно он был их Господином. Теперь к ним присоединился и человек, которого он только что звал, – которого он сжег дотла. Он подходил к Натану, улыбаясь, готовый заговорить. Положил ладонь ему на грудь, туда, где лежала книга. На его губах сформировалось слово...

Натан открыл глаза – его вновь окружал пылающий мир.

Книга напротив его сердца была горячей. Она напоминала ему о его долге: о Пирамиде, о Госпоже.

«Не сходи с праведного пути».

Книга настаивала.

С глубоким вздохом Натан двинулся вперед. Там, куда он шел, звонили колокола, но при его приближении звон затихал, словно чаши плавилась от его света.

Под пылающим солнцем с ясного неба шел серый снег – падал крупными дымящимися хлопьями, края которых тлели оранжевым под раздувающим их ветерком. Впереди у столба полоскались привязанные веревки воздушных змеев, но сами змеи уже пылали. Стаи шелковых драконов, отпущенных на волю, взмыли в небо и потихоньку опускались по широкой дуге; оторвавшаяся с одного конца гирлянда хлопала и хлестала по земле. Воздушные шары смогли наконец покинуть свой причал.

Куда бы он ни повернулся, люди (а их теперь было множество: чем ближе к пирамиде, тем толпа становилась гуще) простирались перед ним, словно его тут ожидали, словно он был их божеством. Когда при его приближении их волосы вспыхивали, одежды охватывало пламя, кольца, ожерелья и браслеты плавилась и стекали в сухую землю, где уже лежал их пепел, они принимали это молча. Он закрывал глаза – и снова видел перед собой их улыбки.

Он шел вперед, и опоры шатров, уже лишившиеся ткани, занимались огнем, отбрасывая багровые тени. Казалось, сама тьма пыталась скрыться от него, ерзала, прячась за предметы, форму которых она принимала, – до тех пор, пока эти предметы не превращались в золу.

Книга с каждым шагом билась в его грудь, словно второе сердце. Натан накрыл ее рукой, прижал к своей плоти – и она вспыхнула

ослепительной белизной, ослепительной даже здесь, в красно-голубом сиянии этого выжженного места.

Вход в пирамиду располагался на уровне земли. Двери не было – был проем вдвое выше Натана, но в ширину приблизительно соответствовавший ширине его плеч. В него забились люди: они протискивались, насколько им позволяла крепость их членов и суставов, царапая кожу, выдирая волосы.

Когда он подошел ближе, они вжались в землю, словно могли смешаться с пылью или прежде времени сойти в могилу, превратиться в погребальный пепел и впитаться в сухую почву. Их спины образовали перед ним сплошной ковер – разноцветные ткани становились красными, затем черными, затем приобретали цвета вздувающейся от жара плоти; а потом оставался лишь узор сгоревших пальмовых листьев, как бы выложенных к его прибытию.

Внутри прохода ему пришлось прокладывать дорогу через их кости – их плечи, их бедра, хрустевшие под его шагами. Впрочем, если бы его невеликий вес и не превратил их в пыль, они бы все равно рассыпались: настолько огромен был исходящий от него жар.

Обе стены были украшены рисунками – повторяющимися изображениями двух женщин, или женщины и девочки, высоких, с удлинненными черепами и тонкими пальцами, – и по мере беспрепятственного продвижения внутрь пирамиды перед Натаном разворачивались все новые сцены. Здесь этим женщинам приносят дары (бушели зерна, стада коз, мешки с мукой), кладут к их ногам драгоценности. А здесь они берут эти вещи и возносят вверх, к солнцу, и от солнца в ответ исходят волшебные существа. Тут были огненные птицы – Натан узнал их без труда, поскольку рисунки, хотя и стилизованные, были весьма точными и ясными, – но были и другие, которых Натан не мог узнать: головы одних животных на туловищах других, сочетания разных частей тела.

– Где Адам Берч? – крикнул Натан.

Но даже он сам не мог расслышать собственного голоса за окружающими его воплями, грохотом и треском. Слова сгорели в его пересохшей глотке.

Ему пришлось взбираться: пол под его ногами нарастал спрессованной спекшейся массой. Время от времени он заглядывал в какое-нибудь боковое помещение рядом с проходом, вниз, в мешанину того, что было внутри – свечи, ножи, погребальные возвышения, алтари, золото, серебро, жрецы и их помощники, замершие в его свете на один кратчайший момент, с глазами перепуганных кошек, навеки прервав свои песнопения, размазанные по поверхности тех самых стен, что до сих пор служили им защитой.

В одном помещении он на секунду увидел ребенка на возвышении, в окружении мужчин и женщин, которые стояли на четвереньках, преклоняясь перед ним. Горло ребенка зияло открытой раной. Из жаровни возникала голова птицы – точно такой же, как та, что некогда уселась на верхушку Морской стены. Птица посмотрела на него, и хотя ребенок мгновенно превратился в воспоминание, так же как и коленопреклоненные молящиеся, огненная птица продолжала свое рождение. Словно из яйца, она выбиралась из огненной скорлупы, и языки пламени липли к ней подобно оболочке плодного пузыря; ее пальцы скребли по металлу жаровни, сминая его, порождая вмятины и капли, которые падали на каменный алтарь и принимались с шипением кататься по нему.

Когда птица вылезла и упала на алтарь, тяжело дыша и поскуливая, измотанная своим рождением, Натан поднял нож и произнес слова «Опровержения льдом» – и птица присоединилась ко всем остальным, что обитали за его сомкнутыми веками.

Дальше проход раздваивался: одна лестница вела вниз, к пучине новых тел, другая поднималась к широкой и высокой галерее, где с потолка на цепях свисали лампы, гремевшие и раскачивавшиеся на ветру, который дул от него во всех направлениях. Натан избрал путь вверх – подальше от ада, что творился в этом месте.

– Ну, здравствуй. Бог мой, на кого ты похож!

Слова прозвучали в его костях; магически изреченные, они разнеслись, резонируя, через самое основание мира. Натан остановился. На верхушке лестницы стояла женщина, высокая, темноволосая и тонкая, как тростинка. Она приблизилась, хотя Натан не мог разглядеть, посредством чего она двигалась.

Это были не волосы, а иглы, как у дикобраза, черные и отливавшие синевой, они росли прямо из кожи ее головы. Ее глаза, казалось, занимали все лицо – настолько всепоглощающим было их внимание. Женщина протянула к нему руку.

– Как чудесно встретиться с тобой, Натан! Ну и сильным же ты стал!

Ее платье было чернее черного – черный шелк, черный хлопок, черное кружево, черная вышивка, – но кожа белела, словно муравьиное яйцо.

– Входи, входи. Я жду уже целую вечность!

Натан взял ее руку – но она не сгорела, не рассыпалась хрупкими хлопьями, не исчезла. Казалось, женщина вообще ничего не почувствовала. Она повела его за собой, и Натан повернулся. Галерея за его спиной полыхала: языки пламени во тьме, дымные клубы, голые кости, белеющие, словно галька на пляже.

Внутри пирамида выглядела роскошно – стены из золота, колонны из серебра, полотнища материи всех цветов, мозаичные полы, сделанные, очевидно, из драгоценных камней и изображающие целый зверинец фантастических животных и гибридов зверя и человека.

Хозяйка подвела его к буфету, уставленному бутылками и бокалами.

– Хочешь выпить? У тебя, должно быть, пересохло во рту, – добавила она, рассмеявшись. Натан мрачно мотнул головой, и она расхохоталась еще сильнее. – Нет, в самом деле, это просто замечательно, что ты заглянул, Натан!

Она налила себе бокал и прилегла на кушетку, закинув руку на спинку и положив голову на подушку, так что ее иглы распушились веером.

– Могу я тебя попросить?.. – проговорила она, поведя рукой в воздухе вокруг Натана.

Он не понял, что она имеет в виду. Исходящая от него сила была так велика, что в помещении хлопали настенные занавеси, натягивая свои шнуры, словно паруса под сильным ветром.

– Твой огонь... Ты не мог бы его приглушить, хотя бы немножко? Будет жаль, если тут что-нибудь загорится. В наши дни так трудно достать хорошую материю!

Натан прикусил губу. Книга на его груди лежала тяжелым грузом, еще тяжелее, чем прежде; она вжималась в кожу так, словно пыталась продавиться сквозь ребра, чтобы быть рядом с сердцем.

– Не можешь, да? Бедный мальчик... – Она задумчиво выпятила губы. – Это все книга, я полагаю? Эй, книга! – позвала она. – Ты заставляешь его гореть слишком ярко!

Книга надавила еще сильнее, но его огонь не утих. Госпожа прицокнула языком.

– Что ж, я сама виновата. Немного перестаралась!

Она щелкнула пальцами, и из-за резной трехстворчатой ширмы высемило тощее, хрупкое, насекомоподобное создание со множеством ног и рук и обезьяньим личиком, красным, как вареный рак. Не поднимая глаз, оно подскочило к полулежащей Госпоже. Та махнула рукой, и существо кинулось прочь.

– Порой бывает так трудно контролировать свои инструменты, верно? В особенности магические. Кому и знать, как не мне: у меня с этим хуже всех! – Она снова засмеялась, на этот раз несколько сокрушенно. – Ну, что ж поделаешь, никогда не поздно научиться.

Существо вернулось, неся перчатку – шелковую, болтающуюся, с узором в виде крыльев бабочек. Оно попыталось отдать перчатку Госпоже, но та показала на Натана. Не двигаясь с места, существо зашарило глазами по полу. Госпожа настаивала, подталкивая его:

– Давай-давай! Вперед, не бойся!

Однако существо, отойдя на два шага, вновь остановилось, и никакие уговоры больше не помогали. Госпожа улыбнулась Натану:

– Он немного стеснительный. Тебе не трудно?..

Натан протянул руку за перчаткой – и существо вспыхнуло. На какую-то долю секунды его объяли пламя и дым; потом оно исчезло, не успев даже пискнуть. Натан поднял перчатку с пола.

– Ничего страшного, – успокоила его Госпожа. – Я всегда могу создать себе новых.

Натан держал перчатку в руке, не зная, что с ней делать. Госпожа поставила бокал и подошла к нему.

– Видишь ли, Натан, мальчик мой, некоторые предметы, но ты уже это знаешь, обладают силой. Всякое там волшебное оружие, магические артефакты, книги заклинаний и так далее и тому подобное. Эта перчатка как раз такая. – Встав за его спиной, Госпожа протянула

руку и взяла у него перчатку. – Она сделана из чешуек давно вымерших существ, прекрасных существ, живших до... всего этого. Это были крошечные создания, похожие, я думаю, на бабочек, которые порхали высоко вверху, выше неба, возле самой поверхности солнца. Сейчас их больше не осталось; стыдно признаться, но мои предки охотились на них слишком беспощадно. Больше мы их никогда не увидим... Разве что, может быть, ты захочешь уделить этому вопросу свое внимание? Как ты думаешь? Впрочем, сейчас не время просить об одолжениях. Эти существа были неуязвимы для огня, и если их вплести... Впрочем, не важно. Надень ее.

Натан не шелохнулся. Он продолжал стоять, все так же пылая.

– Ох, ну сколько можно! Обещаю, ты по-прежнему сможешь попытаться меня убить, но совсем необязательно сопровождать это разгромом, не правда ли?

Она улыбнулась. В ней не было видно никакого злого намерения. Это было совсем не похоже на уловку. Книга была тяжелее свинца, тяжелее золота; твердая, она вжималась в его кожу, но Госпожа улыбалась, и он надел перчатку.

Мир померк.

Когда глаза привыкли к темноте, Натан вновь увидел ее – сияющую, улыбающуюся, выпрямленную. Госпожа свела ладони вместе и подула через них – и из них выпорхнули тысячи белых мошек. Они принялись порхать вокруг Натана и над его головой, приземляясь на его кожу и одежду и тая на них, словно ртуть.

– Знаешь, ты и правда выглядишь очень впечатляюще, по крайней мере на этом этапе игры. – Она повернулась и вновь взяла свой бокал. – Это внушает надежду!

Натан поднял руку. Его кожа была пронизана серебром – линии ладони, складки между пальцами, лунки ногтей. Перчатка на другой руке приросла к коже, и когда он попробовал стащить ее, она не поддалась. Как бы он ни тянул, она лишь слегка отставала, обнажая серебряные нити, тянущиеся из сплетения чешуек.

– Что это? – спросил он.

Госпожа снова прилегла на кушетку.

– Скажем, это мой последний ход в великой битве. Защитная магия. Она рассеется, если... когда... когда ты меня уничтожишь. Она не сможет совладать с твоей силой, тем более учитывая

катализирующее и контролирующее воздействие книги, которую ты носишь на груди... Кстати, эту книгу сделали мы с моей дочерью, ты знаешь это? Девочка ужасно талантливая. Это порой немного дезориентирует, не правда ли? – Госпожа отхлебнула из своего бокала. – Итак, что дальше? Теперь твоя очередь, я полагаю.

Книга на груди Натана говорила с ним, но не словами, и он не мог ее понять. Лучшее, что пришло ему в голову, это подойти к кушетке, где полулежала Госпожа. Он сам не знал, что собирался делать.

– Тебе подсказать? Попробуй какое-нибудь физическое воздействие. Скажем, заколоть меня ножом, задушить или проломить мне голову чем-нибудь тяжелым – что-нибудь в этом роде.

Натан покачал головой:

– Где Адам, брат Беллоуза?

Теперь озадаченное выражение появилось на лице Госпожи. Допив последний глоток, она поставила бокал на низкий столик рядом с собой, выпрямилась и наклонилась к нему.

– Прости меня, Натан. Кажется, я неправильно все поняла. – Она смотрела на него очень ласково, даже с симпатией. – Я решила, что твое пламя – оно, кстати, действительно выглядит ужасно впечатляюще – происходит от понимания. Но, должно быть, это просто такая компенсация, да? В конце концов, за излишек силы надо чем-то платить... Ты действительно не понимаешь, что происходит, правда?

– Где Адам? – повторил Натан.

Госпожа поднялась с места.

– Не волнуйся, я просто собираюсь налить себе еще выпить. Ты уверен, что ничего не хочешь? Точно?

Она наполнила свой бокал.

– Адам, – проговорила она, снова усевшись на кушетку, – вернулся в Мордюю вместе с моей дочерью Дашини. Если твой Господин утверждает что-либо иное, он вводит тебя в заблуждение. Более того, если он не сказал об этом Беллоузу, значит, он ввел в заблуждение и его, что, честно сказать, совсем некрасиво, поскольку Беллоуз приятный малый, а это не очень-то этично – врать приятным людям касательно важных вещей, ты не находишь?

– То есть его здесь нет?

– Как тебе сказать, Натан... – проговорила она, – Адам ни здесь и ни там. Ты был послан ко мне Господином Мордюю, чтобы меня

уничтожить. Это вопрос, стоящий сейчас на повестке дня, верно? В великой и нескончаемой войне между членами тонтины мы дошли до того этапа, когда ты, Натан, наследник Черноводья и марионетка Господина Мордюю, обладающий величайшей силой, какую видел мир, но не знающий, что с ней делать, прибыл в Маларкои, чтобы низложить меня, Госпожу этого города. Разумеется, я не могу сказать тебе, что произойдет после этого, поскольку это целиком зависит от тебя. В том-то и штука. Ты понимаешь, что я тебе говорю?

– Меня действительно прислал Господин.

Госпожа кивнула, в точности как делал Беллоуз, объясняя сложную математическую задачу, когда видел, что Натан понял, как решается первая часть.

– Господин прислал тебя, чтобы меня убить, верно? Ему нужно устранить меня, поскольку я вмешиваюсь в его планы, отвлекая от работы, которой он занят у себя в Подполе, так? Он тебе ничего такого не говорил? Я посылаю огненных птиц, и ему приходится отбивать их атаки, иначе его Морская стена рухнет. Я замедляю его подготовку к обороне против грядущего нападения крестоносцев, давая себе время подготовить собственную контратаку в тот момент, когда ты в конце концов меня убьешь.

Госпожа снова опустошила свой бокал и оперлась подбородком о свою ладонь.

– Даже не знаю, Натан, почему он держит тебя в потемках. Из лени? Неужели он обленился? Или он нашел новую вариацию?

Она держала бокал за ножку, болтая им в воздухе, поворачивая то в одну, то в другую сторону. Наконец она сделала длинный выдох, улыбнулась и встала.

– Ну ладно. Достаточно размышлений. Пора приниматься за дело.

Без предупреждения Госпожа сделала несколько широких шагов к Натану и с силой ударила его в лицо. Ее улыбка превратилась в гримасу, за губами обнажились острые зубы, глаза пылали яростью. Ее иглы встали дыбом, образовав веер на затылке. Она бросилась головой вперед, врезавшись Натану в живот. Он распластался на полу, хватая ртом воздух.

– Раз! У меня твоё дыхание.

Не дожидаясь, пока он встанет, она прыгнула на него сверху и вонзила в его лицо свои ногти, острые, как наконечники стрел.

– Два! У меня твоя кровь.

Она ухватила его за голову, впечатала ее в мозаичный пол и отняла руки, сжимая в кулаке вырванную прядь.

– Три! У меня твои волосы.

Госпожа плюнула ему в лицо, и ее слюна обожгла ему глаза.

– Сражайся, Натан! Вряд ли он послал тебя ко мне умирать, но я убью тебя, если смогу.

Мутными от едкой слюны глазами Натан увидел, как она встает. Она взяла его дыхание, его кровь и его волосы и слепила их вместе между ладонями, что-то напевая вполголоса. Все ее иглы стояли торчком.

Теперь, когда дело дошло до драки, инстинкты Натана – подстегиваемые болью, отточенные трущобами, понукаемые книгой – взяли верх. Он выхватил из-за пояса нож и принялся Чесать, направляя в него все Искры, какие смог призвать. Перчатка сковывала его руку, серебряные нити врезались в кожу, но «Опровержение льдом» все равно вырвалось на свободу, затопив комнату ледяными осколками и заморозив Госпожу на месте. Натан поднялся на ноги. Она была заключена внутри ледяного кристалла – по всей видимости, неспособная двинуться, только между ее ладонями вибрировал шарик энергии.

Госпожа обратила на него взгляд, улыбнулась – и лед брызнул от нее во все стороны. Натана обдало дождем осколков, оцарапавших кожу.

– Молодец! – вскричала она. – Кое-что ты все-таки можешь!

Она прикрыла глаза и снова запела, сосредоточившись на шаре энергии между своими ладонями.

Натан направил на нее нож, чувствуя, как кожу покалывает от холода, и вновь вызвал «Опровержение», на этот раз с большей силой. Однако Госпожа махнула рукой – и на пути заклинания возник рой алмазных летучих мышей, принявших удар на себя. Замороженные, они попадали на пол, рассыпавшись ледяной пылью. Госпожадохнула – и крошечные иголки вновь окатили Натана, впиваясь в кожу, словно песчинки во время самума. Поневоле он отвернул голову. Когда он вновь посмотрел туда, Госпожи уже не было.

Натан принялся рвать с руки перчатку, рвать ртутные нити, облепившие его своим кружевом, – но перчатка не поддавалась. Потом

нога Госпожи врезалась ему в спину с такой силой, что он лишился чувств и осел на пол. Она тотчас накинулась на него, бормоча заклятия, призывая всех возможных богов. Свет в комнате начал меркнуть.

– Ты пришел с ножом, Натан. Справедливо, если я тоже прибегну к оружию.

Из мозаичного пола появился целый зверинец. Белый олень с рогами острыми, как кинжалы; огненная птица, объятая пламенем; люди с бычьими головами; огромные змеи с головами людей; волки с голодно блестящими красными глазами; гигантские ящерицы самых разных цветов (одни – крылатые, другие – в перьях, третьи дышали огнем, четвертые – льдом). Посередине этого сборища, крупнее их всех, возвышалась черная тень с клыками и когтями, увенчанная золотой короной.

– Убейте его! – прокричала Госпожа.

Тень приблизилась. Воздух вокруг нее дрожал, вибрировал; остальные двинулись следом. Госпожа удерживала Натана на месте, завернув ему назад руки и обнажив его грудь, словно для жертвоприношения. Книга выпала на пол. Натан зашарил пальцами возле пояса, ища нож. Его не было.

Странные создания визжали, клекотали и лаяли, предвкушая его гибель. Тень шептала что-то, похожее на молитву; Натан слышал ее голос непосредственно в своей голове.

Тень коснулась его, и он прекратил сопротивляться.

В одно мгновение он оказался в другом месте. С закрытыми глазами он лежал на холодной каменной плите. Он попытался оглядеться, но обнаружил, что не может двинуть ни единым членом, даже поднять веки. Темно, впрочем, не было. Откуда-то сверху лился свет, достаточно сильный, чтобы достигать его мозга, несмотря на то что его глаза были закрыты. В воздухе висел запах благовоний, густой и сладкий: корица и сандаловое дерево.

Потом он снова вернулся в свое тело – глубоко внутрь него, в самую сердцевину. Там все было красным и черным и не было воздуха. Зато там была Искра – и Искра была не той, какой он ее помнил. Это не было что-то, что следовало контролировать: это был проход, яркий, словно открытая дверь в конце темного коридора.

Натан прошел сквозь него.

Его Искра сожгла в комнате все: настенные занавеси, кушетку, бокалы. В одно мгновение все было уничтожено – мозаика и крепивший ее раствор, буфет с напитками, ящерицы. Не было больше Тени, не было белого оленя. Искра утасла лишь тогда, когда было сожжено все, что могло сгореть. Остались только нож и книга – и Госпожа, стоявшая перед ним на коленях, обнаженная, с кожей, покрытой вытравленными на ней голубыми символами, пиктограммами и иероглифами.

– Теперь я понимаю, – проговорила она. – Такого у нас еще не было. Он нашел новый ход: прислать тебя сюда, не снабдив достаточной защитой, и вместо того, чтобы научить тебя использовать Искру, позволил Искре защищаться самой. Изящно. И эффективно. Но я не уверена, что это годится для эндшпиля: все-таки за такие вещи приходится платить.

Она указала на Натана: он тоже был обнажен, но это было не самое худшее. Его тело начинало исчезать. Оно не было прозрачным, но уже слегка просвечивало, словно толстое матовое стекло.

– Твоя плоть не может справиться с таким потоком Искры. Я бы сказала, что тебе еще рановато переходить в невещественную сферу, как ты считаешь?

Это было похоже на то, что случилось с его рукой после укуса крысы, только теперь он исчезал целиком. Чем больше он использовал Искру, тем больше она забирала у него.

Пока Натан оглядывал себя, Госпожа вытащила что-то из-под своих коленей. Это был клинок. Натан отступил на шаг и снова поднял свое оружие, но она покачала головой:

– Нет-нет, ты победил. Что бы я ни сделала, чтобы тебя убить, Искра это отменит. В любом случае я на это и не рассчитывала. Порой бывает необходимо пожертвовать королевой, и сейчас как раз такой случай.

Она поднялась на ноги, склонила голову и подошла к нему, держа клинок на раскрытых ладонях.

– Передай это Дашини, когда вы встретитесь. Я нарекаю его «Натанов нож», поскольку он сделан из дыхания, крови и волос, взятых мной у тебя. Этот нож я завещаю ей, и прошу тебя передать его по назначению.

Она отдала нож Натану, и он взял его. Потом Госпожа собрала свои иглы в пучок на затылке и сжала, держа обеими руками.

– В уплату за это я отдаю свою жизнь. – Она облизнула губы и подняла подбородок, запрокинув голову. – Давай действуй. Сделаем то, что необходимо.

Натан тяжело дышал. Книга вопила, требуя его внимания, подталкивая его, повелевая, и Натан, не думая, подобрал ее с пола. Зажав ее между коленями, он обхватил обеими руками рукоять «Натанова ножа» и вонзил его в ямку под челюстью Госпожи, в месте ее соединения с горлом.

В то же мгновение Искра вновь полыхнула на всю комнату. Ртуть вскипела и испарилась с его кожи, перчатка растворилась без следа, и хотя это казалось невозможным, жар Искры возрос десятикратно. Над золотыми стенами с серебряными колоннами взвилось пламя; горели даже камни. Натан пылал на верхушке пирамиды, словно новое солнце, выжигая окрестные земли на расстоянии лиги во всех направлениях.

По пути к пляжу их было меньше, чем прежде. Он мог позволить своему взгляду остановиться то там, то здесь, не принося страданий.

Вокруг было светло, как в полдень, и еще светлее. Каждая частица песка и грязи сияла, каждая травинка полыхала огнем. Дым, пыль и пепел устремлялись от него во всех направлениях, словно от урагана; воздух ревел у него в ушах. Даже остановившись, он продолжал чувствовать, будто падает (или это весь мир неся мимо?) с такой быстротой, что он неизбежно должен был удариться оземь, неизбежно должен был умереть.

Там, где он стоял, земля под ногами проседала и осыпалась; в глубине корни деревьев и трав мгновенно высыхали и занимались пламенем – недолговечные, обреченные гейзеры огня, вырывавшиеся сквозь трещины лишь для того, чтобы тут же иссякнуть, исчезнуть без следа. Море сверкало от его света – и, по крайней мере, оно казалось не подверженным огню Натана; волны продолжали накатывать на берег под кромкой утесов и откатывать обратно, как если бы его тут не было.

Корабля, бросившего якорь возле берега, нигде не было видно. Возможно, это было не то место. Он шел сюда вслепую, не опуская устремленного вверх взгляда и ориентируясь на крики чаек, не видя и не слыша ничего другого, не чувствуя никаких запахов или вкусов, помимо дыма и пепла; глядел только вверх и продолжал идти вперед. Таким образом, он мог оказаться где угодно.

Его ноги подкосились, они больше не держали его, так что Натан был вынужден сесть на землю. Он поднял колени к лицу и уткнулся в них глазами, прижав закрытые веки коленными суставами. Даже от этого не было проку: за закрытыми глазами его ожидали легионы мертвецов, которых он сжег. Он вжимался в колени все сильнее и сильнее, пока наконец благодаря какому-то сжатию оптических нервов перед ним не оказалась темнота – по крайней мере, темные точки в тех местах, где давление было сильнее всего. Он старался сконцентрироваться на них, вложить всю свою волю в эти пятна фальшивой темноты, где его пламя не существовало, его свет не

существовал, где не было мертвецов, где он мог отрешиться от их мгновенно смолкающих криков, потрескивания горячей плоти, хруста костей и, что еще хуже, той покорности, с которой это все принималось, словно они это заслужили.

– Натан...

Одно дело – встретить смерть в сражении, даже если враг сильнее. Это легче в двух отношениях: во-первых, ты знаешь, что сопротивлялся; во-вторых, знаешь, что сила врага была встречена ответной силой, которая в других обстоятельствах обратилась бы против него. Но покорно лечь на землю и сгорать? Мужчины, женщины, дети, словно это был какой-то священный обряд... Что это могло значить?

– Натан!

Что-то стучало ему в грудь: книга. Прохладная, она касалась его кожи; костяные накладки, мягкий кожаный переплет, голубая каменная крошка, изображающая запруженную реку, – словно он мог искупаться в ней, очиститься, напиться, поплавать...

– Открой книгу.

Натан бросил книгу на землю, и в то же мгновение повсюду воцарилась тьма, как будто он ослеп. По его щекам катились слезы, его грудь вздымалась от рыданий – и то и другое, оказывается, все это время было при нем, однако его жар обратил это в ничто, в судорожные вздохи и испаряющиеся капли.

Ночной воздух касался холодом его обнаженной кожи; волны мягко плескали на песок.

– Это было необходимо, чтобы закончить войну.

– Заткнись!

– Ты не можешь винить себя.

– Пожалуйста!

– Ну, хорошо.

Страницы книги зашелестели, перелистываемые ветерком, который налетал с моря.

– Это ты заставила меня гореть! Я чувствовал тебя рядом с сердцем. Ты раздувала во мне огонь!

– Эта книга не делала ничего. Не больше, чем сделал ты сам, Натан. Эта книга – всего лишь инструмент, объект, оружие Господина.

– Так ты признаешь это!

– Во мне нет никакого «ты», которое могло бы что-то признать. Так же лопата могла бы признать себя виновной в выкапывании могилы или гроб – в том, что в него положили мертвеца.

– Ты заставила меня гореть! – повторил Натан.

– Эта книга содержит множество заклинаний. На ее страницах запечатлены древние письмена – письмена, которые может увидеть только Господин. Некоторые из них могут оказывать различные воздействия – порой успокаивающие, порой возбуждающие. Катализ и ингибция, ускорение и подавление. Книга не ответственна за слова, которые в ней написаны; это бремя лежит на других.

– Но я-то не книга! Я человек!

Книга промолчала, но принялась рисовать на своих страницах. Там возникали всевозможные живые существа, проходили временные периоды, быстрые реки врезались в древние горы, движение Земли отражалось в распределении на ней материков, возникали и рушились города. Книга рисовала все, что существовало в мире, начиная с первых дней и до дальнего будущего. Начиная с настоящего момента, Натан неизменно занимал на странице главное место.

Он не видел ничего этого, все сильнее вжимаясь глазами в колени, вминая их в лицо, – но для того, чтобы прочесть надписи в волшебной книге, не требовались глаза. Книга уходила все дальше, все глубже в прошлое и будущее, рисуя такие вещи, которых, может быть, не знал даже Господин; вещи, которых нет нигде, кроме памяти, содержащейся в вибрациях холста, за пределами понимания людей, какими бы могущественными они ни были. И как бы Натану ни хотелось отдалиться чувству вины, замуровать себя в собственном несчастье, защитить себя от последствий своих действий, уничтожив ту часть себя, которой было дело до окружающего мира, заклинание, содержавшееся в рисунках, оттащило его от этой ямы так же, как прежде затащило его в огонь. Оно заслонило его ум от воспоминаний, а его дух – от духов мертвых.

Натан поднял голову. Пухлый серп луны висел над самым горизонтом.

– Я ему не принадлежу.

– Ему принадлежит все.

– Но не я.

– В таком случае, Натан, тебе придется сделать так, чтобы он принадлежал тебе.

Корабль не возвращался к берегу на протяжении многих часов. Натан всю ночь просидел, дрожа от холода и читая книгу. Она рисовала ему картинки, исполненные простоты и симметрии.

Когда за ним пришли, он был уже просто мальчиком: щуплым, просвечивающим насквозь голым ребенком. Никто из команды не желал встречаться с ним взглядом, однако для него нашли одежду: пропитанные сыростью, залитые ромом, болтавшиеся на нем тряпки, на которые не претендовал никто другой.

Весь следующий день шел проливной дождь. Капли молотили по впадинам в корпусе корабля, барабанной дробью резонируя в грудных клетках моряков. Дождь прибил волны, сгладив их очертания – им на смену пришли контуры несомых ветром водяных струй, сводивших на нет усилия гребцов и наполнивших судно разговорами о парусах и о легкости путешествий по морским путям на различных кораблях прошлого. Рыба была вялой, и даже извесь с трудом могла заставить ее двигаться.

Когда во мгле стал виден Мордю, весь разом (Морская стена, трущобы, Торговый конец, Стеклянная дорога, Особняк, Плезанс; серый силуэт, ландшафт, вырезанный из листа бумаги), он показался Натану незнакомым, словно это был какой-то другой город, родственный прежнему. Он был больше, величественнее, необычнее – знакомый глазу, но лишенный той эмоциональной связи, которая делает что-либо твоим.

– Нам заплатили вперед, – сказала Пенфенни веско, но тихо, словно на самом деле не желала быть услышанной. – Так что у нас нет необходимости причаливать. Мы можем доставить тебя до берега на лодке.

– Может, просто спихнем его за борт, и пускай плывет сам?

Капитан гневно зыркнула на того, кто это сказал.

– А лучше пусть прожжет себе дорогу!

– Во-во! Пусть выпарит море и дойдет до пристани по дну!

– Молчать! Если хоть одна собака еще раз гавкнет, клянусь, я скормлю ваши потроха рыбе!

– Если вы дадите мне лодку, я догребу сам, – предложил Натан, не поднимая взгляда.

– Пожалуй, так будет лучше всего. Привяжите к ней длинный конец, – распорядилась капитан, – и мы вытащим ее обратно, когда он сойдет на берег.

– Хорошо бы он спалил ее дотла и утонул!

Натан повернулся к говорившему – и теперь команде не потребовалось окрика, чтобы утихнуть. Все, что они хотели сказать, застряло в их глотках.

Натан повернулся к ним спиной, и они поспешно разошлись каждый к своей работе, торопясь поскорее сбить его с корабля. Но что они будут делать потом? Развернут судно и вернуться в Маларкои, чтобы спасти оставшееся золото? Обглодать пирамиду, как брошенную кость?

– Не возвращайтесь туда, – сказал Натан. – Это место теперь проклято.

Пенфенни улыбнулась, впервые за все это время.

– Мы, моряки, народ суеверный, но бедный. Одного проклятия недостаточно, чтобы нас отпугнуть.

Натан встал.

– Город Маларкои, – прокричал он так, чтобы все слышали, – теперь принадлежит Господину Мордю! Любой, кто ступит туда, поплатится жизнью! Я лично приду, чтобы взыскать долг!

Команда сделала вид, будто не слышит его слов или не интересуется ими. Люди сосредоточенно возились с узлами, спуская лодку на воду. Когда они закончили, капитан перебросила через борт сходни и кивком показала, что он может покинуть судно.

– Передай Господину, что «Муйрху» больше не плавает в этих водах. Мы отправляемся на юг, где можно найти достойную работу, и не вернемся назад.

Беллоуз ждал Натана возле пристани. Едва завидев мальчика, он сделал знак дюжине жаберников из портовой стражи – одетые в белое, те выступили из тени, скользнули в воду и поплыли ему навстречу, блестя мундирами на солнце. Молча извиваясь, они расположились вокруг лодки (одни – под водой, другие – на поверхности); длинные когтистые пальцы заскребли по деревянным бортам, и они принялись толкать ее к берегу. Натан положил весла на дно. Беллоуз махал ему руками, словно приветствуя возвращающегося героя.

– Мой мальчик! Мой мальчик! – вскричал он, стоило Натану ступить на берег. – О великий день! Ступайте, получите свою награду! Отныне вы для Господина как сын, понимаете ли вы это? Столь велики деяния, сотворенные вами для Него, что рядом с ними бедный Беллоуз кажется ничтожеством!.. А что я? Я ужасно рад – рад, что вы отомстили за моего брата, и рад знать, что тоже принял в этом некоторое участие, пусть даже небольшое. Я просто не могу выразить, как я счастлив!

Кажется, он плакал, а может быть, это были брызги прибоя или дождевые капли, но когда Беллоуз обнял Натана, тот заметил, что кромки его ноздрей были красными и влажными, а тело содрогалось, словно от рыданий.

– Пойдемте! Господин распорядился, чтобы я сразу же по возвращении привел вас к Нему, чем бы Он ни был занят! И к тому же в Его личные покои, где я еще ни разу не был! Ох, дитя! Только вообразите, сколько всего мы теперь сможем сделать, лишившись ярма этой войны! Мордью расцветет и разрастется, и все его жители смогут получить тот же чудесный дар, что получил я: внимание Господина, которое теперь освободится и для них. И все это благодаря вам! Я еле сдерживаю свои чувства!

Беллоуз открыл нижнюю дверь, но пошел не тем путем, которым они спускались прежде, а в другую сторону.

– Господин велел мне воспользоваться Его личной лестницей – еще одно поразительное нарушение традиций! Мы ведь все видели... Осторожнее, эта лестница движется посредством невидимого

механизма; нечто подобное применяется у нас на кухне для транспортировки грязной посуды через бак с горячей мыльной водой... Мы видели все с Высокого балкона – я и слуги – с помощью подзорной трубы, которой снабдил нас Господин. Сам он наблюдал из башни. Мы глядели по очереди, так что на долю каждого пришлось лишь по несколько мгновений, но мы видели далекие сполохи пламени, синие, как полуденное небо, хотя небо было закрыто облаками! И нас охватило великое ликование! Впрочем, я уверен, что лишь мне одному было доступно истинное значение этого зрелища; остальных Господин не посвятил в свое доверие, как им и подобает по рангу, который в конце концов весьма невысок, однако и они ликовали, как только могли. Все мы жили как на иголках в ожидании вашего возвращения. Я собираюсь, с позволения Господина, устроить большой пир в вашу честь!

Беллоуз пребывал в таком возбуждении, что совершенно не заметил, когда лестница закончилась. Оступившись, он упал на колени и завозился на полу – ноги долговязые, как у паука-сенокосца, руки настолько тонкие, что казалось, будто они вот-вот подломятся под его весом. В конце концов выпрямившись, служитель обнаружил, что находится лицом к лицу с Господином, – и снова упал на колени.

– Никакого пира не будет, Беллоуз, старина.

Господин стоял на верхней площадке – несколько в глубине, так что Натану было не дотянуться, но не так уж далеко. Коридор, ведущий в личные покои Господина, был запечатан магией – сеткой невидимых нитей, подобной той, что защищала вестибюль. Казалось, это было так давно!

– Добро пожаловать обратно, Натан, – проговорил Господин.

Он держал руки за спиной. Ничего странного в такой позе не было (многие стоят таким образом: развернув плечи и выпятив вперед подбородок), однако мускулы на его руках шевелились.

– Беллоуз, – сказал Господин, – книга при нем?

Беллоуз слегка приподнял голову и принялся.

– Полагаю, что так, сэр.

– Я тоже так полагаю. Просто мне показалось благоразумным проверить.

Натан кивнул. А если бы ее не было?

Господин шагнул к нему; Натан тотчас отступил назад, и Господин остановился. Несколько мгновений он, казалось, размышлял, затем принял решение:

– Благодарю тебя за твою работу, Натан. Беллоуз тоже тебе благодарен.

Натан сделал еще шаг назад и почувствовал под каблуками верхнюю ступеньку лестницы. Может быть, попробовать убежать? Или избавиться от книги и вступить в битву? В конце концов, он уже уничтожил одну из них, сделал то, что Господину было не под силу, – убил Госпожу. Ведь если бы это было во власти Господина, разве он не сделал бы это сам?

– Вы успели поговорить? – спросил Господин. – Может быть, она тебе что-нибудь рассказала? Хотя, возможно, ты и не дал ей такого шанса. Возможно...

Натан поднял руку, словно показывая, что ему надоело слушать. Господин послушно замолчал.

– Где находится ее дочь?

– Что?

– Не пытайтесь мне лгать! Я знаю, что она здесь. Я чувствую ее присутствие. Дашины. Она где-то неподалеку.

– Дитя, в Особняке не может быть никаких девочек! – вмешался Беллоуз. – Женские энергии несовместимы...

Господин качнул головой, и служитель вновь опустил взгляд.

– Что она тебе сказала?

– Ответьте на мой вопрос!

Господин поднял брови, но отозвался:

– Пойдем со мной, и я покажу тебе.

Он вытащил одну руку из-за спины и протянул ее к Натану. Она зависла в воздухе, словно колибри. Натан полез за отворот своей матросской рубахи и вытащил книгу.

– Я знаю, что с помощью этой книги вы способны меня контролировать. Она сама мне сказала, но я знал и раньше. Через нее вы можете загасить мою Искру или заставить ее гореть. Вы использовали эту книгу, чтобы заставить меня убить Госпожу и всех ее людей. Я не думаю, что Госпожа действительно была такой ужасной, какой вы мне пытались ее представить. Если я сейчас брошу эту книгу с лестницы, подозреваю, что я буду способен сжечь здесь все дотла,

вместе со всеми, кто здесь есть. – Натан держал книгу зажатой между кончиками двух пальцев. – Пожалуй, я так и поступлю. Я думаю, это вы убили моего отца. Я думаю, что вы убили брата Беллоуза. И думаю, что вы убили бы и меня, если бы могли.

Он потряс перед собой книгой, переводя взгляд с Беллоуза на Господина.

Господин сделал несколько глубоких вздохов.

– Натан, – проговорил он, – ты прав и неправ одновременно, но чтобы объяснить, в чем именно ты прав, а в чем нет, потребуется столько времени, что, боюсь, ты потеряешь терпение прежде, чем я доберусь до конца. Тем не менее я могу ответить тебе по нескольким пунктам, которые достаточно ясны – по крайней мере, ясны для меня. Я не убивал твоего отца. Более того, я никогда не хотел видеть его мертвым. Я любил его. Твоего отца убила твоя мать – после того как легочные черви достаточно его ослабили, чтобы она смогла с ним справиться.

Натан качнул головой и сделал движение, словно собирался швырнуть книгу в пролет.

– Подожди! Твой отец сам хотел, чтобы она его убила: это прекратило бы его мучения. Я мог бы объяснить, почему это могла сделать только она, но это долго рассказывать. Скажу, однако, что, если ты собираешься сжечь меня за это преступление, это будет ошибкой. Также будет ошибкой, если ты сожжешь Особняк, поскольку, как ты справедливо предположил, здесь имеются и другие достойные люди, включая Дашини. Я держу их здесь ради нашей общей защиты. Брат Беллоуза – не твоя забота, я поговорю об этом с самим Беллоузом в должное время. Твое решение, Натан, – твое личное дело; как ты и сказал, без книги ты, возможно, сможешь меня убить. Но есть равная вероятность, что, наоборот, я буду вынужден убить тебя. Я не так уж беспомощен, и к тому же мы находимся в моем доме. Есть шанс, что умереть придется тебе. А ради чего? Ты этого не понимаешь и, возможно, никогда не поймешь, Натан, но я не хочу причинять тебе вред.

– Вы так говорите, но я вам не верю! Вы что-то прячете за спиной. Покажите, что это!

Господин улыбнулся:

– Показать тебе? Зачем? Ты и сам знаешь, что это такое. Давай заключим с тобой договор, Натан. Позволь мне надеть тебе на шею «Запрещающий перст». Если медальон снова окажется на тебе, я отведу тебя к Дашины.

– А если я не соглашусь?

– Что ж, в таком случае, Натан, мне придется надеть его на тебя силой, и если ты будешь сопротивляться, кто знает, что может случиться? Однако гарантирую тебе одно: если я умру, это место умрет вместе со мной. Здесь все держится на моей магии, она – его раствор и строительный камень. Этот город вырос вместе со мной и сгниет вместе со мной; и когда его не станет, вместе с ним погибнешь и ты, а также Беллоуз, все мальчики и слуги. И Дашины тоже. Все рухнет и смешается с грязью, Морская стена рассыплется, и мы все утонем, весь Мордюю (Гэм, Присси, Пэдж, твоя мать), и твоя Искра ничем не сможет помочь. Так что, Натан, будь умницей и надень медальон.

Господин протянул вторую руку – в ней был медальон Натановой матери, в котором был помещен отрезанный палец его отца. Вокруг медальона жужжали заклинания, усиливавшие его природные свойства, заговоры для контроля, охранные чары для чтения мыслей, эманации...

У Натана перехватило в горле. Он моргнул (тут он ничего не мог поделать: любой человек рано или поздно моргает), и пока его веки были сомкнуты, в эту самую долю секунды, Господин шагнул к нему и накинул цепочку ему на шею, аккуратно и бережно расправив ее так, чтобы медальон оказался как раз напротив Натанова сердца.

– Вот так.

Натан опустил голову и взглянул на медальон.

– И еще кое-что.

Господин постучал по медальону кончиком пальца, и тот прошел сквозь Натанову рубашку, не оставив дыры, потом сквозь кожу, не оставив раны, потом сквозь ребра, не сломав их, пока не достиг тайных покоев его сердца. Здесь он угнездился, и кровь заструилась вокруг него – отфильтрованная, нейтрализованная, лишенная силы. Цепочка осталась у мальчика на шее, уходя в глубь тела.

– Беллоуз, приведите его в порядок перед обедом. Сегодня вечером его будет развлекать Дашины.

Господин повернулся и вышел, словно его здесь больше ничто не интересовало.

Его комната показалась Натану странной: она выглядела какой-то нечистой, хотя грязи видно не было. Словно бы в ней, за пределами его зрительных возможностей, гнездились колонии болезнетворных микроорганизмов. Он провел пальцем по мебели – она не была пыльной, но на коже как будто остались частицы мелкого песка. Однако, когда он вытер руки о платок, там не оказалось никаких следов.

Книга тяжелым грузом лежала на его груди; Натан вытащил ее и положил в единственное место, где до нее было трудно дотянуться, – на верхушку платяного шкафа. Когда она оказалась вне поля его зрения, Натан почувствовал себя немного лучше, несколько свободнее. Бывает так, что человек чувствует, как за ним наблюдают, но потом он задергивает занавески, оказывается в темноте – и ощущает себя менее стесненным, больше самим собой. Именно это ощутил Натан, спрятав книгу, хотя никак не мог вспомнить почему. Он осторожно потянул за цепочку медальона, и она натянула кожу над его ребрами.

Какое-то время он сидел на кровати. Потом к нему явился Беллоуз, и они отправились туда, где содержалась Дашини.

– Опасных животных отделяют от тех, на которых они охотятся. Иногда их содержат в клетках, иногда убивают, но хороший владелец всегда следит за тем, чтобы не причинять животным неоправданных страданий. Наш Господин – лучший владелец из всех, и Его управление не знает себе равных. Он обеспечивает нас всех защитой и предоставляет достойные условия, в которых его опасные подопечные могут жить, наслаждаясь комфортом... Вот мы и пришли!

Беллоуз остановился посередине коридора. Это место ничем не отличалось от других: например, от того коридора внизу, куда выходила комната Натана. Тем не менее Беллоуз воздел свою тонкую, как веточка, руку:

– Можете убедиться сами! – Он вытянул руку вперед и постучал по невидимой преграде перед собой. От его пальца по воздуху разбежалась радужная рябь, сопровождаемая мелодичным звоном. – Хотя может показаться, будто ничто не отделяет нас от того конца

коридора, в невидимом мире здесь имеется сгущение волшебного стекла, наподобие того, из которого сделана дорога к этому Особняку. Оно прочнее самой лучшей стали, и через него невозможно проникнуть, если на то не будет воли Господина. Прошу вас, Натан, поглядите в другую сторону.

Натан повиновался. Он слышал, как Беллоуз вытащил что-то из кармана и, по-видимому, как-то применил. Преграда вновь зазвенела – и теперь перед ними оказалась стеклянная арка в несколько футов длиной, за которой виднелось продолжение коридора.

– Здесь вы должны войти, а я закрою за вами проход. Прощайте, Натан, – проговорил Беллоуз.

В его голосе слышалось некоторое сомнение, однако он сделал жест, приглашая Натана пройти через арку, и закрыл ее за его спиной.

Подойдя к двери в комнату Дашины, Натан увидел, что она приоткрыта. Дверь была точно такой же, как в его спальне: такая же бронзовая ручка, такие же панели, то же отсутствие замка и засовы сверху и внизу. Через щель между дверью и косяком просачивался тусклый желтый свет, слегка подрагивавший, как свеча на сквозняке. Натан слышал, как она шуршит, там, среди вещей в своей комнате. Что-то тихо пощелкивало, словно тиканье постепенно останавливающегося часового механизма. Потом послышался удар (шлепок ладони по столу), и щелканье смолкло.

– Натан, это ты там? – Ее голос был звонким и мелодичным, как звучание высокой скрипичной струны, если хорошо натереть смычок канифолью. – Входи же!

Дверь распахнулась. Она стояла в открывшемся прямоугольном проеме, обрамленная со всех сторон сиянием свечей.

Она была очень похожа на Госпожу, только меньше ростом, и вместо волос-игл у нее были волосы-перья – с радужным отливом, как у ворона. Глаза тоже были как у Госпожи: большие, широко раскрытые и такие темные, что в тусклом освещении было не разглядеть зрачков. Лишь интенсивность ее взгляда, блестящего, словно сквозь слезы, выдавала внимание, направленное на него, на каждый дюйм его тела.

– Ну и ну! Ты, должно быть, трудился не покладая рук – еще чуть-чуть, и я смогла бы смотреть прямо сквозь тебя!

Она стояла, сжав перед собой руки и перебирая одной рукой пальцы другой так, что похрустывали костяшки. Ее кожа цвета полированной меди мягко сияла на фоне глубокого синего цвета платья, перехваченного серебряным пояском.

– Так вот, значит, ты какой, Натан Тривз.

Он кивнул.

– Натан Великий! Я ужасно рада с тобой познакомиться. Я ждала этого момента очень долго. Ты получал мои послания? Я пыталась экспериментировать с морфическим резонансом.

Дашины протянула руку и схватила его за запястье. Казалось, она просто хочет провести его в комнату, но за этим крылось и что-то еще. Ее пальцы, настойчивые и в то же время осторожные, исследовали самые крошечные участки его кожи, словно нащупывая что-то. Найдя то, что искала, она отступила назад, выпустив его руку, удалившись на безопасную территорию между своей постелью и письменным столом.

Ее комната была точной копией его спальни – такая же кровать, такой же платяной шкаф, такая же ванная, – однако здесь все было завалено вещами. Они были раскиданы повсюду: груды одежды, поверх которых лежали раскрытые книги, незаконченные наброски на обрывках толстой бумаги, стаканы, в разной степени наполненные разноцветными жидкостями, резные изделия среди раскиданных ножей и ворохов стружки, тюбики с красками, небрежно сдавленные посередине.

– Садись, – сказала Дашины. – Устраивайся поудобнее.

Натан огляделся, но не увидел ни одной поверхности, на которую можно было бы сесть, тем более сесть удобно.

Дашины собрала вместе углы одеяла, которым была застелена ее кровать, так что получился мешок, содержащий все, что там лежало, стащила его на пол и швырнула в угол.

– Вот так-то лучше!

Усевшись на постель, она похлопала ладонью возле себя. Натан подошел и сел рядом. Какое-то время они сидели молча, глядя в пространство.

– Мне очень жаль, что так получилось, – произнес наконец Натан.

Дашины спрыгнула с кровати.

– Не жалеешь! Это ведь была не твоя вина. Хочешь, покажу тебе кое-что удивительное?

Прежде чем он успел ответить, она подбежала к платяному шкафу, открыла его, порылась среди вороха одежды внутри и вернулась с небольшим мешочком. С улыбкой, разъехавшейся на все лицо, девочка открыла его, запустила туда руку и бросила пригоршню пыли в воздух над своей головой. Пыль осела, каким-то образом притянутая к ее телу, и Дашины бесследно исчезла.

Натан не успел даже ощутить должное потрясение, когда голос Дашины послышался с того места, где она стояла:

– Призматическая пудра! Я придумала ее сама вскоре после того, как здесь очутилась. Каждая крошечная частичка представляет собой стеклянную призму, заряженную аттрактантом, настроенным на мою энергию. Эти частички прилипают к поверхности моего тела, свет падает на призмы, а они перенаправляют его вокруг меня и дальше, словно меня здесь нет! Делают меня невидимой. Гениально, да? Но также и абсолютно бесполезно: Беллоуз и жаберники могут чують мои «выделения», как они с наслаждением это называют. – Дашины вновь проявилась в видимом пространстве, окруженная облаком интерференции. – Видишь, я изменила заряд, и они рассеялись. Час-другой комната будет выглядеть странновато, но в остальном все в порядке.

Она подбежала к кровати и вытащила из-под нее коробку.

– Положи сюда руку!

Коробка была как раз подходящего размера, чтобы в нее можно было просунуть ладонь. Натан глядел с подозрением.

– Тебе ничего не будет, обещаю.

Ее лицо сияло таким неподдельным энтузиазмом, что Натан поверил. Он сунул руку в коробку и сразу же почувствовал холод. На его ладонь дул ветер и капала вода.

– Твоя рука снаружи! Примерно в сотне ярдов слева отсюда. Пойдем к окошку, я тебе покажу.

Дашины потащила его за свободную руку, и они выглянули в окно.

– Вон она! – воскликнула Дашины, указывая куда-то неподалеку.

Там, словно бескрылая, бесперая птица, висела в воздухе его рука. Натан пошевелил пальцами – птица повторила его движения.

– Тоже никакого проку. Мне так и не удалось раздобыть коробку большего размера. Ну и вообще, даже если бы я залезла в нее, то разбилась бы насмерть о камни внизу.

Дашины стащила коробку с его руки и бросилась в ванную, потом вернулась.

– Смотри!

В ее руках была трубка или шланг, около шести дюймов в длину и где-то с дюйм в диаметре.

– Вперед! – скомандовала Дашины.

Трубка принялась расти в сторону Натана; ее длина увеличилась втрое. На ее конце он увидел механический глаз.

– Я вставляю ее в сливное отверстие ванны, чтобы исследовать систему водопровода – ищу котел, нагревающий воду. Хочу заставить его взорваться или что-нибудь подобное. Но тоже без толку: в этих трубах нет никакой логики, повсюду сплошные тупики! Подозреваю, что там все управляется посредством магии.

Дашины бросила трубку на пол и вернулась к кровати.

– Я могла бы продолжать и дальше. Видишь ли, Натан, я провела здесь уже несколько лет, постоянно ища какой-нибудь выход или хотя бы способ посильнее всем досадить, но из этого никогда не получалось ничего путного. И вот теперь моя мама мертва (а я наследую всю ее силу), и именно теперь Господин посылает мне тебя. Как мы должны это понимать?

– Я думаю, он надеется, что ты меня убьешь. В качестве мести. Или что я тебя убью защищаясь. Кто бы из нас ни победил, он сможет разобраться с ним позже.

Дашины кивнула.

– Очень даже может быть. Я-то смогла бы тебя убить, без вопросов! – Она указала на грудку одежды в ногах кровати. – Где-то там под этим всем находится яд, такой сильный, что мог бы убить даже самого Господина. Каждая клетка его тела превратилась бы в десять клеток, потом в сто, в тысячу... Ну, ты уловил идею. Но он никогда не приходит сюда, а я не могу до него добраться из-за карантина. Но я, конечно же, могла бы подсунуть этот яд тебе – заставить тебя выпить или дать хитростью.

Дашины положила ладонь на его колено:

– Но сдается мне, о Натан Великий, что, если Господин чего-то от нас хочет, возможно, именно этого-то нам и стоит избегать, как ты считаешь?

Девочка повернулась к нему. Они сидели так близко, что Натан смотрел в самую глубину ее черных глаз. Он подумал, что Дашины кажется доброй.

И полез за отворот куртки.

– У меня для тебя кое-что есть. Наверное, я мог бы тебя убить этой штукой. Или ты меня. Но я обещал твоей матери, что отдам это тебе: такая у нас была договоренность.

– Дай-ка поглядеть!

Он протянул ей нож.

– Она назвала его «Натанов нож», потому что сделала его из частиц моего тела. Это им я ее убил.

Дашины повертела его в руках, поднесла к глазу, поглядела вдоль кромки, потом лизнула. Наконец, закончив осмотр, она улыбнулась:

– Этот нож, Натан, может нам очень пригодиться!

Натан рассказал ей все. Дашины слушала, в основном молча кивая и время от времени поднимая брови. Потом она отплатила ему той же монетой: рассказала о своей матери, о Маларкои, о непрекращающихся попытках Господина одолеть их город – эпидемиях, землетрясениях, засухах... Она рассказала, что дожди, упорно поливающие Мордью, являются побочным эффектом действий Господина, пытающегося иссушить в Маларкои посевы, притягивая всю влагу к себе, даже морские воды. Она рассказала о жертвоприношениях, которые совершала ее мать всем богам, чтобы обеспечить урожай, и какими потерями это обернулось для ее народа. Она рассказала об устроенной Господином блокаде – кораблях наемников, которым он платил сотворенным им золотом, чтобы те не давали Маларкои торговать с дальними странами. Она рассказала Натану все, о чем тот хотел знать. Только когда он спросил ее об Адаме, Дашины промолчала и сменила тему.

О чем бы они ни говорили, ни в ее словах, ни в поведении не было и намек на то, что она ненавидит Натана за убийство своей матери. Казалось, она вовсе не хочет мстить – что представлялось Натану странным и тревожащим. Сам он, если бы не ее веселое настроение и энтузиазм, углубился бы в размышления о произошедшем, снова и снова вызывая в себе воспоминания, пока они не довели бы его до полного расстройств. Однако Дашины отвлекала его от этих мыслей,

освещая комнату своим дружелюбием. Она относилась к Натану так, как к нему не относился никто на его памяти: словно ей было приятно находиться рядом с ним. Она постоянно улыбалась ему, бросаясь от одной идеи к другой, касалась его руки, его плеча, подталкивала его локтем – и целью каждого такого контакта было удостовериться, что Натан не отстает от нее, следует за ней.

Чем дольше она говорила, тем меньше Натан думал о ноже, вонзающемся в горло ее матери, тем меньше боялся ответного удара этим ножом, тем глубже погружался в мир, который описывала Дашины. Какие бы цели ни преследовало ее заточение, оно определенно не сумело подавить ее дух. Все, к чему она обращала свои слова, сияло в свете ее внимания – будь то обычный распорядок дня в Особняке, условия ее карантина, ее планы побега. Более того, каждая произносимая ею фраза звучала как приглашение, возможность для Натана присоединиться к ней.

Когда Беллоуз пришел, чтобы отвести Натана обратно, он, как показалось Натану, был удивлен, застав их за такой душевной беседой. День прошел, и замысел, согласно которому они были представлены друг другу, должен был принести свои плоды – однако они двое сидели рядышком, и, по всей видимости, положение вещей осталось неизменным, за исключением, возможно, зарождающейся между ними дружбы.

Беллоуз стоял в дверном проеме, зажимая нос платком. Жестом он показал Натану, что тот должен подойти.

– Это зловоние омерзительно! Вам пора уходить.

Дашины встала и помахала ладонями, гоня воздух к Беллоузу.

– Эй, мистер Беллоуз, ловите запах моих «выделений»!

После чего подняла ногу, направив свой зад на Беллоуза. Тот в ужасе отвернулся, и тогда Дашины сунула в руки Натану какой-то сверток.

– Сегодня ночью, – шепнула она, – мы будем играть в «Маски и марионетки»!

LXXVIII

Обед прошел в напряженном молчании. Было очевидно, что Беллоуз старается примирить внутри себя очевидные противоречия. Натан – герой, однако Господин, по-видимому, желает его смерти; Господин желает Натану смерти, однако тот все еще жив; герой и протеже Господина и дочь его врага вдруг оказались друзьями. Однако в его молчании было и что-то еще.

Покончив с картошкой в мясном соусе, Беллоуз встал из-за стола и отнес свою тарелку к Повару.

– Натан, – произнес он, возвратившись, – сегодня Господин попросил меня сопровождать Его в Маларкой. Поскольку вы оказались неспособны отыскать Адама, Он решил сделать это Сам.

Натан тоже доел и поднялся с места.

– Я остаюсь здесь один?

Беллоуз кивнул.

Натан отдал свою тарелку Повару, подошедшему, чтобы протереть их стол мокрой тряпкой.

– Ведите себя хорошо, пока нас не будет. Если вам что-нибудь потребуется, достаточно просто спросить у Повара или Коменданта. Для вашей защиты здесь останется усиленный наряд жаберников, а также Господин собирался удвоить свои обычные защитные заклинания. Кто знает, что могут предпринять жаждущие мести сторонники Госпожи?

Едва он удалился, Натан опрометью кинулся в свою комнату, топоча так, что дребезжали портреты на стенах.

Сверток, который передала ему Дашини, был спрятан между матрасом и кроватьной рамой. Натан сразу же бросился к нему.

Он был завернут не в бумагу, а в шелковую рубашку с чернильными пятнами на рукавах. Нескольких пуговиц не хватало. Натан развязал тесьму и положил ее в карман, после чего разложил содержимое пакета на кровати, а рубашку спрятал в платяной шкафу. Он не сразу понял, что это такое, – что-то бледное и гибкое, студенистое, словно медуза, сброшенная с Морской стены неосторожной чайкой. Натан опасливо поднял это двумя пальцами,

держа перед собой в воздухе... Оно качнулось, и внезапно он увидел: это было лицо! Безволосое, безглазое, но несомненно лицо!

Натан с отвращением бросил его обратно на кровать, отступил и посмотрел издали. Не может же быть, чтобы Дашины кого-то оскальпировала? Сняла кожу с чьего-то лица? Нет. Это была не кожа. Он видел, как что-то подобное появлялось из Живой Грязи – бескостные палтусы, которые могли напоминать, скажем, собаку, но не были способны долго удерживать форму, немедленно соскальзывая обратно в глубину. Однако это было что-то другое; скорее, что-то вроде студня, окружавшего мясо в пирогах, которые готовил Повар. Натан потыкал его пальцем, и оно заколебалось. Нет, пожалуй, это больше напоминало лимонное желе.

Он снова поднял лицо с кровати, на этот раз растопырив позади него пальцы, чтобы увидеть его целиком, поднес к лампе, чтобы свет падал как нужно, и вдруг понял, кому оно принадлежит. Комендант! Это было лицо Коменданта – того старика, что завинчивал шурупы и чинил отстававшие панели; того старика, который принес Натану зеркало, когда он впервые появился в Особняке.

В дверь постучали.

Поспешно сунув это «лицо» под подушку, Натан расправил одежду, приоткрыл дверь и выглянул наружу. Он ожидал увидеть в коридоре Беллоуза – но там стоял Повар, с длинными сальными волосами вокруг плечи на макушке и голыми, свисающими по бокам руками.

– Ну же,пусти меня, – нетерпеливо произнес Повар, вопреки тому факту, что до этого был немым.

Старик энергично протиснулся мимо Натана и принялся рыться в его вещах, переворачивая все вверх дном.

– Это я, Дашины... Где оно?

– Ты выглядишь прямо как Повар, – сказал Натан.

Повар поджал губы.

– Выгляжу? Я и есть он! Это «Маски и марионетки», а не какая-нибудь игра в переодевание! Где вторая маска?

Натан вытащил ее из-под подушки и протянул Повару. Тот поднес ее к свету, цокая языком и снимая с нее прилипшие ниточки и пушинки.

– Если оставить на них грязь, может быть очень неприятно. Я специально завернула ее в шелк; ты что, не заметил?

Натан покачал головой. Потом до него дошло:

– Как тебе удалось выбраться из карантина?

Повар нахмурился:

– Карантин никуда не делся. Я по-прежнему в своей комнате. Давай надевай маску! Это проще показать, чем объяснить. Только возвращайся сюда поскорее, нам нельзя терять ни минуты!

Повар схватил Натана за плечо и напялил маску на его лицо.

В то же мгновение Натан оказался в маленькой тесной комнатке. Он сидел сгорбившись напротив окна. Перед ним стоял стол, на тарелке лежало разрезанное на четвертинки яблоко. Он счищал ножом кожуру с одной четвертинки. Вокруг были швабры, пилы, ящики с гвоздями и жестянки с маслом, гайки, шестеренки и тысяча других вещей, названий которых Натан даже не знал. Потрясенный, он выпрямился, ощутив боль в спине от резкого движения, и увидел в окне отражение Коменданта.

Натан встал, уронив стул, и тот с грохотом упал в груды вещей, наваленных сзади. Стоило ему подняться на ноги, как у него тут же занули колени и свело ступни. Он сощурился и попытался сморгнуть, но безрезультатно: все вокруг было размытым и словно бы в тумане. В ушах стоял несмолкаемый тонкий визг, с которым не могли справиться никакие пальцы, засунутые в ушные проходы, а ноги были налиты такой тяжестью, что когда он попытался двинуться с места, то почти не заметил результата своих усилий. Кроме всего прочего, у него кружилась голова, кружилась так, что даже подташнивало. Он потряс головой, потянул себя за щеки, потер спину – ничто не помогало.

Потом он вспомнил то, что сказала Дашини: «Возвращайся сюда поскорее, нам нельзя терять ни минуты!» Натан поспешил к двери, стараясь проворнее передвигать ногами, но они еле шевелились; ему стоило больших усилий просто держаться прямо и не загреметь в кучу наваленных где ни попадя вещей.

В легких хрипело, словно они были набиты песком, воздух царапал их с каждым вздохом; суставы тоже поскрипывали, сопротивляясь его усилиям; мышцы висели и покачивались тяжелыми мешками, вялые до отвращения. Он положил руку на дверную ручку –

и даже повернуть ее оказалось делом трудным и болезненным; и когда дверь в конце концов щелкнула и отворилась, Натан почувствовал такое облегчение, что даже сам не поверил.

Он приложил ладонь ко лбу, убирая прядь сальных волос, прилипших к выступившему на коже поту, и обнаружил, что движения его плеча гораздо более ограничены, чем он ожидал. Как Комендант вообще справлялся? Дашины была права: это было совсем не похоже на переодевание.

В коридорах всегда царил полумрак – то ли Господин из экономии велел прикручивать газ, то ли Беллоуз боялся, что от резкого света могут выцвести развешанные по стенам портреты, – но сегодня здесь было особенно темно. Каждая мелочь таила угрозу, только и дожидаясь случая дать ему подножку, чтобы он распластался по полу. Даже ковровые дорожки, на которые Натан прежде не обращал большого внимания, постоянно цеплялись за шаркающие сапоги Коменданта; их отделанные рюшами края лезли ему под ноги, норвя опрокинуть. Ему приходилось изо всех сил вглядываться себе под ноги, чтобы не оступиться.

Комната Коменданта располагалась рядом с библиотекой, где у Натана проходили уроки. Теперь этот длинный коридор с портретами по обеим сторонам казался еще длиннее, а сами портреты превратились в размытые пятна – впрочем, Натан едва был способен поднять голову Коменданта, чтобы на них посмотреть.

Впереди послышался какой-то звук. Пока Натан выпрямлялся, чтобы поглядеть, что там такое, Беллоуз был уже рядом.

– Комендант! Куда это вы направляетесь? Кажется, на сегодня все ваши обязанности выполнены? Ну да ладно, я как раз шел к вам. Мы с Господином отправляемся по делу и не вернемся до завтрашнего дня. В наше отсутствие здесь будет двойной наряд жаберников – следовательно, двери к нижним чанам должны оставаться незапертыми. Вы меня поняли?

Натан кивнул – медленно, чтобы в комендантской шее не треснули позвонки.

– Очень хорошо.

И Беллоуз зашагал обратно. Дойдя до поперечного коридора (казалось, до него было несколько миль), он свернул вправо, в сторону, противоположную Натановой комнате.

Натан глубоко, с облегчением вздохнул, игнорируя сипение в комендантских легких, и зашаркал дальше.

– Ты не торопился, – заметил Повар, втаскивая Коменданта в Натанову спальню.

– Его тело – настоящая развалина! Не знаю, как он вообще умудряется шевелиться.

Дашини вновь открыла дверь и выглянула в коридор.

– У меня в моей комнате есть стимуляторы, которые иногда помогают, но теперь мы их уже не достанем. К тому же на это нет времени. Пошли!

Натан вздохнул. Все, чего он сейчас хотел, это отдохнуть.

– Куда мы идем?

– Пакостить!

Она потянула Натана за руку.

– Подожди!

– Ну что еще?

– Сегодня ночью Беллоуз с Господином отправляются в Маларкой. Беллоуз сказал мне за обедом.

Дашини немного подумала, потом тряхнула головой:

– Ладно, не важно; если это ловушка, мы уже в нее попались. Нельзя попасть в одну ловушку дважды.

Натан даже не подумал о такой возможности – только о том, что это даст им больше времени, – но теперь эта идея неприятно поразила его.

Дашини тем не менее двинулась к двери, и Натан последовал за ней. Вскоре два старика уже шаркали по коридору со скоростью, которую сторонний наблюдатель не смог бы отличить от стояния на месте; Натану, однако, она казалась головокружительной.

Впереди показался патруль жаберников – двое, идущие со стороны комнаты Коменданта.

– Они знают! – ахнул Натан.

– Ничего они не знают, – буркнула Дашини и приложила палец к губам, напоминая Натану, что она предположительно не может говорить.

Жаберники скользнули к ним. Щели на их лицах открывались и закрывались, втягивая запахи Коменданта и Повара. Натан откозырял им Комендантовой рукой:

– Добрый вечер!

Один из жаберников положил ладонь ему на лицо, другой подошел вплотную. Натан не знал, что они ищут или что способны

учуять; но, что бы это ни было, жаберники это нашли (или ничего не нашли) и двинулись дальше, больше не обращая на них внимания.

Повар сжал руку Коменданта, и они направились к детской, опустившись на четвереньки, когда потолок коридора стал слишком низким.

– У меня нет ключа, – сказал Комендант.

– Поищи у себя в карманах, – посоветовал Повар.

Дашины оказалась права: в карманах комендантского комбинезона нашлась связка ключей, один из которых, его было нетрудно узнать, открывал дверь детской. Натан протянул его Повару, тот вставил ключ в замок и повернул.

– Застрял!

– Приподними дверь и пошевели ключом.

Дверь открылась, и они протиснулись внутрь.

– Ну, ладно, – проговорил Повар. – Время не ждет!

Дашины в образе Повара прошла по комнате, сгребая в кучу одни игрушки (вроде «Ноева ковчега» и «перпетуум-мобиле»), те, которые, очевидно, считала бесполезными для своих целей, и время от времени откладывая в сторону другие (лук со стрелами, доспехи), все, что тут было острого. Натан-Комендант вышел в садик, где возле одной стены стояла мишень с воткнутым в нее боевым топориком. Следом появилась Дашины с кучей отвергнутых игрушек. Без малейшего колебания она подошла к краю стены и сбросила их вниз. Игрушки посыпались, отскакивая от стены, пока не скрылись из вида.

– Зачем ты это сделала? – вскричал Комендант, как будто старик мог быть каким-то образом привязан к этим вещам.

– Почему бы и нет? Это его вещи, Натан. Все, что здесь есть, – его.

Она вернулась в комнату, вышла снова, неся лук со стрелами, и принялась стрелять во все окна, до которых могла достать. Несмотря на дряхлые руки Повара, она оказалась достаточно хорошим стрелком, чтобы разбить несколько из них. Потом она взяла у Натана топорик и принялась рубить ствол дерева.

Комендант был слишком слаб, чтобы ее остановить, но Натану этого хотелось. Через какое-то время стало очевидно, что срубить дерево не удастся, и она принялась за ветки. Когда и они не поддались – рубить дерево работа тяжелая, особенно для пожилого человека, –

она стала рубить дерн вокруг. Карпы в прудике глазели на нее, разевая рты и пуча глаза, словно объятые недоумением и ужасом.

– И этих тоже! Это все его!

Она подошла к пруду и попыталась схватить рыбу, но рефлекссы Повара были слишком медленными, его руки – слишком слабыми.

– Здесь нет ничего, что не было бы извращено им!

Комендант медленно подошел к ней и опустился на колени. Это было мучительно, но он все же сумел скрючиться и присесть.

– Это верно. Сколько у нас еще времени?

– Эти маски скоро должны раствориться – они чувствительны к теплу. Может быть, час. Может, два.

Натан улыбнулся: Комендант обнажил свои черные сточенные зубы.

– Я знаю, где можно раздобыть книги заклинаний!

Библиотека выглядела так же, как они с Беллоузом ее оставили в конце последнего урока: карты, диаграммы и различные тексты с инструкциями, разложенные на столе. Когда Комендант с Поваром вошли в комнату, неся одну лампу на двоих, здесь, как и всегда, пахло старой кожей, гвоздикой и дождевыми каплями, просачивавшимися через стеклянный потолок. Посередине торчал одинокий пюпитр Беллоуза; единственными обитателями комнаты были книги – сотни книг, послушно ожидавших на своих полках, когда их вновь призовут на службу.

Комендант провел Повара мимо стула, где обычно сидел Натан, через небольшое пространство, куда так часто падал его взгляд, к застекленному шкафчику, в котором содержались книги по магии.

Дашины бросилась к ним настолько быстро, насколько позволило тело Повара, и положила ладони на стекло.

– Тут есть кое-что знакомое! Вот это – «Собрание невинных проделок», это – «Букварь Лангермана», а вон там – «Руководство по пространственно-временным манипуляциям».

– Они могут нам пригодиться?

– Ну, если ты хочешь сделать так, чтобы у кого-нибудь свалились штаны на расстоянии, или превратить птицу в летучую мышь, то этим книжкам цены нет.

– А как насчет этой?

Натан указал на бутылочно-зеленую книгу, которая всегда привлекала его внимание во время уроков. Ее название было написано нечитаемыми красными буквами; она была ничем не примечательна, за исключением того, что воздух вокруг нее как бы струился, закручиваясь воронками.

– О да! Это артефакт времен Седьмого Атеистического крестового похода. Она предназначена лишь для одной цели: для призывания.

– И кого она призывает?

Повар обернулся к Коменданту, и хотя лицо принадлежало Повару, и даже несмотря на подслеповатые, слезящиеся глаза Коменданта, Натан увидел, что Дашины задумала что-то недоброе.

– Это целиком зависит от того, кто произносит заклинание. Помоги-ка мне ее достать.

Дашины поискала защелку или замочную скважину, но ничего подобного не было. Тогда она вытащила из-за пояса поварского фартука боевой топорик.

Натан покачал комендантской головой:

– Ничего не получится. Этот шкаф защищен Законом Господина. Так сказал Беллоуз.

– Ну, насчет этого мы посмотрим, – тряхнул головой Повар.

Он взял Коменданта за руку, пробормотал несколько слов, от которых стекло шкафчика задрожало и замерцало, и размахнулся топором. В момент удара Натана охватило чувство опустошения, как если бы жизнь Коменданта утекала из него. Стекло расколосось с такой же легкостью, что и обычное, если по нему ударить топором, и сосущее чувство вмиг исчезло.

– Некоторые «законы» достаточно легко нарушить. – Дашины протянула руку Повара через стекло и вытащила книги. – При помощи «Букваря» мы могли бы устроить нашествие шершней. «Собрание» пригодится, если мы захотим, чтобы жаберников одолели волдыри. А вот эта книжечка, – она подняла зеленую книгу, – способна причинить действительно серьезные неприятности.

Повар смахнул все со стола и положил книгу посередине.

– Не издавай ни звука и делай в точности то, что я говорю. Натан, ты меня понял?

Комендант кивнул.

Повар положил топорик на стол и раскрыл книгу. Страницы выглядели вполне обычными: листы пергамента были покрыты неразборчивыми символами и словами, которых Натан не мог прочесть. Повар принялся листать книгу вперед и назад, пока Дашины не отыскала то, что ей было нужно.

– Так. Наклонись немножко вперед, чтобы ты мог видеть страницы. Мне понадобится, чтобы ты смотрел внимательно.

Поскрипывая суставами, Натан придал Коменданту нужную позу, и когда тот оказался на правильном расстоянии, Повар принялся бормотать. Его слова приводили к немедленным изменениям на странице – то, что прежде было неразличимым серым текстом, стало понемногу наполняться красками. Наклонившись ближе, Натан смог

уловить соответствия между звуками, издаваемыми Поваром, и отдельными словами. Чем дольше Повар бормотал, тем цветистее становилась страница. Комендант взглянул на Повара, но тот сидел с закрытыми глазами; на его обычно мягком лице застыло напряженно-сосредоточенное выражение.

Переведя взгляд обратно на книгу, Натан увидел, что страница уже почти заполнилась красками. В центре оставалось единственное слово, окруженное другими, и было понятно, что необходимо заполнить остальные, прежде чем будет произнесено это последнее. Дашины наверняка понадобится, чтобы он прочел это слово, но у Коменданта было слишком слабое зрение. Он наклонился ближе, протер глаза рукавом. Нет, не прочесть! Как бы он ни приближал лицо к странице, толку не было.

Натан поднял голову, намереваясь сказать Дашины, что не может его прочесть. Повар стоял над ним с топором, занесенным над его головой.

Дашины опустила топор со всей силой, на какую были способны тощие, голые руки Повара.

– Рекка! – взвизгнул Комендант.

Натан завопил одновременно с ним. Он снова был в своей комнате, один; его лицо было облеплено растаявшим студнем. Из глубины коридора донесся звук мощнейшего удара, словно на Особняк обрушилась горная лавина. Натан подскочил к двери и выбежал в коридор – легкость, с которой он смог это проделать, опьяняла, однако у него не было времени ею наслаждаться. Он опрометью ринулся к библиотеке.

Он распахнул дверь как раз вовремя, чтобы увидеть, как Повара разрывает надвое огромное чудовище с острыми, как копья, зубами, впятеро крупнее человека – наполовину обезьяна, наполовину носорог, с жучиным панцирем того же бутылочно-зеленого цвета, что и книга, со множеством, не меньше двадцати, пылающих красных глаз, всаженных в клиноподобную глыбу головы. Оно горбилось, как нападающий бык; его гигантские руки с мускулистыми плечами оторвали грудную клетку старика от нижней части, приложив не больше усилий, чем это сделал бы обычный человек, отрывающий кусок мяса от косточки.

Увидев Натана, чудовище взревело, издав гортанный, низкий, полный ярости рык, так что с потолка посыпались остатки стекла, и изрыгнуло облако черноты, от которого у Натана тут же закончился воздух в легких. Оно оттолкнулось задними ногами, круша и давя все вокруг, и прыгнуло через комнату к нему. Повсюду валились книги, рушились полки, доски паркета раскалывались и вставали дыбом; от одного движения этого существа в помещении воцарился полнейший хаос. Приземлившись, оно воздело свои огромные когтистые руки, вцепилось в стену и обрушило ее наземь, после чего уперлось ногами в пол и прыгнуло снова – по всей видимости, прямо на Натана.

В ту долю секунды, которая понадобилась чудовищу, чтобы добраться до него, Натану захотелось позвать Господина – но Господина здесь не было.

Из-за накренившегося пола тварь прыгнула не совсем туда, куда метила, так что вместо зубов Натан наткнулся на ее огромный, широкий череп. Его отшвырнуло в сторону. Чудовище вихрем

развернулось, но вокруг уже кишели невесть откуда взявшиеся жаберники. Они заполнили коридоры, лезли сквозь дыру в полу, спрыгивали через разбитое стекло в крыше, набрасываясь на тварь, атакуя ее ноги и руки, вползая по спине, залезая ей в пасть (очевидно, в надежде, что она задохнется прежде, чем ее зубы разорвут их на куски).

Натан повернулся и бросился бежать по коридору.

Чудовище несло за ним, пожирая жаберников, глотая их целиком и выплевывая, разрывая их на части руками и когтями на ногах, раздавливая их о стены и продавливая *сквозь* стены; коридор за его спиной лежал в руинах. Чем больше жаберников набрасывалось на него, тем больше оно убивало. Было ясно, что для него они были лишь помехой, досадным препятствием. Ему был нужен Натан. Жаберники, штукатурка, портреты, ковры, сама ткань Особняка – все разлеталось в клочья вокруг мчавшегося за ним монстра, чей громогласный рев не стихал ни на мгновение.

Пробегая мимо своей комнаты, Натан приостановился. Его рука двинулась к медальону, но тот по-прежнему оставался погруженным в грудную клетку, и вытащить его было невозможно. Оставалась книга; возможно, она снабдит его силой, как было прежде.

Появился новый отряд жаберников, больше десятка, перегородив собой коридор. Натан метнулся в комнату и схватил книгу с верхушки платяного шкафа. Стены содрогнулись – раз, другой, третий...

Натан подошел к окну и открыл: нет, отсюда не прыгнешь.

Внешние стены здания содрогнулись, а затем – в одно мгновение – кладка перекосилась, и, по всей видимости, целый этаж въехал по диагонали в тот, где находился Натан. В спальне обрушился потолок; от гибели Натана спасла лишь удача: две балки, натолкнувшись друг на друга, встали углом, образовав навес как раз над тем местом, где он стоял.

Теперь ему стало видно помещение этажом выше; он мог даже добраться туда, надо было только вскарабкаться по импровизированной лестнице, составленной из каменных обломков.

Натан не колебался. Он нырнул вперед, ухватился руками за край кладки и подтянулся на верхний этаж. Едва он успел оказаться там, как стены комнаты внизу разлетелись вдребезги, и там, где он был мгновениями раньше, показались припорошенные пылью трупы

жаберников и бок бушующего зверя – его короткий, обрубленный хвост, молотящий по земле, и брыкающиеся задние лапы.

Дверь верхнего помещения была выбита, однако позади неровной дыры был виден кусок уходящего вдаль коридора, все еще целого. Натан бросился туда, местами карабкаясь, местами ползя на животе. Обезумев от страха, он думал только о том, чтобы убраться подальше от этой твари. Он извивался, как червяк, зажав книгу в зубах. Если бы только у него был момент открыть ее! Наверняка в ней есть какое-нибудь волшебство, которое могло бы его спасти!

Зверь принялся прыгать, колотясь башкой в потолок над собой. Жаберники его не интересовали: его целью был Натан.

Этот коридор был Натану незнаком – белые стены, никаких картин, – но сейчас ни на что, кроме бегства, времени не было. Тварь уже проломилась через пол, со всех сторон облепленная жаберниками. Своими ножами те пытались пробить ее шкуру, тыкали ей в глаза – но шкура была чересчур толстой, а глаза пылали красными алмазами. Чудовище встряхнулось, словно промокший пес, вернувшийся с прогулки под дождем, и жаберники посыпались во все стороны. Они приземлялись на четвереньки, словно лягушки, тут же прыгая обратно и принимаясь рвать и кромсать врага во всех возможных местах. Тварь галопом припустила вперед, и Натан снова бросился наутек. Грудь ломило от нехватки воздуха.

В конце коридора, в дверном проеме, стояла Дашины. Натан кинулся к ней, но, не пробежав и половину пути, натолкнулся на стеклянную стену, невидимую, если не считать волшебного мерцания. Он отлетел и грохнулся на пол, уверенный, что с ним покончено.

По ту сторону стекла Дашины вытащила «Натанов нож», жестом показывая, чтобы Натан убрался в сторону.

– Эгей, Рекка! – крикнула она. – Ко мне, малыш!

При упоминании своего имени Рекка встал как вкопанный. Он опустил голову к полу, готовясь к атаке на Дашины; его красные глаза пылали яростью, жаберники копошились на его теле, словно паразиты.

Натан поспешно отполз вбок. Рекка ринулся вперед, словно удар грома, обращая в пыль все, что попадалось на пути. Пол под Натаном просел; зверь прыгнул (потолок не оказался для него препятствием), обрушив кувалды своих кулаков на стеклянную преграду перед лицом Дашины. Жаберники попадали на пол, оглушенные ударом.

Вместе с обломками пола Натан рухнул на нижний этаж. Наверху Рекка продолжал скрести когтями по магическому карантину, лягать, кусать, бить кулаками в стеклянную стену, обрушиваться на нее со всех возможных направлений, уничтожая все, что ее окружало; однако по поверхности стекла лишь просверкивали радужные искры.

– Не достанешь! Не достанешь! – выкрикала Дашины, насмешливо пританцовывая перед самой мордой ужасного чудовища.

Она была крохотной, грудной младенец перед разъяренным быком, но, кажется, не чувствовала ни капельки страха. Это привело Рекку в еще большую ярость. Он метался взад и вперед, сотрясаясь всем телом; казалось, будто он вот-вот вспыхнет. Со стороны Дашины коридор, защищенный карантинном, оставался идеально целым и неприкосновенным, но с Натановой стороны не оставалось ни единого целого участка: все рушилось и рассыпалось с оглушительным грохотом. Теперь была видна окружающая Дашины полусфера, заметная, потому что внутри нее не клубились тучи пыли, поднятые монстром в ходе разрушений.

Рекка снова набросился на волшебное стекло – и оно внезапно затрещало, словно глыба, отрывающаяся от ледника. С победным ревом чудовище заскребло когтями по образовавшейся трещине, тычась в нее мордой в попытке прогрызть преграду насквозь, соскользнуло, визжа когтями по стеклу, и тут же вновь прыгнуло к уязвимому месту, круша задними лапами то, что еще оставалось от опорной поверхности.

– Давай! – подбадривала его Дашины. – Ты можешь!

Она отступила назад, подняв нож и приняв защитную стойку, когда голова Рекки пробила стекло.

– Да! – В ее голосе звучал неистовый восторг.

Тварь застряла в преграде, но все равно делала попытки вцепиться зубами в ту, что ее призвала. Она отчаянно протискивалась в пролом, раздирая собственную плоть, но не обращая на это внимания. Ее ужасные зубы щелкали в воздухе на расстоянии вытянутой руки от Дашины.

– Так-то лучше! – воскликнула она.

«Натанов нож» сверкнул в ее занесенной руке. Стремительным движением Дашины вонзила его в череп чудовища, а затем описала им круг, расчищая пролом.

Рекка остановился, оглушенный. Зазвенело стекло; Дашины метнулась в дыру и скатилась вниз, туда, где двумя этажами ниже среди обломков комнаты лежал Натан.

– Нет времени отдыхать! Мы должны убратсья отсюда, пока он не очухался.

– Что это было?

Проход впереди был завален каменными обломками и трупами жаберников, так что Натан пролез вниз через дыру в полу (если это еще можно было назвать полом).

– Рекка, протодемон, – отозвалась Дашины. – Вообще-то он довольно опасный, но нужде не прикажешь. Сюда!

Она бросила взгляд на потолок.

– Все эти этажи спланированы одинаково, так что библиотека должна быть где-то над нами. У нас мало времени: Рекка может в любой момент прийти в себя. И тогда он снова бросится в погоню, чтобы нас убить.

Перед ними был еще один участок с обрушенным потолком.

– А мы можем его убить?

– Убить демона? Боже мой, нет, конечно! Ну то есть, может быть, это и возможно (рано или поздно, и если нам помогут), но проще считать, что он практически бессмертен. И неостановим. Он не успокоится до тех пор, пока те, кто его призвал, не будут мертвы, после чего вернется обратно в свою сферу и продолжит заниматься тем, чем демоны там занимаются.

Через дыру в потолке лился свет.

– Подсади меня, – сказала Дашины.

Натан сцепил руки, и она вскарабкалась ему на плечи.

– Да, нам сюда. Давай!

Она вылезла в дыру, протянула руку и втащила его наверх. Оказавшись рядом с ней, Натан остановился.

– Тогда почему же ты его призвала?

Дашины улыбнулась, выбирая каменную крошку из перьев, заменявших ей волосы.

– А кто еще смог бы пробиться через мой карантин? У меня это не получилось. И ты бы не смог; по крайней мере, пока при тебе этот твой «Запрещающий перст». – Она ткнула его в грудь. – Я увидела шанс и воспользовалась им. Ну а последствия... С ними разберемся в свое время.

– А что с Комендантом? И Поваром?

Дашини положила ладонь ему на плечо:

– Жертвы, Натан, дело неизбежное. Я отплачу за них сполна, обещаю.

Он хотел было возразить, но Дашини поднесла палец к его губам:

– Некогда болтать. Слушай!

Можно было даже не прислушиваться – Натан ощущал, как пол под его стопами содрогается от мощных ударов.

– Быстрее! Мы должны найти «Руководство»!

– Где же оно?!

В библиотеке царил хаос. В ней было почти невозможно узнать комнату, в которой Натан учился прежде: фактически в ней было почти невозможно узнать комнату. Стены, потолок и пол смешались в кучу каменных обломков, засыпанных пылью, усеянных кусками досок и сотнями книг. Дашины хватала одну книгу за другой и, бросив беглый взгляд, отшвыривала в сторону.

Рекка пока что ревел в отдалении, но рев очень быстро приближался. Натан потрогал грудь, попытался вызвать Искру – но там не было ничего, абсолютно ничего, кроме тупой тяжести медальона.

– Натан! У нас нет времени!

Она подозвала его к себе, схватила за руку. Рекка уже проломился через последнюю остававшуюся стену, трясая огромной башкой. Дашины взяла в руку «Натанов нож» и подтащила Натана вплотную.

– Прости, – сказала она и полоснула ножом по его ягодице.

Натан взвыл. Черное пламя взметнулось из рукояти ножа, отбросив Рекку обратно в пролом, сжигая все, что еще оставалось от библиотеки. Книги, каменные обломки – все тотчас обращалось в прах.

Они упали в дыру, сделанную огнем, и Дашины вытащила нож. Пламя моментально утихло.

– Прости. Жертвы неизбежны.

Натан рухнул на пол, схватившись за раненое место.

– Смотри! – вдруг вскричал он.

Неподалеку была небольшая кучка не поврежденных огнем книг, охраняемых собственным волшебством. Дашины кинулась к ним, схватила одну – и в этот миг на нее бросился Рекка.

Натан вскочил и метнулся туда, закрывая Дашины своим телом. Увидев его, демон взревел и широко разинул пасть, готовый его сожрать. Между двумя рядами зубов кипел хаос черноты и ненависти, желчи и пламени, неукротимой ярости и жажды убийства.

Натан поднес ладонь к сердцу, хватаясь за медальон, как если бы мог вытащить его наружу, вновь вызвать Зуд, выжечь эту тварь изнутри при помощи Искры.

Демон исчез.

На секунду Натан решил, что у него получилось, что его Искра изгнала чудовище с лица этого мира. Потом, когда толпы жаберников ринулись в пролом, где только что бесновался Рекка, Дашины взяла его за плечо и развернула к себе. Она пропела несколько строчек из книги, и они вдвоем тоже исчезли, предоставив жаберникам атаковать друг друга.

– «Руководство по пространственно-временным манипуляциям»! Мы не можем убить Рекку, но можем послать его куда-нибудь в другое место – в данном случае на тысячу миль к сердцу земли. Без сомнения, когда-нибудь он пробьется на поверхность, но будем надеяться, что к тому времени мы успеем разработать новую стратегию.

Натан почти не слушал. Они были в Подполе, и их со всех сторон окружали уходящие в темноту ряды врытых в землю лоханей, наполненных Живой Грязью, в которых находились мальчики – скорее всего, те самые, трущобные. Из каждой лохани торчала здесь голова, там ноги; некоторые лежали на боку, так что были видны только их плечи и бедра. Все остальное было погружено в Грязь.

– Барьер, возведенный Господином вокруг Особняка, не дает нам переместиться слишком далеко в стороны или вверх, но вот про низ, похоже, он не подумал. Хотя для нас от этого немного пользы: этим путем мы все равно не выберемся.

Между лоханями располагались железные платформы, на которых через каждые несколько ярдов стояли чаны с отходящими от них трубками. Где-то в отдалении слышались размеренные удары – не яростные метания Рекки, но безостановочная работа машин.

Дашины сидела, скрестив ноги, и изучала «Руководство».

– Если нам не выбраться с помощью магии, надо подумать о чем-то другом. Хорошо хоть жаберники заняты наверху, есть время подумать.

Натан опустился на колени рядом с ближайшей лоханью и стер Грязь с лица одного из мальчиков – оно было ему незнакомо. Кожа оказалась теплой. Мальчик не пришел в себя от прикосновения, даже

когда Натан приподнял ему веко большим пальцем, но он был несомненно жив.

– Что это за место?

Дашины подняла голову от книги и огляделась.

– Не знаю. Что-то вроде преобразующей фабрики? Предприятие по переработке людей? С одного конца входят мальчишки и Живая Грязь, с другого выходят жаберники и Беллоузы. Это, конечно, только догадка. У нас в Маларкой ничего подобного не было.

Натан тряхнул головой.

– Мы можем их освободить?

– О чем ты? – наморщила нос Дашины. – Освободить от земных уз?

– Нет! В смысле, отпустить их на свободу.

Дашины фыркнула:

– Обрато в труппобы? Я бы сказала, что здесь им лучше! Слушай, Натан, мы и сами еще не выбрались. Карантин разрушен, но из Особняка есть только один выход – через вестибюль, а там полно ловушек.

Она говорила о белом помещении, пересеченном паутиной волосков, настолько тонких, что их не освещал свет, которые могли раскромсать их, словно яйца в яйцезерке.

– Я могу провести нас через него. Я видел эти ловушки.

Дашины покачала головой.

– Ты мог видеть ловушки раньше, пока Господин не вставил ингибитор тебе в грудь. Теперь это вряд ли получится.

– А как насчет книги? – Натан вытащил волшебную книгу из-за пояса штанов. – Она всегда помогала мне разжечь Искру.

Дашины подошла, и Натан протянул ей книгу. Девочка пробежалась пальцами по обложке, похлопала ее, и Натан скривился.

– Это вещь превосходной работы, имеющая много функций, но она может только улучшать то, что уже имеется. Катализатор бесполезен, если нет реакции, чтобы ее катализировать.

Она отдала ему книгу, но Натан покачал головой:

– А ты не могла бы оставить ее пока у себя? Мне кажется, она меня каким-то образом контролирует.

Дашины кивнула.

– Есть еще кое-что, что может сработать...

– Для этого тоже потребуются жертва?

Мысленным взором Натан снова увидел занесенный топор, ощутил, как он раскалывает череп Коменданта.

– Жертвы – дело неизбежное, – отозвалась Дашини.

– Дети, – произнес жаберник, – почему вы здесь? Вам запрещено появляться в этом месте. А ты, женская особь, вообще подвергнута карантину!

Его жабры топорщились от гнева. Весьма возможно, что здесь, внизу, среди чанов, никто не подумал поднять тревогу, и на это существо была возложена ответственность за безопасность Подпола. Неужели он вообще не знает о разрушениях на верхних этажах?

Дашины убрала ладонь из Натановой руки.

– Тебе не кажется, что уже немного поздно для всего этого?

Жаберник покачал головой.

– Слишком поздно не бывает. Господин недвусмысленно запретил бродить здесь внизу тебе и таким, как ты! Ваша нечистота отвратительна, она разъедает, она мешает проведению тончайших экспериментов!

– Думаешь, меня это заботит? – Дашины подняла «Натанов нож» так, чтобы жаберник мог его видеть. – Покажи, где он его прячет.

Жаберник отступил, но лишь на полшага, и почти неощутимо повернул голову. Что бы ни имела в виду Дашины, он не собирался раскрывать секрет.

– Кто прячет? И что? Возвращайтесь в свои комнаты, или мы вернем вас туда силой! – Жаберник на секунду застыл, и в воздухе что-то сгустилось, отозвавшись внезапной болью в Натановой голове. – Я вызвал других.

– Они не придут. – Дашины шагнула к нему. – Они заняты более насущными вопросами, которыми и тебе тоже не мешало бы озаботиться.

Жаберник оглянулся назад, словно надеясь увидеть подкрепление, но там никого не было.

– Какими вопросами? У меня нет никаких вопросов.

– Я спросила, где он его прячет.

– Замолчи! Каждый твой выдох оскверняет воздух, а зловоние твоих «выделений» поистине невыносимо.

– Отведи нас к телу! – не смутившись, крикнула Дашины.

Жаберник кинул непроизвольный взгляд в сторону массивной стальной двери в дальней стене. Прежде чем он успел снова посмотреть на них или хотя бы осознать сделанную ошибку, «Натанов нож» вонзился в его сердце, а Дашины была на полпути к двери.

Позади царила темнота. Где-то капала вода; ощущался сильный запах земли. Дашины подняла «Натанов нож», но испускаемое им черное пламя не давало света.

– Что там дальше? – спросил Натан.

– Скоро узнаешь.

Ширины туннеля едва хватало, чтобы идти по одному; в отдалении виднелось неровное пятно света. Под их ногами были медные, перегороженные распорками направляющие с выгравированными на них магическими символами, похожие на рельсы, проложенные в шахте, чтобы по ним ездили вагонетки. Мало-помалу они приближались к свету, который сперва был всего лишь чем-то, отличающимся от окружающей темноты, но затем приобрел синеватую окраску и определенную текстуру; он мерцал и переливался призрачными оттенками. Больше того, он двигался – перемещался, словно пятно масла на поверхности воды, отсверкивая и изгибаясь, ни на минуту не оставаясь в покое.

Натан остановился.

– Я не сделаю ни шагу дальше, пока ты мне не ответишь. Что там, в конце этого туннеля?

Дашины повернулась к нему. Нахмурившись, она окинула его долгим оценивающим взглядом, и увиденное заставило ее нахмуриться еще больше.

– Неужели ты не догадываешься? Твой отец никогда не говорил с тобой о том, чем занимается? Или твоя мать?

Натан покачал головой:

– Мне никогда ничего не говорят.

Дашины печально улыбнулась:

– У меня наоборот: мама рассказывала мне все, даже если я не хотела слушать.

Вздыхнув, она положила руку Натану на плечо.

– В конце этого прохода лежит труп Бога. Твой отец нашел небеса и стаил с них Бога – призвал его так же, как я призвала Рекку. Твоя

мать заманила его на дыбу. Заполучив его в свои руки, они принялись тянуть из него силу, которую использовали, чтобы построить Черноводье. Потом, сами того не желая, они его убили. Как? Никто не знает. Но в результате этой случайности мы теперь находимся в той ситуации, в которой находимся.

Теперь нахмурился Натан:

– Я тебе не верю.

Как мог ребенок, видевший то, что видел Натан, поверить в нечто подобное? Его отец, согнутый пополам, задыхающийся, одолеваемый червями. Его мать, чернящая себе глаза. Их лачуга в трущобах, сырая и безрадостная...

– Только не они!

– Почему? – улыбнулась Дашины. – Потому что ты привык считать их слабыми? Они не слабые. У них хватило силы на страдание, на жертвоприношение.

Казалось, сказанное воодушевило ее. Она положила на землю нож, села перед ним, скрестив ноги, и жестом пригласила Натана сделать то же самое.

– Возьми этот нож, – велела она, – и пронзи им мое сердце.

Натан отшатнулся, но она схватила его за запястье.

– Возьми нож!

Он медлил, и тогда Дашины вложила нож в его ладонь. Натан хотел выбросить его, но она обернула его пальцы вокруг рукоятки и не отпускала. Она была сильнее. Нож завибрировал в костях его пальцев, словно что-то в нем почуяв.

– Я хочу, чтобы ты меня убил, Натан. Сейчас.

– Нет!

Дашины заставила его приставить острие ножа к своей грудной клетке.

– Почему? Ведь ты убил мою мать, когда *он* тебя попросил, верно? В углах Натановых глаз навернулись слезы. Он затряс головой:

– Это была книга! Это она меня заставила!

– Я знаю. Так пускай теперь она заставит тебя убить меня.

Натан не мог понять, что происходит. Дашины прижала острие еще сильнее, так что оно проткнуло ткань ее платья.

– Когда ты убил мою мать, это произошло потому, что она сама этого захотела. Она хотела, чтобы ее сила перешла ко мне, потому что

есть вещи, которые я могу сделать, а она никогда не могла. Она была жертвой, создавшей меня. Твой отец был жертвой, создавшей тебя. Ну, можешь ты меня убить?

Натан сосредоточился, поискал Искру, но медальон не позволял. Книга не позволяла. Особняк не позволял. Если бы он нашел ее, то не стал бы убивать Дашини, а использовал бы Искру, чтобы разжать руку и выпустить нож.

Лицо Дашини исказилось гримасой: острие ножа дошло до кожи. Она тянула к себе его руку, втискивала нож в свое тело с такой силой, что Натан не был уверен, что сможет долго сопротивляться. Если бы он сейчас нажал, нож в одно мгновение оказался бы в ее сердце.

Хочет ли он нажать? Должен ли?

Затем Дашини отпустила его руку, и нож выпал на пол. Он лежал между ними, но их взгляды были направлены друг на друга.

– Я понимаю, ты не хочешь меня убивать. Но что, если это в твоих интересах – чтобы я была мертва? Иногда сила – это нечто, что ты должен взять, а иногда это нечто, что ты должен передать другим. И в том и в другом случае бывает трудно понять, что делать. Может быть, ты еще пожалеешь, что не воспользовался этой возможностью. А может быть, и нет. Откуда нам знать? Твой отец передал тебе свою силу по причинам, которые тебе неизвестны, и теперь ты должен решить, что с ней делать.

Дашини встала, отряхнула платье и повернулась.

– Одно можно сказать наверняка при любых обстоятельствах: если у нас недостаточно силы, мы всегда можем прибегнуть к помощи плоти Бога. – Она указала в глубь коридора. – Стоит нам только отыскать тело Бога, и мы сможем все! Господин спрятал его здесь, и поскольку твой отец так и не заявил на него свои права, здесь оно и осталось. Живая Грязь, мертвожизнь, палтусы – все это побочные действия исходящей от него силы. Это, конечно, перегиб – ни тебе, ни мне не совладать с таким количеством, – но этого более чем достаточно, чтобы мы смогли выбраться отсюда... Ну ладно, хватит болтать! У нас пополнение.

В конце туннеля, пригибаясь к земле, появились два силуэта, и они приближались.

Жаберники двигались к ним – худые и гибкие, словно угри, с голой блестящей кожей. Натан отступил назад, но слишком поздно: передний уже учуял его запах. Щели на его лице вздыбились и задергались, глазные прорезы закрылись полностью, шея вытянулась и напряглась. Второй подошел к нему и протянул длинные пальцы к его спине, почти любовно пройдясь ими по выступающим бугоркам его спинного хребта. Склонившись друг к другу, они принялись шептаться, но гулкий туннель отражал даже самые незначительные звуки.

– Он будет драться!

– Верняк.

– Облом...

– Верняк!

Натан встал как вкопанный. У него сжалось в животе.

– Он нужен Господину.

– Вот пускай Господин его и забирает!

– Сперва он убьет нас.

– Верняк?

– Облом!

– Ну и что? Если Господин этого хочет, мы это сделаем.

– Маленькая мразь!

Они больше ничем не напоминали людей, эти жаберники, по крайней мере с первого взгляда (рыбоподобные, черные, гладкие, безлицые), однако в том, как они двигались, все еще оставалось нечто от тех мальчишек, которыми они были прежде, в том, как они взаимодействовали, в легких касаниях, которыми обменивались, – братских, подбадривающих. Натан медленно пошел по туннелю в их сторону. Дашины двинулась следом.

– Не подходи к ним слишком близко, плоть Бога совсем рядом, я не могу ничего гарантировать.

Натан ее не слушал.

– Вы помните меня? – спросил он жаберников.

Те не остановились. Передний поднял руку: на его ладони был начертан знак – то ли символ, то ли пиктограмма, – неярко светившийся почти в абсолютной темноте.

– Вы помните меня? Я Натан Тривз... Из трущоб.

– От его слов больно.

– Пусть он перестанет. Он ужасно воняет.

– Вы помните меня?

– Он перестанет, если я его задушю. Мои пальцы остановят слова в его глотке.

– Он перестанет.

– Верняк?

– Облом!

– Посмотрим.

Они бросились к нему, протягивая ищущие пальцы. Натан инстинктивно отшатнулся, наткнувшись на спешившую позади Дашины. Он упал, и они набросились на него.

– Зажми ему глотку!

– Перекрой воздух!

Дашины, на которую никто не обращал внимания, выпуталась из свалки и встала на колени.

– Натан, посторонись! Я не могу использовать пламя: я тебя обожгу!

– Не трогай их! – крикнул ей Натан.

Он хватался за пальцы, пытаясь их разжать. Кожа жаберников была скользкой, но кости под ней – крепкими и твердыми, а пальцы такими длинными, что без труда сходились позади его шеи, так что ему было нечем дышать.

– Теперь он умрет?

– Верняк! Верняк!

– Позволь мне их убить! Я знаю заклинание.

Но он не мог ей позволить. Где-то под этой кожей, за густым соленым запахом их пота, по краям этих тускло-черных радужных оболочек по-прежнему оставались щеки и подбородки тех мальчишек, с которыми он вместе ехал в повозке, детская сладость их запаха, наивность их взгляда, пускай даже они и были уличным отребьем. Их пальцы все крепче сжимались на его горле, и можно было не сомневаться в их намерениях: они желали ему смерти. Однако все это

было работой Господина: как их плоть, так и их умы принадлежали ему. Они не могли желать ничего, помимо того, чего желал их Господин.

Поле зрения Натана заливала чернота; кровавые сполохи; пылающий символ, обжигающий шею... Было трудно сопротивляться даже на физическом уровне.

– Позволь мне это сделать, Натан!

Она стояла над ними, глядя ему в глаза, – но он не мог разрешить ей то, о чем она просила. Не мог. Он попытался дать ей знать, извиниться перед ней, но не мог даже пошевелиться, чтобы сообщить ей то, что хотел.

– Ну, хватит!

Дашини накрыла их ладонями, и жаберники застыли. Она произнесла несколько бессмысленных слов – и они рассыпались на кусочки, на живых таракашек, тотчас разбежавшихся по щелям в стенах, где они засели, съезжившись, парализованные от страха.

Натан поднялся на ноги и протиснулся мимо Дашини, направляясь к помещению в конце туннеля. Медлить было нельзя: нельзя было терять ни минуты! Теперь он понимал, что они придут сюда, все эти мальчишки, все эти копеечные рабы, такие же, как он. Уличная рвань. Трущобные отбросы. Чем дольше он будет медлить, тем хуже будет результат; их будут бросать на него волна за волной, приносить в жертву, вытаскивая из чанов все новых, как перед этим бросали на Рекку. Его месть будет обращена на невинных – не на первопричину; она не принесет плода, лишь утрату.

Дойдя до источника света, Натан остановился: земля под его ногами исчезла. Когда Дашины положила руку ему на плечо, Натану показалось, что он вот-вот опрокинется, упадет вперед. Коридор открывался в сферическое пространство, вырезанное в ткани мира; оно было настолько огромным, что он не мог увидеть его границ, только его цвет – тошнотворный, отвратительный сине-оранжево-серый, словно гнилой и разлагающийся фрукт. Сфера простиралась во всех направлениях; внутри нее не было ничего, кроме пустого пространства. Борясь с головокружительной тошнотой, от которой перехватило грудь, Натан опустился на колени, и когда его рука прикоснулась к краю впереди, он отдернул ее. Под пальцами было нечто кошмарное, нечто отвратительное, словно тот палтус в трущобах, которого он превратил в крысу, и он рефлекторно ощутил потребность держаться подальше. Повсюду виднелись наполовину сформировавшиеся органы – глаза, зубы, печень, легкие, кровеносные сосуды; они шевелились и менялись на глазах, превращаясь в нечто другое – сердца, ногти, желчные протоки, кишки... Ничто не оставалось самим собой более чем на мгновение; каждая форма становилась чем-то другим, а если этого не происходило, она превращалась в призрак самой себя, изливая тот странный, болезненный свет, что наполнял сферу и вытекал из нее во всех направлениях.

– Это похоже на Живую Грязь, – прошептала Дашины чуть ли не в благоговении. – Труп Бога одушевляет материал стены... Смотри! – Она показала куда-то вдаль. – Вон там, видишь? Напротив нас?

Сначала Натан не увидел ничего, но понемногу, когда глаза приспособились к свету, когда он сумел отвлечься от первобытного хаоса, окружавшего их со всех сторон...

Впереди виднелась крупца черноты, не больше булавочной головки.

– Это он? – спросил Натан.

Дашины кивнула.

– Дай мне что-нибудь. Все равно что.

Натан не понял, что она имеет в виду, но ее руки уже обшаривали его карманы. Она вытащила его носовой платок.

– То, что надо!

Дашины подняла его вверх, протянула руку внутрь сферы, поводила взад-вперед.

– Так я и думала. Смотри.

Она снова поводила рукой справа налево и сверху вниз, держа платок за один угол, и даже Натан смог увидеть, что она имела в виду. Где бы ни располагалась ее рука, платок неизменно показывал прочь от центра, от этой черной крупницы; по нему проходили волны, словно от потока ветра.

– Труп отталкивает все от себя. Он отталкивает этот носовой платок, отталкивает стены, а значит, оттолкнет и нас.

Дашины вернула носовой платок в его карман.

– Но нам нужно добраться до трупа. Как?

Натан уже знал как. Медные рельсы под их ногами вовсе не были рельсами. Он сошел с них вбок, сделал знак Дашины, чтобы она последовала его примеру, после чего потянул за одну из распорок. Она сдвинулась легко – вместе со всей конструкцией, которая выехала за край, внутрь пространства сферы. Чем больше он тянул, тем дальше выдвигались рельсы, которые, по-видимому, не могли перевесить или кончиться.

– Я думаю, что это лестница, – сказал Натан.

Не успел он вымолвить это, как лестница выскользнула из его рук и начала стремительно выдвигаться сама по себе. Дашины схватилась за нее – и лестница понесла ее вперед, внутрь сферы. Лицо Дашины озарило синее свечение.

Внезапно ощутив ее отсутствие, Натан тоже взялся за лестницу.

Казалось, лестница будет удлиняться бесконечно. По меньшей мере час они держались, крепко схватившись за нее, уносимые все дальше и дальше в ничто, двигаясь беззвучно, словно в вакууме. Натан был по одну сторону, Дашины – по другую; они возносились вместе, лицом к лицу.

Каждый дюйм металлической поверхности покрывали выгравированные руны – Дашины сказала, что это магия крестоносцев Ассамблеи, но Натан не знал, что это такое. Местами встречались утолщения – там, где были спайки.

– Должно быть, сфера увеличивается, – проговорила Дашины. Ее голос странно резонировал в отсутствие любых других звуков. – На протяжении минувших лет Господин удлинял эту лестницу несколько раз. Ты понимаешь, что это значит?

Натан покачал головой.

– Оно проникает под основание Мордюю. Если эта полость действительно настолько огромна, как выглядит, у вашего Господина серьезные проблемы, – продолжала Дашины. – Мордюю вовсе не настолько великий город, как он пытается показать: город выстроен на яичной скорлупе, готовой треснуть. Одна протечка в Морской стене – и вода прорвется внутрь, обрушив все, что здесь есть.

Дашины улыбнулась и взяла ладонь Натана в свою.

– Так что, вперед!

В конце концов лестница остановилась, и они взобрались по оставшимся перекладинам.

В самом центре сферы плавало тело Бога.

Это было самое обычное тело. Обнаженное, скорченное, с поджатыми конечностями. Местами плоть была уплощенной, как если бы Бог лежал на плоской поверхности, которой больше не было. Он был коричневым, как выдубленная кожа.

Когда-то он был человеком или чем-то весьма похожим на него: может быть, немного крупнее или выше ростом, но явно принадлежал к тому же виду. Лица у него не было – ни ушей, ни глаз, ни носа, ни рта; возможно, они были удалены. Сейчас на их месте была просто кожа, натянутая на кости, если они под ней имелись.

Здесь, вблизи Бога, отталкивающая сила ослабла, и они почувствовали, что наконец-то могут расслабиться.

– Это не Бог. Какой же это Бог? – проговорил Натан.

Он опасливо протянул руку, но понял, что не может дотронуться до трупа.

Дашины положила руку на одну из ног, схватилась за лодыжку и потянула. Тело не двинулось. Тогда она взгромоздилась сверху и уселась ему на грудь, дрыгая ногами.

Натан остался на лестнице.

– Это... это просто мертвый человек!

Дашины улыбнулась.

– Ты его недооцениваешь. И себя тоже. Это он все создал – весь мир и все, что в нем есть.

– И звезды?

– Так он верил. И разве это так уж невероятно? Господин создал Мордюю. Твой отец создал Черноводье. Моя мать создала Маларкою.

– Но...

– Но что? Как, по-твоему, должен выглядеть Бог?

Она наклонилась к лицу Бога, держа в руках «Натанов нож».

– Как ты думаешь, что у него под кожей?

Она поднесла острие к его глазнице – к тому месту, где та должна была находиться.

– Не надо! – вскрикнул Натан.

Дашины остановилась.

– Он же мертвый! Он ничего не почувствует.

Несмотря на собственные слова, она заколебалась. Нож замер, ощутив сопротивление в ее руке. Потом она прикусила губу, и нож скользнул вперед.

– Моя мама придерживалась мнения, что у Бога должны иметься глаза. – Дашины наклонила лезвие вбок, зарывая его глубже в плоть. – И она, похоже, была права!

На щеку Бога выкатился блестящий шарик, похожий на маленькую луковицу.

Натан взобрался выше, пока его ноги не оказались на последней перекладине лестницы. Все это было отвратительно – этот труп, этот глаз, сочащаяся на кожу лимфа, – но он все равно прикоснулся к нему, чтобы передвинуть глаз обратно по щеке, к новообразованному черному рту, проделанному ножом. Натан засунул его под кожу.

Дашины не возражала, но когда он закончил, тут же сделала разрез с другой стороны.

– Мы не можем уйти ни с чем. Плоть Бога против плоти Бога! Это козырь покрупнее твоего отца.

Натан приложил палец к новой ране – и на этот раз она отреагировала на его прикосновение. Плоть начала затягиваться, срастаться... Кожа самого Натана стала терять плотность, становясь более просвечивающей, призрачной... Еще немного, и рана закроется полностью...

Дашины схватила его за руку:

– Нет! Не делай этого! Сейчас не время!

Она оттолкнула Натана от тела так, что он едва не упал с лестницы, но тут же ухватила за запястье и удержала от падения. Оба поглядели на его руки: сквозь кожу просвечивали связки.

– Прости. – Дашины настороженно глядела на него, словно ожидая, что он может совершить какую-нибудь глупость. – Нам нужно уходить. Мы можем взять с собой глаз, он позволит нам выбраться наружу. Пойдем! Скорее! Тем же путем, что пришли. Нам нужно отыскать выход к порту, чтобы убраться отсюда прежде, чем вернется Господин.

LXXXVII

Черви, что кишели в легких его отца – тот червяк на его щеке, тысячи червей, извивавшихся в чашке возле постели, – были совсем крошечными. Оказавшись внутри Натанова отца, они повреждали его органы, внедрялись в мягкие ткани, проедали все, что только могли найти, пока не довели его до смерти. Натан тогда был рядом; в те времена они с отцом спали под одной крышей, и он видел этих червей в своих снах.

Но что было первым, черви или сны?

Натан всегда считал, что он видел во сне этих паразитов, потому что они занимали его мысли, поскольку его отец страдал от них, и поэтому они приходили в его ночные кошмары. Но что, если все было наоборот? Что, если это Натановы сны о червях (самых примитивных и первичных из существ; тех, что разрыхляют землю и пожирают мертвых) привели к их появлению в этом мире? Что, если он создал этих тварей, как создал того малыша-руконога, при помощи своей Искры и благодаря близости трупа Бога, лежащего под поверхностью Мордю? Что, если его отец умер от болезни, причиной которой был Натан?

Потому что теперь, после того как они забрали глаз Бога и покинули с ним сферу, огромные черви, шести дюймов в длину, падали с куска плоти Бога, которую Натан нес в вытянутой руке, – падали и принимались слепо трепыхаться на полу у него под ногами.

Дашини шла впереди, прокладывая им путь среди жаберников при помощи своего ножа. Натан ощущал, как в нем зарождается Искра, возвращается желание Чесать; и когда в этом возникала необходимость, он выжигал то, что оставляла после себя Дашини, предлагая Искре направление; но черви всегда оставались на краю его поля зрения.

Особняк представлял собой лабиринт, полный опасностей, но в отсутствие Господина жаберники были рассеяны, Дашини наслаждалась полученной свободой, а Натан едва замечал хоть что-то, помимо трепета от ощущения глаза Бога на своей ладони и ужаса от звука червей, шлепающихся на землю за спиной.

Спустившись на пролет лестницы и миновав портрет Господина в юном возрасте, они увидели перед собой прямоугольник света, такого яркого, что у них заслезились глаза. Им пришлось подождать, пока не вернется зрение. Натан узнал это место.

– Это же вестибюль!

Он пошел впереди; Дашины тронулась следом. Нити были теперь так ясно видны, что ему даже не надо было сосредотачиваться или смотреть краем глаза. Плоть Бога аннулировала подавляющее действие, на которое рассчитывал Господин, повесив на него, Натана, медальон; и хотя эти волоски были тоньше волоса и не имели собственной субстанции, магия Господина дала им свою окраску – тусклый лиловый цвет, неуместный на фоне окружающей белизны. Они выделялись очень четко.

В двери позади появились жаберники.

– Вам нельзя уходить! Господин запретил это!

– Попробуйте нас остановить!

Дашины схватила Натана за руку, и по комнате – повсюду, кроме той части, где находились они, – расплылось облако серебристой пыли, прилипавшей ко всему, чего она касалась. Скользкие жаберники оказались мгновенно облеплены ею и застыли на месте.

– Быстрее! Это совсем простая уловка, она не задержит их надолго.

Натан повернулся к невидимому проходу и побежал, не отпуская руку Дашины, ведя ее через паутину нитей. Она бежала следом, нервно смеясь (должно быть, так чувствует себя ребенок, когда его подбрасывают в воздух: окруженный опасностью, лишенный контроля, но странным образом защищенный). Нити виднелись отчетливо, фиолетово-черные, и, если бы Натан с Дашины шли обычным шагом, они смогли бы пройти не поранившись, но присутствие жаберников подгоняло Натана, заставляло спешить, и один волосок задел его ухо. Ничего страшного, там показалась лишь капелька крови, но это заставило его остановиться, кипя гневом.

Черви тотчас начали скапливаться возле его ног. Один скользнул вокруг лодыжки и стал взбираться по спирали, словно ища возможность проникнуть внутрь.

В одно мгновение Натан ощутил Зуд, Почесал и испустил голубую Искру. Встретив червя, она обратила его в прах; паутина

вокруг потеряла фиолетовую окраску, так что волоски стали не более крепкими, чем обычные паутинки. Они лопались с легким треском и падали на пол, совершенно безвредные.

Натан еще раз вызвал в себе ощущение, выстроил в мозгу воспоминание о своем маленьком порезе, потом представил себе червей – и направил возникший гнев на всю их массу перед собой. Дашины, поняв, что он делает, припустила вперед; нити легко рвались под ее ногами. Натан догнал ее, и через несколько секунд они уже выскочили из комнаты и очутились в коридоре, где все кипело движением. Слуги и лакеи носились взад и вперед, но все они внезапно остановились, застыли с подносами в руках, со щетками на плечах, с лицами, перемазанными у кого сажей, у кого румянами.

Натан опустил взгляд на свою свободную руку: там уже были явственно видны кости, и даже они слегка просвечивали.

– Как ты попал сюда в первый раз? – спросила Дашины, щелкая пальцами перед его лицом.

– Мимо машин и через прачечную.

– Значит, возвращаемся в Подпол?

– В тот раз было по-другому. Тогда там не было мальчиков.

Натан поглядел вдоль коридора, туда, где они стояли, когда Беллоуз рассортировывал их на полезных мальчиков и отбросы, где он отверг Присси, где сообщил им о том, какая великая честь им оказана. Место было неузнаваемым. Он подошел к ближайшему лакею – тощему кухонному мальчишке с мучнисто-бледным лицом и туго накрахмаленным воротничком.

– Где тут прачечная?

Тот стоял столбом, лишившись дара речи, словно восковая кукла самого себя, неспособная к разговору.

Дашины подошла к нему, вытаскивая нож. Его черное пламя засасывало в себя свет, затемняя и без того тусклый коридор, но укол острием в плечо заставил лакея вернуться к жизни.

– Отведи нас в прачечную, – сказала ему Дашины.

Прачки с оживленной деловитостью занимались своим делом: выкручивали белье, отпаривали, выколачивали грязь из любой тряпки, попадавшей в поле их зрения. Жар стоял удушающий; над мутными

озерами мыльной воды вздымались, колыхаясь, облака обжигающего пара.

Лакей пригласил их войти так, будто они были знатнейшими вельможами, после чего бросился наутек, словно спущенный с поводка. На ходу он позвонил в колокольчик возле двери, и все женщины повернулись к ним. Их лица различались, как только могут различаться семь разных лиц, но все одинаково блестели от пота и были чрезвычайно разгорячены.

– Та-ак. Что это там у нас?

– Неужто посетители?

– Дура, какие посетители могут быть у прачек?

– Небось заблудились.

На протяжении всего разговора женщины ни на секунду не отрывались от работы, продолжая выкручивать, выколачивать и крахмалить и только поворачивая друг к другу головы.

– Я ее знаю! – вдруг сказала одна. – Вылитая мать. Я ж вам говорила, что она здесь!

– Ну, начинается...

– Чужеземцы, будь они неладны!

– Эй, я тебя знаю! Ты точь-в-точь похожа на нее!

– Ну, а я ее не знаю! И его тоже. И ты лучше к ним не лезь, не то, гляди, пихну тебя в чан с постельным бельем: небось мозги-то повыварит!

– Да ладно тебе!

Женщина подошла ближе, и Натан узнал в ее чертах приметы тех, других, людей – обитателей Маларкои.

– Ты – девчонка Госпожи. Глупышка, она же скучает по тебе! Давай-ка поскорее возвращайся домой!

Дашины не ответила.

– Нас с тобой обеих забросило далеко от дома, верно, милая? Правду я говорю?

– Покажи мне, где здесь выход.

– Тут все совсем не так, как в Маларкои, да? – Глаза прачки переполняло ожидание, рожденное чувством нужды и потери и страстного желания.

Выражение лица Дашины, однако, ничем не выдавало, что ей есть дело до чувств этой женщины, – девочка смотрела на нее так, будто та

была куском дерева.

– Нам нужно идти. Скорее!

– Конечно-конечно, милочка. Небось соскучилась по дому-то! Представляю, как тебя там встретят! Подумать только!

Женщина вытащила руки из лохани с горячей водой – хотя от локтей и выше они были бледными из-за постоянного пребывания в помещении, ее предплечья багровели, словно отшлепанные задницы, и разбухли от бесконечной работы. Постучав себя пальцем по носу, прачка жестом показала Натану и Дашини, чтобы они следовали за ней.

– Он убьет тебя за это!

– Только если ты ему скажешь.

– А с чего ты взяла, что не скажу?

– А кто будет стирать мои простыни, если я помру, подумай-ка? Небось придется тебе!

Она подвела их к дыре в полу, через которую Натан некогда вылез вместе с обхватившей его руками Присси, и оттащила в сторону деревянную крышку. Бадья покачивалась над черной пустотой, подвешенная на проржавевшей цепи.

– Давайте быстрее, если не передумали. Если вернется Беллоуз, нам всем не миновать чанов.

– Плевать на Беллоуза! Ему бы только зад Господину лизать, да нос мешает.

Женщина захохотала. Натан с Дашини забрались в бадью.

– Время не ждет!

И они поехали вниз, в темноту.

Молотящие машины, скрежет шестерней, летящие искры, лужи Живой Грязи на полу – все тонуло в черноте, лишь края предметов были слабо освещены и подрагивали от сотрясавшего Подпол биения механизмов.

Дашини улыбнулась, блеснув зубами в свете искр:

– А ну-ка, прольем свет на происходящее!

Она повернулась, широко взмахнула руками – и в Подполе наступил день, где солнцем была она. Теперь все вокруг стало ясно видно, освещенное ее золотым сиянием: огромная, высеченная в скале пещера, в которой трудились механизмы Господина. Вся конструкция была пронизана трубами, которые качали Живую Грязь из чанов в уплотнители, где ее сжимали герметизированные поршни и откуда она ползла дальше густой пастой, вверх по трубам, пронизывавшим скальные стены и уходившим в глубь Особняка.

Раньше это зрелище заинтересовало бы Натана, ответило бы на вопросы, которые он безотчетно задавал себе в попытке понять мир. Теперь, стоя с падающими к его ногам червями, он хотел лишь обратиться отсюда подальше.

– Туда! – Стряхнув только что народившегося червя, он показал в сторону лестницы, змеившейся между механизмами к двери в каменной стене.

– Бежим! Как только мы окажемся на свободе, я смогу перенести нас, куда мы захотим.

– К Цирку, – немедленно отозвался Натан.

– Только вот что, – проговорила Дашини, стоя с расставленными ногами, неподвижная, но напряженная, готовая ко всему. – Когда мы окажемся в городе, мы со всем этим покончим, да? Покажем Господину, кто здесь настоящий Господин! Согласен? Раздавим это яйцо!

Натану не нужно было напоминать обо всем, что он здесь видел, заставляя вновь переживать боль от того, что его вынудили сделать, призывать подумать о принесенных жертвах и совершенных

предательствах, о его мертвом отце, о трущобных мальчишках, превращенных в противоестественных существ.

Тихо кивнув ей, он ответил:

– Согласен.

Интерлюдия

Множество разнообразных чудес доступно собачьему восприятию – гораздо больше, чем, скажем, те, которыми наслаждается человек. Поскольку чувства собаки и человека разнятся не только числом и интенсивностью, они и используются весьма по-разному. Подумайте о том, как человек стоит, выпрямившись: он думает, что такая позиция возносит его над землей, но ведь значительная часть происходящего случается вблизи соединения существа и мира, на уровне земли, а его чувства и без того достаточно скудны в сравнении с собачьими, особенно в отношении запахов. Такая недостаточность собственных возможностей служит причиной того, что человека зачастую отталкивают определенные ароматы, поскольку он не знает их происхождения и боится того, чего не знает. Поддаваясь своему страху и идя на всевозможные уловки, чтобы избежать того, что его вызывает – вплоть до вставания на задние ноги и расхаживания на них весь день, с опасностью повредить себе спину, – он отделяет себя от многих полезных, а возможно, также и прекрасных граней мира, ибо красота и польза далеко не всегда находятся в противоречии, и некоторые философы склонны даже увязывать одно с другим.

Подобная критика не может быть направлена на собак – по крайней мере, на весь их род: как правило, они с энтузиазмом исследуют источники всех запахов, как знакомых, так и незнакомых. Они утыкаются мордой в заинтересовавший их объект, втягивают в себя воздух – и один этот вдох привносит целую вселенную новых ощущений в их сенсорный аппарат, где эти ощущения сортируются, кодифицируются, осознаются и служат источником удовольствия. Люди в своем невежестве не признают этот факт, отказываются его понимать и предпочитают делать вид, будто их преданные спутники, рысцой бегущие рядом, есть нечто низшее и вульгарное.

А может быть, как раз наоборот?

Собаки, в отличие от людей, – животные общественные; они не имеют привычки представлять самих себя перед собой же в виде каких-то высших существ, но предпочитают относиться к окружающим в духе, способствующем всеобщему благополучию. А

если бы они все же вообразили себя таковыми – лучшими, чем те, с кем им довелось делить этот мир, – то смогли бы увидеть в поведении людей много такого, что заставило бы их еще ухудшить свое мнение о них. Однако они этого не делают, и разве это не является знаком возвышенности чувств – когда некто отказывается обращать внимание на низшие аспекты жизни? И разве неверно и обратное – что навязчивое стремление видеть во всем вульгарность есть удел существ вульгарных? Итак, подобные обвинения не могут быть направлены на собак, поскольку они предпочитают игнорировать недостатки поведения своих «владельцев», вместо этого стараясь всегда вытаскивать других из грязи.

Одолеваемый размышлениями подобного рода, говорящий пес по имени Анаксимандр сделал глубокий вдох и принялся исследовать ароматы, неизбежные в заднем помещении трущобной распивочной, где он разорвал на куски одного из посетителей, окропив стены и пол его кровью. Анаксимандр сделал это, защищая свою столь недавно завоеванную свободу, но тем самым он возложил на себя обязательство такого рода, которое свободный пес должен исполнить, если не хочет заслужить дурную репутацию.

В помещении оставались запахи пятидесяти мужчин и по меньшей мере стольких же женщин. Перед внутренним взором Анаксимандра ясно вырисовывалась вся их стая: одни – больные и смиренные, другие – здоровые и сердитые, кто-то помешался в уме, кто-то ждет ребенка, кто-то трудится не покладая рук, кто-то скоро умрет, одних соединяют отношения, другие одиноки – и все это говорили ему их запахи.

В комнате присутствовали ароматы цвета их волос: сахарный – рыжеволосого мужчины, уксусный – тощей блондинки, восковой – жгучего брюнета. Чувствовались и пряные оттенки запахов их кожи. Гниловатый, говоривший о плохой печени, резкий, напоминавший о физических упражнениях; запах натруженных мышц, который можно было более или менее назвать соленым. Анаксимандр мог сказать, где эти люди побывали, насколько регулярно они посещают распивочную, живут ли они поблизости или забрели сюда из дальних кварталов города. Большинство передвигалось по одним и тем же улицам, день за днем копошась в Живой Грязи; у некоторых были причины посещать Торговый конец – такие приносили с собой дым горящего в каминах

угля. Очень немногие хранили запахи других мест, помимо Мордю. Каждый из этих людей взаимодействовал с помещением по-своему: одни прислонялись бедрами к краю стола, другие протирали ботинками лысые пятна на ковре; одни заглядывали за картину на стене, чтобы посмотреть, что там, другие прижимались носами к оконному стеклу.

Учитывая обширность информации, имеющейся в собачьем распоряжении, а также соседство этой информации с точностью наблюдений и связь этих вещей с познанием, как и сходство между таким познанием с утонченностью чувств, – чем можно объяснить мнение людей о собаках как о существах «вульгарных», помимо невежества со стороны людей?

Более того, можно было сказать, что, помимо присутствовавших, комнату наполняла труппа актеров, чья пьеса давно закончилась, а занавес опустился (имея в виду тех мужчин и женщин, что когда-либо побывали в этой распивочной, но давно ее покинули), и тем не менее Анаксимандр обладал настолько живой памятью, что все, что они собой представляли, и все, что они делали в своей пьесе, было словно выжжено в его мозгу. Жизни этих людей накладывались на жизни тех, кто находился здесь сейчас, сосуществуя в одном и том же месте; каждый производил собственные действия в собственном времени, создавая собственный запах, и чтобы ощутить все эти запахи, ему хватило одного вдоха.

Все эти вещи он уловил за одно мгновение, словно перед ним положили сотню листов кальки, каждый с собственным изображением, один поверх другого, так что он мог рыться в них, листать их, отмечая, какое изображение темнее, а какое светлее; и все это в целом отражало мотивы и поступки людей, как находящихся здесь, так и давно ушедших; все рассказывало о мире, как он есть, и о том, как лично он, Анаксимандр, должен в этом мире действовать.

А люди не имеют понятия ни о чем подобном лишь потому, что не хотят использовать собственное обоняние! Ну и кто здесь «вульгарный»?

– Ну? – обратилась к нему хозяйка распивочной. – И чем же ты предлагаешь выплатить свой долг?

Она была больна: в ее черепе разрасталась злокачественная опухоль, которая давила на железу, выделявшую соки со сладким

мускусным ароматом. Близость можжевельных ягод, на которых женщина настаивала свой джин, скрывала этот аромат – по крайней мере, скрывала для брезгливого человеческого носа; для собачьего этот запах был яснее ясного. Анаксимандр предпочел держать эту информацию при себе, поскольку в сплетении запахов этой комнаты было что-то, напоминавшее о Натане Тривзе: его матери, его отце и их знакомых, а вместе с ними о людях, живущих насильем (последних можно было узнать по засохшей крови под ногтями, порошок которой они оставляли на поверхности мебели, прикасаясь к ней, на бокалах, из которых пили).

Поэтому, когда хозяйка распивочной спросила Анаксимандра, что он может для нее сделать, он не стал сразу говорить о том, что может распознать ее болезнь, или предлагать какие-либо другие услуги. Он предпочел держать свои карты при себе, поскольку очень скоро ему стало понятно, что, по всей видимости, на кону стоит нечто другое – нечто, превышающее выплату незначительного долга.

Поэтому он просто спросил:

– А что вам нужно?

В комнате, оставшейся позади, его коллега Сириус и остальные собирались уходить – и Анаксимандр знал, что, какой бы службы от него ни потребовала хозяйка, имелась и другая, более важная служба, которую он мог сослужить новому хозяину Сириуса. Уходя, Сириус, вероятно, должен был ощущать все это, ведь его чувства были магически расширены до такой степени, о какой Анаксимандр мог только мечтать – способность к речи занимает огромное количество свободного пространства в собачьем мозгу, а у Сириуса подобного препятствия не было, – но все же Сириус не стал передавать ему, что они уходят, и это дало Анаксимандру толчок к дальнейшим действиям: ему хотелось поразить своего компаньона.

Это был новый мир для них обоих, и они оказались брошены в него после долгого и утомительного заточения в купеческом доме, что породило между ними как чувство близости, так и некоторую отстраненность: каждый представлял для другого все пространство знакомого мира и все его предательские ограничения из их прежней жизни. Теперь им представлялась возможность развить свои отношения, а для Анаксимандра – продемонстрировать, что в этом новом спектре возможностей они оба могут получить каждый свою

роль как индивидуумы, а также как созависимые агенты. В конце концов, кто знал этих собак лучше, чем они знали друг друга? Кто мог предоставить им поддержку и понимание, столь нужное каждому из них? Но вместе с тем – кто еще мог быть настолько подавляюще знаком, кто мог настолько напоминать якорь, цепляющийся за шаблоны прошлого?

А много ли в мире других волшебных псов? Каковы бы ни были преимущества собачьего существования, в нем имеются и явные препятствия – в первую очередь это естественная недостаточность охвата собачьего ума по сравнению с человеческим, подобная превосходству собачьего ума в отношении кошачьего, или кошачьего по сравнению с мышинным, или мышинового в сравнении с муравьиным, и никакое развитое обоняние не способно это возместить. Пес не может, например, написать поэму, нарисовать фреску или спроектировать здание, поскольку все эти вещи находятся вне сферы его понимания. Не может он и чувствовать себя в полном согласии с миром, который смотрит на него как на существо низшего порядка.

Все эти вещи, мягко говоря, расстраивают и лишают присутствия духа. Поэтому псы должны держаться вместе и помогать друг другу, чем только могут.

Хозяйка распивочной, повернувшись к Анаксимандру спиной, подошла к стоявшему у стены буфету; при каждом ее шаге внутри позвякивали бутылки. Она открыла дверцу, и та тоже задребезжала плохо пригнанным стеклом. В отличие от остальной комнаты на содержимом буфета – бутылках с разлитым в них джином различной степени выдержки – нельзя было увидеть ни единой пылинки; напиток в них был приготовлен только что, у него едва хватило времени, чтобы приобрести наименование «джин», не говоря уже о том, чтобы как следует выстояться.

– Хочешь капельку? – спросила она.

Собаки способны переносить алкоголь – но зачем им это? Человек (очевидно, из нежелания жить собственной жизнью) прибегает к любым возможностям заглушить получаемые от нее скудные ощущения при помощи любых средств, какие попадают под руку (горячительных напитков, других людей, драк, размножения), лишь бы мир на какое-то время стал для него тусклым, размытым. Пес же – чья жизнь почитается столь малозначительной, что ее применяют для

самых тривиальных целей (их разводят ради игорной забавы или выведения потомства, в качестве охранников или украшений дома), не может себе позволить притуплять свои чувства. Они могут ему понадобиться, чтобы обеспечить собственную безопасность; и даже в драке пес предпочтет ощутить боль, нежели совсем ничего. Ведь разве отсутствие чувств не похоже на умирание? И разве, таким образом, притупление чувств не ближе к смерти, нежели любое, даже самое неприятное ощущение? А так как смерть хуже, чем жизнь, то, следовательно, отупление хуже, чем высокая чувствительность, каковы бы ни были обстоятельства.

Однако разве хоть один человек живет подобным образом? Поэтому Анаксимандр с подозрением относился к пьедесталу, на который возвели себя люди и который казался ему попыткой скрыть что-то от мира и самих себя: человек не может гордиться собой и одновременно усердно вычеркивать себя из жизни при помощи бесконечного поглощения крепких напитков.

Ввиду всего сказанного, Анаксимандр не испытывал желания принимать «капельку», предложенную ему хозяйкой, но в то же время не хотел показаться неблагодарным, поскольку понимал, что люди больше всего ненавидят выглядеть незначительными в глазах окружающих. Поэтому он попросил хозяйку налить ему вина в миску, однако намеревался лишь сделать вид, будто пьет его, а в действительности проглотить самую малость.

Хозяйка принесла миску – массивную, глиняную, с потрескавшейся и местами осыпавшейся глазурью; и когда она наклонилась, чтобы поставить миску перед ним, Анаксимандра обдало облаком ее запаха, такого ядреного, что он перебивал даже едкую терпкость налитого напитка. В этом запахе пес отметил ее сходство-по-запаху (в человеческом языке нет подходящего слова для этого ощущения) с двумя мужчинами, копошившимися и шебуршавшими за закрытой дверью слева, за хозяйкиной спиной. Это были, вероятно, ее сыновья, а может быть, племянники; они перешептывались, очевидно, считая свои голоса неразличимыми для пса, но любой пес мог бы слышать их так же отчетливо, как если бы они говорили ему прямо в ухо. Предметом их беседы был Анаксимандр, и они выражали мнение, что он принадлежал именно к такому разряду существ, какие могли бы «задать жару» человеку, которого они называли Пэджем.

Хотя выражение «задать жару» было, несомненно, употреблено в переносном смысле, оно дало Анаксимандру некоторое представление о том, что хозяйка распивочной могла попросить у него в уплату долга.

Кряхтя и держась за поясницу, женщина выпрямилась и вернулась к буфету, где налила себе бокал прозрачной маслянистой жидкости, от которой пахло персиками. Выпятив накрашенные губы, она поднесла к ним бокал и сделала маленький глоток. В этот момент Анаксимандр сказал:

– Правильно ли я понимаю: вы хотите, чтобы я убил Пэджа?

Хозяйка поперхнулась, обдав комнату облаком мелких ароматных брызг, словно пыталась подражать его бывшей хозяйке, когда та, взяв с туалетного столика распылитель, опрыскивала свой будуар духами, дабы придать воздуху более удовлетворительные для нее качества.

– Откуда ты знаешь про Пэджа? – спросила хозяйка распивочной, когда вновь обрела самообладание.

Анаксимандр достаточно представлял себе повадки людей, чтобы понимать, что отвечать правдиво и подробно даже на самые простые вопросы не только не нужно, но и нежелательно и что для пса нет никакой пользы раскрывать все, что он знает, поэтому, вместо того чтобы познакомить ее с полным перечнем своих способностей, он сказал просто:

– Я не против совершить покушение на его жизнь, но не могу гарантировать успех. Это могущественный человек?

Хозяйка презрительно фыркнула, но в выделениях ее слюнных желез различалась струйка страха, ощущение неуверенности, противоречившее пренебрежительному взмаху ее руки. За дверью послышался звук ушей, прижимающихся к деревянной панели (тихое чмоканье ушных раковин), а затем мягкое биение пульса, передающееся дереву через кожу подслушивающих. Двое ее сыновей затаили дыхание.

Из всего этого Анаксимандр заключил: в Пэдже было нечто, внушающее этим людям страх, и они полагали, что, если расскажут ему все, что знают о Пэдже, он может уклониться от предлагаемого поручения.

Пока хозяйка подыскивала ответ, двигая языком деревянный зубной протез с одной стороны рта на другую, Анаксимандр размышлял о том, превосходят ли его способности, каковые

определялись наведенными Господином эманациями и его собственными врожденными качествами, представления этих людей о его способностях или, напротив, превзойдены ими. Он занимался этим, поскольку это могло позволить ему оценить риски, связанные с подобным заданием, и степень приготовлений, необходимых для обеспечения успеха. Понимая, что эти люди были свидетелями того, как он выпустил кишки посетителю распивочной, и что это дало им минимально возможное основание для предположений о его мастерстве в поединке, он все же не был уверен, насколько далеко распространяется их воображение и где пролегают его границы.

Убранство общей комнаты распивочной говорило о серости и бесцветной унылости духа, однако в том, что касается жестокости и насилия, это еще ничего не значило, поскольку есть много людей, не обладающих большими способностями к пониманию эстетических удовольствий, однако весьма талантливых в отношении способов и средств ведения боя (фактически весьма вероятно, что человек, обнаруживший в себе недостаток первого, находит утешение во втором). Следовательно, он мог представляться им чем-то наподобие того, как завзятый игрок представляет себе затравленного медведя, и это было бы серьезной недооценкой его способностей; но что, если это было ближе к тому, как ребенок представляет себе дракона или великана, обладающего неизмеримыми силами?

Взвесив про себя все эти возможности, Анаксимандр пришел к заключению, что он может потягаться с этим Пэджем, кем бы тот ни был. Хозяйка распивочной, однако, пребывала в упрямом молчании, словно для нее этот вопрос оставался открытым и Анаксимандр не был недостижим для сомнений, подобно любой собаке, пусть даже обладающей интеллектом.

Нетерпение, впрочем, тоже было ему не чуждо.

– Я в любом случае возьмусь за эту задачу, – проговорил он, видя, что хозяйка продолжает уклоняться от ответа. – Однако, если она окажется чересчур затруднительной, я вернусь сюда и предложу вместо нее какие-нибудь другие, более подходящие услуги.

Хозяйка принялась в сомнении поглаживать подбородок.

– Нет ли в вашем распоряжении каких-либо принадлежащих этому человеку предметов, на которых мог остаться его запах? – продолжал Анаксимандр. – Или, возможно, у вас имеется карта, на

которой указано его местонахождение в настоящий момент или хотя бы места, где он часто бывает? Если вы не можете предоставить ни того ни другого, возможно, вы могли бы дать мне его детальное и точное описание?

Хозяйка молча показала на стену. Линия, продолжавшаяся от кончика ее пальца, проходила через воздух и упиралась в написанную маслом картину, от которой сильно пахло скипидаром. Помимо этого, на ней угадывался слабый запах человека.

– Он дал вам эту вещь лично? – уточнил Анаксимандр.

Хозяйка кивнула. Пес объединил оставшийся на раме запах с изображением на холсте: оно показывало пухлого, круглолицего человека с копной маслянистых кудряшек, обрамляющих физиономию.

– И вы желаете его смерти? – продолжал Анаксимандр, чтобы исключить любую возможность недопонимания.

Хозяйка снова кивнула, продолжая молчать, словно боялась, что ее могут подслушать, или попросту не была способна облечь подобную идею в звуки.

Остаться здесь дальше не имело смысла, поэтому Анаксимандр направился напрямик к выходу. Это доставило женщине и ее сыновьям явное облегчение – весьма заметное для собаки, поскольку умственное расслабление ведет к расслаблению мышц, в том числе мышцы сфинктера, что в свою очередь способствует выводу из прямой кишки бактериального газа в небольших, но легко распознаваемых количествах. Следует отметить, что кишечная флора придает такому газу аромат, уникальный для каждого человека, и Анаксимандр не преминул запечатлеть эти запахи в своей памяти.

Оказавшись снаружи, он не обнаружил заметных следов запаха нужного ему толстяка; здесь преобладали ароматы хозяйки и ее сыновей. Любой пес, оказавшись в каком-либо месте, может ощутить присутствие либо отсутствие любого побывавшего здесь существа или вещи, а также направление, в котором они удалились, до такой степени, какую люди не способны представить, не прибегая к метафорам и сравнениям. Поскольку человек – существо, живущее главным образом в визуальной сфере, то и метафоры из этой сферы для него наиболее уместны; поэтому представьте перед собой сплетение тысяч сходящихся к вам отовсюду нитей, каждая из которых

имеет свой цвет и свою толщину, и каждая до бесконечности продолжается в пространстве. Сосредотачивая внимание на одной нити, вы заставляете ее стать толще, ее цвет – ярче, и также эти изменения затрагивают расстояние, на которое вы можете проследить эту нить, змеящуюся от вас. Нити пересекаются между собой, но не заслоняют видимые объекты окружающего мира и взаимодействуют с другими его сторонами – звуками, текстурами, температурами, – а также всеми возможными способами переплетены с вашим прошлым опытом. Если бы вы обладали подобным видением и могли снабдить каждую из этих нитей собственным именем, для вас было бы гораздо проще определить, где находятся в любой конкретный момент ваши знакомые.

Поскольку же Анаксимандр был волшебной собакой, созданной Господином Мордью и снабженной дополнительными чувствами (например, способностью ощущать близость магии), то, выйдя на улицу, он сразу же получил устойчивое впечатление относительно того, куда ему необходимо двигаться, для того чтобы исполнить свой долг перед хозяйкой распивочной. Это не было тем туманным ощущением, какое случается у кого-нибудь, когда тот гадает, чем ему заняться дальше, – нет, это было чувство того, кто видит желаемую вещь и способен двигаться по направлению к ней. Анаксимандр ясно различал путь, которым шли хозяйкины сыновья, отправляясь вместе в Торговый конец, к находящемуся на большом отдалении источнику магии, и этот путь был усеян насилием.

Анаксимандр двигался быстро, держа нос в дюйме от земли, избегая, по возможности, мертвожизни и Живой Грязи, не подходя к кострам и держась подальше от трущобных жителей, за исключением тех случаев, когда находил в их запахе некоторое сходство с теми, что интересовали его на данный момент (тогда он поворачивал к ним голову и на ходу втягивал в себя воздух).

Металлическая ограда предназначена для предотвращения прохода людей и в этом смысле превосходно справляется с задачей; но она вовсе не рассчитана на собак, ввиду чего Анаксимандр сумел осуществить быстрое и беспрепятственное перемещение из трущоб на охраняемую территорию Торгового конца. Когда трущобы остались позади, притупляющее влияние мертвожизни с ее непрерывным обретением и утратой существования, магия Живой Грязи, из которой

эта мертвожизнь возникает, и порождаемое ими монотонное однообразие мира (нечто подобное можно испытывать ночью или же на морском берегу, когда рядом присутствует что-то настолько огромное, что притупляет всякую определенность, за исключением лишь самых выразительных объектов и явлений) бесследно исчезли на входе в Торговый конец. Не было больше мертвожизни, не было Живой Грязи; даже здешние жители прятались за своими стенами, в своих домах, возле своих каминов. Замутненность чувств, присутствие которой Анаксимандр даже не полностью осознавал, рассеялась, позволив ему с гораздо большей точностью ощущать то, что он хотел знать.

Он поднял голову: перед ним больше не было препятствий. Теперь запах толстяка стал очевидным, соединившись с нитями, за которыми следовал пес, принадлежавшими сыновьям хозяйки, а теперь к ним добавились еще и нити Тривза и его товарищей, чьи запахи, казалось, поднимались от самой земли, проникали сквозь почву, смешиваясь со зловониями испражнений и гнили.

Собаки, как правило, не умеют читать (Анаксимандр был исключением), не имеют они также представления о коммерческой активности, в которую люди вкладывают столько усилий; так как в собачьей среде не ведется торговля, не используются деньги и никогда не слышали о ростовщичестве, поэтому собакам недоступно естественное понимание таких мест, как магазины, банки и ломбарды, или же заведений, предоставляющих своим клиентам определенные товары или услуги (например, прачечных или портняжных мастерских). Ввиду всего сказанного Анаксимандр не обращал большого внимания на вывески, хотя и заметил мимоходом, что его жертва имела какие-то взаимодействия с подобными местами.

От одного из таких заведений прямо-таки разило толстяком (впрочем, слово «разило» имеет уничижительный смысл, а собаки не судят о запахах так, как это делают люди), а также смертью, гниющим мясом и разложением, кровью и насилием; чувствовались здесь и более слабые ароматы, такие как страх, гнев и зависть. В отсутствие вездесущего воздействия Живой Грязи подобные вещи ощущались гораздо отчетливее, равно как и степень взаимодействия запаха толстяка со всеми этими другими запахами, она оказалась настолько велика, что Анаксимандр был готов предположить: толстяк имел то

или иное отношение к возникновению всех этих факторов, настолько он оказался неразделим с запаховым образом этого места.

Остановившись в некотором отдалении, Анаксимандр прислушался – на этой дистанции слух мог принести ему бóльшую пользу, чем прежде, когда было сложно отделить осмысленное от бессмыслицы, ибо звуки, в отличие от запахов, преходящи и не остаются надолго. Собаки способны с легкостью различить звуки, исходящие от органических и неорганических источников. Лязг приборов, стук тарелок, поток текущего по трубе газа и его возгорание в конечной точке – все это Анаксимандр без труда отделял от разговоров, отрыжки, смеха и (в одном случае) плача. Этот последний звук исходил из деревянного строения: его крыша виднелась над стеной, за которой располагалось гниющее мясо.

Анаксимандр обошел эту стену по периметру, не заходя внутрь, ибо опасался, что его заметят, но слушая и обоняя с величайшим вниманием.

Во всем, даже в слезах, присутствует аромат, характерный для конкретного человека, пусть даже сильно разбавленный и подсоленный; и ему было ясно, что плачущим человеком был толстяк. И поскольку по запаху можно также определить настроение, Анаксимандр тотчас понял, что толстяк напуган и испытывает сожаление о содеянном (это должно было иметь непосредственное воздействие на его гнев, который мог вспыхнуть мгновенно и яростно).

Задняя дверь была заперта на висячий замок, поэтому Анаксимандр вскарабкался на стену и спрыгнул во двор.

Большими скачками он понесся к строению. На бегу, не задерживаясь ни на секунду, он определил по запаху, что внутри находится нечто, имеющее весьма близкое отношение к Тривзу, или, если быть точным, к его родителям, или, еще точнее, к его матери (запах был похож на Тривза, но преобразован согласно требованиям пола; он нес в себе признаки определенного типа метаболизма, характерного для мальчика, но так, словно принадлежал взрослой женщине). В помещении находился какой-то принадлежащий ей объект, и с ним что-то делали – волны запаха доносились то сильнее, то слабее, соответственно его перемещениям.

Под давлением тяжелых Анаксимандровых лап дверь распахнулась вовнутрь, скребя гвоздями по доскам пола и оставляя царапины на лакировке. Внутри был Пэдж, в точности такой, каким он был изображен на хозяйкином портрете. Перед ним лежал свиток; Пэдж разглядывал письма в ювелирскую лупу, то и дело вытирая нос, чтобы капля не упала на сухой пергамент.

Пэдж повернулся на шум, оторвавшись от своего занятия.

– Какого... – начал он, но Анаксимандр прервал его:

– Мне было поручено, во исполнение взятого на себя обязательства, лишить вас жизни. Чтобы облегчить эту задачу, прошу вас повыше поднять подбородок: так мне будет удобнее вырвать вам горло.

Анаксимандр не рассчитывал, что такое начало беседы приведет к желаемому результату; он сказал это только для того, чтобы выиграть время, пока его собеседник будет составлять и оглашать неизбежный ответ, чтобы как следует исследовать комнату во всех деталях, которые были весьма замысловатыми.

Здесь присутствовали следы магии, смерти, половых соитий, ненависти, любви, печали, приходов и уходов десятков людей, денег и долгов, разочарований пожилого возраста и неуместного энтузиазма молодости, бедности и богатства, предательств и заговоров, неумеренно употребляемых горячительных напитков, редких видов грибов, специй, засахаренных фруктов – и на фоне этого, затмевая и окутывая все впечатления, витал прогорклый, тошнотворный запах сливочного масла, которое оставили на жаре, затем охладили, снова разогрели и снова охладили и так раз за разом, пока оно не испортилось окончательно. Этот запах исходил от самого Пэджа, заливавшего им маленькую комнатку в таких количествах, что у Анаксимандра сдавило горло.

Наиболее насущным вопросом, однако, был свиток – и причина, по которой от него пахло матерью Тривза.

Пока толстяк открывал рот, собираясь заговорить, Анаксимандр сделал шаг вперед. Зрение обычной собаки, не подвергавшееся изменениям, не обладает такой остротой, как, скажем, зрение ястреба (последнее настолько отточено, что позволяет видеть биение мышиноного сердца в артерии на шее зверька, прячущегося посреди поля зрелой пшеницы в сотне ярдов ниже самого ястреба, реющего в

небе), но собачьи глаза, волшебным образом усовершенствованные, изменены в сфере контрастов таким образом, чтобы иметь возможность читать на большом расстоянии. Это бывает полезно в самых различных ситуациях, прежде всего давая собаке возможность разбирать письменные инструкции, оставленные ее хозяином, а также для понимания и диктовки простых заклинаний, таких, как те, что предназначаются для охраны от грабителей, и таких, к которым можно прибегать *in extremis*^[6], в случае, если физических способов защиты окажется недостаточно, дабы обеспечить выполнение псом его обязанностей. По этой причине Анаксимандр был способен с одного взгляда прочесть неразборчивые и малопонятные письма, нанесенные на пергамент одним сплошным массивом, даже несмотря на то, что они выглядели весьма архаично и не согласовывались с общепринятыми нормами (так, например, многие буквы, которые можно было бы ожидать увидеть, были заменены вариантами, давно вышедшими из употребления, или такими, которые никогда не имели распространенного хождения).

Говоря вкратце, свиток представлял собой акт передачи собственности, описывавший, как следует распорядиться различными территориями, зданиями, правами, товарами и движимым имуществом в случае предположительной или подтвержденной смерти некоей Клариссы Делакура (так звучало ее краткое именование; в акте указывалось множество других имен, как собственных, так и полученных вместе с титулом), которая, если верить документу, владела большинством доходных предприятий в Торговом конце и почти всеми патентами, согласно которым могла осуществляться торговля между Мордью и миром, существующим за пределами Морской стены. Этот мир оказался неожиданно обширным для Анаксимандра – в свитке перечислялись сотни названий других городов, что за одно мгновение вызвало у него, как назвали бы это философы, «смену парадигмы», поскольку до этого времени он считал Мордью почти всем, что есть в мире, по крайней мере в практическом отношении; но теперь ему пришлось пересмотреть свои воззрения. Эти патенты были дарованы ей навечно и не могли быть оспорены ничьей властью – даже властью Господина; подобные права опирались на отсылки к договорам и контрактам, восходившим к тем временам, когда еще не было обычая вести какие-либо записи, но удостоверялись

существованием печатей и знаков, находящихся в распоряжении и на хранении у семейства Делакруа и доступных для проверки по договоренности с теми, кто желал бы убедиться в их подлинности. Это тоже заставило Анаксимандра внести поправки в свои представления, ибо он всегда полагал, что Господин управлял системой, которую создал сам.

Впрочем, у него не было достаточно времени, чтобы как следует обдумать эти новые факты: Пэдж заговорил, нарушив тишину, необходимую для развития мыслей.

– Обязательство, говоришь? – переспросил Пэдж, скатывая свиток; вероятно, он заметил, что тот привлек к себе внимание пса.

Но Анаксимандр уже увидел все, что ему нужно было увидеть, и уже прослеживал уникальный запах свитка вдоль линии, уводившей прочь из комнаты. У него имелось рабочее предположение, что пергамент был принесен сверху, с холма, оттуда, где находились лучшие дома Торгового конца, внутри одного из которых он еще недавно был вынужден служить. После того как с текущим делом будет покончено, он собирался разыскать то место, где этот свиток находился прежде, отправиться туда и разузнать точное значение написанного на нем, поскольку существовала связь между свитком и, через мать Тривза и самого Тривза, обетом службы его сотоварища, Сириуса. Пока что свидетельства предполагали, что мать Тривза и была этой Клариссой, а сам Тривз – названным бенефициаром завещателя.

Тем не менее оставалось еще обязательство, данное им хозяйке распивочной, а Пэдж задал ему вопрос. При данных обстоятельствах – под угрозой смерти, исходящей от крупной волшебной собаки, да и любого подобного существа, – большинство знакомых Анаксимандру людей начало бы издавать запах человека, боящегося за свою жизнь, который весьма легко распознать. От Пэджа, однако, не пахло ничем таким, чем не пахло до того, как угроза была произнесена, словно подобная перспектива ничуть его не беспокоила; возможно, он чувствовал легкое любопытство, но определенно не слишком сильное.

Анаксимандр не мог откровенно рассказать все Пэджу, поскольку это выдало бы хозяйку распивочной (а вместе с ней и ее сыновей), являющуюся в данном случае его нанимателем, пусть и

второстепенным, вследствие чего он должен был принимать во внимание любые аспекты, которые могли отразиться на ней и причинить ей неудобства; однако он мог по меньшей мере описать вопрос в общих чертах, чтобы по реакции Пэджа оценить вероятное развитие их отношений.

– Совершенно верно, – отозвался пес. – Я согласился выполнить некое обязательство, во исполнение которого должен буду предоставить свидетельства вашей гибели.

Пэдж облизнул губы и кивнул:

– Понятное дело, у человека полно врагов, особенно в таком деле, как мое: постоянно вступаешь в конфликты с людьми как раз такого сорта, какие способны нанять диковинного зверя, чтобы он выполнил за них грязную работу. Ну что ж! У меня есть предложение. Бывает, что люди выкупают долги других людей, надеясь, что им удастся взыскать их там, где это не удалось первоначальному заимодавцу. Точно так же можно выкупить и данное другим человеком – или собакой – обязательство. Я куплю у тебя обязательство убить меня, ты вернешься к своему нанимателю и дашь ему ту цену, которую заплачу тебе я. Таким образом ты выполнишь свое обязательство общепринятым и удобным путем взаимного обмена. Ну, что скажешь? За ценой не постою!

Анаксимандр сразу же распознал уловку: под столом Пэдж заряжал пистолет, двуствольный; запах пороха добавлял наполнявшим комнату миазмам перечный оттенок.

– Вы можете заплатить мне этим свитком, – сказал пес, не столько надеясь, что цена будет принята, сколько для того, чтобы заставить Пэджа сделать паузу, тем самым дав ему самому больше времени для действия.

Пэдж действительно остановился, и поскольку его мозг, в отличие от Анаксимандра, не подвергался магическому усовершенствованию, его анализ разнообразных возможностей протекал гораздо медленнее, сопровождаясь подергиванием за кудряшки и разглядыванием результата в маленькое зеркальце, которое он достал из кармана. В любом случае его рефлексы были гораздо медленнее. Анаксимандр прыгнул на него через стол, выпустив когти и обнажив зубы, угрожая сразу по двум фронтам: нанести вред либо свитку, либо самому Пэджу.

Пэддж поднял пистолет и выстрелил, но уже после того, как левая передняя лапа Анаксимандра толкнула его правую руку, так что прицел оказался сбит и пуля, назначенная для сердца пса, попала ему только в плечо. Подобное ранение могло бы помешать человеку или любой другой собаке, но не Анаксимандру, которого воспитали рассматривать подобные случайности как мелкие неудобства; и в самом деле, он использовал прилив ярости, какой обычно возникает от боли, чтобы крепче стиснуть зубы на шее своего противника. К несчастью, шеи на этом месте не оказалось: спустя долю секунды после выстрела Пэддж повернулся, и зубы пса впустую щелкнули друг о дружку.

Даже волшебная собака подвержена законам физики, диктующим действия импульса, тяготения, инерции и тому подобного, ввиду чего, хотя там, куда прыгнул Анаксимандр, Пэдджа больше не было, пес продолжил двигаться в выбранном направлении до тех пор, пока не встретился с полом, а также с несколькими другими разнокалиберными предметами. Когда он повернулся, намереваясь продолжить атаку, перед ним стоял толстяк, самодовольный и лоснящийся, с направленным на него пистолетом.

За те несколько секунд, пока Пэддж собирался заговорить, а слова проявлялись на его губах, Анаксимандр вычислил, что вероятность осуществления смертоносного нападения на этого человека и тем самым выполнения требований, предъявленных к нему хозяйкой распивочной, по-прежнему высока, однако ценой почти наверняка будет жизнь самого Анаксимандра – исход, несомненно перевешивающий взятые им на себя обязательства, которые в конце концов заключались всего лишь в возмещении уборки ее заляпанного кровью заведения.

Кроме того, необходимо было принять в расчет и новый фактор, возникший с появлением свитка и, похоже, превосходивший по значимости его предыдущую миссию. К тому же он ведь совершил добросовестную попытку выполнить то, что требовала от него хозяйка, даже потерпев при этом личный ущерб. Эти три соображения, по его представлению, совместно с данной себе клятвой выполнить свое обязательство когда-нибудь в другое время (хозяйка ведь не оговорила, в какой срок ей желательно видеть завершение его работы) позволили ему ретироваться без отлагательств, что было наиболее безопасным направлением действий.

Губы Пэджа наконец сформировали первый звук, но Анаксимандр не имел желания слышать, как он будет произнесен. Пес метнулся под стол и опрометью кинулся в открытую дверь, закрыв свой слух и для слов, и для выстрела из второго ствола пистолета, хотя он не мог игнорировать жгучую боль в задней лапе, куда попала пуля. К счастью, лапа была с противоположной стороны от раненого плеча, что давало возможность совершить побег, ведь если бы раненой оказалась другая лапа, это лишило бы его равновесия, опасно затруднив передвижения.

Чувство боли представляет собой систему, благодаря которой ум, обитающий в теле, получает предупреждение о нанесенном этому телу повреждении, на которое он должен обратить свое внимание. Будучи невелико, повреждение кажется лишь неприятным или невыносимым, если нанесенный ущерб серьезен, но в обоих случаях функция ума состоит в том, чтобы убедить получившего повреждение заняться восстановительными работами. Если это невозможно (скажем, получивший повреждение не способен его исправить или ситуация препятствует необходимым для этого действиям), то нет большого смысла в том, чтобы продолжать и дальше ощущать боль; тем не менее боль продолжает ощущаться, а следовательно, наделенному интеллектом псу ничего не остается, как ее рационализировать, то есть осознать, что да, в его плечевом суставе засела пуля, и действительно, в мясистой части его задней лапы имеется глубокая рваная рана – но все это ему уже известно, и поскольку он намерен заняться этими повреждениями при первой возможности, то, какие бы мучения они ему ни доставляли, к ним нет необходимости добавлять чувство страха, невзирая на то что чувство это также внушается ему его телом, поскольку страх являет собой превосходный способ настоять, чтобы ум занялся нанесенными телу ранами незамедлительно.

Оказавшись на некотором расстоянии от местообитания Пэджа, Анаксимандр вылизал свой круп, спрятавшись в выемке позади какого-то здания, но не стал задерживаться там надолго – лишь настолько, чтобы удостовериться, что Пэдж его не ищет. Убедившись, что непосредственной опасности нет и что он больше ничего не может сделать для своих ранений, он вышел из своего убежища и направился напрямиком туда, откуда взялся свиток. Им оказался грандиозный дворец

на самом верху Торгового конца, в непосредственной близости от Плезанса.

Хромая и, вопреки своей воле, повизгивая, Анаксимандр оставлял позади себя весьма легко различимый кровавый след, но этот след становился менее заметным, по мере того как раны подсыхали и покрывались коркой; и в любом случае его больше интересовал тот след, которому он следовал сам, нежели тот, который оставлял за собой, ибо запах свитка был теперь очень силен и становился все сильнее по мере приближения к зданию.

Поскольку присутствующая вещь пахнет сильнее, нежели отсутствующая, – а Анаксимандр знал, что свиток по-прежнему оставался в руках Пэджа и, следовательно, отсутствовал там, куда он направлялся, – запах, казалось бы, должен был ослабевать, а не усиливаться. Из этого пес заключил, что свиток сам по себе являлся лишь одним из целого ряда объектов, обладающих одним запахом, и что он мог ожидать найти один или множество подобных объектов в месте своего назначения.

Зная все, что он знал – что в свитке были изложены условия распределения богатств Клариссы Делакруа, матери Тривза; что она жила в трущобах вместе с Тривзом и его отцом (это он смог узнать по запаху); что если она жила в трущобах, а не во дворце впереди, то, скорее всего, можно было предположить, что она мертва; что Пэдж взял на себя труд раздобыть свиток, очевидно, с целью заявить ложные права на перечисляемые в нем пункты наследства, – Анаксимандр смог заключить, что имущество, принадлежавшее матери Тривза и/или самому Тривзу, с которым его коллега Сириус был связан обетом службы, находилось впереди.

Зная также, что человек – существо, склонное к приобретению и придающее большое значение накоплению и хранению вещей, и что жители трущоб не имеют ничего, но желают многого, он предположил, что, произведя разведку во дворце и составив перечень, пусть даже приблизительный, содержащихся там объектов, принадлежащих матери Тривза и / или самому Тривзу, он сможет предоставить полезную информацию Сириусу – существу, которое Анаксимандр всегда стремился удовлетворить, ибо так сложилось в ходе их совместной борьбы бок о бок друг с другом.

Так что Анаксимандр двигался дальше.

Двери дворца были крепко заперты и достаточно прочны, чтобы противостоять усилиям, доступным собаке; не мог Анаксимандр и поручиться, что, если он просто подойдет и объявит о себе, ему будет даровано право войти внутрь. Поэтому он проследовал вдоль границы территории до такого места, где стена была достаточно низкой, чтобы он смог через нее перебраться.

Он вспрыгнул на стену, вызвав протест в своих ранах и заставив открыться только что подсохшие корочки, но тотчас забыл об этом, поскольку по другую сторону стены было несколько собак. Анаксимандр не почуял их раньше, из-за того что все они были вымыты, надушены и причесаны, словно люди, ввиду чего начисто лишились собачьего запаха.

Как мы знаем, собаки в большинстве своем не способны разговаривать, но это не означает, что Анаксимандр никак не мог общаться с ними, поскольку стайные животные владеют способом коммуникации, протекающей без слов, за пределами восприятия человека (нечто наподобие обмена мыслями), и хотя такая коммуникация менее точна, нежели человеческий язык, она обладает не меньшей сложностью и может с большой эффективностью использоваться для сбора и передачи информации.

Анаксимандр спрыгнул со стены. Собаки – их было пять, все самки – окружили его и принялись обнюхивать; и хотя транскрипция обмена мыслями невозможна, поскольку он производится без слов, все же можно сказать, что их беспокоили его ранения, волновало его присутствие, восхищали его размеры, интриговал окутывавший его ореол магии, что они были искренни в своем желании хоть раз в жизни покинуть территорию вокруг дворца, подозрительны в отношении всего, неудовлетворены, голодны, недостаточно тренированы, а также обуреваемы сотней других эмоций, настолько специфически собачьих, что их никаким образом невозможно передать никому, кто сам не является собакой.

Анаксимандр, хоть он и считал себя бывалым псом ввиду своей способности к речи и участию в людских делах, почувствовал себя несколько ошеломленным в присутствии такого количества других собак, да к тому же еще и женского пола, так что на какое-то время все мысли о свитке покинули его. О том, что случилось на протяжении этого времени, пожалуй, будет лучше умолчать, ибо вуайеризм –

занятие по меньшей мере невежливое, но после того, как они покончили с делами, которые собакам представляются вполне естественными и нормальными, хоть и вызывают у людей чувство неловкости, Анаксимандр вновь вернулся к тому, зачем сюда явился. Посредством обмена мыслями он выяснил все, что было известно его новым знакомым об интересующем его вопросе, а им было известно немало, ибо у собак в этом месте почти не было занятий, помимо того чтобы сидеть тихо и выглядеть милыми, ввиду чего их умы без помех наполнялись сведениями о делах здешних обитателей.

Прежде всего Анаксимандр узнал, что свиток был похищен самим Тривзом, Гэмом и Присси – пес опознал их по мысленному отпечатку их запахов. Как он понял, это событие вызвало во дворце большую суматоху – такую, что весь привычный распорядок этого места оказался нарушен. Затем он узнал, что вскорости после этого Кларисса, которую здесь уже давно не видели, была официально объявлена мертвой и были предприняты усилия по розыску ее наследника, Тривза; и что, если его не обнаружат к концу этого сезона, большая часть богатств Мордю перейдет к ее ближайшему живому родственнику – дальнему кузену, который был хозяином этого места, и что все жители дворца последнее время только об этом и говорят, даже слуги. Когда-то Кларисса тоже жила здесь, именно поэтому он смог учуять запах ее вещей, но от нее всегда были одни неприятности, а потом она вообще плюнула на семью и сбежала со своим любовником, которого здесь не одобряли.

Помимо этого, у собак имелось много другой информации, которой они делились с Анаксимандром, попутно вылизывая его раны и всячески стараясь его успокоить. Однако Анаксимандр не мог позволить себе расслабиться: ведь он-то знал, что мать Тривза жива и что это одновременно и дает огромный шанс, и представляет собой ужасную опасность, поскольку живой человек может заявить о своих правах на богатства, но также может быть и убит, чтобы богатство досталось другому лицу. Теперь пес видел два пути дальнейшего развития событий: либо богатство перейдет к владельцу этих самок, либо оно перейдет к Тривзу. И если оно могло перейти к Тривзу, то, видимо, потому Пэдж и делал ставку на такой вариант, ведь он мог, прибегнув к своим средствам, вынудить Тривза передать права на эти богатства ему, частично или полностью; причем весьма вероятно, что

упомянутые средства будут включать в себя насилие по отношению к спутникам Тривза, в число которых входил и Сириус.

Пораженный этой последней мыслью, Анаксимандр тотчас покинул своих новых знакомых, не бросив на них даже прощального взгляда. Впрочем, он оставил им свое чувство благодарности, а они взамен наделили его чувством надежды на его возвращение.

Первым его побуждением было бежать в трущобы и разыскать мать Тривза, чтобы рассказать ей все, что он узнал, и описать свои умозаключения касательно возможных последствий, чтобы она смогла сама решить, какой образ действий будет для нее наилучшим. Однако чем дальше он бежал, тем слабее себя чувствовал. Упадок сил был гораздо более резким, нежели постепенное истощение, какое порой случается, когда в рану занесена инфекция, что часто сопровождается лихорадкой и выделением гноя из зараженного места. Обратив внимание вовнутрь и прибегнув к тем чувствительным способностям, какими обладают животные, живущие сами по себе и полагающиеся на свое тело, Анаксимандр принялся искать что-либо необычное, и у него ушло немного времени, чтобы понять, что пули, которые использовал Пэдж, состояли из отравленного сплава. Он определил это по тому, что рана на его крупе, где пуля прошла навылет, оставалась чистой, в то время как от пули, засевшей в плече, исходило ощущение металлического жжения, и это ощущение распространялось в окружающую плоть. Больше всего его беспокоили горло и шея, которые заметно распухли. Вот уже онемело и ухо с этой стороны, а за ним глаз, морда... И внезапно, в одно мгновение, Анаксимандр полностью обессилел и повалился на бок. Все, на что он оказался способен, – это заползти под прикрытие груды дров, наваленных перед дверью одного из купеческих домов.

После этого время пошло необычным образом: с одной стороны, оно тянулось мучительно медленно, с другой – ускорило; Анаксимандр то приходил в сознание, то снова уплывал в беспамятство, так что, если бы его спросили, который сейчас час или сколько он здесь пролежал, он не смог бы ответить. В какой-то момент его обнаружил служитель и вытащил на улицу – пес едва смог поднять голову, чтобы показать, что он еще жив. Дар речи покинул его; его положили на тележку и куда-то повезли – очевидно, намереваясь

избавиться от него, поскольку в конце концов он оказался вывален вместе с мусором возле границы трупоб и оставлен там. Помойные чайки внимательно его разглядывали и время от времени поклевывали на пробу.

Позорно не иметь возможности защитить себя от паразитов, и Анаксимандр лежал, переполняемый стыдом, чувствуя, как крысы покусывают его обнажившуюся плоть. Впрочем, никто из тех, кому довелось его попробовать, не сумел повторить попытки – позднее пес заключил, что яд, видимо, отравил его мясо, сделав его несъедобным; так что он смог пережить их хищнические поползновения, хотя и не имел возможности защититься каким-либо другим способом.

В какой-то момент (возможно, спустя несколько дней) ему удалось добраться до земли: куча мусора, на которой он лежал, просела под собственным весом, и он скатился в лужу Живой Грязи. Здесь он остался лежать и уже вполне примирился с подступающей смертью, ибо не ощущал никаких намеков на выздоровление и совершенно ослабел от обезвоживания.

Это чувство приближающегося конца достигло критической точки, когда, приоткрыв глаза, чтобы сделать, как ему казалось, последний вдох, он вдруг ощутил запах матери Тривза – и увидел ее, всю в белом, с вычерненными глазами и босую, идущую по направлению к нему. Широко известно, что тех, кто находится на пороге смерти, зачастую посещают видения с другой стороны, близость к которой позволяет ощущениям, свойственным этой сфере, просачиваться через границу, однако Анаксимандр, будучи существом достаточно рациональным, решил, что это, скорее, нечто вроде галлюцинации, порожденной его мозгом, когда тот, потеряв всякую надежду на спасение, обратился к последнему средству достичь желаемого, имеющемуся в его распоряжении, то есть к фантазии.

Впрочем, чем бы ни было его видение, пес собрал оставшиеся силы и прошептал: «Кларисса...», хотя бы таким образом в последний раз выражая уникальность своего существа, способного изъясняться словами и описывать мир при помощи языка.

Можно назвать это счастливым совпадением, если вы верите в подобные вещи, или же судьбой, или же магией, или действием трупа Бога в сочетании с тем аспектом его духа, которым обладал сын Клариссы Делакура; в любом случае видение действительно оказалось

матерью Натана Тривза, которая покинула свою лачугу после смерти супруга. Как Анаксимандр узнал впоследствии, пока она пестовала его раны, возвращая его обратно к жизни, Кларисса согласилась жить в трущобах лишь для того, чтобы принудить мужа использовать свою силу – однако он отказывался это сделать, чем бы она его ни искушала. После его смерти она решила вернуться в Торговый конец и ожидать там Тривза, вступившего в права своего магического наследия. Кларисса взяла Анаксимандра к себе в компаньоны, выказав недюжинную силу для женщины ее телосложения: она несла его на плечах, пока они не добрались до дома, ключ от которого был спрятан под ведром возле входа. Здесь она развела огонь и накормила пса хорошим мясом, которое купила, взяв несколько золотых монет из своего запаса.

Начиная с этого момента Анаксимандр стал принадлежать ей, связанный обетом службы; до хозяйки распивочной ему больше не было никакого дела.

Пес и его новая хозяйка большей частью сидели дома, выходя лишь ненадолго, чтобы закупить припасов (они пользовались услугами торговцев возле границы трущоб или в самих трущобах: Кларисса старалась не привлекать к себе внимания, разгуливая по Торговому концу, где ее хорошо знали ввиду ее высокого происхождения). По возвращении они занимали себя главным образом разговорами, что представляло достаточный интерес для обоих, поскольку история Клариссы сама по себе была невероятно увлекательной; и хотя Анаксимандр не знал ничего, что могло бы сравниться с ней по сложности, его хозяйка много лет не имела собеседников, ввиду чего в ней накопилось желание выговориться.

За несколько месяцев, на протяжении которых Натан Тривз содержался в Особняке у Господина Мордью (здесь можно не учитывать несоответствия во времени, прошедшем в городе и в обители Господина, хотя такие несоответствия существуют, поскольку внутреннее пространство Особняка, по словам Клариссы, расположено в «обособленной промежуточной сфере», которая не идентична «вещественной сфере», где пребывают все остальные люди), они обсудили множество клочков информации, до сего момента неизвестной Анаксимандру.

Прежде всего, он узнал, что низкое положение Тривзов в качестве трущобных жителей являлось относительно недавним поворотом в их судьбе: это подтверждало предположения дворцовых собак; но к этому добавилась информация о том, что после того, как обнаружилось, что Кларисса беременна, у Натаниэля Тривза, отца Натана, случилось нечто вроде кризиса веры, вызванного стечением обстоятельств, детали которых Кларисса пока что не желала обсуждать, и Анаксимандр не стал настаивать на этом. Каковы бы ни были эти обстоятельства, они привели к тому, что Натаниэль оставил все свои прежние дела (в чем они состояли, Кларисса опять-таки не стала раскрывать, хотя они явно имели отношение к чему-то весьма важному и значительному; по крайней мере, судя по тому, как омрачалось лицо Клариссы каждый раз, когда ей случалось упоминать о них) и расстался со всеми своими прежними знакомыми. Он взял ее за руку и отвел в трущобы, где, судя по всему, намеревался умереть от бездействия. Достичь этого оказалось непросто, и прошло больше десяти лет, прежде чем ему это удалось. Для Клариссы это был ужасно трудный период, по вполне понятным причинам. Тяжело видеть, как тот, кого ты любишь, медленно, год за годом, разлагается и распадается на части (к тому же это ужасно скучно); повседневные тяготы трущобной жизни в крайней степени утомительны; тот, кто некогда обладал высоким положением, находит трущобы отвратительными по контрасту со своей прежней жизнью; кроме того, хотя трущобы невероятно далеки от его прежней жизни, но все же не настолько, чтобы его не могли обнаружить те, кто к этому стремится; но прежде всего она вообще не видела, зачем ему так уж понадобилось делать это, когда под рукой имелись варианты получше.

Далее Анаксимандр узнал, что, невзирая на все сказанное, Кларисса не пожелала вернуться во дворец, принадлежавший ее семье, и вновь играть роль принцессы, поскольку придерживалась мнения, что подобное занятие является нелепой и недостойной тратой ее времени. С этим был связан разговор о том, чем она вообще занимается в жизни, что имело некое отношение к Натаниэлю Тривзу, Господину Мордью, Госпоже Маларкои, Богу, организации, называемой крестоносцами, еще какому-то сообществу под названием «тонтина», какой-то вещи под названием «холст», а также давнему (к недоумению Анаксимандра, из ее слов выходило, что длительность

этого периода измерялась столетиями) спору относительно превосходства того или иного аспекта из всего перечисленного. Работу по завершении этого дела Кларисса продолжила в трущобах, где проводила эксперименты, направленные на желательное для нее окончание борьбы (хотя в чем заключалась эта работа, она объяснить не стала).

В-третьих, Кларисса сообщила, что сейчас заканчивается определенный этап в истории упомянутого спора; что Натан сможет выбрать один из множества путей; что те, кто рыл яму другим, попадут в нее сами; что пришло время снимать урожай давних планов и что будет необходимо уделить внимание множеству практических вопросов. В одном из них, касавшемся того, как поступить с трупом Натаниэля Тривза, Анаксимандр вызвался помочь, однако с него была взята клятва молчания, так что больше здесь об этом ничего сказано не будет. Все, что узнал Анаксимандр относительно этого третьего пункта (жизни своей новой хозяйки), увенчивалось сообщением, что Кларисса вскоре собирается покинуть Мордью и для этого потребуются ее возвращение во дворец – место, возвращаться в которое она не имела никакого желания.

В-четвертых, одним из обитателей дворца был человек, навещавший Клариссу в трущобах, характерной приметой которого было желтовато-коричневое родимое пятно на лице; этот человек был ее далеким родственником, и хотя он постоянно делал попытки добиться ее расположения – на ее взгляд, безуспешные, – от него можно было ожидать помощи, ввиду данной им некогда клятвы, а также их общих секретов, разглашение которых привело бы к его бесчестью.

Все это было поведано Анаксимандру в таком тоне, который предполагал, что, словно в какой-либо стратегической игре наподобие шахмат, события в жизни его хозяйки и эпизоды истории Мордью следовало рассматривать как гамбиты, направленные в конечном счете на победу: это были тонкие ходы, пестрящие уловками и жертвами, атаками и контратаками, позиционированием и маневрированием, а вовсе не – как можно было бы ожидать – обычное течение бесцельного существования, характерное для жизней множества других людей. Более того, Кларисса неоднократно намекала, что в эту игру ей доводилось играть и прежде, и не один, а множество раз, и что

события недавней истории – не что иное, как известные широкой публике результаты ходов, при помощи которых игроки пытались улучшить свое положение на поле. Впрочем, она всегда уклонялась от подробных описаний, объясняя это тем, что знания, раньше времени переданные тем, кто не находится на ее уровне осведомленности, могут исказить ход дальнейших событий.

Также ни разу она не упомянула о Натане. Ее нежелание обсуждать этот предмет было настолько сильным, что Анаксимандр очень быстро пришел к пониманию: ему не следует заговаривать о роли ее сына в вынашиваемых ею планах.

И тем не менее однажды вечером, ближе к концу их пребывания в стенах дома в Торговом конце, Анаксимандр все же ненароком повернул течение беседы в эту сторону. Они сидели перед камином; толстые поленья в очаге, благодаря позднему часу, уже почти превратились в угли, когда он произнес:

– Как часто вы, должно быть, рисовали себе такой вот очаг, такое тепло и уют, пока жили в трущобах эти долгие годы!

Кларисса улыбнулась его словам. Помолчав, она ответила:

– И как часто я буду вспоминать о них, когда Натан закончит свою работу и этот город будет окончательно предан морю!

Часть третья. Пиролиз

Натан и Дашины появились посередине Цирка – как раз в том месте, где Натан некогда выудил руконога. Сколько времени прошло с тех пор? Месяцы? Годы? Текло ли время вообще там, в Особняке?

При их возникновении трущобные ребятишки поспешно побрели обратно к берегу, расплескивая волны Живой Грязи на Стрэнд. Натан не стал медлить, окидывая взглядом окружающую сцену, какой бы изменившейся она ни казалась ему нынешнему, в отличие от того нервного, замкнутого ребенка, каким он был прежде. Подобные размышления он оставил нищим, несчастным, молчаливым трущобным жителям, которые его окружали. Вместо этого он двинулся к середине Цирка, в то время как Дашины, подобрав повыше подол платья, бросилась к краю. Достигнув самого глубокого места, он погрузился в Грязь целиком, сжимая глаз Бога обеими руками. Когда Грязь залепила ему уши и сомкнулась над волосами, он потянулся к Зуду и Почесал и принялся Искрить, прибегая ко всем чувствам, которыми только обладал.

Натан знал, что должно произойти, поскольку знал, чего он хочет. В этом-то и заключался секрет: ему надо было всего лишь знать, чего он хочет, ясно представлять это в уме. Больше не будет никаких червей, никаких руконогов, никаких алифоньеров! Слишком долго его сновидения и его боль диктовали ему свои условия. Теперь руководить будет он. Дашины на своем примере показала ему, как это делается. Глаз показывал ему это прямо сейчас. Силой можно владеть. Ее можно направлять.

Из Грязи на поверхность устремились полчища палтусов, подобные Натану размером и формой, безликие, но цельные; сотни палтусов, расходящихся от него волнами. Чем больше их возникало, тем больше Грязи поглощалось ими, пока наконец в самом центре не обнаружился Натан. Он стискивал глаз так крепко, что казалось, вот-вот раздавит его; и теперь его окружала целая армия – она нарастала и кишела, безглазо уставившись перед собой.

– Да! Да! – вскричала Дашины.

Натаноподобные палтусы продолжали появляться (все новые и новые, их были уже тысячи), и хотя он чувствовал, как его плоть истончается, ему было плевать. Это больше не яма с червями,местилище его гнева и отчаяния: теперь это армия! С ее помощью он прежде всего выгонит людей из трущоб вверх, в Торговый конец, где они будут в безопасности. А потом, когда с этим будет покончено, он пошлет свою армию вниз, в Живую Грязь под Цирком. Теперь Натану было ясно: Цирк – это место, наиболее затронутое близостью Бога, место, где скорлупа Мордью наиболее тонка, где всегда были самые крупные уловы, где сила Бога имеет наибольшее могущество. Если он сможет пробить эту скорлупу здесь, дальше трещина распространится по всему городу.

Дашины поняла его замысел, по крайней мере частично. Воздев над собой «Натанов нож», она принялась петь. Через весь Мордью неслась ее песня – ко всем трущобным мальчишкам и уличным торговцам, скупщикам и ведуньям, продавцам волос и собирателям тряпок, рыбачьим вдовам и их сиротам-детешкам, к чернящим глаза женщинам и работницам «Афанасийского Храма», к хозяйкам распивочных и метельщикам, ко всем голодным, оборванным, вымазанным Грязью бедолагам, прозябающим в тени Морской стены, – перед всеми она появилась в пламени их костров и свечек, песней призывая их восстать из своего убожества и взять в Торговом конце то, что принадлежит им по праву.

Натан поднялся из Грязи и разжал кулак: глаз лежал на его ладони, белый и твердый, словно яйцо. Палтусов были уже тысячи, и все они двигались к нему, словно притягиваемые магнитом. Они тянули к нему руки, хватали его за одежду – не угрожая, но поклоняясь; и таких он наполнял Искрой до тех пор, пока они не начинали светиться голубым сиянием. Натан посылал их в трущобы, чтобы они сопровождали людей, предоставляли им необходимую помощь, устраняли любые препятствия. Глаз Бога позволял ему это сделать – вопреки воле «Запрещающего перста», вопреки воле Господина Мордью.

Люди тронулись с места, и песня Дашины превратилась в вопль радости. Она поила трущобы черным пламенем, изгоняя воду, изгоняя дождь, заставляя каждое перо огненной птицы взрываться, словно бомба, вздымая к небу столпы пара и дыма. Люди, палтусы и все

существа, которые были способны выползти из Живой Гязи, бежали от огня, с криками и плачем, торопясь убраться вверх, в Торговый конец.

– Пойдем! – крикнула Дашины.

Натан не отвечал. Она подошла к нему:

– Ну, чего ты ждешь?

Грязь, уже по щиколотку глубиной, кипела и пузырилась; все новые палтусы рождались с громкими хлопками и тут же обгорали, наполняя воздух едким дымом. Натан не обращал на происходящее особенного внимания, разве что замечал, что видит, слышит и обоняет окружающее как будто сквозь стекло или из-под воды. Все казалось каким-то затуманенным.

Дашины прикоснулась ладонью к его щеке, и он поднял голову.

– Жертвы неизбежны, Натан. В данном случае жертвой стала твоя плоть.

Она имела в виду, что Натан вновь стал бесплотным. И на этот раз не только его рука – он весь просвечивал. Его глаза были не способны улавливать столько же света, как прежде, ушной механизм был не так чувствителен к звуковым вибрациям; все в мире доходило до него с меньшей эффективностью.

– Ты становишься призраком, – ласково произнесла Дашины таким тоном, что Натан ощутил его, даже несмотря на то, что все остальные чувства ему изменяли. – Но еще не стал. Мы еще можем победить, Натан! Ты еще можешь одолеть его!

Лишь этого он и желал: победить Господина Мордю – не только ради отца или других, но ради самого себя. Натан был уязвимым ребенком, легко пугающимся и поддающимся манипуляциям, однако в нем имелись также горечь и ярость, возмущение и гнев, и эта его сторона была спасительна для первой, особенно теперь, когда у него появилась сила, чтобы ее поддержать. Какой ребенок, даже самый слабый, будучи окружен обидчиками, подвергаясь глумлению, насмешкам и тычкам, не мечтает о силе, чтобы одолеть своих врагов, чтобы они в слезах уползли обратно в свои конуры? Какой ребенок откажется убить своих преследователей, если получит такую возможность? Натан не был святым, чтобы бесконечно подвергаться издевательствам и не желать отплатить той же монетой.

Дашини вытащила «Руководство по пространственно-временным манипуляциям». Натан взял ее за руку; но когда она произнесла заклинание, оно не сработало! Она потрянула головой и попробовала еще раз, но каждый раз, хотя оно и тянуло ее за собой в глубь Торгового конца, впереди толпы, оно не могло найти Натана в достаточном количестве, чтобы на него воздействовать.

– Ты слишком нематериален для него! – воскликнула Дашини. – Придется идти пешком.

Не говоря ни слова, Натан направился напрямиком к ближайшим воротам. Дашини последовала за ним, и когда они проходили мимо костра, она швырнула «Руководство» в огонь, где оно сгорело без особых эффектов, как горит любая бумага.

Впереди было мало что видно, не считая уличного фонаря, который из-за пелены дыма светил словно сквозь молоко, мало что освещая; зато сзади накатывали волны жара, ласкавшие их затылки, ерошившие тонкие волоски на шее. Они обернулись и увидели зарево далекого пожара – огненную полосу, пылавшую словно закат. Откуда-то с той стороны доносился лязг железных ворот, громкий и настойчивый.

Они взбирались на холм – тот самый, с которого Натан некогда несся, как заяц, сжимая в руке старухин кошелек; и даже если бы дым не застилал его поле зрения, размывая формы и очертания ближайших предметов и ослепляя всех, кто мог направляться к нему, он все равно не стал бы опасаться за свою свободу. Кто теперь имел достаточно силы, чтобы удержать его? Кто мог предать его суду? Даже Господину пришлось бы побороться за это право.

Они шли узкими улочками. Дома загородились ставнями от этого странного, нежданно накатившего тумана. Стук их каблуков по булыжнику предшествовал отдаленному ропоту приближающейся толпы.

На площади, где прежде купеческие жены услаждали себя напитками, а носильщики их паланкинов в ожидании чистили свои ногти, теперь виднелась стена спин; цвета тканей проявлялись из мглы, по мере того как Натан с Дашины подходили ближе. Качество отделки, изящество покроя, парчовые рукава – все говорило о том, к какому классу принадлежали эти спины: здесь собрались торговцы со своими женами.

– Нельзя допустить, чтобы это отребье прошло через ворота!

– Ни за что на свете!

– Кому-нибудь пришло в голову проверить, надежны ли замки? Как знать, можно ли доверять работе, выполненной этими олухами?

– А кто будет проверять? Все рабочие разошлись по своим конурам.

– Что, неужели ни одного не осталось?

– У кого ключи?

– Ээ...

Из устья соседней улицы появилась группа мужчин и женщин, среди которых Натан увидел созданных им безликих палтусов. Люди несли горящие палки; руки палтусов светились собственным синеватым светом, таким же, как у Натановой Искры (быть может, менее ярким, но и этого было достаточно).

Завидев их, торговцы притихли.

С другой улицы вышла другая группа, и еще одна, и наконец площадь оказалась окружена. Теперь вокруг Натана и Дашины сновали другие – плотные тела, движущиеся, гневные; их пихали, отделяли друг от друга. Эта толпа устраняла любые препятствия, двигаясь с периодическими проблесками злого намерения, со странной заикающейся динамикой народного бунта, когда люди в один момент действуют необузданно, а в следующий останавливаются, пораженные собственной дерзостью. Повсюду в толпе виднелись Натановы голубые палтусы, направляющие людей, побуждающие их к действию.

Натан попятился к Дашины, она тоже протолкалась к нему.

– Сюда! – крикнула она.

В боковой улочке толпа гоготала и улюлюкала вокруг человека, ползавшего на коленях среди путаницы лент, катушек с нитками и мотками кружев. На белоснежных тканях темнели отпечатки грязных ботинок, многие пуговицы треснули, но он защищал их так, словно это были его дети, пытаясь сгрести к себе, ограждая своими тонкими, как спички, руками (впрочем, без какого-либо успеха).

– Варвары... Варвары! – вот и все, что он мог выговорить.

Это был тот самый галантерейщик. Толпа протискивалась мимо него внутрь его лавки, где напоказ разделялась с его товарами, с его манекенами, с его образцами первоклассной материи, швыряя их в грязь и разрывая на полосы, чтобы обмотать ими факелы.

– Прошу вас! – умолял галантерейщик, стоя на коленях.

Кто-то сунул факел в окно его лавки и принялся со смехом наблюдать за его тщетными усилиями потушить пламя, мгновенно занявшееся в его идеально сухой витрине.

Дашины схватила Натана за руку – еще достаточно плотную, чтобы за нее можно было схватиться, – и потянула в сторону.

Углубившись дальше в Торговый конец, они наткнулись на жену фармацевта, покой которой все же оказался нарушен, равно как и покой ее мужа. Толпа вытащила обоих на улицу. Фармацевт, аккуратно одетый, покорно кивал и шел туда, куда его вели, лишь изредка обращаясь к людям с вежливой просьбой, чтобы те отпустили его руку и не отрывали рукав. Его жена, в чепце и босиком, закутанная в белое хлопковое полотнище с кружевными оборками, превосходила его размерами настолько же, насколько взрослая корова превосходит теленка. В отличие от мужа она выражала свое недовольство басовитым ревом, молотя по толпе направо и налево мясистыми руками, мелькавшими в воздухе, словно ветряная мельница.

Впрочем, супружеской четой занималась лишь горстка хулиганов; остальные уже проникли в кабинет за лавкой. Они вытаскивали на улицу шкаф с лекарствами, скрежеща деревянными ножками по полу. Дверцы шкафа были украшены изящнейшей инкрустацией с изображением фармацевтических символов, выложенных шпоном из драгоценных сортов дерева со всех концов света. Когда его перетаскивали через порог, приподняв над приступкой и отпихивая норовившую закрыться дверь, баночки с лекарствами, пробирки и заткнутые пробками бутылочки со звоном и грохотом поехали внутри, сбиваясь в кучу и наталкиваясь друг на друга.

Фармацевт и его жена пытались протестовать – сперва с явным страхом, потом, хотя их страх никуда не делся, обращаясь к толпе с примиряющими улыбками, воздевая руки ладонями вверх, с выражениями на лицах, говорившими «давайте действовать разумно», «мы все здесь друзья» и «просто скажите, что вам нужно». Впрочем, если эти призывы и встречали какой-либо отклик, то лишь на ограниченном расстоянии – они явно не достигали бунтовщиков на лестнице перед бывшим домом фармацевта. Устав тащить тяжелый, богато украшенный шкаф на руках, те принялись толкать его перед собой, невзирая на неизбежную опасность падения. Как и любой объект, встретившийся с отсутствием опоры перед собой, шкаф завалился вперед и принялся съезжать по ступенькам, опасно кренясь,

дергаясь и вздрагивая, пока окончательно не потерял вертикальное положение и не грохнулся плашмя; стекла в дверцах, бутылочки, стеклянные полки, на которых эти бутылочки были расставлены, – все разлетелось вдребезги от соприкосновения с булыжной мостовой.

Оттуда, где он стоял, Натану не было видно всего, что требовалось, чтобы составить полную картину происходящего, но Дашини смогла дополнить его восприятие, правильно истолковав настойчивые движения его головы и вытянутую шею как желание знать, что случилось.

– Все лекарства высыпались на землю, бутылки и банки разбились. Жидкости собираются в лужицы, которые блестят и отражают свет (должно быть, в лекарствах содержится ртуть или драгоценные масла). Белые таблетки тоже все смешались с грязью, но люди все равно их едят. Похоже, они настолько больны, что готовы есть любую гадость, лишь бы помогло. Они сгребают таблетки с земли вместе с грязью и выбирают их оттуда зубами и языком. Кое-кто прикладывает губами к лужам с жидкостью и всасывает ее. Эти люди любят жизнь.

Фармацевт протолкался сквозь толпу. Возможно, он беспокоился за людей, а возможно, за свои драгоценные запасы, или его волновала неточность дозировки; в любом случае он стал убеждать людей остановиться. Там, где смесь различных химикатов могла содержать несовместимые вещества, или имелись побочные эффекты, которые следовало принять во внимание, или snadобья имели противопоказания, он предупреждал об этом, как того требовала его профессия. Разумеется, его никто не слушал.

В Зоологическом парке складывалось впечатление, будто охвативший Мордью хаос был заболеванием, которое передавалось разным видам по-разному: если жвачные и травоядные, ящерицы и птицы как будто обладали врожденным иммунитетом, то у грызунов, плотоядных и когтистых млекопитающих его не было. Приматы обладали наименьшей сопротивляемостью: их пальцы вцеплялись в сетки ограждений с такой силой, что это должно было причинять им боль и увечья, они тянули и трясли решетки так, словно хотели выяснить, что сдастся первым – металл или плоть.

Все хищники, словно сговорившись, действовали как бы заодно с бунтовщиками: они как будто чуяли по запаху перемену в распределении власти в городе, как если бы теперь права людей распространялись и на животных, и пахли кровью, густой железистый привкус которой ощущался в их глотках и на их языках, порождая в них жажду свободы.

В одном месте был пустой пыльный овал – там прежде содержались алифоньеры, а теперь осталась лишь табличка с их изображением и несколькими строчками описания, за неимением самих живых существ, их дыхания, их вечно неторопливого жевания и черных глаз, поблескивающих в лунном свете.

Стоя на вершине холма, Натан повернулся и посмотрел вниз, на город.

На складах в Пакгаузах были отведены помещения для хранения зерна и корнеплодов с Северных и Южных Плантаций, а также провизии, импортированной из сельскохозяйственных районов окружающего мира. Промышленность Мордью платила за эти излишества бартерным обменом, а также гарантиями определенных обязательств. Зерно хранилось от посягательств грызунов в огромных элеваторах на высоких опорах, мясо – в холодильных камерах, вино – в подземных погребах. Оголодавшая толпа накинулась на все это. Она была огромной, и когда принялась крушить барьеры, отделявшие ее от продовольственных складов, в воздух поднялись тучи пыли и дыма. Толпа устраивала пожары везде, где только находились горючие материалы. Зерно сыпалось на землю, мясо вытаскивалось на открытый воздух, вино лилось в сухие глотки тех, кто успел убежать от огня. Если время от времени кто-нибудь оказывался погребен под лавиной зерна или вышибленная взрывом дверь попадала по голове стоящему рядом – что ж, зато вместе с тем многие могли утолить жажду и наполнить свои желудки.

Добравшись до свинофабрики, Натан с Дашины обнаружили, что ворота стоят настежь, ящики разломаны в щепки, упаковки с беконом втоптаны в землю. Приземистые строения, где – в отдельных клетках – разводили свиней, наводнили созданные Натаном палтусы; и хотя сперва свиноматки в страхе визжали, а поросята вторили им, обеспокоенные расстройством своих матерей, вскоре их визг стал радостным, и планки загремели под копытцами воссоединяющихся

семейств, вновь вкушающих свежий воздух. Да, действительно, несколько животных было взято толпой, убито и изжарено, однако наиболее крупным из них, похоже, революция понравилась не меньше, чем людям: они носились повсюду, налетая на стены, изгороди, выбивая оконные стекла и разрушая все, что могло быть разрушено.

Свиньи способны съесть человеческий труп, если найдут его, так что весьма вероятно, что на каждую съеденную свинью приходился съеденный человек.

ХСІІІ

Стеклянная дорога взбиралась над высокими склонами Мордюю, уходя вдаль и ввысь, но дома, владельцы которых силились продемонстрировать другим степень своего согласия с Господином путем имитации его работы, тянулись к ней множеством этажей, вздымаясь все выше и выше. Они росли вместе со статусом своих хозяев, так что лучшие из них лишь на несколько дюймов не доставали своими шпильями до стеклянного испода.

Натан подошел к двери самого высокого, с зарешеченными окнами и охраной: десять человек в железных доспехах, с пиками в руках – гарантия от гнева подступающей толпы, по меньшей мере в том отношении, чтобы обеспечить неприкосновенность двери, невзирая на охватившую город анархию.

Они скрестили пики, преградив им путь, но Дашины расплавила их при помощи черного огня. Хватаясь за свои забрала, поножи и оплечья, стражники повалились на колени; и когда они превратились в барьер, слабо шевелящийся на каменных плитах, Дашины расчистила путь при помощи магии, аккуратно разложив их по обеим сторонам, где их страдания причиняли меньше неудобства.

Натан не отрывал взгляда от Стеклянной дороги у них над головами – артерии, обслуживающей сердце Господина. Он вошел в дом и начал подниматься по первой лестнице, которую увидел.

Они шли вверх, при помощи Искры и ножа раздвигая в стороны детей и домашних животных, горничных и нянек, охранников, возмущенных тетушек, плачущих бабушек, а под конец – хозяйку и хозяина дома, пока не осталось никого, кто бы преграждал им путь.

Натан взбирался с этажа на этаж; комнаты становились все меньше, спиральные лестницы – все теснее и уже, пока перед ним не оказалась последняя, приставная, ведущая на крышу.

Внизу все теперь застилал дым, похожий на туман, неторопливо клубящийся над поверхностью моря в холодное безветренное утро при отливе. Что бы ни скрывалось под пеленой, какие бы жестокости ни творили друг с другом подводные твари, ничего из этого не было

видно. Что знает человек, стоящий на берегу, о судьбе рыб и крабов, кораллов и черных курильщиков в глубине океанических впадин?

Натан вытянул руки над головой – несмотря на высоту дома, ему едва хватило его роста. Он видел сквозь собственную плоть мерцание магии Господина и знал, что она не представляет для него опасности. Он привстал на цыпочки, словно мальчишка, тянувшийся к гнезду с голубыми яйцами, в то время как он видел в жизни только бурые; и когда пальцы прикоснулись к Стеклойной дороге, он разломал ее, приложив не больше усилий, чем тот же мальчик, если он найдет только бурые яйца вместо голубых и, огорченный, сомнет их между пальцами.

Он немедленно уничтожил ее всю.

Не было мелких трещин, разбегающихся и расширяющихся вдоль линий наименьшего сопротивления. Не было секций моста, падающих целиком и разбивающихся под действием гравитации посреди городских кварталов внизу. Дорога рассыпалась на осколки размером с крупинки сахара; от одного его прикосновения вся Стеклойная дорога, от начала и до конца, превратилась в пыль. В одно мгновение она представляла собой самую прочную вещь в мире, в следующее – от нее осталась лишь память. Пыль повисела в воздухе несколько минут, очарованная собственной свободой, колыхаясь в воздушных потоках, порожденных пожаром полыхающего внизу бунта, но затем разошлась по всем направлениям, увлекаемая невидимыми и случайными движениями окружающих ее газов. В конце концов она опустилась на город, припорошив его, словно пудрой. От жара горящих зданий, полыхающей мебели и охваченных пламенем тканей стеклоуная пыль расплавилась, а затем вновь застыла на ветру, сделавшись ломкой, словно сахарная корочка, покрывающая запеченное яблоко.

Дашини заплодировала, и Натан присоединился к ней. Он мог видеть одну свою ладонь сквозь другую и под ними обеими – носки своих ботинок.

Он опустился на колени. Теперь его плоть настолько истончилась, что веки больше не загораживали свет.

– Тебе пора отдохнуть, – сказала ему Дашини.

– Нет, – сказал Натан сам себе. – Еще не пора.

Жаберники Господина могли сообщаться между собой без слов и на огромном расстоянии – Натан много раз это наблюдал, пока жил в Особняке. Им достаточно было вызвать мысленную речь – и все происходило само собой, ибо каждый из них был соединен с другими посредством общего акта их творения. И таким же образом их создатель, Господин, мог в любой момент обратиться к ним, поодиночке и ко всем вместе, поскольку обладал над ними властью, какую имеет создатель над своими творениями. Точно так же обстояло дело с Натаном и созданными им палтусами, и хотя физически он едва мог собрать достаточно сил для внятной речи, в умах своих палтусов он выкрикивал команды, которым они тотчас подчинялись.

Половину палтусов Натан послал вниз, в наполненный Грязью Цирк, где они раскололи пересохшую поверхность лужи, которую Дашины высушила своим черным пламенем, и стали нырять в трещину, словно морские птицы за рыбешкой. Добравшись до более твердого грунта, они принимались рыть тоннели, как кроты. Другая половина отправилась к Морской стене и замолотила кулаками по кирпичной кладке. В каждого из своих палтусов Натан направил силу плоти Бога, которой они в свою очередь пользовались для уничтожения любых встречавшихся им препятствий.

Дашины была рядом: наблюдала, беспокоилась. Она что-то говорила ему, делала жесты (кажется, призывая его остановиться). Натан не мог ее слышать и остановиться тоже не мог. Возможно, в нем говорила необходимость закончить начатую работу, а может быть, использование такой силы само побуждает ее действовать дальше; или дело было просто в том, что трудно перестать чесать зудящее место, когда уже начал. Как бы то ни было, Натан не мог найти в себе силы повиноваться Дашины. Он дал сотворенным им палтусам силу Бога, и они использовали ее на полную мощность.

Откуда-то из глубин, из самых недр города, до них докатился не столько гул и скрежет, сколько рассерженное содрогание, вибрация настолько низкая, что даже Натан смог ощутить ее благодаря остаткам вещественности в своих костях. Дашины зажала уши ладонями и крепко-накрепко зажмурилась, разинув рот в беззвучном вопле.

В глубине под Цирком палтусы прорвались в полость с телом Бога, и теперь основания Мордью трещали и шатались.

В принципе, этого было достаточно. Натан чувствовал, что этого могло хватить, но оставалась еще Морская стена. Как долго он жил под грохот волн, бьющихся об эту преграду? Сколько раз наблюдал, как огненные птицы погибают от столкновения с ней? Разве не к этому звуку и виду сводилась вся его недолгая жизнь?

Больше этого не будет.

Он стиснул в руке глаз Бога – так, словно стискивал саму Морскую стену. Палтусы были его пальцами, и они были сильными. Он сжимал глаз до тех пор, пока ногти не вонзились в ладони, а костяшки не захрустели.

А потом, в один момент, оказалось, что стискивать больше нечего. В его руке лежало всего лишь мягкое белое глазное яблоко, а вниз, в трущобы, в Конюшенные ряды, где стояла лачуга его родителей, хлынула морская вода.

На верхнем этаже самого высокого дома, под тем местом, где прежде проходила Стеклянная дорога, в покинутой спальне – судя по убранству, предназначенной для ребенка, – проснулся Натан.

Он не знал, сколько времени прошло и как он сюда попал, но на его груди лежала книга.

Тотчас же на страницах начали проявляться слова и рисунки – в бешеной спешке, нацарапанные как будто сухим пером; небрежно выписанные буквы, наспех сделанные наброски; страницы в панике листали себя взад и вперед, пока Натан не накрыл книгу рукой. Что бы та ни хотела узнать или сказать, она тут же прекратила писать и обратила свое внимание на его руку; страницы под пальцами потеплели.

– Итак, – произнесла книга, – ты пошел против Господина.

Натан кивнул. Книга поняла его.

– Я хочу задать вопрос, – сказал Натан.

– Разумно ли это? Морская стена разрушена, Стеклянная дорога уничтожена, в городе царит хаос. Эта книга – орудие твоего врага, разве не правильнее будет ее уничтожить?

Не отвечая, Натан сел на постели и положил раскрытую книгу на колени. Было бы проще простого вырвать ее страницы – одну за другой, пока ни одной не останется. Легче легкого разорвать кожаный переплет, сломать корешок. Если вдруг это окажется труднее, чем ему представляется, если Господин наложил охранные чары на материалы, из которых она сделана, он мог бы наполнить ее огнем и сжечь страницы дотла; а если бы у него не получилось расправиться с ней самому, он был уверен, что Дашины сможет ему помочь – либо сожжет ее сама своим черным огнем, либо при помощи клинка искромсает переплет, обратив книгу в ничто. Чего бы ни добивался Господин, Натан теперь знал, что у него есть сила противостоять так же, как Госпожа обладала силой насылать своих огненных птиц, а у него хватило силы ее уничтожить.

– Я не думаю, что ты причинишь мне вред.

Книга нарисовала на странице задумчивую картинку: дерево, согнувшееся под осенним ветром, сухие безжизненные листья, облетающие на землю с приближением зимы.

– Ты ошибаешься. Если бы Господин пожелал, он мог бы отравить страницы, на которые ты положил руку, и твои предсмертные муки оказались бы записаны здесь, чтобы он смог насладиться ими впоследствии. Натан, тебе следует всегда быть уверенным, что ты понимаешь природу тех, кто тебя окружает. Понимаешь, что они делают и почему.

– Я не думаю, что ты хочешь причинить мне вред. Это не в твоей природе. А я не хочу, чтобы мне причиняли вред – такова моя природа.

– Что, если ты ошибаешься? Ты ошибался насчет Гэма, – на странице возникло изображение Гэма; он казался моложе, совсем мальчишкой, и улыбался, – когда посчитал, что он тебя предал. Погляди, как он сопротивлялся, даже после того, как Пэдж выколол ему глаз.

Рисунок показал, как Пэдж подносит нож к Гэмовой глазнице, а Гэм скрежещет зубами и стискивает кулаки. Их окружали люди, на лицах которых были написаны угрюмая сосредоточенность, отвращение и любопытство.

– Так ты знала?

– Неверно представлять, будто читает только читатель. Книга тоже читает, когда ее страницы раскрыты. Все ваши сердца и умы – словно записанные истории. Ваши души изливаются в воздух словами, и не только тогда, когда вы говорите. Относительно Присси ты тоже был неправ.

На странице появились новые рисунки – печальные, выполненные бурными чернилами, слегка поблекшие, похожие на размытые выцветшие тени: изображения посетителей «Афанасийского Храма», приходивших к ее сестре и к ней самой. Книга показала, как она стоит, прислонясь плечом к двери; как она позднее выбегает на улицу. И снова Присси: вот она сидит на обочине дороги в Торговом конце, под проливным дождем, смывающим слезы с ее лица. Вот к ней приходит Гэм со сказками о богатстве и безопасности, а затем – о долге и чести. Потом Натан увидел себя – мальчишку, меньше ростом, чем он ощущал сейчас, менее значительного, – и Присси, наблюдающую за

ним, сперва презрительно, а затем, позднее, все более смягчающуюся, пока презрение не перешло в стремление...

– Прошу тебя, довольно!

– У меня есть и другие. Твоя мать...

– Я понял достаточно.

– Как насчет Дашины? У нее есть своя защита, но даже она не может противостоять магии Господина.

– Нет!

– Итак, ты видишь, что ошибался на их счет. Точно так же ты можешь ошибаться и насчет этой книги.

– Я так не думаю.

– Нет? Что ж, пусть будет как будет; нет смысла хлестать дохлую лошадь. Итак, какой вопрос ты хотел задать?

– Я думаю, ты и сама знаешь.

– Задавать этот вопрос запрещено – что тебе, несомненно, известно. Ты можешь задать другие вопросы, из которых сможешь извлечь желаемый ответ. Догадаешься, каковы они?

– Наверно. Откуда ты знаешь все то, что знаешь?

– Превосходно! Ты такой сообразительный! Некогда жил один мальчик, которого обучили всему, что известно этой книге, – так же, как обучали тебя, Натан. Он узнал все то, что Господин считал знать для него полезным, и все это знание вошло в страницы, откуда теперь может быть добыто с такой же легкостью, как если бы ты посмотрел в предметном указателе энциклопедии и обратился к нужному тебе месту.

– А как ты научилась рисовать?

– Тот же самый мальчик научился рисовать точно так же, как и ты, Натан: благодаря внимательному руководству со стороны своего наставника. Господин обучил его смотреть мимо вещей, которые он видел, и мысленно делать их плоскими, чтобы можно было с большей легкостью передавать объемные предметы на листе. Он выдал мальчику краски и чернила и предложил ему экспериментировать с цветами, чтобы подчеркнуть нужные линии или заместить недостающие там, где это необходимо. Он показал мальчику, как падают свет и тень, и научил его отображать мир с их помощью.

– И как же ты называешься, книга? – спросил Натан так, словно это был самый естественный и очевидный вопрос в мире. Возможно,

так оно и было.

– Я называюсь «Кожа, зубы и живой голос мальчика Адама Берча». На одном из древних языков слово «берч» означало некое дерево^[7], а на другом, родственном, языке то же слово произносилось как «булё», что в нашей речи превратилось в «Беллоуз», точно так же, как «Мор Дьё»^[8] – «Мертвый Бог» – превратилось у нас в «Мордью». Беллоуз – мой брат. Ты же теперь нарушил все правила!

На странице появилась волнистая линия, словно книга не могла выразить то, что желала выразить; не рисунок и не слова – просто линия, неуверенно змеившаяся от одного края страницы к другому. Но затем, с величайшей точностью, книга нарисовала Дашины и ее мать, Госпожу Маларкои. Они были совсем как живые, так что Натан непроизвольно подпрыгнул, словно они вдруг появились в комнате.

Потом на странице возник Адам, стоящий спиной, – того же роста, каким был сейчас Натан, в такой же одежде, с такой же прической. Дашины и Госпожа обвивались вокруг него, как змеи, льнули к нему, проводили руками по его телу, касались его своей кожей. Адам отбивался, пытался вырваться от них, но безрезультатно. Они раздели его догола; потом сняли с него кожу, положили ее на стол и растянули по углам, как большой плоский лист. Орудяя ножами и острыми камнями, при помощи магии, они вырвали его мышцы, одну за другой, и отдали своим огненным птицам – накормленные, те запыхали ярче и своим жаром выдубили Адамову кожу, сделав ее прочной. Они вытащили жилы из его горла, те, что, вибрируя, создавали звук его голоса, обрезали их крошечными ножницами и натянули на музыкальный инструмент, чтобы можно было заставлять его говорить, перебирая их пальцами или водя по ним смычком.

Все это они сделали, пока он был еще жив, – с помощью заклинаний ему не давали умереть. Они растворили его кости в кислоте и щелочи, так что его череп сделался мягким, как у младенца. После этого они аккуратно раскрыли его по линиям швов, обнажив мозг, серый, но блестящий, спряли этот мозг в тонкую нить и намотали на катушку. Это причиняло Адаму ужасную боль, которая стала еще сильнее, когда они принялись ткать эту нить на ткацком станке, а потом огромными острыми ножами разрезали ткань на страницы и переплели их в его собственную выдубленную кожу, используя клей,

вываренный из его связок. Обложку они украсили сапфировым порошком и эмалью, сделанной из осколков его зубов.

Фонем для этих рисунков служили изображения жертвоприношений множества детей и коз, и чем больше глоток было перерезано, тем более грубыми и схематическими они становились, пока под конец книга, очевидно, полностью не растеряла свое искусство рисовать и страница не заполнилась сплошным красным цветом крови.

Натан перевернул страницу, и та же последовательность повторилась вновь – изображения Дашини и ее матери, четкие и ясные, и дальше – вплоть до страницы, залитой кровью детей.

– Натан! – произнесла Дашини, стоя в дверях. – Наконец-то ты пришел в себя! Мы не можем терять времени, нам нужно уходить.

С ней был Сириус. Натан протянул к нему руку; пес подошел к нему и положил голову на его ладонь, слегка повизгивая.

– Что с тобой? – спросил его Натан.

Сириус положил лапу на простыни и принялся скрести, побуждая Натана скорее выйти на улицу.

В окнах горели занавески, ткань выпирала наружу от жара собственного пламени – красные полотнища, красный огонь; лакированные деревянные рамы трескались и покрывались пузырями. На дорогу вываливались стекла, разбиваясь вдребезги и вздымая в небо черно-серые облака.

«Афанасийский Храм» вопил на разные голоса; трещали выбитые перепадом давления двери, из комнат вырывались потоки горячего воздуха; позади, в глубине здания, люди задохались, пытались бежать, пытались позвать на помощь, сталкивались в дверных проемах (одни пытались выскочить наружу, другие прорывались внутрь), орали и хрипели. Над всем висело толстое покрывало едкого дыма.

Вдали подступало море, словно гонимое внезапным приливом; его сдерживал лишь размер полости с телом Бога, которую оно медленно, но неотвратимо наполняло.

Мадам успокаивала своих девиц – большинство из них согнали на пустырь на краю Торгового конца, куда не доставал жар. Они стояли, дрожа и ежась на ветру, полуголые; их матери и друзья закрывали их от взглядов толпы, у которой в любом случае были другие заботы, другие жертвы.

Из остова полыхающего здания выбегали мужчины – в рубашках и без штанов, в штанах и без рубашек, без штанов и без рубашек; на некоторых были надеты только цилиндры, и больше ничего. Вне зависимости от одежды бежали все одинаково: неуклюже, на полусогнутых ногах, стуча каблуками по твердой земле, поскользываясь на Живой Гязи. Объятые ужасом, они кидались сперва в толпу, оттуда обратно в здание, а потом – в ночную темноту, где их поджидали Натановы палтусы, светясь голубым.

В темноту, где голая кожа вспыхивала в свете факелов в руках разъяренных отцов, разъяренных братьев, разъяренных дядьев; где огни танцевали под рыдания перепуганных отцов, перепуганных братьев, перепуганных дядьев.

Сириус повернулся к Натану: перед ними была Присси! Ее волосы отросли и уже доходили до плеч, а глаза были такими пустыми и

безжизненными, что Натан едва ее узнал. Она как будто стала меньше, чем он помнил. Присси стояла босиком, кутаясь в старую военную шинель, обернув ее вокруг себя так плотно, что пуговицы оказались где-то под мышками. Было время, когда при виде нее у него сжалось бы сердце. Теперь он смотрел, как она вытирает губы рукавом, и не чувствовал внутри себя ничего.

Все было израсходовано.

Возле костра всегда есть место, которое ярко освещено, а позади него темнота словно сгущается еще больше, ввиду того, что зрачок сужается от яркого света. Присси нырнула в такое вот черное пятно. Натан протянул руку, чтобы ее остановить, но у него болели кости, плоть просвечивала; а когда он отвел взгляд от тыльной стороны собственной руки, девушки уже не было. Там, где она стояла, бегали взад и вперед незнакомые люди. Да и все равно, что бы он ей сказал?

В темноте было ничего не разглядеть, но когда Натан потянулся за Искрой, чтобы осветить мир, боль оказалась так велика, что он был вынужден остановиться; как будто он задел обнаженный нерв, и ответная реакция заставила его отступить.

Вокруг были люди; одни стояли на коленях, моля о пощаде, другие их избивали. Натан отвернулся и от них тоже – и вновь увидел Присси. Она стояла перед «Храмом», держа в руках импровизированное копье, оторванное от облицовки (то ли косяк, то ли кусок оконной рамы, освобожденный от прежних обязанностей), и тыкала им в человека, которого держали за локти две другие девушки, обе почти голые. Старый, седой и сгорбленный, со свисающим брюшком, тощими, как спички, руками и плоскостопыми ногами, человек ломал сцепленные руки, умоляя Присси остановиться, но в ней не было и проблеска жалости.

К ним подошли другие девушки, до этого державшиеся на безопасном расстоянии, под предводительством сестры Присси. Сперва они приближались с робостью, сбиваясь в кучки и обнимая друг друга в качестве поддержки, но потом Присси взмахнула своим копьем и ударила старика поперек плеча, и девушки с ликованием ринулись вперед. Они расцепили руки, отбросили свои шали – и в отблесках жаркого пламени от горящего «Храма» воцарилась вакханалия. Афанасийские девицы наспех вооружались кольями и дубинами, всем, что попадалось под руку, и когда на их пути

оказывался голый мужчина, они не давали ему пощады, как бы он ни умолял, как бы ни был обожжен; они не глядели даже, жив он или уже нет. Воздух полнился непривычной, маниакальной музыкой смеха и завываний, пения и плача, грохота и треска пылающего дерева...

Натан наблюдал за Присси. Он видел ее гнев, ее радость. Девушка упивалась мщением – но он мог лишь увидеть и понять это, сам он не чувствовал ничего. Присси вскрикивала и хохотала, но Натан стоял в стороне, глядя, как фасад «Храма» чернеет и обугливается, как написанный на нем девиз превращается в неразборчивую белиберду и осыпается пеплом.

Сириус снова потянул Натана, взявшись зубами за полу куртки, заскребся возле его ног. Дашины стояла рядом. Она казалась такой же загипнотизированной, как и он сам.

– Я его чувствую, – сказала она. – Господин возвращается домой.

Сириус заскулил и завыл.

Натан показал на Присси. Дашины кивнула и пошла, чтобы привести ее.

Они вернулись. Присси была запыхавшейся, улыбающейся, но когда она увидела Натана, на ее лице вдруг отразилось замешательство. Она выронила копье, словно только сейчас заметив его у себя в руке; однако ее виноватое выражение относилось к другому.

– Прости меня, – проговорила Присси. – Мне так жаль...

Она подошла к нему – видимо, намереваясь его обнять, – но когда она развела руки, шинель раскрылась, и сверкнула обнаженная кожа, так что ей пришлось снова запахнуть полы.

– Сможешь ли ты меня простить? – спросила она, стоя почти вплотную.

Столько всего произошло, что Натан едва мог вспомнить, за что ее нужно прощать, и тем более почему. Она была просто ребенком – маленьким, грязным, беспомощным. Таким же, каким прежде был он.

– Сможешь ли ты простить меня? – отозвался он, но Присси, кажется, не поняла, что он имел в виду.

– Господин возвращается, – напомнила Дашины. – Он убьет вас всех! Надо уходить.

Это Натан смог понять. Он опустился на колени возле собаки.

– Сириус, где Гэм? Где моя мама?

В ресторане было как всегда людно, но никто не ел. Здесь царила лихорадочная, напряженная деятельность, направленная на собирание всего, что было ценного, и укрепление окон и дверей против бунтовщиков и подступающего моря.

В офисе Пэджа тоже было не протолкнуться; люди разного роста и всех размеров вбегали и выбегали с такой частотой, что дверь грохотала, словно барабан во время публичной казни. В воздухе вились полчища мух, двигаясь как единый организм, как одна черная туча. Каждый входивший разделял ее лишь на краткое мгновение: облако расступалось перед ним и тут же снова смыкалось за его спиной. С выброшенных туш, обрезков и потрохов сыпались лавины червей, которые извивались у людей под ногами, никому не нужные, белые, втоптаные в Грязь.

Гэма компания отыскала совсем неподалеку – тот сидел в тени, глядя в одну точку, и почти не отреагировал, когда они подошли, словно давно их ждал. Он не стал ни извиняться, ни требовать извинений. Взглянув на Натана с Дашины, он сразу же перевел взгляд обратно туда, куда смотрел до этого: там был Пэдж, еще шире прежнего, еще более сальный, с еще более тугими и отвратительными кудряшками. Все так же с зеркальцем в руке, он что-то шептал на ухо братьям Доулиш.

Те заняли места по сторонам от двери, а сам Пэдж вошел внутрь.

– Я так понимаю, он тебя прозвонил, – сказал Гэм.

Натан промолчал.

– Господин выдал ему колокольчик, чувствительный к магии, – пояснил Гэм. – Чтобы он знал, когда в деле участвуют жаберники. Ну а в данном случае колокольчик предупредил его насчет тебя, так что он настороже.

– Меня это не волнует.

– Ну так чего ты ждешь? – вмешалась Дашина. – Иди туда и сделай то, зачем пришел! Если хочешь, это могу сделать я. Прямо отсюда.

Натан положил ладонь на ее руку, удерживая.

К двери приближалась еще одна фигура. Это был старик, весь скрюченный, в плаще с капюшоном. Когда он вышел на свет, они его узнали: это был Поставщик. Только теперь одна сторона его лица была обгоревшей, черной и шелушащейся, напоминая по краям опаленную куриную кожу, если подвесить вертел слишком низко. Завиток его уха торчал, обугленный и неровный, то же было с одной стороны носа; он ступал с огромным усилием, отобразившимся на лице.

– Что это с ним? – спросила Присси.

Поставщик поднял руку, чтобы постучать, сперва собравшись сделать это правой рукой, но не смог поднять ее на достаточную высоту; он сморщился и был вынужден использовать левую. Наконец ему все же удалось добиться желаемого, но на его глазах выступили слезы. Братья Доулиш отодвинулись от двери, и Поставщик прохромал во двор. Стоило ему войти, как мухи окружили его со всех сторон, пытаясь заползти под плащ, чтобы добраться до обнаженного мяса. Старик захлопал в ладони, пытаясь их отогнать, но те не оставляли его в покое до тех пор, пока Пэдж не пригласил его войти.

– Двух птичек одним камнем, Натти! Тебе сегодня везет.

Гэм махнул рукой, и Натан с остальными двинулся следом за ним. Сириус шел впереди.

Когда Натан был на расстоянии протянутой руки от двери, раздался заполошный звон, словно церковный звонарь, проснувшись, схватился за веревки всех колоколов разом.

Дверь загораживала ему дорогу, и Натан не видел никого – ни Поставщика, ни братьев Доулиш, ни Пэджа, – поэтому он превратил ее в щепки усилием мысли, закусив губу от боли, и смел щепки по ветру. Братья Доулиш, которых держали здесь ради драк, поспешили ему навстречу; Поставщик с Пэджем отступили в сторону.

– Босс, что будем делать с этой рыбешкой? Переломаем ей хребет об колено? – спросил один из братьев.

– Рыбам не ломают хребет об колено, – возразил другой. – Их бьют дубинкой по затылку, вышибая мозги.

– Хотите, я сверну шею этому кролику?

– Вот, это больше похоже на дело!

Пэдж улыбнулся им, и на его лице промелькнуло извиняющееся выражение, словно он знал, что Натан будет делать дальше, и чувствовал вину за то, что вынуждал его к этому.

Натан стиснул зубы, и его свет засиял так ярко, что все, кто мог поднести руки к глазам, сделали это автоматически, даже не думая, и их обнаженные скелеты предстали перед ним, как будто они вдруг лишились плоти и остались только розовые кости и мышцы.

Вместе с этим светом раздался визг, такой же пронзительный и невыносимый, как и свет, так что все вокруг повалились на колени. Даже Сириус закружился на месте и заскулил. Лишь Натан остался стоять. Звук почти не потревожил его уши, да и свет не был для него проблемой: он видел все превосходно – фактически даже лучше, чем превосходно, поскольку всюду, где падал, этот свет открывал не только вещи, существующие в реальном мире, но также стоящие за этими вещами структуры, ауры этих вещей, их идеи, шаблоны, на которых они основывались, образцы, по которым они были созданы, а также как и в чем эти вещи от них отклонялись. Натан мог видеть все пороки в сердцах окружающих людей, и чем ярче он сиял, тем более отчетливым все это становилось.

– Вы меня видите? – спросил он.

Они его видели – хотя ни один из них не мог ему ответить, настолько он был ярким и громким, словно ангел; слишком могущественным, чтобы ему можно было противостоять, но и слишком могущественным, чтобы с ним можно было говорить, чтобы его можно было понимать.

Только Пэдж сохранил подобие прежних рациональных способностей, хоть их было и недостаточно для каких-либо действий; все, что он смог, – это оскалить зубы в знак бессильного вызова.

– Натан, ты почти совсем исчез. Остановись! – проговорила Дашины ему на ухо.

Ее дыхание на его шее подействовало сильнее, чем слова. Постепенно сияние Натана угасло, вновь открыв взглядам задний двор ресторана; однако теперь здесь не было ни трупов, ни червей, и мухи не беспокоили воздух своим жужжанием. Все это пропало, двор был идеально чист, как вычищенный песком фасад, и так же лишен грязи, как хирургический стол перед операцией.

От братьев Доулиш с их кулаками и агрессией не осталось практически ничего. Даже Поставщик, чье тело прежде полностью прикрывала заплесневевшая серая одежда, теперь стоял весь в белом, словно ребенок, готовящийся получить первое причастие. Пэдж,

впрочем, оставался таким же, как и раньше, – напуганным, потрясенным, но все тем же Пэджем.

Поставщик упал на землю перед Натаном, который сделал к нему шаг:

– Пожалуйста, сынок... Пожалуйста... Я не такой уж плохой человек!

– Вот как?

– Клянусь!

Натан мог бы разделать Поставщика, как красную щуку перед посолом, с тем же самым энтузиазмом, с каким сам старик расправлялся с Кукушкой и всеми остальными детьми, которых избивал до полусмерти все эти месяцы, перед тем как Натан впервые встретился с Господином. С каждым ударом он заставлял бы Поставщика осознать свои грехи, сделав их для него яснее ясного, заставлял бы его выть и стенать от этого осознания, пока его кожа вздувалась бы пузырями, а кровь текла, словно слезы раскаяния, разбрызгиваясь по обожженным плитам двора.

Но Натан не стал. Вместо этого он повернулся и наклонился к Сириусу, чтобы успокоить его поглаживанием.

По-видимому, собравшись с духом, Пэдж выпрямился. Он больше не выглядел испуганным.

– Чего ты хочешь?

Натан не ответил. Его рука лежала на шерсти Сириуса, словно бесцветная медуза на морском берегу, почти неразличимая, сливающаяся со средой, в которой привыкла плавать.

– У меня есть для вас пара делишек, мистер Пэдж, – сказал Гэм, в чьем голосе почти не слышалось нервной дрожи.

Пэдж ухмыльнулся и глянул на него из-под своих намасленных кудряшек, словно собираясь возразить, словно такой поворот был для него слишком крутым, чтобы встретить его со спокойствием; однако прежде всего он все же был человеком прагматичным.

– Очень хорошо, мастер Хэллидей. Чем я могу быть вам полезен?

– Приведите сюда его маму.

– Его мать? У меня ее нет.

Рука Пэджа поднялась к складкам на горле, словно для того, чтобы скрыть трепетание крови, движущейся под кожей.

– Не лгите.

Пэдж сузил глаза, глядя на Гэма, но у того за плечом стоял Натан, пресекая любое насилие, тень которого промелькнула в этих глазах.

– Видишь ли, Гэм, у меня нет привычки давать убежище шлюхам, чьими бы матерями они ни были. Но, если подумать... Стеклойной дороги больше нет, город полыхает, море заливаёт улицы, подстрекатели и мятежники шастают туда-сюда, нарушая последний порядок... Куда люди могут пойти в такой момент? Я имею в виду, люди со связями? Те, кого везде примут? На её месте я бы отправился во Дворец и попытался бы покинуть Мордью на корабле, по примеру всей нашей аристократии.

Дворец? Дом, принадлежащий человеку с родимым пятном? Не это ли имела в виду его мать, когда говорила, что когда-нибудь он может понадобиться Натану? Может быть, этот день наконец наступил?

Пэдж одернул свой сюртук.

– Королевским особам во Дворце доступно волшебство, открывающее Морские ворота. У них есть зачарованная дверь, выводящая прямо в порт. Те, кто хочет сбежать из Мордью, наверняка изберут этот путь.

– Ладно, – сказал Гэм. – Тогда идите вперед, а мы за вами.

Пэдж попытался провести их таким маршрутом, где на них могла быть устроена засада, но Гэм знал все эти места наперечёт, знал, кто из людей состоит у Пэджа на жалованье и где он может прятаться; кроме того, стоило им покинуть трущобы, как Сириус выбежал вперед и припустил легким галопом. На каждом повороте он приостанавливался и гавкал, выжидая, пока стая присоединится к нему, после чего вновь убегал вперед.

– По крайней мере, ваша собака знает дорогу, – заметил Пэдж.

И он не ошибся. Когда Сириус, обогнув очередной угол, снова залаял, Натан решил, что пес призывает их поторопиться, но его лай относился не к ним. Из двери дома навстречу им вышел Анаксимандр, а за ним шла мать Натана, в своей обычной белой ночной сорочке (впрочем, на этот раз тщательно выстиранной). Её рука лежала у пса на загривке. Тот обернулся и взглянул на неё через плечо, прежде чем подбежать и поприветствовать своего товарища.

Натан шагнул к матери – неуверенно, словно надеясь обнять так же, как обнимались двое псов, но ее лицо было суровым, губы плотно сжаты, и она не выказала никакой радости при виде него. Она поглядела ему в лицо, потом обвела взглядом Дашины, Присси, Гэма, словно они были фигурами на шахматной доске, деревянными и лишенными человеческих черт.

– Натан, – сказал ему Анаксимандр, закончив приветствовать Сириуса. – Времени почти нет. Море подступает. Даже с мстью придется подождать... – Здесь он взглянул на Пэджа. – Мы должны поскорее добраться до Дворца и бежать из Мордю. Господин возвращается, и он не станет смотреть на твой мятеж сквозь пальцы. Пойдем, я покажу дорогу.

Главный вход во Дворец был гораздо более величественным и красивым, нежели туалет, через который они проникли сюда в первый раз, но далеко не настолько величественным и красивым, чем был на день раньше. Теперь на высоких двойных дверях виднелись длинные черные полосы, переходившие в цепочки обожженных пятен, которые тянулись до низа, где среди осколков стекла поблескивали очаги разгорающегося огня. Немного сбоку можно было видеть людей, которые готовили новые метательные снаряды, разливая по бутылкам ламповое масло и затыкая их тряпками. Палтусы зависали в воздухе возле нижних окон, освещая своей Искрой доски заколоченных проемов и пытаясь заглянуть в щели. Витражные стекла, через которые еще вчера лился вечерний свет, тоже были перегорожены, и хотя доски выглядели уязвимыми для огня, они были достаточно толстыми, чтобы противостоять ему, хотя бы на данный момент.

– И как мы попадем внутрь? – спросил Гэм.

Пэдж улыбнулся:

– Способ всегда найдется. Глянь-ка, там, наверху, есть специальное место, чтобы смотреть наружу.

И действительно, в стене над дверным проемом имелось углубление, ниша с проделанной в ней амбразурой. Позади отверстия мелькала тень, словно падавший изнутри свет периодически заслоняла чья-то фигура.

– Вам достаточно просто показаться, – продолжал Пэдж.

Гэм ткнул его в ребра, заставив покачнуться. Тот восстановил равновесие, вынужденный проглотить ругательство, привычное для его темперамента.

– Чтобы какой-нибудь господинчик нас пристрелил, решив, что мы собрались кидать бутылки? – насмешливо спросил Гэм. – Вам бы это понравилось, не сомневаюсь! Нет уж, идите-ка лучше вы.

Пэдж улыбнулся, раздвигая щеки уголками рта до тех пор, пока все зубы не оказались на виду, и продолжая сверлить Гэма взглядом.

– Иди, объяви им, что пришел твой Господин, – добавила Дашины.

Пэдж повернулся к ней, увидел нож, и его улыбка потухла.

Он выпрямился во весь свой невеликий рост. Разгладил складки на своем бархатном сюртуке, утер пот с верхней губы и зашагал вперед с уверенностью человека, имеющего право быть принятым где бы то ни было. Он поднялся по ступеням, прошел вдоль колоннады, между кариатидами, и заколотил в дверь.

Тень в нише наверху перегородила свет полностью, однако дверь не открылась. Пэдж хмыкнул и постучал снова. Он уже собрался двинуться обратно, когда в дверце гораздо меньшего размера, замаскированной изображением уходящего в даль виноградника, приоткрылась щелка. В ней появился глаз, настороженный и рыскающий по сторонам. Он сразу увидел Пэджа, но не прекратил поисков, кидая взгляды во всех направлениях, чтобы увидеть, с кем он пришел. Никого не обнаружив, владелец глаза раскрыл дверь пошире, чтобы дать себе больший обзор. Пэдж двинулся к нему с повернутыми вверх ладонями и подобострастным видом, но человек за дверью – который был одного роста с Пэджем, но выглядел изможденным, словно изголодавшийся трущобный ребенок, и невероятно древним – навел на него пистолет.

– Ты привел ее?

– Кого? – переспросил Пэдж.

– Принцессу Клариссу, кого же еще?

Пэдж кивнул, но человек его уже не слушал. Он увидел мать Натана, стоящую поодаль, и застыл, словно охотничий пес, воззрившись на нее и протянув к ней руку. Пэдж, который не привык, чтобы его игнорировали, положил ладонь на плечо старика и развернул его к себе.

Не удостоив его даже взглядом, тот выстрелил из пистолета ему в плечо. Звук выстрела и поднявшийся дымок привлекли к старику внимание всех, включая Пэджа, который лишь мгновением позже с некоторым изумлением обнаружил, что истекает кровью, а его великолепный сюртук безнадежно испорчен.

– Принцесса! – вскричал старик дрожащим голосом, жестами приглашая ее в дом. – Город на грани падения, и вы возвращаетесь, как всегда!

Он не обращал внимания ни на кого, кроме нее, – ни на сияющего голубым призрачным светом Натана, ни на полыхающий черным пламенем нож в руке Дашины, ни на Присси, которая никак не

решалась войти, как будто они с Гэмом могли просто вернуться к себе в канализацию и позабыть о беспощадном контроле, который эта ночь накладывала на все их действия, ни на самого Гэма, который взял Присси за руку и повел прочь от толпы (та, охваченная звериной яростью, почуяла, что на холме, где они стояли, есть возможные жертвы, и уже устремила в их сторону), ни на собак, нюхавших воздух и крутивших головами, словно все вокруг могло иметь какое-то особенное значение.

Если приглашение старика и не распространялось на всех, это его не особенно волновало: для него было не важно, кто из их компании войдет во Дворец, если с ними будет мать Натана. Когда она переступила порог, он низко склонился перед ней; затем, видимо, решив, что унизился недостаточно, с кряхтением опустился на колени и распростерся по полу. Он поймал ленточку, волочившуюся за подолом ее перепачканного сажей и грязью платья, бережно поднял, словно это была драгоценнейшая из тканей – возможно, реликвия, оставшаяся от эпохи святых, – и поднес к губам.

– Вы вернулись... – Это было все, что он смог выговорить, да и то почти беззвучно.

Мать Натана переступила через старика, не обращая на него внимания. Ее интересовало другое.

У подножия лестницы стоял человек с родимым пятном в форме капли – тот, что посещал ее в их лачуге, а затем соблаговолил отпустить Натана и Присси, схваченных у него на балу. Он двинулся к Натановой матери – не по прямой, а спиральным маршрутом, в центральной точке которого находилась она, но на преодоление которого могло уйти очень много времени. Мать Натана следила за тем, как он приближается, и выражение ее лица было настолько сложным, что его было почти невозможно описать. Гневное? Зачарованное? Потрясенное? Она огляделась по сторонам, улыбнулась и, кажется, собралась что-то сказать, ее губы раскрылись, но потом наступила пауза.

Человек с родимым пятном сложил ладони вместе, словно собираясь слушать, что она ему скажет, но взамен получил нечто другое. Мать Натана плюнула на пол между ними.

– Ты знаешь, что будет дальше, – сказала она ему.

– Принцесса, я...

– Ты знаешь, что будет дальше, а значит, знаешь, что тебе делать.

Человек с родимым пятном вздохнул, кивнул и поглядел себе под ноги. Затем он щелкнул пальцами – старик вскочил с пола, закрыл дверь перед приближающимися мятежниками и поспешил в тот зал, где некогда был бал. Его каблуки отстукивали звонкое пиццикато в гулкой пустоте помещения.

Остальные стояли молча, и когда старик вернулся, последовали за ним.

ХСVIII

Натан никогда не видел свою мать на такой высоте, но сам он никогда не чувствовал себя таким уставшим. Медальон в его груди лежал тяжелым грузом, заставляя поток его крови обтекать себя, протекать через себя; цепочка позвякивала от биения его сердца; его кожа была настолько тонкой, что сквозь нее он видел просвечивающие органы – его легкие имели синюю окраску, словно в них никогда не бывало достаточно кислорода.

И еще была боль. Боль в костях, в костном мозге, тупая, грызущая; боль в нервах, нарастающая и утихающая вместе с сокращением и расслаблением желудочков его сердца; боль в центре головы, внутри, за глазами. Вся эта боль заставляла его гнуться, в то время как его мать стояла, расправив плечи, пока женщина в ливрее, выдававшей в ней служанку дома, одевала ее в мантию из тяжелого темного бархата.

Человек с родимым пятном повел ее вперед. Натан пытался последовать за ними, но споткнулся и упал на одно колено. Его мать не обернулась, но Присси помогла ему подняться, обхватив рукой вокруг талии.

– Я даже и не знала, что твоя мамочка такая крупная шишка! Что же она делала все эти годы в трущобах, кормясь со своих посетителей? Могла бы ведь жить здесь, где все лизали бы ей задницу сутки напролет!

Натан почти не уловил вопроса: в ушах у него звенела кровь, перед глазами роились облака крошечных ярких мошек. Все, на что он был способен, – это дышать. Дашины что-то сказала и рассмеялась, Гэм тоже; но они были где-то вдалеке, почти недоступны, и Натан сосредоточил свое внимание на каждом следующем вдохе, каждом следующем шаге.

Пол в бальной зале пружинил, отбрасывал ногу Натана, когда та опускалась на него: сильнее, когда они вышли на середину, слабее, по мере того как они приближались к противоположной стене. Здесь имелось возвышение с музыкальными инструментами на подставках, ожидавшими своих музыкантов. Вот здесь Натану хотелось бы

присесть, собраться с силами, повернуться лицом к той силе, что стирала его из этого мира, – но они не остановились, и у него не хватило сил попросить об этом.

Они перешли в другое помещение. Это был апельсиновый сад, хотя откуда Натан знал, что это так, он и сам не мог бы сказать. Его мать, впрочем, была здесь как дома. Наконец-то она казалась полностью на своем месте, в нужной температуре, защищенная от разрушительного действия климата, обеспеченная правильным уходом; и Натан вдруг увидел ее девочкой (настолько же реальной, насколько реальна была та мать, которую он знал сейчас, хотя бы в данный момент), когда она пробежала, смеясь, сквозь деревья, провела рукой по запотевшему стеклу и принялась рассматривать свою мокрую ладонь. Она лизнула ладонь.

Присси шла под руку с Гэмом; и хотя Натан старательно передвигал ноги, они казались бумажными – какие-то шаблоны ног, вырезанные из ткани, которые волочились за ним следом, неспособные взаимодействовать с землей и поддерживать его. Мир перед его глазами был невесомым и выцветшим, словно Натан глядел назад во время или насквозь в самую суть вещей. Словно он видел мир вещей, давно ушедших или иных, чем те, какими они были сейчас, – вещей, которые ему больше не принадлежали.

Они прошли по каменной галерее вокруг фонтана и через широкую арку вышли в сад, освещенный лампами и жаровнями, где среди деревьев и кустов находился пруд, похожий на тот, что был в башне у Господина. В этом пруду девочка, теперь более реальная, чем его мать, принялась ловить тритонов за хвосты, пропускать между пальцами лягушачью икру и хватать за ноги личинок стрекоз, поднимая их к глазам. Когда они проходили мимо, какая-то рыба выпрыгнула из воды с раскрытым ртом, чтобы молча поговорить с ней. Вода плескалась между скульптурами, стекала по горкам альпинариев, ниспадала белыми каскадами и пузырилась вокруг ступней его матери – ее девчоночьих ступней. Подол ее бархатной мантии намок и почернел.

Его собственные ступни были уже совсем прозрачными, похожими на контурные наброски, которые рисовала книга, прежде чем их раскрасить.

– Натан, с тобой все в порядке? – спросила Дашины.

Он не отозвался: не мог заставить воздух вибрировать в голосовых связках. Дашини повторила вопрос, и на этот раз слова вообще не достигли его слуха; однако Натан ощутил, как его поддерживают, помогая остаться на ногах.

Человек с родимым пятном остановился перед украшенными орнаментом воротами, дрожавшими и струившимися от магии, которая должна была переправить их вниз, к порту. Подбежал привратник и принялся перебирать связку с ключами, поочередно вставляя их в замок. Он торопился, со звоном роняя ключи, и мать Натана скрестила руки (одновременно и женщина, и девочка), и на ее лицо легла легчайшая тень раздражения, как если бы, по ее мнению, они были достойны лучшего обслуживания.

Человек с родимым пятном шагнул к ней, прикусив нижнюю губу и моргая, сцепив пальцы, выкручивая руки перед грудью. Однако прежде, чем он успел заговорить – извиниться, предложить тотчас сыграть свадьбу, бросить свою жизнь к ее ногам или выразить еще какое-либо мучившее его чувство, – мать Натана взглядом заставила его замолчать.

В этом молчании они принялись ждать, а служитель все более лихорадочно гремел ключами.

Понемногу в саду собралось несколько групп людей – худые и гибкие мужчины и женщины, неврастенические дети, с величественной осанкой и пепельно-бледными лицами, суровые и напуганные, в чересчур тесной элегантной одежде. За каждой из этих групп следовала толпа слуг с мешками и тюками, с завернутыми в ткань *objets d'art*^[9], с перевязанными бечевкой коробками, с несомыми за края зеркалами. Пэдж тоже был здесь – он показывал свиток всем, кто к нему приближался, как бы защищаясь с его помощью. Он держался за раненое плечо.

Вскоре люди были повсюду. Все держались на почтительном расстоянии от Натановой матери, молча, терпеливо, с затаенной злобой ожидая, пока им откроют дверь, и тем временем разглядывая друг друга. Привратник пребывал в полнейшем смятении. Ключи в его руках стучали словно кастаньеты, и хотя весь остальной мир был блеклым, мучения служителя Натан чувствовал превосходно, в то время как все остальные, судя по их лицам, желали ему смерти.

Это должно было быть проще простого, ведь Натан к этому времени уже сделал гораздо большее! Разве он не разрушил город? Разве он не прикоснулся к телу Бога? Не взял себе Его глаз? Однако, когда он наполнил своей Искрой замок, такую крошечную вещь, мир превратился для него в чистую боль. Зуд был болью. Чесать было страданием. Движение Искры по его нервам было мучительно – и боль была настолько чистой и яркой, словно это солнце вошло в центре его души. Боль брала начало в медальоне, в «Запрещающем персте», и разливалась оттуда повсюду. Казалось, она полностью вытеснила сердце. Натан положил ладонь себе на грудь, хотя напряжение мышц тоже доставляло боль, и понял, что его пальцы совершенно ничего не чувствуют, как если бы медальон притупил все ощущения снаружи лишь для того, чтобы заменить их невыносимым страданием внутри.

Дашини встала перед ним на колени, взяла его лицо в свои руки, поглядела в его невидящие глаза, в их расширенные, черные, полные муки зрачки.

– Ты зашел слишком далеко!

Кровь в жилах Натана застыла; ее тяжелая неподвижность обжигала. Она сгустилась, свернулась, закупорила сердце – а без движения крови он не мог жить. Внутри него царило безмолвие. Теперь оно казалось смертью: словно смерть вошла в него, раздирая его на части, растягивая и разрывая каждую клеточку, разъединяя его изнутри.

А затем рядом оказалась его мать. Она была девочкой и одновременно женщиной; и она подняла свою руку – такую изящную, с такими обкусанными ногтями, столь безупречную, со столь въевшейся Грязью, невинную и могучую, и положила ему на грудь.

– Твоя жизнь принадлежит мне, – произнесла она.

И сердце Натана грохнуло, и кровь ринулась по венам, словно порыв ветра. Его душа вернулась, вновь найдя опору в почти покинутом ею теле, и Натан сделал глубокий хриплый вдох.

Мать повернулась к нему спиной и прошествовала к воротам.

Их корабль двигался прочь от Морских ворот; ветер едва надувал его красные паруса. Следом плыла флотилия купеческих кораблей с другими вельможами. Для того чтобы пересечь гавань, больших усилий не требовалось, но когда они оказались в открытом море, им пришлось поторопиться отплыть от пробоины в Морской стене, которая затягивала в себя все и вся.

Размеры дымного облака, выроставшего над городом от полыхавших во всех кварталах пожаров, отсюда казались устрашающими. Сириус сидел рядом с Натаном, Анаксимандр – рядом с его матерью.

– Все будет в порядке, Гэм, – сказала Присси, подойдя к Гэму.

Тот поднял голову, поглядел на нее, но ничего не ответил.

Повернувшись к Натану, Присси посмотрела ему в глаза, старательно избегая взгляда Дашины. Натан с трудом мог ответить на ее взгляд, но в выражении ее лица было что-то, что он уже видел.

– Прежде чем отправиться спать, приготовь постель для Натана, – распорядилась Дашина. – Он умрет, если не отдохнет как следует, что бы там ни думала его мать.

Она говорила таким тоном, каким купчиха могла бы обращаться к служанке или посетитель «Храма» – к одной из афанасийских девиц. Присси поняла это и была готова протестовать, но потом ее взгляд снова упал на Гэма, и она смиренно склонила голову.

– Ты знаешь, что делать? – спросил ее Гэм, и Присси кивнула.

Она положила ладонь на плечо своего друга, коротко сжала и отправилась вниз, туда, где располагался камбуз и каюты команды.

Судно плыло вслед за ветром на восток. На западе над Особняком колыхалась дымная завеса.

– Поправится ли он – вот вопрос? – проговорила Дашина.

Мать Натана встала перед ней, так что та не могла больше смотреть вдаль; ее пес подошел и встал рядом. Выражение ее лица говорило о темных мыслях, о ненависти, о том, какого невысокого она мнения о девочке, стоящей напротив.

– А если не поправится? – спросила она у Дашины. – Не на это ли ты надеешься? Что будет тогда?

Но и у Дашины было немало ненависти и презрения тоже. Отвернувшись от его матери, она поглядела на Натана. Сейчас, когда она стояла перед ним, напряженная, жесткая, как рукоять кнута, Дашины казалась ему еще выше прежнего – такой высокой, что загораживала все небо.

– Он должен поспать, – сказала Дашины. – Гэм, отнеси его, пожалуйста, вниз... Гэм?

Но Гэм не ответил. Вместо него отозвался другой голос:

– Возможно, для его отдыха найдется время позднее. Мадам... Мадмуазель...

Натан узнал этот голос сразу же. Как он мог его не узнать, если слушал лекции, прочитанные этим голосом, на протяжении всего времени своего пребывания в Особняке? Этот голос был ему знаком, как никакой другой. Сириус зарычал. На палубе корабля стоял Беллоуз.

Возле него были жаберники, по меньшей мере двадцать; за их спинами, выскальзывая из воды и шлепая по палубе, словно вытащенные на берег рыбы, лезли новые. Натан схватил Сириуса за ошейник, и хотя у него не было сил, чтобы сдержать зверя, тот повиновался одному его намерению.

– Мастер Натан! Господин вернулся, и вам тоже следует повернуть назад. Ваше возвращение в отчий дом будет подобно возвращению заблудшего ребенка – и надеюсь, не без раскаяния. Несомненно, вас ждет наказание, но Господин не жесток: какова бы ни была ваша участь, все будет сделано в духе восстановления вашего доброго имени, у меня нет в этом сомнений.

Беллоуз не казался разгневанным, но жаберники с трудом скрывали свое отвращение, читавшееся по тому, как они изгибали свои длинные пальцы, как зияли щели на их шеях.

Дашины, держа обнаженный нож, встала между Натаном и его врагами.

– С твоим Господином покончено! – прошипела она.

Беллоуз вздрогнул – не столько от ее слов, хотя они явно уязвили его, сколько от вида самой Дашины, чье существование привело к этой ужасной ситуации.

– Женский ребенок, твоя ярость неуместна. Какую бы боль ты ни желала мне причинить, она несравнима с той, что я уже испытываю по твоей милости, – несравнима настолько, что я ее вообще не замечаю и не буду замечать, как бы ты ни пыталась меня спровоцировать!

Беллоуз махнул рукой жаберникам, и те двинулись вперед, словно нарастающий прилив, медленно и неуклонно. Сириус зарычал, Анаксимандр тоже; оба пса поглядели на тех, с кем их связывал обет службы, испрашивая разрешения атаковать, однако ни тот ни другой его не получили.

Но вот Дашины разрешение не требовалось. Она шагнула вперед; и в этот момент из камбуза донесся вскрик – Присси! За ней показался Пэдж, одна его рука была залита красным и безвольно висела, но другой, держа в ней нож, он обхватил Присси за шею, готовый вонзить его девушке в горло.

– Мистер Пэдж, – проговорил Беллоуз, делая знак жаберникам остановиться, – ваше присутствие здесь также отнюдь не приветствуется.

– Я так и понял. Однако же я здесь!

Из кармана Пэджа торчал свиток, посредством которого он доказал свое право на проезд как наследник солидного состояния; однако свиток Пэджа больше не интересовал.

– О помогите... Боже... На помощь! – вскрикнула Присси.

Натан сделал движение, но боль была слишком велика. Беллоуз взглянул на него лишь мельком; Пэдж не взглянул вовсе.

– Что вы делаете с этим женским ребенком? Сейчас не время для ваших обыденных занятий!

– Я и не собираюсь заниматься своими «обыденными занятиями». Мне просто нужно обеспечить себе безопасный проезд до тех пор, пока я не смогу сойти на берег. С этой целью я и беру девчонку в заложники, зная, что она в фаворе у нашего нового Господина.

Судно кренилось и вздрагивало под ударами волн, и даже если Пэдж полагал, что держится на ногах достаточно крепко, чтобы не перерезать Присси глотку по несчастливой случайности, такая возможность не была исключена. Присси приложила руку ко лбу, словно собиралась еще больше усложнить ситуацию, грохнувшись в обморок.

Беллоуз шагнул вперед:

– Вы ошибаетесь, если считаете, что Господство над Мордью перешло к преемнику. Истинный Господин вернулся, и мы все будем свидетелями его правосудия.

Прижав лезвие ножа к дыхательному горлу Присси, Пэдж шатнулся вперед, к тому месту, где лежал распростертый на палубе Натан. Сириус уже не знал, на кого ему рычать.

– Я вернусь с вами, Беллоуз, – вымолвил Натан. – Обещаю... Только не дайте ему причинить кому-либо вред. Никто из них ни в чем не виноват.

Его голос шелестел словно ветер, едва слышный, но Беллоуз понял слова Натана по их запаху.

Дашины бросилась вперед, но мать Натана удержала ее, схватив за запястье.

– Будем считать, что мы договорились, Натан, – отозвался Беллоуз. – Вы вернетесь со мной, и тогда мы вместе сможем починить то, что вы сломали.

Повернувшись к Пэджу, он двинулся к нему в сопровождении жаберников.

– Господин доверяет мне свои самые могущественные заклинания. Мне достаточно произнести слово, которому он меня научил, и мои враги будут уничтожены. – Беллоуз вытащил из кармана трубку, очень простую, наподобие подзорной. – Господин утверждает, что стоит мне лишь направить ее на объект моего гнева и сказать это слово, как те, кому я желаю смерти, окажутся мертвы.

Беллоуз продолжал подступать к Пэджу, но было видно, что он колеблется, словно не решаясь уничтожить его, словно такое действие не согласовывалось с его щепетильностью.

– Я должен быть сильным, так сказал Господин. Все когда-то случается в первый раз.

Беллоуз направил трубку вперед и прежде, чем Пэдж успел воткнуть нож в горло Присси, произнес необходимое заклинание. Из трубки вырвался луч красного света и с потрескиванием прошел сквозь воздух, неся магическую смерть Пэджу, но не Присси.

Однако Пэдж не был убит! Смеясь, он сделал шаг вперед, и красный луч отразился от него. Гнев Пэджа был гораздо больше, чем гнев Беллоуза, а круг его врагов – гораздо шире, и красный свет разгорался все ярче, пока не осветил Беллоуза и его жаберников,

заливая их с ног до головы, заполняя их изнутри, так что они засияли сами – и сияли так ярко, что в конце концов загорелись. Их кожа вздулась пузырями, лопнула и стала сворачиваться, мгновенно превращаясь в ничто.

На тех местах, где они стояли, обнаружили мальчики – тощие, хилые, малорослые создания. Они лежали, свернувшись на боку, как будто спали. И Беллоуз вместе с ними.

Пэдж наклонился над лежащим на палубе Беллоузом – он не мог сдержать желания поглумиться.

– Ты не единственный, у кого имеются волшебные игрушки! – Он вытащил из внутреннего кармана сюртука свое зеркальце, то самое, в которое постоянно смотрелся, невротически поправляя волосы. – Гляди, идиот! Защита высочайшего уровня! Лучшее, на что была способна Госпожа. Оно может отразить что угодно!

Пэдж опустился на колени, чтобы показать его Беллоузу. Зеркальце выглядело абсолютно таким же, как любое другое, используемое для того, чтобы причесаться или проверить, как сидит костюм на спине, однако теперь оно светилось мерцающей силой.

– Неужели ты думал, что я хожу без всякой защиты? Глупец! Умри же, напыщенный болван!

Пока его внимание было полностью поглощено Беллоузом, Гэм, подгоняемый настойчивыми и раздраженными жестами Присси, выбрался из своего укрытия позади бочонка, куда та прежде направила его дожидаться именно такой возможности. «Ложная Девица» была ее фирменным трюком, и она всегда играла свою роль безупречно, имела ли дело с Натаном, с галантерейщиком или кем-либо еще, так что Пэдж даже не успел смекнуть, что к чему.

Без лишних слов Гэм воткнул Пэджу в спину стилет, который получил в наследство от Джерки Джо. Тусклый, ничем не примечательный клинок скользнул между ребрами Пэджа в том месте, где они прикреплялись к позвоночнику. Ударить сзади – наилучший способ добраться до сердца противника; и сердце Пэджа, пронзенное насквозь, тотчас перестало биться.

– От ножа магические зеркала не особо помогают, а, мистер Пэдж? – сказал Гэм.

Трудно сказать, был ли Пэдж еще жив, чтобы услышать эти слова. Прежде чем вернуть нож на место, за голенище ботинка, Гэм обтер

лезвие о бархатные штаны Пэджа, бугрившиеся над ягодицами, – просто чтобы от него была хоть какая-нибудь польза.

Беллоуз дрожал всем телом. Он был несколько крупнее Натана, но ненамного, и к тому же весь белый, словно проросток картофеля, как бы просвечивающий по краям. Будто его так долго держали в темноте, что тело приобрело склонность к альбинизму, лишившись всех защитных механизмов, необходимых днем, когда светит солнце; будто его кожа была освобождена от затратных усилий по защите самой себя. Ноги у него были тонкими, руки принадлежали мальчику, явно не привыкшему к грубым забавам. Его глаза были глубоко посаженными: глаза книжочья, которого больше интересуют движения слов на странице, нежели тел на улице.

У него были длинные пальцы с аккуратно остриженными ногтями, губы тонкие и чуть розоватые, почти бесцветные, едва заметно выделяющиеся на фоне белизны лица. Его нос был маленьким и курносым – человек, настроенный неблагоприятно, сказал бы, что он больше напоминает свиной пяточок; в нем определенно не было ничего общего с той могучей лопастью, что резала собой пространство в коридорах Особняка.

Беллоуз едва дышал, но все же какое-то движение угадывалось под кожей, тонкой и хрупкой, словно пергамент или рисовая бумага. Желудочки и предсердия его сердца сокращались под ребрами, отбрасывая тень своей работы на поверхность снаружи. Было невозможно ненавидеть это существо, этого ребенка, кем бы он ни был; и в любом случае ненависть была сейчас для Натана чересчур сильным чувством. Любовь и ненависть – он испробовал и того, и другого в достатке; теперь у него не было сил ни на одно из этих чувств.

Собрав последние силы, он повернулся к своей куртке. Каким-то загадочным образом та оказалась сложенной и помещенной между его спиной и досками палубы, в тени смоляного бочонка.

– Куда это ты собрался, Натан? – спросила Дашини.

Ее ладонь лежала на его плече, но прикосновение было настолько далеким, настолько обыденным для этого момента, что его можно было не принимать во внимание.

Перед ним был Беллоуз, и этот мальчик умирал.

Беллоуз... Булё... Берч... Натан нащупал книгу, лежавшую в кармане куртки – «Кожу, зубы и живой голос Адама».

– Нат, тебе чем-нибудь помочь?

– Нет... Присси... – Натан с трудом выдавил эти слова из губ. Он должен был сделать это сам.

Разве Беллоуз не был всегда добр к нему, насколько мог? Он был его учителем, даже если учебный план наметил другой человек. Беллоуз всегда ревностно выполнял свои обязанности, доверял Натану во всем, обращался с ним настолько хорошо, насколько это от него зависело.

Натан ухватил книгу за угол и потащил к себе. Она зацепилась за гвоздь, шляпка которого вышла из древесины – вероятно, ввиду постоянной необходимости переборок отвечать на движения морских волн, а море и дерево вещи плохо совместимые, поскольку одна из них относительно стабильна, другая же обладает значительно большей подвижностью. Натану пришлось приподнять книгу так, чтобы переплет мог проскользнуть поверх шляпки; сил поднять книгу полностью у него уже не было.

Покончив с этим, он повернул голову – и увидел Беллоуза, прижавшегося одной щекой к палубе; другая надувалась и опадала, словно крошечный воздушный шар или горло квакающей жабы. И действительно, Беллоуз издал хриплый квакающий звук, совершенно неуместный на его мальчишеских губах: тихий, горловой то ли скрип, то ли стон, полный боли и скорби.

Натан подвинул к Беллоузу книгу – его брата – и придвинулся сам.

– Я его нашел, – проговорил Натан.

Часть четвертая. Огниво

Когда мы видим на горизонте корабль, часто его бывает не различить на фоне вздымающихся гребней волн. Его можно принять за морскую птицу, летящую низко или сидящую на воде далеко впереди на линии взгляда наблюдателя; его образ колеблется в дрожании воздуха над водной поверхностью. Это может оказаться миражом – опытные моряки допускают такую возможность, ибо в прошлом им не раз доводилось обманываться, считая существующим нечто, чего на самом деле не было. «Протри глаза рукавом, прежде чем делать какие-либо предположения» – таков их совет.

Если это все же корабль, то он будет постепенно расти, превращаясь из точки, изначально вызвавшей наши подозрения относительно его присутствия, в нечто более отчетливое, постепенно отделяясь от линии более темного синего цвета, что разграничивает синеву неба и синеву моря, и все больше становясь самим собой.

Если не протереть глаза, то от влаги, скопившейся на хрусталиках в результате резкого и соленого морского бриза, изображение будет искажаться и расплываться; но в конечном счете мы все же увидим корабль. Когда сомнения почти исчезнут, мы, схватив за рукав стоящего рядом человека, нашего друга, спросим его, просто чтобы быть уверенными:

– Что это там, корабль?

Наш друг ответит утвердительно или отрицательно, и на этом вопрос будет исчерпан.

Корабль, который увидел Натан, появился совершенно не таким образом, и Натану не требовался друг, чтобы подтвердить его присутствие (что было только к лучшему, поскольку кого он мог теперь назвать другом?).

Этот корабль явился разом из ниоткуда, огромный и черный, с черными парусами, и на его черном носу стоял Господин. Казалось, будто черный корабль вот-вот врежется в них и их потопит; и хотя Натан сам едва мог двинуться, он попытался крикнуть, предупреждая остальных. Но даже если бы ему и удалось заставить слова вырваться

из своего рта, его не услышал бы никто, кроме Господина, поскольку Натан внезапно оказался на его корабле, а все остальные исчезли.

Натан лежал ничком на черной палубе. Господин сделал несколько шагов, подойдя к нему. Его руки были небрежно сцеплены за спиной, на губах играла скупая улыбка.

– Ну-ну. А ты времени даром не терял, верно? – проговорил он. Выражение его лица было мягким, почти отеческим, почти веселым. – Стоило мне на пять минут отвернуться...

– Где остальные?.. – прошептал Натан.

Господин уселся на палубу, скрестив ноги и аккуратно расправив вокруг себя полы сюртука.

– Я помог им добраться до места назначения. До Маларкои. Лучше, если нас в ближайшее время будет разделять некоторое расстояние. Дело может оказаться несколько неопытным, именно поэтому лучше делать его на море: здесь не так сильно можно навредить.

Господин протянул руку, разжал Натанов кулак и вынул из него глаз Бога.

– Кажется, ты достаточно с этим позабавился?

Он небрежно сунул глаз в нагрудный карман. Натан попытался сесть, но у него было слишком мало сил.

Паруса корабля были из черной материи, корпус – из выкрашенных черным дубовых досок. Все швы были промазаны черной смолой, в окнах тускло поблескивало черное стекло. Пушки были отлиты из черного чугуна, и Господин, сидевший рядом, был с ног до головы одет в черное. Небо затягивалось тучами: собиралась гроза.

Натан поднял руку – и она отделилась от рубашки. Он поглядел вниз и увидел под собой свою одежду, кучкой лежащую на палубе. Корабль качнуло; он протянул руку, чтобы опереться, – рука прошла сквозь дерево. Медальон в его груди оставался на месте, и сердце по-прежнему билось вокруг него, но когда Натан начал соскальзывать сквозь палубу, цепочка лужицей собралась на досках. Все шло к тому, что он вот-вот провалится в камбуз, а медальон останется наверху.

Господин ухватил его за запястье и втащил обратно.

– А ведь я предупреждал тебя, чтобы ты не Искрил. Помнишь, тогда, в первый раз, когда ты ко мне пришел? – Он встал, держа Натана

перед собой так, чтобы казалось, будто ноги мальчика стоят на палубе. – Ты можешь сильно себе навредить, если не будешь осторожен. Впрочем, ничего страшного. Мы ведь друг на друга не в обиде, верно?

– Что со мной происходит?

Господин вздохнул, поджал губы и слегка нахмурился, очевидно размышляя над тем, насколько может посвятить Натана в свои секреты.

– Видишь ли, Натан, кое-кто мог бы сказать, что теперь, когда ты наконец-то в моих руках, я должен быть великодушным и рассказать тебе все, что знаю. Посвятить тебя во все. Но я не великодушный человек. Совсем напротив: я желаю владеть всем единолично. Всем, Натан! Включая тебя. Поэтому я скажу тебе лишь одно: мальчик, который Искрит, не сдерживаясь, как это делал ты, мальчик, который использует плоть Бога, чтобы преодолеть запрет своего отца, мальчик, который уничтожает волшебные книги, устраняя тем самым собственную защиту, мальчик, который вступает в заговор со своими врагами, – такой мальчик своими действиями пожирает сам себя. Ты израсходовал себя, Натан, и теперь, когда у тебя почти не осталось формы, для меня стало возможным то, что при других обстоятельствах было бы невыполнимо.

Первые крупные медленные капли начинающегося дождя упали на палубу, расплескиваясь по черной поверхности под ногами Натана неровными, еще более темными кругами. Он вытянул ладонь – и дождь не намочил ее.

Господин привлек Натана к себе, словно желая защитить от непогоды.

– Не огорчайся. Ты всего лишь мальчик. Я с самого начала знал, что ты будешь неспособен сдержаться. Нет, я виню во всем Дашини: вот она действительно представляет собой некоторую угрозу. Сколько разрушений вы вдвоем причинили!

Господин обнял Натана обеими руками, приподнял и прижал к себе, вжимая в грудную клетку.

– Вы совершенно по-варварски обошлись с Особняком, но по-настоящему мне жалко Беллоуза. Он – единственное, что у меня не получится исправить. Со всем остальным проблем не будет, теперь, когда у меня есть ты, а вот Беллоуз... – Господин запрокинул Натанову

голову назад. – Я думаю, Натан, что, должно быть, я любил Беллоуза. Как тебе такой секрет?

Он запечатлел на лбу Натана легчайший из поцелуев.

– А теперь, можешь мне верить или нет, но для меня это будет еще больнее, чем для тебя.

Господин с новой силой прижал Натана к груди, словно от избытка чувств; но затем давление стало таким сильным, что Натану показалось, будто у него вот-вот раскрошатся кости. Он чувствовал, как у Господина бьется сердце, и это биение отзывалось болью на его, Натана, коже. Господин стиснул его сильнее, так что ребра Натана вдавились внутрь, прижавшись к металлу медальона. Могут ли на ребрах оставаться синяки? Разве ребра вообще могут чувствовать боль? Натану казалось, будто весь его скелет сминается, сжимается внутрь себя. В нем не осталось воздуха, чтобы кричать, – а он бы закричал, если б мог.

Он смотрел прямо в лицо Господина: тот тоже кричал, хотя его рот был закрыт. Его челюсти были так крепко стиснуты, что за губами трескались зубы, глаза настолько выпучены, что лопались веки.

Дождь продолжал лить; повсюду вокруг ломались черные доски. Сперва ближайšie к ним – они расщеплялись, разъединялись, обнажая белизну дубовой древесины, затем, когда Господин надавил сильнее, показалась и не тронутая чернотой сердцевина; балки вставали дыбом, черные чугунные пушки проваливались сквозь палубу, черные паруса рушились сверху. Грудная клетка Натана была как эти пушки и трескающееся дерево, кожа – как паруса, кости – как гвозди, крепившие доску к доске; и все мучительно раздиралось на части.

Мышцы и связки в теле Господина рвались от усилий, необходимых для сдавливания Натана, даже несмотря на то, что мальчика к этому моменту уже наполовину не было; ветер хлестал их струями дождя.

Боль Натана исчезла, когда он умер. Он больше не был мальчиком в мальчишеском теле: он превратился в призрак, прикрепленный к элементам прежнего себя, но не единого с ними. Теперь он был отделен от страдания, от скорби этого процесса: он просто смотрел, как Господин корчится в муках. Сколько усилий ему для этого

требовалось! Он выглядел просто ужасно. Вероятно, его мучения были невыносимы.

Корабль вокруг них рассыпался на куски, и Господин, обвившийся вокруг Натанова тела, пошел ко дну, словно лот для замера глубины или брошенный якорь. Оказавшись под водой, Господин испустил вопль. Хотя сдавливание и было мучительным, очевидно, оно было только началом, поскольку от этого вопля вода вокруг вскипела и испарилась, волны расступились, обнажив морское дно; дождь превращался в туман, не успев прикоснуться к ним.

Господин падал, словно брошенный мяч, и Натан падал вместе с ним, но если бы у него сейчас оказались руки, он не воспользовался бы ими, чтобы прервать падение, – он протянул бы их, чтобы попытаться утешить Господина. Вот так же выглядело лицо его отца: страдание за гранью любого мыслимого терпения; вспухшие вены, лопающиеся на щеках капилляры, неопрятные брызги летящей слюны...

Неужели что-то может иметь такую цену?

Они ударились о дно моря, уже спекшееся накрепко, словно глина в печи для обжига. Господин набрал в грудь воздуха, поднялся на ноги, прочно расставил их посреди хрупких ракушек – и испустил вопль такой пронзительности и силы, что вокруг завибрировал воздух, а звук превзошел пределы звука.

То, что осталось от Натана, Господин держал между ладонями, которые стискивал все крепче, вжимая одну в другую, вкладывая всю свою энергию, всю свою боль, всю свою магию, всю свою силу в структуру своих пальцев, своих ладоней, укрепляя их, усиливая их этим воплем. Господин желал сделать Натана таким маленьким, чтобы его можно было поместить внутрь медальона, – теперь с расстояния, отделявшего призрака от мира вещей, это было ясно видно. Для того чтобы этого добиться, ему требовалось сжать вещество Натана как можно крепче, увеличить его плотность, вылепить из него нечто гораздо меньшего размера, не потеряв ничего существенного. Если бы Натан был прежним плотным мальчиком, подобное сжатие было бы для него чрезмерным, но его тело еще до начала процесса практически потеряло вещественность. Он сам сделал за Господина половину работы.

И ради чего? Чтобы разгромить Мордью? В распоряжении Господина был труп Бога, а в распоряжении Натана была Искра – дух Бога... Теперь, когда Господин заполучил и то и другое, что могло помешать ему самому стать Богом?

Город – невеликая жертва ради такого.

И Натан не мог сделать ничего, чтобы этому воспрепятствовать. Теперь уже не мог. Может быть, раньше, если бы не начал Искрить...

Теперь его тело представляло собой нечто вроде свиной погадки – непереваренного остатка мышиной тушки, отрыгнутого птицей, – и Искра оставалась прикрепленной к нему. Со слезами на глазах и кровью на губах Господин уронил то, что оставалось от Натана, вместе с медальоном, на морское дно. Он произнес одно последнее – совсем простое – заклинание, чтобы вывернуть медальон наизнанку. Щелкнув, медальон раскрылся, его крышка выгнулась назад, коснулась спинки – и со щелчком же захлопнулась, заключив Натана внутри.

Если бы он не был трупом и призраком, содержащимся взаперти, то мог бы увидеть, как Господин опускается на колени и подбирает медальон, лежащий среди ракушек. Он увидел бы, как Господин накидывает цепочку себе на шею, как аккуратно расправляет ее на плечах. Он бы увидел указательный палец своего отца, оставшийся валяться позади, и то, как Господин тщательно наступает на него и вминает каблуком в морское дно.

Он бы увидел, как на лице Господина появляется улыбка.

Но Натан был заключен внутри медальона, поэтому он не увидел ничего.

Когда морские воды вернулись на прежнее место, вновь погребая дно под своей вскипающей пучиной и подставляя дождевым струям мятущуюся поверхность, Господина там уже не было.

Глоссарий

«Quincunque vult»

Девиз «**Афанасийского Храма**», означающий, что каждый, имеющий желание, может войти в его двери^[10]. Его использование относительно данного заведения скрывает в себе скабресный каламбур, который может показаться забавным лишь людям того типа, что пользуются его услугами.

«Repetitio est pater studiorum»

Найденная в старых **книгах** фраза на мертвом языке, означающая «упражнение приближает к совершенству»^[11]. В качестве выражения, может быть, и верно, но ужасно скучно на практике.

«Sic parvis magna»

Найденная в старых **книгах** фраза на мертвом языке, означающая «большое начинается с малого», что верно для **вещественной сферы**, где существует цепь причинно-следственных связей, но не имеет никакого смысла в **невещественной сфере**, где все вещи пребывают, будут пребывать и пребывали всегда.

«Бомонт и Сыновья»

Имя, данное компании, производящей свинину в промышленных масштабах. Надлежащее место для свиньи – на открытом воздухе, в грязи или же в лесу, где можно рыться в поисках съедобных кореньев; однако хотя свиньи, без сомнения, замечательно себя чувствуют в местах обитаниях подобного рода, гораздо эффективнее с рождения содержать их в загонах под общей крышей, где их можно будет выкармливать, пока они не вырастут, чтобы потом не пришлось за ними гоняться. Кроме того, мясо легче нарезать, когда в нем нет жестких мышечных волокон, а поскольку мышечные волокна образуются при движении, лучшее мясо получается, когда животное стоит смирно (как это происходит в загонах). Существует возможность получать превосходный **бекон** в больших объемах, помещая в загон поросят и выкармливая их всего лишь несколько месяцев, и в «**Бомонте**» этот процесс усовершенствовали до предела. Очевидно,

что свиньи, если бы им дали слово, не захотели бы оставаться в загонах, ввиду чего загоны приходится делать крепкими. Очень жаль, что свиньи такие умные животные, поскольку порой какой-нибудь свиновод начинает подозревать, что его животные знают о своем страдании. Но, с другой стороны, разве не все мы страдаем? С какой стати свиньи не должны страдать, если, несомненно, страдает свиновод, вынужденный с утра до вечера трудиться в загоне рядом со своими подопечными? И к тому же за совсем небольшую плату, поскольку рынок **бекона** не смог бы выдержать высоких цен. Поэтому нередко случается, что какой-нибудь хряк получает исподтишка тычок в бок от проходящего мимо свинаря, особенно когда у того затягивается смена, а свиньи, как ему мнится, только и мечтают о том дне, когда они освободятся и оплатят своим содержателям за их недоброту. Впрочем, каждый свинарь считает, что такой день никогда не придет.

«**Маски и марионетки**»

Заклинание обладания, требующее изготовления особых масок; изобретено в заточении дочерью **Госпожи Маларкои, Дашини**. Это **заклинание** преодолевает способность человека владеть своим телом, изгоняя его в **промежуточную сферу**, где он вселяется в тело какой-либо сущности, более не обладающей собственным «я», – например, сброшенной оболочкой **демона**, переместившегося в более подходящую для него форму. Пока маска остается в целости, ее носитель может пользоваться телом того существа, которое представляет маска. Технически такое переселение может быть и постоянным, однако материал, из которого изготовлена маска, рано или поздно разрушится, и было бы воистину постыдным деянием, если бы кто-либо сознательно выслал другого в место обитания, для него не подходящее, так что уж лучше оно все же будет временным.

«**Муйрху**»

Судно, которое периодически ведет торговлю в водах, окружающих **Мордью**; может быть нанято за разумную цену для выполнения задач, для которых собственный флот не вполне подходит. Если, например, некто желает заслать своего агента на вражескую территорию, для него будет неразумно отправлять агента на корабле

под собственным флагом, ибо такой корабль будет потоплен еще до того, как достигнет берега. Нейтральные же суда, с другой стороны, нередко появляются в любых территориальных водах, так что для них возможно добраться до места неповрежденными.

В отличие от большинства других кораблей, «**Муйрху**» движется за счет огромной и весьма раздражительной **волшебной рыбы**. Кто-то может счесть это веселой шуткой, однако моряки «**Муйрху**» находят, что с **рыбой** нелегко управляться, и непрестанно гадают, с какой стати их капитан решила, что паруса хуже подходят для того, чтобы заставить корабль двигаться.

«Опровержение льдом»

Заклинание, заключенное в кинжале, которым может воспользоваться лишь наследующий **Искру**. Почти бесконечно эффективно в превращении незамороженных вещей в замороженные с целью защиты жизни обладателя. Впрочем, как обстоит дело со всеми могущественными предметами, его сложно использовать в полную меру его возможностей.

«Собрание невинных проделок»

Книга заклинаний, содержащая **волшебство** такого рода, какое ребенок может найти забавным и которое может скрасить скучный вечер (взрывы, вспышки, простейшие превращения), но это отнюдь не значит, что в ней нет никакой пользы. Как часто бывает, дети могут быть ознакомлены с важными принципами и серьезными вопросами, если предлагать их в аппетитной обертке; сборники, подобные этому, встречаются и в местах менее мрачных, нежели **Мордю**, предназначаясь для развлечения и наставления детей в искусстве **магии**. Каждое **заклинание** дается обособленно и при отдельном применении вполне безобидно, но некоторые комбинации уже могут представлять опасность. Так, **заклинание**, вызывающее красивые огоньки, может быть использовано совместно со скручивающим **заклинанием** и с **заклинанием**, заставляющим нечто расти: таким образом можно получить крупное изображение, допустим, льва. Если этому образу придать массу при помощи **заклинания** утяжеления, то можно получить вполне действенного льва. После этого потребуются только раздражить его еще каким-нибудь подходящим **заклинанием** –

и он примется бушевать. Так что детей следует предупреждать, чтобы они использовали книгу строго согласно указаниям.

«Музыкальный позыв»

Ресторан в **Торговом конце**, управляемый **мистером Пэджем**. Здесь подают импортное мясо, овощи с **Северных плантаций**, а также ферментированные виноградные соки. Хотя ресторан принимает у себя самых зажиточных и почтенных членов общества, заправляют им преступные элементы, и он служит прикрытием для темных дел, творящихся по всему **Мордюю**. Изначально он назывался «Музыкальный порыв», по имени легендарного плавучего театра, но **мистер Пэдж** изменил название. Это была шутка, понятная только ему: внешне безобидное – в значении места, где можно приятно провести время, – оно искусно скрывало другой смысл, основанный на устаревшем значении слова «позыв», давно вышедшего из употребления среди его клиентов. Возможность в открытую оскорблять умственные способности своих ничего не подозревающих посетителей имеет большую ценность в глазах **мистера Пэджа**.

Le Roi de L'Ombre^[12]

Царственная и довольно темная фигура. Сам не являясь богом, он обладает силами, которых боятся даже боги. Ему поклоняются на **Острове белых холмов**, где он соревнуется за первенство с **Белым Оленем**.

Адам

Старший брат **Беллоуза** – главного служителя при **Господине Мордюю**. В юности был послан в **Маларкои** с поручением и не вернулся. Считая его мертвым, **Беллоуз** оплакивает брата, и ничтожной надежды, что тот, возможно, все еще жив, недостаточно, чтобы утишить его скорбь.

Алифоньер (-ы)

Древняя мегафауна, ныне сохранившаяся лишь в **Зоологическом парке Мордюю**. Эти животные, знаменитые своими огромными размерами, цепким хоботом и торжественно-скорбным видом, считаются чрезвычайно умными, хотя как вид они не смогли избежать почти полного вымирания. Но что тогда ум, если не способность

находить возможности для процветания? Может ли существо называться умным, если оно позволяет изгнать себя с земли своих предков и держать в клетке? Уж конечно, умные должны преуспевать там, где глупые погибают? Глядя в слезящиеся глаза **алифоньера**, трудно удержаться от подобных мыслей, ходящих кругами точно так же, как сами эти животные кружат по огороженному пространству, в котором заточены.

Анаксимандр

Имя, которое выбрал для себя **волшебный** пес **Грызь**. Смысл существования собак в том, чтобы драться и работать, однако **Господин Мордю**, вырастивший **Грызю**, предназначил ему говорить, так что теперь он ходит по миру, обладая человеческим голосом. Поскольку управление человеческим голосом требует наличия человеческого мозга, он у пса также имеется. Однако собака остается собакой, и тело имеет на мозг влияние, которое часто недооценивается. Кто станет отрицать, что прихоти тела оказывают воздействие на наши мысли? Разумеется, никто из тех, кому хоть раз доводилось испытывать муки голода или похотливые позывы и действовать в соответствии с ними. Итак, собачье тело и человеческий ум сформировали личность, являющуюся чем-то третьим, ни тем и ни другим. Была ли его уникальная природа тем, что побудило его выбрать себе такое имя, которое, по мнению некоторых, отсылает к некоему человеку, жившему в доисторическую эпоху, знает лишь он один; и поскольку никаких записей об изначальном **Анаксимандре** не сохранилось, трудно сделать однозначное заключение касательно того, вкладывалось ли в этот выбор какое-либо значение. Возможно, будущие исследователи еще разгадают этот ребус, если действия **Грызю** в этом мире завоюют ему известность.

Ангел

Человек принадлежит к **вещественной сфере**, **призрак** – к **невещественной сфере**, а **Бог** – к **холсту**. Каждый из вышеназванных типичен для той сферы, из которой он произошел. Но что насчет существ, пребывающих одновременно в нескольких сферах или же рожденных в **промежуточной сфере**? Существо большей частью вещественное, но имеющее толику невещественного, а также толику

холста, называют **демоном**. Существо большей частью невещественное, но имеющее толику вещественного и толику **холста**, получило наименование **ангела**. Как **демонов** занимают вещи низшего, материального порядка (насилие, ненависть и уродство), так заботой **ангелов** являются вещи высшие, нематериальные (мысль, любовь и красота).

Анкуретик (-и)

Города, в которых границы между **вещественной** и **невещественной сферами** охраняются не особенно тщательно и в коротком времени оказываются наводнены **призраками**, что возвращаются из **невещественной сферы**, пользуясь ослаблением плотности **холста** из-за небрежного использования **магии**. **Анкуретические** машины подтягивают **холст**, предотвращая дальнейшую миграцию с другой стороны и одновременно рассеивая все сущности, оставшиеся в **вещественной сфере**. Обе эти функции осуществляются посредством колебания нитей **холста** и являются частью единого процесса, но для стороннего наблюдателя заметно лишь рассеивание **призраков** (зрелище, вселяющее беспокойство, поскольку эта процедура, кажется, для них весьма болезненна), ввиду чего эти машины имеют дурную репутацию.

Ассамблея

Мордюю – далеко не все, что есть в мире: мир не кончается ни в **Маларкои**, ни даже в **Черноводье**, но продолжается во всех направлениях на неизмеримые расстояния. Человек, пустившийся от **Мордюю** напрямик по воде (если у него достаточно **магии**, чтобы море удержало его) с намерением не останавливаться, пока он не доберется до конца вещей, окончательно выбьется из сил прежде, чем его цель будет достигнута (если это вообще когда-нибудь произойдет). Бóльшая часть территории, которую он минует, прежде чем сдастся и повернет обратно, находится под контролем **Ассамблеи** – воинственно-гуманистической, атеистической, коммунистической, рационалистической, демократической федерации покоренных территорий. Многие десятилетия взгляд **Ассамблеи** был обращен к землям на востоке, но в последнее время там вспомнили о **Мордюю** и своей вендетте с **Господином** этого города (равно как и всеми прочими

теистическими образованиями). Их **Седьмой Атеистический крестовый поход** едва не закончился полным разрушением **Мордюю**; лишь малой толики не хватило этому предприятию до завершения намеченного, по причине гигантского **жертвоприношения**, предпринятого людьми, жившими в ту эпоху. Теперь же – как знать, что **Ассамблее** удалось обнаружить на востоке и как это сможет ей помочь сместить равновесие?

Атеистический крестовый поход (-ие/ -ые/ -ы)

Ассамблея выступает против Бога и всех богов, поскольку все теистические образования враждебны человечеству. Существование божеств разрушает мировой **холст**, поворачивая течение событий прочь от конечного освобождения всех людей. **Бог и все боги** неспособны покинуть **холст**; также они являются бессмертными, если их не убьют. Ввиду этого **Ассамблеей** был выпущен Атеистический декрет, провозглашающий, что **Бог и все боги** должны быть убиты. **Атеистические крестовые походы** имеют задачей осуществление этого декрета. Крестоносцы набираются среди добровольцев и, получив контртеистическое перевоспитание, обучаются **богопризыванию и богоубийству**.

«Афанасийский Храм»

Бордель в **Южных трущобах** возле границы **Торгового конца**, благородные обитатели которого часто сюда заглядывают. В число работниц, помимо других, входит и сестра **Присси**. Сильное отвращение **Присси** к неизбежно грозящей ей работе здесь является мотивом едва ли не всех ее поступков.

Бекон

Консервированная солонина, изготавливаемая из мяса свиней и выпускаемая компанией **«Бомонт и Сыновья»**. В **Торговом конце** потребление бекона распространено повсеместно – в жареном виде, так что его специфический запах можно различить в любой части **Мордюю**. Жители трущоб редко едят это кушанье, но лишь потому, что не могут его себе позволить.

Беллоуз

Имя, данное главному служителю **Господина Мордюю**. Подвергшийся **магической** мутации мужской ребенок, с юных лет поступивший на службу к **Господину**. Тот обнаружил, что **Беллоуз** обладает высокоразвитым чувством обоняния, а также страстной лояльностью. Поскольку **Господин** терпеть не может зря тратить усилия и гораздо проще изменить то, что находится перед тобой, чем начинать все с нуля, он модифицировал **Беллоуза** с намерением использовать его в каком-либо незначительном качестве (к примеру, для поиска трюфелей). Позже обстоятельства изменились, и задачей **Беллоуза** стало вынюхивать «**выделения**» женских особей. Это было объяснено тем, что женщины и девочки оказывают губительное воздействие на **магию Господина** (вероятно, ввиду их свободного взаимодействия с **народной магией**, чему способствует их наследуемая синхронизация с **холстом**), но высказывались предположения, не является ли это формой беспокойного желания защитить **Особняк** от вторжения **Госпожи** и ее женских агентов.

Белый Олень

Один из меньших богов, рожденный на территории, окружающей **Маларкой**. Лишен дара речи и почти всякого здравого смысла, но предположительно обладает великой мудростью. В отсутствие у него средств для передачи этой мудрости другим это предположение приходится принимать на веру; однако как организм, в высшей степени наполненный **холстом**, он наделен могущественным **волшебством**. Будучи рассержен (в особенности если речь идет об осквернении его земель), он может при помощи **Искры** восстановить условия, сохранившиеся в **холсте**, тем самым возвратив мир к предпочитаемому им состоянию. Такая **магия** обладает широким спектром действия, и ей трудно противостоять, поэтому **Белый Олень**, пока жив, может отменить любые попытки отменить то, что было им отменено. Впрочем, хоть он и бог, **Белый Олень** все же является животным и как таковое склонен к иррациональным действиям. Инстинкт чаще всего заставляет его бежать от конфликтов, и его легко испугать.

Берлога

Другое название штаб-квартиры **Клуба**, данное ей шайкой **Гэма Хэллидея**.

«Благородные посетители»

Благородными называют людей такого типа, какой известен своей респектабельностью, значительным достатком и изысканными манерами. Однако человек всегда остается человеком, и, каким бы воспитанным он ни был, он мало чем превосходит прямоходящий вид обезьяны. Его одолевают животные побуждения, и воспитание требует, чтобы он от них отрекся. Какое-то время ему, возможно, удастся держаться такого отречения, однако это не длится вечно, и когда его способность к сохранению респектабельности истощается, он надевает пальто, шляпу и перчатки, по-кошачьи шмыгает в темноту, избегая встреч со знакомыми, и устремляется к местам, где его наверняка никто не узнает. Здесь он принимается искать определенные знаки, разлучает со своим кошельком необходимое количество монет и наносит визит той несчастливой особе, которая ценит эти монеты в большей степени, нежели свое достоинство.

Бог

Творец всех вещей и отец человечества. Будучи сочетанием совершенного вещества и совершенного принципа, рожденным в полном согласии с **холстом** (ввиду чего некоторые называют его **холстовиком**), он был/есть/будет способен творить **волшебство**, неотличимое от всемогущества, за лишь двумя важными исключениями: у него не было/нет/не будет власти исказить **холст** (поскольку он был/есть/будет единосущен с ним), а также он был/есть/будет уязвим для машин, способных исказить **холст** (см. **Богопризывательные машины и Богоубийцы**).

Эта уязвимость и сделала возможным его убийство, хотя продолжающееся существование **холста** и присутствие в **вещественной** и **невещественной сферах** как его вещества, так и его принципа допускают его **воскресение**, буде два этих аспекта его божественности благодаря случайности или замыслу сочетаются вновь.

Труп **Бога** излучает творческие эманации на все, что находится поблизости, а вещественная форма его нематериального принципа, олицетворением которой, по мнению некоторых, является **Искра**, может использоваться различными способами для творения **магии**.

Ввиду сказанного обе эти вещи высоко ценятся и разыскиваются теми, кто обладает нужными познаниями, чтобы использовать их могущество или же противостоять ему.

Богопризыватель (-и)

Существует много типов машин, но нет среди них других столь же сложных, как **Богопризывательные машины**, построенные для **Атеистических крестовых походов**. Покоряя теистические территории, крестоносцы разграбляли святые места, обращали в рабство жрецов, проливали кровь верующих. Из святых реликвий в сочетании со своими собственными святотатственными, искажающими **холст магическими** артефактами, напоенными кровью побежденных, они соорудили огромные могущественные дыбы. Взгромоздив их на машины, способные везти их в битву, крестоносцы осадили **Бога и всех богов** и призвали их к своим дыбам, где подвергли пыткам и уничтожили. См. также: **Богоубийцы**.

Богоубийца (-ы)

Ассамблея устраивает дела людей так, что они работают на самих себя, вместо того чтобы служить **Богу** либо **Господину** или **Госпоже**. Плодами своих трудов они могут наслаждаться непосредственно, что, по общему мнению, является великим благом. Некоторые из членов **Ассамблеи** настолько остро чувствуют пользу такого положения, что готовы принести в **жертву** собственные личные удобства, чтобы послужить всеобщему благополучию (по крайней мере, на какое-то время). Ввиду этого они посвящают свои усилия изучению нужных, но очевидно трудоемких областей знания. Одна из таких специализированных каст посвятила себя **Атеистическим крестовым походам**; существуют специалисты-крестоносцы, обученные методам, посредством которых возможно убийство **всех богов**. Эти **богоубийцы**, исследователи кощунственного знания, сделали инженерами высочайшего уровня сложности: при помощи награбленных реликвий они смогли сконструировать оружие, способное справиться с бессмертием. Это оружие они используют совокупно с **Богопризывательными машинами** для завершения задачи **Атеистических крестовых походов**, а именно – богоубийства;

хотя почему они не могут попросту оставить богов в покое, совершенно другой вопрос.

Большие ящерицы

См.: **Дракон (-ы)**.

Брат Присси

Мальчик, ныне мертвый. Он погиб на службе **Господина**, но в некоторых отношениях имеет общие черты с **Натаном Тривзом**.

Братья Доулиш

Двое **чреворожденных** мальчиков, которые, хотя и произошли от женщины невеликой ростом, имеют массивное телосложение. Их мать – **Мама Доулиш** – содержит **распивочную в Южных трущобах** и с этого места заправляет процветающей преступной империей, сдерживаемой лишь наличием ее предполагаемого работодателя, **мистера Пэджа**. Все трое не желают **мистеру Пэджу** ничего хорошего, а вот исполнится ли их желание видеть его мертвым, покажет лишь течение времени.

Бронза

Монета с низкой стоимостью.

«Букварь Лангермана»

Никто не знает, жил ли когда-нибудь человек по имени Лангерман и вообще принадлежит ли это имя конкретной персоне, однако его «Букварь» является **волшебной книгой**, и заключенные в нем **заклинания** описывают базовые преобразования, какие могут быть проделаны с миром посредством **магии**. При помощи **магии** вещи можно делать симметричными, поворачивать, деформировать и менять различными другими способами, и эта **книга** рассказывает читателю, как это делать, а также содержит записи нужных для этого слов и состояний **холста**.

Бутоньерка

Кто, глядя на струящийся по ветру флаг корабля, не ощутит в груди прилив некоторых эмоций? Если он страшится пиратов, вид флага породит в его сердце страх; если же он приветствует

возвращающуюся с победой флотилию, его охватит возбуждение и гордость. Какие-то чувства всегда будут. Поэтому, когда мы воспроизводим цвета этих флагов в виде цветочного букета и прикрепляем его к лацкану, тем самым мы надеемся в миниатюре присвоить себе то самое (более масштабное) чувство. Или же, возможно, данная цветовая комбинация отзывается в нас воспоминанием о некоем сходном сочетании в структуре **холста**, и тогда ее ношение открывает для нас канал, через который течет энергия **Искры**, делая нас более живыми. А может быть, нам просто нравятся украшения. Как бы там ни было, имеется обычай, вступая в битву, облачаться в цвета своего покровителя, и некоторые предпочитают делать это, собирая букет цветов и прикрепляя его к своему мундиру, эта композиция и называется **бутоньеркой**.

Быкоголовые люди

Подобно **человекоголовым змеям**, это племя сочетает в себе внешность одного типа существ с умственными способностями другого. Казалось бы, нет никаких преимуществ в том, чтобы взять относительно слабое и небольшое по размеру человеческое тело и совместить его с коровьим умом; однако это делалось не ради преимуществ, но попросту является фактом их существования. Они обитают на **Острове белых холмов**, живя стадами, и из них получают замечательные солдаты, поскольку самым ценным качеством солдата является умение не задавать вопросов и действовать заодно с другими. Любой, кому доводилось видеть перемещение коровьего стада или то, как оно защищается от внешней угрозы, знает, какая мощь заключена в сотне существ, действующих как одно существо, а владеющий армией в несколько тысяч имеет в своих руках грозную силу.

Ведуны

Не секрет, что во многих городах женщины подвергаются дурному обращению не только ввиду своего социального положения (в самом широком смысле), но и на основании принадлежности к своему полу. Это сочетание условий вынудило женщин к порождению тесных межличностных связей, чтобы компенсировать свои структурные злоключения. **Ведуны** представляют собой подмножество женщин,

которые, будучи либо сами рождены в счастливой физической и концептуальной согласованности с холстом (см.: **народная магия**), либо знакомы с другими женщинами, имеющими подобные свойства, объединились и образовали группу женщин, одевающихся единообразно и предлагающих свои похожие на **волшебство** услуги тем, кто обнаружил, что имеет в них нужду. У них есть строгие правила – как относительно тарифов, так и касательно нежелания возвращать деньги в случае неудачи, или проводимой ими политики «закрытого цеха», – защищающие условия, на которых могут быть наняты члены этой группы. Такая солидарность между участницами позволила их коммерции процветать даже в чрезвычайно тяжелых экономических условиях, и не найдется такого сообщества, сколь бы бедным оно ни являлось, где не было бы своей ведуньи.

Верняк

Мальчик из трущоб, которого, наряду с его братьями, часто посылают к **Господину**. В то время как **Облом**, его брат, больше склонен к пессимизму, **Верняк** предпочитает воображать о мире самое лучшее, тем самым оказывая великую услугу тем, кто его окружает, поскольку в противном случае они могли бы впасть в отчаяние. Насколько оправдан его оптимизм, вопрос, на который может ответить лишь время.

Вестибюль (-и)

Жилые пространства, где обитают **Господа**, **Госпожи**, **Бог** и **все боги**, а также другие манипуляторы **холста**; обычно бдительно охраняются, поскольку никто, даже **холстовик**, не способен должным образом защитить себя, когда спит. Было бы актом невероятной самоуверенности поместить свою резиденцию в такое место, где к ней смогут легко подобраться враги, но в то же время неудобно и постоянно находиться в отдалении от места, где ты осуществляешь свою деятельность (и которое обычно является тем самым местом, где эти враги находятся). Одним из способов решения этой проблемы может быть создание защищенных **вестибюлей**. Это пространства, одной своей стороной соединенные с безопасным местом, где предпочитает отдыхать манипулятор **холста**, а другой – с местом, наиболее подходящим для его деятельности, даже если эти места

находятся на большом удалении друг от друга. В **Особняке вестибюль** является связующим звеном между внешними структурами здания, выходящими в **Мордюю**, и внутренними пространствами, которые **Господин** поместил внутрь одной из ряда тесно взаимосвязанных и взаимозависимых промежуточных материальных сфер, не во всем идентичных той **вещественной сфере**, где пребывают его враги. Происходящее в этих сферах подвержено влиянию той сферы, где располагается собственно **Мордюю**, и в свою очередь воздействует на нее; но без знания того, какую именно из **промежуточных сфер** **Господин** избрал для пребывания в каждый конкретный момент, даже если враг предпримет попытку покушения на его жизнь, окажется, что **Господин** находится в другом месте, а не в том, где его должны убить (впрочем, его враги не смогут этого узнать, поскольку все эти сферы поистине очень схожи между собой – разница может заключаться лишь в самых незначительных деталях, часто невидимых для глаза). Разумеется, обитатель **холста** был бы способен увидеть подмену и определить, где именно и в которой из сфер находится **Господин** в каждый конкретный момент, но **холстовик** лишь один, и он мертв.

Другие **вестибюли** не настолько сложно устроены и, как правило, представляют собой всего лишь замкнутые и хорошо защищенные помещения.

Вещественная сфера

Сфера, являющаяся обиталищем материи и исключая любые концепции. Связана с **невещественной сферой** посредством **холста**, а с **промежуточными сферами** функционирует совместно, согласно закону сочетаний.

Вещество холста

Материал, из которого состоит **холст**, – вещество, энергия и принцип, слитые воедино.

Воздушный змей

Похож на птицу, однако сделан из бумаги и тонких палочек и привязан к бечевке. Можно получать удовольствие, запуская такого змея или же разглядывая узоры на его крыльях. Их часто видят в

городе **Маларкои**, поскольку там принято украшать ими воздушное пространство.

Воздушный шар (-ые/ -ы)

Пузырь воздуха, заключенный внутри невероятно тонкой и эластичной оболочки. Можно составить представление об упадке и расточительстве, царящих в городе **Маларкои**, уже по тому факту, что изобретение материала, достаточно прочного, чтобы выдержать десятикратное увеличение в размерах, достаточно легкого, чтобы без усилий оставаться в воздухе, и достаточно простого, чтобы с ним мог управиться ребенок, было использовано лишь в декоративных целях. **Воздушные шары** всех вообразимых цветов, привязанные за нитку, можно было видеть над всеми жилыми зданиями города. Высказывалась гипотеза, что **воздушный шар** исключительно большого размера мог бы поднять человека, но никто в **Маларкои** так и не озаботился ее проверить.

Волки

Один из меньших богов на службе у **Белого Оленя**, который, в противоположность естественному порядку, присягнул на верность животному, обычно служащему его жертвой, на основании общих с ним интересов по защите своих охотничьих угодий. Этот бог принимает образ стаи крупных волков, каждый из которых может действовать независимо, однако вместе с тем представляет некий аспект общего божества. Стаю можно рассматривать как единый организм или множество организмов, однако его основная функция всегда состоит в том, чтобы оставаться на месте и сражаться с врагом, пока **Белый Олень** спасается бегством. **Волки** занимают агрессора, а **Белый Олень** тем временем издали меняет **вещественную сферу**, так что в конечном счете агрессор исчезает полностью и восстанавливается предшествующее нынешнему состояние **холста**. Впрочем, нескончаемое манипулирование **вещественной сферой** с использованием **холста** способно заставить вмешаться наиболее могущественных манипуляторов **холста**, поскольку это противоречит их собственным интересам.

Воскресение

Процесс, посредством которого **Бог** может быть возвращен к жизни. Основная проблема состоит в том, что тело **Бога** и его воля были разделены, посредством чего была разорвана связь между **вещественной** и **невещественной сферами**. Чтобы это исправить, **Искра** нашла себе другого носителя, и поскольку тело этого носителя принадлежит к **вещественной сфере**, тогда как его принцип принадлежит к **невещественной**, а **холст** осуществляет взаимосвязь между этими двумя сферами, необходимый минимум оказался соблюден.

Однако есть лишь один **холстовик**, и новый носитель не имеет его отпечатка, ввиду чего он никогда не сможет достичь полного согласия с **холстом**. Так что **Искра** понемногу просачивается обратно в **холст**; **невещественная сфера** отделяется от **вещественной**. Кроме того, **холстовик** знаком с природой **холста**, в то время как новый носитель знаком лишь с **вещественной сферой**, ввиду чего все, что делается им с помощью **Искры**, тяготеет к материальному, то есть низменному и уродливому, в ущерб нематериальному, то есть умозрительному и прекрасному.

Воскресение должно обеспечить воссоединение тела **холстовика** с его волей при посредстве **холста**, вновь объединив сферы и приведя все вещи к согласию. Но как это может быть достигнуто? Если бы **холстовик** был жив, это мог бы сделать он. Это может сделать новый носитель **Искры**, если у него окажутся желание и способность возратить телу **холстовика** волю, но все другие способы поистине очень сложны.

Сказанное вовсе не означает, будто **воскресение** невозможно в принципе. Напротив, оно весьма вероятно, ибо таков естественный порядок вещей, и **Искра** неустанно действует в этом направлении, чувствуя свою отделенность от своего природного места точно так же, как **демон** чувствует свою отделенность от **промежуточной сферы**, – как боль; однако для манипуляторов **холста** предпочтительно, чтобы **воскресения** не произошло, поскольку после этого **холстовик** обрушит свое возмездие на тех, кто использовал принадлежащие ему силы в недостойных целях.

Как отмечается в уцелевших писаниях, **холстовик** весьма подвержен гневу; известно, что он неоднократно насылал на мир

ужасные болезни и потопа, стирая с лица земли все живое (кроме тех, кто успел спрятаться в ковчеге). Так следует ли желать **воскресения Бога**? Может быть, и нет – если у вас нет ковчега и вы не готовы провести в нем всю оставшуюся жизнь.

Все боги

Бог есть источник, творец и **холстовик**, и именно ему надлежит именоваться **Богом**, но существуют и другие, почти всецело являющиеся **Богом** (однако не пребывающие в такой же согласии с **холстом**). Кроме того, есть те, кто обладает достаточным богоподобием, чтобы можно было признать их богами, а также **полубоги**, **псевдополубоги** и манипуляторы **холста** – все они способны производить те же действия, какие в обычае у богов, но никто из них недостойн имени **Бога**. Этим богоподобным существам относят к категории «**все боги**», указывающей, что они множественны числом, сходны между собой, но не заслуживают отдельного именованья (также не могут они называться **холстовиками**). Термин «**все боги**» часто употребляется в **Ассамблее**, где созданы специальные машины для призывания каждого из разнообразных видов богов (и самого **Бога**), а следовательно, имеется нужда в проведении различий по практическим соображениям.

«Выделения»

Плодородное семя, вырабатывающееся в организме женщин и свойственное их полу. Некоторые утверждают, будто процесс образования «**выделений**» более присущ **холсту**, нежели аппарат, вырабатывающий мужское плодородное семя, ввиду чего должен вызывать повышенную текучесть в **магической** работе, однако, если это и так, до сих пор не было предложено никаких убедительных доводов, чтобы это объяснить. Ведь энергия **Искры** присутствует в семени обоих типов – а откуда она могла там взяться, если не из **холста**?

Беллоуз и в меньшей степени **жаберники** способны обонять «**выделения**», к каковому запаху принуждены питать отвращение (посредством того же процесса, который сделал их чувствительными к нему). И вновь, на первый взгляд, это сделано для того, чтобы

обеспечить недопущение женщин к тем местам, где они могут помешать **магии**, но здесь можно выдвинуть то же самое возражение: по какой причине женщины должны вызывать подобную помеху? Вспомним **ведуний** – разве могли бы они заниматься своей деятельностью, если бы их пол был так уж губителен для **магии**? Получается, что **Господин** приспособил **Беллоуза** обнаруживать наличие «**выделений**» по другим соображениям; и если так, совпадение ли, что его враг, **Госпожа Маларкои**, является женщиной?

Гавань

Ни один город не может процветать без сообщения с окружающим миром (разве что за счет гигантских и ничем не оправданных трат **магической** энергии), и поскольку наиболее эффективным средством для осуществления подобного сообщения являются корабли, **Мордюю** отвел часть своей территории под порт. Существенную часть порта составляет гавань – место, позволяющее кораблям безопасно загружать вывозимые и выгружать ввозимые товары.

Гавань хорошо видна со **Стеклянной дороги** – паруса кораблей очень красиво полощутся на ветру.

Галантерейщик

В общем значении – торговец лентами и пуговицами; в частности – тот человек, с которым был разыгран трюк «**Ложная Девица**» и которого **Натан Тривз** почти случайно **эволюционировал** в **призрака**.

Глаз Бога

Один из двух рудиментарных органов зрения, которыми наделен **холстовик**. Они, впрочем, остаются **незадействованными** ввиду наличия более продвинутых сенсорных аппаратов.

Горжет

Часть рыцарских доспехов, а именно та, что расположена вокруг горла.

Господа и Госпожи

Полубоги, входившие в оккультную **тонтину**, ответственную за смерть **холстовика**. Извратители и манипуляторы **холста** ради собственных выгод, вовлеченные в войну за первенство.

Господин Мордю

Рожденный в древние времена как Себастьян Коуп, **Господин Мордю** входил в оккультную **тонтину**, чьи исследования и эксперименты в конечном счете привели к обнаружению **Бога** в его надмирном обиталище. В отличие от своих соратников, Себастьян рекомендовал **тонтине** осторожный подход, но его позиция была отвергнута большинством голосов в совете, после чего были предприняты усилия по подчинению и дальнейшему порабощению новообнаруженного божества для общей пользы членов заговора. Эти усилия оказались неловкими и чересчур энергичными, в результате чего **Бог** был убит и остался лишь его труп. Опасаясь, что наиболее агрессивные участники захотят использовать его в собственных целях и мир окажется в опасности из-за его **магии**, Себастьян спрятал труп **Бога** в подземной полости в основании древнего города, называемого «Париж». Тем самым в его распоряжении оказалась сила, в конечном счете позволившая ему выстроить город **Мордю** и поддерживать его существование. Эти события происходили так давно, что ныне Себастьян лишь с трудом может их припомнить; к тому же у него есть и другие занимающие его заботы, в особенности неизбежное возвращение **Атеистического крестового похода**, ныне в своей восьмой инкарнации, секретный авангард которого, возможно, уже добрался до города, но может быть, и нет.

Госпожа Маларкои

Нынешняя **Госпожа** города **Маларкои**, прежде – участница оккультной **тонтины**, послужившей причиной смерти **холстовика**. При рождении получила имя Порция Джейн Доркас Холл. Именно она в ходе эксперимента обнаружила существование **холста** и является первоочередным авторитетом касательно его природы. Если **Господина Мордю** заботит главным образом практическое применение **магии**, **Госпожа** работает от основных принципов и много времени посвящает обдумыванию своих теорий. И хотя для стороннего наблюдателя такое времяпрепровождение может показаться

праздностью, задумайтесь: кто скорее окажется автором новаторских идей? Тот, кто бегаёт кругами, всем своим видом показывая, как много он делает, упорядочивая и меняя местами то, что уже известно, или та, кто желает лучше понять причину существования вещей? Разумеется, последняя, поскольку ничего нового не может прийти из того, что все уже знают; а ведь только новое знание может дать выход из того тупика, в который, очевидно, зашла война между **Господином** и **Госпожой**.

Грунтовые

Даже самый низкорожденный имеет что-либо, что может оказаться полезным в конкретном месте и в конкретный момент. Если нежеланный ребенок выйдет на дорогу и будет сбит проезжающей повозкой, самого вида этого столкновения может быть достаточно, чтобы заставить более ценного ребенка в последнее мгновение отойти в сторону, дав повозке проехать, и в таком случае можно сказать, что первый ребенок тоже имел некоторую ценность, даже если он умер в результате этого происшествия. Таким же образом даже трущобного **палтуса** можно заставить послужить более высокой цели.

В некоторых случаях особым цветам и злакам, которые выращивает **Господин Мордюю**, требуется дополнительное питание, чтобы прорасти, и поскольку растения ждать не станут, **Господин** также не может позволить себе дожидаться, пока к нему доставят идеального кандидата. Тем не менее **Поставщики** не славятся своим умением выбирать, поэтому, когда возникает необходимость, приходится удовлетворять ее тем, что под рукой.

Грунтовой – это существо, созданное из какого-либо из доставленных к **Господину** детей, обладающее хребтом и способностью двигаться. Эти дети преобразены посредством **магии** в копии самих себя, но без рук и ног; удалена также значительная часть кожи, более ненужная, а сами они уменьшены в размерах так, чтобы, подобно червям, но с сохранившейся способностью следовать указаниям, обеспечить максимально возможное насыщение кислородом и баланс питательных веществ в клумбах, на которых **Господин** выращивает свои растения.

Грызь

См. **Анаксимандр**.

Гэм Хэллидей

Мальчик из **Южных трущоб Мордью**, сподвижник **Натана Тривза**; благодаря различным поворотам и изгибам судьбы в конце концов доходит до весьма дальних пределов (которые любой здравомыслящий наблюдатель может счесть самым подходящим для него местом в этом мире).

Дарра

Имя, данное одному из матросов на корабле «**Муйрху**». Что можно сказать о матросах? Все они – один и тот же человек, повторенный снова и снова, и **Дарра** не слишком сильно отличается от других. Он тянет за веревки и цепляется за фальшборт и частенько упивается спиртным, пока не заснет. Он родом из того же места и имеет ту же манеру речи, что и другие матросы на «**Муйрху**», но имеет ли это какое-нибудь значение, становится очевидно далеко не сразу.

Дашины

Имя, данное дочери **Госпожи Маларкои**, наследующей всю ее власть и знания. Ее фигура имеет центральное значение в делах мира, ввиду чего здесь не требуется дальнейшего описания, поскольку с течением времени все станет ясно само собой.

Демон (-ы)

Человек принадлежит к **вещественной сфере**, призрак – к **невещественной сфере**, а **Бог** – к холсту. Каждый из вышеназванных типичен для той сферы, из которой он произошел. Но что насчет существ, пребывающих одновременно в нескольких сферах или же рожденных в **промежуточной сфере**? Существо большей частью невещественное, но имеющее толику вещественного и толику от холста, получило наименование **ангела**. Существо большей частью вещественное, но имеющее толику невещественного, а также толику холста, называют **демоном**. Как **ангелов** занимают вещи высшие, нематериальные (мысль, любовь и красота), так заботой **демонов** являются вещи низшего, материального, порядка (насилие, ненависть и уродство).

Те, кто деформирует **холст** для своих собственных нужд, порой обшаривают **промежуточные сферы** в поисках агентов, могущих исполнять их приказания, и **атеистические крестоносцы** зачастую используют **демонов** (однако они не могут контролировать **ангелов**, тяготеющих к божественному и отрицающих атеизм **крестоносцев**). Они призывают их из места их обитания, чтобы творить насилие в **вещественной сфере**, каковое занятие у **демонов** извечно в обыкновении, ибо пребывание целиком в вещественной сфере для них подобно страданию и гнев является их естественным состоянием. Разъяренные и полные ожесточения **демоны** пытаются вернуться назад в свое место, как правило, посредством убийства того, кто их вызвал. Это, однако, не означает, что их нельзя использовать, поскольку вызвавшему их требуется лишь сделать так, чтобы между ним и **демоном**, к примеру, оказалось какое-то место или личность – и это место или личность, вероятнее всего, будут уничтожены **демоном**, стремящимся захватить заклинателя в свои лапы (если они у него есть). После этого, если вызвавший знает, как вернуть **демона** в место его обитания, он может это сделать до того, как будет убит, тем самым добившись больших разрушений с приложением лишь небольших усилий (если не считать тех, что потребовались для вызова **демона**, манипуляции им и его дальнейшего удаления в **промежуточные сферы**).

Детская

Когда кто-либо достигает взрослого возраста, общественное мнение предписывает ему отказаться от всего детского, и именно так он и поступает. Он избавляется от вещей, которые любил, будучи ребенком. Если у него не хватает места в доме, он продает такие вещи, выбрасывает их на помойку или раздает знакомым детям.

Если в доме имеется лишнее пространство, владелец может сложить предметы, вызывавшие его детское обожание, в таком месте, которое не имеет другого назначения. Если это человек очень богатый и обладающий избыточной жилой площадью, он даже может соорудить специальное помещение, отведенное для объектов своих детских игр, и поместить эти объекты туда. После этого, поскольку человек, владеющий избыточными пространственными ресурсами,

всегда имеет возможность освободить для себя также и ресурсы временные, он может время от времени посещать это помещение.

Здесь-то и начинаются проблемы, поскольку если некто сумел превратить себя из ребенка в человека, способного накапливать богатство и избыточную жилплощадь, то это случилось лишь потому, что он в своей взрослой жизни воздерживался от тех вещей, в которых находил удовольствие, будучи ребенком. Но вместе с тем он постепенно свыкся с положением, при котором все его желания исполняются, и теперь, поскольку ему пришлось отказаться от этих желаний с некоторым ущербом для своего счастья, его детские вещи, сложенные в специально отведенном для них месте, представляются ему чем-то чудесным и достойным большого внимания, в то время как повседневные занятия, благодаря которым он и сделался богат, в сравнении с ними кажутся скучными и неинтересными.

Вот почему можно видеть так много богатых людей, в сердце остающихся детьми: они тоскуют по вещам, которые потеряли, и это является их способом избыть свою тоску.

Традиционное решение подобной проблемы состоит в том, чтобы завести детей и жить опосредованно через них, давая место в своей жизни как борьбе за ресурсы, так и трате этих ресурсов своими отпрысками. Но что, если по воле судьбы или обстоятельств человек не может иметь детей? В таком случае он должен где-нибудь их найти и дать им насладиться тем же, чем наслаждался некогда сам, исправив недочет таким путем.

Детская комната **Господина Мордюю** представляет собой нечто совершенно другое. Он сделал из нее средство для обучения находящихся на его попечении мальчиков (см.: **Обучение**), которых желает использовать таким образом, каким они сами не желают быть использованы, хотя опирается на описанную выше традицию, чтобы придать своим действиям законность в умах тех, кому внушено подобное представление.

Дождь

Неизменная черта **Мордюю**, как может показаться поначалу, однако это так лишь для жителей трущоб, поскольку чем выше взбирается наблюдатель, тем меньше ему встречается это явление.

Дом Делакруа

Родовой дом семейства Делакруа. Он выстроен на самом верху, возле **Особняка**, но, в отличие от жилищ других богачей, не имитирует его стиль. Как если бы самим своим выбором наружной эстетики это семейство подчеркивает, что оно другое, что оно не ниже и даже равно самому **Господину** и что ввиду этого **Господин** должен относиться к этому семейству с бóльшим почтением, чем к любому другому. Есть и другая возможность: этот дом может быть старше **Особняка**, и это **Господин** нарушил архитектурную традицию, чтобы продемонстрировать свое верховенство. Ответ на вопрос, какая из этих догадок верна (если среди них вообще есть верная), без сомнения, сокрыт в архивах семейства Делакруа, однако они хранятся в секрете, и доступ к ним не разрешен даже исследователям **Мордюю**.

Дракон (-ы)

Что представляет собой **дракон**, если он не мифическое существо? Это гигантская ящерица с четырьмя лапами и крыльями, обладающая способностью выдыхать огонь или лед, яд или молнии. Если у **дракона** много голов, он может выдыхать все эти элементы одновременно, а если ему отрубить голову, на ее месте вырастут две другие. Это существо весьма грозное, и, однако, встречается оно очень редко, если вообще встречается (что странно, поскольку, казалось бы, грозные существа как раз и должны беспрепятственно размножаться; так где же они?). Возможно, они никогда не существовали; возможно, они от природы стыдливы; или, возможно, они удалились в **промежуточную сферу**, где все вместе наслаждаются мирной жизнью.

Дьявол

Организм, в древние времена полагавшийся действительно существующим, но, как впоследствии было показано, являющийся либо одним из аватаров **холстовика**, либо **демоном** из **промежуточных сфер**.

Жаберники

Кому-то может представиться, будто **жаберники** были наделены жабрами, чтобы без помех плавать везде, где им захочется; однако, хотя у них действительно порой возникает необходимость пребывания

в воде, на деле их жабры являются следствием их выращивания в **чанах**, наполненных **Живой Грязью**, где от легких было бы мало проку. Легкое, будучи наполненным любой субстанцией, не являющейся чистым воздухом, тотчас засорится и перестанет функционировать. Другое дело жабры, способные отфильтровывать нужное практически из любой жидкой среды (при условии, что оно там имеется).

При виде **жаберника** люди, глядя на расстоянии, в первую очередь отмечают лишь его отличие от самих себя; то, что это существо лишено глаз и черт лица, может быть должным образом осмыслено лишь вблизи. Люди избегают того, чего не могут распознать или чего боятся, поэтому, когда в первую очередь они видят открытые жабры, этого для них оказывается достаточно, чтобы держаться подальше. Люди и называли их **жаберниками**, хотя при ближайшем рассмотрении отсутствие глаз и ушей на их головах не менее характерно.

Если бы люди обращали внимание на отсутствие у **жаберников** лицевых черт, а не на наличие жабр, их догадки относительно природы этих существ фокусировались бы на этой, и действительно существенной, их черте, ибо те наделены **волшебной** чувствительностью, а не приходили бы к заключению, что перед ними, вероятно, нечто наподобие видоизмененного тюленя или дельфина, используемое главным образом для подводных поручений (что поистине далеко от истины, так как **Господин** использует их для самых разных задач, а под поверхностью моря его интересует не так уж многое).

Жена фармацевта

Найти двух человек, обладающих необходимым психологическим устройством, чтобы преуспеть в фармакологии (см.: **Фармацевт**), еще менее вероятно, чем найти одного, так что зачастую жена **фармацевта** оказывается полностью безразличной к страданиям кого бы то ни было, будь он богат или беден, и сосредоточивает свои усилия на сочувствии лишь самой себе.

Жертвоприношение

Любая жизнь, поскольку она являет собой акт творения, получает от **холста** крошечную часть **Искры**. Фактически естественная продолжительность жизни человека непосредственно определяется количеством содержащейся в нем энергии **Искры**, поскольку с самого его рождения **Искра** начинает просачиваться обратно в **холст**, и когда она уходит туда вся, человек умирает (вот почему бессмертны боги: пребывая более или менее в согласии с **холстом**, они не только содержат огромные количества энергии **Искры**, но и могут восполнять эти расходы).

Есть возможность продлить жизнь человека, добавляя ему энергии **Искры** (впрочем, необходимо следить за тем, чтобы он не эволюционировал или не сгорел), и именно таким путем жизнь близких друзей и любимых слуг может быть продлена на сотни лет, а смерть отвлечена.

Когда жизнь прерывается неестественным образом (например, в результате несчастного случая), то, что осталось от **Искры**, поспешно покидает тело. Большинство людей нечувствительны к такому исходу **Искры**, но те, кто имеет дело с **магией**, могут не только его видеть, но и улавливать эту энергию, используя ее для своих **заклинаний**.

Жертвоприношение – это произвольное прекращение чьей-либо жизни с целью высвобождения этой энергии, и даже у тех, кто близок к смерти, остается достаточно **Искры**, чтобы инициировать **заклинания** (при условии, что **книга заклинаний** находится под рукой). Наибольшее количество энергии дает **принесение в жертву** недавно оплодотворенного яйца (хотя это обычно трудно осуществить, поскольку яйцо вещь хрупкая, а когда оно разбивается, **Искра** успевает вернуться обратно в **холст** прежде, чем ее используют). **Жертвоприношения** имеют кумулятивный эффект: если принести сотню жертв, высвобожденная энергия **Искры** будет огромной. Для большинства **заклинаний** более чем достаточно человеческого ребенка (вместо которого, если требуется меньшее количество энергии, можно использовать низших животных). Известно, что **жертвоприношения** одного ребенка достаточно, чтобы сотворить **огненную птицу** (впрочем, местность, где живет **Госпожа**, имеет собственный **волшебный каталитический эффект**).

Живая Грязь

Обиталище **Бога** – на небесах, где его природная сила вызывает немного изменений, но если и когда он приходит на Землю, его **волшебство** просачивается через **холст** в окружающую **вещественную сферу**. Любое находящееся поблизости вещество обретает способность к творению, что и является главной характеристикой **Бога**. Такое вещество трущобные жители **Мордю** называют **Живой Грязью**, и она известна своей способностью порождать **мертвожизнь** и живых **палтусов**.

Живая Грязь не имеет **Божественной** воли, поэтому она творит наугад и не имея перед собой никакой цели. Если бы творящее вещество сочеталось с волей **Бога**, оно могло бы целенаправленно эволюционировать от одной стадии существования к следующей – от первоначальной слизи через все более сложные организмы, пока не станет напоминать самого **Бога**. После этого оно может быть оторвано от материального мира и направлено к совершенному концептуальному духу, а оттуда к конечной точке (сочетанию совершенного вещества и совершенного принципа), что и представляет собой **богоподобие**. Если какому-нибудь богу вздумается превзойти богоподобие, это приведет к созданию чистой энергии – действие, которое кое-кому может показаться не имеющим смысла. Будучи вещью в себе, энергия являет собой абсолютное воплощение власти: основа **холста**, свободная от его ткани, чистая творческая потенция, не унижающая себя воплощением в форму.

Заклинание

Взаимоотношения, существующие между **холстом** и временем, переживаемым в **вещественной сфере**, весьма запутанны и сложны для понимания. Поскольку **холст** во всех случаях стремится к равновесию и его деформации не бывают постоянными, если все же заставить его принять какую-либо форму, то эта форма станет той, в которой он пребывал всегда. Если использующий **магию** знаком с самой этой формой и характером ее воплощения в **холсте**, то она может быть явлена в **вещественной сфере** независимо от того, восстановлено ли равновесие **холста** в настоящем, прошлом или будущем времени.

Такое понимание формы **холста** может записываться словами (хотя этот язык весьма туманен и труден для изучения), и характер его **магического** воплощения может быть сохранен в объектах и **волшебных книгах** (в форме, аналогичной вибрации: если, к примеру, некто заставит вибрировать скрипичную струну, она станет производить звук, обладающий определенными качествами, а последовательность таких звуков даст мелодию; точно так же в некий объект или на страницу **книги** можно поместить «мелодию» **холста**, представляющую собой **магическую** запись качеств его деформации, – так музыкальная пьеса представляет собой деформацию воздуха, которым она передается).

Если понят принцип и собрано достаточное количество энергии **Искры**, то деформации, присущие **холсту** до восстановления им равновесия, могут быть вновь воспроизведены по воле заклинателя. Скажем, в определенный момент в отдаленном прошлом **холст** был в результате величайших усилий и **жертв** деформирован таким образом, который позволил некоему человеку или предмету существовать не на своем природном месте, но в другом месте, в десяти футах левее от него; затем это состояние было преобразено в слова, которые позже были помещены на страницу, а затем эта же страница была пропитана подобными музыке качествами воплощения этого состояния в **холсте** (вот почему вы никогда не найдете на одной странице два **заклинания**) – и тогда в последующее время, в **вещественной сфере**, читателю необходимо будет лишь повторить эти слова, добавив совсем небольшое количество энергии (полученной, скажем, путем концентрации остаточной жизненной **Искры**, высвобожденной в **холст** в результате преждевременной смерти; см.: **жертвоприношение**), и он воспроизведет прошлое состояние **холста** в ныне представленном материале, тем самым передвинув объект, над которым читается **заклинание**, на десять футов влево, уже без приложения гигантских объемов работы, которые были необходимы вначале. Именно так создаются **книги заклинаний** (равно как и **волшебные** объекты).

Закон

Набор правил, ныне устаревших, где описывалось должное и недолжное поведение и содержался перечень наказаний. Вокруг этого

ключевого фактаросло множество абстракций: **книги** прецедентов, списки поправок к законам, теории относительно самого существования такого понятия. Но будь они абстрактными или конкретными, изучение этой области знаний не принесет нам практической пользы, поскольку властные структуры, обеспечивавшие правомерность или неправомерность данного набора правил, уже давно перестали существовать.

Запаховый образ

Для человека невозможно до конца понять опыт животного, доставляемый ему различными чувствами. Способность к эмпатии дает нам лишь представление о том, что оно должно *ощущать*; однако воображение может нарисовать более точную картину. Итак, представим себе, что вместо видения посредством света мы видим посредством запаха и что сочетание таких запахов составляет нечто наподобие ландшафта, где каждый конкретный аромат исполняет роль цвета, а относительная четкость очертаний каждого объекта говорит о силе, с которой этот объект запечатлел свое благоухание в общей картине. Вот это и есть **запаховый образ** окружающего мира, каким он является собаке, когда она воспринимает его, закрыв глаза.

«Запрещающий перст»

Это **заклинание** никоим образом нельзя назвать обыкновенным, поскольку ингредиенты, необходимые для его осуществления, нелегко достать, однако, будучи завершено, оно может оказаться весьма полезным при столкновении с непредсказуемыми манипуляторами **холста** и другими пропитанными энергией **холста** организмами. Прежде всего найдите какой-нибудь ценный объект, принадлежащий чреворождающему родителю того, кого вы хотите контролировать. Он должен в достаточной мере обладать отпечатком этого родителя в **холсте**, чтобы привлечь в себя энергию **Искры**, когда ткань **холста** будет ослаблена. Также он должен быть достаточно большим, чтобы в него поместился палец, и достаточно маленьким, чтобы его можно было носить с собой. Для такой цели хорошо подойдет кошель для монет или медальон (см. также: **Медальон**).

Затем необходимо раздобыть указательный палец этого строгого родителя. Всегда найдется родитель, более других склонный

муштровывать своих детей, а в **Мордю** принято сопровождать любые приказы и запреты помахиванием указательного пальца (часто перед лицом собеседника), как если бы каждое такое помахивание каким-то образом усиливало необходимость повиноваться. Принимая это во внимание, тотемическая функция данной части тела оказывается огромной (и может быть еще увеличена **волшебным** образом).

Поместите палец внутрь первого объекта и **магически** запечатайте. После этого произнесите нужные **заклинания** (не забудьте позаботиться о том, чтобы **книга заклинаний** была у вас под рукой), дабы побудить свойства **холста** присоединиться к свойствам вашего комбинированного объекта. Когда все будет готово, доставьте законченный объект любым удобным для вас способом к намеченному носителю – и его способность манипулировать **холстом** будет успешно **подавлена** (в особенности если запрет исходит от самого строгого родителя).

Чем с бóльшим умом **заклинатель** подойдет к своему делу, тем на более тонком уровне будет действовать **подавление**, и хотя объект таких действий зачастую находит способы сопротивляться **заклинанию** (или же **Искра** находит другие пути для выражения себя), это, по крайней мере, неплохое начало. Искусный же специалист может настолько ограничить возможности манипулятора **холста**, что от того уже не придется ожидать практически никаких дальнейших проблем, если он не найдет средство преодолеть **заклинание**.

Защитная эволюционная дематериализация

Чрезмерное использование **Искры** через раненую конечность может привести к защитной реакции, когда эта конечность, **эволюционируя**, превращается в чистую концепцию самой себя и теряет материальность, чтобы избежать дальнейшего повреждения (во всяком случае, так это выглядит). Более того, сама **Искра**, желая быть использованной и видя угрозу такому использованию в изъянах **вещественной сферы**, вызывает в процессе **эволюции** сдвиг в **невещественную сферу** в качестве защитной меры. В любом из случаев использующий **Искру** теряет материальность и в конечном счете становится **призраком**. Далее, если он будет продолжать использовать **Искру**, он превратится в **ангела** (или **демона**), а затем в **полубога**. Сказанное вовсе не означает, что он не может сам избрать

для себя такой путь, но в случае **защитной эволюционной дематериализации Искра** совершает это без какой-либо оглядки на желания человека.

Зеркало (-а)

Зеркало – несовершенный инструмент, сделанный из стекла с подложенной сзади блестящей поверхностью и заключенный в деревянную рамку. Обычное **зеркало** показывает и отражает те вещи, что помещены перед ним, но делает это неудовлетворительно, поскольку при показе все переворачивает. Чтобы обнаружить изъян, достаточно лишь поднести к **зеркалу** листок с текстом и попытаться его прочесть: письма окажется невозможно разобрать без мысленного их преобразования.

Сказанное относится и к **волшебным зеркалам**: порой они показывают вещи, не расположенные непосредственно перед ними (а зачастую находящиеся на большом расстоянии и отделенные препятствиями), порой отражают различные объекты (например, тревоги или мечты смотрящего или же **магические** влияния), но в обоих случаях необходимо производить в уме корректировку для исправления изъяна **зеркала**, ибо кто может сказать, насколько верно то, что оно показывает? Более того, есть возможность **заговаривать зеркала**, чтобы они показывали не те вещи, в существовании которых можно объективно удостовериться. Таким образом, к **зеркалам** следует относиться с осторожностью.

Золотая Пирамида

Местопребывание **Госпожи Маларкои**. Форма пирамиды служит **катализатором магии**, что немаловажно, поскольку это уменьшает число детей, которых **Госпожа** должна принести в **жертву** ради создания **огненных птиц**, которых она использует, чтобы поддерживать свою непрекращающуюся атаку на **Морскую стену Мордю**.

Внутри **Пирамида** представляет собой лабиринт, и после множества изгибов и поворотов человек может обнаружить, что безнадежно заблудился. Сбитый с толку, дезориентированный, он видит там множество странных вещей, но далеко не все из них принадлежат к **вещественной сфере**.

Золото

Самый ценный (и в большинстве кругов очень редко встречающийся) вид монет.

Зоологический парк

Место в **Плезансе**, где различные интересные животные размещены в загонах для всеобщего удобства, чтобы их можно было посещать и восхищаться ими без необходимости совершать опасные долгие путешествия в те места, где подобные животные обитают обычно (если эти места вообще сохранились). Хотя это, без сомнения, большое удовольствие, наиболее чувствительные посетители могут найти, что оно умеряется липнувшим ко всему чувством безысходности. Печаль и тусклое смирение можно видеть в глазах даже самых великолепных в других отношениях экземпляров.

Зуд

Раздражение кожи, вызванное присутствием на ней раздражающего объекта. Если кто-либо по неосторожности пройдет мимо зарослей крапивы и ее лист прикоснется к его руке, та может начать чесаться, поскольку это растение наделено крошечными ворсинками, и в каждой такой ворсинке содержится яд, и этот яд вызывает у человека боль. Ворсинки эти настолько малы, что их трудно различить невооруженным глазом, так что, даже когда действие яда истощится (или же ум научит кожу не испытывать боль, отыскав уязвленное место и приказав ему игнорировать ощущения), они остаются в коже. На следующий день, забыв о боли, человек отправляется по своим делам, но позднее обнаруживает, что, сам того не замечая, чешет свою руку. Это происходит, потому что там возникает зуд, вызванный оставшимся в коже инородным телом, и даже если человек не отдает себе отчета в его присутствии, тело о нем знает и заставляет вычесывать вторгшийся объект. В отличие от самого человека, вероятнее всего знающего благодаря применению рациональной мысли, какое количество силы ему следует приложить, тело не обладает такой точностью, так что бездумное расчесывание повреждает кожу, давая мелким организмам возможность зацепиться. Они начинают плодиться в образовавшейся ране, а ночью, когда

человек засыпает, его тело вновь пытается расчесать зудящее место. Поскольку во время первой попытки оно не добилось успеха в разрешении проблемы, теперь оно принимается чесать сильнее, расширяя рану и давая невидимым созданиям больше места для распространения. Затем (скажем, через неделю) человек уже испытывает зуд на протяжении значительного времени, поскольку тело, осознав, что не способно в одиночку справиться с задачей, при помощи этого ощущения уведомляет о ней ум. Человек чешет зудящее место, пытаясь удалить оттуда то, чего там не должно быть, – но уже поздно, поскольку инфекция успела распространиться, и теперь ему следует позвать к себе ведунью или приложить к руке припарку с целебным снадобьем.

Зуд (с большой буквы) немного напоминает описанное. У манипуляторов холста, получивших порцию **Искры** благодаря унаследованному отпечатку, первый опыт воздействия **Искры** напоминает воздействие крапивной ворсинки, засевшей в коже. Прежде всего возникает небольшая боль, чувство жжения там, где **Искра** ищет место в теле и личности человека, чтобы пройти через него. Можно игнорировать это ощущение, но личность, подобно телу, будет пытаться самостоятельно справиться с незнакомым объектом. Так же как человек бездумно чешет себя, личность будет пытаться взаимодействовать с инородным телом физиологическими и психологическими средствами, часто принимающими облик сновидений и необычных склонностей, но, потерпев неудачу, вскоре уведомит ум о феномене, от которого не может избавиться самостоятельно. После этого человек прибегнет ко всем имеющимся в его распоряжении средствам, чтобы восстановить былое равновесие. Но, в отличие от крапивной ворсинки или чужеродного организма, **Искра** сама знает, каким образом может получить выход, поэтому, чувствуя, что человек желает получить облегчение, она показывает ему, как это сделать, прожигая пути в его нервах, теле и уме, вдоль которых она может быть направлена. **Искра** желает вернуться в холст, а скорейший способ это обеспечить – посредством расходования ее энергии через **магию**, что ослабляет ткань холста, ускоряя впитывание **Искры** обратно в холст. Этот процесс, уникальный для каждого манипулятора холста, происходит путем **Чесания**, а если **Чесание**

производится неправильно (как чаще всего и случается при неопытных манипуляциях), это может привести к повреждению личности и тела.

Так же как при чересчур энергичном чесании места, где находится воспалившаяся ранка, **Чесание Зуда**, вызванного **Искрой**, пробуждает в теле и личности человека желание продолжать **Чесать**, поскольку **Зуд** от этого все больше распаляется. Если для человека это может оказаться неприятным, для **Искры** это идеально, поскольку, чем больше человек **Чешет Зуд**, тем больше ослабляется ткань **холста** и тем больше энергии возвращается в **холст**, которому она изначально принадлежит.

Чем больше человек привычен к **Искре**, тем меньше он зависит от цикла **Зуда/ Чесания**, а опытному манипулятору **холста** и вовсе нет необходимости испытывать **Зуд**, за исключением случаев, когда это чувство доставляет удовольствие или же когда его можно использовать в качестве **катализатора** или каким-либо другим образом заставить служить определенной цели. Однако для человека, к нему непривычного, справиться с **Зудом** может быть достаточно сложно.

Искра

Если бы некто был **холстовиком** и жил все время в **холсте**, он бы вовсе не замечал такую вещь, как **Искра**. Так же как человек обычно не замечает окружающий его воздух или рыба – воду, **Искра** есть то, что творит мир, и, однако, постоянно ускользает от внимания. В **невещественной сфере Искра**, по существу, является тем, что одушевляет принципы, будучи для них тем же, чем чернила являются для написанного слова: необходимым условием, позволяющим другой вещи существовать. В **вещественной сфере Искра** по сути своей является тем, что одушевляет жизнь и определяет ее форму. **Искра** – тот элемент **холста**, который одушевляет все самое насущное как в **вещественной**, так и в **невещественной сфере**; и когда все вещи пребывают в надлежащем виде, **Искра** также представляет собой волю **Бога** и его силу, поскольку Он есть **холстовик** и пребывает в полном согласии с **холстом**. **Искра** же в таком случае – это воля **Бога**, явленная в сферах посредством вторжения в них **холста**.

Однако что, если вещи не пребывают в надлежащем виде? Что, если в результате искажения **холста** равновесие между вещами было нарушено? Что, если ввиду злодеяний манипуляторов **холста** было

прервано само пребывание **Бога в холсте**? Что, если он был призван из своего надлежащего места и ограничен исключительно рамками **вещественной и невещественной сфер**? В таком случае возникает избыток **Искры** в местах, где его не должно быть, и эти места становятся меньше похожи на себя и больше – на **холст**; и подобно тому, как соленая вода портит свежую в месте слияния водного потока с морем, так же и **холст** нарушает существование **вещественной и невещественной сфер**, и в таких случаях **Искра** подобна соли, наличие которой свидетельствует о нарушенном равновесии.

Каков же результат? Результатом может быть что угодно, поскольку **Искра** являет собой волю **холстовика** к творению, и если человек способен ее контролировать, он может исполнить любое свое намерение, выражая его принципами, взятыми из **невещественной сферы**, и осуществляя их в **вещественной сфере** при помощи силы **холста**. Ввиду сказанного **Искра** тесно связана с **магией**, хотя это и не одно и то же.

Кому надлежит владеть **Искрой** и до какой степени? Вся **Искра** должна принадлежать **холстовику**, но если в результате искажения **холста холстовик** погибнет, то право владения **Искрой** перейдет к тому, кто Его убил, а затем от одного его потомка к другому, пока один из них не будет побежден или пока **холстовик** не воскреснет. Тем не менее владеть чем-либо еще не значит иметь представление, как с этим управляться; и подобно фермеру, по неведению купившему вместо коровы быка, нельзя ожидать, что он сумеет добыть для себя молоко или хотя бы содержать свое приобретение в загоне, поскольку бык – создание могучее и непредсказуемое, вполне способное сломать доски своего ограждения и в ярости наброситься на обитателей фермы.

История

Массив знаний, содержащийся главным образом в **книгах** и касающийся тех вещей, что занимали людей прошлого. Лишь очень немногие из этих **книг** остались в общем пользовании, поэтому жители **Мордюю** предпочитают выдумывать собственные описания возможных событий. По правде говоря, ценность таких выдуманных описаний не меньше, чем у любой исторической **книги**, ведь за достоверность последних могут поручиться лишь их авторы, давно умершие и позабытые. Кто может с уверенностью сказать, что в них

правда, а что нет? Ответ – никто, следовательно, они ровнехонько ничем не отличаются от фантазий, за исключением разве что того, что их бывает гораздо менее интересно читать, ведь выдумка отличается совершенством формы, которого тот, кто претендует на изложение действительных фактов, избегает, зная, что совершенство не свойственно этому миру. Но хотя эти соображения могут придать событиям в исторической **книге** отблеск реальности, этого отблеска недостаточно, чтобы подавить зевоту, какую скука порождает в челюстях и которой легко можно было бы избежать, заменив достоверность интересной подачей.

Капитан Пенфенни

Имя капитана «**Муйрху**», морячки, которая обнаружила и выкормила **рыбу**, приводящую в движение ее корабль. Эта женщина с неохотой принимает работу, которую дает ей **Господин** (да и долго ли это будет продолжаться?). И она, и ее команда терпеть не могут **Мордю** и его прибрежные воды, которые с радостью бы покинули, если бы могли. Пока что они вынуждены оставаться здесь, но что, если это станет совсем невыносимым? В таком случае им придется принимать тяжелое решение и выбирать лучшее из двух зол.

Карантин

То, чему **Господин** подверг **Дашини** (дочь своего врага, **Госпожи Маларкои**), поместив ее апартаменты внутри **волшебного** стеклянного шара. Этот шар невозможно разбить никому из принадлежащих к **вещественной сфере**, поскольку в своей основе он представляет собой превращенную в твердое вещество энергию **Искры**. Но что насчет обитателей **промежуточных сфер**? Вопрос остается открытым, поскольку ни одно из подобных существ не имеет доступа внутрь **Особняка**.

Кариатида (-ы)

Разновидность архитектурной колонны в виде женской статуи.

Катализ, или ускорение

Процесс (или вещь), ускоряющий какое-либо воздействие или реакцию. Если что-либо было **подавлено**, то **катализатор** может отменить действие **ингибитора**. В отсутствие **ингибиции**

катализатор может подтолкнуть процесс до таких высот, какие казались бы без него невозможными. Представьте, что вы дуете на уголек: от дыхания скрытый в угольке огонь разгорается ярче, тем самым пробуждая пламя также и в окружающих кусках дерева.

Вещественная сфера, по самому своему определению, является **ингибитором** для холста, и если будет найдено **катализирующее заклинание** (или объект), которое сможет уменьшить этот эффект, то будет возможно перенести едва ли не всю природную силу холста, проявляющуюся как **Искра**, в **вещественную сферу** (хотя результатом, вероятнее всего, будет хаос).

Кива

Имя, данное морячке, служащей на корабле «**Муйрху**». У нее есть секреты, но она хранит их при себе.

Кларисса Делакруа

Имя, данное матери **Натана Тривза**, хотя он и знает ее только как маму. Ее полное имя звучит так: принцесса Кларисса Анна Джудит Питер де Морган-Анстратер Дельфина Тривз Делакруа, императрица-наследница. Возможно, знатокам этимологии и геральдики и удалось бы извлечь из этого именованя знание о том, кто она такая и чего хочет в этом мире, но в нынешние времена найдется немного людей (если они вообще найдутся), у кого есть необходимый досуг для изучения упомянутых дисциплин, и в любом случае необходимые для этого справочные материалы утеряны. А значит, нам остается лишь судить о ней по ее действиям; однако они выглядят странными, а сама она из-за них кажется загадкой. Впрочем, со временем все так или иначе разъясняется, и нетерпеливым придется занять себя менее сложными вопросами до тех пор, пока они не получат интересующий их ответ.

Клуб

Любая организация должна иметь место для сбора. Вот и оккультная **тонтина**, несущая ответственность за смерть **Бога**, устроила себе подземное обиталище, доступное лишь через систему канализации города, некогда известного под именем Париж. Они сочли это уместным, поскольку существовала идея (впрочем, впоследствии

оказавшаяся неверной), будто бы есть такой организм, как **Дьявол**, находящийся в оппозиции к **Богу**, и что место пребывания этого **Дьявола** находится под землей, и они решили устроиться поближе к нему. Даже когда стало очевидно, что существует лишь **холстовик**, что **холст** и **невещественная сфера** сосуществуют с **вещественной** и **промежуточной сферами** и что понятия «вверху» и «внизу» не имеют никакого отношения к вопросу о надлежащем местообитании **Бога** (или **демонов**), **тонтина** продолжила собираться в том же самом месте. Они расширили его и окружили **волшебной** защитой, так что, даже когда Париж был стерт с лица земли в ходе убийства **Бога**, штаб-квартира **Клуба** пережила эту катастрофу. Теперь она расположена в основании **Мордюю** – города, пребывающего во власти **Господина**. Здесь скрываются ответы на множество вопросов о происхождении вещей – но у кого есть на это время, учитывая, что люди влачат полное опасностей существование, в постоянном страхе голода и смерти, а также жажде власти и славы?

Книга Натана

Обнаружив, что **Натан** неграмотен, **Господин** дал ему **волшебную книгу**, чтобы та помогала ему в учебе. Тем не менее **книги** способны выполнять больше одной задачи одновременно.

Одни **книги** служат **катализаторами**, другие – **ингибиторами**, а некоторые способны и на то, и на другое. Каждая из этих функций может выполняться с большей или меньшей долей мастерства; однако, поскольку мастерство **Господина** известно всем, а в эту **книгу**, после ее создания, он вложил много усилий, никому не следует сомневаться, что он выполнил свою задачу в совершенстве, в чем бы эта задача ни заключалась. Более того, изначально **книга** была создана **Госпожой Маларкой** и ее дочерью **Дашини**, а они обладают несравненными способностями в подобных вещах.

Книги

Чреворожденный ребенок является личностью (немногие станут это отрицать), но так ли многое отличает его от низших животных до тех пор, пока он не научится использовать слова? Он кормится, он опорожняется, он спит, подобно любой собаке, и если он так и не научится разговаривать, можно ли сказать, что он достиг пределов

своего потенциала? Ни в коем случае, поскольку слова – это то, из чего состоит личность. Даже внутри собственного ума личность не может мыслить или что-либо понимать без слов, а это значит, что слова составляют ее мир. В таком случае **книги**, полные слов и не имеющие ничего, кроме слов (за исключением тех, в которых есть иллюстрации), подобны маленьким мирам; а поскольку мир – это место, где существует жизнь, то жизнь существует и в **книгах**.

Научиться читать очень важно: если человек умеет читать, он больше никогда не окажется в западне не удовлетворяющего его мира, поскольку ему будет нужно всего лишь прочесть **книгу**, написанную другим человеком и содержащую в себе более благоприятное для пребывания место, и он будет туда перенесен. Если не найдется **книг**, где предлагалось бы что-либо более приемлемое для его духа, нежели тот кошмарный мир, который его окружает, он может написать свой собственный мир и впредь жить в нем.

Насколько же больше тогда должны цениться **волшебные книги**, ведь они могут взаимодействовать с **холстом**, превращая **вещественную сферу** в тот идеальный мир, которого желает читатель! Тот, кому доведется найти подобную **книгу**, должен считать, что ему неизмеримо повезло, и беречь ее с тем же тщанием, с каким он берег бы своего первенца (и даже с большим, если ребенок окажется нежеланным).

Кожевник (-и)

Человек, который выделывает шкуры так, что они превращаются в кожи (как материал). В **Мордюю** **кожевники** согласны работать с любыми шкурами, какие им только попадутся, однако в других городах они более разборчивы.

Колокольчик Поставщика

Одним из самых характерных звуков в трущобах **Мордюю** является звон ручного колокольчика. Каждый из таких колокольчиков настроен на свой тон, но все они звучат печально и тоскливо. Можно спорить о том, возможно ли, чтобы звук передавал эмоции, или же это наше ухо ассоциирует вполне нейтральный звук с печальными мыслями и воспоминаниями. Как бы там ни было, унылое звяканье колокольчика является указанием на то, что приближается

Поставщик, и те, у кого есть нежеланные дети, должны вывести их наружу и передать ему. Этим детей он в обмен на небольшое вознаграждение переправляет по **Стеклянной дороге** в **Особняк** к **Господину**, где их затем приставляют к какой-нибудь полезной работе.

Колоннады

Женщины **Торгового конца**, не занимающиеся торговлей или домашними делами, порой испытывают желание общаться с другими, подобными им, и тогда они приказывают своим носильщикам принести их к **Колоннадам**. Здесь они могут прицениваться к галантерейным товарам и пробовать напитки, шепотом обмениваться новостями щепетильного свойства и громко выкрикивать информацию, касающуюся всех присутствующих, и, по крайней мере, ощущать, что они наконец куда-то выбрались из дома.

Было бы неверно думать, что все, что происходит под **Колоннадами**, так уж тривиально, поскольку многое из этого впоследствии будет иметь большое влияние на окружающий мир. Но основная задача этого места заключается все же не в этом, ведь письма являются не менее эффективным средством передачи информации, а отнести письмо в другой дом гораздо легче, чем перенести целого человека.

Комендант

Имя, данное служителю **Господина Мордю**, ответственному за мелкий ремонт в частном крыле **Особняка**. Очень в духе **Господина Мордю** дать человеку имя, обозначающее его должность; и если в каком-либо другом месте названный так работник может продолжать звать себя своим изначальным именем и даже настаивать, чтобы коллеги использовали его для обращения к нему, наш **Комендант** в тот самый момент, когда **Господин** обратился к нему так, полностью позабыл свое прежнее имя и теперь знает себя лишь под тем же наименованием, что и его работодатель. Такова власть, которую манипулятор **холста** имеет над окружающим его миром.

Конский каштан

Древесное семя, ценимое белками, а также теми, кто получает удовольствие от всего круглого, гладкого и коричневого. Оно может

быть дано плачущему младенцу, чтобы тот приложил его к губам и какое-то время наслаждался этим ощущением. Однако следует принять меры предосторожности, чтобы ребенок не пытался его проглотить, поскольку он может задохнуться.

Концертный рояль

Инструмент, на котором почти никто не умеет играть; однако он столь огромен, что на него может быть удобно ставить украшения. По меньшей мере его можно использовать, чтобы производить впечатление на посетителей.

Конюшенные ряды

Квартал в **Южных трущобах**, где в полуразвалившейся лачуге вырос **Натан Тривз**.

Копи, или рудники

Рудник – это пробуренная в ландшафте дыра, из которой добывают ценные минералы, руду и прочие вещи, принадлежащие к подземному миру. Эти вещи затем можно использовать различными способами, чтобы производить различные другие вещи. К востоку от **Мордю** имеется горный хребет, предоставляющий значительную часть сырья для его промышленности.

Есть робкие люди, предостерегающие против горной добычи. Они боятся, что таким образом можно опустошить мир изнутри, ввиду чего он обвалится, однако такое предположение абсурдно, ибо под поверхностью земли имеется такое изобилие всякой всячины, что она никогда, даже посредством самых прилежных усилий, не может быть поднята на поверхность. (Да и в любом случае такая мысль смехотворна – представьте, если все, что имеется в мире, вдруг окажется *на* его поверхности: там попросту не хватит места!) Другие утверждают, что под землей проживают расы существ, чье надлежащее место в подземном мире, и что вторжение в этот мир вызовет их гнев. Тем не менее до сих пор не было никаких свидетельств существования подобных пещерных жителей. Есть и такие, кто говорит, что земля сама по себе достойна внимания и уважения и ее нельзя осквернять. Однако те же самые люди по ней ходят, совершают естественные отправления в проделанные в ней отверстия, а также совершают

всевозможные другие действия, которые могли бы показаться ей оскверняющими, так что можно только удивляться, почему они избрали именно горную добычу объектом своего порицания.

Как бы там ни было, горная добыча ведется, и ее преимущества очевидны всякому.

Корабль Господина

Господин – человек не сентиментальный; обычно трудно сказать, испытывает ли он склонность к чему-либо, так что для него было бы неуместным давать своему кораблю имя или снабжать его носовой фигурой. Он этого и не сделал, ввиду чего никто не может обвинить его в непоследовательности. Не стал он также тратить усилия и на украшение, разве что считать таковым единообразие черной краски. Единственной достойной упоминания особенностью этого корабля является то, что он плывет сам по себе, даже без ветра. Впрочем, чего еще можно ожидать от **Господина**? Неужели он должен утруждаться и делать все обычным образом, имея в своем распоряжении могущество **полубога**? Лишь идиоты могут настаивать на этом.

Костры

От обрушивающихся на **Морскую стену** волн поднимается соленый туман, **дождь** идет, почти не переставая, с гор налетают ветра, а хлипкие лачуги редко бывают хорошо утеплены. Ввиду сказанного в трущобах **Мордю** всегда холодно. Чтобы как-то противостоять зябкой сырости, трущобные жители разводят общественные **костры** из всего, что смогут найти, и поддерживают их горение обильным добавлением различных вспомогательных средств – чаще всего под рукой оказываются топленый жир и перья **огненных птиц**. После того как огонь разгорится, все усаживаются вокруг и, поскольку больше им нечем себя занять, принимаются разговаривать. Обычно беседа сворачивает на то, кого им следует винить в своем бедственном состоянии. **Особняк Господина** гнетуще возвышается над ними, и кажется, будто он может слышать каждое слово, поэтому они, поглядывая на верх холма, громко обвиняют во всем **Госпожу**. **Чреворожденные** дети (те, которые оказались желанными) в стремлении угодить своим родителям делают чучела, изображающие **Госпожу**, и сжигают их, надеясь снискать расположение взрослых

выражением гнева к общему врагу. В своей наивности они считают, что выраженное словами является пределом для пребывающего в мыслях, но многие жители **Мордюю** знают истинный источник своего гнета, хотя и не называют его открыто.

Кошка (-и)

Животное, имеющее хвост, усы, крупные уши и большие глаза. Оно ходит крадучись в темноте и втирается в доверие вышестоящим, обманным путем добиваясь их благосклонности. Хотя оно и полезно в отношении отпугивания от жилища вредителей и **мертвожизни**, животное это следует поощрять лишь в той мере, в какой оно выказывает свою полезность, ибо любая иллюзия положительных эмоций (любви, к примеру) является именно иллюзией, и ничем иным. Скептики могут проверить это на опыте, предложив одному из этих существ свою благосклонность: какое-то время оно будет принимать предложенное, но в конце концов обратится на вас и укусит. Также это животное любит замучивать до смерти любых мелких тварей, какие ему повстречаются.

Кошки имеют узнаваемые очертания, и, следовательно, их легко рисовать. Их изображения, часто в ракурсе сзади, вырезают невнимательные ученики на деревянных столешницах своих парт.

Красный концентрат

Свет, который, прикасаясь к людям, лишает их преимуществ обладания **Искрой**, а человека, не имеющего **магической** поддержки, убивает. **Магически** усовершенствованный человек, которому посчастливится встретиться с этим светом, вернется к своему природному состоянию – в случае, если светом будет поглощено в точности необходимое для этого количество **Искры**. Если будет поглощено больше, то человек умрет; меньше – в нем просто станет немного меньше **магии**.

Интенсивность **красного концентрата** управляется чувством ярости, которое испытывает использующий его по отношению к своей мишени. Объясняется это тем, что чем больше он гневается на того, на кого направлена трубка, тем больше желает ему смерти. Сходным образом при расширении диапазона более многочисленные враги

получают ослабленное воздействие. Трубка с таким концентратом была выдана **Беллоузу** на случай критической ситуации. Может отражаться **волшебными зеркалами**, поскольку состоит из света, который все **зеркала** способны направлять вспять.

Крем (-ы) (волшебный/ -ые)

Видя **крем**, кто-то может сказать: «В нем нет ничего особенного, это всего лишь крем, прозаическое снадобье для умягчения кожи, зачем о нем говорить?» – и в этом будет определенная правда, поскольку, когда нужная вещь находится под рукой, это уменьшает ее значительность так же, как близость к нам лишает даже наших ближайших и дражайших соотечественников их особых самобытных черт и центрального положения в нашей жизни. Вкратце, мы начинаем, как говорится, «принимать их как должное» и ввиду этого перестаем их замечать. Так же можно не замечать и **кремы**, хотя некоторые из них, пусть даже с виду совершенно обыкновенные, являются **волшебными**. Есть **кремы**, способные вернуть материальную плоть из **невещественной сферы**. Например, когда из-за чрезмерного пропускания **Искры** через раненую конечность эта конечность в качестве защитной реакции превращается в чистую концепцию самой себя и теряет материальность. В таком случае **крем** следует наносить ежедневно после мытья, и в скором времени конечность восстановится. И хотя такое средство может показаться чересчур простым, то лишь потому, что здесь не упоминаются усилия, затраченные на изготовление **крема** (а они были немалыми).

Кремень

Написанное с маленькой буквы, это слово означает материал, который при ударе сыпет искрами. Обычно кусочек кремня можно найти в коробочке или кисете с огнивом, поскольку его используют для воспламенения трута – материала, подверженного пиролизу, – чтобы разжечь огонь. Также из кремня делают ножи.

Когда это слово пишется с большой буквы, речь идет об одном из необходимых компонентов **Огнива** – наиболее опасного **магического** объекта из всех, что были когда-либо созданы. **Кремень** при ударе испускает **Искру** и воспламеняет **Трут**, и тот, будучи трансформирован в процессе **пиролиза** в чистое **вещество холста**,

горит с выделением такого количества энергии, что преобразует все в ничто.

Крестовые походы

Любая армия, выступающая на войну под знаком креста, является армией крестоносцев, но есть множество разновидностей крестов, а следовательно, и множество разновидностей **крестовых походов**. Тот, что имеет отношение к **Мордюю**, – крест **Атеистического крестового похода**, весьма похожий на заглавную букву «X», нанесенную красным цветом на черный фон и знаменующую собой отрицание **Бога** и **всех богов**, что крестоносцы почитают своей движущей силой. Также это форма дыбы, используемой при **богопризывании**, хотя получила ли дыба свою форму в качестве отсылки к кресту, или же, наоборот, крест должен напоминать о дыбе, вопрос, о котором спорят даже сами крестоносцы.

Крысы

Bête noire^[13] для любого трущобного жителя – одна из низших форм жизни в эволюционной системе. Они кусаются, они кишат, они отвратительны, однако вместе с тем они избавляют город от гнили и трупов, так что мудрые знают, что даже такая мерзость имеет свое применение.

Кукушка

Мальчик из трущоб, которого вместе с его братьями часто посылают к **Господину**. Подобно птице, с которой он имеет общее имя, он зачастую берет себе долю ресурсов, предназначенных другим. Поэтому его не особенно любят дома, где окружающие его люди исполнены гнева из-за того, что всегда голодны.

Курильня

Место, обеспечивающее коммерческое потребление **травы** и предоставляющее приятную обстановку для ее курения. Часто располагается поблизости от борделя.

Кусь

См.: **Сириус**.

Легочные черви

Маленькие создания, в одиночку и вне человеческого тела вполне безобидные; однако, если им случится расплодиться у человека в легких, тот заболит и, в отсутствие надлежащего лечения, умрет.

Лекарства

Жидкости и порошки, содержащие вещества, связанные либо с невещественным принципом «крепкого здоровья», либо с нематериальными принципами, противостоящими определенным возбудителям заболеваний (к примеру, настойка, вызывающая «смерть паразитов»). Пользуются большим спросом в **Торговом конце**, чьи обитатели могут себе позволить платить **фармацевту**, но лишь очень редко попадают в трущобах, где людям обычно приходится полагаться на гораздо менее затратные услуги **ведуний**.

Лиам

Имя, данное матросу на корабле «**Муйрху**». Обладает религиозными убеждениями, которые его коллеги находят попеременно то забавными, то несносными.

«Ложная Девица»

Изобретенный **Присси** обманный трюк, посредством которого купца можно избавить от его денег, манипулируя добрыми или злыми качествами его характера, какими бы из них ему ни довелось обладать. В обычных случаях для такого представления требуются как минимум три участника: сама Девушка, Шухер и Подсечка. После того как Шухер даст сигнал, что все спокойно и розыгрыш можно начинать, Девушка отвлекает объект махинации – «субчика» – изображением слабости (часто включающим в себя намеки, что Девушка в данный момент особенно уязвима для злонамеренных действий). «Субчик» приближается, увлекаемый желанием либо помочь беззащитной Девушке, либо поживиться за счет ее беззащитности. Пока он отвлечен рассказом Девушки, Подсечка и Шухер, по команде последней, одновременно устремляются к «субчику». Подсечка бросается на четвереньки за его спиной, а Шухер пихает «субчика», опрокидывая его. Девушка, еще до подачи сигнала приметившая расположение его кошелька, забирает его у распростертого на земле «субчика», после

чего Девица, Шухер и Подсечка удирают и прячутся в укромном месте.

Преимуществами такого трюка является то, что он требует лишь небольшой подготовки и вполне безопасен для исполнителей. Девица должна владеть приемами самообороны, а «субчиком» всегда выбирают того типа, которого легко победить в драке. Существуют и более жестокие разновидности этого приема, а также версия для двоих, исполняемая Девицей и Киллером, когда жертву сбивают с толку, для того чтобы можно было осуществить ее убийство – например, посредством удара ножом (хотя, по правде говоря, здесь уже требуется немного больше, чем просто отвлечь жертву).

Лук Балларда

Волшебным предметам принято давать имена, чтобы их нельзя было спутать с прозаическими предметами того же типа. **Лук Балларда** назван именем мальчика-воина Балларда, сражавшегося в Третьей Иберийской войне. Знание того, кем был этот Баллард и почему он взялся воевать, было утрачено с течением времени, однако этот лук позволяет любому, кто принес в **жертву** любимое существо, выпустить одну стрелу и поразить насмерть выбранную цель независимо от расстояния. После этого лук может быть использован во второй раз только уже кем-то другим и на тех же условиях.

Магия (волшебство)

Это слово используется для обозначения множества вещей, и хотя разнообразие его значений широко, в своей основе **магия** очень проста: это все, что неестественно. В **вещественной сфере** естественным является то, каковы все вещи, и те, кто обретается исключительно в этой сфере, со временем обучаются безо всяких усилий понимать, как в ней все устроено, поскольку все, что с ними происходит, происходит именно таким образом и ощущается как абсолютно правильное. Следует признать, что несовершенство органов чувств, восприятия и понимания порой могут вызвать у человека подозрение, что с миром что-то не так (к примеру, если он среди ночи слышит скрип снаружи, которому не может подобрать разумную причину, то может решить, что явление имеет **магический**

источник, однако затем, проснувшись, понимает, что дело было в расшатавшейся доске).

Сказанное вовсе не означает, что **магия** – нечто фиктивное, поскольку, когда мы своими глазами видим неестественные проявления **магии**, тотчас же понимаем, что это такое; они вызывают в существовании мира изменения, которые не могут быть приписаны его нормальной деятельности. Когда использующий **магию** превращает собаку в кошку или поднимает на воздух здание, или заставляет возникнуть стаю серебристых сов, мы знаем, что естественный порядок был нарушен. Это и есть **магия** – установление в природе, временно или постоянно, неестественного положения вещей, в противовес тому, как в ней все есть или было устроено до этого. **Магия** может выражаться в виде **чар**, **эманации** или **заклинания**, но она может также быть силой, вдыхающей жизнь в **Живую Грязь**, либо противоестественным животным, таким как **огненная птица**, или появлением **дождя** в ясный день, или **снега** – в теплый, или продолжительным выпаданием орла, но не решки при игре, когда делается ставка на бросание монеты, либо любой из тысячи самых разных вещей; но при этом она всегда остается тем, что она есть: **магией**, или **волшебством**.

Откуда же берется **магия**? Естественные вещи естественны, поскольку это то, что принадлежит к **вещественной сфере**, поэтому **магия**, будучи вещью неестественной, должна представлять собой проявление в **вещественной сфере** чего-то, к ней не принадлежащего, то есть либо **невещественной сферы**, либо **холста**. Используя **магию** изменяет **вещественную сферу**, прибегая к силе **Искры**, чтобы привносить в нее принципы из **невещественной сферы** (или **промежуточных сфер**), либо из **холста**, либо деформируя **холст** таким образом, чтобы **вещественная сфера** переняла свойства этой деформации на время или навечно. Например, при помощи **заклинания** можно устроить, чтобы в определенном месте стало очень жарко, деформируя **холст** таким образом, чтобы в **вещественной сфере** повысилась температура (либо привязав принцип «жары» из **невещественной сферы** к данному месту в **вещественной сфере**). Либо же заклинатель может привести в **вещественную сферу** демона, перенеся его из его исконной **промежуточной сферы**, использовав энергию **Искры**, чтобы ослабить

ткань **холста** и тем самым освободить место для появления нового существа, а затем протащив его сквозь **вещественную сферу**, подобно магниту, притягивающему иглу компаса. Точно так же он может придать качество повышенной скорости какому-нибудь объекту – скажем, тележному колесу, – притянув из **невещественной сферы** большой объем принципа «скорости» и привязав его к конкретному материальному воплощению принципа «тележного колеса»; такое качество затем проявит себя в поступательном движении данного объекта в вещественном мире (впрочем, следует позаботиться о том, чтобы подвергнуть одинаковому обращению все колеса повозки, иначе из-за разницы скоростей та может рассыпаться).

Для **Бога** и **всех богов** магия является естественным состоянием, и присутствие их в **вещественной сфере** вызывает текучесть во всех естественных и неестественных вещах, и сама дискретность системы сфер оказывается подорвана присутствием того, кто существует во всех них одновременно, благодаря чему и возникает основа **холста**: то, что для **холста** является тем же, чем **холст** является для всех сфер, хотя каким именно образом, для нас невозможно представить, ибо подобное понимание открыто лишь уму **Бога** и некоторых меньших богов.

Мадам

Женщина, в чьем владении находится сестра **Присси** и чье место сестра **Присси** надеется когда-нибудь занять.

Маларкои

Древний город на **Северо-Западном полуострове**, где правит **Госпожа** и возвышается ее **Золотая Пирамида**. Он находится в состоянии войны с соседним с ним городом **Мордью** – нападает на него, препятствует его торговле и подстрекает его население к революции (на что **Мордью** отвечает той же монетой). В конечном счете один из городов разрушит другой, но который из них останется – решать судьбе.

Мама Доулиш

Хозяйка распивочной, соперница мистера Пэджа и мать братьев Доулиш, которых превосходит если не размерами, то коварством и

злобностью характера.

Медальон

Собственность **Клариссы Делакруа**, вещь, которую та носила в ранние годы своей жизни. Вкупе с другим ее имуществом был оставлен хозяйкой, когда та бежала с **Натаниэлем Тривзом**, чтобы выйти за него замуж и присоединиться к оккультной **тонтине**, в конечном итоге послужившей причиной смерти **холстовика**. Это простой медальон, наподобие любого другого, но поскольку он ценился хозяйкой, а та была пропитана энергией **холста**, его отпечаток открывает доступ **Искре** – свойство, пригодившееся при создании «**Запрещающего перста**», который впоследствии применялся, чтобы контролировать ее сына **Натана**.

Медь

Монета невысокой ценности – не настолько мелкая, как **бронза**, но, несомненно, не настолько ценная, как **серебро**.

Мертвожизнь

Живая Грязь обладает властью порождать жизнь, но делает это по-глупому, без какого-либо рассуждения или цели. **Бог** создал мирских тварей с умом, и они процветали, чего нельзя сказать о **мертвожизни**, неустойчивой и растворяющейся почти в тот же момент, как рождается. Поскольку **Бог** создал мир, чтобы обеспечивать свои создания, и обустроил его соответственно, постольку творение без Бога должно склоняться к формам, существующим лишь как концепции в **невещественной сфере**, но те далеко не настолько идеально подходят для назначенной цели. Таким образом, **мертвожизнь** зачастую представляется дефектной и несовершенной версией совершенного творения.

Если **мертвожизнь**, по какой-либо случайности, остается жить, это называют **палтусом** – но без приложения большого количества энергии **Искры** (образующейся из воли **Бога**) никакая **мертвожизнь** и никакой **палтус** не смогут независимо существовать долгое время, сколь бы схожими с **Божьими** созданиями ни казались: **Искра** будет утекать из них обратно в **холст**, ведь лишь совершенные формы могут

долгое время удерживать **Искру** от желания вернуться обратно в свою исконную сферу.

Метельщик (-и)

Живая Грязь, а заодно с ней **палтусы** и **мертвожизнь**, хотя и являются **волшебными**, имеют такие свойства, которые у населения **Мордю** ассоциируются в первую очередь с чем-то вульгарным. Из **Живой Гязи** появляются **палтусы** и дети, в точности как после полового взаимодействия (а поскольку все цивилизованные люди находят половое взаимодействие вещь постыдной, то жители **Торгового конца** считают постыдной и **Живую Грязь**). Купцы мостят свои улицы булыжником, чтобы воспрепятствовать появлению на них грязи любого рода, и нанимают работников, чтобы те сметали все же нарождающуюся **Живую Грязь** (а также **мертвожизнь** и **палтусов**) вниз, в трущобы. Нельзя сказать, чтобы жителям трущоб чувство стыда было незнакомо – знакомо, и даже весьма, – но их низкое положение означает, что им приходится с этим мириться. Воистину, в трущобах происходит много такого, с чем приходится мириться. Купцы приходят в эти кварталы, когда желают заняться постыдными вещами, тем самым ограждая от них собственные обиталища. Вот почему в трущобах расположено столько борделей, и именно поэтому здесь есть возможность заработать себе на жизнь (какая бы она ни была), **вычернив глаза**.

Мистер и миссис Сауэрс

Чета механических мышей, муж и жена, на которых возложена задача уборки **детской Господина Мордю**. Кто-то может счесть ненужным и даже жестоким наделять объекты, предназначенные для выполнения столь низменной задачи, способностью к рассуждению и любви, но **Господин** находит, что те, кто наделен этими вещами, работают на него с **большим усердием**, вдохновляемые взаимной любовью и осознанием угрозы потерять друг друга. Их труды он вознаграждает множеством утешений, чего только и можно желать от любого работодателя.

Мистер Пэдж

Преступник, ведущий свои дела под прикрытием принадлежащего ему ресторана «**Музыкальный позыв**» в **Торговом конце Мордюю**. Хотя **мистер Пэдж** держит эту информацию в секрете, он не является уроженцем **Мордюю** и отнюдь не действует в интересах этого города (что вовсе не значит, будто в своей деятельности он блюдет чьи-либо интересы помимо своих). Как бы то ни было, это, несомненно, расширяет круг его влияния, и любой, пытающийся понять его мотивы, должен иметь в виду, что они могут быть не только корыстными, но и политическими.

Мордюю

Город, воздвигнутый на руинах бывшего Парижа по воле **Господина Мордюю**, а также место, где он пребывает в настоящее время. Окруженный с трех сторон **Морской стеной**, защищающей его от водной стихии, а с востока горной грядой, защищающей его от вторжения извне, **Мордюю** представляет собой надежное место, откуда **Господин** может, ничего не боясь, вести войну против **Госпожи Маларкои**.

Город также предоставляет ему необходимые ресурсы для его **магии**. **Господин** обустроил все так, чтобы все в городе соответствовало его нуждам, а любой, кто сомневается в этом, не понимает, кто он такой. Все, что есть в **Мордюю**, – его, и все здесь работает для его целей, даже если с виду это не так. Это факт, который следует понять прежде, чем можно будет переходить к какому-либо дальнейшему пониманию.

Морковь

На **Северных плантациях** выращивают корнеплоды для столов **Торгового конца**, и одним из них является **морковь**. Этот корнеплод имеет коническую форму, оранжевый цвет, сладкий вкус и весьма ценится за свой особый привкус, сочетающийся со всевозможными разновидностями других продуктов. Было бы транжирством давать **морковь** животному, поскольку животные удовлетворяются самыми грубыми видами пищи и не имеют достаточного интеллекта, чтобы отличить один привкус от другого, и уж тем более не имеют ничего, что хоть сколько-нибудь напоминало бы разборчивость. Кроме того, **морковь** дорого стоит, в то время как трава, к примеру, весьма дешева.

Поэтому, если кому-либо вздумается, купив **морковь**, затем скормить ее, скажем, лошади (или лошадям), это должно указывать на некое психическое расстройство или, возможно, фетишизм.

Морская стена

Море – очень большой объем воды, которая в поисках собственного внутреннего равновесия способна затопить все земли под собой, если ей не воспрепятствовать. Если ваш город выстроен на такой земле, которую в любой момент может занять море, то следует выстроить защитную стену, преградив ею путь воде. Это не тривиальная задача, а в **Мордюю** она была еще более усложнена тем, что **Господин** воздвиг город во время отлива на участке только что образовавшейся прибрежной равнины. Чтобы плоды его труда не были разрушены следующим же приливом, **Господин** при помощи **магии** заставил возникнуть **Морскую стену**, и если легко написать, что нечто было сделано, это еще не значит, что само дело было легким. Фактически такая задача оказалась бы не по силам любому, кроме него, а ведь ему пришлось еще даже прежде начала работы найти и усмирить **демонов** и **ангелов**, подходящих для выполнения задачи формовки и укладывания кирпичей. К счастью для него, соотношение времени в **вещественной сфере** и времен в **промежуточных сферах** достаточно гибко, но даже здесь есть свои пределы. Поэтому **Господин** торопился закончить работу – но при всем том результат еще больше впечатляет, ведь стена выполняет свою задачу более чем успешно, так что жители **Мордюю** не испытывают неудобств из-за поступающей с моря воды.

Добавленные впоследствии **Морские ворота** никак не изменяют тот факт, что **Морская стена** является защитным укреплением, окружающим **Мордюю** с трех обращенных к морю сторон, которое было создано одновременно с закладкой города силами поработанных **демонов** и **ангелов**, направляемых **Господином Мордюю**.

Морские ворота

Позднейшее добавление к **Морской стене**, позволяющее кораблям приближаться к городу и удаляться от него. Ворота открываются и закрываются **жаберниками** из **портовой стражи** согласно указаниям **Господина Мордюю**.

Мушиный двор

Мухи могут рождаться из **Живой Гязи**, когда поблизости лежит гниющая туша животного, и поскольку **мистер Пэдж** позволяет как тушам, так и **Живой Гязи** скапливаться на огороженном участке позади своего ресторана «**Музыкальный позыв**», в нем всегда полно мух. Что и привело к появлению его неофициального названия: «**Мушиный двор**».

Мэйв

Имя, данное морячке с корабля «**Муйрху**». В остальном ничем не примечательна.

Нагрудник

Часть латного вооружения, а именно – пластина, прикрывающая грудь.

Наемные убийцы (мистера) Пэджа

Работать наемным убийцам приходится редко, а платят им хорошо, вследствие чего они могут себе позволить тратить время и средства на свою внешность. Они расхаживают в самой лучшей одежде и имеют самые ровные зубы, которые ежедневно вынимают и начищают отбеливающим средством. Последнее нужно одновременно и для тщеславия, и для маскировки, поскольку насилие ассоциируется в человеческом уме с безобразием, а красота, согласно закону противоположностей, с насилием не ассоциируется. Когда к кому-либо вечером подходит хорошо одетый человек с приятной белозубой улыбкой, у того не возникает мгновенного опасения за свою жизнь (что произошло бы, если бы зубы человека были кривыми, лицо искажалось гримасой, а одежду покрывали пятна). Он всего лишь вежливо спрашивает у подошедшего, что ему угодно. И во время такого неосмотрительного начала беседы для убийцы проще простого воткнуть кинжал под подбородок своей жертвы и проткнуть мозг, мгновенно прервав его жизнь. (Альтернативой была бы погоня и потасовка с лихорадочным тыканьем кинжалом в разные стороны, что причинило бы гораздо больше неудобства.)

Итак, в интересах наемных убийц выглядеть хорошо и тем самым значительно облегчать себе работу. **Наемные убийцы мистера Пэджа**

также не пребывают в неведении относительно приведенных выше соображений.

Народная магия

Есть люди, которые от рождения находятся в большем согласии с **холстом**, нежели остальные, и вследствие этого проявляют необычные способности, похожие на **волшебные**. Они могут угадать, что вы собираетесь сказать, еще до того, как вы скажете это, передвигать мелкие предметы без физического взаимодействия с ними, общаться с недавно усопшими. Такие способности являются побочным результатом объединения их вещества и принципа с **холстом**, в результате чего те превосходят свои материальные ограничения. Это позволяет им пропускать внутрь своего «я» информацию извне, или же, наоборот, выпускать энергию изнутри своего «я» наружу. И в том и в другом случае проявление подобных способностей носит название **народной магии**. В **Мордюю** **народной магией** чаще всего занимаются **ведуньи**; они делятся друг с другом необходимыми знаниями и простейшими **заклинаниями**, передавая их следующим поколениям. **Народная магия** имеет статус ниже, чем истинная **магия**, которую практикуют **Господа, Госпожи, все боги** и другие, поскольку сходство этих последних организмов с **холстом** на порядки более совершенно.

Натан Тривз

Сын **Натаниэля Тривза** и **Клариссы Делакруа**, наследник **Искры**. После смерти **холстовика** эта часть силы последнего, сохранившаяся в **вещественной сфере** и не прикрепленная к его телу, перешла к **Натанову** отцу. Нет нужды объяснять, как законы наследования действовали дальше.

Натан был выращен в трущобах **Мордюю**, под самым носом у **Господина**. Почему? Об этом следует спросить его родителей, поскольку лишь они обладают авторитетом в данном вопросе.

Натаниэль Тривз

Отец **Натана** и член оккультной **тонтины**, приведшей к смерти **холстовика**. Именно **Натаниэль** изобрел метод, посредством которого **холст** может быть искажен, и с его помощью предпринял попытку

завладеть **холстовиком**, в ходе которой тот был убит, а сам **Натаниэль** сделался практически во всех отношениях **Богом**.

Теперь он умирает мучительной смертью в **Южных трущобах Мордю**. Может быть, это раскаяние? Никто не знает, поскольку он не отвечает на вопросы.

«Натанов нож»

Такое имя получило **волшебное** оружие, которое **Госпожа Маларкои** сделала из частей тела **Натана Тривза** и дала **Дашини**. Подобно любому оружию, сделанному из божественной плоти, нож обладает невероятным могуществом, хотя способ его использования не является непосредственно очевидным, а его настоящая сила может оставаться нетронутой теми, кто не понимает его потенциала.

Невещественная сфера

Сфера, являющаяся обиталищем принципов и исключаящая любую вещественность. Связана с **вещественной сферой** посредством холста, а с **промежуточными сферами** функционирует совместно согласно закону сочетаний.

Невидимые объекты (нити, платформы и т. п.)

Никого из тех, кто знаком с разделением сфер, не должно удивлять, что принцип чего-либо и пример материального воплощения этого принципа – не одно и то же. Верно также, что при помощи **магии** возможно сочетать **вещественную и невещественную сферы**, используя **Искру**, действующую через холст и с его посредничеством. Невидимый объект – это принцип объекта, привлеченный из **невещественной сферы**, которому придано лишь столько материального воплощения, чтобы он мог существовать как объект, но не настолько много, чтобы этот объект препятствовал прохождению света.

В других случаях объект может быть замаскирован отклонением луча света, который в обыкновенном случае падал бы на него и затем отражался бы от него, направляясь к глазу наблюдающего, в какое-нибудь другое место (где его некому будет видеть).

Оба метода прекрасно действуют, и использующий **магию** должен выбирать между ними, основываясь на своем умении владеть различными типами **магии**.

Нив

Имя, данное морячке на корабле «**Муйрху**». Очень приятная женщина, внимательная, веселая, всегда готовая помочь. Такая

особенность личности может сделать человека уязвимым, поэтому она носит с собой нож и выучилась владеть им.

«Ноев ковчег»

Наскоро сооруженный и, скорее всего, вымышленный корабль, где в доисторические времена пары существ спасались от гибели в воде, грозившей им по прихоти **Бога**.

Носильщики паланкинов

Вид слуг, специализирующихся на переноске дам **Торгового конца** к **Колоннадам** и обратно. Хотя в них важна сила, еще более важно, чтобы все они были стандартного размера, поскольку наличие одного великана в команде из четырех приведет к перекоосу паланкина. Ни один носильщик паланкина, вываливший седока на улицу, больше никогда не найдет себе работу, так что лучшие из них либо имеют средний рост, либо составляют команду из пары идентичных близнецов, либо представляют собой четверню.

Обет службы

Его приносит собака, соглашаясь заключить союз с человеком.

Облом

Мальчик из трущоб, которого, наряду с его братьями, часто посылают к **Господину**. Его родители не соглашаются принять отказ, и, возможно, рано или поздно их упорство окупится и его все же примут на службу; однако, если мальчика не взяли ни в первый, ни во второй, ни, если на то пошло, в третий раз, то даже если это случится в четвертый, мало вероятности, что работа, которую он получит, окажется для него приятной.

Обмен мыслями

Телепатическое общение, которым пользуются бессловесные животные и **жаберники**. Хотя такой форме диалога не хватает концептуальной строгости, придаваемой словами, она гораздо более непосредственна, чем речь, и менее подвержена неверной интерпретации.

Обучение

Способ, посредством которого один или множество людей могут быть приведены к такому образу мышления, какой входит в намерения педагога. Если объект **обучения** получил его в молодом возрасте, для него может оказаться невозможным преодолеть те убеждения, что были ему насаждены, поскольку он будет считать эти факты равнозначными природным феноменам или здравому смыслу, или просто миру в том виде, каков он есть.

Переобучение – это повторная форма **обучения**; его предпринимают странствующие комитеты **Атеистических крестоносцев** с целью ниспровержения любых элементов первичного **обучения**, которые, по их мнению, противоречат интересам **Ассамблеи**.

Огненная птица

Вообразите тощую, покрытую перьями, ящероподобную лошадь, чьи копыта заменены руками с цепкими пальцами. Приставьте к этому чудищу пару крыльев наподобие голубиных, но достаточно больших, чтобы поднять всю конструкцию в воздух. Затем, когда этот образ несколько уляжется у вас в голове, раскрасьте его в красный цвет и подожгите, чтобы за пылающим телом всюду следовал шлейф черного дыма. Вот примерно так выглядит **огненная птица**.

Они созданы посредством **магии Госпожи Маларкои**, и говорят, что та должна **приносить в жертву** маленького ребенка из своего города, перерезая ему горло, за каждую **огненную птицу**, которую она вызывает к жизни.

В **Мордюю** они представляют собой угрозу. Сотни **огненных птиц** посылаются ежедневно, чтобы разрушить **Морскую стену**, и если какой-нибудь удастся перелететь в город, она творит там всяческие бесчинства, похищая детей, убивая людей и устраивая пожары.

Огненные птицы легко теряют свои перья, и в трущобах эти перья можно видеть повсеместно (поскольку здесь ценится любое украшение, сколь бы сомнительным ни было его происхождение).

Огниво

Магический артефакт, созданный **Господином Мордю** в попытке предотвратить свое крушение под натиском восьмого **Атеистического крестового похода**. Состоит из вместилища, в котором содержатся **Кремень** и **Трут**. Разжигаемый с его помощью огонь с трудом поддается контролю, даже со стороны его создателя.

Оптическая трубка

Магический инструмент, созданный **Дашины** во время ее заточения, чтобы исследовать трубопроводы на предмет уязвимых мест, которые могли бы помочь ей бежать. Один конец трубки полый, на другом расположен глаз. Трубка обладает бесконечной растяжимостью и бесконечной гибкостью, так что она может заглядывать за углы, чтобы обнаружить, что там находится, и передать эту информацию в глаз того, кто заглядывает с полого конца. Без сомнения, весьма полезное приспособление, но поскольку его оказалось недостаточно, чтобы обеспечить **Дашины** побег, то в данное время оно валяется без дела под грудой ненужной одежды.

Осведомитель (-и)

Не все неодушевленные предметы так безобидны, как кажутся. Некоторые из них, с виду представляющие всего лишь, скажем, обломком доски или кучей мусора, на деле являются машинами, способными видеть и слышать все в пределах радиуса своего действия. Есть даже такие, что могут видеть невидимое и слышать неслышимое, а также составлять карты мира, посылая вдаль вибрации, чтобы, когда те возвратятся видоизмененными, по этим изменениям узнавать их причину. Таким образом, они могут видеть, что происходит за углом или в толще земли. Объекты такого типа, представляющие собой подкласс объектов, находимых в **Мордю**, производятся **Ассамблеей** и носят наименование **осведомителей**. Если верить слухам, они рыскают повсюду, снабжая важной информацией подступающие авангарды следующего **Атеистического крестового похода**.

Особняк

Место, где пребывает **Господин Мордю**. Хотя здание стоит у всех на виду посреди города и никто не предпринимал попыток что-

либо скрыть или замаскировать, о нем, как прежде, так и сейчас, известно очень мало. Из чего сделаны его стены? Никто не знает. Сколько в нем комнат? Невозможно сказать. Есть ли в нем винные погреба? Молчание.

Те, кто устраивается на службу в **Особняк**, как правило, остаются в нем, а те немногие, кто возвращается, могут рассказать лишь о том, что входило в их компетенцию: **швейцар** знает свое дело, **прачка** – свое, но о чем-либо более масштабном они по-прежнему не имеют понятия. Трущобные мальчишки, которым не досталось места в **Особняке**, по возвращении рассказывают всякое, но им никто не верит, поскольку это не те люди, которые достойны доверия. Они говорят, что внутри горы слышны скрежет и лязг огромных машин, но разве такое возможно? Механизмам место в **Фактории**, так что, скорее всего, здесь они что-то напутали. Еще они рассказывают о людях с очень длинными руками и ногами и большими носами – но, опять же, какова вероятность?

Какой-нибудь исследователь мог бы со временем собрать воедино все отчеты и слухи касательно **Особняка** из всех доступных источников и затем, путем сопоставления, достичь некоего консенсуса, но у кого найдется на это время? Всегда есть дела поважнее.

Итак, **Особняк** – это место, где пребывает **Господин Мордюю**, а если о нем требуется какая-то дополнительная информация, желающие всегда могут пойти и посмотреть сами. Чтобы удовлетворить свое любопытство, им требуется всего лишь проверить на опыте, насколько далеко простирается гостеприимство **Господина**.

Оссиан

Имя, данное моряку с корабля «Муйрху». Один из многих, он имеет немного черт, отличающих его от прочих, и если бы его высадили в следующем порту, маловероятно, что даже его товарищи по команде долго сожалели бы о его отсутствии.

Остров белых холмов

Земля, где расположен город **Маларкои**. Ходят слухи, что здесь обретается множество одряхлевших и более не существующих богов, но в месте этом побывали лишь немногие из тех, на чье слово можно

положиться, так что, правда это или нет, невозможно определить с какой-либо степенью вероятности.

Офис мистера Пэджа

Деревянная пристройка, примыкающая к «Мушиному двору» на задах ресторана «Музыкальный позыв». Здесь мистер Пэдж ведет свои преступные дела. Хотя он мог бы себе позволить обзавестись более благоустроенным местом, он предпочитает не приукрашивать свои махинации тщетными притязаниями (для этого у него имеется ресторан) и поддерживает баланс между двумя сторонами своей личности, занимаясь грязными делами в грязном месте, а менее грязными – в менее грязном.

Пакгаузы

Квартал **Мордюю**, где содержатся и упаковываются товары, предназначенные для экспорта. Товары эти поступают главным образом с Плантаций или из Факторий, складироваться или перерабатываются в **Пакгаузах**, а затем вывозятся из порта на кораблях через **Морские ворота** куда-то в окружающий мир. Куда именно они попадают, неизвестно, но сходные объемы товаров поступают в обратном направлении, ввиду чего допускается предположение, что их обменивают на те товары, которые **Мордюю** не в состоянии производить самостоятельно.

Палтус (-ы)

Когда **Бог** создает что-либо или вызывает к жизни условия, посредством которых что-либо создается и проявляется в **вещественной сфере**, это всегда правильно, поскольку он **холстовик** и находится в полном согласии с **холстом**. Излишне было бы говорить, что все созданное **Богом** естественно, поскольку природа определяется **холстом**, а **Бог** является **холстовиком** и, следовательно, не может создавать ничего другого, кроме естественных вещей, ведь в противном случае он не находился бы в полном согласии с **холстом**, а мы знаем, что это не так. Итак, когда действует природа, как понимают ее люди, результатом являются естественные вещи. **Палтус** же является вещью неестественной (иначе говоря, **волшебной**), поскольку проявляется к жизни не через естественные процессы, но посредством

неестественного воздействия **Живой Грязи**, которая хотя и создана благодаря воздействию **Бога**, но лишь в **вещественной сфере** и не содержит в себе нематериального принципа, который **Бог** через **холст** сочетает с материальным, образуя единое совершенное существо, и который необходим для того, чтобы что-либо почиталось естественным.

Вышесказанное не означает, что **палтус** не может быть приведен к естественному состоянию, поскольку если он получит **Искру** (которая является вещественной формой совершенного нематериального принципа, проявленного в **холсте**), то его вещественная форма сможет эволюционировать в нечто, находящееся в согласии с **Божьим** намерением относительно всех организмов, и тем самым избежать своей низменной природы. В **Мордюю**, однако, исправление неестественных **палтусов** посредством **эволюции** случается редко; город кишит крупными и мелкими организмами, сформировавшимися неестественным образом. Это испорченные создания, у весьма большой доли которых нет никакой вероятности выжить (такие известны под названием **мертвожизни**), но даже те, что выживают, не являются естественными и не имеют формы, которая могла бы способствовать их процветанию в естественном мире. Эти создания, ввиду изъянов в их сущности, склонны к угасанию, и если они не умирают сразу же, то жизнь их более или менее несчастливая, поскольку они не сочетаются с другими вещами, как это должно быть.

Палтус может иметь вид небольшого животного наподобие мыши, но деформированного; он может быть крошечным (почти до невидимости), но может иметь и более крупные размеры (с собаку или кошку). Он может быть даже величиной с человека и выглядеть очень похоже на человека (мужчину или женщину или ребенка любого пола), но он никогда не будет человеком, поскольку был рожден неестественным образом. Если кто-либо неожиданно находит в грязи дитя, которое не было помещено туда, намеренно или по случайности, его родителями, то, скорее всего, это **палтус**, рожденный от взаимодействия **Живой Грязи** и, скажем, выброшенной тряпки. Хотя такое дитя может внешне напоминать естественного ребенка, оно будет иметь некие признаки тряпки, обладать ее нематериальным принципом, запечатленным в самой его структуре, и по мере своего

развития будет все больше похожим на тряпку. Можно назвать это «тряпчностью» духа и формы; и поскольку сама идея тряпчного человека неестественна и смехотворна, такое дитя, скорее всего, не доживет до взрослого возраста. То же самое происходит, когда **Живая Грязь** взаимодействует с камнем или другим **палтусом**, оброненным на землю детородным веществом, трупом или **призраком**. В любом случае результатом является не человек, но всегда **палтус**, поскольку человек создан по образу **Бога**, а этот образ не может быть воспроизведен в живом существе иначе, чем естественным путем.

Парк

Область, отведенная деревьям и служащая естественной границей между **Особняком** и нижним городом. Кое-кто верит, что деревья обладают **волшебством**, что они могут оживать, чтобы выполнять повеления **Господина**, но это никогда не проверялось, поскольку никто не смеет настолько приближаться к **Особняку** – из страха пробудить гнев **Господина**.

Переместитель

Нет пределов изобретательности человека, который, обладая невероятными умственными способностями, равно как и способностями негодовать, обнаруживает себя удерживаемым помимо его воли. Пребывание в заключении может показаться такому человеку большой утратой – впрочем, подумайте об огромном количестве людей, которые, обладая полной свободой, не делают с ней абсолютно ничего. Столь широк выбор возможностей у того, кто свободен поступать, как ему вздумается, что это может сковывать ему руки, ибо какой вариант ему выбрать? Однако, когда человек сидит в клетке, у него есть лишь одно занятие, кажущееся ему достойным (нахождение пути на свободу), и на этой единственной цели полностью сосредотачиваются его усилия.

Переместитель – это объект, который, содержа в себе сущность холста и вибрируя его свойствами, был изобретен, вкуче с другими вещами, дочерью **Госпожи Маларкои, Дашины**, в то время, когда она содержалась в **карантине** в **Особняке Господина**. Этот прибор позволяет любому другому объекту, помещенному внутрь него,

проявиться на установленном расстоянии от того места, где он должен находиться. Хотя **переместитель** и не помог **Дашини** добиться освобождения, любой, владеющий таким прибором, найдет, что его использование значительно облегчает кражу мелких предметов, равно как и убийство находящегося в другой комнате человека или шпионаж, поскольку внутрь **переместителя** можно поместить оптический инструмент и наблюдать за объектом исследования, отделенным от наблюдателя стеной.

«Перпетуум-мобиле»

Игрушка, состоящая из наклонных поверхностей, ступеней и шариков, допускающая бесконечное перемещение шариков с верхушки до низа и обратно. Доставляемое ею удовольствие состоит в наблюдении за красивым движением предметов, а также в попытках угадать, как это работает. Как правило, к вещам должна быть приложена сила, чтобы они начали двигаться, и эта сила должна регулярно обновляться, иначе они прекратят свое движение. Эти шарики, однако, не нуждаются в начальном побуждении и никогда не останавливаются – так как же это сделано? Ответ, очевидно, заключается в том, что это сделано при помощи **магии**, однако **магия** для некоторых людей является чудесным зрелищем сама по себе, так что в любом случае такой предмет будет хорошей игрушкой для ребенка.

Пиролиз

Процесс высушивания чего-либо на огне так, чтобы эта субстанция впоследствии легко могла загореться. Это может быть достигнуто естественным путем (так обычно получают древесный уголь), а может осуществляться с помощью **магии**. Магический подход может превратить наследника **Искры** в чистое **вещество холста**.

Плезанс

Та область **Мордюю**, где зажиточные купцы располагают свои жилища и общаются с другими себе подобными. **Плезанс** напоминает **Торговый конец**, но более красив; в нем больше деревьев, чем зданий. Здесь можно видеть места, отведенные для проведения

досуга, такие как **Зоологический парк**, поскольку существует правило, что, чем человек богаче, тем больше времени он имеет в своем распоряжении (хотя нам всем приходится делать вид, будто это не так, чтобы не возбудить зависть и порицание со стороны наших подчиненных).

Повар

Имя, данное одному из слуг **Господина Мордю**, ответственному за приготовление пищи в частном крыле **Особняка**. Он немой – но кому требуется речь при нарезании шпината или варке мясного бульона? У него нет команды помощников, он работает один, так что ему некого звать или распекать; на его кухне царит тишина, если не считать стука ножа или бульканья воды в котле. Гордится ли он своей работой? Гордость – слишком тщеславное чувство. Нет, он лишь следит за тем, чтобы всегда делать все правильно, ибо в вопросе питания всегда существует верный и неверный способ, и любой, кто станет противоречить этому или попытается оправдать ошибку, ссылаясь на разницу в личных вкусах, не более чем глупец. **Повар** не глупец; он знает верные способы и обладает мастерством, чтобы доказать свое умение, но в нем нет надменной гордости. Он просто делает то, что должно быть сделано, – ни больше, ни меньше.

Подавление, или ингибция

Точно так же, как любой процесс может быть **ускорен**, он может быть и **подавлен**, что имеет противоположный эффект. При должном умении манипулятор **холста** может **подавить** не только явственное воздействие (скажем, энергии **Искры**), но и нечто настолько тонкое, как мысль, поскольку мысли являются проявлением принципов, принадлежащих к **невещественной сфере**, в сфере **вещественной**, и их перемещение обеспечивается **холстом**. А значит, для любой мысли требуется мельчайшее количество **Искры**, и если эта **Искра** будет **подавлена**, то и мысль, пытающаяся ее использовать, никогда не появится в уме. Таким образом, некоторые объекты и **заклинания** могут успешно контролировать человека и заставлять его поступать согласно желанию манипулятора (в определенных пределах). См. также: **Медальон** и «**Запрещающий перст**».

Подпол

Особняк имеет **фасад** и внутренние помещения, доступные со стороны города, а также **вестибюль**, ведущий в частные апартаменты; а под всем этим располагается область, которую **Господин** отвел для машин. Это место известно как **Подпол**. Для чего **Господин** использует **Подпол**, знает лишь он один, однако работа там идет непрерывно и с большим шумом. Стеклообразные трубы подают в глубины механизмов **Живую Грязь**, вследствие чего разумно предположить, что **Господин** занимается **магией** – тем, чем он больше всего известен.

Полубог (-и)

Ни одно из богоподобных существ не является **Богом**, поскольку только **холстовик** может находиться в полном согласии с **холстом**, а ни одно существо полностью не принадлежит **холсту**, ибо люди при жизни принадлежат к **вещественной сфере**, а после смерти – к **невещественной сфере**, а ни одна из названных сфер не является **холстом**. Ввиду сказанного, когда личность **эволюционирует** до положения такой близости к богоподобию, что в ней становится больше от бога, нежели от человека, она становится не **Богом**, но лишь **полубогом** – и это, очевидно, большее, что ей может быть доступно.

Поножи

Часть рыцарских доспехов – а именно та, что располагается на икрах.

Порт

Любой город, граничащий с морем, должен иметь порт, и в **Мордюю** такой порт называется **Портом**; поскольку имеется в виду не какой угодно порт, а именно присущий данному городу, он удостоивается написания с большой буквы.

Портовая стража

Отряд **жаберников**, на которых возложена задача открывать и закрывать **Морские ворота**. В отличие от других **жаберников**, они одеты целиком в белое, что позволяет отличить их на расстоянии.

Поставщик (-и)

Поставщик – это человек, чья профессия состоит в том, чтобы забирать и доставлять людей и товары из одной части города (обычно это трущобы) в другую (как правило, жилище **Господина**, **Госпожи** или представителей правящего класса). Он удобен тем, что его наниматели часто не снисходят до посещения более скромных городских районов и стремятся предотвратить приближение жителей этих районов к своему жилищу, и тем не менее время от времени какое-то сообщение между этими двумя местами оказывается необходимым. Для этого и нанимают **Поставщика** – чтобы он поставлял (а также увозил обратно) различные грузы из одного места в другое. В **Мордю** основной задачей **Поставщика** является транспортировка в **Особняк** мальчиков-работников в конной повозке по **волшебной Стеклопанной дороге**, предназначенной специально для этой цели, а также доставка их недельного жалованья родителям.

Поставщицкие ворота

Есть специальные ворота, через которые **Поставщикам** позволено въезжать в трущобы и выезжать обратно. Такие ворота могут быть открыты либо самим **Поставщиком** при помощи ключа, который он носит с собой, либо одним из стражников, который знает всех **Поставщиков** в лицо и имеет приказ обеспечивать им въезд и выезд.

Прачка (-и)

Одни из немногих женщин, допускаемых в **Особняк** – **прачки**, – составляют союз, который вынужден признавать даже **Господин Мордю**, поскольку никто другой не согласился бы выполнять их работу, опасаясь возмездия. Некоторые могут указать на то, что сам **Господин** никак не может их бояться, а те люди, что боятся возмездия союза **прачек**, гораздо больше должны бояться возмездия **Господина**, но существует разница между последствиями неизвестного рода со стороны того, кого никогда не видел, и непосредственной угрозой, что твою голову окунут в кипящую воду и будут держать там, пока ты не умрешь. Последнее представляет собой несомненную реальность, в то время как первое – всего лишь предположение; благодаря этой разнице и процветает закрытый цех **прачек**.

Призматическая пудра

Порошок, способный отворачивать свет от выбранного объекта, так что этот объект становится невидимым для того, кому пользователь порошка не хочет его показывать. Изобретен в заточении дочерью **Госпожи Маларкои, Дашини**.

Призрак (-и)

Жизнь человека, которую он ведет в **вещественной сфере**, отражена в сфере **невещественной**. Собственно, именно в **невещественной сфере** берут начало те концепции, которые достигают его понимания в **вещественной сфере**. Без такого отражения его жизнь, даже если бы она была возможна (а это не так, ибо само сознание является лишь материальным отголоском **невещественной сферы**), представляла бы собой просто некоторое количество недифференцированного вещества, плещущегося от одного безымянного места к другому. В ней не было бы смысла.

Коротко говоря, то, что делает человека человеком (индивидуальной и узнаваемой личностью), это принцип, концепция его существа и то, как этот принцип взаимодействует с другими концептуальными формами.

Пока человек живет, между двумя сферами существует согласие, обеспечиваемое **холстом**; но когда вещество человека переходит в другую форму (когда он «умирает»), его принцип не умирает вместе с ним, поскольку концептуальная форма существует вечно и, единожды образовавшись, не может быть уничтожена. Освобожденное от своего отражения в **вещественной сфере** его «я», за неимением лучшего термина, остается вечно существовать в сфере **невещественной**. Это не значит, что он продолжает там жить, занимаясь своими делами, какие могли бы быть привычны для материального человека, но вместе с тем и не исчезает насовсем.

Затем **магия**, если она где-либо используется, ослабляет ткань **холста**, и поскольку **холст** является одновременно посредником и проводником между **вещественной** и **невещественной сферами**, относящиеся к человеку и идентичные ему принципы могут в ослабленном месте возвращаться из **невещественной сферы** после его смерти.

Хотя обычно эти принципы не могут найти вещественную форму для своего воплощения (что, впрочем, возможно для **Господина**, а также для **Живой Грязи**), переход из **невещественной сферы** высвобождает достаточно латентной энергии **Искры холста**, чтобы обеспечить некий аналог вещественной формы, сотканной из света (который представляет собой наиболее нематериальную форму материального вещества), так что образ человека может быть видим и даже узнаваем его прежними знакомцами. Это и называют **призраком**; и хотя **призрак** и человек – не одно и то же, у них имеется много общих качеств, и вид почитаемого мертвым человека, блуждающего по **вещественной сфере**, может привести наблюдателя в смятенное состояние ума. Таким образом, **призраки**, хоть и вполне безвредны для людей, зачастую вызывают ужас у живущих.

Присси

Девушка из **Южных трущоб**. У девушек такого происхождения часто бывает трудная жизнь, поскольку попытка жонглировать собственными нуждами и нуждами своих близких – не самое простое занятие в местах, где люди сражаются за самое необходимое. Много может быть сказано о ее действиях и обязанностях, но факт остается фактом: в конечном счете **Присси** назначено судьбой стать величайшей женщиной своего поколения, за исключением разве что тех, кто унаследовал свою силу от **холста**, да и из этих она многих превзойдет.

Промежуточные сферы

Сферы частично нематериального, а частично вещественного свойства; дефицит равновесия пополняется за счет энергии **Искры**, взятой из **холста**. Место обитания **ангелов** и **демонов**.

Променад

Место в трущобах, по которому трущобные жители бредут, согбенные и запуганные. Может показаться парадоксальным, что оно получило название прямо противоположное своему внешнему виду, но хотя жителям трущоб многого не хватает, ироническое чувство у них весьма развито.

Протоангел (-ы)

Протоангел (подобно **протодемону**) являет собой меньший тип **ангела**, более обычного **ангела** принадлежащий к **вещественной сфере** и менее – к **холсту**, вследствие чего он имеет в своем распоряжении меньше **Искры** и **волшебства**. Этот тип **ангелов** легче поддается искажению, нежели другие, поскольку **вещественная сфера** более низменна, чем **невещественная**, а **протоангел** может быть сбит с истинного пути и введен в искушение подобно обычному человеку, и даже побужден к действиям против того, кто его вызвал.

Протодемон (-ы)

Протодемон (подобно **протоангелу**) являет собой меньший тип **демона**, более обычного **демона** принадлежащий к **вещественной сфере** и менее – к **холсту**, вследствие чего он имеет в своем распоряжении меньше **Искры** и **волшебства**. Этот тип **демонов** легче поддается управлению, нежели другие (впрочем, все равно не очень), и может предпочитаться им, если вызывающий не имеет опыта обращения с подобными созданиями или же если требуемая от **демона** работа слишком специфична, ввиду чего широкомасштабные разрушения и убийства нежелательны. Некоторые **протодемоны** весьма материальны; с такими можно разговаривать, как если бы некто разговаривал с обычным человеком, и они едва ли более свирепы, чем может быть обычный очень свирепый человек. Им можно давать задания в обмен на обещание немедленного возвращения их в надлежащее место; впрочем, такие **протодемоны** довольно редко встречаются и призываются с трудом, поскольку в их мире на них охотятся другие (более яростные) **демоны** и по прошествии многих поколений их число сократилось, в то время как их более свирепые собратья, напротив, расплодились. Фактически к настоящему времени от этого более управляемого типа не осталось почти никого, и любая попытка призвать **протодемона** должна включать в себя **магические средства**, позволяющие погрузиться в более ранний период существования **промежуточной сферы**, когда они водились в избытке. Это вполне возможно, учитывая сложность соотношения между течением времени в **вещественной сфере** и течением времени в **холсте**; впрочем, те, кто способен осуществлять **магические** действия такой сложности, редко испытывают нужду в умениях этого низшего

разряда **демонов** и способны следовать менее извилистым путем, чтобы дойти до желаемой цели.

Псевдополубог (-и)

Различие между истинным **полубогом** и **псевдополубогом** может быть проведено в том, что истинный **полубог**, эволюционируя к наиболее божественному состоянию, доступному для человека, остается в нем благодаря чистоте своей природы и своему пребыванию в согласии с **холстом**, в то время как **псевдополубог** должен беспрестанно заниматься **магией**, чтобы сохранить за собой божественность. Если он прекратит это делать, то тотчас вернется к своей человечности и **вещественной сфере**. Да, действительно, он может после этого вновь вернуть себе божественность, но для этого ему нужно постоянно работать, ибо его согласие с **холстом** недостаточно для того, чтобы тот принял его, и **холст** всегда будет стремиться свести его к первоначальному человеческому состоянию.

Распивочные

Места, где торговки джином продают свой товар и где жители трущоб собираются, чтобы им насладиться (зачастую до неумеренности).

Рекка

Имя, данное **протодемону** из **промежуточной сферы**. Как и у любого **демона**, его форма изменчива, но он не из тех **протодемонов**, с которыми можно договориться. Он не станет делать абсолютно ничего, помимо попытки убить вызвавшего, и имеет все возможности преуспеть в этом, поскольку физически неразрушим никакими средствами, согласующимися с **холстом**. Разумеется, всегда есть возможность извратить **холст**, чтобы уничтожить его таким образом, но это принесет больше проблем, чем решит, так что лучше его вообще не вызывать, за исключением случаев крайней необходимости.

Был вызван **Дашини**, чтобы вырваться из **карантина**, и затем изгнан к центру мира. Рано или поздно он найдет путь к поверхности, на этот раз подготовив **магическую** защиту против дальнейшего пространственного перемещения, и что тогда?

«Ретроспективный Одеон»

Театр, сделанный в темные времена, прежде чем **Господин** создал **Мордю**, когда все пребывало в хаосе и течении. Это вещь могучая, но страшная, рожденная могучим, но страшным временем; первобытная, соединенная с **холстом** таким образом, какой доступен пониманию лишь немногих. Возможно, даже сам **Господин** не понимает, как работает этот артефакт.

Как бы там ни было, этот театр показывает на своей сцене то, что происходило в определенном месте в определенное время, при условии, что спрашивающий даст ему кровь. Следует ли верить увиденному? Возможно, да, а возможно, и нет, поскольку нам неизвестны ни его происхождение, ни его намерения, а живя в **вещественной сфере**, трудно не придерживаться какой-либо из сторон. Все имеет какой-то интерес, и кто знает, какие интересы преследовали его создатели. Может быть, к нынешнему времени они уже не имеют отношения, но никто не может утверждать это наверняка.

Рогатый символ

Геральдика – это искусство, снабжающее образами родословные, и многие клубы и ассоциации имеют собственные символические изображения, по которым их опознают. Кроме того, в словах и стилизованных символах порой содержится **магия**. Все эти факты, по крайней мере частично, можно привести в качестве объяснения знака бараньих рогов, которым украшены некоторые места в **Мордю**. Его использовала как синекдоху, обозначающую **Дьявола**, оккультная **тонтина**, чья деятельность в конечном счете привела к смерти **холстовика**. Можно предположить, что те, кто унаследовал этот символ после них, имеют к **тонтине** какое-то отношение.

«Руководство по пространственно-временным манипуляциям»

Книга заклинаний, имеющая дело с расположением людей и предметов, существующих в пространстве и времени в различных сферах.

Для человека, живущего в **вещественной сфере**, все представляется весьма прочным и благоразумным. Если человек кладет бутерброд и идет к двери, в которую позвонили, по

возвращении, поговорив со своим визитером, он находит бутерброд на той же тарелке, на которой его оставил. Может быть, тот немного подсох и выглядит несколько менее аппетитно, но он по-прежнему там. Так происходит сотню раз в день, в сотне различных вариантов. Едва ли можно назвать случай, когда так *не* происходит, но и тогда это чаще всего из-за того, что кто-то передвинул вещь, не уведомив вас. Рано или поздно вещь находится, или же тот, кто ее взял, кладет ее на место. На протяжении всей жизни человека и жизней всех его предков, а также всех, кто его окружает, это происходит с таким постоянством, что он окончательно убеждается в существовании закона, согласно которому все вещи имеют в мире свое место, на котором остаются, пока к ним не применяют какое-либо действие. И это в большинстве случаев несомненно так. Но это относится лишь к **вещественной сфере**. А как обстоит дело в сфере **невещественной**? Как обстоит дело с холстом?

В **невещественной сфере** нет ничего, кроме принципов. Здесь нет времени и нет пространства – есть лишь идеи вещей. И, однако, не все так просто. Здесь есть идеи вещей, отделенные от времени и пространства, но **невещественная сфера** благодаря соединяющему их холсту не пребывает в неведении касательно **вещественной сферы**. Идея бутерброда, лежащего в кабинете на тарелке в десять часов утра, – не то же самое, что идея бутерброда, лежащего на тарелке в том же кабинете в пятнадцать минут третьего, или бутерброда, лежащего рядом с тарелкой, или бутерброда, приготовленного для женщины, а не для мужчины. Наполовину съеденный бутерброд похож, но все же чем-то отличается от бутерброда, съеденного на две трети; поэтому для того, чтобы **невещественная сфера** могла выполнять свою функцию (а именно – содержать в себе идеи всех существующих вещей), она должна содержать в себе все идеи, имеющие отношение к времени и пространству, пусть даже **невещественная сфера** и не связана с этими измерениями непосредственно.

И даже учитывая сказанное, все не так просто, поскольку **невещественная сфера** содержит не только идеи всех вещей, существующих в **вещественной сфере** (что поставило бы ее в подчиненное положение к последней, а это не так), но также идеи всех вещей, которые могут существовать, могли бы существовать и могут прийти к существованию в будущем. В ней содержатся даже идеи

вещей, которых нет. Это легко доказать: просто представьте себе вещи не такими, каковы они есть, и представление о них тотчас же появится у вас в голове. Откуда взялось это представление, если не из **невещественной сферы**? Если бы его там не было, оно не могло бы к вам прийти – следовательно, оно должно там быть.

А что можно сказать о холсте? Холст составляет и **вещественную**, и **невещественную сферы**, и обе действуют посредством него и на его основе. Поэтому использующий **магию** может, если он обладает достаточным искусством, взять воплощение вещи, существующей в **вещественной сфере**, найти в **невещественной сфере** принцип этой вещи и при помощи **заклинаний** изменить этот принцип так, что он будет находиться, скажем, в десяти футах левее того места, где вещь расположена в **вещественной сфере**, а затем, используя энергию **Искры холста**, ввести эту измененную концепцию в **вещественную сферу** – и объект окажется в десяти футах левее того места, где был прежде. Если после этого человек запишет на бумаге необходимые условия и свойства холста, то они останутся для применения в будущем. Это и есть **«Руководство по пространственно-временным манипуляциям»**.

Руконог (-и)

Новорожденный **палтус**, только что появившийся из **Живой Грязи**; как правило, состоит из одних лишь конечностей, без прочих органов. Ценится в производстве чулок и перчаток, поскольку получаемая из них кожа не требует делать много швов (при условии, что она аккуратно снята).

Рыба

Воды, окружающие **Мордю**, порождают множество причудливых форм водной жизни, и даже обычные виды здесь больше варьируются по размеру, нежели в других частях океана. **Рыба**, которая движет корабль **«Муирху»**, представляет собой очень крупный гибрид кита и акулы – сочетание, доселе не встречавшееся (и попросту невозможное) в природе. Она была поймана в молодом возрасте возле **Морской стены** той самой рыбачкой, что ныне командует кораблем. Женщина выкормила и обучила свою добычу, после чего выстроила вокруг нее корабль. Теперь **рыба** повинуется сочетанию ее команд,

тонизирующего средства и того корма, к которому привычна. Тем не менее это весьма болезненное существо, сплошь покрытое полипами и выростами и мучимое внутренними болями из-за своего неординарного биологического строения. Как бы далеко капитан ни уводила от **Мордю** свой корабль, он всегда возвращается обратно – против ее воли, ибо капитан терпеть не может ни сам город, ни его **Господина**. Некоторые моряки говорят, что **рыбе** годится в пищу только испорченный морской **палтус**, который водится в этих водах, другие – что она питается здешней **магией**; кое-кто утверждает, что **рыба**, как это ни трагично, надеется найти себе пару, которой никогда не существовало. Впрочем, все моряки проклинаят ее обычаи, ибо есть места, гораздо лучше подходящие для ведения торговли, нежели этот трижды проклятый, насквозь пропитавшийся **дождем** порт.

Сабатоны

Часть рыцарских доспехов – а именно та, что покрывает верхнюю часть стопы.

Свиток (-ки)

В то время как в **Мордю** нет закона как такового, существуют те, кто соблюдает обычаи, весьма схожие с законами. Купцы в **Торговом конце** заключают между собой соглашения, в которых говорится, что они обязуются сделать то или иное; зажиточные семейства указывают, к кому должны перейти богатства после смерти владельца. Таким соглашениям придается особая значимость посредством написания их на дорогой бумаге дорогими же чернилами с использованием каллиграфии и печатей. Тем самым указывается, что это не те вещи, которые могут быть легко отброшены в сторону, если это вообще возможно. **Свиток** и есть такой лист дорогой бумаги с написанным на нем соглашением, который запечатан воском и выполняет роль связующего договора между всеми сторонами, которые согласны быть им связаны.

Северная фактория

Фабричный район, черпающий рабочую силу из числа взрослых жителей **Северных трущоб**.

Северные плантации

Плантации к северу от Мордю, где выращивается меньше фруктов и кормовых культур и больше овощей.

Северные трущобы

Есть трущобы, расположенные к югу от **Мордю**, а есть трущобы, расположенные к северу. Имя, данное трущобам, расположенным на севере, звучит как **Северные трущобы**. Они весьма похожи на **Южные трущобы**, за исключением того, что поставляют работников на **Северные плантации** и **Северную факторию**, а не на их южные аналоги. В отличие от жителей южных трущоб, северные перевязывают черепа своим младенцам и говорят с более мягким акцентом.

Северо-западный полуостров

Мир гораздо больше, чем может вообразить ребенок, который вырос в трущобах **Мордю** и провел всю жизнь в пределах лишь небольшой его части, к тому же ограниченной с одной стороны **Морской стеной** и возвышающимся горбом города со всех других. Мир простирается во всех направлениях на недосягаемые для пешехода расстояния, и нет человека, который видел бы его весь или мог бы вместить в себя все знания о нем. **Холстовик** и некоторые из **меньших богов** способны понять истинную протяженность сущего, но люди привыкли разрезать мир на куски, которым они дают имена, подходя к задаче знания всего алгебраически и назначая каждому месту свое кодовое слово, поскольку слова – это то, что для людей естественно, то, что они интуитивно понимают и могут содержать в порядке. Та область мира, где расположены **Мордю**, **Маларкои** и **Черноводье**, кое-кто (в первую очередь **Ассамблея**) называет **Северо-западным полуостровом**. Такое имя, кажется, подразумевает существование других полуостровов, поскольку оно было бы излишним, встречайся место подобного типа лишь в одном-единственном экземпляре.

Сера

Элемент, который согласно закону зеркального подобия противоположностей настолько отличен от **холста**, что может быть использован в попытке достичь его понимания. Ввиду чего огромные

количества этого вещества измельчаются и сжигаются в ходе разнообразных практик манипулирования холстом.

Серебро

Монета, имеющая ценность от умеренной до высокой.

Серебряная перчатка

Ингибитор, созданный **Госпожой Маларкои**. Сделана из концентрата чешуек **солнечных мушек** и обладает свойством **подавлять** любого, кто ее наденет, без необходимости прибегать к его нематериальному отпечатку или свойственному для него состоянию холста (в отличие, скажем, от «**Запрещающего перста**»).

Сестра Присси

В отличие от **Присси**, не предназначена для великих дел, но в обыденной жизни неспособна увидеть качественное различие между собой и своей сестрой. Фактически, понимая, что ценность человека в мире соотносится с кратко- и среднесрочными успехами на отведенном ему поприще (в ее случае это предоставление и продажа сексуальных услуг в борделе), она считает неспособность сестры говорить с миром на его условиях признаком слабости. Однако кто из впоследствии оцененных людей когда-либо принимал мир таким, каким он был им представлен? Ни один – поскольку признаком величия в человеке является то, что он принуждает мир стать таким, каким он желает, чтобы тот был, а не наоборот.

Символы крестоносцев

Если некто не поклоняется **Богу**, это отнюдь не значит, что **Бог** для него не существует. **Атеистические крестоносцы** прекрасно осведомлены о существовании **Бога** и поставили себе задачей его убийство, равно как и любого, кто станет приближаться к богоподобию. Поскольку они знают, что **Бог** реален, они также знают и о реальности **магии**, которую широко используют. Они создали свой собственный язык, отражающий различные состояния **холста** в словах, начертанных на страницах **волшебных книг** и запечатленных в **волшебных** объектах, наряду с его отличительными свойствами, чтобы можно было воспроизводить эти состояния и свойства в **вещественной сфере**. Этот язык состоит из символов, отличительной

чертой которых является то, что все они имеют в себе где-нибудь элемент креста, пусть даже искаженный многократным повторением и превратившийся в нечто неразличимое.

Сириус

Имя, которое выбрал для себя **волшебный** пес **Кусь**. В то время как его сотоварищ **Грызь** (см.: **Анаксимандр**) получил от **Господина Мордю** дар речи, **Сириус** был наделен мистической способностью посредством своей связи с **холстом** общаться с манипуляторами холста, животными, **призраками** и другими более или менее нематериальными созданиями. Так как некоторые из этих существ пребывают в сферах, где время не с такой точностью соотносится со временем, испытываемым в **вещественной сфере**, ему также известно кое-что из прошлого и будущего. Его союз с говорящим псом **Анаксимандром** не случаен, ибо не имеет большого смысла создавать **волшебного** пса, обладающего способностями **Сириуса**, не имея возможности понимать то, что ему известно. Поскольку же **Сириус** может общаться с **Анаксимандром**, а тот – с другими существами, то вместе они образуют весьма эффективную упряжку.

Именно таким образом использовал их двоих **Господин**, пока донесения **Анаксимандра** не начали соответствовать его желаниям относительно **Мордю**. В этот момент он отослал их от себя, возложив на них другую задачу, в первую очередь, связанную с развитием мальчика **Натана Тривза**, хотя **Господин** и не считал нужным сообщить кому-либо из них об этом факте. Случайно или намеренно, но **Сириус** принес **Натану** свой **обет службы**, что может послужить, а может и не послужить **Господину**.

Сирша

Имя, данное морячке с корабля «**Муйрху**». Рыжеволосая согласно традиции своего народа.

Скотина

Животные, разводимые ради мяса; терпят настолько плохое обращение, на какое не пошел бы ни один разумный человек. Есть такие, кто полагает, будто фермеры должны обращаться с этими созданиями более справедливо, стремясь уменьшить их страдания;

однако есть и другой путь. Стоит лишь начать именовать живые существа «поголовьем» или «продукцией», как с ними можно поступать согласно разряду, обычно отводимому для неодушевленных предметов, избежав таким образом ощущения несправедливости подобного обращения. Слово «**скотина**» выполняет именно эту функцию – хотя и имея в виду домашних животных, оно соотносит их с обобщенным, а не конкретным смыслом этого понятия, тем самым дискредитируя тот смысл, в котором эти животные могут быть достойны доброго обращения.

Слезы

Человек готов плакать по самым разным причинам – от печали, от счастья, от смеха, – но что бы их ни вызвало, **слезы** оказывают на человека обессиливающее воздействие, истощая энергию **Искры** в его жизни, ввиду чего их следует избегать любой ценой. Может показаться, что выражение осязаемых в теле эмоций должно приносить пользу или что, по крайней мере, сдерживать их неестественно, и в общем случае это действительно так, но в том, что касается **слез**, их следует проглатывать или препятствовать их появлению. Энергия **Искры** по своей природе просачивается обратно в **холст**, но этот процесс обычно происходит медленно, и на то, чтобы полностью истощить человека, уходит вся его жизнь – за исключением тех случаев, когда он плачет. В такие моменты **Искра** концентрируется во влаге, так что эмоции провоцируют истечение **Искры**, а **слезы** дают ей средство для выхода. Тот, кто регулярно плачет, может прожить вдвое меньше своего соседа, менее склонного к выражению своих чувств.

Поскольку **слезы** являются проводником **Искры**, они также служат ее вместилищем, и достаточное количество собранных вместе **слез** может предоставить необходимый объем **магической** энергии для инициации **заклинания**. В тех местах, где запрещены человеческие **жертвоприношения** – а несмотря на свою невосприимчивость к страданиям в других отношениях, **Мордю** относит себя к таковым, – **слезы** могут быть использованы в качестве их замены (впрочем, чтобы получить достаточное количество, их должно быть собрано немало).

Слуховая трубка

Магический инструмент, который может быть поднесен к губам не желающего или не имеющего возможности отвечать на вопросы. Трупы, лжецы, немые – всех их можно заставить говорить правду при ее содействии; и хотя она также может применяться в отношении животных и неодушевленных предметов, результаты такого применения непредсказуемы и сложны для понимания.

Смерть от руки Господина

Все безбожное должно умереть, ибо, когда существо не находится в полном согласии с **холстом**, **Искра** утекает из него обратно в **холст**. **Искры** в каждом живом существе имеется лишь конечное количество, и когда она заканчивается, на ее место приходит смерть. От тех, кто умирает из-за недостатка **Искры**, остается лишь отпечаток в **невещественной сфере**, и хотя они могут в виде **призраков** возвращаться к тем местам, где **холст** в нужной мере деформирован, чтобы это позволить (как правило, посредством **магии**), они никогда не смогут вновь обрести жизнь, независимо от того, умерли они от естественных причин или в результате несчастного случая.

Что, однако, можно сказать о тех, кто погиб от **магии** или от руки существа, пропитанного **Искрой** или находящегося в полном согласии с **холстом**? Поскольку такие смерти согласуются с определенными деформациями **холста**, отпечатки, которые такие люди (или низшие животные, а порой даже предметы) оставляют в **невещественной сфере** после смерти, запечатлеваются на **холсте**, поскольку их смерть была, частично или целиком, вызвана его деформацией. Поскольку любая форма, которую принимает **холст**, устойчива и существует вечно, как и он сам, эти люди могут быть возвращены (процесс, по характеру очень напоминающий **эволюцию** вещей и людей) к более божественным формам в результате прямого применения энергии **Искры** с целью установления высшего порядка вещей или организмов или целенаправленного сотворения **ангелов** или каким-либо иным образом, которым **Искра** изменяет естественное состояние любой вещи.

Как следствие, те, кто умирает от руки **Господина**, **Госпожи** или другого манипулятора **холста**, могут быть призваны в более совершенной материальной форме обратно в **вещественную сферу**. Здесь они из чувства благодарности (поскольку жизнь всегда

предпочтительнее для живых, чем смерть, особенно когда они осознают неизменность подобного состояния и неудовлетворительность существования в качестве **призрака**), как правило, принимаются служить этому **Господину**, даже если тот желает от них выполнения какой-нибудь обременительной роли, например, в качестве солдата в собранной этим **Господином** армии (впрочем, они могут и воспротивиться, если от них потребуется причинить вред тем, к кому они при жизни испытывали некоторую эмоциональную привязанность или симпатию).

Более того (и это чрезвычайно важно), можно сказать, что эти воскрешенные мертвецы принадлежат убитому их **Господину**, поскольку тот, приложив лишь совсем немного усилий, может по своему произволению возвращать их в **невещественную сферу** и вновь вызывать в различные места **вещественной сферы**. Далее характер взаимоотношений между жизнью, существующей в **вещественной сфере**, вкупе с отпечатками, которые она оставляет на холсте после смерти, и центральной ролью **Искры**, исходящей из холста при ее зарождении, таков, что право владения отпечатком жизни, определенным образом деформирующим холст, которое возникает, когда манипулятор холста гасит **Искру**, имеет свойство распространяться на все сходные отпечатки и их владельцев в **вещественных сферах**. Это означает, что родственники тех, кто был убит **Господином**, также (хотя и в меньшей степени) подвержены тому же закону, что и их усопший предшественник, поскольку они, по крайней мере частично, разделяют с ним отпечаток, запечатленный в структуре холста. И так как время, представленное в структуре холста, и время, представленное в **вещественной сфере**, имеют сложную взаимосвязь, это право владения распространяется в материальном времени как вперед, так и назад, так что предки убитого также оказываются в его власти. Попросту говоря, если **Господин** убивает человека, он получает право владения всем его родом, в будущем, прошлом и боковых ветвях (за исключением, разумеется, того случая, когда манипулятор холста манипулирует им таким образом, чтобы стереть отпечаток умершего, чего весьма трудно добиться), будь это матери, отцы, братья, **призраки** или еще не рожденные дети.

Собачьи бои

Нет забавы лучше, чем смотреть, как дерутся собаки, будь то с другой собакой, медведем или **палтусом**; но верно также и то, что драки не доставляют собакам удовольствия. Проигравший в драке погибает, но и победитель часто оказывается ранен, и даже если у него нет физических травм, то всегда остаются психологические. До своей первой драки собака считает, что владелец не питает к ней ничего, кроме братских чувств, так как же она должна реагировать, видя, что этот человек стоит рядом с рингом, издавая радостные крики, в то время как его собаку кусают, дерут когтями и доводят чуть не до смерти? Собака затаивает это чувство глубоко внутри себя, где оно, сообразуясь с различными фактами прошлого и настоящего, вызывает у нее боль в животе. Для большинства собак тем все и кончается, и жизнь бойцовой собаки поистине недолга; но что, если речь идет о собаке **волшебной**? Такой тип собак носит в себе свою обиду и вместе с ней немалое бойцовское мастерство, что представляет собой опасное сочетание – в случае, если животное когда-либо вознамерится отомстить.

Совы

Создания, знаменитые своим острым слухом.

Созревание

Точно так же, как прорастает семя, почка становится листом, а плод наливается соком, те, кому предназначено судьбой унаследовать могущество благодаря запечатленному в **холсте** отпечатку, должны сперва прийти к **созреванию**. И этот процесс далеко не всегда приятен. Нравится ли мягкому ростку пробиваться через оболочку семени, или почке раскалываться надвое, или плоду превращаться внутри себя в сахар? Скорее всего, нет; однако кто-нибудь может сказать, что все эти вещи должны происходить, несмотря ни на что, поскольку, подобно тому, как безобразная гусеница закутывается в кокон и затем возникает из него в виде прекрасной бабочки, так же и ребенок манипулятора **холста** оставляет за спиной свою беспомощность, чтобы достичь богоподобия.

Поскольку манипулятор **холста** находится с **холстом** в контакте, в точности так же, как когда **Господин** или **Госпожа** убивает человека

при помощи своей **магии**, отпечаток вещества и принципа этого человека запоминается **холстом**. Пока манипулятор **холста** продолжает существовать, энергия **Искры** продолжает поступать к нему, поскольку именно для этого он и взял на себя труд манипулировать **холстом**, и все его усилия и знания были сосредоточены единственно на этом результате. Но что будет, когда он умрет? Если у него есть ребенок и этот ребенок похож на него, то **холст** не будет заботить, как могло бы заботить человека, переход к новому поколению. **Холст** – не человек (если не принимать **холстовика** в качестве отдаленного примера), он ничего не знает о человеческих делах и не заботится о них; поэтому когда некто, обладающий отпечатком и свойствами, которые указывают на приток **Искры** из **холста** в **вещественную сферу**, переходит в состояние бытия, возможное лишь в **невещественной сфере**, и предпочитает остаться в нем (посредством смерти), то в таком случае только естественно, что энергия **Искры** принимается течь к тому, кто имеет такой же или весьма сходный отпечаток.

Представьте, что собрались тучи и из них пролился дождь, он выпал на склон горы и собрался в реку, и эта река течет в определенном направлении, а именно к морю. Это происходит не потому, что именно *этому* склону или именно *этой* реке присуще нечто такое, что заставляет дождевую воду достигать моря; вода просто течет туда, куда она течет, а все эти вещи лишь способствуют ее течению. Так же и **Искра** течет сквозь носителя отпечатка, способствующего этому течению, независимо от того, что за человек наделен таким отпечатком.

Тем не менее отпечаток, унаследованный через поколения, не является совершенным, поскольку каждый человек уникален, и если на то пошло, даже весьма схожих друг с другом людей нельзя назвать одинаковыми: в них обязательно будет какая-то разница, пусть даже невидимая глазу. Как вода стремится восстановить свой привычный путь, если горный склон в приведенном примере заменить сходным, но не идентичным склоном, точно так же будет реагировать **Искра**, встретившись с препятствием в своем стремлении следовать по установленному для нее пути в **вещественную сферу**. Вода прорезается сквозь скалы, и изгибы речного русла формируют окрестные земли; точно так же **Искра**, встречаясь с препятствиями,

точит их, пока препятствия не сотрутся дочи́ста. Вот почему **созревание** не доставляет радости наследующему отпечаток манипулятора **холста**: оно меняет его. Любой человек сопротивляется переменам, поскольку боится, что не сможет с ними совладать, и зачастую наследник отвергает свое наследство; однако наследнику могущества нет нужды беспокоиться о таких вещах, равно как гусеница не должна волноваться, что отсутствие у нее крыльев не даст ей полететь, поскольку перемена даст ему все необходимое, в точности как бабочка рождается уже с крыльями, которые смогут поднять ее в воздух.

Солнечные мушки

Существа, почти целиком принадлежавшие к **невещественной сфере**, но имевшие крошечное зернышко в сфере **вещественной**. Их связь с **вещественной сферой** была настолько ничтожна, что та едва ли оказывала на них какое-либо влияние, и они черпали необходимую им для жизни энергию, собираясь возле края солнечной атмосферы, где купались в солнечном свете, настолько ярком, что любое более материальное существо оказалось бы испепелено. Здесь они обитали в полном довольстве до тех пор, пока не было обнаружено, что эти создания обладают некоторыми свойствами, пригодными для **магии**, после чего началось настолько неумеренное их использование, что в конце концов они потеряли способность воспроизводиться и прекратили свое существование.

Соломон Пил

В любом сообществе циркулируют всевозможные слухи. Однако что такое слух? В чем состоит его отличие от правды? Ответ гласит, что слух соотносится с фактом так же, как бедный человек соотносится с богачом. Бедняку нельзя верить, поскольку само его положение в мире (в нужде, с необходимостью учитывать практические соображения и постоянно выискивать какие-либо мелкие выгоды, могущие облегчить его страдания) ставит любые его слова под сомнение, ибо его бедность всегда будет скрытым движителем всего, что бы он ни сказал. С другой стороны, все, что говорит богач, поддерживается его богатством. Ему ничего не нужно, следовательно, для него нет никакой выгоды говорить что-либо,

помимо правды. Более того, сама его способность к процветанию демонстрирует его прирожденную добродетель – а кому же и верить, как не добродетельным людям?

Слухи сомнительны, потому что сомнительны те, кто их распространяет; истина верна, потому что ее говорят те, кто достоин доверия.

Итак, в трущобах **Мордью** распространен слух о мальчике по имени **Соломон Пил**, слезы которого **Господин** осушил до такой степени, что мальчик полностью перешел в **невещественную сферу**, где и существует вечно, погруженный в свою печаль. Этому слуху не верит никто из достойных людей, так как он распространяется трущобными детьми. **Господин** не снисходит до ответа на жалобы ничемных, ввиду чего подтвердить или опровергнуть этот слух не представляется возможным, ведь его истинность может подтвердить только он, так что жители **Торгового конца** воздерживаются от суждения на этот счет до тех пор, пока этого не случится.

Что же такое легенда? Легенда – это слух, который с прошествием времени и многочисленными повторениями, но без подтверждения со стороны тех, кто предположительно должен знать истину (например, официальных историков или **Господ** и богачей) входит в общественный дискурс благодаря своей ощущаемой многими внутренней истинности. История **Соломона Пила** представляет собой легенду в стадии становления, ибо слух о его уходе из этого мира никак не соглашается угаснуть, и кто знает, возможно, через поколения он превратится в настоящую легенду (а может быть, и нет).

Легенда превосходит истину, поскольку ей нет необходимости в подтверждении и она не подвержена ослаблению, какое случается, когда идеальная вещь сравнивается со своим земным воплощением (поскольку воображение более способно порождать восхищение, нежели физические чувства, и **невещественная сфера** является обиталищем принципов, в то время как **вещественная сфера** есть обиталище материи). Итак, следует ли мальчику **Соломону Пилу** (если считать его некогда существовавшим реальным мальчиком) желать, чтобы его история была признана правдивой или же чтобы она оставалась слухом? Многие земные истины оказываются позабыты, но легенды не забываются, и остаться в памяти означает продолжить жить после своей смерти.

Стеклянная дорога

Дороги претерпевают множество ударов и грубое обращение, стекло же хрупко; поэтому едва ли следует удивляться известию, что **Стеклянная дорога** была сделана при помощи **магии**. Как еще можно было бы примирить два упомянутых естественных факта, если не переворачиванием естества с ног на голову, в чем и состоит суть **магии**? **Стеклянная дорога** представляет собой спираль из **волшебного** стекла, широкими витками поднимающуюся вдоль склонов **Мордю**. На стекло были наложены **чары** и **эманации**, благодаря которым эта конструкция способна отрицать законы природы. Посредством **заклинаний** дорога подвешена над землей, преодолевая свою естественную склонность к падению; наверху она не мешает обычной жизни города, а другие **заклинания** позволяют ездить по ней упряжкам лошадей, вопреки их естественному побуждению к постоянному соскальзыванию обратно. Посредством **магии** эта дорога не допускает перемещений, не получивших предварительного одобрения, и также посредством **магии** она уведомляет **жаберников Господина** обо всех приближающихся к **Особняку**. При необходимости эта дорога может **магически** выворачиваться (хотя это ее свойство не является общеизвестным, поскольку ни разу не применялось), сбрасывая с себя любого путешественника. Говоря коротко, это чрезвычайно **волшебная** дорога.

Жителям трущоб представляется, что у нее есть лишь одно назначение, а именно – транспортировать мальчиков на службу к **Господину** посредством системы **Поставщиков**; но ею пользуются и другие, получая к ней доступ благодаря передвижным (и не **волшебным**) пандусам, которые они протягивают от своих жилищ в **Торговом конце** и **Плезансе**. Если на то есть намерение **Господина**, они могут затем посещать проводимые в **Особняке** мероприятия или вести там важные дела; но поскольку ни одно из этих занятий не касается трущобных жителей, те не имеют представления об их существовании.

Стрэнд

Одна из так называемых «улиц» в **Южных трущобах**, неподалеку от дома **Натана Тривза**. Хотя это едва ли больше, чем канава, наполненная **Живой Грязью**, тем не менее здесь собирается множество уличных торговцев. Причина состоит в высокой посещаемости этого места трущобными жителями на их пути в **Цирк**, на **факторию** или **Южные плантации**.

Сходство-по-запаху

Труднопереводимая концепция и встречающаяся более у собак, нежели у людей. Говорят (в смысле, так говорят те из собак, что могут говорить), что здесь все обстоит гораздо сложнее, чем, скажем, при внешнем сходстве; но если попробовать выпытать у них, почему это так, интерес спрашивающего быстро угаснет, поскольку, чтобы понять разницу, необходимо сперва усвоить с дюжину, а то и больше других собачьих концепций, имеющих примерно настолько же мало смысла.

Тонтина (окультурная)

Общепринятое значение слова «тонтина» можно почерпнуть в любом хорошем словаре, однако его частное применение в **Мордью** обычно относится к определенной организации адептов оккультных знаний, использовавших свою науку для определения местонахождения и убийства **холстовика**. Как обычная тонтина представляет собой фонд, чья ценность увеличивается для тех, кто имеет право им пользоваться, по мере того как число таких пользователей сокращается ввиду их кончины, так же и сила, которой обладает оккультная **тонтина**, целиком переходит к последнему выжившему члену группы, делая его, по меньшей мере в **вещественной сфере**, наследником **холстовика**.

Торговый конец

Район **Мордью**, где проживают купцы.

Трава

Высушенные листья, обладающие сочетанием различных качеств, если курить их через трубку. Они могут быть использованы для улучшения концентрации, стимуляции чувств, расслабления тела, удовлетворения или возбуждения тяги к еде. Их выращивают главным образом на экспорт, на **Южных плантациях**, однако в трущобах

повсюду можно видеть и самосевные растения. Собиратели таких растений должны избегать тех, что вырастают на подстилке из **Живой Грязи**, так как их курение приносит кошмары.

Трут

Написанный с маленькой буквы, этот термин обозначает любой материал, высушенный настолько, чтобы воспламениться при соприкосновении с искрой. Обычно такой материал носят в коробочке с огнивом.

Однако **Трут** с большой буквы представляет собой **магически** уплотненное и преобразованное тело того, кто наследует **Искру**, трансформированное посредством **пиролиза** в чистое **вещество холста**; это растопка, благодаря которой **Огниво** делает свою опасную работу.

Трущобный оборванец

Уничжительный термин, объединяющий всех жителей трущоб, как **чреворожденных**, так и **палтусов**, невзирая на разницу в обстоятельствах их рождения, просто ввиду их низкого социального статуса.

Убойный столб (-ые/-ы)

Любой из множества разновидностей гладких деревянных или металлических столбов, вбитых в землю и представляющих собой твердый предмет, о который можно разбивать объекты, если желательно прекращение их дальнейшей жизни. Такие столбы используются для угашения того намека на жизнь, что теплится в **мертвожизни** и **палтусах**, чтобы затем использовать их для тех целей, какие могут быть для них найдены (например, выделывания кож).

Улица кротких

Улица, на которой шайка **Гэма Хэллидея** разыграла трюк «**Ложная Девица**» с **галантерейщиком** с целью похитить его выручку.

Фактория (-и)

Название, данное району **Мордью**, где изначально располагались предприятия, изготавливавшие различные нужные предметы для

Торгового конца или на экспорт. Часть района, ближняя к **Северным плантациям**, носит название **Северной фактории**, а область возле **Южных плантаций** известна как **Южная фактория**. И там и там продукция плантаций скармливается фабричным механизмам, в результате чего получают различные товары потребления.

Основная часть **фактории** примыкает к рудничным копиям в теле горной цепи, образующей восточную границу **Мордюю**. Здесь преобразуют минералы, металлы и прочие подземные вещества, получая вещи, требующиеся для производственных процессов. Наряду с плантациями на предприятиях **фактории** занято большинство взрослых работников из трущоб; здесь имеются бараки, в которых они могут спать между сменами.

Фармацевт

Человек, чьей работой является продавать **лекарства** тем, кто может себе позволить их купить, и препятствовать доступу к ним для тех, кто их купить не может. В передней части кабинета **фармацевта** часто можно видеть прилавки, где производится обмен товаров на монеты, а в задней – запертый сейф для защиты ценных вещей. Поскольку, вероятно, тяжело наблюдать, как бедняки умирают из-за нехватки нужных им **лекарств**, но также тяжело и изображать фальшивое участие к тем, у кого достаточно средств, чтобы быть исцеленным, для **фармацевта** является полезным качеством определенная двойственность характера. Может показаться непростой задачей отыскать у кого-то безразличие к страданиям бедняков в сочетании с избытком чувств по отношению к богатым, однако в **Мордюю** редко бывает недостаток в кандидатах на должность нового **фармацевта**, так что эта сложность, скорее всего, иллюзорна.

Фасад

Лицевая сторона **Особняка Господина**. Куда он обращен? В **Мордюю** через него не попасть, поскольку под ним нет земли. Зачем же он тогда?

Философия

Если в **вещественной сфере** философия представляет собой занятие главным образом для педантов и тех, кто наслаждается звуком

собственного голоса (зачастую раздающегося в помещении, немногочисленные посетители которого равнодушны к тому, что он говорит), в **невещественной сфере** она в большой степени является *materia prima*^[14] для концептуального взаимодействия. К несчастью для философов, в **невещественной сфере** невозможно существовать, пока ты не умер, а после этого продолжение бытия возможно лишь в форме идеи.

Химия

Древний корпус знаний, в нынешнее время сделавшийся почти ненужным благодаря пониманию функционирования **холста**, описывающему, каким образом сочетаются вещи. Содержится главным образом в никем не открываемых **книгах** в заброшенных библиотеках – но обнаруживают его лишь те, кому свойственно наткаться на подобные вещи.

Холст

Среда, посредством и на основе которой проявляется все мироздание, как вещественное, так и невещественное, и которая тем не менее не сводится ни к одному из этих двух. Подобно тому как одежда состоит из ткани, море состоит из воды, а язык состоит из слов, **вещественная и невещественная сферы** состоят из **холста**. **Холст** – источник всех вещей, включая **Искру**, которая для **холста** представляет собой то же, что нить для ткани, приливы для воды или буквы для слов.

Холстовик

Имя, данное **Богу**, поскольку Он – единственное, что способно существовать исключительно в **холсте**, ибо от него Он был рожден и находится с ним в полном согласии. Лишь ввиду искажений **холста** стало возможным убийство **Бога**, но даже эта Его смерть может не быть постоянной (по многим причинам – ибо **холст** хранит Его принцип в целостности и сохранности, и, согласно некоторым вариантам понимания времени, Он до сих пор живет в нем, – но главным образом потому, что как Его тело, так и Его дух продолжают существовать в **вещественной и невещественной сферах**, так что путем воссоединения этих элементов возможно достичь Его **воскресения**).

Цирк

Участок в **Южных трущобах**, приблизительно округлой формы, где **Живая Грязь** образует бóльшую глубину, нежели в других местах. О причине этого можно только догадываться, но существует правило, относящееся ко всему на свете: чем больше чего-либо скапливается на одном месте, тем больше это место становится похожим на эту вещь. Чем больше в супе соли, тем суп солонее; чем больше в комнате веселых людей, тем больше там веселья; чем больше в городе богатства, тем богаче он становится. Благодаря этому правилу **Цирк** представляет собой место, где **Живая Грязь** выражает себя с большей силой, чем где-либо еще (**палтусы** рождаются, **мертвожизнь** цветет пышным цветом, неестественные события случаются на каждом шагу), а поскольку **палтусы** и странности являются ценным ресурсом, а трущобные жители стягиваются всюду, где можно найти хоть какой-то ресурс, то и вокруг **Цирка** вечно собирается толпа тех, у кого ничего нет, надеющихся получить, по крайней мере, что-нибудь.

Чан (-ы)

Живая Грязь должна в чем-то содержаться, если некто желает ее использовать, и **Господин Мордю** помещает ее в стеклянные **чаны** различных размеров, соединенные стеклянными же трубками. Стекло является наилучшим материалом ввиду своей прозрачности, так что **Господин** имеет возможность следить за ходом своих экспериментов и процессов.

Чары

Второстепенный, но долговременный вид **заклинания**, обычно накладываемый на место или объект и изменяющий его свойства посредством **магии**, с появлением различных эффектов. Такое **заклинание** провоцирует **холст** реагировать вопреки природе. Дверь, на которую были наложены **чары**, может перестать открываться, **зачарованное зеркало** будет отражать не то, что перед ним находится, **зачарованный** проход развернет идущего по нему обратно к началу пути. См. также: **Эманации**.

Человекоголовые змеи

Культура организмов, обладающих гибкой извивчатостью и зловещей целеустремленностью змей, но наделенных также человеческими головами и рассудком. Говорят, что их насчитываются многие сотни тысяч и что они живут на **Острове белых холмов**, но держат свое местообитание в тайне. Причина этого, по мнению некоторых, заключается в том, что они трусливы и боятся других людей; иные же считают, что они просто хорошо себя знают и опасаются в своем могуществе подавить всех, кто будет им противостоять. Такое толкование противопоставляет их чудовищную внешность неожиданной щепетильности этических соображений.

Чернение глаз

В трущобах **Мордюю** трудно раздобыть пропитание, а в **Торговом конце** есть те, кому также трудно в этой более цивилизованной среде удовлетворять свои низменные стремления. Всегда находятся желающие обменять монеты на сексуальные услуги и наоборот; и поскольку в трущобах не существует запретов на поведение любого рода (а если бы они и были, здесь некому следить за их исполнением), сексуальные работники попадают здесь часто. Так же как все **ведуньи** одеваются одинаково, а **Поставщики** имеют при себе колокольчики, торговцы и торговки сексом чернят себе глаза, чтобы идентифицировать себя перед своими покупателями. В трущобах не найти ни краски для век, ни чернил, не развито здесь и искусство татуировки, поэтому большей частью это делается при помощи уголька, взятого из потухшего очага.

Те, кто вычернил себе глаза, могут работать сообща, присоединившись к борделю и платя комиссию мадам, или же они могут приглашать посетителей в свои жалкие подобия жилищ и оставлять весь заработок себе. Некоторые покупатели предпочитают комфортное окружение, но есть и такие, которым больше нравится нищета; у каждого из подходов имеются свои приверженцы.

Черноводье

Ныне вымерший город на **Северо-западном полуострове**. Также известен под зловещим именованием Города мертвых.

Чесание

Так же как человек чешет пальцами место, зудящее физически, манипулятор холста **Чешет** вызываемый **Искрой Зуд** при помощи своего ума. Во всем остальном это практически то же самое.

Чреворожденные

В **Мордюю** наличие **Живой Грязи** привело к неестественно-избыточной (а по существу, **волшебной**) плодовитости его населения. Одно семейство, живущее в труппах (чьи жители больше всех контактируют с **Живой Грязью**), как правило, производит троих детей в год (считая **чреворожденных** вместе с **палтусами**).

Живая Грязь обладает свойством порождать жизнь из, казалось бы, ничего. Проводится различие между теми, кто был рожден в результате сексуального сближения родителей, и теми, кто был целиком либо частично рожден в отсутствие соединения родительских семян. В мире, когда есть необходимость провести различие, появляется соответствующее слово для его описания; так, определение «**чреворожденный**» относится к любому ребенку, про которого известно, что он вышел из чрева и был занесен туда другим родителем или сочетанием родителей (будь то мать, отец, мать, передавшая свое плодородное семя другому чреворождающему родителю, чреворождающий отец или сочетание нескольких вышеперечисленных).

Не всех детей, которые были рождены из чрева, называют **чреворожденными**, поскольку известно, что порой они помимо прочих возможностей могут рождаться от непорочного зачатия – когда роль плодородного семени берет на себя **Живая Грязь**, – и хотя такие дети вызревают в чреве и рождаются из него, они не являются **чреворожденными** в том смысле, какой принят в **Мордюю**, но считаются одной из разновидностей **палтуса**; и хотя это может показаться жестоким, но такие дети считаются нежеланными.

Также нежеланными являются дети, произошедшие от исхождения плодородного семени в **Живую Грязь**; дети, вызревшие внутри брошенного трупа; человекоподобные дети, родившиеся в результате мутации зародыша какого-либо из низших животных и обнаруженные среди приплода; чрезвычайно редко встречающиеся человекообразные **палтусы**, рожденные в результате случайной эволюции **Живой Грязи**; дети, рожденные от сближения родителя (-

ей) и низшего животного; дети, рожденные от сближения родителя (-ей) и неодушевленного предмета; дети, родившиеся из неодушевленного предмета без видимой причины; дети, создавшие себя сами; воплощенные **призраки**; дети, созданные посредством **заклинаний**; дети в целом загадочного происхождения; а также сироты, у которых нет родителя (-ей), чтобы подтвердить их происхождение. Для всей этой массы неудачливых детей так и не было найдено определенного слова (помимо обобщенного «**палтус**», использующегося также и для обозначения нечеловеческой **магической** жизни), а если они сами имеют какое-либо название для себя, никто не озаботился его записать.

Судьба нежеланных детей: либо умереть от голода в трущобах, либо быть убитыми ради превращения в еду или кожу, либо без конца работать на плантациях и факториях, либо, подобно множеству нежеланных **чреворожденных** детей, быть проданными на службу **Господину Мордюю** – так поступают «родители», у которых хватает ума сперва объявить их своими, а затем незамедлительно отдать **Поставщику** (и тем самым получить право на его еженедельное жалованье).

Швейцар (-ы)

Одна из разновидностей лакеев на службе у **Господина**, почти не подвергающаяся изменениям от состояния обычного человека. При необходимости они могут двигаться быстрее или носить более тяжелые подносы, но в остальном живут вполне нормальной жизнью. Их работа необременительна, и кормят их не хуже, чем других слуг. Мальчику, взятому на работу в **Особняк**, следует желать, чтобы его назначили на эту роль, а не какую-либо другую, ибо все альтернативы по сравнению с ней имеют существенные недостатки.

Шпиль

Наиболее зажиточные купцы **Торгового конца** строят свои резиденции в **Плезансе** в подражание **Особняку**, но такая имитация несовершенна; к тому же существуют различные моды, циркулирующие независимо от своих источников. **Особняк** высок, однороден и лишен украшений, словно стоячий камень, в то время как купцы строят элегантные здания, сужающиеся кверху. Они дают им

имена, подчеркивающие их форму («Пинакль», «Пронзатель облаков», «Вершина»), и одно из них получило название «Шпиль». Именно здесь, по случаю или чьему-то умыслу, находятся **волшебные псы Сириус и Анаксимандр**, а также **медальон**, входящий в **заклинание «Запрещающего перста»** – в точности там, где в них есть необходимость.

Эволюция

Естественный порядок вещей в **Божьем** мире состоит в том, что они переходят от состояния А к состоянию Б и далее к состоянию В; такой процесс называют **эволюцией**. Человек рождается, затем **эволюционирует** к более сложной телесной форме (процесс, называемый возрастанием), после чего **эволюционирует** к форме невещественной (процесс, называемый умиранием). Это касается не только людей, но также низших созданий, поскольку при приложении огромных количеств энергии **Искры** насекомое может стать млекопитающим животным и затем человеком. Даже неживой объект можно заставить **эволюционировать** (например, камень может стать живым камнем), так же человек может **эволюционировать** от личности к **призраку**, далее к **ангелу** и, наконец, к **полубогу** – все благодаря приложению энергии **Искры**, по сути являющейся формой, которую воля **Бога** принимает в **вещественной сфере** (или, говоря другими словами, это манифестация совершенства **холста** в веществе).

Все сказанное не значит, что **эволюция** – это нечто обыденное, поскольку только **Бог** и богоподобные организмы имеют в своем распоряжении такое количество **Искры**, какого требует **эволюция**, – но это вещь естественная, ибо для нее (в отличие от **магии**) не требуется деформация или искажение структуры **холста**, а только источник достаточного количества **Искры**.

Экспоненциальный токсин

Слово «экспоненциальный» означает удвоение: если что-то постоянно удваивается, то даже если сначала оно существовало в единственном экземпляре, пройдет немного времени, и его станет больше, чем мир сможет с удобством для себя вместить. Подумайте об осах: если оса одна, это еще ничего, но если их две, четыре, восемь? Ситуация очень быстро станет неуправляемой, если они все находятся

с вами в одной комнате; но допустим, вы откроете окно, а снаружи будут шестнадцать, тридцать две, шестьдесят четыре? Пока вы сражаетесь с карандашом и бумагой, пытаясь вычислить, сколько их здесь, вас очень скоро охватит паника, в особенности если они начнут вас жалить.

Яд осы способен причинить боль, но укус одной осы вполне переносим, а какой-нибудь **Господин**, вероятно, даже вовсе его не почувствует. Но что, если ос будет сто двадцать восемь, или двести пятьдесят шесть, или пятьсот двенадцать? В скором времени даже **Господин** окажется в опасном положении; и именно об этом размышляла **Дашины**, дочь **Госпожи Маларкои**, изнывая в отведенной ей камере. Она изобрела яд, который должен действовать таким же точно образом, но только вместо ос он будет заставлять умножаться клетки человеческого тела. (Эта идея пришла ей в голову, когда она поняла, что слово «клетка» может быть применено как к комнате, в которой ее заточили, так и к крошечным составным частям, из которых сделаны все люди, даже **полубоги**.)

Пока что этот яд не проверен в деле, но подходящий момент еще может наступить.

Эманация (-и)

Второстепенный, но долговременный тип **заклинания**, обычно накладываемый на место или объект и изменяющий его свойства посредством **магии**, с появлением различных эффектов. Такое **заклинание** провоцирует **холст** усиливать или, наоборот, ослаблять природные процессы. Так, безобразный ребенок под воздействием **эманации** может начать возбуждать (или, напротив, никогда не возбудит) к себе любовь; находящаяся во власти **эманации** дорога будет ускорять (или замедлять) движение по ней; оптический прибор под влиянием **эманации** будет показывать вещи неестественно близко (или неестественно далеко). См. также: **Чары**.

Южная фактория

Фабричный район, черпающий рабочую силу из числа взрослых жителей **Южных трущоб**.

Южные плантации

Плантации к югу от Мордю, где выращивается меньше овощей и больше фруктов и кормовых культур.

Южные трущобы

Есть трущобы, расположенные к северу от **Мордю**, а есть трущобы, расположенные на юге. Имя, данное трущобам, расположенным на юге, звучит как **Южные трущобы**. Они весьма похожи на **Северные трущобы**, но поставляют работников на **Южные плантации** и **Южную факторию**, а не на их северные аналоги. В отличие от жителей северных трущоб южные не перевязывают черепа своим младенцам и говорят с более грубым акцентом.

Фрагменты касательно естественной философии холста

(транскрипция Записей, найденных в Катакомбах)

Ниже приводится то, что удалось прочесть из Записей, посвященных различным предметам, сделанных одной аккуратной рукой на обрывках ветхого пергамента, в древние времена помещенных в мощехранилище:

О том, как можно представлять себе природу холста

Вообразите некое количество окружающего вас мира, которое заключено в коробку любого размера. Через эту коробку мысленно проведите пути движения всего, что когда-либо двигалось сквозь него, и всего, что будет двигаться сквозь него в дальнейшем. Пусть эти линии своими размерами, формой и крепостью будут подобны самим движущимся объектам, и пусть эти линии сохранятся даже после того, как объект продолжит движение вне коробки. То, что останется в вашем воображении, будет представлять собой весьма странную вещь, *твердое движение*, но именно таков будет мир, когда в конце времен время иссякнет и перестанет существовать.

О том, каково время в холсте

Если мы удалим из мира время, то приблизимся к тому состоянию вещей, каково оно в холсте, поскольку холст знаком со временем лишь отстраненно. Время для холста – то же самое, что прилив для моря: некоторое воздействие, несомненно, имеется, но оно не меняет предмет как таковой, в смысле превращения его в нечто такое, чем он

уже не является. Море остается морем, прилив на нем или отлив; ни тот ни другой не способен вскипятить в нем воду или высушить его, оставив лишь соль. Так и холст остается холстом, будь то в прошлом, настоящем или будущем, и он никогда не станет чем-либо другим помимо холста. Все в нем занято веществом в виде пластов *твердого движения*, подобных камням под землей, когда они открываются, обнаженные обвалом.

О возможном и явленном и возможном и не явленном, с рассуждением о сферах

Поскольку вещественная сфера соединена посредством холста со сферой невещественной, а в невещественной сфере содержится не только то, что есть и было, но также то, что могло бы быть, но чего так и не стало (ибо невещественная сфера есть обиталище принципов в их полноте, а не одних только случайных сегментов этих принципов, проявляющихся в вещественной сфере), вам необходимо также проследить внутри вашей коробки пути всех возможных движений всех возможных объектов, которые не обрели и никогда не обретут существования в вещественной сфере. Далее, к этому следует прибавить все возможные движения, которые не были сделаны всеми обретенными существующими объектами, но которые могли бы быть ими сделаны. После чего у вас останется все возможное вещество (пока что мы не берем в расчет воображаемые материалы, существование которых допускается невещественной сферой и которые могут быть возможны лишь в промежуточных сферах) со всеми возможными путями, которыми оно двигалось и могло бы двигаться, – и это также являет собой нечто наподобие слоистых пластов осадочных горных пород, обнажившихся на отвесном обрыве. Так это выглядит для холста. Для мысленного же взора холст – это нечто почти абсолютно твердое, исключая лишь несколько крошечных зазоров, через которые ничто не может проникнуть. И через это твердое движение проходит природная энергия, заставляющая вещи двигаться (подобная той, что должна быть приложена к неподвижному объекту, чтобы придать ему движение), так что холст предстает состоящим не только из вещества, но также из силы и энергии.

О свете и его способе существования в холсте

Помимо прочего, холст состоит также из света, поскольку свет не является ни вещественным объектом, ни силой, движущей вещество, но составляет собственную категорию и придает объектам, которых касается, особое качество, а именно – освещенность. Это качество представляет собой род информации о мире (только подумайте, насколько яснее можно узнать, что представляет собой объект, когда на него падает свет).

О теле холстовика

Теперь вообразите себе коробку настолько больших размеров, что она не знает границ ни в одном из возможных направлений, и в ней мысленно проведите линии. В этой коробке будет заключаться все твердое движение всего возможного вещества, а в зазорах – всего невозможного. Эти зазоры заполнены телом холстовика (некоторые зовут его Богом), нервными узлами этого тела, между которыми проходят волокна – лучи *твердого света*, который и есть Искра, – образуя сеть, пересекаясь и сообщаясь друг с другом. Эти зазоры, узлы и волокна составляют тело холстовика, но в то же самое время содержат и его волю, поскольку воля передается через нервы к конечностям (например, когда некто решает двинуть пальцем, он сперва думает о том, чтобы сделать это, а затем палец двигается; но этого не случается, если нерв перерезан, случайно или в ходе эксперимента, чем доказывается, что воля заключена в нерве, сообщающемся с данным членом).

О Божественности холстовика

Вот почему холстовик является Богом: потому что он состоит из невозможного, то есть из магии, ибо это то, что ему свойственно. Невозможное для него – все равно что тело для жителя вещественной сферы; оно передает его магическую волю к его конечностям – вещественной и невещественной сферам, которые составляют собой мир (за исключением промежуточных миров). Таким образом, можно с полным правом говорить о всемогуществе холстовика, поскольку он принадлежит холсту, но не ограничен им, а в холсте заключено все возможное и все существующее, тогда как холстовик есть единственный и изначальный движитель холста. Его воля определяет, чем холст является, являлся и будет являться, поскольку сама его

форма определяет то, что никогда не будет явлено, ибо он, занимая свое место, тем самым удаляет это место из числа тех, которые могут быть естественным образом заняты чем-либо. Исполняя роль такого барьера, он заключает в себе вероятность того, что невозможное может однажды начать существовать или оказаться существующим; так некто, стоящий в дверном проеме, препятствует как входу в него, так и выходу, однако, отступив в сторону, может позволить случиться и тому, и другому.

О вечности холстовика и месте, которое он занимает в холсте

Однако являлся и является ли холстовик по отношению к миру продолжающим или предшествующим? Был ли он создателем мира или же созданным? Поскольку была засвидетельствована его смерть, мы не можем полагать, что сперва произошли все вещи, а *затем* в промежутках был создан холстовик. Нельзя считать, будто материя, влекомая природной энергией, двигалась сквозь пространство и была освещена светом и все возможные события, которые могли произойти, произошли, а те, что не произошли, не произошли; и тогда в зазорах между ними энергия Искры явила холстовика. Как бы он существовал в достаточной мере, чтобы умереть прежде смерти времени (как это и произошло), если бы не мог даже появиться до тех пор, пока все сущее не будет закончено, а ведь оно продолжается до сих пор. Нет, нам следует считать, что холстовик *был*, и затем оказалось, что пространство вокруг него есть все, что осталось для возможного мира, и потому оно заполнилось этим миром при содействии холста как ему, так и нематериальным принципам, и вещественной сфере, и самому холстовику. Впрочем, даже это не вполне верно, ибо время представляет собой нечто весьма другое в холсте, о котором едва ли можно сказать, что пространство для него значит то же самое, что и для нас. Из этого различия мы можем знать, что холстовик – это Бог и он явил все вещи путем вытеснения невозможного в возможное; так некто заставляет воду в ванне подняться, поскольку она не способна занимать с ним один и тот же объем, и тем самым он еще и придает ей форму, которую можно было бы видеть, если бы удалить его из ванны, а воду оставить на мгновение застывшей в пространстве. Это и является доказательством того, что холстовик был всегда и что он вернется прежде конца всех вещей, ведь иначе разве вещественный

мир не подчинился бы форме другого или не принял бы бесформенность и безобразность, недружественную к жизни и объектам, наподобие той, что можно видеть, оставив ребенка с угольным карандашом и листом бумаги и по возвращении обнаружив на листе множество черных хаотических линий, а вовсе не изображение чего-либо прекрасного?

О размере холста

Каков размер холста? Это вопрос, на который не может быть дано разумного ответа, поскольку масштаб не имеет размеров. Если у кого-то есть брат и этот брат отличается от него, поскольку не является его близнецом, то первый человек может думать о себе, что он выше или ниже своего брата, и ввиду этого представлять себя высоким или низким. Но что, если он будет считать себя высоким, а затем, выйдя на улицу, обнаружит себя посреди рынка рядом с другим человеком, который будет гораздо выше него? Будет ли это значить, что он, напротив, низок ростом? Или, скажем, другой человек окажется толще – сделает ли это первого человека тонким, даже если он принадлежит к тем людям, что не ограничивают себя в трапезах и постоянно едят сладости? Нет, поскольку размер – это вопрос сравнения; но с чем можем мы сравнить холст, который существует и наполняет собой все вещи, включая и принципы, но пребывает отдельно от взаимно сопоставимых объектов вещественной сферы?

О том же предмете, продолжение

Что, если бы холст являлся, по видимости и по сути, исключительно материальной вещью, которую можно показать и пощупать? Даже тогда его размер являлся бы спорным, поскольку любой принцип обладает бесконечной сложностью, состоя из меньших концепций. Например, «личность» – это один из видов «животных», которые являются видом «организмов», которые являются видом «вещей», а те представляют собой общий род, каковой следует различать от рода частного, оба из которых являются категориями, а определение категории требует целого сонма абстрактных терминов, каждый из которых имеет собственное определение, и так дальше и дальше без конца, так что можно считать чудом, что кто-либо вообще понимает речь другого, поскольку, для того чтобы понять значение

чего-либо, требуется бесконечная цепь взаимозависимых значений, некоторые из которых мы можем лишь почувствовать интуитивно (например, значение предлога «из»). Вещественный мир, если рассмотреть его через увеличительное стекло или волшебную трубку, окажется подобен тому, как рассматривают пускай даже гладкий металлический шарик (например, дробинку или подшипник, которые, хотя и кажутся абсолютно сферическими и сияют на свету, вблизи оказываются выщербленными и исцарапанными так, что напоминают поверхность денудационной равнины или эродированный ландшафт). Затем, если все же удастся обнаружить один сравнительно гладкий участок, даже он окажется таким же, ибо при ближнем рассмотрении всегда будет шероховатым, и так все дальше, все глубже, без остановки, без конца. Точно так же, если подняться очень высоко, приняв вид орла или сокола, и затем посмотреть вниз на землю, то хотя мы и знаем, что ее поверхность шероховата, для нашего взгляда она предстанет гладкой. Так что же такое размер, когда мы знаем, что если изменить перспективу, то объекты сравнения, по которым мы можем судить о подобной вещи, окажутся не постоянными, но, напротив, вовсе ненадежными?

О том же предмете, продолжение – с рассуждением о внутреннем пространстве

Итак, холст одновременно так же велик, как весь мир и все, что в нем есть, и так же мал, как наималейшая вещь, рассматриваемая вблизи. Если будет высказано возражение, что холстовик не может быть размером с человека, поскольку он создан из оставленных невозможными зазоров в холсте, а размер самого холста равен всему существующему, то здесь есть непонимание того, что означает для чего-либо обладать размером, пересекающим различные сферы и даже проходящим внутри них. Холстовик есть тот, кто он есть, и если это согласно с его волей – быть явленным в вещественной сфере в том или ином размере, пускай даже и в смерти, – значит, это то, что должно быть, и никто не должен этого отрицать, что бы ни говорил ему его разум. Однако, если мы желаем сохранить здравый смысл, при всем том, что мы знаем о холсте, каким образом возможно, чтобы нечто, имея размер человека, содержало в себе все взаимосвязи между мириадами вещей во всех сферах? Это возможно, поскольку размер

неограничен в обоих направлениях – наружу и вовнутрь, подобно направлениям вверх и вниз, и подобно им продолжается бесконечно, и даже если нечто кажется ограниченным в том смысле, что имеет предел в движении наружу, оно вечно продолжается вовнутрь, не заканчиваясь никогда. В этом внутреннем пространстве имеется место для всего существующего; и лишь потому, что человек видит глазами, а те не способны воспринимать во внутреннем направлении с той же полнотой, с какой воспринимают вовне, мы не способны понять этого интуитивно и нуждаемся в дополнительных рассуждениях наподобие тех, что были изложены выше.

О плотности предметов и ее соотношении с холстом

Но что, если, как утверждают иные, предмет состоит главным образом из пустоты? Кусок ткани сплетен из тонких нитей пряжи, между которыми, если поглядеть в увеличительное стекло, имеются зазоры, где нет ничего; но еще больше это относится к таким явлениям, как призраки, а ведь можно наблюдать, как призраки проходят через другие предметы, не встречая препятствий. Воистину, если некто возложит руку на призрак, она пройдет насквозь; так, значит, для нее должно иметься пространство, в которое она входит, доказывая, что призрак вовсе не является плотным? Кое-кто скажет, что, поскольку призрак принадлежит к невещественной сфере, ему и не следует иметь вещественного воплощения. Другие, однако, могут возразить, что у призрака вполне достаточно воплощенности в вещественной сфере, чтобы нарушать течение света, направляя его в глаз наблюдателя, где он создает визуальное впечатление умершего. Следовательно, призрак должен иметь некоторую вещественную плотность, достаточную, по крайней мере, для того, чтобы взаимодействовать со светом. И даже если это лишь совсем малое количество, разве не превращает оно абсолютную плотность возможного внутри холста в фикцию? И разве такая фикция не ставит под сомнение и то, что холстовик занимает место невозможного, как если бы ванна, о которой шла речь выше, состояла не из железа, но из губки, позволяя воде вытекать наружу, а вместе с ней и холстовику, так что его форма растворяется в обобщенности, не сохраняя никакого своеобразия? Это не так, утверждают другие, ибо различия между путями объектов, которые *возможны и были явлены*, и объектов,

которые *возможны и не были явлены*, исчезающе малы; и в любом случае эти пути накладываются друг на друга, так что движение даже призрака и всех возможных призраков в определенном объеме пространства, при удалении оттуда времени, приведет к абсолютной плотности, ибо вероятный путь предмета может варьироваться на долю толщины волоса в любом направлении, каковых имеется огромное количество. Таким образом, не должно оставаться сомнений в том, что холст является твердым, исключая лишь те объемы, в которые не может проникнуть ни один возможный объект. Здесь-то и пребывает холстовик, делая невозможное возможным.

Об Искре

Энергия Искры является твердой формой света и образует нервы холстовика. Из чего следует, что холстовик способен одновременно знать нечто и освещать бытие знакомого так же, как светильник освещает внутренности темной комнаты или прохода. Энергия Искры стремится показать освещаемую вещь в том образе, в каком ее бытие явлено пониманию холстовика, то есть ближайшем к совершенству, поскольку он есть Бог и по определению являет собой совершенство во всех вещах благодаря своему полному согласию с холстом.

О том же предмете, продолжение

Свет принадлежит к вещественной сфере, но, в отличие от всех других вещей, не является твердым и не движется. Его невозможно собрать в бутылку, запечатать пробкой и убрать на полку; невозможно также обогнать свет, ни каким-либо образом измерить его скорость. Он может быть заслонен каким-либо препятствием или отражен зеркалом, но в остальных отношениях не подвержен влияниям. Если некто будет освещен свечой, находящейся в одном конце длинного коридора, и человек, зажегший свечу, и человек, глядящий на свет, оба отметят на часах время, когда свеча была зажжена и ее свет замечен, то как бы длинен ни был коридор и сколь бы ни были точны их часы, отметки всегда окажутся одинаковыми. Таким образом, можно сказать, что свет не движется, но возникает одновременно во всех местах, возможных для его появления с учетом местонахождения его источника, если он не будет ничем заслонен.

О свете в холсте

Итак, в холсте, где все вещи явлены безвременно и во всех возможных местах, свет собирается наподобие золотой жилы в каменной породе, проходя ее насквозь, и такие жилы составляют нервы холстовика, поскольку *твердый свет* невозможен, а невозможное является условием существования холстовика. Этот твердый свет, при его проявлении в вещественной сфере, некоторые стали называть *Искрой*. Такое имя он получил благодаря тому, что обыкновенно действует лишь в малых масштабах и короткое время, подобно искре от железных опилок, попавших в пламя (в противоположность всепроникающему свету солнца).

О том же предмете, продолжение

Как свет освещает все вещи, на какие падает, делает невидимое видимым и изгоняет тьму, так же и Искра, буде ей придется упасть на обитателя вещественной сферы, может сделать реальной его истинную форму или же очистить несовершенную форму, заменив ее более совершенной, то есть находящейся в большем согласии с волей холстовика, что и означает совершенство. Случись манипулятор холста направить энергию Искры в какой-либо объект, тот может быть принужден принять форму, совершенную в самой себе, и к тому же живую, поскольку Искра являет собой нерв холстовика, а для холстовика свойственна жизнь (даже когда он мертв). Так можно заставить камень дышать и перейти из разряда предметов в разряд организмов, или же организм перейти в разряд микроскопических животных, или микроскопическое животное в разряд обычных животных, или обычное животное в разряд личностей, или личность в разряд призраков, или призрак в разряд ангелов, поскольку такова присущая вещам последовательность. И если может показаться, что такой переход невозможен, то это и должно уведомить разумного человека о влиянии холстовика, ибо мы знаем, что невозможное является состоянием, свойственным для него, и в этом не должно быть никакого сомнения либо неожиданности.

О том, как манипулятор холста заставляет вещественную сферу измениться от возможной и явленной к возможной и не явленной

Это процесс двойкий, и для того, чтобы он произошел, может быть проделана любая вещь или обе из нижеописанных вещей. Можно ли сказать, что человек, владеющий мастерством, изменяет себя так, чтобы перейти в промежуточную сферу, почти полностью подобную вещественной, но на ничтожно малую толику ближе к невещественной сфере, где угодные ему принципы, объединившись, делают приятную ему ситуацию еще лучше прежней? Это вполне может быть, поскольку, используя энергию Искры и зная состояние холста, согласующееся с угодными ему принципами, он может создать в промежуточной сфере отпечаток такого возможного состояния. Или же можно сказать, что он, используя энергию Искры и манипулируя состояниями холста, привлекает из промежуточных сфер в вещественную сферу объекты, из которых составляет предпочитаемую для себя ситуацию, и тем самым воплощает их в вещественной сфере? Верно и то и другое и оба одновременно.

О том же предмете другими словами

Поскольку мы знаем, что холст есть состояние всех возможных вещей, какие существуют, а равно и всех возможных вещей, какие могут существовать, воплощенных в вещественной сфере благодаря энергии Искры в форме воли невозможного организма, который люди называют Богом, или же холстовиком; и также мы знаем, что вещественная сфера чрезвычайно схожа с промежуточными сферами, за исключением некоторых (от ничтожных до очень значительных) частных, и что сознание холстовика действует в нервной сети невозможного посредством энергии Искры, то есть затвердевшего света (и что все эти вещи подобны «магии», как их называют в вещественной сфере, или же чуду), следовательно, некто, манипулируя той частью холста, которая ему больше подходит (например, своими мыслями в том виде, в каком они существуют в невещественной сфере, а также двигая собой как объектом вещественной сферы, то есть телом), может при помощи энергии Искры переместить свое сознание, если он знает, как это делается, в промежуточную сферу, которая будет создана мгновенно, идентичная вещественной сфере, но по каким-либо причинам более соответствующая вкусам манипулятора, либо устроить так, чтобы он всегда был в ней, подменив свой ум другим, новосозданным или всегда существовавшим в том его теле, какое

имеется в этой сфере, и отныне всегда жить в этой промежуточной сфере (с неизбежным в итоге вытеснением его воли волей холстовика, которая разрушит эту промежуточную сферу, вернув ее в вещественную).

О том же предмете другими словами – с рассуждением об основнице

Либо же некто может заменить объекты на привнесенные из более или менее отдаленных промежуточных сфер, и таким образом привести свою магию к осуществлению в вещественной сфере посредством выполнения заклинаний. Именно так вызывают демонов и превращают свинец в золото; однако это вызывает в холсте возмущение, неизбежные последствия которого холстовик, если бы он был жив, попытался бы исправить. И это еще при том, что ни слова не было сказано о сущности, называемой «основница», и действиях, какие может предпринять она, поскольку основа является для холста тем же, чем холст является для сфер, и все, для чего некто не может найти разумной причины, может быть отнесено на счет его неведения относительно основы, недоступной даже восприятию холстовика (исключая опосредованное).

О ясновидении

Ведунья, если она обладает чувствительностью, может провидеть будущее, поскольку связь между промежуточными и вещественной сферами весьма податлива и неопределенна, ввиду чего сферы, которые в большой степени принадлежат к вещественной сфере и лишь отчасти к невещественной, почти не различаются с первой. В таких сферах события разворачиваются во многом в соответствии с волей холстовика, но не вполне, так что прирожденный гадатель может смотреть как назад, так и вперед во времени, или с помощью того же процесса видеть на неестественно далеком расстоянии как внутрь, так и вовне и таким образом знать, что написано в запечатанном письме, или якобы угадывать, какая карта выпадет следующей.

О вещественной сфере и холсте, с рассуждением о промежуточных сферах

Итак, что представляет собой для холста вещественная сфера? Она есть совершеннейший из возможных материалов: одна из возможностей, какие имеются у вещества, и притом наиболее разумная и осмысленная возможность, идеальная возможность, та самая, от которой все прочие возможности разнятся степенью своей вещественности. Прочие возможности – это промежуточные сферы, наделенные меньшей вещественностью и большей невещественностью и требующие энергии холста, чтобы поддерживать себя, уберегая от распада вследствие своей внеразумности и несовместимости с волей холстовика. Некоторые из промежуточных сфер лишь совсем немного отличаются от вещественной сферы, и в них можно обнаружить все тех же людей и вещи, что и в вещественной сфере, но слегка иных (возможно, однажды кто-то из них предпочел пройти несколько иным путем); однако даже небольшое различие может привести к огромному отклонению (так достаточно капли чернил, чтобы вода больше не годилась для стирки белья), и со временем каждая такая сфера отклоняется до неузнаваемости. Поскольку холстовик нуждается в пространстве, чтобы жить и действовать, такие отклонения посягают на пространство, необходимое для его существования, а значит, требуют исправления – и он исправляет их, разрушая и возвращая эти сферы обратно в вещественную сферу посредством своей воли. Ввиду чего, хотя в промежуточных сферах больше магии, они также более недолговечны, поскольку все они рано или поздно вступают в противоречие с какой-либо из потребностей холстовика, после чего, под действием его воли, распадаются, вновь становясь частью вещественной сферы. (Если, разумеется, холстовик не мертв, в каковом случае он не может сделать ничего, ибо делание свойственно лишь живущим.)

О плотности холста

Насколько плотен холст? Поскольку он содержит в себе все возможные вещи и все возможные принципы, размещенные внутри него во всех возможных местах, и поскольку холстовик заполняет собой все оставшиеся зазоры, делая невозможное возможным, мы можем заключить, что холст обладает наибольшей возможной плотностью, ибо если бы это было не так, что бы препятствовало холстовику занять и остающееся пространство? Любая вещь, менее

плотная, чем это для нее возможно, должна согласно закону природы иметь в себе некоторое свободное пространство, и если бы такое пространство оставалось в холсте, это было бы то самое место, где пребывал бы холстовик. Следовательно, в холсте нет ничего, помимо чистой и абсолютной твердости.

О том, может ли холст быть изменен

Как в таком случае можно говорить о подверженности холста манипуляциям, наподобие тех, какими занимаются манипуляторы холста, или как может холст иметь определенные состояния, чтобы запечатлеть их в заклинаниях, ведь нечто, состоящее из всего и обладающее абсолютной плотностью, не способно меняться либо двигаться и может быть описано лишь как нечто единое и твердое? Если нечто обладает абсолютной плотностью и неизменяемостью, не следует ли из этого также его единообразие? Так считают монасты, говорящие, что мир состоит из единого вещества; однако можно доказать, что такое представление ложно, ведь в сферах творится магия, а это требует двух названных выше условий, каковые были бы невозможны, если бы монасты были правы.

О том, как холст может быть изменен

Как же в таком случае возможно, чтобы холст, будучи абсолютно плотным, все же мог подвергаться изменениям? Это становится возможным благодаря времени, которое движет холст, как прилив движет море, а также основе, которая является для холста тем же, чем холст является для сфер. Если представить себе холст как совершенный кусок материи, то основа будет проявляться в том, как этот кусок сложен или свернут или превращен в одежду благодаря искусству портного. Каким образом это происходит, мы никогда не узнаем, ибо лишь холстовик может знать или чувствовать основу. Мы нечувствительны к ней, как нечувствительны и к холсту; но это должно быть так, как описано, ведь для ткани, изготавливаемой на ткацком станке, требуются как продольные, так и поперечные нити. Те и другие необходимы для того, чтобы станок выполнил свою задачу, и если бы не было поперечных нитей, то что бы удерживало вместе продольные? Ничто – таков ответ; и таким же образом без основы ткань мироздания распалась бы, превратившись в кучу нитей –

спутанных, бесформенных, бесполезных. Этим также объясняется то, что холстовик имеет мужской пол (о чем свидетельствует его труп), а основница должна иметь женский, поскольку каков был бы смысл существования одного без другого? Целое состоит из двух противоположных вещей, слитых воедино.

О том, где в холсте пребывают принципы

Если все вещество и вся энергия всех возможных вещей воплощены в холсте и действуют через него и все же холст не принадлежит к вещественной сфере, то где в таком случае пребывают в нем принципы, принадлежащие к невещественной сфере? Ответ гласит, что они располагаются повсюду и проникают во все, исключая холстовика (и то не полностью; но ряд принципов, содержащихся в теле холстовика, тождественны его воле, и никакие другие принципы не имеют туда доступа), поскольку они не обладают измерением, а лишь умозрительно разделены между собой.

О размере принципов

Если допустить, что вещество делимо вплоть до исчезающе малой величины, то даже такой крошечный атом вещества может содержать в себе все возможные принципы, какие только существуют в мире, а также все возможные принципы, какие могли бы существовать, но не были явлены, а посредством холстовика также и все невозможные принципы, поскольку вещь, не обладающая таким свойством, как размер, вовсе не нуждается в пространстве, чтобы в нем пребывать, так что она может пребывать всюду. Ввиду сказанного принципы подобны цвету какого-либо объекта, выражая его, но не содержась в нем. Красная вещь является красной не потому, что она покрыта множеством мельчайших неразделимых красных пятнышек, но потому, что обладает качеством «красного», распознаваемым для глаза. Таким образом, в холсте вещество обладает качеством всех принципов, что, однако, не значит, будто оно обладает ими равномерно, поскольку то, что эти принципы присущи веществу, которое было или могло быть задействовано в любой из сфер, помимо невещественной сферы, приводит к тому, что такие принципы оказываются более свойственны одним местам в холсте, нежели другим.

О принципах, присущих холстовику и являющихся выражением его воли

В тех местах в холсте, где пребывает холстовик, находятся те принципы, что выражают его волю, а все прочие остаются непроявленными. Так холстовик содержит в себе «милость», но не «злобу», которую он отторгает своей волей. Иные говорят, что в этом и состоит источник зла, проявляющегося в вещественной сфере, ибо если холстовик исторгает его из себя, то, следовательно, оно должно в большей степени концентрироваться в тех частях холста, которые не являются холстовиком, и потому дурные мысли, дурные поступки, дурные намерения более присущи остальной части мироздания. Также из сказанного мы можем заключить, что холстовик одновременно и знающ, и несведущ: он знает о том, что ему присуще, и не имеет представления о том, что таковым не является. Более того, его знание относится к тем вещам, которым он желает существовать, но не к тем, существования которых он не желает, и именно так стало возможным его убийство: он не знал того, что было противно его воле, иначе самим тем, что он содержал бы это в себе, он подвергся бы осквернению или вверх бы все сферы в хаос, навязав им согласие с принципами, несовместимыми с его благостью.

О вещах, которые холстовик не содержит в себе, и хаосе, из них проистекающем

Также холстовик не содержит в себе и сочетаний принципов, которые являются пагубными и которые он иначе мог бы, ввиду своего согласия с холстом, осуществить во всех сферах посредством энергии Искры. Из таких принципов, однако, происходят все соперничающие с ним боги, представления и манипуляции холста, ведь поскольку они все же существуют и находятся за пределами его понимания, достаточно лишь небольшого нарушения его концентрации (если его воля задействована в другом месте), чтобы они воплотились, скажем, в вещественной сфере посредством излишков энергии Искры, являющихся, подобно выделениям организма (поту, моче, испражнениям, дыханию), естественным продуктом жизни. С их существованием воля холстовика должна мириться до тех пор, пока он не решит иначе – каковой период, пока он был жив, никогда не длился долго, но теперь, когда он мертв, будет длиться вечно. Таких вещей

становится все больше и больше, и они не перестают прибывать, ибо Искра оставлена без его сдерживающей воли и природные силы во всех сферах впали в неистовство, лишившись его направляющей руки.

О том, где в холсте принципы пребывают больше всего

Как известно, они концентрируются в местах, где вещественное присутствие объектов требует существования принципа. Точно так же, как для движущегося объекта требуется энергия, чтобы двигаться, так и для любой вещи требуется свой принцип, чтобы быть собой; и так же, как вещество в холсте пронизано энергией, оно пронизано и принципами. То же самое можно сказать и по-другому: *принципы* в холсте пронизаны веществом и энергией – как те возможные принципы, что были проявлены, так и те, что еще могут проявиться.

О сновидениях

Та часть человеческого «я», что находит воплощение в вещественной сфере благодаря своему вневременному пребыванию в холсте, имеет в сфере невещественной своего двойника – концептуальную личность, состоящую из всех мыслей и переживаний, какие требуются данному человеку, чтобы воспринимать вещественный мир. Воспринимать – значит использовать нематериальные принципы для ориентирования среди вещества в вещественной сфере, которую в отсутствие принципов было бы невозможно различить и распознавать, ибо человек находит свой путь посредством понимания, а не одних лишь чувств. Ввиду того что время присуще вещественной сфере, но лишь отдаленно знакомо для холста и сферы невещественной, все то, что существует в чем-либо будущем и прошлом, пускай даже неизвестное или не прожитое им к настоящему моменту, тем не менее уже присутствует и доступно в его концептуальном аналоге. При посредничестве холста эти принципы скользят через его ум, ибо ум одновременно представляет собой нечто вещественное, а именно плоть, наполняющую череп (а также, по утверждению некоторых, живот) человека, но также состоит из принципов, являющихся его мыслями. Обычно, пока некто бодрствует, восприятия его чувств достаточно, чтобы затопить эти проплывающие образы, но когда внешние впечатления рассеиваются, как это случается

во сне, ум становится восприимчивым к принципам концептуального двойника, и именно это называется сновидениями.

О призраках

Точно так же как Искра одухотворяет вещество везде, где только его находит, и наполняет его жизнью, то же самое она проделывает и с нематериальными принципами. В холсте если Искра встречается с веществом, то в вещественной сфере зарождается жизнь, а одним из типов жизни является личность. Если же Искра встречает в холсте соответствующие принципы, нематериальный двойник этой личности становится призраком, ибо такова форма, которую принимает жизнь в этой сфере. Вещество с его движениями и видоизменениями имеет определенное воздействие на принципы, появляющиеся в невещественной сфере, и так же его концептуальный аналог в невещественной сфере может воздействовать на сферу вещественную; и когда это обретает вид человека, мы воспринимаем его как призрак (однако, как они сами воспринимают себя и каким образом живут в предназначенной им сфере, этого мы не можем себе представить, поскольку для понимания чего бы то ни было нам требуется время, а в невещественной сфере время, как мы его знаем, отсутствует).

О манипуляциях с холстом

Под этим понимаются изменения в вещественной сфере, вызываемые изменениями в холсте: это способы преобразовать одну вероятность в другую посредством связывания нематериальных принципов с вещественными объектами, и пока жив Бог, он терпит их таким же образом, как человек может терпеть прикосновение насекомого, ползающего по его коже (то есть неохотно и весьма недолго). В конечном счете холстовик всегда вынудит вещественную сферу вернуться к совершеннейшей из ее возможных форм.

Об искажениях холста

Под этим понимаются вторжения в саму форму холстовика путем изменения и разрушения надлежащей структуры холста, так что вещественная сфера естественным образом принимает форму ненадлежащего тела, несовместимого с холстовиком. Именно посредством искажений холста холстовик был убит, а Господа

получили возможность творить свою магию, поскольку в ином случае он бы этого не потерпел.

Благодарности

Как всегда, я благодарю Эмму, а также моих редакторов – Сэма Джордисона и Элоизу Миллар – и Алекса Биллингтона, набравшего текст моей рукописи.

Кроме того, хочу выразить свою признательность Саре Терри за сверку текста и брату Алекса, Марку Биллингтону, за внесенные им предложения.

notes

Примечания

1

В оригинале Joes, то есть в одном имени скрыты Джо и Джо.
(Прим. ред.)

В переводе с *англ.* слово jerky означает «дерганый, движущийся рывками». (*Прим. пер.*)

В переводе с *лат.* означает: «Великое начинается с малого».
(Прим. пер.)

4

В переводе с *англ.* *prissy* означает «чопорный, жеманный»; в данном случае подошло бы «ломака». (*Прим. пер.*)

В переводе с *ирл.*: «Морская гончая». (*Прим. пер.*)

В переводе с *лат.*: «в чрезвычайной ситуации». (*Прим. пер.*)

«Birch» (*англ.*), «bouleau» (*фр.*) – «береза». (*Прим. пер.*)

«Mort Dieu» (*φρ.*).

В переводе с *фр.*: «драгоценными безделушками». (*Прим. пер.*)

«Quincunqve Vult» (правильно «Quicunqve Vult» или «Quicumqve Vult») – первые слова так называемого Афанасьевского Символа веры (известного также как «Symbolum Quicumqve»), означающие «всякий желающий» («Всякий, желающий спастись, должен прежде всего иметь кафолическую христианскую веру»). Этот текст вначале приписывался св. Афанасию Александрийскому, но впоследствии его авторство было поставлено под сомнение. (*Прим. пер.*)

Если быть точным, в переводе с лат. эта фраза означает «Повторение – отец учения». (*Прим. пер.*)

В переводе с *фр.* – «Король Теней», суперзлодей из вселенной комиксов «Marvel». (*Прим. пер.*)

В переводе с *фр.* – «предмет ненависти», дословно: «черный зверь». (*Прим. пер.*)

В переводе с *лат.* – «первичной субстанцией», «первовеществом». Заметим, что понятие первовещества (ἄλειρον) впервые введено древнегреческим философом Анаксимандром. (*Прим. пер.*)